

807086 ✓
П. БРАЙКО, О. КАЛИНЕНКО

ВНИМАНИЕ, КОВПАК!



9(с) 247
587

П. БРАЙКО, О. КАЛИНЕНКО

ВНИМАНИЕ, КОВПАК!



Издание второе, исправленное и дополненное

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ 1975

9(С)27
Б 87

Брайко П. Е., Калининко О. С.
Б 87 **Внимание, Ковпак!** Изд. 2-е переработ. и доп.
М., ДОСААФ, 1975.

482 с., с 42 ил., 43 портр.

Эта документальная повесть рассказывает о боевых подвигах партизан-ковпаковцев. Герой Советского Союза П. Е. Брайко, бывший командир полка партизанского соединения дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака с журналисткой О. Калининко прослеживают судьбы героев на протяжении ряда лет и на конкретных примерах показывают, как день за днем накапливался нелегкий боевой опыт у ковпаковцев, как научились они «малой кровью» вести войну с оккупантами.

Во втором издании книги значительно шире и полнее, чем в первом (1971 г.), описываются: польский рейд соединения под командованием П. Вершигоры, самостоятельный рейд Шальгинского отряда под Броды, боевые действия партизан в тылу немецких армий группы «Центр», которые велись в оперативно-тактическом взаимодействии с частями Советской Армии.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Б $\frac{11202-102}{072-75}$ -29-75

9(С)27

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло уже много лет, как огремел салют победы над фашистской Германией, но мы всегда должны помнить о тех, кто отстоял нашу честь и независимость в борьбе с фашизмом. Учиться у них мастерству боя, беспредельной любви к Родине, мужеству и самоотверженности. Поэтому появление в свет новых книг о народных мстителях, становившихся в строй по зову партии и велению собственной совести, читатель встречает с повышенным интересом.

Книга Героя Советского Союза Петра Брайко и журналистки Оксаны Калининко — ценный вклад в литературу о героических делах советских партизан.

Один из авторов этой книги, П. Брайко, является непосредственным участником боевых операций ковпаковцев. В тяжелой партизанской страде он вырос от командира взвода до командира полка. К тому же он не новичок и на литературном поприще: он и ранее писал очерки на партизанские темы, а в 1971 году издательство «Правда» выпустило в свет его документальную повесть «Женщина и смерть», посвященную боевому содружеству советского и польского народов. По мотивам этой повести был создан телевизионный фильм.

Второй автор, О. Калининко, уже известна читателям по художественной повести «Ответь себе» (издательство «Советская Россия», 1970 год), а также по многим злободневным выступлениям в центральной печати. И хотя Оксане Калининко по возрасту не довелось участвовать в войне, но на основе тщательного изучения документов прошлого, многочисленных поездок по местам былых сражений и встреч с ковпаковцами она с объективных позиций сумела глубоко вникнуть в партизанскую тему, придав описываемым событиям свежесть первооткрытия.

Книга «Внимание, Ковпак!» написана живым, образным языком, талантливо и правдиво, с точным пониманием законов партизанской

борьбы. Авторы широко, на примере ярких человеческих характеров и судеб показали боевые действия соединения Ковпака.

Дважды Герой Советского Союза генерал-майор С. А. Ковпак — личность легендарная. Сразу же в послевоенные годы, по горячему следу исторических событий он опубликовал свои воспоминания «От Путивля до Карпат», где лаконично, но полномерно рассказал о людях, которые наносили сокрушающие удары по глубоким тылам врага. Выступали затем со своими воспоминаниями и другие партизаны, но тема эта еще далеко не исчерпана. В частности, совершенно новым материалом, не выходящим за пределы архивов, является самостоятельно проведенный батальоном, которым командовал тогда П. Брайко, рейд под Броды.

Книга «Внимание, Ковпак!» — произведение документальное. Хронологически точно излагаются здесь события всех семи рейдов, осуществленных под командованием легендарного С. А. Ковпака и затем (после его ранения в Карпатах) под командованием Героя Советского Союза генерал-майора П. П. Вершигоры. Но за простыми, невыдуманскими картинками партизанских будней возникают, благодаря точному отбору фактов и тонкому анализу человеческих поступков, живые самобытные образы народных мстителей. Хорошо показана в книге и ведущая, организующая роль коммунистов, которые цементировали партизанский коллектив своей волей к победе.

Проникновенно написаны психологические портреты выдающихся партизанских вожakov: самого С. А. Ковпака, его преемника П. П. Вершигоры и замечательного комиссара-ленинца С. В. Руднева. От начала и до конца красной нитью проходит через всю книгу тема братской боевой дружбы, скрепленной в тягчайших испытаниях. Жгучая ненависть к фашизму спаяла сложный многонациональный состав ковпаковцев в единое целое.

Наряду с документальной обстоятельностью в изображении боевого прошлого ковпаковцев характерной (и притом весьма удачной) особенностью книги П. Брайко и О. Калининко следует считать то, что они перекинули мосты от прошлого к настоящему. Ведь всякий раз, когда мы читаем новую захватившую нас повесть о подвигах советских патриотов в годы Отечественной войны, у нас непременно возникает один и тот же вопрос: а где теперь эти люди, так полюбившиеся нам?.. И в данном случае авторам удалось удовлетворить этот, вполне закономерный интерес читателей.

Время покрыло головы партизан сединой. Некоторые люди изменились внешне до неузнаваемости. Но все они, прошедшие суровую школу партизанской борьбы, остались молоды душой, остались энтузиастами того дела, которое им поручили партия и народ. И всегда готовы выполнить свой патриотический долг перед Родиной.

Хорошо известно, что действия партизан в степных и малолесистых районах Украины были сопряжены с целым рядом особых трудностей. Отсутствие крупных лесных массивов (где можно было бы на какое-то время укрыться, отдохнуть, пополниться оружием и боеприпасами, устроить на лечение больных и раненых) вынуждало партизан совершать непрерывные маневры. Так родилась новая и, пожалуй, самая активная, рейдовая тактика партизанских отрядов, полностью оправдавшая себя в ходе Великой Отечественной войны.

Протяженность вражеских коммуникаций и положение дел у нас на фронте настоятельно диктовали необходимость всемерного усиления действий народных мстителей в тылу врага. Следуя указаниям Центрального Комитета нашей партии, Центральный штаб партизанского движения через свои республиканские и фронтовые штабы организовал рейды по глубоким тылам противника.

В такие рейды посылались наиболее сильные соединения, наилучшим образом вооруженные, обладающие уже значительным боевым опытом. И можно прямо сказать, что соединение Ковпака занимает особое место в нашей славной партизанской семье как по протяженности маршрутов, проложенных в тылу врага, так и по громадному ущербу, нанесенному фашистским оккупантам.

Ковпаковцы своевременно наносили внезапные, как молния, удары по жизненно важным коммуникациям, питающим фронты немецких армий, именно в том направлении, где наше Верховное Главнокомандование намечало решение очередных стратегических задач. И на художественно убедительных, волнующих примерах авторы этой книги показали, сколь велика была значимость появления рейдовиков в глубоких тылах противника.

Хорошо сказано в книге и о ковпаковской «академии». Это она в жарких боях с захватчиками выковала десятки талантливых командиров и политработников, сотни замечательных военных специалистов. Многие из таких героев, показанные в процессе развития их характера и роста их боевого мастерства, запоминаются надолго. Например, мастер ближнего боя Андрей Цимбал, проявивший себя и отважным командиром, и отличным комиссаром; разведчик Ефрем Берснев («Саша»), выросший затем в великолепного комбата.

Живыми и волнующими получились в этой книге женские образы. Ведь тяготы партизанской судьбы, которые выпали на долю этих простых, милых девчат, были для их хрупких плеч еще страшнее. И, следовательно, тем больше мы восхищаемся мужеством, проявленным разведчицами, медицинскими сестрами, комсомольскими работниками.

Мне думается, вполне закономерно, что наряду с центральными фигурами соединения большое внимание уделяется здесь тем рядо-

вым партизанам и партизанкам, которые воевали под непосредственным командованием П. Е. Брайко, делили с ним трудности партизанской жизни, радости побед и горечи утрат.

Наконец, еще одна существенная особенность книги: серьезной удачей авторов можно считать то, что они доходчиво и просто сумели показать взаимодействие партизанского соединения с частями и соединениями Советской Армии на отдельных этапах решения фронтовых задач. Особенно интересен, с этой точки зрения, последний, Неманский рейд, завершающий всю ковпаковскую эпопею и почти не отраженный в литературе.

Несомненно, эта книга привлечет внимание не только тех, кто помнит события Отечественной войны по собственному боевому опыту, но и тех, кто еще только вступает в самостоятельную жизнь. Молодежь наша встретит на страницах этой книги таких героев, у которых можно учиться беспредельной любви к Родине, преданности идеям Коммунистической партии, боевому мастерству.

В новом, расширенном и доработанном авторами издании эта книга представит собой еще больший интерес.

С. С. БЕЛЬЧЕНКО, генерал-полковник, бывший заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования.

ОСОБАЯ ТАКТИКА

На Сумщине, у зеркальной реки Сейм, стоит древний город Путивль. Тот самый белокаменный Путивль, на стенах которого кручинилась когда-то Ярославна, ожидая храброго князя Игоря из похода на половцев, тревоживших частыми набегами мирную Русь.

А в шести километрах западней города, в пойме извилистого Сейма, на правом берегу, раскинулся сказочно живописный старый лес. Путивляне называют его Спадщина. По-украински это значит — наследство.

Когда в сентябре 1941 года гитлеровцы прорвались к Путивлю, многие жители с оружием в руках ушли в этот лес для борьбы с врагом. Руководили ими председатель городского совета Сидор Артемович Ковпак и председатель районной организации Осоавиахима Семен Васильевич Руднев, ныне известные всему миру.

Спадщина стала для партизан родным домом. Отсюда начали ковпаковцы наносить удары по врагу. Отсюда пролегли их боевые тропы на Брянщину и в братскую Белоруссию, в далекие лесистые горы — Карпаты, а затем — в Польшу и к границам Восточной Пруссии...

В самоотверженной борьбе с фашистскими полчищами, защищая революционное наследие Октября, ковпаковцы тогда не думали не гадали, что здесь, в Спадщанском лесу, под Путивлем, четверть века спустя будет устроен музей их боевой славы. Но народ помнит подвиги своих сыновей. И теперь в самом центре леса-музея высится могучая скульптура партизана, а вокруг этого величественного памятника (в создании которого, кстати сказать, принимал живейшее участие ковпаковец Герой Советского Союза ныне архитектор Семен Тутученко)

прятались бывшие партизанские землянки, реставрированные руками школьников.

В день слета неподалеку от лесного урочища Спадщина, в колхозе имени Ленина, мы встретились с бывшим партизанским разведчиком Алексеем Журовым, который ходил когда-то по приказу секретаря ЦК партии Украины товарища Коротченко за сотни километров в занятый противником Киев.

— Нелегкое это было дело,— вспоминает Журов.— Но за нами, партизанами, стоял весь народ!.. Вот здесь, рядом, в хуторе Зозулинцы, жил замечательный старик Матвей Карташев. Он спрятал меня, когда я убежал из фашистского плена. Сам старик воевать уже не мог: был без ноги, потерял ее, кажется, в гражданскую...— Журов вздохнул и добавил: — Мой батя тоже в гражданскую погиб... Дед Матвей принял меня как родного сына. А когда оставаться в хуторе было уже невозможно, мы пошли с ним ночью в село Спадщину к надежным людям, в семью Соловьевых, которые были связаны с партизанами. Оттуда я и попал к Ковпаку... Да, крепко помогал нам народ!

Мы стояли сейчас на опушке леса, над которым белела громадная скульптура партизана, и, взглянув на Журова, поразились вдруг: высокий, широкоплечий, скуластый Журов (каких на сотню сто парней в отряде, по собственному его выражению) был очень похож на безымянного героя, запечатленного в скульптуре.

— Человек я теперь сугубо мирный,— улыбнулся Журов.— Работаю в совхозе «Победа» под Воронежем. Дела в совхозе идут неплохо. Однако здесь, у путивлян, нам еще многому можно поучиться. Здесь ковпаковские традиции в действии!.. Недаром наши партизанские командиры такие бывалые вояки, как Федот Матющенко твердили всегда: «Хороший командир — это хороший хозяйственник!»

Журов не случайно вспомнил Федота Даниловича Матющенко — одну из самых заметных фигур в соединении. Этот партизан действительно умел и воевать отлично, и работать с умом, по-хозяйски.

Когда возникло опасение, что Шалыгинский район будет оккупирован фашистскими захватчиками, райком

партии предложил Федоту Даниловичу, создававшему в свое время первые колхозы на Черниговщине и Сумщине, остаться на занятой врагом территории для организации партизанской борьбы. Матющенко принял это предложение как приказ. А о том, что он серьезно болен, промолчал: где уж в таком огне лечиться?..

— Та шо тут розказувать? — отнекивался он теперь от расспросов, когда мы заехали к нему в Борзну по старой дружбе.

И все же не утерпел Федот Данилович. Стал вспоминать былое, посверкивая своими серо-голубыми, удивительно блестящими глазами из-под черных длинных-длинных ресниц.

— К двадцать шестому августа я уже все, шо нужно, эвакуировал. Оставшееся разделил. Колхозные коморы у нас в селе Холопкове стояли пустые. Хлебопоставки и мясопоставки я, как голова артели, выполнил еще до войны запасами предыдущего года. Ничего не остался должен государству. Весь урожай сорок первого года, обильный урожай, который мало где на Украине успели убрать толком, разделил между людьми. Угнаны были в глубокий тыл коровы, кони, овечки. Хазяйнувать я-таки трохи вмюю,— переходя на свой родной украинский язык, со скромным лукавством заметил он.— Когда-то считалось Холопково беднейшим селом, из крепостных — не то, что другие украинские казачьи местечки, вроде нашей Борзны, где жили казенные крестьяне. В Холопкове до семнадцатого года было полпроцента грамотных среди взрослых... А потом, знаете, каким стал колхоз?!

И только тут, наконец, мы поняли, почему Матющенко не хотел рассказывать о войне: мирная, трудовая жизнь была для него намного интересней. Храбрый солдат и талантливый командир, он ненавидел войну. Но раз уж враги полезли на нашу землю, он волей-неволей взялся за оружие, защищая свой любимый колхозный строй. А что случались у упрямого Федота порой неприятности по службе, что бросала его судьба с одного места на другое, с одинаковой щедростью награждая благодарностями и выговорами от вышестоящего начальства,— так по этому поводу сам Федот Данилович Матющенко выразился так:

— Приходилось иной раз кое с кем ссориться на работе!.. И если вдуматься в корень всей моей жизненной

свистопляски, воевал я с бюрократами, шкурниками, шаблонщиками, воевал за партийную правду.

Местные шалыгинские власти, хорошо знавшие Федота Даниловича, решили вполне резонно: «Матющенко — человек ершистый, притом изворотливый, и самое подходящее для него дело во время войны — в фашистском тылу поработать! Такой не растеряется в самой трудной обстановке!»

— Так вот, значит, — продолжал свой рассказ Федот Данилович, — когда все уже эвакуировались, надумал и я отправить свою семью в тыл. Подобрал им самую плохую арбу — нарочно такую взял, для маскировки, чтобы никакой нахал не вздумал ее по дороге для своей шкуры «конфисковать». (Тут в глазах у Матющенко мелькнули лукавые огоньки). Посадил ту неважнецкую арбу на шарикоподшипники. Кони тоже были что надо — только с виду неказистые, но такие, что сеять и веять без отдыха могут... Напнул на арбу шатро. Спрятал под то шатро от непогоды троих своих детей и жену. Распрощался со всеми сердечно, а сам, значит, с тридцатью тремя богатырями — в лес, где была заложена наша партизанская база.

Эти тридцать три человека и составили ядро будущего отряда, комиссаром которого уже числился Матющенко. Всех их Федот Данилович знал, будто самого себя, за каждого ручался головой в райкоме и обкоме. Все за ним и за командиром отряда, старым большевиком Саганюком шли беспрекословно.

— Вот так мы начинали!.. — Федот Данилович задумался. — Первые месяцы отрядом командовал Саганюк. Потом его на другую должность перевели, а меня назначили командиром. Да не в том суть, не я один такой выдающийся був... Главное, что одновременно, по соседству с нами — в Глуховском районе — уже разворачивался Кульбака, в Кролевецком был оставлен Кудрявский. Ну, и в Конотопском районе — Кочемазов с моим старым другом, комиссаром Федором Канавцем, — все тем же украинским певучим говором, со скрытой в каждом слове лукавинкой перечислял он. — Вместе, в общем, начинали. Вместе поднимали народ на борьбу. Самое главное — доказать народу на деле, что хваленых фашистских вояк можно бить!.. Можно — хоть и нелегко оно давалось, конечно.

Закурив, Федот Данилович закашлялся. Пепел от резкого, судорожного движения просыпался на костюм — неизменный в любое время года защитный китель с мягким отложным воротничком и брюки, вправленные в сапоги.

— Батальон наш, или лучше сказать Шалыгинский отряд, был в соединении самый, ну, скажем, самый спокойный. Железный был отряд! Не знаю случая, чтобы кто-нибудь из хлопцев подвел!

Матющенко вздохнул, и по лицу его проплыли будто тени от облаков. Так бывает, когда человек вспоминает что-то очень дорогое и горькое одновременно. Вспоминает тех, кого уже давно нет в живых.

— Ну, а если исторически рассматривать, то судьба у нас такая же самая, как и у Путивльского и у Глуховского отрядов. В общем, типично для времени. Мы тогда исходили из выступления Сталина и решения ЦК... Между прочим, — встав и сделав несколько энергичных шагов вдоль садовой скамьи, туда и обратно, заметил Матющенко, — все-таки, вспоминая пройденное, люди законно ссылаются на Сталина, хотя заблуждения он имел. Из истории такое имя не вычеркнешь.

Походив еще вокруг грубого дощатого стола, Матющенко сел на свое прежнее место, в тени старой вербы, и сказал, возвращаясь мысленно к своим шалыгинцам:

— Самым трудным был первый шаг!.. Охотников лезть к черту в зубы находилось немного. Но когда пять человек во главе с голосистым веселым Иваном Манжосом взорвали мост возле хутора Калюжный, что на дороге Глухов — Путивль, и на минах кувыркнулся немецкий танк да еще две бронемшины следом, настроение у всех хлопцев поднялось. В общем, начали мы действовать — начали жить! — заключил Матющенко с удовлетворением.

Через неделю после того как взлетели в воздух тот первый, подорванный партизанами фашистский танк и еще две танкетки, маленький отряд Федота Даниловича встретился в тылу врага с советским армейским батальоном. Вместе заняли они Глухов и начали наступать на Холопково, то самое Холопково, где перед войной был Матющенко председателем колхоза.

— Сыпанули мы там немцам огоньку!.. После того боя, считай, были мы уже обстреляны путно.— Матющен-

ко потер руки, словно до сих пор чесались они при упоминании о настоящем, «путном» деле: — Только жаль было, что армейцы после Глухова покинули нас. Убеждали мы их остаться, но они твердили одно, что им надо прорываться к своим. Оно, конечно, так,.. но фронт откатился далеко, к нему уже не прорвешься. Люди погибнут зря. Здесь же, в тылу врага, действуя по-партизански, такое подразделение, на мой взгляд, могло бы принести гораздо больше пользы. Мы бы сохранили людей для борьбы с врагом! Сама жизнь подсказала нам тогда такую, партизанскую, тактику... Опасная штука — действовать по шаблону! Подумайте, что было бы на свете, если бы вся жизнь человеческая протекала по шаблону? Кто бы мог разглядеть новое, открыть его?..

Матющенко вел сейчас спор с прошлым, приводя в пример один конкретный случай. Но за этим простым примером возникала атмосфера первых месяцев Отечественной войны, когда так нужны были и командирская инициатива, и умение заглянуть вперед.

Федот Данилович был прав, говоря: «Типично для времени». И в соседнем, объединенном Путивльском отряде, которым командовали Ковпак и Руднев, и у глуховчан, которых водил в бой майор Кульбака, успевший многому научиться в войне с белофиннами, и у конотопцев, было много общего. А у Федора Ермолаевича Канавца, комиссара Конотопского отряда, как и у самого Матющенко, лежало, буквально накануне войны, в кармане направление в больницу, — надо же такое совпадение!.. Предстояла Канавцу операция.

22 июня собирался Федор Ермолаевич выехать на райисполкомовской «эмке» в Киев: не давал покоя проклятый аппендицит, приступами замучил. Да куда теперь ехать, какая может быть операция? Война!.. Пришлось про все забыть.

Когда по радио выступал Молотов и над притихшим, по-тревожному многолюдным Конотопом пронеслась страшная весть о том, что армия Гитлера перешла границу, — на рабочий стол предисполкома сразу же легла телеграмма от Наркома Оборонны: «Приказываю выполнить мобилизационный план».

Началась громадная, каждодневная работа — без отдыха и срока. Про болезнь Канавец забыл, только время от времени невзначай хватался за правый бок. (Опера-

цию ему сделали год спустя, в партизанском госпитале, в Москве,—там лечился Федор Ермолаевич после многочисленных боевых ранений).

Первые шаги крохотного, только еще сколачиваемого отряда, куда Канавец был назначен комиссаром, а командиром — районный конотопский прокурор Василий Кочемазов, очень напоминали первоначальные действия шалыгинцев.

В райкоме партии будущим партизанам выдали «допотопный» пулемет и винтовки с отсыревшими патронами. Вражеские самолеты уже кружились с гнусавым шмелиным жужжанием над Конотопом, над Шалыгином и Путивлем. Гитлеровские части были рядом: заняли Буринь, Белополье. А генерал Родимцев, долго и храбро защищавший украинскую столицу, теперь окопался со своей десантной бригадой под Конотопом, однако вынужден был и отсюда отступить.

Первые партизанские костры зажигались среди страшной, черной, как ночь, неизвестности. Но недаром говорится: лиха беда — начало! Оказалось: патроны от трофейного немецкого автомата точно подходят к старенькому пистолету Федора Ермолаевича. И первый бой, когда фашисты, скошенные меткими пулями, потонули в грязи, сразу поднял дух у партизан. А листовки, расклеенные Канавцем в окрестных деревнях, работали так же точно, как пули. Люди сами искали заповедные тропки в отряд...

О том, как это происходило, рассказывает добровольный летописец Конотопского отряда — рядовая медсестра Валентина Дарико:

«Когда началась война, мне было семнадцать лет. Я училась в Воздвиженском сельскохозяйственном техникуме.

Война, война, все она перевернула, сломала все планы...

Дважды я подавала заявление в Ямпольский райвоенкомат, желая уйти на фронт. Но военкомат отказал мне, хотя заявление и печаталось в районной газете.

Соседка моя и подруга по школе Вера Сугоняко тоже не попала на фронт, и теперь мы с ней стали неразлучны. Любопытства и патриотизма было у нас хоть отбавляй. Если начинался обстрел хутора, мы выскакивали из укрытия и бежали смотреть на происходящее, не думая

об опасности. Наблюдали, куда попадают снаряды. Вглядывались в яркие следы трассирующих пуль.

В нашем хуторе Воздвиженске, как нам тогда казалось, была удивительная неразбериха: сначала наши части вроде ушли, потом приехали немцы, потом опять появились наши, потом не стало никого. Мы тогда еще не понимали, что это означает: все плотней сжималось кольцо вражеских войск.

Правление колхоза уже эвакуировалось. Люди, оставшиеся в родных хатах, гадали: что будет дальше, где, в каких селах — немцы, где — свои?..

Война войной, а хлеб убирать надо. И тут появился в нашем Воздвиженске старый партизан Иван Семенович Галушко, — ветеран гражданской войны. Как сейчас помню его лицо — доброе, простое, с веселыми глазами и застенчивой улыбкой.

Все поведение Ивана Семеновича до мельчайшего поступка свидетельствовало о том, что это — настоящий патриот. Он первый в те тяжелые дни начал заботиться о колхозном урожае, об уборке, говоря:

— Если есть хлеб у народа, будет и у нашей армии, а придется партизанить — так и с партизанами будет чем поделиться!

Воздвиженская молодежь во главе с Иваном Семеновичем помогала нашим раненым бойцам, попавшим в окружение. Эвакуировать их было уже невозможно. Мы выносили раненым еду, научились перевязывать их.

Однажды сидели мы с подружками возле конторы. В то тревожное время все держались кучей — горе клонит к людям. Вдруг подходит к нам Галушко и говорит:

— Девчата, вы комсомолки. Значит, нужно помочь нашим бойцам. В поле между селом Гремячкой и нашим хутором Воздвиженском был жестокий бой. Остались раненые!..

Черноглазая бойкая Вера Сугоняко, всегда очень отзывчивая к людям, и теперь откликнулась раньше всех. Она поднялась первой, а за ней пошли Дуся Одарченко и я.

Поздно вечером через овраги добрались мы до места недавнего боя. Теперь здесь, под Гремячкой, уже располагались немцы. Мы подползли так близко к страшному полю, что была слышна гортанная резкая речь чужих солдат. Но наших раненых мы нигде не обнаружи-

ли,— может быть, их успели подобрать свои же люди. На поле боя остались только мертвые.

Здесь же, у самой Гремячки, мы увидели наши армейские подводы с боеприпасами, с запряженными еще лошадьми и четыре станковых пулемета. Разбиралась в оружии у нас одна Вера, которая до войны с увлечением занималась в стрелковом кружке в райцентре.

Теперь по команде Веры мы вытащили тихонько все пулеметы с поля. Перенесли в укромное место много боеприпасов. И все это передали нашему, знакомому всем воздвиженским комсомолкам, батальону, который почему-то опять оказался возле нашего хутора.

Даже тогда, видя, как вертится, словно в заколдованном кругу, этот батальон, мы не понимали еще в полной мере, что значит попасть в окружение врага и как лучше действовать таким бойцам.

Молодой, но очень усталый командир, капитан Васильев поблагодарил нас за боеприпасы:

— Спасибо, девчата! Это не будет забыто...

С этих пор мы стали неизменными помощницами капитана Васильева. Ходили в разведку — в сторону леса и в сторону соседнего хутора Говорунова. Наводывались даже в районный центр — в Ямполь... Везде уже были немцы.

Когда батальон получил приказ отступать, нас вызвали в штаб, который размещался в школе, и капитан Васильев сказал:

— Девушки, вам здесь оставаться нельзя. Может найтись подлец, который укажет на вас пальцем, если село займут немцы. Уезжайте немедленно!

Не задумываясь, собрались мы и вместе с Иваном Семеновичем Галушко на подводе, которую он где-то раздобыл, двинулись за воинской частью, считая ее теперь своей, родной... Но отступить было уже поздно.

За селом Марчихина Буда наш батальон попал в ловушку. Нас с Иваном Семеновичем и обоз успели отправить в эту Марчихину Буду обратно, а батальон принял бой — жестокий и беспощадный.

Живым оттуда не вернулся никто. Какие это были ребята! Много слез мы пролили, оплакивая их.

Тогда мне казалось, что все эти солдаты погибли как настоящие герои, смертью храбрых. Но потом я поняла, что погибли они от незнания партизанской тактики. Му-

жество этих людей, останься они в тылу врага и окажись в руках такого опытного командира, как наш Ковпак или комиссар Руднев, могло бы принести больше пользы Родине.

Да, дорого заплатил наш народ за опыт!..

В Марчихиной Буде остались мы у чужих людей, не зная, что делать дальше. Куда податься?

В то же утро в селе появились немецкие мотоциклисты...

Нас, девчат-комсомолок, в Марчихиной Буде хорошо знали. Могли выискаться доносчики, способные предать тех, кто помогал советской воинской части. Нам надо было куда-то скрыться. Иван Семенович решил уйти в Хинельские леса разведать, нет ли там партизан, а потом уж забрать и нас.

Ждать его пришлось долго. Уже начались холода, деваться было некуда, и мы вернулись домой, чтобы не сидеть в нахлебниках у незнакомых людей.

В хуторе у нас появлялись один за другим окруженцы. Голодные, раздетые (в одном летнем обмундировании), они останавливались, где придется, чтобы как-нибудь пережить зиму. Среди них оказалось немало таких, кто горел желанием связаться с партизанами, вступить в отряд и бороться за Родину.

Возвратившийся из Хинельских лесов Галушко рассказал, что там сосредоточиваются мелкие группы партизан. Ходят слухи: есть еще какой-то особый, большой, постоянно движущийся отряд Ковпака. Вот к нему бы попасть!..

Теперь мы стали встречаться с Иваном Семеновичем осторожней. Он давал нам листовки, — откуда он брал их, мы не знали.

В конце зимы староста и полицаи переписали всех окруженцев, обосновавшихся у нас в хуторе. А однажды Галушко, будто случайно встретив нас у колодца, сказал мне и Вере:

— Девчата, над нами нависла угроза. Вместе с окруженцами взяты на учет и мы.

Это означало: нас могут забрать в гестапо. Слух о нашей помощи капитану Васильеву уже прошел по всему хутору, да еще, как водится, с преувеличениями. Если верить пересудам, так мы не станковые пулеметы подобрали, а пушки со снарядами.

Окруженцы, зимовавшие на хуторе, теперь группами уходили в Хинельские леса.

В начале марта 1942 года Галушко передал нам, чтобы готовились и мы: отправляется из Воздвиженска к партизанам еще одна группа.

Но утром 5 марта партизаны неожиданно появились сами.

Еще сквозь сон я услышала какие-то шорохи и тихие, но радостные восклицания. Потом к нам в хату вбежала Вера, румяная, с горящими, ликующими глазами:

— Валя, Валя! Вставай! Пошли... едут наши!

Я, ничего еще не соображая, выскочила на улицу. Там было полно народа; толпа, как в праздники, от которых мы уже отвыкли за время оккупации. И все люди — радостные, взволнованные — смотрели в одну сторону. А Вера показывала куда-то рукой и повторяла:

— Ну, смотрите же, вот он! Ковпак, Ковпак идет!..

По дороге из Гремячки в наш Воздвиженск двигался длинный обоз: ехали долгожданные партизаны.

Два молодых ковпаковца-пулеметчика со станкачом на санях остановились возле нас:

— Поехали с нами, девчата!

Мы сели, не колеблясь. Только попросили заехать на минутку домой. Дома матери наши пошумели, поплакали, да и отпустили нас с богом.

Когда мы пришли в штаб (он находился в хуторе Говорунове, в двух километрах от Воздвиженска), Галушко и Дуся Одарченко уже были там. По-видимому, Иван Семенович успел рассказать о наших делах, потому что нас с Верой ни о чем не спрашивали, а направили всех вместе, неразлучной четверкой, в Конотопский отряд...»

Теперь, вспоминая первые шаги своего отряда, Матющенко покачал головой:

— Конечно, опыт пришел не вдруг. И не все окруженцы правильно оценили нашу тактику. Но такие «занозы» в тылу врага, как говорит о партизанах маршал Жуков в своей книге, сделали большое дело. Недаром маршал отдает предпочтение командирам, которые, попав в окружение, действовали не по букве устава, а в духе лучших традиций русского оружия, то есть с трезвым учетом ситуации, полагаясь на боевой опыт партизан.

Главное — правильно оценить момент, реальные возможности!.. Конечно, в большинстве своем люди у нас это понимали. Но случалось всякое. Ведь до чего доходило иной раз?! Попадались иногда среди партизан и такие «бдительные», которые не доверяли окруженцам, во всех грехах подозревали. А мы с самого начала дорожили каждой парой солдатских рук: ведь руки эти были на вес золота!.. Почти вся наша молодежь состояла из армейцев, попавших в окружение. Их военные знания нам очень пригодились. Вот и в Путивльский отряд пришло два отделения во главе с сержантами Андреем Цимбалом и Федором Карпенко. Потом появился Василий Войцехович, прятавшийся от фашистов в родном селе и собравший группу из восемнадцати окруженцев... Люди увидели: если воевать с толком в тылу врага, — можно крепко, по-настоящему помочь своей родной армии.

Федот Данилович помолчал, зажигая потухшую папиросу.

— Партизанская борьба требовала особой тактики. Каждый бой вносил свои коррективы. Я, конечно, не теоретик, не стратег, но считаю: нас крепко выручили две вещи... Во-первых, — Матющенко энергичным жестом загнул мизинец на левой руке, — маневр. Мы быстро поняли: в одном лесу много не высидишь, немцы навалятся на горсточку наших людей крупными силами и всех уничтожат. Значит, трэба маневрировать. А тут еще командир соседнего, Глуховского отряда, Петро Леонтьевич Кульбака — настырный мужик — начал прививать нам идею рейдирования. К мнению Кульбаки стоило прислушаться: еще в гражданскую он партизанил, хоть был тогда мальчишкой. А во время войны с белофиннами Кульбака уже командовал батальоном. Словом, имел боевой опыт... Но нам было дано указание, чтобы партизанские отряды действовали только в своих районах, то есть небольшими группами. Для недолгой войны и неподалеку от линии фронта — в насыщенной вражескими войсками зоне — оно, может, и верно. А при длительной оккупации, в глубоком тылу врага, это невыгодно: замораживает стратегические возможности. Так шо я считаю: свобода маневра для партизан — первейшая необходимость!.. А второе и, может, даже главное — это объединение сил! — Матющенко загнул второй палец. — С каждым днем мы убеждались: маленькие группы не могут нанести серьезного

вреда противнику. Надо объединяться!.. Да вот беда: сначала никто никому не хотел подчиняться. Хорошо, что нашелся крепкий человек, объединивший в кулак всех нас — шалыгинцев, кролевчан, глуховчан, конотопцев. Это сделал Ковпак вместе с комиссаром Рудневым. Они всем нам показали пример, слив два своих отряда в объединенный Путивльский отряд. Первого февраля сорок второго года в селе Высоком состоялся митинг, посвященный объединению партизан. Снег летел густыми хлопьями, но все бойцы стояли без шапок... Памятный час! С того часа соединение стало грозой для фашистов. Уже двадцать седьмого февраля мы крепким своим кулаком, по-настоящему показали оккупантам, на что способно наше ковпаковское соединение. А вскоре произошел и веселовский бой! Правда, тогда был ранен наш комиссар Руднев, очень мы переживали. Но Домникия Даниловна, жена его — спасибо ей — поставила комиссара на ноги!..

Ковпаковцы помнили, как привезли Домникию Даниловну в соединение из села, где она пряталась с младшим сынишкой от гестапо. Федор Горкунов с Михаилом Федоренко и старший сын Руднева, семнадцатилетний Радик — гордость отца — втроем на санях с пулеметом промчались через занятое противником село, строя расчет на том, что каратели, сидящие в засаде у околицы, наверняка пропустят их к себе в мешок как разведку. Партизаны быстро помогли Домникии Даниловне собраться, осторожно предупредив ее, что Семен Васильевич ранен и нуждается в ее уходе. Одели потеплей младшего сынишку Рудневых — Юру, который вместо первого класса школы пошел в отряд постигать азбуку суровой партизанской жизни...

А потом еще сколько всего было!

Сколько пройдено! Пожалуй, дождей прошумело меньше над нашими головами, чем боев. Но до сих пор помню каждый бой. Помню каждый клочок земли, где сражались. Вот мы с Кульбакой недавно даже в Белоруссию ездили — в Тульговичи и Кожушки. Толковый был у нас там бой!..

Да, о тульговическом бое вспоминает Матющенко не случайно. Было это в середине мая 1943 года. Фашистское командование пронюхало, что в междуречье Днепра и Припяти собрались со своим войском четыре пар-

тизанских генерала: Ковпак с комиссаром Рудневым, Сабуров и Федоров. Оккупанты решили накрыть их там. В ставке Гитлера был срочно разработан план операции под названием «Мокрый мешок». Сам генерал Хойзингер, начальник оперативного отдела генерального штаба вермахта, занимался этим делом.

Сабуров и Федоров своевременно двинулись за Припять. А ковпаковцы не могли уйти: они только-только оборудовали себе аэродром и должны были отправить на Большую землю тяжелораненых и получить боеприпасы. Когда же, сделав это, соединение двинулось на север, было уже поздно. Несколько гитлеровских дивизий, спешно снятых с фронта, с танками, артиллерией, при поддержке авиации ринулись в наступление с рубежа железной дороги Гомель — Калинковичи. Блокируя партизан с запада и востока по рекам, оккупанты решили ударом с севера зажать их в междуречье и уничтожить.

Соединение Ковпака оказалось в критическом положении. Дед Ковпак был вынужден вернуться на исходный рубеж, в район села Кожушки. Оставалось одно — прорываться на запад через Припять.

Посоветовавшись со своим комиссаром, командир соединения приказал Путивльскому отряду строить наплавной мост (для такого случая партизанские саперы постоянно возили с собой два стометровых металлических троса). Остальные отряды, заняв оборону на дальних подступах, должны были не допустить противника к месту переправы.

Всей обороной руководил Руднев. Кадровый офицер, вынужденный оставить службу по состоянию здоровья, комиссар имел не только профессиональные знания, которые дала ему академия. Он навсегда сохранил страстную любовь к родной армии и неустанное стремление совершенствоваться в своем деле. Еще служба в Севастополе, а затем на Дальнем Востоке, в Де-Кастри, он многое позаимствовал от своих друзей-специалистов по строительству фортификаций. И теперь комиссар охотно вкладывал весь свой опыт в общую тактическую «копилку», став незаменимым советчиком деда Ковпака.

Василию Войцеховичу, который уже был помощником начальника штаба соединения по оперативной части, поручили координировать действия подразделений, участвующих в обороне Тульговичей.

К вечеру Руднев, еще слабый после ранения (у комиссара в веселовском бою были прострелены щеки и задета гортань), отправился на командирскую рекогносцировку. Захватил с собой, разумеется, Войцеховича, а также Кульбаку с его начальником штаба Лисицей и Федота Даниловича Матющенко, которым выпало на долю сыграть особо важную роль в предстоящей партизанской операции.

— Какое же наиболее вероятное направление удара? — спросил Войцехович, оглядывая равнину. — Враг может наступать из Ломыша, из Буды, из Гноева... Но все эти дороги сходятся в Тульговичах. Значит, Тульговичи ему не обойти. Посмотрите: на юг от Тульговичей аж до села Ломачи тянется открытая песчаная равнина, нигде ни кусточка. Отступать по ней невозможно. Тут, в Тульговичах, надо или выстоять, или умереть в бою!..

С этим никто не спорил. План был разработан быстро.

Основной удар немцы нанесут вдоль Припяти, из Юревичей на Тульговичи и Кожушки, где местность позволяет применить танки. Здесь и должны были стать стеной Шалыгинский и Глуховский отряды. В помощь им Ковпак выделил даже свой резерв — 76-миллиметровую артбатарею майора Анисимова. Ответственным за оборону на этом участке назначили Федота Даниловича Матющенко.

Выслушав приказ, Федот Данилович прикинул: «У немцев только в первом эшелоне три полка пехоты, танковый полк и полк тяжелых минометов. У нас с Кульбакой по триста человек, всего шестьсот. В общем, батальон и одна батарея. Если не удастся обмануть врага, вряд ли устоим...» Но об этом Матющенко не обмолвился с командиром ни словом. Решил любой ценой узнать, когда немцы пойдут в атаку. Он тут же послал своих лучших разведчиков Глебова и Иванова за «языком». А сам с Кульбакой опять отправился на рекогносцировку местности.

Облазив с другом все бугорки, канавы и лесные опушки, Матющенко сказал:

— Если до рассвета не зароемся в землю — передуют всех! Строить оборону трэба не на окраине Тульговичей, а вынести ее вперед метров на двести, подковой — хай нимци залезут в этот капкан сами. И замаскируемся так, щоб ни одна собака не заметила.

А видимость должна быть такая, будто мы думаем драться в селе... Согласен?

— Согласен,— ответил Кульбака мягким высоким голосом, не соответствующим его могучей фигуре...

Так и сделали: До трех часов ночи успели не только зарыться в землю, но и замаскироваться, что было особенно важно. Батарея майора Анисимова развернулась за лесом, на закрытых позициях и была неуязвима для противника. Артиллеристы успели даже пристреляться и провести телефонную связь к командирам отрядов.

Перед рассветом предусмотрительный Матющенко приказал людям поспать два часа. Атаку ждали к семи утра. Разведчики поработали неплохо.

Ровно в семь показались немецкие танки с автоматчиками на броне. Партизаны молчали... Матющенко строго-настрого приказал не открывать огня: пусть гитлеровцы войдут в ловушку, напичканную противотанковыми минами. И только когда танки начали взрываться на минах, заговорили и партизанские пушки. Они зажгли одну за другой четыре немецкие машины. Затем дали беглый огонь шрапнелью по автоматчикам. Через пятнадцать минут все стихло.

Лишь одна пятнистая машина продолжала вертеться на месте. Чтобы не рассекретить себя прежде срока, Матющенко с Кульбакой терпели ее бешеные виражи, пока подбитую машину не утащил немецкий тягач.

Потерь у партизан не было.

В восемь началась вторая атака. Шло девять танков врага. Испытанная в боях отрядная пушчонка, стоявшая отдельно возле речки, открыла лихорадочный огонь. На нее сразу накиннулись три вражеские машины.

Через каждые десять — пятнадцать минут командир орудия Михаил Москаленко менял позиции.

Пока били только партизанские ПТР и сорокапятки, немецкие автоматчики усиленно рвались вперед, видно, не знали еще, как встречают ковпаковцы вражескую пехоту. По обыкновению, ее подпустили поближе, сжав собственные нервы в кулак.

Недавно назначенный командиром роты Никифор Машин находился в самом опасном месте. Молчаливый и выдержанный, как все сибиряки, Машин даже бровью не повел, когда фашистские автоматчики приблизились к окопам.

— Пока — не стрелять! — спокойно предупредил он своих бойцов. И выждав наконец подходящий момент, чтоб разить наверняка, дал негромко команду: — Огонь!..

Ряды эсэсовцев дрогнули, смешались и рассеялись, будто смытые незримой волной. Теперь бойцы Машина строчили уже по удирающим из автоматов, из ручников. А дальше — там, куда не доставал их огонь, отступающих фашистов косил пулемет, ловко пристроенный ковпаковцами на геодезической вышке...

Тем временем Путивльский отряд соорудил мост. Несколько рот уже перебравшись на западный берег. Пришел срок оставлять оборону и остальным отрядам, — спешить на переправу. Но заметь каратели отход партизан, они бросились бы на танках следом и могли бы еще раньше оказаться у реки.

Матющенко схитрил и тут: только с наступлением темноты он увел оба отряда к хрупкому канатному мостику, оставив на линии обороны веселого чернобрового Чертка и еще пару кавалеристов, которые всю ночь швыряли в небо ракеты для отвода глаз.

Утром, когда соединение оказалось уже на западном берегу многоводной Припяти, немцы возобновили наступление на вчерашнюю партизанскую оборону. За мощной, длительной артиллерийской подготовкой последовала атака... И тут только фашисты поняли, как ловко их одурачили. Они бросились к реке, но ковпаковцы как в воду канули. Потеряв около полутора тысяч солдат и офицеров, более десяти танков и бронемашин, немцы за эти сутки так и не увидели ковпаковцев.

Оценивая своеобразный бой в «Мокром мешке», секретарь ЦК Компартии Украины Демьян Сергеевич Коротченко, находившийся в то время у Ковпака и сам не раз участвовавший в схватках с врагом, сказал на тактическом разборе:

— Форсирование вашим соединением такого крупного водного рубежа, как Припять, можно по масштабу смело приравнять к любой армейской операции!

И в самом деле: боевые действия ковпаковцев развернулись тогда на шестидесятикилометровом фронте, хотя обороняли этот широченный участок, на который навалилось столько немецкой техники, всего тысяча человек — три маленьких партизанских батальона. Матющенко об этом сказал просто:

— Техника — техникой, а искусство — искусством. Оно в военном деле кое-что значит!

Федот Матющенко владел этим искусством. Он мог не только стоять насмерть. Он умел, если надо, обвести противника вокруг пальца... Однажды, уже на Станиславщине, когда Ковпак, опять обнаруженный вражеской разведкой, стремительно уходил со своими отрядами в лесистые Карпаты, соединению прямо на марше преградил путь 4-й эсэсовский полк. Колонна остановилась, Матющенко вызвали к командиру соединения.

— В Рассульной полк немцев, — сказал дед Ковпак, озабоченно скребя бороду. — Черт его знае, звидки вин взявся на мою голову? Обойти его нельзя... — И, подумав, ткнул пальцем в карту: — Ударите сюда с Давидом Бакрадзе. (Он имел в виду командира 9-й роты головного Путивльского отряда). С двух сторон. И уничтожьте тот эсэсовский полк.

— Приказ драться — принимаю. А уничтожить физически не берусь: боеприпасов почти нет и людей мало, — ответил Матющенко.

Ковпак промолчал: в глубине души он был согласен с командиром Шалыгинского отряда и в то же время знал, верил — хитрый Федот и его упорный, нестигаемый комиссар Фесенко, умеющий словом зажигать людей, справятся, найдут выход.

Сейчас, вспоминая об этом случае, Матющенко сказал:

— Цэ с нашей стороны был большой риск. В полку у немцев, по данным пленных, было две тысячи сто человек, да еще артиллерия, танки и прочее... У нас же с Давидом Бакрадзе в тот момент насчитывалось менее четырех сотен народу. Но мы внезапным налетом уничтожили противника в Рассульной, кроме тех фрицев, что засели в каменной школе. Слишком уж крепкая была защита — эти толстые стены.

Роты Матющенко, окружившие каменное здание школы, задержались, добывая остатки вражеского гарнизона. «Трэба их ликвидировать!» — сказал партизанам Федот Данилович. Тут роты и застал рассвет. Дело оказалось серьезней, чем предполагали... А Давид Бакрадзе, не зная об этом, бросился догонять колонну соединения.

Надо было немедленно исчезать и ротам Матющенко. Но куда? До крупного лесного массива, куда ушло соеди-

нение, отряд к утру уже добраться не успеет. А в Расульну спешил на машинах свежий немецкий полк. Федот Данилович глянул на карту. Метрах в трехстах от села значилось какое-то болотце с кустарником, площадью гектара четыре. «Это, может, и к лучшему,— решил он.— Вряд ли немцы будут здесь искать партизан». И рискнул скрыться там с отрядом. Замаскировать след помогла отара овец, прошедшая за колонной.

В этом крохотном лесочке и просидел со своим отрядом Матющенко весь день не шелохнувшись. Коней до ночи пришлось держать в намордниках, чтобы не ржали... А немцы и не догадывались, что партизаны рядом. Напрасно эсэсовцы рыскали по всей Станиславщине, ища ветер в поле.

Способность оставаться незримым для противника, умение маневрировать и железная выдержка особенно пригодились Матющенко, когда соединение Ковпака было окружено в Карпатах более чем пятидесятитысячной армией генерала Крюгера. Тогда каждому отряду пришлось пробираться сквозь сеть вражеских ловушек, чтобы вырваться на равнину и снова соединиться в партизанском крае — в Полесье. Матющенко единственный вывел свой отряд без потерь, сохранив все вооружение.

— Потом, после Карпат, я уехал в Киев на партийную работу — разрушенное хозяйство поднимать... А отряд передал нашей командирской смене, которую мы за эти годы вырастили,— с гордостью произнес Федот Данилович, как бы подводя итог этому незабываемому периоду своей жизни.— Повоевал досыта! Трэба було и комусь похазяйнувать.

В Киеве Федоту Даниловичу сначала предложили учиться в военной академии, но он отказался: не хотел становиться кадровым офицером. Военное дело было для него не профессией, а только необходимостью, «когда беда припрет»... Тянуло его к земле — в поле, колосющееся пшеницей, как тянет птицу небо.

— А тут еще, будто нарочно, приехали мои люди из эвакуации,— рассказывал нам Матющенко.— Привезли все наше колхозное богатство — дорогих швицких коров. Стало у нас уже два эшелона скота — еще больше, чем до войны было... И два счета: на миллион семьсот тысяч — текущий, а на миллион сто тысяч — капиталовложения. С такими деньгами хазяйнувать можно... А мне на

всю эту мою колхозную лирику говорят: — В Холопкове есть уже человек, работает председателем. Вам другая работа предстоит.

Предложили тогда Федоту Даниловичу работать секретарем райкома в Кролевце. Взялся Матющенко за дело, как всегда, горячо и с толком. Через год Кролевецкий район вышел на первое место в области.

Потом Федоту Даниловичу пришлось возглавить Конотопский райисполком и вместе со своим боевым побратимом Федором Ермолаевичем Канавцем — секретарем райкома — восстанавливать хозяйство здесь. А когда ЦК партии призвал партийные органы укрепить руководство колхозов, Матющенко сам попросился в село. И провожая своего ершистого товарища на новый трудовой подвиг, Канавец (хоть и досадовал немножко, что самому теперь работать станет потрудней) признал с гордостью:

— Все же, Федот, хоть не раз мы с тобой по всяким вопросам в стычки вступали, а служили одному делу беззаветно. Не посрамили земли родной. Вместе выдержали и страх, и голод. Кровь свою пролили, ничего для народа не жалея!..

Так попал Федот Данилович снова в родное Высокое, где создавал много лет тому назад — еще до того, как судьба забросила его в Холопково — первый комбед и первую артель.

— Хоть свет я-таки повидал, а все же лучше места, чем родное поле, для меня нет! — убежденно сказал он. — Просторы я очень люблю, воздух вольный... А главное — очень уважаю труд тех людей, которые кормят весь наш народ, хлеборобов, то есть. Страсть у меня к земле, вот в чем корень всей моей жизни.

Сейчас Матющенко на пенсии. Живет в старинном казачьем местечке Борзна, в родном своем районе.

— Заделался пенсионером. Солнце, думаю, мне светит, яблони буду садить, — посмеиваясь, рассказывает он, с гордостью показывая нам зеленую, всю заросшую кудрявыми садками Борзну. — Вроде оно хорошо и спокойно, а все чего-то не хватает. Не могу без работы! Вредно мне сложа руки сидеть... И тут появился у нас в Борзне новый секретарь райкома. Подкупил он меня своим умом, дальновидностью своей! Уговорил такого старого лиса, как я, пойти работать в собес... Сидеть бы мне

дома да отдыхать на пенсии, как моя старуха Елисеевна. Но я в новое дело втравился: подсунули мне одиннадцать тысяч неоформленных пенсионных дел — и каждому какой-нибудь справки не хватает. Раньше колхозники пенсию не получали. Словом, все сначала начинай. Но нужное это дело, государственной важности — старого хлебоборода на заслуженный отдых определить!.. Так вот и живу. А поскольку я теперь часто нахожусь в обществе старых дедов, то и сам по их примеру подумываю: что значит правильную жизнь прожить? Так ли я все делал, как надо? Что хорошего людям оставил? Было все же: кому помог на ноги стать, кого драться подучил, когда война приперла. Не боялся я никакое дело сызнова начать... Вот только гулял я на своем веку дуже мало. И вдруг решил: надо мне шестидесятилетие отпраздновать. Дата все-таки круглая. Целых три года собирал свои копейки на это мероприятие — захотелось пригласить товарищей по оружию в нашу Борзну. Помогал мне все устраивать директор школы-интерната. Понаехало тогда около трехсот наших партизан. Даже сам дед Ковпак был. Всех не перечесть!.. Когда начался этот партизанский сабантуй в школе-интернате, представьте, чуть не вся Борзна собралась. Одних посадочных мест, как выражаются официантки, оказалось четыреста пятьдесят, еще и стояли некоторые люди... Разгулялись, в общем, широко, по-партизански. Есть по крайней мере что вспомнить!

Тут жена Елисеевна, неизменно следующая за ним всюду, не выдержала и сказала:

— Люди себе квартиры хорошие в кооперативных домах строят, а тебе ничего не надо. И не пьяница, а без гроша в кармане. На что другое можно было те деньги пустить.

Но Матющенко был непоколебим в сознании своей правоты:

— А боевых друзей повидать — разве не важно?.. Разве ты знаешь, кто сколько лет проживет еще на этом свете? Самое главное — люди, дружба наша, дела общие. А всякие там квартиры, удобства всякие — цэ все такэ... проходящее. Не самое главное, — успокаивал он ее.

И в добрых усталых глазах старенькой Елисеевны заблестели смешинки:

— Твоя правда, Федог!.. Ну что для нас та паевая

квартира? Мелочь. Дадут тебе еще квартиру. Беспременно дадут! Иначе быть не может.

— Повезло мне,— вдруг совершенно серьезно сказал Матющенко,— что жинка у меня такая сознательная. До войны насобирал я грошей, как який-нибудь капиталист. Премии за хорошую работу колхоза пошли... Сто двенадцать тысяч на книжке, сто четырнадцать облигациями. Все пожертвовал на оборону с согласия жены! Так что воевал я своими грошами...

— Да что те деньги по сравнению с человеческой жизнью? — вздохнула Елисеевна.

Матющенко нахмурился, сведя в одну суровую линию колючие брови.

— Народ все отдавал... Себя не жалели. Это верно! — наконец проговорил он.— Взять хотя бы Андрея Цимбала: сколько раз был прошит пулями хлопец, а как дрался! Подпустит Андрей, бывало, немецкую колонну на двадцать метров — и крошит в упор! Бил врага только в походном строю, не давая тому даже оцетиниться... В общем,— типично для нашего соединения. Особая, хитрая тактика — ковпаковский боевой почерк...

И опять умолк Федот Данилович, вспоминая бесчисленные бои, что словно вешние грозы пронесли над его головой... Да и как забыть человеку то, во имя чего затрачено столько сил? Ибо само возникновение первых рейдовых отрядов на Сумщине — дело рук Федота Даниловича Матющенко и других таких же, как он оставленных партией энтузиастов, хозяев своей родной земли.

МАСТЕРА БЛИЖНЕГО БОЯ

Андрей Калинович Цимбал, которого даже придирчивый Матющенко считал одним из самых талантливых молодых партизанских командиров, пришел к Ковпаку из окружения с целым отделением разведчиков бригады полковника Родимцева.

Поняв, что прорываясь к фронту, он только зря погубит всех своих людей, Цимбал решил действовать в тылу противника. Ведь и здесь, на оккупированной территории, можно остаться солдатами Родины, если воевать с толком, умело...

Впрочем, опыт пришел не вдруг.

Война захватила Андрея Цимбала под Киевом. Когда передовые эсэсовские дивизии прорвались к столице Украины, намереваясь с ходу влететь на Крещатик,— под Голосеевским лесом их встретили десантники полковника Родимцева. Три психические атаки предприняло фашистское командование, ухлопало несколько отборных дивизий, но Киева тогда оккупанты так и не взяли. Пришлось им даже километров на десять откатиться назад.

Андрей торжествовал. Торжествовал впервые за два месяца войны. И ждал, что вот-вот поступит приказ о переходе в наступление. Но бригада получила команду отходить...

В сентябре месяце в районе Конотопа и Путивля, куда к тому времени опять успели прорваться немецкие части, полтора десятка разведчиков бригады Родимцева во главе с двумя сержантами — Цимбалом и Карпенко — оказались отрезанными от своей части. Измученные бессонными ночами и непрерывными стычками с врагом, разведчики под Путивлем заскочили в лес. Решили немного передохнуть, потом снова пробираться к своим.

— А вдруг не пройдем? — спрашивали солдаты. — Что тогда? Ведь кругом немец!

— Как это не пройдем? — сердился Цимбал, а потом уже спокойней добавлял: — Не пройдем, тогда здесь будем колотить фашистов.

Приученный на границе, где он служил действительную, решать сложные задачи самостоятельно, Андрей стал все чаще подумывать о боевых действиях в тылу врага. А тут еще от крестьян лесной деревни Спадщина он услышал, что в районе начали действовать партизаны. Короткие ночные перестрелки и глухие одинокие разрывы подтверждали этот слух.

Солдаты Андрея Цимбала почти каждый день приносили новые вести: то взлетело в воздух несколько немецких машин на дороге, по которой недавно прошла большая колонна войск, то подорвался танк... Было ясно: кто-то свой действует рядом.

Цимбал, который прежде не раз по заданию полковника Родимцева ходил со своим отделением в тыл врага и уже имел кое-какой опыт в этом деле, видел: можно бить противника и здесь, на захваченной земле. Но жители Спадщины, куда сержант Цимбал наведывался по ночам за продуктами, предупредили:

— Ты, парень, со смертью не шути, веди себя в лесу поосторожней. Охотников там больно много развелось. За вашим братом, солдатом, охотятся. Лесник здешний — сволочь, доносит в жандармерию Путивля на всех подозрительных.

Такой сосед был, конечно, ни к чему Цимбалу и Карпенко. Посоветовавшись со своими ребятами, они решили покончить с предателем.

Как-то раз Андрей Цимбал и Федор Карпенко, отдыхая с товарищами в лесу после долгих и тщетных попыток найти выход из окружения, увидели на заросшей папоротником тропе старика. Он шел с палкой, припадая на одну ногу, и внимательно разглядывал все вокруг. В лице его (это почему-то сразу бросилось всем в глаза) не было и тени настороженности. Казалось, он разгуливает по собственной усадьбе, любуясь яркими красками осени.

— Ишь, какой хозяин! — со злобой пробормотал Цимбал сквозь зубы. — Возьмем его в кольцо.

Притаившись в густом кустарнике, разведчики подпустили старика вплотную. Андрей первый выступил из засады, держа в руке пистолет. Карпенко стал рядом с товарищем.

— Шо вам, хлопцы, от меня трэба? — миролюбиво спросил старик.

— Ты-то сам, почтеннейший, и нужен нам!.. — Карпенко, менее сдержанный, чем Андрей, сунул пистолет прямо под нос «леснику».

Тот усмехнулся. Взгляд его показался солдатам издевательским. В действительности же Ковпак, которого Андрей и Карпенко приняли по недоразумению за лесника, с интересом изучал их. Коренастые, подтянутые, по-охотничьи ловкие, оба сержанта совсем не были похожи на покоровившихся людей, готовых сдаться на милость победителя.

— Гм!.. Так, значит, вы тут лес контролируете? — Твердый, чуть озорноватый взгляд старика так и сверлил Андрея.

— Да что с ним, предателем, долго рассусоливать?! — стараясь не смотреть в эти притягивающие, по-цыгански черные глаза, крикнул Цимбал. — Быстрее кончай, Федя!

— Вы эти пушки из-под моего носа убэрить, у мэна тоже така имеется. Я вот свистну своим хлопцам, так от

вас мокрое место останется.— И вынув из кармана маленький пистолет, старик крикнул грозно, низким сильным голосом: — Кого пугаете, сопляки? — Я — командир партизанского отряда!

— Кто? Командир? — иронически улыбнулся Цимбал.— А где же тогда твой отряд? А, дед?

— Отряд?..— Полные озорства глаза старика заискрились.— Вот вы и будете моим отрядом.

— Ловкий ты, дядя! — проговорил Цимбал и все же вложил свой пистолет в кобуру. (В душу его уже закрадось сомнение — лесник ли перед ним? Уж слишком смело вел себя этот старик).— У нас — свое командование. Мы солдаты,— перешел он на дипломатический тон.

— Одобряю. Только немцев можно добрэ быты и тут, в тылу, если вы настоящие вояки!

Дед Ковпак понял, что имеет дело со стоящими ребятами, случайно оторвавшимися от своей части, и решил взять их к себе в отряд, зная, что линию фронта им уже не перейти.

Так разведчики Родимцева оказались у Ковпака. И все-таки Цимбал и Карпенко с солдатами не сразу признали Ковпака своим командиром. Лишь через несколько дней, когда в Спадщанском лесу собралась вся ковпаковская гвардия — около тридцати человек, ядро будущего соединения; когда голодным окруженцам показали землянки с ящиками масла и сахара, с бочками варенья и ветчины; когда ребята послушали рассказы старых партизан о гражданской войне,— они убедились окончательно: вот те бывалые люди, с которыми можно плечом к плечу развернуть настоящую народную войну в тылу врага.

С этого дня жизнь Андрея пошла по новой, партизанской дороге.

...В октябре в Спадщанском лесу появился со своими людьми и Руднев. Отряды объединились. Ковпак стал командиром. Руднев сам выдвинул его кандидатуру, высоко ценя боевой опыт Сидора Артемовича, полученный еще в гражданскую войну, у Чапаева и Пархоменко. Ну, а лучшего комиссара, чем Руднев, который еще юношей участвовал в штурме Зимнего и кончил Военно-политическую академию имени Ленина, деду Ковпаку было не найти.

Личный состав разделили на оперативные группы —

роты. А сержанта Цимбала, который сгоряча чуть было не застрелил деда Ковпака при первой, нескладной встрече, приняв его за лесника-«оборотня», Сидор Артемович, не тая зла, сам предложил назначить помощником командира 2-й роты. Подписывая приказ, еще и подмигнул Андрею.

В марте 1942 года, хорошенько нагнав страху оккупантам на Сумщине, Ковпак решил уйти в Брянские леса. Там он надеялся укрыться на время от преследований карателей, вцепившихся в него, как волчья стая.

Ковпак хотел дать отдых людям и лошадям, а самое основное — пополниться боеприпасами. В непрерывных боях с противником были израсходованы почти все снаряды, мины, патроны. А в Брянском лесу, по данным партизанской разведки, лежали под снегом съедаемые коррозией минометы, пушки; целые штабеля ящиков с патронами, минами, снарядами, даже вагон с топокартами. Имущество это оставила наша 13-я армия, попавшая в окружение еще в сентябре 1941 года.

К весне под началом деда Ковпака сражалось уже пять отрядов (около тысячи человек). Лихой Ковпак был хорошо известен не только населению Сумщины, но и оккупационным властям всей Украины.

Расположились ковпаковцы в знаменитой Старой Гуте, ставшей потом партизанской столицей. Неделю или две противник ближе чем на полсотни километров не показывался. И вдруг вечером 1 апреля партизанские заставы из прилегающих сел доложили: деревню Жихов занял батальон гитлеровцев.

Прочитав донесение, комиссар Руднев вскипел:

— Сидор Артемович! Этого мы допустить не можем! Сегодня они заняли Жихов, а завтра ползут на наши заставы. Если мы хотим сохранить инициативу в своих руках, надо завтра же уничтожить этот гарнизон! Чтобы немцы и духу нашего боялись!

Ковпак молча сидел за столом, склонясь над топокартой, что-то прикидывал в уме. Потом сухо крякнул, почесывая свою маленькую, клинышком, бородку:

— Да, придется громить.— В его глазах появился холодный, стальной блеск, не суливший ничего хорошего оккупантам.

На следующую ночь, перед рассветом, партизанские роты окружили Жихов со всех сторон, ожидая сигнала атаки.

Конотопский отряд занял исходный рубеж с восточной стороны. Темноту разорвала вспышка зеленой ракеты. Конотопцы бросились в село... Испуганно и нервно залаяли вражеские пулеметы. Перекликаясь, многоглаголю застучали со всех сторон партизанские «дегтяри». Потом, словно выбивая чечетку, застрочило несколько автоматов, заухали глухие взрывы гранат в самом центре деревни.

«Как будто драка у школы. Кто же успел туда раньше добраться?» — недоумевал комиссар отряда Федор Ермолаевич Канавец, перебегая от дома к дому со своими бойцами. В школе — это было хорошо ему известно — располагался вражеский батальон со штабом. И атаковать его первым должен был именно Конотопский отряд: школа находилась ближе к восточной окраине села. Федор Ермолаевич стал поторапливать роты. Вдруг стрельба впереди утихла так же внезапно, как и вспыхнула. Лишь изредка хлопали одиночные выстрелы. Потом прекратились и они.

Когда роты выскочили к школе, было уже почти светло. На школьном дворе толпился вооруженный народ. «Свои», — понял Канавец. И как бы в подтверждение этой мысли услышал звонкую команду:

— Вторая рота-а, строиться!

Стало ясно по голосам, что это путивляне.

Из-за здания школы появился в своей неизменной танкистской кожанке и с немецким автоматом на плече ротный, капитан Замула, тоже окруженец, пришедший к Ковпаку с отрядом Руднева.

— Как вы сюда попали, братцы? — спросил Канавец, вытирая рукавицей свою гладко выбритую голову.

— Очень просто, — Замула улыбнулся. — Ногами.

— Вы ж в резерве. Почему вы здесь?

— Это вот он, мой помощник, Андрей Цимбал...

Замула кивнул на коренастого парня в порыжевшей от времени шапке-кубанке, поношенной фуфайке и новых темно-серых в полоску брюках с пышным, как у запорожцев, напуском над голенищами яловых солдатских сапог. Только офицерский ремень с портупеей, плотно опоясывающий талию, да автомат ППД на груди и прида-

вали ему воинственный вид. Парень медленно, чуть переваливаясь с боку на бок, обходил своих бойцов:

— Трофеи все собрали?

— Все! — отвечали ему хором.

— Хорошо. Командиры взводов, проверьте людей и оружие...

— Нет, на самом деле, Иван Иванович, почему же вы оказались здесь? — допытывался Канавец. — Кто вас сюда послал?

— Так я же говорю, это все Андрей, — хитро улыбнулся комроты Иван Замула. — Цимбал, оказывается, не любит сидеть без дела во время боя. Сначала уговорил меня подойти поближе к окраине деревни. А когда подошли, упросил разрешить ему пробраться с небольшой группой к школе и накрыть в ней фашистов спящими. «Это будет, говорит, лучшая помощь для наступающих». Пришлось согласиться. Он взял с собой десяток добровольцев: Леню Мазеина, Колю Черникова, Николая Михайленко, Избякова с Прутковским и других. Они проникли незаметно к зданию школы и за несколько минут переколотили всех фрицев, не дав им даже одеться. Когда я подошел с ротой, нам оставалось только собрать трофеи, — кивнул он в сторону здания: — «Смотри, мол, сколько!..»

Тут комиссар отряда и остальные конотопцы увидели целую гору оружия: сложенные в кучу винтовки, пулеметы, минометы, ящики с патронами. Рядом возвышалась гора трофейного обмундирования.

— За вами, черти, не угонишься. Всегда эта вторая рота успевает первой! — сказал кто-то.

— Уметь надо! — заметил Замула. Лицо его, красивое, чернобровое, с какой-то удивительно нежной и чистой кожей, все осветилось улыбкой.

— А в чем дело, собственно говоря? — шагнув вперед к своему командиру, сердито спросил у Канавца Андрей Цимбал.

— Да ничего, просто интересуюсь... Чисто сработали! — ответил Федор Ермолаевич не без зависти. — Много вы их тут наколошматили?

— Убитых хлопцы насчитали сто семьдесят девять человек, — безразлично, как бы между прочим, бросил Андрей.

— А у вас потери есть?

— Откуда? — Цимбал пожал широкими плечами.— Немцы не успели даже штанов надеть...

— Что ж, спасибо за помощь! — Комиссар конотопцев от всей души пожал Андрею руку, с восхищением рассматривая его.

В ту минуту Цимбал для всех был настоящим героем. Комиссар Канавец и многие вместе с ним увидели собственными глазами, что могут сделать разумная инициатива и мужество одного человека. Ведь если бы не заразил Цимбал этой своей инициативой и смелостью ребят, не накрыл бы в школе штаб вражеского батальона и две его роты, то есть две трети всех сил противника,— через несколько минут те же фашистские роты встретили бы партизан смертоносным огнем. И кто знает, сколько наших людей навсегда остались бы в Жихове?.. А вот нашелся такой парень — и в несколько минут решил исход боя, обезвредив целый фашистский батальон.

В середине мая ковпаковцы вернулись на Сумщину. Оккупационные власти не ждали там таких гостей. Еще в феврале, обрадовавшись уходу партизан в Брянский лес, они объявили населению: крупная советская «банда» Ковпака уничтожена, сам Ковпак повешен, а его комиссар Руднев расстрелян. Тыловые войска и полиция с радостью поверили собственной выдумке, успокоились и снова зажили благодушной, беспечной жизнью.

Стремительный переход почти в полтысячи километров — из Брянского леса на Сумщину — был, можно сказать, первым, пробным рейдом ковпаковского соединения по тылам врага.

Начался рейд тихо, почти неощутимо для противника. Но на десятую ночь партизаны, словно гром среди ясного неба, обрушились сразу на пять вражеских гарнизонов, расположенных в селах на подступах к Путивлю.

Между тем, в этих селах — в Вязенке и Яцыно — находилось немного немало, по сотне полицейских, а в Спадщине, в Новой и Старой Шарповке располагался даже инженерно-строительный полк противника. В самом райцентре, Путивле, было около семисот человек полевых жандармов и местных полицаев.

К утру с пятью вражескими гарнизонами партизаны покончили. А шестой — из Путивля — как и предсказывал

дед Ковпак, побежал сам. И помогла ему в этом паника. Уцелевшие при разгроме сельских гарнизонов солдаты бросились в райцентр. А путивльский гарнизон как раз спешил на подмогу своему, попавшему в переплет инженерно-строительному полку. Но несколько беглецов, удиравшие с места боя в одном белье, даже без оружия, остановили встречную колонну:

— Куда вы? Уже поздно, возвращайтесь! — в страхе кричали они.— Сюда идет Красная Армия! С пушками и танками! Прямо на Путивль!...

Услышав это, путивльский гарнизон повернул обратно. И, обходя город стороной, помчался прямо к парому, чтобы успеть переправиться на западный берег Сейма. Там, за рекой, на станции Бурынъ, через которую проезжало много фашистских войск, было безопасней.

В это же время молодой помощник начальника штаба соединения по разведке (должность эту занимал тогда один из авторов книги Петр Брайко.— *Ред.*) поспешил к Ковпаку, расположившемуся в хате на окраине захваченной партизанами Новой Шарповки.

— Сидор Артемович, немцы удрали из Путивля! Может, рискнем... зайдем?!

— Занимай! Трэба ковать железо, пока горячо,— резко сказал дед Ковпак и рукой, не выпуская плетень, торопливо поправил сползавшую на затылок чапаевскую шапку.

— Но какими силами? — уточнил ПНШ.— В моем распоряжении только дюжина разведчиков-кавалеристов. И те сейчас обеспечивают безопасность штаба. А все остальные партизаны — в деле.

— То-то и оно! — сверкнул черными цыганскими глазами Ковпак. И озабоченно почесав свою бородку-клинышек, поднял на лоб очки.

— Ладно, без охраны обойдемся.— Комиссар положил смуглую, с тонкими пальцами руку на плечо Ковпаку.— Посылайте в Путивль кавалерию Федоренко!

«Кавалерией» именовалось тогда одно-единственное отделение конной разведки, созданное комсомольцем-подпольщиком Михаилом Федоренко и выросшее впоследствии в грозный кавалерийский дивизион. ПНШ по разведке нашел Федоренко вблизи штаба, на опушке Спадщанского леса. Коротко поставил задачу:

— Давай, Миша, со своими хлопцами галопом в Пу-

тивль. Противник удрал. Занимайте город! — и увидев, что рота Карпенко тащит около сотни трофейных велосипедов, которыми был оснащен фашистский инженерно-строительный полк, ПНШ крикнул вслед: — А мы все, кто освободится, за тобой покатым на велосипедах!

Федоренко подскочил, как на пружинах. Поджарый, с ястребиным хищным профилем, он легко влетел в седло.

— За мной!..

И за его стремительной фигурой в длинной черной кожанке, с развевающимися на ветру полами, быстрым наметом помчалась дюжина всадников.

ПНШ с подкреплением догнал Федоренко, когда тот уже захватил со своими кавалеристами город. Немцы в это время начали бомбить Путивль. Возле здания райкома зияла свежая воронка почти во всю ширину улицы.

Самого Мишу Федоренко ПНШ нашел на городском узле связи, у коммутатора, возле тоненькой чернявой телефонистки, которая при каждом разрыве фашистской бомбы падала от страха в обморок.

— Д-девушка!..— поневоле придерживая телефонистку за плечи, уговаривал он.— Не б-бойтесь! Это д-далеко. В-вы в полной б-безопасности! (Он слегка заикался после недавней контузии).

Но едва девушка приоткрывала глаза, опять раздавался взрыв, и молоденькая телефонистка, вновь теряя сознание, валилась со стула на пол.

— Товарищ помначштаба! — Федоренко на минуту отпустил плечи телефонистки и вскочил по стойке «смирно». — Город взят. Почта и телеграф в моих руках. На всех дорогах стоят мои кавалеристы!..

— Хорошо. Продолжай тут дежурить,— сказал ПНШ, глядя через пустую, без стекла, оконную раму на улицу. Там уже появились велосипедисты.— И сделай так, чтоб у всех немцев и полицаев, которые будут звонить в Путивль, не возникло подозрения, что мы в городе!..

Кивнув, Федоренко опять подсел к перепуганной до полусмерти телефонистке:

— Пожалуйста, девушка! П-поработайте н-немножко!..

В это время на щитке коммутатора уже вспыхивали лампочки: со всех сторон звонили в город абоненты.

Телефонистка, бережно поддерживаемая за талию,

начала отвечать им в свой рабочий микрофон, прикрепленный к дужке наушников:

— Минуточку... Эйн момент! Соединяю... Извините, гер бургомистр, пока занят. Придется подождать... Пожалуйста, биттэ!..

ПНШ выскочил из здания почты. У подъезда теперь дежурили два юрких, везде поспевающих разведчика: Григорий Новиков и Леня Колесников, вооруженные своими, еще фронтовыми автоматами ППД. Оба всадника улыбались, не обращая внимания на страшный рев гитлеровских «юнкерсов». Казалось, их даже забавляет ярость этих напичканных тротилом стервятников.

Окинув взглядом настороженно замершую улицу, ПНШ скомандовал Колесникову:

— Леня, скажи к Ковпаку, доложи, что город занят! Пусть скорей присылает роты...

Плотней надвинув свою старенькую, чуть не музейную буденовку (таких было всего несколько в соединении), Леня Колесников галопом помчался в штаб.

Через два часа, когда вражеские самолеты, отбомбившись, ушли, Ковпак и Руднев с несколькими ротами вступили в город.

Женщины и старики, узнав в партизанском командире своего председателя горисполкома, плакали, рассказывая о зверствах, которые чинили здесь оккупанты. Подростки-допризывники роем окружили комиссара Руднева, который еще до войны учил их стрелять из винтовки и бросать гранату.

— Семен Васильевич! Возьмите нас в отряд!

И все наперебой рассказывали о паническом бегстве жандармов и полиции:

— Вот это бежали... Без штанов даже! От двенадцати кавалеристов удрал весь гарнизон!..

А запасливый помпохоз Ковпака, старый партизан Павловский уже «раскурочивал» продовольственные склады противника, не забывая и о нуждах наголодавшихся местных жителей.

Гитлеровское командование не на шутку всподошилось. Цифры в немецких донесениях округлялись со сказочной быстротой: единицы превращались в сотни. Бросив на партизан авиацию, танки, артиллерию и около

двух дивизий пехоты, оккупанты буквально на следующий день возобновили наступление. Они всячески старались окружить и уничтожить соединение. Или, на худой конец, хотя бы загнать его снова в Брянский лес.

Но Ковпак и комиссар Руднев не спешили уходить из своего района. Весь июнь водили они за нос карателей, искусно маневрируя в хорошо знакомых лесах. Оккупантам и в голову не приходило, что удерживала здесь партизан железная дорога Конотоп — Ворожба, которую ковпаковский штаб решил во что бы то ни стало вывести из строя.

Дело в том, что рейд совпал с началом летнего наступления немецко-фашистских войск на Сталинград из района Курска и Харькова. И для Гитлера эта дорога играла тогда особенно важную роль. По ней он непрерывно гнал войска и технику под Курск. А чтобы нанести удар по этой «железке», надо было перебазироваться поближе к ней. Наиболее подходящим местом, по мнению партизанского командования, являлся Новослободский лес. Был он, правда, небольшой, но с тактической точки зрения удобный для обороны. Находился он на возвышенности, изрезанной глубокими оврагами. Подступы с трех сторон надежно защищались непроходимым болотом.

В этом урочище остановился только один Путивльский отряд. Остальные четыре расположились в соседнем, так называемом Казенном лесу, — чего каратели, конечно, не знали. Переход партизан в Новослободский лес вызвал страшную панику в Путивльском гарнизоне фашистов. Все войска, гонявшиеся за ковпаковцами, были отозваны к городу. Немцы боялись нового налета на Путивль, теперь уж с восточной стороны. Целую неделю ждали они нападения. А за эту неделю партизанские минеры неплохо поработали на железной дороге Конотоп — Ворожба.

Поняв после целой серии взрывов, как перехитрил их Ковпак, гитлеровцы снова начали наступление на партизан. К вечеру 5 июля они обложили Новослободский лес плотным кольцом. А утром три вражеских полка при поддержке артиллерии (танки применять на пересеченной местности каратели не рискнули) ринулись в лес.

Основной удар гитлеровцы наносили с запада, со стороны деревни Линово. Вспомогательный — со стороны Новой Слободы, стремясь прижать партизан к болоту и

уничтожить. Фашисты не считались с потерями. Атака следовала за атакой. К исходу дня им удалось потеснить партизанские роты. Около половины лесного массива было уже в руках карателей. Вражеское кольцо все время сужалось. Выручить окруженных путивлян могли только братские отряды, располагавшиеся в соседнем лесу. Но связаться с ними до наступления темноты было невозможно.

В этот трагический для Путивльского отряда момент противник бросил к нему в тыл целый батальон. Но немцев вовремя обнаружила партизанская разведка на восточной опушке леса, у самого болота. Они пробирались прямо к штабу, к обозу и раненым. В общем, прорвись неожиданно этот батальон, судьба отряда, а то и всего соединения, была бы решена.

Ковпаку доложили об опасности. Он на мгновение задумался... Резерва уже не было.

— Там дэсь должна быть вторая рота.— Ковпак поднял вопросительный взгляд на помначштаба. Потом повернулся к стоящему рядом Коле Бардакову, своему любимцу, одному из лучших разведчиков соединения.— Бижи до Замулы, предупреди, хай встретит!

Коля Бардаков помчался во 2-ю роту. Люди лежали цепью над обрывом, всего в каких-нибудь трехстах метрах от штаба. Впереди, внизу темнела дорога. Та самая дорога, по которой уже двигался где-то вражеский батальон. Замула и Цимбал сидели под деревом, мирно беседуя. Коля подсел к ним.

— Товарищ капитан,— обратился он к Замуле и показал вниз,— по этой дороге прямо к вам походной колонной прет целый батальон гитлеровцев. Хотят зайти нам в тыл и ударить по штабу...

— Пусть идут,— произнес Андрей спокойно и не спеша поднялся. По глазам его было видно: решение уже созрело.

— Так, говоришь, идут колонной? — переспросил Замула у разведчика.

— Так точно! — подтвердил Коля Бардаков.

— Значит, бьем противника в колонне? — как бы уточняя, обратился Цимбал к Замуле. Тот кивнул (они понимали друг друга с одного взгляда).— Я побегу на правый фланг,— продолжал Андрей.— Первым открываю огонь я... Только роту надо больше растянуть по фронту и за-

маскировать получше, чтобы нас не обнаружили преждевременно.

Люди зашевелились и начали осторожно спускаться с обрыва, поближе к дороге. Делалось это быстро и тихо.

Через четверть часа на дороге показалось десятка полтора вражеских солдат. Шли они гуськом по двое, очень медленно, часто останавливались, прислушивались, воровски осматриваясь по сторонам.

— Разведка,— шепнул Замула.

Цимбал не тронул ее, чтобы не поднимать шума преждевременно. За разведкой следовали роты. Двигались они компактно, не соблюдая уставных дистанций. Фашисты были заранее уверены в своем успехе.

Партизаны ждали, пока вражеская колонна окажется перед фронтом роты. Теперь все зависело от Цимбала, находившегося на правом фланге и пропускавшего колонну врага. Именно Андрей один решал сейчас, когда открыть огонь.

Перед партизанской цепью маршировало уже четыре вражеских взвода, больше сотни человек. «Что-то медлит мой помощник»,— начал волноваться Замула. Справа за немецкой пехотой послышался шум движущегося обоза: фашисты, видать, собирались воевать долго.

Вдруг тишину распорол автоматная очередь. И тут же переросла в многоголосый хор: грохотали автоматы и пулеметы, ухали гранаты. Лес загудел, застонал... Потом из грохота вырвалось громкое и грозное:

— Р-ра-а-а!..

Цепь рванулась на дорогу. Гром покотился по лесу и затих. Все было кончено за несколько минут. Вражеская колонна так и осталась на дороге, не успев даже изготавиться к бою. Лишь немногим удалось скрыться в болоте. На дороге насчитали двести пятьдесят убитых гитлеровцев. 2-я рота потеряла одного человека.

— Я ж говорил, что обратно фрицы не уйдут,— заметил, приближаясь к командиру, Цимбал.— Спасибо им, и боеприпасов малость подбросили. А то мы за день почти все порасстреляли.

Прибежавший на место боя Руднев от радости даже расцеловал капитана Замулу и его помощника Андрея Цимбала. А ребята тем временем осматривали и стаскивали в кучу трофеи. Почти все вооружение противника досталось партизанам: пушки, четыре 80-миллиметровых

миномета, один крупнокалиберный пулемет, несколько станковых и ручных да еще подводы с боеприпасами.

Молниеносный разгром целого батальона сразу отрезвил карателей. Атаки тут же прекратились и до наступления темноты не возобновлялись. А на рассвете 7 июля путивляне с помощью остальных отрядов вырвались из вражеского кольца. И на этот раз выручил всех неутомимый разведчик-вездеход — маленький, шустрый, как белка, Николай Бардаков. Под самым носом у фашистов, блокировавших Новослободский лес со стороны болота, он проскочил к Конотопскому отряду в соседнее урочище с приказом командования ударить по врагу с тыла.

После боя в Новослободском лесу у карателей пропала охота окружать ковпаковцев. Соединение снова ушло в Брянский лес, в свою партизанскую столицу — Старую Гуту. За этот короткий, но насыщенный боями рейд набралось несколько десятков раненых, которых надо было срочно отправить на Большую землю. Да и боеприпасы были опять на исходе.

В Старой Гуте ковпаковцы тоже не сидели без работы: громили вражеские гарнизоны, блокировавшие Брянский лес — стратегическую базу советских партизан.

5 октября в жестоком бою за хутор Лукашенков погиб смертью храбрых командир 2-й роты Иван Иванович Замула. В тот же день на тактическом разборе бойцы этой роты попросили назначить их командиром Андрея Цимбала. Ковпак и Руднев многозначительно переглянулись.

— Народ всегда верно подскажет, — шепнул комиссар Руднев.

Сидор Артемович согласился без колебаний.

Каждый день приносил новости. Когда на Брянщину в соединение Ковпака и Руднева прибыл Петр Петрович Вершигора со своим чудо-автоматчиком Зеболовым, по отрядам разнеслись фантастические слухи. Таинственно, почти шепотом бывалые партизаны передавали друг другу:

— Из Москвы, из партизанского штаба прилетел какой-то отчаянный разведчик. Без обеих рук! Говорят, еще на финской потерял, охотясь за «языками». Но сде-

лали ему врачи так, что теми обрубками он может брать все, будто клещами. И стреляет он, хош из автомата, хош из пистолета — лучше любого рукастого... А силища у него невероятная! Толкнет кого под дыхало, тот и с копыта долой!.. Сопровождает этого разведчика какой-то низенький мужчина с бородой, вроде майор, — говорили одни, имея в виду Вершигору, который был тогда еще новичком среди ковпаковцев.

— Нет, выше бери! Сказывают, тех двоих из самой Ставки прислали, — утверждали другие. — Болтают: который помоложе, высокий, уже побывал на всех фронтах. Большой мастер по «языкам». Таскает их, будто кобчик перепелов. Как выйдет на дело, так и есть генерал или оберст, так и есть... А теперь вот направили того парня к нам, в немецкий тыл. Надо схватить шишку покрупнее...

И в самом деле, как бы в подтверждение этим разговорам, Владимир Зеболов вскоре исчез. Потом, спустя две-три недели появился снова... И затем еще исчезал частенько.

Привыкли к Зеболову не сразу. Первым подружился с ним Семен Тутученко — штабной архивариус, архитектор по профессии. Сблизила этих двух, очень разных парней любовь к искусству: театру, музыке, хорошим книгам.

Впрочем, любовь к искусству была присуща многим партизанам. Даже в самой неподходящей, казалось бы, обстановке для спектакля или концерта — за линией фронта, на занятой оккупантами земле — были свой партизанский театр, своя эстрада, словом, своя самодеятельность. Не случайно носил прозвище «Гришка Артист» (или «Циркач») заместитель командира 3-й, карпенковской роты Григорий Дорофеев, отличный акробат, устраивавший чуть ли не на каждой дневке выступления «братвы», наиболее способной к гимнастическим этюдам. Трапециями здесь, в лесу, служили ветки высокой сосны. Задушевно пели родные украинские песни звонкоголосый разведчик Петро Черток и комроты Иван Манжос — оба из отряда Матющенко. (Ковпаковцы, пошучивая, уверяли даже, якобы Федот Данилович подбирает к себе в отряд самых голосистых хохлов). А могучее искусство художественного слова представляли теперь Семен Тутученко с Володей Зеболовым. Часами могли они оба читать наизусть стихи Маяковского. Иногда импровизи-

ровали на ходу, пересказывая его сатирические пьесы «Клоп» и «Баня». И партизаны в промежутках между боями воспринимали это искусство с благодарностью. Потому что театр — свой, самодеятельный театр — помогал всем им не только отдохнуть, забыть на короткие считанные минуты о смертельной опасности, но и придавал новые душевные силы, еще больше роднил людей.

Вот тогда-то Семен Тутученко, увлекшийся широкой, многогранной натурой Зеболова, сказал:

— Этот парень относится к человеку, как скульптор — к драгоценному материалу. Трудно гадать, кем он станет после войны, но, мне кажется, его призвание — объединять, роднить, воспитывать людей!..

И действительно, таинственный разведчик, возвращаясь с задания, был всегда заботлив и чуток к товарищам, умел каждого понять и, если надо, помочь.

Прошел Володя Зеболов с ковпаковцами через многие испытания, участвовал наравне со всеми в боях. Посылали его и в дальнюю разведку — в самые опасные места. Но все же никто из товарищей не знал толком: откуда он пришел и куда исчезает?

Пожалуй, только одному человеку — Петру Петровичу Вершигоре было известно о Володе все, и, слушая ходившие по соединению легенды, он довольно посмеивался в бороду, наслаждаясь фантазией партизанской «братвы».

На самом деле Володина жизнь была проста, хотя и сурова. Обыкновенный деревенский паренек, он рано потерял мать. Семью заменила ему школа, но так бывало и у других ребят. Главное, что издавна, с самого детства делало его исключением из общего правила, было одно трагическое обстоятельство: в результате несчастного случая Володя потерял обе руки. Может быть, это и воспитало в нем несгибаемый характер: Володя с детства не хотел поблажки ни в чем. Он твердо решил быть таким, как его ровесники, обыкновенные мальчишки — ловким, неутомимым на озорные проделки. И ребята даже признали его своим заводилой — потому что он был смелей и ловчей их всех. Это сделалось как бы само собой. Только он один знал, чего стоит ему эта ловкость.

Такова была нелегкая школа мужества, которую он прошел еще совсем мальчишкой.

Когда началась Отечественная война, Володя был студентом Московского юридического института. Он увлекался наукой о праве. Преподаватели ценили его пытливость и острый, глубокий ум. Казалось, этот парень мог спокойно учиться дальше,— мобилизации он не подлежал. Но Володя сам пошел в военкомат и потребовал:

— Пошлите меня к немцам в тыл!

Майор, уже привыкший иметь дело с добровольцами, на этот раз был удивлен. С грустью смотрел он на парня, у которого из неестественно коротких рукавов пиджака высывались красноватые культи.

— Вас? В фашистский тыл?! Не можем... Не имеем права.

Тогда Владимир Зеболов отправился в Центральный комитет комсомола. Там его выслушали более внимательно.

— Поймите: это трудно даже для самого здорового человека, спортсмена!.. Надо прыгать с парашютом. Вы этого сделать не сможете.

— Почему?! Я прыгну! Я выполню любое задание! — сказал он, сурово нахмутив брови.

И в ЦК комсомола поняли: этот сделает все.

Его направили в школу разведчиков. Там Володя познакомился с Петром Петровичем Вершигорой. А вскоре судьба свела их снова, на Брянщине, в партизанском крае...

Вместе в сентябре сорок второго года они и приехали на крестьянской подводе к Ковпаку в его партизанскую столицу — Старую Гуту. Прицел у Вершигоры был особый, очень дальний.

Миллионы людей знают Петра Петровича Вершигору как прославленного партизанского полководца, как талантливого писателя. Но никто долгие годы понятия не имел о Вершигоре-разведчике, зашифрованном под псевдонимом «Лезвие», кроме тех, разумеется, кто посылал его с особым заданием в тыл врага.

Началось все именно на Брянщине, где этот яркий, разносторонний человек, бывший в мирные дни кинорежиссером и драматургом, решил по зову собственной совести стать разведчиком. Как пчела, перелетающая с цветка на цветок, собирает нектар, превращая его в мед, так и Вершигора, умевший мгновенно подмечать, анализировать и обобщать факты, объезжал отряд за отрядом

и из огромного вороха многообразных сведений отбирал по крупице самые ценные, самые нужные данные, необходимые для Брянского фронта.

«Лезвие» умел работать как никто другой. Только за месяц самостоятельно он передал в штаб Брянского фронта тридцать восемь радиogramм с весьма ценными сведениями о противнике. Но секрет этой удивительной оперативности был прост: заключался он в умении выбирать себе помощников. Для того чтобы полностью раскрыть группировку и дислокацию вражеских войск в районе Брянска силами своего небольшого подразделения, Вершигоре потребовалась бы не одна неделя, а с помощью местных партизан он справился с этим сложным делом за несколько дней. Объехав отряды и собрав сведения по частицам, Петр Петрович вооружился карандашом, и за час «уравнение со всеми неизвестными» (как сам он шутя назвал свою задачу) было решено. Листок запестрел цифрами воинских наименований: оказывается, для борьбы с брянскими партизанами гитлеровское командование выделило 8-й венгерский армейский корпус в составе 102, 105 и 108-й пехотных дивизий, два немецких охранных полка, полицейский батальон и другие мелкие подразделения...

Посещая самые разные отряды на Брянщине, Вершигора понял, что партизанская разведка ведется здесь без системы, без знания дела. Именно поэтому у него и возникло решение: проинструктировать всех этих людей — смелых, но еще недостаточно опытных. Просто необходимо было поскорее объяснить им, как целенаправленно, с наибольшей эффективностью вести разведку. Разведку в интересах не только своего отряда или соединения, но всей нашей действующей армии в целом.

Этими злободневными соображениями Вершигора однажды поделился с представителем политуправления фронта. Тот выслушал его очень внимательно и сказал:

— Да, это вы неплохо придумали!.. Поговорим об этом с партизанским командованием Брянщины.

Так майор Вершигора, разъезжавший со своей рацией по всей Брянщине на одноконном возке, стал своеобразным рейдирующим «оперативным пунктом». Он не только руководил разведорганами местных отрядов, но в случае необходимости и сам ставил задачи партизанским командирам, объясняя, каким образом следует нарушить

ту или иную коммуникацию, особо важную сейчас для противника.

Будучи экспериментатором по натуре, Вершигора без устали искал что-то новое, более эффективное. Когда брянские партизаны заговорили, что сюда, в их лесной край, в район Старой Гуты, пришло с Украины рейдовое соединение деда Ковпака и, судя по всему, после небольшого отдыха оно опять двинется в рейд, Вершигора сразу почувствовал, что его место среди ковпаковцев, постоянно находящихся в движении. «Там я смогу пригодиться с добытыми в рейдах сведениями не только одному Брянскому фронту! — рассуждал Петр Петрович. — Вот только санкционирует ли этот план мое начальство?..»

Смелый план «Лезвия» был одобрен. А деда Ковпака и комиссара Руднева ему удалось уговорить даже гораздо скорей, чем он надеялся. Оба, Ковпак и комиссар, были горячими энтузиастами народной, партизанской войны, которая всячески способствовала победам нашей регулярной армии на фронте. Оба по достоинству оценили главные качества своего нового соратника: умение заглянуть далеко вперед, изобретательность в средствах и стремление принести как можно больше пользы Родине. Вершигору охотно взяли в соединение.

Через несколько дней в расположении лагеря появилось десятка два автоматчиков во главе с худощавым черноглазым капитаном, который отрекомендовался ковпаковцам просто: Иван Бережной. Все автоматчики были в добротной военной форме. Все, как один, рослые, крепкие, с финками и гранатами, а главное — с новенькими отечественными автоматами ППШ, вызывавшими тогда немалую зависть у ковпаковских разведчиков. (Таких «инструментиков», как уважительно окрестили их партизаны, во всем соединении было пока лишь несколько штук).

Расположились вновь прибывшие рядом с палаткой майора Вершигоры. И молодому помощнику начштаба по разведке, готовившемуся сдавать дела самому Вершигоре, стало ясно — чьи это люди.

А еще через неделю Ковпак подписал приказ о создании новой оперативной группы — за номером тринадцать. Ее командиром, разумеется, назначили майора Вершигору. И когда кто-то, поздравляя Петра Петровича с этим

назначением, спросил шутя: «А вас не пугает номер вашей опергруппы?», — Вершигора сказал с веселой ехидцей:

— Цифру тринадцать, или «чертову дюжину», я всегда любил. — И добавил, исподволь борясь против суеверия тех, кто все же побаивался числа тринадцать: — «Чертова дюжина» оказалась для меня счастливой.

Петр Петрович быстро сумел убедить Ковпака в том, что штабу соединения, совершающего непрерывные стремительные рейды по тылам врага, необходим более сильный разведывательный аппарат. И крутой «Дед», который до сих пор даже слышать не хотел о расширении разведорганов, вдруг изменил свой взгляд на это дело. Он подписал приказ об увеличении численности всех разведподразделений буквально вдвое, а майора Вершигору назначил своим помощником по разведке.

Теперь все нити этого сложнейшего дела сосредоточились в надежных и умелых руках. Молодого ПНШ по разведке перевели на должность начальника штаба в Кролевецкий отряд.

Отныне Петр Петрович стал для всех ковпаковцев третьим по значению, после Ковпака и комиссара, лицом в соединении. Так в действительности стала реальностью легенда о появлении — будто бы из самой Ставки — чудо-разведчика Зеболова в «сопровождении» веселого бородатого майора.

Да только был Зеболов агентом «Лезвия».

Переодетый в нищенские лохмотья, Зеболов и впрямь свободно ходил по занятым немцами селам. Наведывался даже и в города, имеющие оперативно-стратегическое значение для противника. Култышки были у смелого парня вместо пропуска при проверке документов. И никому из гитлеровцев, обслуживавших контрольно-пропускные пункты на дорогах и городских заставах, даже в голову не приходило, что у этого, на первый взгляд совершенно беззащитного человека висит трофейный автомат подмышкой, прикрытый порванным дождевиком, а в карманах — пистолет и пара гранат-«лимонок».

26 октября 1942 года Ковпак и Руднев повели свое соединение в новый, на этот раз очень ответственный рейд по заданию Центрального штаба партизанского

движения при Ставке Верховного Главнокомандующего. Планируя разгром гитлеровских армий под Сталинградом и переход советских войск в наступление, Верховное Командование предусматривало перенесение партизанских действий глубже в тыл врага. Ведь пока только партизаны и были фактически «вторым фронтом», открытие которого в Западной Европе упорно оттягивали союзники.

Ковпаку, как одному из опытейших партизанских полководцев, предложили выйти со своими отрядами из Брянского леса на правый берег Днепра, в Полесье, разжечь там пожар народной войны, тем самым готовя надежный плацдарм для наступающей Красной Армии.

Появление рейдирующих отрядов в Полесье было настолько неожиданным для оккупационных властей, что гитлеровцы спохватились только тогда, когда партизаны Ковпака и подошедшее вслед за ними соединение Сабурова утром 6 ноября уже переправлялись через Днепр.

Переправлялись на двух паромах, которые захватили ковпаковские разведчики в местечке Лоеве, перебив ночью весь вражеский, беспечно спавший гарнизон. Оккупационному командованию удалось, правда, найти два охранных батальона — один в Киеве, другой в Чернигове — и бросить их на Ковпака. Но оба эти батальона были встречены партизанскими заслонами еще до подхода к реке и разгромлены.

Тогда гитлеровское командование бросило на ковпаковцев авиацию, но и она не смогла помешать переправе. В общем, у оккупантов так и не оказалось достаточно сил, чтобы разделаться с партизанами.

Вечером оба соединения без потерь переправились на западный берег Днепра. Сабуров, не задерживаясь, двинулся со своим соединением дальше, в глубь лесного моря — в Полесье. А Ковпак и Руднев решили задержаться на сутки в Лоеве.

Особенно настаивал на этом комиссар Руднев, уже успевший побеседовать с местным населением и уловивший тонким чутьем политика необходимость устроить такую демонстрацию сил, которая вселила бы в жителей Полесья надежду на скорое освобождение от фашистских оккупантов.

— Я считаю, Сидор Артемович, нам надо обязательно задержаться здесь на день! — воскликнул он. И, как

всегда в минуты возбуждения, поднял гордо голову.— Оккупационные власти брешут народу, что войска фюрера уже взяли Москву и Ленинград, захватили Кавказ, вышли на Урал, а Красная Армия якобы полностью уничтожена. И многие запуганные зверствами люди уже почти поверили геббельсовской пропаганде.

Комиссар сделал несколько шагов по хате, где располагался штаб, и добавил, обводя взволнованным взглядом присутствующих:

— Я предлагаю остаться здесь, а завтра, седьмого ноября, вместе с жителями Лоева, вместе со всем советским народом отпраздновать двадцать пятую годовщину Октября. И не просто отпраздновать, а провести в местечке военный парад и показать народу, что Красная Армия жива и скоро будет здесь, а мы — один из ее передовых отрядов.

Ковпак удовлетворенно крикнул. В его глазах блеснул озорной огонек. Видно было, предложение комиссара ему пришлось по душе. Он и сам весь день, во время переправы обдумывал, как лучше отметить двадцать пятую годовщину Октября.

— Другие мнения есть? — спросил дед Ковпак весело.

— Принято единогласно! — раздалось в ответ сразу несколько голосов.

Ковпак повернулся к начальнику штаба Григорию Яковлевичу Базыме:

— Давайте команду командирам отрядов, пусть готовятся.— И, посмотрев на комиссара, добавил: — Диктуй праздничный приказ, Сэмэн. Начнем в десять ноль-ноль. Разом с Москвой!

За ночь была построена на площади трибуна, сформированы по родам войск парадные роты, которые должны были в миниатюре повторять традиционное шествие батальонов на Красной площади. Разведчики притащили трофейный мощный радиоприемник «Телефункен», в девять часов тридцать минут он был уже на трибуне, настроенный на волну Москвы... Со всех улиц подходили к площади партизанские роты, кавалерийские эскадроны, пулеметные тачанки, орудия. За ними, как ручейки в море, стекались к площади местные жители: женщины, старики и дети.

Ковпак и Руднев были на трибуне. Ровно в десять

утра партизанские роты по команде «Смирно!» замерли на площади... Вот командующий парадом лейтенант Горкунов раскатисто докладывает Ковпаку о построении войск для парада. Ковпак читает праздничный приказ, а затем раздается команда:

— Смирно! Шагом марш!..

Под звуки московского сводного оркестра, который, казалось, звучит над всей землей,— да еще в сопровождении семи трофейных аккордеонов, эхом повторяющих торжественный марш,— партизанские роты, чеканя шаг, двинулись по площади освобожденного Лоева, мимо трибуны, на которой стояли Ковпак и Руднев. Миновав трибуну, роты сворачивали направо, в переулок (благо весь народ был сейчас на площади); обходили городскую площадь боковыми улочками, пристраивались в хвост своим, и снова продолжали движение...

На четвертом или пятом заходе дед Ковпак вдруг грозно крикнул:

— Анисимов, ко мне!..

Начальник артиллерии майор Анисимов подбежал к Ковпаку и лихо приложил к шапке руку:

— Слушаю, товарищ генерал!

— Ты что? — грозно спросил командир.

— Так... Комиссар приказал...— Анисимов выразительно посмотрел круглыми ореховыми глазами в сторону Руднева.

— Правильно приказал! А тебе соображать надо, как выполнить. Ты что, не можешь лошадей перепрягать?! — вполголоса спросил Ковпак.— Видно ж, шо то одна и та ж батарея!..

— Слушаю! — козырнул начальник артиллерии и побежал исполнять приказание.

Так ковпаковские роты маршировали часа три или четыре. Народ ликовал. Многие люди плакали от радости. Может быть, этот партизанский парад длился бы еще больше, если бы ковпаковцам не помешали оккупанты. Они бросили из города Речицы на Лоев батальон эсэсовцев с тремя бронемашинами.

Пришлось ковпаковцам прямо с парада снять две роты Шалыгинского отряда. Шалыгинцы встретили непрошенных гостей как следует. Вторично лезть в атаку было уже некому. А спустя неделю (когда отряды Ковпака форсировали следующий водный рубеж — Припять, уйдя

на сотню с лишним километров от Лоева на запад) разведчики, возвращавшиеся из Киева и Гомеля, докладывали Ковпаку:

— Сидор Артемович, народ говорит, что неделю тому назад части Красной Армии форсировали Днепр в районе Лоева.

— И много их форсировало?..— спросил «Дед», подмигнув Рудневу, стоявшему рядом.

— Да, говорят, тысяч сорок или пятьдесят! Трое суток переправлялись: пехота, артиллерия, танки... и все трое суток их прикрывала наша авиация.

— Интересно, откуда такие данные? — переспросил комиссар и с довольным видом покрутил свой черный ус (сам Руднев отлично помнил, как «прикрывали» их при переправе вражеские «юнкерсы»).

— Народ так говорит,— ответил один из самых опытных ковпаковских разведчиков, Владимир Осипчик, не поняв на этот раз подвоха, который таился в шутливом вопросе комиссара о «данных».

— Ну, раз народ так каже, значить, правда,— улыбнулся дед Ковпак.— Бо будэ так, як народ хоче!..

С приходом ковпаковцев Полесье начало пробуждаться.

Огромный лесистый край был весьма перспективен для широкого развертывания партизанской борьбы. Но, предвидя заранее, что в этой чащобе могут появиться партизаны, оккупационные власти решили задушить богатыря в колыбели. Они создали в самом центре лесного массива, в тихом городке Лельчицах, мощный опорный пункт с крупным гарнизоном и окружным административно-политическим управлением — гебитскомиссариатом. Местные подпольные организации, едва успев заявить о себе смелыми делами, были зверски уничтожены фашистами. Честная, самоотверженная белорусская молодежь, группировавшаяся в отряды, зачастую не имела еще достаточно оружия, да и настоящего боевого опыта нехватало.

Многие, запуганные «новым» фашистским порядком полещуки (как называли себя жители Полесья), поневоле слушавшие геббельсовскую пропаганду, почти было поверили фашистским вымыслам о разгроме Красной

Армии. В общем, оккупанты чувствовали себя здесь спокойно, как дома.

Ковпак и Руднев сразу поняли: пока они не уничтожат это осиное гнездо — Лельчицкий опорный пункт, — партизанского края в Полесье не создать. В Лельчицы срочно была направлена конная и пешая разведка. Через несколько суток Вершигора докладывал ковпаковскому командованию:

— В Лельчицах батальон эсэсовцев, гестапо, жандармерия и около двухсот человек полиции, сбежавшейся из окрестных сел...

— Значит, почуяли, что запахло смаленым, — заметил начштаба Базыма, поправляя свои старенькие очки.

Ковпак молча пожевал губами.

— Но опасен для нас, мне кажется, не столько численный состав гарнизона, — продолжал Вершигора, — сколько то, что фашисты сделали из этих Лельчиц сильный опорный пункт. Все кирпичные здания, особенно в центре города, превращены ими в мощные огневые сооружения, своего рода доты. Городская площадь опоясана бетонными траншеями.

— Да, видно, эти сволочи решили надолго обосноваться в Лельчицах! — решил комиссар.

— Кто вел разведку? — сухо спросил Ковпак.

— Лейтенант Осипчик, — ответил Вершигора.

— Цэ хлопэць серьезный... — «Дед» удовлетворенно почесал свою острую, клинышком бородку. В скупом оброненное слово «серiousный» он вкладывал целый комплекс качеств, позволявших надеяться, что Осипчик — именно тот человек, на которого можно положиться. О беззаветной преданности Родине, находчивости и мужестве Владимира Осипчика красноречиво свидетельствовал весь его боевой путь.

Пока дед Ковпак сверял разведданные, ходивший взад-вперед по комнате комиссар резко остановился возле Вершигоры и сказал:

— И тем не менее, Петрович, нам ничего другого не остается, как уничтожить этот сильно укрепленный гарнизон... Если мы хотим выполнить приказ нашего Верховного Командования. Верно, Сидор Артемович?

— Шо верно, то верно, — согласился Ковпак и кивнул начальнику штаба: — Готовьте приказ на марш.

В тот же вечер соединение двинулось к Лельчицам.

Ни полиции, ни оккупационных войск в селах по маршруту движения ковпаковцев пока не было. На вопросы партизан: «Немцы в селе есть?» — жители отвечали:

— Нет, одна полиция наезжает! Хлеб да скот у нас, иуды, забирают для Гитлера. А немцы в Лельчицах прячутся.

Казалось, оккупационным войскам сейчас нечего делать в этом огромном, неудобном для них, заболоченном лесном крае, лишенном промышленных объектов и удобных дорог. Лельчицы были для захватчиков, как крепость на острове, окруженная морем.

Правда, на следующую ночь, в каких-нибудь двадцати километрах от самих Лельчиц, в деревне Буйновичи, разведка обнаружила полсотни полицейских. Трудно сказать: то ли это был сторожевой пост противника, то ли немцы просто отрядили своих холуев на охоту за поросятиной и курятиной, но на пути партизанской колонны оказалась преграда. Хоть и «вшивый», по выражению разведчиков, а все-таки гарнизон. Что делать? Бить его — значило обнаружить себя на подступах к мощному опорному пункту. Доложили Ковпаку.

«Дед», по своему обыкновению, озабоченно почесал бороду.

— Дэ воны в биса взялысь? — Потом махнул рукой: все равно, мол. Семь бед — один ответ. И бросил зло: — Уничтожайте!

Связной галопом пустился обратно в голову колонны. Через полчаса до слуха Ковпака донеслись первые автоматные очереди — увертюра к предстоящему бою. «Дед» сбросил с плеч трофейную рыжую мадьярскую шубу, преподнесенную ему партизанами в подарок еще год назад, слез с повозки, вскочил в седло и крупной рысью помчался туда, откуда слышалось короткое характерное пофыркивание отечественных автоматов. Следом за Ковпаком, не выдержав, поехал и комиссар.

Когда Ковпак приближался к зданию бывшего сельсовета, возле которого остановилась голова партизанской колонны, с полицией было уже покончено.

— Всих накрылы? — спросил Ковпак у помначштаба Войцеховича, стоявшего у входа в помещение.

— Нет, Сидор Артемович. Несколько человек удрало.

— То погано, — заметил «Дед», проворно соскакивая с лошади.

Отдав повод ординарцу, Ковпак направился в помещение. Едва он открыл дверь, раздался телефонный звонок.

— Шо, у них связь работает? — удивился Ковпак.

— Да, товарищ командир, — доложил Осипчик, дежуривший у телефона, и недовольно, исподлобья посмотрел на аппарат. — Уже раз десять сюда звонили, но мы не отвечаем. Видимо, вызывают здешнюю полицию немцы из Лельчиц.

«Дед» шагнул к висевшему на стене аппарату, снял трубку и, сдвинув ею на затылок свою черную смушковую, как у Чапая, шапку, приложил к уху.

— Слушаю, — сказал он спокойно.

— Кто разговаривает со мной? — слышалось в трубке (судя по разговору, это был, действительно, немец).

— Ковпак! — ответил «Дед».

Трубка замолчала. Очевидно, говоривший не знал, что на это ответить. Потом послышался какой-то треск, и тот же голос спросил растерянно:

— Кольпак?.. Мы слышат о вас... Что вы хотите?

— Я предлагаю тебе, Ганс, или как там тебя величают, немедленно сложить оружие. Сдадитесь без боя — гарантирую всем жизнь, — раздельно, словно диктуя, произнес Сидор Артемович. — Не сдадитесь добровольно — уничтожим всех.

Трубка опять замолчала на некоторое время. Потом послышался тот же заикающийся голос:

— Командант есть сейтшас Житомир... Я есть помощник командант, я не могу один решать... Утром будет хосподин майор, я буду передавать ваш условия.

— Ну, вот так и передай! — бросил ему «Дед» и повесил трубку.

— С кем это ты, Сидор Артемович, так мирно беседовал? — любопытствовал Руднев. Он стоял у дверей и слышал ультиматум командира.

— С помощником лельчицкого коменданта, — улыбнулся «Дед» с озорством. И спросил уже серьезно: — У тэбэ карта с собой, комиссар?

— С собой, — кивнув, ответил Руднев и собирался было расстегнуть планшет. Но бросив случайно взгляд на стоявшего рядом помначштаба, Васю Войцеховича, сказал: — Да вон у нашего «Кутузова» уже карта в ру-

ках! (Комиссар, шутя, часто называл Войцеховича «Кутузовым»).

Взяв у помначштаба топокарту, дед Ковпак подошел к столу, поближе к каганцу и достал из кармана ватных штанов очки. Вооружившись очками, «Дед» принялся рассматривать карту, долго молча жевал губами (что было признаком недовольства), кряхтел и сопел. Потом вдруг сказал, обращаясь к Войцеховичу:

— Сегодня на дневке разработаешь план на окружение и уничтожение этого гарнизона.— «Дед» ткнул средним пальцем правой руки в кружок с надписью «Лельчицы».— К обеду шоб був готовый.

— Сделаю, Сидор Артемович,— ответил Войцехович.

— Правильно, надо их брать! — одобрил комиссар решение Ковпака.— Теперь нам уже нельзя отступать, сдержим слово.

— Ты прав, комиссар. Слово трэба всегда держать.— «Дед» встал из-за стола, снял очки и сказал: — Ну, если вопросов больше нет, пойдём дали.

Руднев и Войцехович направились за ним к выходу...

Вскоре колонна соединения двинулась дальше. На дневку расположились в нескольких пунктах: Путивльский отряд со штабом соединения — в деревне Стодолище, в десяти километрах восточней Лельчиц; Глуховский отряд — в Забродье; шалыгинцы и кролевчане — в Корме.

Как и было приказано, к обеду точно в 14.00 Вася Войцехович принес Ковпаку на утверждение план предстоящей операции по разгрому Лельчицкого гарнизона. В фронтовых условиях штабу полка или дивизии для разработки подобного плана выделяется не менее суток; причем в разработке принимали бы участие несколько офицеров оперативного отделения. Войцехович делал это, как правило, один, на ходу, за два максимум три часа.

— Оцэ добрэ! — увидев готовый план операции, обрадовался Ковпак.— Гм... Побачим, шо ты тут напысав!..

Он сидел, похмыкивая, за столом в своей неизменной, уже изрядно поношенной фуфайке, надетой поверх защитной гимнастерки, в которой он вернулся в сентябре из Москвы, куда его вместе с другими командирами партизанских отрядов и соединений вызывал Сталин. И казалось, ничто, кроме этой карты, не существует сейчас для Ковпака как для хирурга, пристально рассматри-

вающего операционное поле... Пробежав глазами приказ, Ковпак спросил:

— Слухай, Васыль, скажи мэни... От мы, допустим, расположились на отдых в селе Стодолище. Отдыхаем. Вдруг ночью — стрельба, сразу с двух сторон. Ты — командир. Шо будешь делать?

— Ну, ясное дело! — засмеялся Войцехович. — Прежде всего я подумаю, как и куда отсюда лучше уйти. Потом дам хорошенько фрицам по зубам и постараюсь смыться.

— Молодэць, я б тоже так зробыв. Ну, а если противник вдарыть со всех сторон? — «Дед» энергично стукнул по карте, как раз по тому пункту, в котором размещался штаб соединения, двумя скрюченными, почти неподвижными пальцами — мизинцем и безымянным, хранившими след от старого ранения, еще времен гражданской войны. Потом одним средним пальцем обвел круг. — Если тебя окружили и нет ниякого выхода? Тоди шо будэш робыть?!

— Тогда, конечно, придется драться до последнего патрона, — спокойно ответил Войцехович, еще не понимая, куда клонит «Дед».

— Верно! Молодэць, правильно решаешь. — И вдруг спросил, посмотрев Васе прямо в глаза: — А як, по-твоему, поступить сегодня ночью нимэць в Лельчицах, если мы ударим по нему сразу со всех сторон?

Тут только молодой помначштаба понял, как ловко поймал его в этой штабной игре командир.

— Наверное, тоже будет остервенело сопротивляться — и ждать помощи! — сказал Войцехович и шутливо почесал затылок. — Отчаянно сопротивляться!

— Вот и я так думаю, — согласился с ним Ковпак. — А выгодно это нам?

— Да нет, не очень, — ответил Войцехович с обычной своей иронией. Он теперь с удовольствием следил за ходом мысли командира.

— То-то и оно! Значить, шоб воны здорово не сопротивлялись, надо оставить им надежду на выход. Но только — надежду! Поняв?

— Понимаю, Сидор Артемович, — опять кивнул Войцехович своей русой кудрявой головой.

— Тем более, — продолжал Ковпак, — там до двухсот человек полиции. А эта продажная братия постарается

сразу бросить своих хозяев. Так нам же лучше, если они бросят немцев и побегут из Лельчиц. Уничтожить полицейев мы можем и за городом, из засады.

— Ясно, Сидор Артемович. Это сделают кролевчане,— сказал Войцехович, мысленно представляя ход операции и уже ставя конкретную задачу перед каждым отрядом.

— Согласен,— Ковпак взял со стола приказ.— Исправляй план и вызывай сюда командиров отрядов. А тэпэр ходим обидать...

Замысел Ковпака был прост: ночью три отряда одновременно атакуют спящий гарнизон с запада, востока и юга. Северную сторону Лельчиц решено было оставить противнику в качестве «спасительных ворот». Жажущих спастись будет поджидать в засаде четвертый отряд.

Операцию решили закончить до утра. К трем часам ночи, когда сон с особой силой одолевает человека, отряды заняли исходное положение для атаки, чтобы застать лельчицкий гарнизон врасплох. Кульбака со своими глуховчанами должен был атаковать город с восточной окраины (с моста через реку Уборть), шалыгинцы во главе с Матющенко — с запада. А путивляне (командовал этим головным отрядом по старой памяти сам Ковпак) нажимали на противника с юга. Маленький подвижный Кролевецкий отряд стоял в засаде у дороги Лельчицы — Злодин на расстоянии километра от северной окраины Лельчиц.

Как это ни странно, но вражеский гарнизон, несмотря на вчерашнее «предупреждение» Ковпака, действительно спал. То ли помощник коменданта счел в конце концов телефонный разговор с Ковпаком за розыгрыш, то ли не посмел пугать своего шефа, но никаких дополнительных мер предосторожности немцы не приняли. В три часа ночи ковпаковские штурмовые отряды бесшумно проникли в город и внезапно с трех сторон атаковали фашистов.

Полицейские, как и предвидел Ковпак, сразу удрали из города. Бежали они по дороге на Злодин в специально приготовленную для них ловушку... Когда полицейские выскочили за черту города и уже считали, что благополучно вырвались из лап смерти, дозоры кролевчан доложили Валентину Подоляко, заместителю командира отряда:

— Идут полицаи! Прямо по дороге чешут, стадом!..

— Отлично! Пусть идут! — оживился Подоляко и с довольным видом покрутил свои воображаемые усы.— Подпустим в упор, чтобы ни один полицай не ушел!.. Передайте по цепи: без моей команды не стрелять!

— Без команды не стрелять! — послышался шепот справа и слева.— Подпустить поближе!..

Полицаи со всех ног удирали из города. В обманчивой предутренней мгле, натываясь друг на друга, они испуганно вскрикивали, ругались. Потом стало слышно тяжелое неровное дыхание бегущих. Подпустив их метров на пятнадцать, Валентин Подоляко дал длинную очередь из автомата. В тот же миг отозвались еще полсотни автоматов и с доброй десяткой «дегтярей». Предатели, не успев сделать ни одного ответного выстрела, как подкошенные, повалились на оледенелый булыжник дороги.

Стало рассветать. Неясные тени от деревьев сгруппировались по одну сторону дороги, как раз там и затаились партизаны. Виктору Жукову — разведчику, лежавшему крайним в цепи, казалось временами, что рядом с ним прячется кто-то. «Ерунда! Мерещится в темноте — успокаивал он себя. И переводя взгляд вверх, на макушки сосен, думал: — А вот когда снизу вверх на дерево помотришь, каждая иголочка видна... Так и с людьми, когда человек наверху стоит, всем виден. Трудное дело командиром быть...»

Потом сырой ветерок донес до его слуха стук сапог, бегущих по булыжнику. Жуков подполз к Подоляко, положил, вроде пошучивая:

— Еще одна порция полицейской швали сюда прет!

— Ладно, Витя, встретим и этих, — по-товарищески просто ответил ему Подоляко, спокойный и жизнерадостный. И тут же вполголоса передал по цепи: — Южней чуток передвиньтесь, параллельно шоссе, ребята. К Лельчицам ближе! Чтобы те полицаи, которые бегут сейчас сюда, не наткнулись на тех, что уже уokoшены нами.

Вторую «порцию» полицаяев, удирающих из Лельчиц, кролевчане встретили так же: уложили из засады всех, шквальным огнем почти в упор. Больше никто на этой дороге уже не появлялся.

...В городе события развивались менее успешно. Пока партизанские автоматчики очищали от гитлеровцев окраины Лельчиц, часть эсэсовцев успела отойти в центр.

Они засели там в бетонных окопах и траншеях, вырытых оккупантами заблаговременно в городском парке, расположенном на возвышенности, а также в стоявших возле парка крепких кирпичных домах. И отсюда, с господствующей высоты, гитлеровцы встретили партизан неистовым огнем из пулеметов и автоматов.

Атака захлебнулась. Партизаны подкатили «сорокапятку» поближе к доту, что находился у здания гебитскомиссариата, но она не причинила ему особого вреда. Снаряды отскакивали от бетона, как горох от стенки. Гитлеровцы поняли, что они здесь неуязвимы, и решили держаться во что бы то ни стало до подхода подкрепления.

Огонь противника заметно усилился. Попытки партизан прорваться в парк или в здание гебитскомиссариата приносили только ненужные жертвы. Началась безрезультатная огневая дуэль. Когда об этом доложили Ковпаку, он круто повернулся к Вершигоре, которого назначил на время операции своим заместителем:

— Пэтро! Иды туды и разберысь на месте как следует!.. А ты, Анисимов,— бросил он начальнику артиллерии, —пошли с ним одну пушку. Трэба помогты хлопцям.

Вместе с Вершигорой пошел «разбираться на месте» и лейтенант Осипчик во главе отделения разведчиков. Обстановка в районе парка сложилась крайне неблагоприятно для партизан: засевшие в укрытиях эсэсовцы непрерывно поливали из пулеметов и автоматов все подступы, проходы, щели... Осмотрев все на месте, Вершигора понял: не уничтожив дота, здание гебитскомиссариата не возьмешь.

Пока «Борода», как называли все ковпаковцы Вершигору, и командиры подразделений обсуждали ситуацию, пока артиллеристы Анисимова устанавливали 76-миллиметровую пушку для стрельбы прямой наводкой, лейтенант Осипчик (ведь не зря же он обшарил тут каждый уголок прошлой ночью) юркнул куда-то в темноту со своими разведчиками.

— Ну-ка, ребята, дайте по этому доту бронебойными! — приказал Петр Петрович артиллеристам.— Посмотрим, что после этого запоют фрицы?

— Дадим, товарищ подполковник (Вершигоре недавно присвоили очередное звание). Сейчас дадим! — ответил шумный громадный Давид Бакрадзе, который в то время был командиром орудия.

Три месяца назад его, майора артиллериста Анисимова, и еще двадцать шесть человек, отощавших и оборванных после побега из Конотопского лагеря для военнопленных, привел в Брянский лес к Ковпаку разведчик-ас «Саша» (Ефрем Берсенеv), возвращаясь с очередного диверсионного задания.

Первые же 76-миллиметровые снаряды, выпущенные по доту с расстояния сотни метров, явно изменили настроение эсэсовцев. Пулеметы их сразу умолкли, но через некоторое время залаяли снова.

Следующие снаряды партизан угодили прямо в амбразуру. Блеснула короткая яркая вспышка, и дот замер совсем.

— Готово, товарищ подполковник! — доложил Бакрадзе.

Однако из окопов и траншей, вырытых в парке на пригорке, и из здания гебитскомиссариата пулеметы хлестали с прежней силой. Партизанские минометы открыли ответный огонь... И тут вдруг из парка донеслись густые очереди отечественных автоматов, а вслед за ними раздался громкий крик:

— Эй, черти, по своим не лупите!.. Прекратите огонь из минометов!

— Это Осипчик со своей братвой там орудует! Молодчина! — обрадовался Вершигора, узнавший голоса разведчиков. Потом скомандовал: — Поможем ему, вперед!.. А ты, — обратился он к Бакрадзе, — пошли быстренько пару фугасных в здание гебитскомиссариата.

Несколько снарядов по гебитскомиссариату, в котором засело фашистское офицерье, тоже сделали свое дело. Огонь вражеских пулеметов там ослаб, и в тот же миг в здании заухали взрывы гранат.

Первыми в здание немецкого комиссариата прыгнули быстрый и подвижный, как мальчишка, ротный политрук Пшеницын в остроконечной, издалека видной всем буденовке; за ним — семнадцатилетняя автоматчица Нина Созина, всегда рвавшаяся вперед, а потом — Виктор Камаев и остальные ребята из роты Андрея Цимбала.

— Товарищ подполковник! Вторая рота ворвалась в здание гебитса! — сообщил связной. — Цимбал просил вас, чтобы пушка перестала стрелять. Теперь он сам справится.

— Хорошо, — ответил Вершигора.

К восьми часам утра стрельба почти прекратилась. Кое-где раздавались только одиночные выстрелы или короткие автоматные очереди. Это ковпаковцы приканчивали спрятавшихся по чердакам и щелям эсэсовцев. Вражеский гарнизон, насчитывавший более пятисот человек, был уничтожен полностью.

Подкрепление, на которое надеялся окруженный гарнизон, подошло только днем — к четырнадцати часам. Оно появилось со стороны села Стодолище — до десятка машин с пехотой в сопровождении трех броневиков. Все отряды Ковпака, кроме Глуховского, в это время уже отдыхали в селе Боровом.

Когда свежая вражеская колонна подошла к реке Уборть, мост догорал. Глуховчане, оставленные Ковпаком в Лельчицах для прикрытия хозяйственного обоза, который вывозил в лес добытые в бою трофеи, подпустили вражескую колонну прямо к сожженному, уже обуглившемуся мосту с жарко пылающим деревянным настилом, и внезапным огнем из противотанковой пушки и пулеметов уничтожили две бронемашины, а с ними вместе и около двухсот гитлеровцев.

На следующий день, подводя итоги сложного и напряженного боя за Лельчицы, комиссар Руднев, тщательно следивший за учебой молодых партизанских командиров, сказал на тактическом разборе:

— В этом бою мы показали врагу не только свою силу, но и профессиональную воинскую зрелость. Мы можем гордиться этой победой. Ведь мы сравнительно небольшими силами сумели окружить и полностью уничтожить крупный, до зубов вооруженный вражеский гарнизон, засевший в неприступных бетонных укреплениях... Так когда-то, еще за двести с лишним лет до нашей эры, карфагенский полководец Ганнибал окружил и наголову разгромил при Каннах многочисленные легионы римлян. Лельчицы — это наши партизанские Канны, откуда никто из врагов не ушел живым.

Уничтожение гебитскомиссариата вместе с охранявшим его гарнизоном эсэсовцев в самом центре Полесья мгновенно изменило настроение полешуков. Измученные грабежами и зверствами, они сразу взяли за оружие, начали создавать партизанские отряды. К тому же в эти

дни Москва передала сводку о начале контрнаступления советских войск под Сталинградом. Долгожданное известие воодушевило всех, особенно партизан.

— Поможем и мы Сталинграду! — воскликнул комиссар Руднев, выслушав сводку Совинформбюро.

Помочь — это значило нанести удар по какой-нибудь важной вражеской коммуникации и тем самым остановить, задержать подвоз резервов противника к самому решающему участку фронта — к Сталинграду.

Полесье с запада на восток и с севера на юг прочерчивали две магистрали, скрещиваясь в центре, в городе Сарны. Через этот железнодорожный узел гитлеровцы непрерывно посылали на восток войска, технику, боеприпасы, а на запад везли украинскую пшеницу, скот, награбленное имущество и — что больше всего угнетало партизан — угоняли в неволю советских людей.

Несколько вечеров Ковпак, Руднев и весь штаб просидели над картой, ломая голову — как остановить гитлеровские эшелоны, как вывести из строя этот узелок? Захватить? Он был соединению не по зубам: Сарнский гарнизон численностью во много раз превосходил ковпакцев, да к тому же и подступы к городу были неудобные для наступления партизан. Но штаб Ковпака нашел выход. Решено было в одну ночь, в один и тот же час взорвать мосты на всех четырех дорогах, на подступах к городу и тем самым полностью вывести узел из строя.

— Отак будэ добрэ,— сказал дед Ковпак.— Поставымо на Сарнах крест.— Отсюда и родилось название операции — «Сарнский крест».

Для взрыва мостов нужно было посылать в разные стороны, в радиусе ста — ста пятидесяти километров несколько самостоятельных подразделений. Подбирали на такие задания наиболее толковых и решительных командиров. Андрею Цимбалу с его ротой предстояло уничтожить самый дальний, самый крупный и наиболее надежно охраняемый мост на реке Горынь у станции Антоновка, западней города Сарны. Приказ командования Андрей, как всегда, воспринял с радостью.

— Только для этого дела неплохо бы иметь с десяток маскхалатов,— попросил он.

Ковпак что-то прикинул в уме, потом обернулся к своему помощнику по хозяйству:

— Дадим!

— Сидор Артемович, у меня осталось всего четыре штуки,— взмолился помпохоз Павловский — старый партизан еще времен гражданской войны, не в меру ретиво наводивший во всем экономию.

— Трэба пошить,— мягко, но тоном, не допускающим пререканий, повторил дед Ковпак.

Хлопцы сами пошили себе маскхалаты из парашютов, на которых летчики сбрасывали Ковпаку боеприпасы и медикаменты, доставляемые с Большой земли. 2 декабря, погрузив взрывчатку и всю свою братию на сани, Цимбал двинулся в путь.

Отдохнувшие за неделю лошади бежали резво. Снег притрусил дорогу, полозья скользили почти без скрипа. Настроение у ребят было приподнято предстоящим «чих-пыхом», как в шутку вся 2-я рота называла стычку с противником. Андрей, по своей неизменной привычке быть впереди роты, ехал на головных санях. Мысленно он был уже у моста.

Против Андрея сидел новый его политрук Федор Пшеницын, туго подпоясанный армейским ремнем поверх шинели, в теплой буденовке, застегнутой у самого подбородка. До Пшеницына ротным политруком был Филипп Рудь, погибший недавно. Молодой, красивый, веселый, мастер вести разговор, журналист в довоенном прошлом, он мог один написать, отредактировать и набрать всю партизанскую многотиражку, случись такая необходимость. Сам комиссар соединения души не чаял в Руде. Другого такого политрука, думалось Цимбалу, уже не найти: за Рудем шли в огонь и в воду!

Завоевать авторитет во 2-й роте, состоявшей сплошь из смелых, прошедших огни и воды, армейцев, было нелегко. Однако Пшеницын — молчаливый, мало приметный с виду — все же чем-то притягивал к себе симпатию Андрея, да и всех остальных ребят. «Главное, что он карту может здорово читать... И вообще — кадровый военный»,— решил Цимбал, глядя в спокойные, узко прорезанные глаза молчаливого политрука. И чтобы поговорить по душам с преемником Рудя, бросил, будто шутя:

— Постараемся с тобой, политрук, в нашем ротном масштабе, дополнять друг друга, как делают это наш дед Ковпак и комиссар Руднев.

Федор понимающе кивнул: сравнение было очень точным. Имея всего один класс образования да сержант-

ские петлицы, честно заработанные на опасной службе пограничника, Андрей Цимбал был (как сам дед Ковпак) настоящим самородком в военном деле. Какая-то, недоступная другим, интуиция помогала ему, мгновенно оценив всю сложность обстановки, принимать самое правильное, спасительное для всех решение. И тот же Андрей, ткнув пальцем в карту, иногда мог спросить без ложного стеснения у своего нового политрука:

— А цэ шо такэ? Лес или болото?

«Если вникнуть в наши штабные пружины,— невольно улыбнулся своим мыслям политрук,— то так же точно комиссар Руднев водит иногда по оперативной карте рукой деда Ковпака. Но все равно Ковпак — это глыба, врожденный полководческий дар...»

И еще ротный политрук, часто старавшийся представить себе, как поступил бы и что именно сказал бы комиссар Руднев на его, Федора Пшеницына, месте, отметил с восхищением: «До чего же скромн наш Семен Васильевич! Сколько раз (и опытному военному нетрудно догадаться об этом) Семен Васильевич сам наталкивал крутого, норовистого Ковпака на необходимое решение. Но никому, ни полсловом не выдал этого их дружеского секрета, храня, как зеницу ока, авторитет командира соединения».

— О чем ты думаешь сейчас? — спросил Цимбал у политрука, заметив улыбку в уголках его твердых чистых губ. — Об операции?

— Об операции подумаем над картой,— дружелюбно ответил Пшеницын, заранее представляя себе, как Цимбал, приехав в заданное место, сделает самолично разведку. Именно разведку, под самым носом врага, которая по силам только бывалому пограничнику. А потом уже, обмозговав с политруком все детали, пойдут они вдвоем еще и на командирскую рекогносцировку.— Знаешь, я сейчас прошлое вспоминаю. История, брат — это что-то вроде эстафеты. Вот недолго, казалось бы, провоевал наш Филипп Рудь, но сколько он успел сделать на своем участке этой нашей общей боевой эстафеты, насколько облегчил дальнейшее продвижение другим!

Цимбал, удивляясь этим словам, так точно попавшим ему в душу, протянул задумчиво:

— Да... Тебя я понимаю, политрук! Мы с тобой срабатываемся...

На рассвете рота подобралась к цели. Все затаились в лознячке.

По данным разведки, немцы охраняли этот мост через Горынь крепко: с обеих сторон — дзоты с пулеметами; подступы опутаны колючей проволокой, а кое-где и спиралью Бруно, попасть в которую — все равно, что в капкан. К тому же в полутора-двух километрах от моста, на станции Антонувка размещался вражеский гарнизон, который в случае нападения на охрану мог через несколько минут прийти ей на помощь. И Андрей соображал, как захватить этот мост без крови. Он понимал: если брать объект с боем, можно положить всю роту и не достичь цели.

Цимбал добрался до Горыни на рассвете еще затемно. Но брать мост с ходу не стал. Бесстрашный разведчик, он сам весь день пролежал со своими взводными в снегу на лесной опушке, тщательно изучая подступы к этому мосту, систему и режим охраны, — как это и предвидел заранее политрук Пшеницын.

Обсуждали предстоящую операцию с Цимбалом, кроме политрука, ветераны 2-й роты: напористый, быстрый Виктор Камаев и невозмутимый улыбчивый богатырь Леонид Прутковский, обучавшийся азам боевого искусства еще на школьной скамье в Осоавиахиме, а затем — в войне с белофиннами. Все вместе, вчетвером, всматривались сейчас в карту, взвешивая каждый шаг.

Андрей внимательно выслушал каждого, но решение принял сам, вдруг.

Трехлетняя служба на границе не пропала даром. Умение всесторонне анализировать каждую деталь и врожденная смекалка помогли ему обнаружить промахи врага в организации охраны. Педантичные и самонадеянные немцы, казалось бы, предусмотрели все, чтобы исключить безнаказанное проникновение к объекту. Все, кроме одного, — зимы. Этим-то и воспользовался Цимбал. Он сразу определил: легче всего проникнуть к мосту, минуя все заграждения, прямо по льду. (Вот тут-то и понадобятся маскхалаты!). Одного отделения для захвата моста было вполне достаточно. На всякий случай ребят прикроет целый взвод. Все надо успеть сделать между сменами часовых. Другим взводом блокировать станцию Антонувку.

В полночь, взяв с собой самого шустрого парня из

роты взводного Колю Михайленко и отделение Николая Черникова, чернобрового красавца, чей подарок — фронтальной автомат ППД носил теперь дед Ковпак, — Цимбал подкрался незаметно к мосту. Партизаны без шума сняли часовых, подвесили ящики с толом, зажгли шнуры и успели спокойно отойти на безопасное расстояние.

Тревогу подняла новая смена караула. Но было поздно: раздался страшной силы взрыв, разнесший вдребезги не только мост, но и бункера, в которых размещалась охрана.

Расчет Цимбала оказался безошибочным. Сержант родимцевской дивизии, которая дралась в эти дни на волжском берегу, помогал ей в глубоком вражеском тылу, за полторы тысячи километров от линии фронта, задерживая подход вражеских резервов.

В этот же час взлетело в воздух еще четыре моста, взорванных ковпаковцами южнее, восточнее и севернее станции. Сарнский узел, разрубленный в пяти местах, перестал существовать. На нем был поставлен крест. Это произошло в ночь на 5 декабря сорок второго года. В ту самую ночь, когда советские войска завершили окружение армий Паулюса под Сталинградом...

После выхода из строя Сарнского железнодорожного узла захватчики уже на следующие сутки бросили на соединение Ковпака и Руднева около двух пехотных дивизий. Видно, удар пришелся по очень больному месту фюрера, если он в дни Сталинградской битвы, которая обернулась для него катастрофой, вынужден был посылать свои резервы не только на выручку Паулюсу под Сталинград, но и в Полесье.

В январе сорок третьего года Верховное командование через Украинский штаб партизанского движения поставило Ковпаку новую задачу — парализовать Коростеньский железнодорожный узел. На карте он выглядел намного внушительней Сарнского и был похож на паука. Решив обрубить щупальца и этому фашистскому пауку, Ковпак и Руднев дерзнули совершить со своими отрядами отчаянный вираж вокруг Коростеня по открытой местности, обходя город с запада и юга и уничтожая мосты на дорогах, по которым гитлеровцы гнали эшелоны из глубокого тыла. Затем под Житомиром соединение по-

вернуло на северо-восток и, сделав стремительный бросок к Киеву, в ночь на 14 марта взорвало последний, самый крупный мост на реке Тетерев и пять мостов на шоссейках, идущих к Киеву, покончив таким образом с Коростеньским узлом.

Захват самого неприступного, Тетеревского железнодорожного моста был поручен опять Цимбалу. Мост охраняли две роты немцев. Они сидели в бетонных укреплениях по обе стороны реки с месячным запасом продовольствия и боеприпасов, уверенные, что их ничем не возьмешь.

Еще в штабе, оценив обстановку, Цимбал сдвинул с затылка на лоб свою выдавшую виды красноверхую караулевую кубанку, заметил:

— М-да!.. Это — не Горынь, здесь не отделаешься уничтожением часовых на мосту. Надо сразу кончать весь гарнизон, прямо в дотах.

Это было все равно, что залезть в люк вражеского танка и перебить экипаж. Но Цимбал рискнул. Впрочем, риск его был основан на точном расчете.

К станции Тетерев Андрей Цимбал пришел со своей ротой за два часа до указанного срока. Не любя ничего делать вслепую, он решил лично наблюдать за поведением противника, чтобы на месте определить: как лучше, быстрее и без потерь «накрыть» охрану.

Оставив роту на опушке леса, у станции, Цимбал командовал двум своим верным дружкам, не раз бывавшим в таких переделках:

— Мазеин и Бабичев — со мной! Остальным — ждать на месте.

Три фигуры тут же растворились в темноте. Снег уже почти сошел с земли. По-кошачьи крадучись в черноте мартовской ночи, они приблизились к каким-то одиноким строениям у железнодорожного полотна. И только Андрей, шедший впереди с автоматом наготове, повернул за угол, как вдруг лицом к лицу столкнулся с немцем. На мгновение немец оцепенел от испуга. Потом его правая рука рванулась к кобуре пистолета. Но Андрей вовремя перехватил ее, бросив сквозь зубы:

— Спокойно, Ганс! — И с такой силой сжал ему запястье, что немец — он оказался уже немолодым и каким-то плюгавеньким — сразу присел от боли.

— Вот так, — похвалил Андрей, выхватив левой рукой

из его кобуры парабеллум.— Теперь давай поговорим с тобой, фашист!

— Нет, я не есть фашист,— ответил тот почти на чистом русском языке.— Гитлер — фашист, Гитлер — капут!.. Я есть рабочи на железны дорога, понимаешь? Путье-оп-хот-чик!.. И имеет шена и детишки... я не хочу стреляйт...

— Ладно, хватит! — прервал его Цимбал. Он очень спешил.— Мы не будем тебя стрелять, если ты поможешь нам... Немцев много тут? Охрана большая на мосту?

— О, большой! На эта сторона и на та — большой дот с пулеметы и зольдаты... сто человек. Возле дот на эта сторона три зольдат — пост. На та сторона — два зольдат. На станции — эйнэ компани... Одна рота. Там командант и штаб.

— Еще где солдаты? — спросил Андрей.

Немец задумался.

— Два киломэтэр отсюда — много немецки зольдат в русски военны казарма. Шетыре тысяч. Отдыхайт после Сталинград.

— Пароль знаешь на сегодня? — спросил Андрей.

— Знаешь,— ответил тот.— Ночь я должен ходить проверяйт путь... в два часа.

«Хорошо»,— обрадовался Цимбал. А немцу сказал:

— Тогда ты поведешь нас на мост.

— Хорошо, я будет проводить.

— Но предупреждаю: если обманешь — первая пуля твоя!..

Бабичева Цимбал послал обратно в роту:

— Беги, Витя, и передай замполиту Пшеницыну, пусть первым взводом блокирует казарму с немцами, а остальных со взрывчаткой сюда!..

Как только прибыло подкрепление, Цимбал приказал:

— Мазеин, Бабичев, Коровин — со мной! Остальным осторожно следовать за нами — в пятидесяти метрах, по правой стороне насыпи... Камрад, пошли,— толкнул он легонько немца.

При подходе к мосту послышался окрик:

— Хальт! Пароль?

Путьеобходчик сдержал слово и быстро ответил по-немецки, что нужно. Подойдя вплотную к часовым, Цимбал, Мазеин и Бабичев в один миг обезоружили их. Те не

успели даже понять, что произошло. Появившиеся, как из-под земли, партизаны тут же увели пленных подальше от моста.

Кузьма Коровин (в роте его называли все «Колькой», с легкой руки шутника Николая Черникова, утверждавшего, что это имя — самое «живучее», то есть счастливое) подбежал к мосту даже раньше других и «занимался» тем временем с двумя полицейскими, которые могли бы поднять тревогу и испортить все дело.

Потом, сдав обомлевших полицейских в группу пленных, Коровин помчался «работать» дальше (это было его любимое выражение). По лестнице, ведущей на насыпь, он мгновенно подбежал к сторожевой будке и, прикончив спящего дежурного, захватил пулемет...

— Ребята,— шепнул Андрей Цимбал уже освободившимся Бабичеву и Прутковскому,— я пойду к другому доту. Второй взвод пошлете вслед за мной — по мосту. В сторожевой будке уже кто-то из наших, но про осторожность не забывайте! Останетесь с третьим взводом здесь — кончать этот дот, как только услышите мой сигнал.

На противоположном берегу Цимбалу пришлось прикончить часовых: они начали сопротивляться. С остальными немцами, преспокойно спавшими в дотах, партизаны справились быстро. Теперь минеры могли рвать мост.

Что же касается немца-путеобходчика, который помог партизанам, то Цимбал взял его к себе в роту. Правда, настоящий вояка из него не получился, но за переводчика он кое-как сходил...

Вполне понятно, что после взрыва такого важного моста на соединение опять навалились каратели. Они спешили на машинах из Киева, Коростеня, Житомира, атаковали ковпаковцев со всех сторон. В этой сложной обстановке, в бою был тяжело ранен Андрей Цимбал. Его прошила вражеская пулеметная очередь.

Спас беспомощного, полумертвого Андрея шофер с Чуйского тракта Кузьма Коровин, который, извиваясь угрем, полз под вражескими пулями за своим раненым командиром.

Случай этот произошел 22 марта у хутора Грязлыва, где 2-я рота стояла заставой. По дороге к хутору двига-

лась колонна противника. В дозоре у Цимбала оказались почти все новички, еще не обстрелянные ребята. Увидев немецкую колонну, они, не предупредив своего командира, открыли огонь. Фашисты, разумеется, сразу перестроились из походного в боевой порядок и повели наступление. Фактор внезапности, столь много значащий для партизан, был утерян. Цимбалу сейчас ничего не оставалось, как принять неравный и крайне невыгодный для него оборонительный бой.

В общем, за неопытность и горячность своих новых подчиненных Андрей расплатился тяжелым ранением. Чтобы спасти жизнь славного комроты, надо было срочно отправить его на Большую землю. К счастью, в ту же ночь от Ковпака улетали два транспортных самолета. Но Цимбал вдруг запротестовал:

— Не поеду. Я и здесь поправлюсь! — с трудом ворочая языком, бормотал он. — Не имеете права... Насильно эвакуировать!..

Он пытался даже сопротивляться, хотя, как говорится, душа у него еле держалась в теле: и грудь, и бок, и ноги, — все было в окровавленных бинтах.

— Нет, Андрей! Так нельзя... Ты потерял много крови, и в наших условиях мы тебя не спасем! — уговаривали его врачи, комиссар и сам командир.

— Ничего, выдержу... А не выдержу — похороните. Но на Большую землю не полечу! Не полечу — и все!

— Почему это?! — выходил из себя Руднев. Надо было дорожить каждой минутой: к партизанскому аэродрому, на котором стояли загруженные ранеными машины, рвались гитлеровцы.

— А вы дадите мне гарантию, что меня оттуда пошлют к вам обратно? — нахмурившись, прямо спросил у комиссара Андрей.

— Ах, вот в чем дело! — Руднев усмехнулся в густые черные усы.

И тут же, стоя, написал на листке блокнота записку начальнику Штаба партизанского движения Украины генералу Строкачу, в которой просил направить Цимбала после госпиталя обратно в соединение. Ковпак тоже подписал ее.

Пробежав записку глазами, Андрей согласился:

— Ну, теперь отправляйте!..

Если Андрею Цимбалу и Федору Карпенко, оказавшимся со своими разведчиками в тылу врага, повезло сразу встретить деда Ковпака и занять прочное место в боевом коллективе, то большинство окруженцев, приходивших в отряд, пробирались чуть ли не от самой границы, порой в одиночку, сквозь лагерь смерти и густую сеть вражеских заслонов...

Такой тернистый путь проделал и Валентин Подоляко — смелый, никогда не унывающий парень, с мягкой девичьей улыбкой на бронзовом лице.

Попав в окружение, Подоляко прошел сотни верст, чтобы перебраться через линию фронта. Но вспоминать об этих своих мытарствах он не любил. Только самый близкий друг его, Леша Борисов — сбитый в Крыму морской летчик — знал о Вале все, потому что почти весь этот страшный путь по тылам врага они преодолевали вместе.

Борисова сбили на малой высоте под вечер... Это был его второй боевой вылет за день (их эскадрилья штурмовала дорогу Саки — Бахчисарай). Машину охватило пламенем, но сам летчик уцелел. Обгорели только немножко спина, волосы и брови.

Поминутно рискуя жизнью, Борисов прошел несколько минных полей... До фронта было километров пятьсот, и он решил продвигаться на северо-восток, оставляя в стороне Донбасс, откуда ему навстречу брели голодные люди с котомками.

Борисов часто ночевал в скирдах, обходя населенные пункты. Но холода прижали его к человеческому жилью.

Под Харьковом, в районе Лозовой, завернул он как-то вечером в сельскую управу попроситься на ночлег. Без ведома начальства никому не предоставляли убежища: приказы, угрожавшие смертной казнью за непослушание, чернели на каждом заборе.

Самого старосты в помещении управы не было. За обшарпанным столом сидел светловолосый бронзоволицый парень в старом, с чужого плеча пиджаке, в крепких яловых солдатских сапогах — Валентин Подоляко. «Да, видно мы с ним — одного поля ягода!» — отметил про себя Борисов. Он тоже был кое-как переодет добрыми людьми.

— Здорово, приятель! — сказал Борисов.

— Здорово!

Смотрели они друг на друга испытывающе. Но все-таки решили попросить, чтобы староста определил их на постой вместе.

— А хозяйку не обожрем? — полушутя забеспокоился Валентин. На его подбородке, когда он улыбнулся, отчетливо обозначилась ямочка.— У одного меня аппетит на двоих!

Леша рассмеялся, радуясь в душе, что товарищ, видно, попался ему веселый и совестливый.

Тем временем появился староста. Выслушав их просьбу — устроить обоих под одной крышей, почесал жирный красный затылок:

— Не знаю, где теперь есть еда...

Но все-таки разместил обоих у одной хозяйки. И потому, как подсовывал Валентин новому товарищу лучший кусок во время ужина, как заботливо согревал его ночью своим теплом, Леша понял: такой нигде не подведет!..

О самом важном говорили Подоляко с Борисовым в ту ночь.

— Куда держишь путь? — прямо спросил Борисов.

— Конечно, к фронту! — ответил без колебаний Валентин.— План у меня простой: делать по двадцать пять километров в сутки. За двенадцать дней должны дойти!.. Сам знаешь — время поджигает, расслаживаться тут некогда.

Рассказал он тогда о себе Борисову все: как жил до войны в Клину, под Москвой. Как учился потом в Ленинграде (Подоляко мечтал стать инженером-транспортником). Родился же он на Украине, в Сумах... И получалось, если послушать его, так, будто все эти города ему одинаково родные, и за каждый он в ответе.

С той ночи Валентин и Алексей продвигались вдвоем, стремясь любой ценой выйти из окружения. Под Изюмом они услышали от людей, что линия фронта проходит по Донцу. Потом — что она где-то уже за Донцом. И с каждым днем эта линия откатывалась все дальше на восток... Но Валентин упорно твердил:

— Главное — верить, тогда мы дойдем!

А мороз жал все злее, уже было тридцать градусов на удивление старикам. Потом и тридцать пять ударило, да еще с ветерком... Идти становилось все тяжелей.

И все-таки цель теперь была близка: Подоляко и Борисов уже видели тылы немецкой армии — обозы, машины. Все чаще раздавалась орудийная стрельба, все ярче полыхали в ночном небе вражеские ракеты.

— Скоро будем у своих,— радовался Подоляко.

Выбрав глухую лесистую местность, друзья надеялись перейти линию фронта за одну ночь. Но у них не было карты, и они не рассчитали свои силы. К утру Подоляко и Борисову, обессилевшим и обмороженным, пришлось по собственным следам в глубоком снегу вернуться в то село, откуда вышли они накануне. Только теперь в селе было уже полным-полно фашистских солдат. Ребята еле нашли хатенку, пока еще не занятую немцами (регистрироваться оба перестали уже давно).

На следующий день у Борисова начался жар. Руки и ноги не слушались, голова гудела.

— Воспаление легких у тебя, дружище! — определил Валентин.— Надо оттянуться обратно, подальше в тыл. Негде тут тебя ремонтировать.

Подоляко замотал шею Борисова своим шерстяным шарфом (это была его единственная теплая вещь, напоминавшая о доме и мирной спокойной жизни). Валентин шел, посиневший от холода, поддерживая товарища за плечи, уговаривал:

— Ты дыши через шарф, не глотай холодный воздух!..

Двинулись они теперь в обход Харькова. Неподалеку от села Гниловки забрели в глухой, не занятый немцами хуторок, прилепившийся к самой опушке леса.

Борисову смутно запомнилось: Валентин ввел его в жаркое, хмельное тепло хаты. Бросились в глаза какие-то замысловатые трубки, отходящие от печурки с чугуном — самогонная «аппаратура». Дышать было нечем, Борисов задыхался от дыма и спиртных паров. Все плыло как в тумане...

К вечеру Леше стало совсем плохо. Он потерял сознание. Подоляко не ошибся — у Борисова было воспаление легких.

Несколько суток провалялся Леша Борисов в беспомощности. К бабке, между тем, начали наведываться местные полицаи, стали расспрашивать: что это за квартиранты? Хоть и откупалась находчивая бабка самогоном собственного производства, и даже в родичи зачислила обоих друзей, но Валю для безопасности уговаривала:

— Тикай, сынку! Хворого не заберут, он им не страшный. А ты здоровше, тебя зацапают!

Однако Валентин не мог бросить друга в беде. Сам ухаживал за ним день и ночь, почти не смыкая глаз. Поил и кормил Лешу, как маленького, с ложечки, согревая его своим телом.

Однажды, после очередного «консилиума» с бабкой, Валентин насильно влил первача в рот больному, чтобы тот прогрелся хорошенько. Леша сразу потерял сознание. На лбу его выступил холодный пот,— так что льняные почти белые волосы потемнели и слиплись. Потом его опять бросило в жар, опять в озноб...

— Ну и испугался же я за тебя тогда! — рассказывал позже ему Валентин.— Эх, думаю, добил друга!..

Через два дня Борисов поднялся, хоть и передвигался по хате, держась за стены.

Казалось бы, после всех этих мытарств Подоляко с Борисовым откажутся от мысли выбраться из окружения. Однако они упорно твердили свое: «Все равно вырвемся!» И настойчиво продвигались к линии фронта.

Была у них в пути еще вынужденная остановка: у Валентина начиналась гангрена — пальцы на одной ноге почернели и почти омертвели. К счастью, попал он на глаза деду, искусному в деле врачевания. Тот клал на обмороженную ногу какие-то травы; лил прокипяченный коровий навоз, потом опять парил больное место и смазывал его гусиным жиром... Ногу «служивому» старик подлечил. Только с той поры Подоляко ходил уже чуть вперевалку, по-медвежьи ставя носки внутрь.

Оба парня оказались на диво выносливыми. Но не в одной выносливости тут дело. Главное для них было — борьба с врагом. Подоляко с Борисовым всеми силами стремились на фронт и это стало для них важнее жизни.

Километров за тридцать от фронта — на хуторе, который Подоляко и Борисов избрали исходной позицией, чтобы, дождавшись темноты, сделать последний бросок, их поджидала новая беда. Только вошли в хату погреться, хозяйка сразу запричитала, испуганно прикрывая ладонью рот:

— Боже ж мой!.. Таких, як вы, отут в яру четырнадцать душ расстреляли!..

— А нас, мамаша, не расстреляют: мы застрахованы Госстрахом! — пошутил Валентин. У них с Лешей был за-

кон: не унывать ни при каких обстоятельствах, подбадривать друг друга шуткой.

Бедная женщина щедро поделилась с ними тем немногим, что удалось ей сберечь от гитлеровцев. Налила им кулеша, если можно так назвать одну пшенку с водой, даже без соли. Пока друзья торопливо ели горячее варево из общей миски, хозяйка смотрела в щелочку, процарапанную ногтем в морозной росписи окна. Вдруг, побледнев, женщина шепнула:

— Немци!..

Раздались топот и громкая гортанная речь.

Валентину и Леше некогда было сговариваться, что делать. Они успели только обменяться взглядами. И поняли друг друга без слов. Борисов мгновенно снял верхнюю одежду — старый чужой ватник; лег, будто больной, в постель. Валентин тоже скинул все лишнее, делая вид, что он тут в доме свой, да и двигаться без ватника, в случае чего, было бы легче. Сел спокойно, нога на ногу, подле «больного» и крутит сигарку.

Вошли трое немцев, громко стуча дверьми. Леша лишь теперь бросил взгляд на лежащий в стороне свой пиджак: пистолет, единственный на двоих, там, за подкладкой. Поторопились они с маскарадом.

Вид у вошедших был, правда, не очень воинственный: пилотки нелепо сдвинуты на уши, поверх пилотов бабьи повязаны теплые платки. На сапогах — головки от валенок. Даже винтовки у этих тыловых вояк висели прикладом вверх. Валентин невольно улыбнулся, опять переглянувшись с Лешей. Старший из немцев, подойдя вплотную к Валентину, невозмутимо сворачивавшему сигарку, спросил громко, на ломаном языке:

— Рус зольдат?

— Нет, не солдат. Мы мирные люди, — спокойно ответил Подоляко.

— Партизан?! — не поверив ему, даже притопнул своим коротким неуклюжим валенком немец. — Никс документ — капут!

Друзья почувствовали: дело плохо. Надо было действовать.

— Папир! Вы есть ходиль командант?! — заорал фашист и, сняв винтовку с плеча, еще раз повторил свой вопрос по-немецки.

— Не понимаю... — Валентин знал язык неплохо, но

хотел выиграть время. Потом наконец, будто сообразив что-то, сказал: — Да, да. Был.

— Папир! — требовал гитлеровец.

Леша с напряженным вниманием следил за каждым жестом товарища. «Два и три», — показал на пальцах Валентин.

На их счастье, тот из немцев, что был старше по званию, решил вдруг почему-то осмотреть другую половину хаты, имевшую отдельный ход. Он позвал с собой еще одного солдата и испуганную хозяйку. Когда наружная дверь закрылась за ними, Леша (он лежал на кровати укрытый, в своих тяжелых солдатских ботинках) с отчаянной силой ударил оставшегося фашиста ногой в живот. Валентин, изловчившись, еще дважды стукнул его ногой по голове. Схватив свою худую одежонку, друзья выскочили во двор.

Но убежать с хуторка было невозможно: все просматривалось насквозь... До наступления темноты Подоляко и Борисову пришлось играть в кошки-мышки со смертью. Спаслись двум смелым парням помогли жители: они молча показывали, где немецкие патрули.

Так Борисов и Подоляко блуждали вдоль линии фронта, пока не встретились с двумя собратьями по несчастью — коммунистами из Кролевецкого района Сумской области: Карпом Онопченко и Василием Кудрявским. Оставленные для нелегальной работы и выданные каким-то негодяем, они едва успели скрыться. Семьи обоих еще прятались неподалеку от родных мест.

Теперь, рассказав друг другу о своих похождениях, подумав сообща, что делать дальше, все четверо пришли к выводу: раз уж нельзя вырваться из окружения, чтобы выполнить свой долг на фронте — то надо воевать в тылу врага, поднимая на борьбу народ.

Держалась маленькая группа осторожно. Ночевали подальше от любопытных глаз. Как-то, когда вся четверка расположилась в заброшенном колхозном амбаре, Подоляко, наслушавшийся в близлежащих селах о таинственном «цыганском» отряде Ковпака, воскликнул:

— Вот бы нам присоединиться к этим ковпаковцам!

— К ковпаковцам? Уж не тот ли это Ковпак, что был до войны председателем исполкома в Путивльском районе? — наперебой заговорили Кудрявский и Онопченко. — Да мы ж соседи по районам.

— Тем более! — подхватил Борисов. — Значит, он наверняка согласится принять нас в отряд. Вопрос в том, где найти этого неуловимого Ковпака!..

В конце концов по следам недавних боев, окруженным пестрой рябью слухов и фантастических домыслов, Подоляко с другом и двое подпольщиков-кролевчан разыскали «цыганское», вечно рейдирующее соединение.

Приход этой четверки к Ковпаку и был началом организации Кролевецкого отряда. Василий Кудрявский, которого Сидор Артемович действительно помнил еще по довоенным временам — по работе в райисполкоме, — стал командиром нового отряда. А Карп Онопченко, очень рассудительный и душевный человек, был назначен комиссаром кролевчан.

В нелегкой партизанской «академии» Подоляко и Борисов учились, начиная с самых азов.

— Для мэнэ всё одно, хто ты, хоч сам гэнэрал! — любил предупреждать Сидор Артемович новичков. — Бери винтовку и воюй! А там побачим, шо з тэбэ, выйдэ.

Винтовка эта еще «ходила» на плече у врага, взять ее было не просто. Но Подоляко и Борисов выдержали испытание с честью.

Вскоре они командовали партизанскими ротами в Кролевецком отряде. Вместе отправлялись друзья на боевые задания — оба одинаково аккуратные и исполнительные. Даже внешне они были похожи друг на друга: рослые, стройные, светловолосые. Сначала их принимали за братьев, — да так оно и было, по совести говоря. Пройдя вместе через тяжкие испытания, Валентин и Алексей сроднились по-братски.

Теперь Подоляко и Борисов учили воевать других: новички прибывали с каждым днем. Мужчины, военнообязанные, должны были по ковпаковской традиции добывать себе оружие сами у противника. Но к девчатам-медсестрам, представительницам очень дефицитной у партизан профессии, относились в отряде с особой бережностью.

— Ну как, девушки, будем учиться воевать? — весело встречал их Подоляко. — Оружие мы вам дадим. Ваше дело — защитить себя и раненых, когда потребуется. Это не так трудно, если умеешь стрелять и правильно выбираешь позицию.

Он заботливо следил в бою за необстрелянными новичками. Советовал, с прибаутками, как лучше действовать. И к Подоляко особенно льнули «зеленые», неопытные добровольцы. А судьбы у этих, ожесточенных пережитым, семнадцати-восемнадцатилетних девчат и ребят-допризывников были отмечены самыми горькими утратами: у кого отцы и старшие братья погибли на фронте; кто видел, как его близких казнили здесь, на оккупированной земле...

Именно такая судьба была у медсестры Юли Устенко — девятиклассницы с двумя аккуратно заплетенными темными косичками и карими, строгими не по летам глазами. Родное село Юли, Большую Березку, оккупанты сожгли вместе с людьми. Только Юлю и еще несколько девчат успели отбить партизаны. Женя — младший брат ее — ушел в отряд за две недели до этого, и когда ковпаковцы освободили Большую Березку, он первый ворвался в село... Гибель родных потрясла его. Он, не знавший, что такое слезы даже в детстве, сейчас плакал навзрыд. В пять минут он стал другим, почти совсем взрослым человеком.

— Теперь мы будем неразлучны! — сказал он сестре. — Задача у нас одна — мстить!..

Потом, вслед за Юлей Устенко, появилась в отряде Поля Белоус. Прослышав о молоденькой медсестре, проживающей в селе Камень, партизаны по совету Подоляко поехали туда и на свой лад «мобилизовали» ее: сагитировали медсестру воевать вместе с ними.

А за Полей, как нитка за иголкой, потянулась ее младшая подружка — Оля Могила, хоть в селе считали эту мелкорослую застенчивую девчонку тихой и несмелой. Да она и была такой. Но когда оккупанты начали увозить молодежь в Германию на каторжные работы и забрали Олиного брата, все решилось само собой.

На следующее утро Васю Могилу и несколько таких же деревенских парубков-допризывников повели под конвоем на станцию — в Кролевец. Оля провожала брата далеко за село, заливаясь горькими слезами, дороги перед собой не видела. Но Вася — спокойный, только глаза у него были непривычно злые, — шепнул ей:

— Не плачь, сестричка! Я все равно убегу!.. Говорят, партизаны тут близко.

И в самом деле: через некоторое время в соседнем

селе Морозовке остановился какой-то отряд. Едва услышав эту новость, Оля быстро оделась и, не сказав родным ни слова (откуда решимость взялась?), пошла просить, чтобы ее приняли в партизаны.

Возле Морозовки ее остановил часовой:

— Куда ты, девочка?

Оля — ростом она была маловата для своих шестнадцати лет — смутилась, ответила неуверенно:

— К партизанам... — И опустив мохнатые черные ресницы, зажмурила глаза.

Часовой невольно улыбнулся и пропустил девчонку.

Когда Оля подошла к дому, в котором располагался штаб, оттуда появилось какое-то начальство, как сразу определила она: старший с острой, узкой бородкой, отдаленно похожий на Дзержинского (это был Василий Моисеевич Кудрявский) и молодой, золотоволосый, с веселой ямочкой на подбородке (Подоляко). А с командирами теми шел Вася — Олин брат. Она даже глазам своим не поверила: думала, что показалось.

— Чего ты пришла сюда? — спросил Вася хмуро.

Она несмелым голосом ответила:

— Хочу вместе с тобой партизанить. — И по-детски захлопала ресницами.

Командир — что постарше — покачал головой отрицательно. А молодой приветливо улыбнулся светлыми глазами.

— Ты ж еще маленькая! — ласково сказал он Оле. — Еще успеешь навоеваться. Через год приходи в это время — мы специально сюда завернем!

Но ей стало обидно: шутит!.. Вот брата взяли в отряд, подругу — Полю Белоус тоже приняли (правда, Поля была постарше и училась еще до войны на курсах медсестер), а ее, Олю, не хотят принять... Вернулась домой со слезами.

С того часа Оля думала только об одном — как попасть в партизанский отряд?

На следующий день она вместе со взрослыми женщинами пошла в поле. Работая, то и дело поглядывала на Морозовку: чисто выбеленные хаты и зеленые кудрявые садики, красиво разбросанные по склону холма, были видны издали. Там, в селе, располагался теперь отряд.

Вдруг из Морозовки на равнину поскакал всадник... Где-то сбоку, наперерез ему, засвистели пули, слыша-

лась нарастающая стрельба. А потом загудели моторы и на дороге показались грязно-зеленые немецкие танки: они шли в Морозовку.

Женщины-жницы бросили и серпы свои, и узелочки с обедом, побежали по домам, обратно в Камень. Одна Оля застыла посреди поля. «Домой или в Морозовку, к партизанам?!» — стучало у нее в голове.

Глядя на ползущие во ржи пятнистые вражеские машины и на убегающих, испуганных женщин, решила: «Нет, только в отряд! Но сначала возьму сапоги и теплые вещи. Может, воевать придется еще долго, и зимой тоже. Сказал же тот веселый, молодой командир: «Через год приходи!»

Когда Оля прибежала домой, отца не было. Мать выносила из комнаты в погреб одежду, чтобы сохранить добро на случай пожара: она тоже слышала стрельбу, доносившуюся с поля. (Много ли нужно в такую сушь, чтобы загорелась соломенная крыша хаты?). Занятая своими заботами женщина не обратила особого внимания на дочь.

Воспользовавшись этим, Оля быстро переоделась во все новое, что покрепче, натянула сапоги. Сказала коротко:

— Прощайте, мамо!.. — и не оглядываясь, бегом в поле.

Проходившие по улице соседи останавливались удивленные, спрашивали:

— Куда ты так спешишь? Стреляют же кругом!..

Но девочка только молча махала им платком, снятым с головы, и бежала дальше.

Выскочив за околицу, Оля увидела впереди на дороге одинокую фигурку, за которой тянулось облако пыли. Подбежала ближе и узнала свою подругу Таню Бидненко. Та, судя по ватнику, засунутому под мышку, тоже собралась бежать к партизанам.

От волнения и страха ноги у Оли отяжелели, и она еле-еле поспевала теперь за более рослой, крепкой Таней. Видя, что Оля отстает, Таня остановилась и командовала:

— Скидай чоботы!

Но Оля не хотела расставаться с сапогами. Тогда Таня без лишних слов толкнула Олю на травянистую обочину дороги, сорвала Олины сапоги, сунула их под руку

подружке и лишь после этого крикнула, с трудом пере-
силивая грохот стрельбы:

— Бежим! А то поздно будет!..

Она была старше и потому считала себя вправе при-
казывать.

Таня и Оля помчались дальше. Тем временем парти-
заны из Морозовки — небольшого, но выгодно располо-
женного на пригорке сельца — отошли в Литвиновичи,
ближе к реке Клевень. За Клевенью синел Спадщанский
лес. Подружки тогда не знали (да, конечно, и не могли
знать), что ковпаковцы окружены. Положение всех отря-
дов было самое критическое... Пули и снаряды свистели
над головами девчат. Позади гудели немецкие танкетки.

— Давай свернем в ложину и болотом, напрямик,
доберемся до леса, — предложила бойкая Таня. — Если по
дороге бежать до Литвиновичей — не успеем... Танки не-
мецкие нас отрежут.

И обе девчонки, тяжело переводя дух, бросились к
болоту. Здесь, в почти непролазной чащобе, они встре-
тили еще одну свою односельчанку — самую красивую
девушку из Камня, златокосую Наташу Подуремя. Ната-
ша ориентировалась в этих топких зарослях лучше всех.
Отец ее — коммунист Павел Подуремя — давно был в
партизанском отряде, и Наташа хорошо знала эту опасную
дорогу. Выбора у нее уже не было: ее брата повесили
фашисты.

Прячась в кустарнике, подружки выбрались к реке Кле-
вень. Увидев старика с лодкой, сматывавшего рыболов-
ные снасти, Наташа первая попросила его:

— Перевезите, дедушка!

Тот отрицательно покачал головой:

— Куда вас черт несет? Там же бой!

Но девчата все-таки уговорили его... Переехали.

На той стороне, у самой опушки, грозный оклик оста-
новил беглянок:

— Куда прете?! Чего вам здесь нужно?

— Я комсомолка, и иду защищать Родину! — звонко
ответила Таня, возбужденная пережитой опасностью.

— У меня здесь отец — Павел Подуремя, вы его
должны знать, — объяснила спокойно Наташа.

— И я тоже хочу в партизаны, — проговорила Оля с
дрожью в голосе, боясь, что ее снова как малолетку
отправят домой. В ее черных, круглых, будто смородина,

глазах заблестели слезы.— Мой брат уже в партизанах! Честное слово.

Часовой на секунду задумался, потом кивнул головой в сторону леса:

— Ладно, проходите!

В лесу они увидели раненых, лежавших на подводах, и медсестер. Партизан здесь было мало: рассредоточась, ковпаковцы вели сейчас бой где-то в стороне, сразу в нескольких местах.

Штаб соединения находился в Спадщанском лесу, и фашисты черной тучей надвигались на это партизанское урочище по двум направлениям: от Кролевца и от Путивля. Вражеское командование старалось любыми средствами взять Ковпака в кольцо и прежде всего отрезать Кролевецкий отряд от села Литвиновичи, через которое проходила единственная спасительная для всего соединения дорога.

21 июня на рассвете противник, получив подкрепление, начал наступать на Литвиновичи тремя колоннами: из Камня (откуда прибежали девчата), Морозовки и Локни. Шквал огня обрушился на замершие Литвиновичи. Село горело сутки... Группа прикрытия во главе с Подоляко и Борисовым обеспечивала отход ковпаковцев, уже форсирующих Клевень.

Рядом с Кролевецким отрядом в обороне Литвиновичей принимала участие рота местных партизан под командованием ветерана гражданской войны Павловского (того самого, что впоследствии стал всемогущим и немножко ворчливым помпохозом Ковпака). Четко действовала обслуга сорокапятки, которой командовал Микола Москаленко — житель ближнего села Воргол... Напряжение и собранность всех бойцов и командиров в этот день были предельными.

Однако девчата, просившиеся «в партизаны», ничего этого не понимали. Они видели одно — вот над лесом появились фашистские самолеты, покружились в воздухе и полетели на Литвиновичи бомбить (там-то сейчас было жарче всего).

Лишь с наступлением темноты бой затих. Стали стягиваться, готовясь к маршу, партизанские роты... Но брата своего Оля нигде не нашла.

— Если он был в группе прикрытия с Подоляко, то они не вернулись из Литвиновичей,— сказал ей кто-то.—

Целая группа оторвалась там! Сумеют ли ребята найти нас?..

Но зато к середине дня 21 июня, когда противник овладел Литвиновичами и оседлал наконец дорогу, из-за которой и разгорелся бой, главные силы Ковпака уже успели проскочить из окруженного фашистами Спадщанского леса в другое урочище — Марицу. Только группе прикрытия, возглавляемой Валентином Подоляко и Алексеем Борисовым, прорваться к своему соединению не удалось, и часть Кролевецкого отряда осталась отрезанной немецкими танками...

Вместе с Васей Могилкой и другими, сравнительно опытными бойцами были в этой группе и Юля Устенко с братом, и Поля Белоус с Таней Бидненко, — словом, самая молодая партизанская поросль, — несколько десятков человек.

Все они уцелели тогда благодаря находчивости Валентина Подоляко и штурманским навыкам Леши Борисова. Искать Ковпака было нелегко: запутывал следы он искусно, а каратели рыскали тут и там...

Пробыв двое суток в урочище Черношино, на берегу тихой приветливой речушки Звань, группа взяла курс на Брянский лес, в свою партизанскую «столицу» — Старую Гуту. Начался четырнадцатидневный самостоятельный рейд без карт и компаса. Ориентироваться в пути летчику Борисову, читавшему звездное небо, как расстеленную на столе командирскую карту, помогал еще один бывалый человек — кадровый офицер Федор Сивопляс, уроженец села Морозовки, взявший на себя обязанности проводника, а заодно и пулеметчика.

Раненый и контуженный в августе сорок первого, он попал в фашистский плен. Потом бежал, испытал тысячу мытарств... Во время пребывания Кролевецкого отряда в Морозовке, когда партизаны уничтожили мост на важном железнодорожном перегоне Кролевец — Терещенская, Федор Сивопляс уже был основательно связан с ковпаковцами.

После утомительного ночного марша группа сделала остановку в лесу недалеко от села Дубовичи. Устроились на небольшой поляне. После холодной ночи было приятно погреться на солнышке. Особенно радовались теплу раненые.

На солнечной полянке краснела яркими бусинами земляника. Раненые — кто был в силах дотянуться, — сами рвали ее. А застывшему в мучительной неподвижности бойцу Прядкину, туго замотанному бинтами, и иссиня-бледному от потери крови молоденькому Пете Усачеву Таня с Полей насобирали по букетику коралловых ягод, отойдя подальше.

Поля хотела уже возвращаться к своим подопечным, но Таня, сказав умоляюще: «Подожди!», насобирала еще один, самый красивый букетик крупной, спелой земляники и шепнула, покраснев до слез:

— То для Вали.— Так мысленно она называла молодого своего командира.

Вдруг, — будто что разорвалось, — зачастили автоматные очереди и винтовочная стрельба. Пули, казалось, зашвистели над головами... И сразу раздалась отчетливая, твердая команда Подоляко:

— Занять круговую оборону!

Поля бросилась стремглав к своим раненым, которые все еще грелись без бинтов на солнце, жадно впитывая целительное его тепло. Надо было срочно спрятать всех раненых в глубине леса. Работала Поля сейчас, как заведенная: вот один перевязан, второй, третий... Таня Бидненко, почти не отставая, помогала подруге. Юля отводила раненых в укрытие.

Остальные партизаны уже залегли между молодых сосенок, готовые встретить врага.

Девчата прибежали в цепь последними, все еще оглядываясь в ту сторону, где лежали спрятанные в кустах, тщательно прикрытые ветками раненые.

— Без команды не стрелять! — как всегда предупредил Подоляко.— Вести только прицельный огонь. Бери врага на мушку поточнее! Того, кто прямо на тебя идет... Подпусти, тогда бей наверняка!

Каратели наступали методически, тремя цепями, в шахматном порядке, строго выдерживали дистанцию от шеренги к шеренге. Наверное, обнаружив следы партизан, они приняли эту маленькую, оторвавшуюся группу за основные силы Ковпака.

Первыми шли в цепи полицаи, потом «союзники» Гитлера (по форме Поля не могла еще разобрать, словаки это или мадьяры). А в замыкающей шеренге — немцы, прикрывавшие путь к отступлению.

Вот уже передняя цепь совсем близко. Прозвучал любимый возглас Подоляко:

— А ну-ка, ударим!..

Первый ряд наступающих сломался: многие упали за-мертво, пораженные близким, прицельным огнем, остальные мгновенно подались назад. Вторая цепь новой волной пошла в атаку, но и ее ждала та же участь. А когда фашистские «союзники» с криком бросились обратно в село, их там ждала смерть: гитлеровский офицер из-за угла хаты строчил по отступающим.

Через некоторое время атака возобновилась. И опять цепь сломалась, отползла... Так повторялось несколько раз. Слышался разноязычный галдеж, устрашающие возгласы вражеских офицеров и фельдфебелей, злые выкрики солдат, быть может, ругань. Но теперь уже расстреливать мадьяр из-за угла было некому: гитлеровского офицера убил один из венгерских солдат. Несколько его товарищей уже подняли руки, показывая жестами, что готовы перейти на сторону партизан.

Поля от радости закричала, размахивая своей старенькой винтовкой-драгункой с потемневшим марлевым жгутом вместо ремня:

— Ребята, наша берет!

— Да, наша взяла!— повторил довольный Подоляко, но тут же одернул Полю: — Только не высовывайся!..

Вдруг Таня Бидненко, лежавшая в цепи справа от Поли и методически бравшая на мушку солдата за солдатом из приближающейся серо-зеленой шеренги немцев, по-детски обиженно произнесла «ай» и откинула назад левую руку.

Поля подползла к подруге, торопливо расстегнула свою санитарную сумку и, достав оттуда вату, стерла с Таниного смуглого локтя кровь, но ранки на руке не оказалось. Потом взглянула, удивленная, подруге в лицо и невольно охнула: с мертвенно побледневшего гордого девичьего лба тонкой струйкой стекала кровь... Ранение было смертельным.

Таню Бидненко похоронили после боя под большим раскидистым дубом.

— Клянемся отомстить за твою смерть врагу!— сказал над свежей могилой Валентин Подоляко.

Вечером все двинулись дальше...

Уже приближаясь к Брянским лесам, группа кролев-

чан встретила маленький местный отряд. Комиссар его показался Подоляко и Борисову надежным человеком, принял всех хорошо и предложил объединиться. Но когда предложение это стали обсуждать коллективно, Женя Устенко — самый младший — сказал прямо:

— Я против! Это не боеспособный отряд. Кто хочет, пусть остается здесь, а я хочу серьезных дел. Пропадать — так с пользой!

И решено было единогласно: искать свое соединение во что бы то ни стало.

Боев в пути не принимали: уже не было патронов. День прятались, ночь шли...

Недели через полторы группа Валентина Подоляко и Алексея Борисова догнала свой Кролевецкий отряд.

От брата Васи, наведавшегося в пути в родное село, Оля узнала, что после ее бегства из Камня полицаи арестовали отца. Долго издевались над ним, выбили зубы... Все допытывались:

— Где твоя дочь? В партизанах?! Вслед за сыном ушла?.. Может, ты и нам туда покажешь дорогу?!

Спасло его то, что люди распустили слух по селу, будто Оля погибла при бомбежке. И староста просто вычеркнул ее из списка жителей села Камень...

Вскоре Олин брат со своим закадычным другом Женей Устенко были, несмотря на молодость, зачислены в разведвзвод. Сам Берсенев — настоящий ас — считал этих двух ребят незаменимыми помощниками. Причем, у каждого был свой, особый почерк, свои достоинства.

При переходе через речки Вася Могила каким-то особым чутьем умел будто из-под земли раздобыть лодку, а если надо, перебирался в любую погоду вплавь на другой берег, доставал хоть какой-нибудь челнок там и переправлял товарищей вместе с их драгоценным минерским снаряжением.

А у Жени Устенко, его дружка, обнаружился особый талант на «языков». Женя считался самым младшим в разведке Кролевецкого отряда — ему едва сравнялось шестнадцать. Но мало кому, даже из взрослых бойцов, поручали с первых дней суровой партизанской жизни такое важное, требующее особой сноровки и выдержки дело, как захват «языка». За этим чертовым «языком» ходили группой человек двенадцать, и то порой у хлопцев сдавали нервы во время «охоты»: все вдруг стреляли

в фашиста. А Женя Устенко отправлялся на такие задания часто — и только вдвоем.

Брал он «языка» без осечки. Крепкий, хотя еще юношески тонкий в плечах, он чуть сутулился, стесняясь своего роста. Но его ловкость поражала даже самых опытных бойцов. Станет, бывало, Женя на опушке — поле рядом. Караулит долго, не шелохнется. Смотришь, и дождался каких-нибудь хвастливо неосторожных фрицев, едущих по хозяйственным делам. Один правит лошадьми и на губной гармонике наигрывает, другой уже сидит у Жени в мешке.

— Цены этому парню нет, — сказал как-то Юле Валентин Подоляко. — Но есть у твоего Женьки один недостаток — соня! Спит, как дитя малое, в самой опасной обстановке! Берсенов на него, на спящего, даже мешок накидывал — пугал, чтобы отучить от беспечности. Ничего не помогает! В селе, понимаешь, противник рыщет, а твой Женя устроил себе мертвый час!

Такое, Юля знала, случалось. Раз под Путивлем Женя отправился в разведку, да и заснул в чужой хате на печи. Об опасности вспомнил, когда в стену застучали пули. Он выглянул в окно и тотчас сориентировался: в село с «проческой» входили мадьяры. Значит, можно выкрутиться: сам он тогда как раз носил мадьярскую форму, и винтовка у него была трофейная. К тому же и внешне он смахивал на венгра — чернявый, загорелый.

Вышел он во двор, а там уже солдат полным-полно. Сначала на него не обратили внимания: «свой». Потом стали присматриваться. Вроде солдат незнакомый, — из другого батальона, что ли?.. Женя, будто не замечая этих косых взглядов, сбросил небрежно шинель — жарко, мол, винтовку в руку — и на глазах у всех подошел к реке. Только уж ботинки снимать было некогда, нырнул в Клевень.

Мадьяры начали стрелять ему вслед, но речка была не широка, и он благополучно добрался к партизанам.

Юля тогда ругала брата за беспечность:

— Надо трезво сознавать опасность. Я сама не раз ходила на задания с Сашей Берсеновым и Олей Могилой. Что такое разведка — знаю. Погибнуть на войне немудрено! Ты обязан выжить, чтобы пользу принести, долг свой выполнить!..

Она попросила командира разведвзвода:

— Назначайте Женю на дежурство сразу после меня! Я сама отучу его дрыхнуть!— решительно пообещала Юля.

И верно: стояла с ним рядом во время его дежурства. Иногда, если он задремывал, будила, могла даже стукнуть кулаком по спине. Ведь ему было всего шестнадцать лет, и она отвечала теперь за него, своего любимого, единственного братишку. Вспоминала давние годы: вся их Большая Березка поражалась когда-то, как этому мальчонке удалось вскочить на ходулях в кузов мчащегося грузовика? «В цирке тебе надо выступать!» — говорил тогда, смеиваясь, отец. А Женя всерьез отвечал: «Буду только летчиком!..»

Юля гордилась братом и боялась за него — очень уж он был беспечен порой. Ну, можно ли дремать на часах? Она-то знала, как трудно приходится Жене в разведке: бывает, по несколько суток не смыкаешь глаз, а то и не ешь совсем. Вернувшись в отряд, он буквально сваливался замертво от изнеможения. И тогда, как мать, Юля жалела его. Наблюдала за ним, пока он дежурил, чтоб не подвести спящих товарищей. Сама, с красными от бессонницы глазами, собирала хворост и готовила еду — всем своим и, конечно, братишке Женьке...

Заметив, что Юля помогает дежурить брату, Валентин Подоляко подошел к ней однажды, спросил дружески:

— Воспитываешь?.. Ну и молодец! Правильно делаешь... — и добавил, понимая все: — Устала ты, наверное. Чувствовать себя старшей радостно, но очень трудно.

Во время таких недолгих передышек — на дневке, в лесу, окруженном заставами партизан, — товарищи, будто невзначай, тянулись поближе к костру, разведенному Юлей, к Подоляко, к Борису, которому предстояло скоро улететь на Большую землю по приказу Главкома.

Однажды Женя Кудрявская, комсорг — смуглая, с темно загоревшей кожей и светлыми, выцветшими на летнем солнце волосами, словно сестра, похожая на Валентина, — завела разговор о будущем:

— Интересно представить, ребята, как люди будут жить после войны?..

Отозвалось сразу несколько голосов. Рассуждали о моральной чистоте человека, которая проверяется в огне испытаний, — здесь, сейчас, каждый день. О том,

как хорошо, наверное, будут жить те из них, кому суждено дошагать до победы.

— А может быть, мне не улетать совсем?— спросил Леша Борисов, обводя товарищей погрустневшим взглядом.— Столько вместе пройдено!

— Нет, ты должен лететь!— решительно сказал Подоляко другу.— Ты сейчас на фронте нужнее! Берись за штурвал...

— Еще проверять начнут: почему меня фрицы сбили, да как я к вам добирался... — пожав плечами, вдруг засомневался Леша.

— Ну что ты?! — возмутился Валентин.— Какая может быть проверка после этой, нашей, партизанской проверки?

Борисов ненадолго задумался о чем-то, потом сказал:

— Да!.. Я летчик-истребитель и очень люблю летать... Но в полете я видел только воздух, небо и конкретную цель — вражеский самолет. Цель, которую я должен поразить. А здесь, на земле, в тылу врага, я узнал людей. Только здесь по-настоящему научился разбираться в людях...

Юля, раздав всем кашу из общего котелка, под села ближе к Борисову.

— А знаешь, Леша, как я раньше, до войны, думала? Кто громче всех кричит «ура», тот и патриот... Разве все мы знали, что такое измена, коварство, предательство?

— Зато мы узнали цену самой настоящей, боевой дружбе! — подхватив ее мысль, ответил Подоляко. И положил свою руку Борисову в открытую ладонь, загрубевшую от мозолей.— Лети!.. И помни: мы всегда с тобой вместе!..

Вскоре им пришлось расстаться. В августе сорок второго года Борисов как летчик был по приказу Верховного Главнокомандующего отправлен обратно в родную свою Москву и снова сел за штурвал самолета. Партизаны понимали, конечно, что военные летчики нужны на фронте, однако отъезд Леша Борисова опечалил многих. А больше всех тосковал о нем Валя Подоляко.

Впрочем, долго скучать Валентину было некогда. Почти каждый день ковпаковцы вели бои...

В сложном, наполненном опасностями партизанском быту Валя Подоляко всегда оставался спокойным и по-армейски подтянутым. Ходил он, правда, во всем немецком: в суконных серо-зеленого цвета бриджах, перешн-

тых из трофейной шинели, и в офицерском френче, с парабеллумом на левом боку — будто состоял на снабжении у самого фюрера. Только автомат был у Валентина отечественный — ППШ.

— Хороший, чистый у него голосок. Неплохо «агитирует» фашистов, — приговаривал Валя шутя.

И в самом деле, автомат в его руках работал без отказа. Особенно поразил всех один случай.

В декабре сорок второго года в Белоруссии после удачно проведенной ковпаковцами операции, в результате которой был парализован Сарнский железнодорожный узел, гитлеровское командование бросило на партизан около двух пехотных дивизий, пытаясь окружить соединение.

Вырываясь из вражеского кольца, ковпаковцы решили уничтожить ставший на их пути крупный немецкий гарнизон в деревне Букча. На рассвете роты головного Путивльского отряда атаковали противника. Завязался жестокий бой.

Чтобы оградить соединение от удара с тыла, командование выдвинуло Кролевецкий отряд в заслон на дорогу, ведущую из Букчи в деревню Дзержинск, где стоял вражеский гарнизон. И немцы, спешившие из Дзержинска на помощь осажденному гарнизону, неожиданно для себя столкнулись с заслоном кролевчан и вступили в ним в бой.

Валентин, который замещал теперь командира отряда, предугадывая обходной маневр противника, отправился со своим начальником штаба (Петром Брайко, — *Ред.*) проверить оборону на флангах. Шли тихо, стараясь не наступать на сухие ветки. И вдруг, буквально в десятке шагов от себя, увидели около полусотни фашистов, которые походной колонной пробирались в тыл Кролевецкому отряду. Реакция Валентина была молниеносной. Он вскинул автомат и дал очередь на полдиска, положив десятка три гитлеровцев. Остальных скошил из автомата начальник штаба... Все было кончено в течение нескольких минут. Враг не успел даже изготавиться к бою.

Таких эпизодов в жизни Валентина было немало. Но он не любил рассказывать о себе. О его делах помнили другие — те, кого он спас, или кто был с ним вместе во время боя...

В марте сорок третьего года при взрыве важного же-

лезнодорожного моста на реке Тетерев (того самого, который так ловко захватил Цимбал) Валентин Подоляко с двумя ротами Кролевецкого отряда находился в заслоне, обеспечивая безопасность ударной группы Андрея.

Километрах в полутора от этого заслона располагался крупный гарнизон противника, около четырех тысяч солдат — уже битых и тертых под Сталинградом вояк, приехавших сюда на отдых. Они-то и бросились на помощь охране. Но идти ночью лесом, напрямик, немцы побоялись. Двинулись по железнодорожному полотну.

Предвидя это, Подоляко оставил у лесной просеки засаду, сам же с основными силами занял оборону на «железке».

Около двух батальонов немецкой пехоты двигалось по шпалам прямехонько на полтора десятка партизанских пулеметов. Подпустив вражескую колонну почти вплотную, Валентин Подоляко со своими двумя ротами уничтожил всех фашистов. Кролевчане собрали тогда целый обоз трофейного оружия, не потеряв ни одного человека...

В июле того же года на подступах к Карпатам отряды Ковпака втянулись в Сатановский, или, как его называли местные жители, Черный лес. После ночного марша отряды расположились вдоль прохладного Збруча на дневку.

Во второй половине дня небо затянули серые низкие тучи, пошел дождь... Плохо тому, кто в такую непогоду окажется без крова! Чтобы подбодрить товарищей, сгрудившихся под повозками, Валентин Подоляко завел разговор о том, кто чем займется, когда закончится война.

— Вот разобьем фашистов, и я пройду заново пешком по всем этим партизанским дорогам. Это ж здорово! Просто так идешь и в ясное небо глядишь! До чего же легко будет идти... — И после паузы Валентин добавил с уверенностью: — Радость — нормальное состояние для человека!

Дождь между тем лил все сильнее. Ливень продолжался двое суток. Ковпак вынужден был задержаться: земля в тех краях жирная, как масло, быстро раскисла. Уставшие от непрерывных стремительных маршей, лошади не в силах были тащить доверху нагруженные боеприпасами повозки.

Этих двух суток оказалось вполне достаточно для противника, чтобы засечь партизан в лесу и блокировать все урочище войсками.

На третий день 12 июля выглянуло солнце, и ковпакцы, казалось, могли продолжать движение. Вечером партизанская колонна уже стала вытягиваться на западную опушку леса, но тут-то разведчики и доложили Сидору Артемовичу, что час назад с севера на шоссе прошла автоколонна с немцами — больше сотни военных темно-серых грузовиков. Половина машин остановилась в находящемся впереди партизан селе Роштовце. Остальные пошли дальше.

— Похоже на то, шо нас снова хотят окружить! — Ковпак пренебрежительно усмехнулся.

Долго раздумывать было некогда. Оставалось одно — прорываться и продолжать движение дальше на юг, в Карпаты. Колонну соединения решили пустить в обход Роштовце с севера, обеспечив ее сильными заслонами. А чтобы обезопасить себя от удара основных сил карателей, расположившихся в селе, Ковпак предложил одним отрядом атаковать противника в Роштовце и разгромить его внезапным ударом или хотя бы отвлечь немцев.

Выбор пал на Кролевецкий отряд — самый маленький и подвижный. Задачу ставил Валентину лично Ковпак. По данным разведки в Роштовце остановился полк СС. Полторы сотни партизан должны были обрушиться на тысячу, если не больше, эсэсовцев, как снег на голову, и разгромить их.

С наступлением темноты Кролевецкий отряд развернулся в цепь и бесшумно двинулся картофельным полем в Роштовце. Ночь выдалась темная... Наконец впереди показались неясные силуэты крайних строений. До них оставалось каких-нибудь полсотни метров, а то и меньше. Еще несколько минут — и внезапно заговорят партизанские автоматы и пулеметы. Перед наступлением Валентин дважды напомнил:

— Товарищи, никаких «ура». Ночью должно говорить только оружие.

И вдруг в центре цепи какой-то новичок, видимо, подбадривая себя, крикнул: «Ура-а!» В ответ сразу же застрочил фашистский пулемет. Взлетела ракета.

Подоляко, первым поняв опасность происшедшего, скомандовал:

— Ребята, бегом вперед!.. — и сам бросился на яростный огонь двух немецких станкачей, поливая их из своего автомата.

За Подоляко устремился Виктор Жуков во главе отделения. Следом бежали неразлучные друзья-пулеметчики, оба белорусы, Григорий Жоголь и Иван Перженица. Они спешили подавить из своего трофейного чешского ручника огневую точку слева... Внезапно Перженица упал, раненный в грудь. А Жоголь, уже без своего второго номера, застрочил по искрящемуся жерлу вражеского пулемета.

Наконец, немецкие станкачи захлебнулись, смолкли.

Когда роты кролевчан вскочили в село, Валентин, бежавший впереди всех, вдруг как-то странно споткнулся, упал на колено, потом опустился на руку, лег, облокотясь, будто прислушивался.

— Валя, что с тобой?! — воскликнула бежавшая рядом медсестра Женя Кудрявская, дочь командира.— Валя!..

Руки ее, дрожа, расстегивали непослушную санитарную сумку, сразу сделавшуюся непривычно тяжелой.

— Я, кажется, ранен... — сказал он спокойно, каким-то усталым голосом и со вздохом прижался к земле всем телом.— Пустяки... Главное, что роты ворвались в Роштовце...

А час спустя он умер: спасти его не могли... В кармане Валиного френча, еще хранившего живое тепло тела, нашли неоконченное письмо к матери. Последние его слова, адресованные к близким, были:

«Пройдено много. И как хорошо, со слезами благодарности встречает нас везде народ. Не жаль умереть за него».

Рядом весь изрешеченный вражескими пулями умирал на санитарной повозке терпеливый, даже не стонущий, Иван Перженица, которого земляк Гриша Жоголь вынес на руках с поля боя.

И в том же бою, под Роштовце, была смертельно ранена златокосая девушка из далекого села Камень Наташа Подуремя. Ее не удалось найти ночью в сумятице стремительного дерзкого налета, отвлекающего внимание противника. Красавицу Наташу, которая перед смертью назвала только свой партизанский псевдоним «Оля», со слезами похоронили местные жители.

А на следующий день фашисты, приведенные каким-

то предателем, убили женщину, мать шестерых детей, которая дала напиться умиравшей Наташе, и расстреляли каждого десятого мужчину, собрав на площади всех жителей села. Слезы и проклятия сопровождали карателей на каждом шагу...

Но соединение сумело вырваться из фашистского кольца и двинулось дальше, в Карпаты, оставляя на своем пути новые, самостоятельно действующие местные отряды и подпольные группы.

В последний путь провожали ковпаковцы Валентина Подоляко и пулеметчика Ивана Перженицу на дневке 13 июля в лесу, у деревни Скомороше. Кругом, на земле и в воздухе, рыскала фашистская разведка. Нельзя даже было разводить костры. И все-таки кролевчане салютовали погибшим товарищам тремя ротными залпами.

Может быть, потому и слетелись на свежую могилу, будто стервятники, гестаповцы, когда Ковпак ушел из Скомороше дальше, в Карпаты. Гестаповцы приказали своим подручным разрыть могилу и зачем-то сфотографировали красивое, юное лицо Валентина, которое пощадила сама земля.

Женщины, не таясь, плакали:

— Ох, файный хлопец! Ой, жалко такого молодого!.. Видно, добрый був командир...

А мужчины — местные жители — только сжимали кулаки и плевали вслед захватчикам.

До сих пор, как о живом, вспоминают о Валентине его боевые товарищи. Помнят и любят его школьные учителя, соученики — все, кому приходилось с ним встречаться...

Нам довелось побывать в школе № 1 города Клина на вечере, посвященном Валентину Подоляко.

Вместе с нами на этот торжественный вечер поехал и Алексей Федорович Борисов, работающий теперь на ответственном посту в ведомстве, занимающемся международными авиалиниями Гражданского воздушного флота. Когда мы встретились, разговор, естественно, зашел о давних партизанских временах.

— Не зря мне так не хотелось расставаться с Валей!.. — произнес, глядя куда-то мимо вагонного окна, Борисов. — Когда друг погибает вдали от тебя, кажется

почему-то, что ты сумел бы предотвратить беду, будь ты с ним рядом... Я спрашивал у Вали: «Может быть, мне лучше воевать до конца в немецком тылу?» Но Валя тогда ответил: «Нет, Леша, поезжай и берись за штурвал! Раз командование решило так — значит ты там сейчас нужнее!..»

Алексей Борисов прилетел на Большую землю, в Москву, едва ли не самым первым из советских партизан. В штабе у генерал-лейтенанта Жаворонкова, куда он явился за новым назначением, на него, прошедшего не одну тысячу верст по тылам врага, армейские офицеры смотрели как на диво.

— Фантастика! — восклицал то и дело генерал, слушая его рассказы о поразительных подвигах партизан.— Трудно даже поверить в такое!..

Борисову посчастливилось вернуться в свой авиаполк, где он начинал войну.

— Люблю самолеты,— спокойно заключил он.— Особенно хорошо, когда на реактивном летишь: скорость ощущается!.. Машины у нас такие, что кажется, крылья неотделимы от твоих рук... Все послушно твоей воле. Но самое интересное, конечно,— испытание новой машины!..

— Видно, не просто было тебе из авиации уходить?— спросили мы.

— Да,— признался Борисов.— Но врачи — народ упрямый, списали. Только я их все равно перехитрил. Кончил юридический и в качестве эксперта вернулся в воздушный флот... Увлекательное это дело — летать! Вот и сын у меня — тоже летчик, в Заполярье служит.

И вдруг охрипшим от волнения голосом добавил:

— Я прослужил в авиации больше двадцати лет. Авиация — моя жизнь. Дружба у нас, летчиков, очень крепкая. Но, пожалуй, нигде я не видел такого боевого, скрепленного кровью побратимства, такого поразительного бескорыстия, как в партизанах. И первый, самый лучший мой боевой друг, в котором поныне воплощена для меня чистая совесть, которого я не забуду до гроба, был Валя Подоляко!..

Хотелось бы, чтобы Алексей Борисов оставался верен этой клятве не только на словах, но и на деле.

Мудрецы утверждали, что человек проходит в жизни три испытания: испытание страхом, испытание голодом, испытание сытостью. И к сожалению, бывает, что послед-

него искусства — сытостью — не выдерживают иногда даже сильные натуры.

— Любить людей и радоваться их счастью — нормальное состояние для человека!.. — Эту крылатую фразу Валентина Подоляко мы в тот день слышали не раз на пионерском сборе.

Ребята, учившиеся когда-то в одном классе с Валею Подоляко, уважали его за то, что он не позволял обидеть слабого, обмануть малыша, посмеяться над старым беспомощным человеком... И с годами по мере того, как Валя вырослел, уверенность в его благородстве укреплялась.

То был талантливый, вечно занятый каким-нибудь новым делом парень. Схемы и формулы, висевшие в химическом кабинете, были нарисованы Валею. Самодеятельность школы № 1, вызывавшая зависть у всех ребят города Клина, тоже не обходилась без него. Особенно его привлекали чеховские водевили. В них, давая волю своей неисчерпаемой веселости и фантазии, он играл комедийные женские роли. Появление его на сцене вызывало взрыв аплодисментов.

Потом он уехал учиться в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, и ребята из младших классов его родной школы с нетерпением ждали, когда же Валя придет домой, на каникулы? В школе он по-прежнему был желанный гость.

Он любил своих учителей (родители его преподавали в той же 1-й школе). Любил тихий городок, в котором вырос, светлую и задумчивую природу Подмосковья... Но его манили дороги. Он мечтал объездить всю страну, весь мир и часто говорил товарищам:

— Дороги должны не разлучать, а связывать людей!..

Эти слова тоже запомнились его друзьям навсегда.

Все это мы узнали на пионерском сборе, заново прожив вместе с Валею Подоляко его детство и юность. Это было 23 февраля, как раз в день рождения Валентина. И каждый год, отмечая День Советской Армии, школа № 1 с гордостью вспоминает одного из лучших своих воспитанников, отдавшего жизнь за Родину. На пионерском сборе звенит ребячий хор, будто стая жаворонков в чистом небе:

Давно стоит над миром тишина,
Но для него не кончилась война...

ПИСЬМО НА ПАРАШЮТНОМ ШЕЛКЕ

Героическая борьба, которую с первых дней фашистской оккупации развернули на Сумщине Ковпак и Руднев, стала борьбой всенародной. К ковпаковцам шли не только солдаты и офицеры, оказавшиеся во вражеском тылу, или умудренные опытом ветераны гражданской войны, специально оставленные партией люди. В один строй с защитниками Родины становились те, кто не подлежал никакой мобилизации: матери, сестры, жены.

В их числе была и белорусская учительница Александра Карповна Демидчик. Вот почему теперь, когда мы отправились в партизанский край, на Гомельщину, мы завернули в Наровлю — маленький живописный городок, где живет знаменитая ковпаковская разведчица Карповна.

Не один десяток лет проработав директором школы, Карповна ушла на пенсию. Но со своей любимой химией не расстается. Все три дочери Александры Карповны — тоже химики.

— Модно! — пошутили мы.

— Не мода, а жизненная необходимость, — обычным своим, строгим учительским тоном поправила нас Александра Карповна, горделиво откинув назад голову, отягченную узлом смоляных кос. — Химия — самая перспективная из наук!

...Пришла Александра Карповна Демидчик в отряд, уже будучи учительницей. Шестилетнюю дочку Инну, единственную тогда, оставила своим старикам. Муж воевал где-то...

Почему обком партии предложил остаться в подполье именно ей, беспартийной, сказать трудно. Кто-то, видимо, угадал в этой молодой красивой женщине, с властным и чуть лукавым лицом настоящую, большую внутреннюю силу...

В январе сорок второго к Александре Карповне в Мухомеды, где фашистские захватчики обосновались как дома, пробрался связной и сказал:

— Когда откроют школы, постарайся устроиться на работу.

— Я?! Работать у немцев?! — возмутилась она.

— Да, ты. Так надо... Вот ты работаешь, например, в школе в Мухоедах, а получать зарплату пойдешь в район. Подозрительно это? Нет, каждый полицейай поймет: дело у тебя законное. А нам это пригодится...

Через неделю Демидчик приказали выйти на работу, и она пошла. Но вскоре оккупанты закрыли школы. А летом сорок второго года ее арестовали.

Случилось так: появился в деревне окруженец, смелый и бесшабашный лейтенант Дубравин. Поговорив напрямую с Александрой Карповной, он попросил ее набросать план, где живут полицейские, чтобы разоружить их и уйти с винтовками в лес. Она дала ему такой чертёжик. Полный энергии лейтенант, выпив для храбрости, громко заспорил со своими дружками: сумеют ли они, как надо, повернуть дело. Разговор услышала одна продажная бабенка и сообщила в полицию.

Дубравин скрылся, но ненадолго: вскоре арестовали и его, и Демидчик, сделавшую ему чертёж. Допрос вел старший полицейай. Оставшись с арестованной наедине, он вдруг сказал:

— Хочешь, честным с тобой буду? Это тебя староста наш, Сазанчук, предал. Он все время тебя подозревает. Твоя, говорит, на чертёже рука. Но это еще доказать надо... А откровенный я потому, что до войны с твоим мужем на танцы ходил. Ох, и танцевали мы с ним, когда парнями были!..

Полицейай был страшно пьян, и Александра Карповна, быстро сориентировавшись, попросила:

— Напиши мне справку, что я никуда не эвакуировалась при наступлении немцев, а добровольно тут осталась...

Осталась она в тылу врага действительно по своей доброй воле — по поручению обкома.

— А что? Захочу и дам!.. — промычал старший полицейай. — Я тут хозяин!

Он шлепнулся на стул, положил перед собой лист бумаги.

— Перо, черт его дери, не пишет! Смотри — бумагу рвет, зараза!.. И рад бы, да не могу.

— Диктуйте, я сама напишу, — предложила Демидчик.

Украдкой оглядываясь на дверь (не вошел бы кто-нибудь), она составила нужный текст — целый «похвальный лист»: родители ее, мол, раскулачены в двадцать

девятом году, сама она за это постоянно подвергалась репрессиям... Потом грочла вслух: место жительства там-то, эвакуироваться не пыталась.

— Хорошо, — согласился он. — Так можно. Это я подпишу.

Справка и еще сто семьдесят две подписи, собранные учительницей Ольгой Петровной Барсуковой под коллективным «прошением», в котором односельчане ручались за Демидчик, помогли ей избежать петли.

К концу сорок второго года в районе Мухоед появились советские десантники. Потом подтянулись из Брянщины ковпаковцы, перебравшиеся по приказу Ставки Верховного Главнокомандующего на западный берег Днепра.

Почти каждый день взлетали в воздух немецкие эшелоны с военной техникой, с боеприпасами, с живой силой противника, перебрасываемой на восточный фронт. По ночам то тут, то там партизаны сжигали мосты, раздавали местному населению хлеб, предназначенный для отправки в Германию, освобождали девушек-полонянок, запертых в вагоны для скота, уничтожали вражеские гарнизоны. Уже тогда двадцать две дивизии бросил Гитлер на борьбу с советскими партизанами — это был по существу второй, невидимый фронт.

Предатели забеспокоились. Спасаясь от партизан, удрал подальше от родных мест на Украину и староста Сазанчук. Но к рождеству он все же возвратился домой праздновать. А на другой день появилась в селе подвода с пятью немцами. Александра Карповна, находившаяся на подозрении у полиции, с беспокойством наблюдала за ними в окно. Приезжие через своего переводчика вызвали старосту.

Едва явился Сазанчук, «немецкий» офицер обругал его на чистейшем русском языке. Затем старосту посадили на подводу и увезли. Оказалось, это приезжали партизаны.

Суд над предателем был короткий, Сазанчука расстреляли...

Мухоеды окружал лес, и оккупанты теперь даже боялись заглядывать сюда, где хозяйничали партизаны. Но однажды по всей деревне, будто пожар, распространи-

лась паника: в Мухоеды движется большая колонна! Выяснилось — словаки.

В дверь к Демидчик постучался офицер. Войдя, непрощенный гость поздоровался и сказал:

— Давайте знакомиться. Меня зовут Вайнтко.— Голос у него был мягкий, спокойный, почти дружеский. И офицер неплохо говорил по-русски.— Я пришел потому, что у вас пианино. Надоела мне эта война!

Не обращая внимания на тревожную тишину, застывшую в доме, он ударил по клавишам. Начал, на память, играть Чайковского. Играл долго, чем-то взволнованный, все набирая темп. Вдруг тревожные аккорды перешли в призыв, такой откровенный, что казалось это слуховая галлюцинация: офицер играл «Интернационал».

Александра Карповна слушала молча, затаив дыхание.

— Не удивляйтесь!— кончив играть, сказал он.— Ведь словаки и русские — братья.

— Отчего же вы воюете против братьев?! — вырвалось у нее.

— Мы люди подневольные, нас заставили... Хотите знать, где фронт?— Вайнтко подошел к карте (Александра Карповна как учительница сохраняла школьную географическую карту).— Вот тут! Русские так дали немцам, что те без штанов удирали.

Точка, которую он показал на карте, казалось, засветилась, засверкала перед глазами Александры Карповны: Сталинград!

У Вайнтко тоже возбужденно поблескивали глаза. Он обвел город на карте красным кружком:

— Здесь решается судьба многих стран: кто — кого? Милитаристская Япония и «нейтральная» Турция держат на вашей границе войска, но пока не вступают в борьбу. Ждут, как это в русской пословице — куда ветер подует? А партизаны есть везде: в Югославии, во Франции. О, как народы ненавидят фашистских убийц! Если Сталинград выдержит, фюреру крышка...

Торопливо, зигзагом Вайнтко обвел линию фронта. Потом вдруг спохватился:

— Что я наделал? Неосторожность!.. Дайте резинку. Если немцы зайдут в дом, они вас расстреляют за эти «рисунки».

При таком «карателе» люди в Мухоедах и соседних

селах вздохнули облегченно. Но словаки с Вайнтко оставались тут недолго. В феврале стало снова тревожно. Фашисты сожгли неподалеку деревню и бросили живьем в огонь несколько человек. Теперь с самого утра все в Мухоедах были начеку. Только вечером становилось легче: на ночь глядя, немцы в села не приходили.

Как-то в сумерках Александра Карповна посмотрела со своего «наблюдательного пункта» в окно и увидела целую колонну военных. Она испугалась: думала, немцы... Но это были опять словаки. В двери появилась знакомая стройная фигура Вайнтко.

— Помните?.. Я был у вас, играл Чайковского... — Он испытывал некоторую неловкость. — Можно, я теперь остановлюсь у вас в доме? — и стал расстегивать шинель.

А немного погодя признался:

— У меня предписание — отобрать коров у всех крестьян. Но я не хочу: это грабеж!

Александра Карповна промолчала: говорить было слишком опасно.

— Вот какая у меня «доблестная» служба, — с виноватой усмешкой заметил он. — Смотрите, я уже майор. И знаете, за что? В ноябре был бой в Лельчицах, когда уже выпал снег, помните? Наверное, люди рассказывали? Это не так далеко от вас.

— Кто знает, был ли там бой, — осторожно ответила Александра Карповна.

В действительности, вся округа была полна слухов об этом бое, в котором ковпаковцы уничтожили полностью внезапно окруженный ими немецкий гарнизон; более семисот вражеских трупов осталось тогда на улицах местечка и на шоссе. То были «партизанские Канны», по образному выражению комиссара Руднева.

— Зачем вы так усмехаетесь? — обиделся Вайнтко, — откуда столько иронии? Не верите мне?! Я-то знаю. Мы вышли на помощь Лельчицкому гарнизону, только помогать уже было некому: партизаны всех гитлеровских «юберменшей» перебили! А потом и нам наложили. Я сам пять километров драпал от «Колпака» без оглядки. И за эту «победу» мне дали чин майора.

Он рассказал подробно о фронтах, почитал вслух словацкую газету.

— Врет фашистская пропаганда! — то и дело возмущался он. — Смотрите, что пишут: «Сбито девяносто со-

ветских самолетов... Один самолет фюрера не вернулся на базу». Если бы в самом деле было так, уже не осталось бы ни одного живого человека на этой земле!.. А вот Москва говорит правду.

Взглянув на часы, Вайнтко предложил:

— Скоро шесть, пойдём слушать радио в соседний дом!

— Зачем вам это надо?— спросила Александра Карповна.

— Я восхищаюсь людьми, которых увидел здесь, на вашей земле!— восторженно проговорил он. Лицо его горело.— Хочу, чтобы все знали правду!

Александра Карповна поверила в честность этого слова, хотя ей было известно: тех, кто слушает советское радио, оккупанты расстреливают без суда. Местному населению запрещалось под страхом смерти пользоваться приемниками.

Пришли в соседний дом. Вайнтко взял наушники от военной рации, один протянул ей.

— Послушайте, мадам, музыку из Братиславы!— Держался он непринужденно, щегольски подтянутый, почти элегантный. Рядом находились расквартированные здесь словацкие солдаты и хозяйева дома. Казалось, этот самоуверенный офицер решил просто поухаживать за понравившейся ему женщиной.

Демидчик взяла протянутый ей наушник. И вдруг:

— От Советского Информбюро...

У нее потекли слезы от ошеломляющей близости знакомого, родного голоса. Вайнтко, заметив ее состояние, повернулся так, чтобы скрыть плачущую женщину от чужих глаз. Дал ей время овладеть собой. Лишь когда передача окончилась, спросил:

— Ну, как вам нравится музыка из Братиславы?

— Она прекрасна!.. — тихо ответила Александра Карповна.

После этого она с неожиданным-негаданным своим другом вернулась домой — к хозяйке, у которой снимала квартиру. Тут Вайнтко признался, наконец, удостоверившись, что никто их не слышит:

— У меня есть приказ сжечь несколько деревень... — Он перечислил, какие именно.— Один из солдат, которых вы видели в соседнем доме, когда слушали радио,— мой друг, он принимает нужные меры. Предупредите и вы

своих людей об опасности, чтобы не было лишних жертв!

«Жертвами» на этот раз оказались предатели. Естественно, такая «карательная экспедиция» не обрадовала оккупационное командование. Через некоторое время словаков отозвали из района.

Прощаясь навсегда, Вайнтко сказал Александре Карповне:

— Бегите в лес. На вас заведено дело в полиции. Новое начальство может оказаться покруче... И посоветуйте теперь мне, как перебраться через фронт?

— Не знаю,— ответила она искренне.— До фронта еще далеко. Но если вы хотите бороться против фашистов, ищите партизан!

— Нет!.. — Вайнтко, побледнев, сжал губы. Потом закрыл лицо руками. Так сидел он долго; какая-то мысль мучила его. Наконец, будто через силу, признался: — Это слишком опасно. Ваших партизан гитлеровцы объявили вне закона. Все партизаны — смертники. Не знаю даже, чем можно наградить таких героев. Тех, кого поймают, мучают самыми страшными пытками. Ведь партизаны иногда в бою вынуждены оставлять раненых... Я постараюсь перебраться через фронт...

А в первых числах марта пришли ковпаковцы. Вот тогда-то Александра Демидчик, навсегда связавшая свою жизнь с партией еще в условиях подполья, появилась в соединении. Пришла и сказала:

— Хочу быть разведчицей!

Это почетное право надо было заслужить. Но Петр Петрович Вершигора, искусно руководивший всеми разведывательными делами в соединении, рискнул направить ее в разведроту к Ивану Бережному.

Дружба с разведчиками у Александры Карповны завязалась не сразу. Учительница оказалась норовистой. Прежде всего она начала наводить порядок. Укротила даже самых ярых любителей матерщины, обстирала, обшила и привела в божеский вид всех ребят в своей роте. В общем, стала хозяйкой. И разведчики прозвали ее уважительно «Карповной», хотя была она совсем молода.

Здесь же, в Белоруссии, Карповна прогремела на все соединение. Это было под Хойниками. Командование решило связаться с военным комендантом этого города — словаком Йозефом Гусаром, который, по данным разведки, недолюбливал гитлеровские порядки, и предло-

жить ему перейти со своим гарнизоном на сторону партизан. Когда возник вопрос, кто сможет проникнуть к Гусару, чтобы передать это, более чем дерзкое предложение, выбор пал на Карповну.

Вершигора вызвал ее к себе, растолковал смысл задания. Спросил, многозначительно поглаживая свою пышную русую бороду:

— Ну как, пойдешь?

— Пойду,— ответила она.

— А что тебе для этого надо?

Александра Карповна задумалась.

— Ничего особенного,— сказала она после паузы.— Пожалуй, только модное платье, туфли и чулки...

— Что ж,— прищурил глаз Вершигора, оценивающе оглядывая ее.— Хорошее платье для вашего брата, женщин — как пропуск!..

Через день этот «пропуск» был доставлен из Москвы самолетом. Строгий темно-синий английский костюм красиво облегал фигуру женщины, уже успевшей отвыкнуть от изящной одежды. Дорогие модные туфельки казались до странности легкими после кованых трофейных сапожищ...

Провожал Карповну в Хойники командир разведотделения Василий Кашицкий со своими лучшими ребятами: отчаянным кубанским казакиной Григорием Пархоменко, его тезкой белорусом Гришей Жоголем и общим любимцем разведчиков юным Женей Устенко. Сидя в широкой пароконной повозке, устланной сухим сеном, приятели донимали сонного уставшего Пархоменко расспросами: как же это ему одному, без всякой поддержки, удалось проникнуть в охраняемое помещение полиции и выкрасть оттуда заложников — жену Василия Кашицкого с двумя детишками? (Кашицкие были здешние, родом из Речицкого района, и эвакуировать семью Василий не успел. Теперь было решено отправить жену и детей на Большую землю самолетом).

Пархоменко, самый молчаливый среди краснобаев-разведчиков, умевших разговориться, если надо хоть с самим чертом, лишь досадливо отмахивался в ответ. Навдвинув на черные вразлет брови свою порыжевшую кубанку, он привалился к жестким ребрам повозки и уснул как хорошо поработавший человек. За истекшие сутки ему пришлось отмахать пешком с полсотни километров.

Балагуря, довели Карповну до села Борисовщина. Дальше она пробиралась одна, без оружия, которое теперь могло только выдать разведчицу.

Первый, кто встретился ей на пути, был староста. Увидев на пустынной сельской улице незнакомку, потребовал документы. Паспорт и справка с немецкой печатью, казалось, не вызывали подозрений — все было сработано чисто. Документам соответствовало и устное объяснение, придуманное Карповной на случай возможных проверок: уроженка Винницы, там прожила всю жизнь... Идет к родственникам.

— А документики у вас подозрительные, — староста потянул руку к карману, собираясь спрятать.

— Как вам не стыдно! — воскликнула Карповна с приторным возмущением. — Придираетесь к честным людям!

Оглянулась — рядом никого. Вырвала бумаги и быстро пошла дальше.

— Стой! — закричал он. — Куда?!

— Туда, где лучше проверяют! — резко бросила она и прибавила шаг.

Бежать следом он почему-то не решился. Или просто не захотел: чувствовалось по самогонному духу, выпил основательно.

Все сошло вроде благополучно. «Только бы этот дурак не додумался сообщить обо мне в райцентр!» — мелькнула у Карповны беспокойная мысль.

Приближаясь к Хойникам, Демидчик издали заметил патрульного с белой повязкой на рукаве. Подобные встречи были ей не в диковинку.

— Здравствуйте, господин полицай! — почтительно поздоровалась она, показывая свои документы.

Полицай не умел читать по-немецки. Повертел справку, ответил, зевнув:

— Чего особенного? Идите в полицейское управление, если хотите остановиться в Хойниках на квартире. Подпольщиков каких-то у нас поймали... осенью еще. Строгости теперь!

— Да-да, я знаю порядок, — согласилась она. — Только что же мне делать? Полицейские часы начинаются, скоро нельзя будет ходить по улицам. Я не успею ни к господину бургомистру, ни в полицию...

— Ступай пока на квартиру, — нехотя согласился по-

лицай.— А завтра отметишься с утра пораньше. Только не забудь!

О квартире для разведчицы позаботился словак Андрей Сакса, находившийся теперь у Ковпака. А Саксу привел к ковпаковцам замечательный человек, антифашист Андрей Пальша.

Когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, принудительно поставив под ружье миллионы чехословаков, Андрей Пальша сразу попросился на фронт, чтобы перейти при первой же возможности на сторону Красной Армии. Но случилось так, что часть, в которой он служил, направили на охрану тыловых коммуникаций. Его батальон попал в Белоруссию, сначала в городок Речицу.

Андрея Пальшу, командовавшего взводом, послали охранять мост через реку Днепр. Всякая связь с местным населением запрещалась. К белорусам надо было относиться как к врагам. Но Андрея и его солдат тянуло к советским людям.

В начале августа Пальша получил приказ: собрать все оружие, оставленное советскими частями при отступлении, чтобы все эти винтовки, автоматы, ящики с патронами, пулеметы, у которых навеки полегли красноармейцы, не попали теперь к партизанам. Андрей собрал оружие, приказал своим солдатам вычистить и сдать ему, командиру взвода.

Вскоре после этого вечером Пальша пошел в соседнюю деревню. Там жители, осторожно прощупывая настроение общительного словака в военной форме, спросили его:

— Вы не боитесь один ходить по лесу? Ведь там могут быть партизаны?

— Нет, не боюсь,— ответил Андрей Пальша спокойно.— Я думаю, что они меня не тронут, как не трогали их мы, словаки.

Тогда его, вроде шутя, спросили снова:

— А если партизаны захотят пройти через мост, вы пропустите их?

— Мы имеем указание пропускать только полицейских. Если партизаны будут иметь на рукавах полицейские повязки, они смогут пройти. Лучше всего переходить мост вечером, пока не применяется пароль.

По существу, это был уже уговор с партизанскими

связными. Вскоре после этого, в середине сентября 1942 года, Андрею Пальше доложили:

— К мосту приближается большая группа вооруженных людей. Что делать?

Андрей спросил, стараясь придать наивное выражение своему смелому, красиво очерченному лицу:

— Они имеют на рукавах белые полицейские повязки?

— Да!— ответил сержант-служака, родом наполовину немец.

— Пропустите,— приказал ему, как ни в чем не бывало, взводный Пальша.

Спустя несколько минут стоявший у казармы часовой-словак доложил, что во дворе находятся трое штатских, которые хотят поговорить с господином взводным.

— Если они с белыми повязками, пропустите их ко мне,— приказал Андрей Пальша.

Неизвестные вошли в помещение, по-военному отдали приветствие Пальше. Он в ответ предложил им папиросы. Они закурили, многозначительно поглядывая в угол, где лежало оружие, собранное словацкими солдатами. Потом старший спросил:

— Вы можете нам отдать это?

Пальша молча улыбнулся. Вызвал своего солдата и приказал ему:

— Передайте все это оружие господам полицейским.

Те, кого Пальша назвал «полицейскими», с благодарностью пожали его крепкую, огрубевшую рабочую руку и ушли. Через два дня Пальша получил от партизанского связного памятный подарок: граммофон с пластинками.

А спустя еще несколько дней Пальшу вызвал по телефону командир роты и приказал:

— Срочно вышлите все собранное вами оружие в батальон!

— Господин капитан, все это оружие я уже передал полицейским!

— Каким еще полицейским?!— возмутился ротный.

— Которые приезжали ко мне из Речицы.

— Какая чушь!.. Хорошо, проверим... Напишите об этом рапорт командиру батальона.

Утром к Андрею Пальше верхом на взмыленных лошадях прискакали взбешенный командир роты и заместитель командира батальона.

Пальша, прикидываясь, что ничего не понимает, несколько часов морочил голову начальству, с изобретательностью своего любимого литературного героя — бравого солдата Швейка. В конце концов Андрею все-таки удалось вывернуться. До гестапо дело не дошло. Пальшу только понизили в должности и назначили охранять группу советских военнопленных на деревообделочном заводе. Здесь его деятельность кончилась тем, что он организовал побег тридцати пленных к ковпаковцам. А затем ушел сам. И немудрено, что приход Пальши к партизанам был встречен людьми, которых он спас, как праздник. Его на руках принесли в штаб к Сидору Артемовичу Ковпаку.

Пальше — рабочему человеку, антифашисту — в соединении верили, как родному брату. Даже будучи в отряде, Пальша, заочно приговоренный оккупационным командованием к смертной казни, смело ходил на встречу со своими бывшими однополчанами и перевербовывал лучших из них на сторону партизан. Одним из таких словацких солдат, работавших на партизанскую разведку, вскоре стал его тезка, Андрей Сакса.

Саксе можно было верить. Убив немца-садиста, издевавшегося над мирными людьми, Андрей Сакса вынужден был бежать из Хойников, где работал шофером у самого Гусара. От Андрея партизаны и узнали о настроениях коменданта.

Судьба крепко связала этого парня с отрядом. К тому же Андрей Сакса полюбил девушку-белоруску, участницу комсомольского подполья Юлию Купрейчик. У нее-то и предстояло остановиться Карповне.

В поисках Юлиного дома Демидчик проблуждала по городу довольно долго. В центре Хойников ее остановили два офицера из тайной полиции. Пришлось предъявить им документы.

— Фамилия? — заглянув в паспорт, переспросил один из них.

— Де... — начала она, чуть не выпалив по привычке: «Демидчик». А в паспорте значилось «Бортник». Вовремя спохватившись, она прикинулась глухой. — Плохо слышу, господин офицер.

Ноги у нее слегка дрожали. Но она заставила себя успокоиться, и это противное состояние, когда чувствуешь рядом смерть, прошло.

Потом ее останавливали еще несколько раз. Патрулей в городе было много.

У какого-то старика она наконец спросила, где Церковная тринадцать. Дом оказался рядом, старик сам жил в нем. Александра Карповна справилась, будто невзначай:

— Дедушка, а Юля дома?

— Ага!— был ответ.

— Что она делает?

— Ага... — опять кивнул дед.

«Может быть, и он глухим прикидывается?— насторожилась Карповна.— Все ли здесь в порядке?»

Тем временем из дома вышла какая-то женщина.

— Хочу у вас переночевать,— поздоровавшись, объяснила Александра Карповна.

— Мы не пускаем чужих,— отрезала та.

— Для меня и получше место найдется!— будто вспыхив, ответила разведчица.— Только мне сначала с Юлей повидаться надо.

— А вы ее знаете?— удивилась, даже встревожилась женщина. Это была Юлина мать.

Не мудрено ей было тревожиться в ту пору, когда опасность поджидала людей на каждом шагу...

Карповна тем временем рассказывала придуманную историю:

— Муж мой добровольно уехал в Германию, устроился там прилично и нашел себе другую, помоложе, а меня бросил. Вот и тронулась я с насиженного гнезда, куда глаза глядят: перед соседями стыдно. А здесь у меня родственники есть, они и познакомили меня с Юлей еще до войны...

Мать Юли посочувствовала чужому несчастью. Минуту поколебавшись, кивнула:

— Ладно, пойдём. Поздно уже, отдохни. У всех теперь горе!

Чтобы избежать дальнейших расспросов, Александра Карповна притворилась смертельно уставшей и, как только вошла в квартиру, легла на диван. Закрыв глаза, думала: какова будет встреча с Юлей? Ведь эту девушку она не видела ни разу в жизни, знала о ней только со слов Саксы, а надо было изобразить встречу двух подруг.

Хозяйка вышла в кухню готовить ужин... Лежа на диване, разведчица услышала разговор за стеной.

— Знаете, девочки, как наши люди живут в Германии?— обращалась к кому-то хозяйка, пересказывая сочиненную гостьей небылицу.

— Это у фашистов, в Германии, наши хорошо живут?! На каторге?— отвечали звенящие от возмущения молодые голоса.— Сейчас только подлецам хорошо!

Потом в комнату вошли две девушки. Белокурая остановилась первой, заметив неожиданную гостью. «Юля это или нет?» — подумала Александра Карповна. Не отрывая ладонь от глаз, произнесла сонным голосом:

— Это вы, Юля? Извините, ничего не вижу спросонок.

Сейчас они были одни — подружка, чтобы не мешать, выскользнула за дверь. Юля, всматриваясь в незнакомку, приблизилась к дивану. Растерянно сказала:

— Да, я...

Карповна встала, взяла ее за руку.

— Вам передает привет Андрей Сакса. Скажите матери, что вы знаете меня давно! А то беда будет...

— Мама, это моя знакомая пришла!— повторила девушка, выглядывая в кухню. И добавила уверенно, будто ничего чрезвычайного не произошло.— Я тебе, мамочка, рассказывала, по-моему... Очень мы подружились. И столько не виделись! Я даже с трудом узнала ее, так горе людей меняет...

Всю ночь Александра Карповна не спала.

В шесть утра заговорило местное радио. Кто-то без запинки молот мистическую тарабарщину: «Спит голодная Москва, не спит лишь один Черный ворон, он вызывает тень Наполеона...» Каждое слово врезалось в воспаленный мозг.

А Юля в это время шептала матери:

— Пришел в Хойники наш разведчик... ловят его повсюду. Вот ужас!

Разделавшись с «тенью Наполеона», диктор подтвердил слова Юли: «Граждане, в Хойниках — красный шпион. Ловите его!». Александра Карповна догадывалась, о ком идет речь. Проверивший ее документы староста мог послать нарочного в полицию.

Карповна встала, старательно принарядилась. Вспомнила почему-то, как в старину русские солдаты перед боем мылись и надевали чистые нательные рубахи. Отказалась от завтрака — кусок в горло не лез, бросила небрежно:

— Прогуляться надо сначала... Собираюсь по делу к Гусару, вашему военному коменданту. Хочу сохранить для этого рандэву хорошее настроение!

Возле векового парка, в котором стоял Дом пионеров, занятый оккупантами под комендатуру, на узеньком деревянном тротуарчике Александре Карповне повстречался немецкий офицер. Время было раннее, и одинокая, изысканно одетая женщина сразу привлекла его внимание.

Офицер вел на поводке огромную овчарку. Та яростно покосилась на Александру Карповну желтым горящим глазом.

«Что делать? Уступить им дорогу? Нет! Я дама, хорошо одетая, уверенная в себе. Ни за что не уступлю!»

Тротуар был совсем узкий, и она пошла, не сворачивая, прямо на этого вылощенного гестаповца. Офицер нехотя отступил на мостовую в грязь. Вид чернобровой стройной женщины со слегка откинутой назад головой, отягченной тугим узлом кос, казалось, поразило его. Он постоял некоторое время, потом поспешил следом. Разведчица, не оглядываясь, чувствовала каждый его шаг. Офицер догнал ее.

— Куда идет такая красивая фрау?

«Хорошее платье — пропуск для женщины», — вспомнились Александре Карповне слова Вершигоры.

— Спешу на деловое свидание... — Она остановилась, измеряя офицера кокетливо-безразличным взглядом.

— А может быть, вы согласитесь провести один час со мной? — на ломаном языке предложил офицер, заглядывая ей в лицо.

— Если будет время, — уклончиво ответила она. — Вечером... Я живу неподалеку.

Она улыбалась, а самой было жутко от мысли: «Что он подозревает, почему вернулся и идет следом за мной?..»

Удовлетворившись приблизительными координатами свидания, немецкий офицер, наконец, отстал.

Вот и комендантский двор. Укромная аллея, ведущая к крыльцу. На деревьях уже набухают почки... У крыльца двухэтажного, с высоченными потолками здания стоял дежурный.

— Гусар принимает? — спросила Демидчик. Было уже девять часов утра.

— Еще рано. Зачем он вам?— не очень вежливо осведомился дежурный офицер. Он был словак и говорил по-русски.

«Странно, что дежурит здесь офицер. Что случилось?» — с тревогой подумала Карповна. Где-то за домом фырчал мощный автомобильный мотор, раздавались голоса немецких и словацких солдат.

— Мне нужен подполковник лично! Я из Овруча. Привезла ему привет,— с кокетливой самоуверенностью ответила Карповна. По слухам она знала, что словаков в Овруче стоит много, и сообразила, что майор Вайнтко, возможно, тоже находится там. Не исключено, что в свое время он даже учился вместе с Йозефом Гусаром.— Привет от его соученика... Вайнтко. Майор просил меня увидеться с подполковником Гусаром лично.

Офицер, удивленный таким ответом, посоветовал прийти через час.

— Пан подполковник еще спит... Но здесь ждать нельзя!— предупредил он.

Карповна вернулась к Юле Купрейчик.

В ту минуту, когда она выходила из ворот, со двора комендатуры выехали два открытых шкодовских грузовика: один со словаками, другой с немцами. Карповна вздрогнула, но тотчас взяла себя в руки и улыбнулась белобрысому веснушчатому офицеру, сидевшему рядом с шофером в кабине... Долго следила разведчица взглядом за обеими машинами, пока они не скрылись за поворотом. «Неужели карательная экспедиция?— думала Карповна с тревогой.— В сторону Борисовщины едут. Туда, где ожидают меня ребята!..»

Казалось, время остановилось. «Через час — встреча с комендантом! Через час...» — твердила мысленно Александра Карповна. А там, в военной комендатуре, возможно, уже знают каждый ее шаг. Сидя у Юли, Карповна невпопад отвечала на вопросы хозяйки. Читала что-то, потом листала альбом с семейными фотографиями. Вот маленькая белокурая девочка с любопытно распахнутыми глазами. Какой хороший, душевный человек вырос из этой девчушки! И жаль, если вместе с Карповной пострадает и она, Юля. Тайная полиция заберет всех в случае провала.

Мысли лихорадочно толпились в мозгу, а стрелка часов, казалось, приклеена к циферблату.

В 9.50 Карповна вышла наконец из дому. В 9.50 двадцать седьмого апреля. Утро выдалось прекрасное, солнечное, пели птицы в парке... Вся природа была радостным обещанием. И хотелось жить так сильно, так остро, как никогда прежде.

Никто на этот раз не остановил ее.

На крыльце комендатуры теперь стояло человек десять офицеров. По описанию Андрея Саксы, Карповна сразу узнала коменданта, но она поздоровалась со всеми и спросила осторожно:

— Могу я видеть пана Гусара?

— Говорите нам, что надо. Его нет!— ответили ей.

«Значит, сговорились заранее, предупрежденные дежурным»,— подумала Карповна.

— В таком случае я приду позже.— Она повернулась, решив вести до конца свою игру. И не ошиблась: вдруг ее окликнули.

— Подождите!— Один из офицеров шагнул к ней.— Это — я. Что вам нужно?

— Поговорить с глазу на глаз.

— Но я плохо понимаю ваш язык.

— Будем говорить по-немецки.

— Прошу вас пройти со мной в помещение.

Так Карповна попала в здание военной комендатуры, не зная еще, выйдет ли оттуда. Нужно было согласно приказу командования вручить Гусару партизанское письмо — кусок ткани, простроченный много раз штабной машинкой неумоимого Васи Войцеховича. Карповна достала этот дорогостоящий клочок парашютного шелка, пришитый к изнанке белья, и подала Гусару. Объяснила, кто она.

Йозеф Гусар выслушал все очень спокойно. Это был человек большой выдержки. После долгой паузы он спросил:

— А вы знаете, что я могу вас расстрелять?

— Я знала это, еще когда шла сюда.

Но теперь она уже видела: Гусар ее не выдаст.

Разговор длился сорок минут. И хотя перейти на сторону русских Гусар не решился, так как фашисты зверски уничтожали семьи перебежчиков, но помочь партизанам согласился. Он рассказал, где стоят немцы, где — словаки, чем вооружены. Это была ценнейшая информация для партизан, попавших в окружение. Комендант

даже обещал, что его гарнизон будет стрелять только в воздух во время переправы ковпаковцев через Припять, и посоветовал, как лучше выбраться из «Мокрого мешка» — междуречья Припяти и Днепра,— в котором оказались отряды.

Йозеф Гусар сам вывел разведчицу из здания военной комендатуры и даже немного проводил по улице...

К исходу дня, когда Карповна достигла Борисовщины, она застала там страшный переполох.

— Что у вас случилось?— спросила Карповна у людей на улице.

— Немцы партизана словили!

— Черт с ним,— ответила она небрежно, а у самой чуть не подкосились ноги.

К счастью для разведчицы началась буря. Будто бешеный пес с цепи, сорвался ветер. Хлынул дождь. Ненастье загнало людей в хаты, и Карповна ушла незаметно.

Наконец она добралась до условного места, где ее должны были ждать Василий Кашицкий и остальные разведчики. Но там никого не было. Только у покрытого свежей мокрой травой бугорка приютились двое испуганных мальчишек.

— Тетенька, можно нам теперь гнать коров до дому?— спросили они у Карповны.

— А почему нельзя?

— Тут же бой был! Никого раньше не пропускали. Немцы и словаки понаехали!..— объяснили пастушата.— Одного партизана убили...

Карповна вспомнила, как со двора комендатуры выезжали грузовики с карателями.

— А другого, раненого, забрали!— продолжали взволнованные пастушата.— Вчера он тут ехал с другими дядьками и теткой. У нее был платок такой самый, как у вас.

Едва отойдя от мальчишек, она сняла и спрятала свой платок. Сомнений не было; взяли кого-то из провожавших ее разведчиков...

Пока Александра Карповна возвращалась в отряд, разведчики, сопровождавшие ее вчера в Борисовщину, спали на земляном полу, утомленные боем.

В большой хате по соседству со штабом Ковпака было

душно, пахло махоркой, копотью. На столе, покрытом пестрой рядниной, моргала крохотным маячком лампа — для опоздавших.

У пирамиды с винтовками сидела на корточках девушка, обхватив колени руками.

— Ты бы, Юля, подремала, — сказал Алексей Журов, оторвав тяжелую голову от седла, заменявшего ему подушку. — Отдохни!..

Судьба Юли Устенко была так трагична, что о ней знали почти все в соединении: семью ее фашисты сожгли. Не мудрено, что Юля теперь болезненно дорожила жизнью брата. Да и сам Журов мучался сейчас из-за того, что его друг Гриша Пархоменко не пришел с задания.

Отвлекая Юлю от печальных мыслей, Журов спросил:

— Какие новости с Большой земли? Ты письмо получила! Ваш начштаба при мне был у Ковпака, брал почту королевчанам.

Юля кивнула:

— Из Ярославля весточка. От Тани, старшей сестры. Вот Женя обрадуется! Послушай, что она пишет.

Таня сообщала, что работает на оборонном заводе, устает, — у них на шинном заводе и в мирное время производство считалось нелегким. А сейчас приходится работать день и ночь, чтобы обеспечить фронт. Но кому может быть легко, когда идет такая страшная война? Главное, люди рядом хорошие, переживают все сообща. И земля, на которой они трудятся, свободная, человек — хозяин здесь; не то, что в фашистском тылу!..

Журов мечтательно прикрыл глаза, слушая эти простые слова, которые, почти на память, при слабом свете керосиновой лампочки прочла ему Юля вместе со множеством щедрых пожеланий всем партизанам. От своих родных он давно уже ничего не получал — с самого начала войны, которая застала его на границе, в Карпатах. Так же, как Гриша Пархоменко, потерявший всю семью, и многие другие ковпаковцы... Удивительно спокойной и надежной представлялась сейчас Журову полуголодная, почти без сна и отдыха жизнь в родном советском тылу. Каждый, кто находился там сейчас, казался ему родным человеком.

— Хорошее письмо, — проговорил наконец Журов и потер большими шершавыми ладонями свои широкие

скулы, чтобы прогнать остаток сна.— Это счастье для бойца — знать, что близкие в безопасности... А ты уже ответила сестренке?

— Бумаги не было... да и слов таких не найти,— чуть покусывая губу, сказала Юля не сразу.

Потом, словно решившись на что-то, она достала из кармана своего темного жакетика сложенный вчетверо белый листок, уже затертый на сгибах. Присела к столу, обмакнула перо в чернильницу-невыливайку.

Наверху, как писалось в боевых партизанских листках, Юля вывела мелким бисерным почерком: «Бей, громи всеми средствами фашистских псов!» И тем же неокрепшим еще почерком школьницы, пониже, продолжала:

«Партизанский привет любимой сестре Танечке! Здравствуй, дорогая сестра Танечка! Наконец-то я дождалась твоего письма. Ты не представляешь, какая радость получить весточку от родного, единственного человека, живущего на Большой земле.

Ты просишь меня написать подробно обо всем, что произошло. Таня, я твою просьбу удовлетворяю. Только это для тебя хуже будет, если описать все. Всю действительность. Не представляю, как я это перенесла и не умерла!

Таня, это было время, когда оживала природа,— начиналась весна. А для нас, Танечка, это был час расправы, расправы кровавого фашизма над беззащитным населением. Таня, это было сверх-зверство. Это ужас, кошмар, трудно поверить в такое.

Когда горела наша Большая Березка, весь снег растаял в один день, и посреди села текла настоящая река от огня. Это было утро 24 апреля 1942 года, солнечное теплое утро.

Проснувшись, мы еще не знали, что будет такое. Как всегда, вытопили печи, поприбирали хаты, занялись домашней работой. Вдруг прилетел фашистский стервятник, сделал несколько кругов над селом и стал вести обстрел. Потом началась бомбежка. Все по обыкновению попрятались, кто куда. Под прикрытием самолета фашисты повели наступление. Часа два эти изверги стреляли по селу, хотя там не было ни одного военного человека. Вступили в село, не прекращая пулеметной и ружейной стрельбы.

Колечка, родной наш самый младшенький брат подошел ко мне с куском хлеба в ручонке и говорит: «Юля, мамочка сказала, чтоб я никуда от тебя не отходил». Хорошо, Коля, ответила я, будем вместе. И он, бедненький, не отходил от меня до последней минуты. Но в самый момент расстрела мы расстались случайно.

Все, как заколдованные, сидели на огороде, возле вещей и мебели. Мужчины надеялись убежать в другое село, где по слухам были партизаны. Тут меня вдруг отделили от семьи, и я попала к чужим людям. Маму я видела живой в последний раз, когда ее втолкнули фашисты в горящий дом. Она крикнула мне: «Прощай, дочь! Больше мы не увидимся никогда!»

Заплакала и пошла... Я было бросилась за ней, но поднялась та-

кая трескотня, что я вернулась снова в чужой дом, где ожидали смерти остальные. Таня, это ужасно, это страшно вспомнить, что мы покорно ожидали смерти от фашистов. Я собственными ушами слышала одиночные выстрелы, когда расстреливали нашу семью. Танечка, первого схватили папу и стали терзать. Коля начал кричать. Ему сразу выстрелили в висок из пистолета. И большие голубые глазенки закрылись навеки.

Марусю убили возле погребка. И она бедняжка сгорела — обуглилась, как головешка. Тут же убили деда и бабу Устю. Танечка, как я не умерла, когда вместо мамы увидела обугленное тело!.. Таня, все сгорели, кроме Коли и папы.

Я видела папу, раненного в висок, когда нас вели расстреливать и я задержалась, ожидая своей очереди, вместе с тринадцатью женщинами на крыльце Краснобая. Вдруг я увидела, что папа и Коля лежат под кустами малины. Я, Танечка, думала, что папочка уже мертвый, когда он вдруг поднял голову и посмотрел на крыльцо. Наши глаза встретились. Таня, он узнал меня! Какой это был взгляд! Я бросилась к нему, но меня оттолкнули. После этого я увидела, как содрогнулось тело отца и он замер.

Нас повели на улицу, держа оружие наготове. Женщины плакали, просили о спасении жизни. Мне же, Таня, тогда было все равно. Для меня смерть в ту минуту была бы облегчением. Но я все-таки надеялась, что папа ранен и может еще остаться в живых. Когда партизаны вошли в село, я стрелой помчалась на то место. Но я увидела только труп отца, осмолевший от огня. Дом догорал, все было в пламени.

Рядом с папой лежал наш милый мальчик Колечка, как сонный, ротик открыт, глазки закрыты шапочкой, той серенькой, с красной кисточкой, которую ты прислала из Ярославля...»

Слезы капнули на исписанный листок. Юля вытерла щеку тыльной стороной руки и, вздохнув, дописала:

«Танечка, ни о ком я так не грущу, как о нем. Я же его вырастила и воспитала! Как он чисто разговаривал, как хорошо говорил стихи, какой был резвый!.. До смерти его не забуду.

При виде этих трупов я даже не могла плакать. У меня сердце окипело кровью.

Всех наших, кроме сгоревших живыми, похоронили на том месте, где убили их фашисты. А сама я, до вступления в отряд, жила в Новой Гуте. Две недели я ни дня не сидела на месте, ходила из Гуты в Березку. Проливала слезы. И теперь решила мстить! Кровь — за кровь!.. Таня, я лучше умру, но никогда не буду служить этим извергам, насильникам!

Я так привыкла к нашему партизанскому лесу, что считаю его любимым домом. Здесь мне даже весело. И не только мне, а всем нам, потому что у нас одни цели и стремления. А особенно хорошо, когда к нам прилетают дорогие гости с подарками Большой земли...

Ты пишешь о возможности выслать мне посылку. Ничего не нужно. Пиши больше о себе. Бойцы интересуются новостями Большой земли.

Тысячу раз обнимаю, целую Танечку нежно, нежно... Брат все время в разведке. Горячий привет Большой земле. Юля».

О своих боевых делах Юля не писала сестре. Она считала: делает то же, что и все. Так нужно. Идя в бой, она даже радовалась встрече с врагом, пренебрегая опасностью. А когда оккупанты — жирные от награбленного сала — удирали, как зайцы, а вслед им неслось громогласное партизанское «ура», когда прямо из-под ног врага ковпаковцы вырывали пулеметы, пушки, минометы, заставляя трофейное оружие бить захватчиков, у Юли был праздник.

Но рядом с ненавистью к врагу по-прежнему жила в ее смелом и щедром сердце любовь к людям. Все те добрые чувства, которые еще недавно наполняли жизнь большой дружной семьи, излились теперь на Таню и их единственного, младшего братишку — Женю...

Юля старательно сложила письмо в треугольник, запечатывающийся без клея, прикрутила фитилек лампы и села на прежнее место у пирамиды с оружием. Журов, казалось, задремал.

Немного успокоившись, Юля представила, как Женька обрадуется новой рубашке, которую она сшила ему из парашютного шелка нитками, высученными из плотных толстых строп.

— Говорят, у вас в Кролевецком отряде тоже одну женщину в Хойники посылали, — вдруг сказал Журов.

— Да... Было такое дело.

Юля сама по приказу Берсенева пробиралась в близлежащий хутор Бабчин, где жила разбитная миловидная учительница Ольга Метлицкая, собиравшая важные сведения для партизан. Ольге приходилось якшаться и с полицаями, и с немцами, и с прибывшими недавно мадярами. Односельчане презрительно называли ее «полицайкой». Ольга плакала, жалуясь Юле на свою участь. Но все-таки терпела, потому что так было нужно.

Обо всем этом, конечно, Юля не стала сейчас рассказывать Журову. Объяснила только:

— Она тоже местная. Вроде вашей Карповны. Все дороги знает...

Однажды, когда Оля возвращалась из отряда в свой хутор, ее чуть не перехватил на шоссе фашистский патруль. Берсенев тогда нарочно завязал перестрелку, а Ольга незаметно перебежала дорогу в другом месте...

Журов понимающе хмыкнул.

— Но все же кто-то засек, что Ольга держит связь

с партизанами!— Юля оживилась. Думать о боевых делах было легче, чем вспоминать свои горькие утраты.— Тогда Берсенев забрал ее в отряд. Да как!.. Поехал с Павлом Жоголем — такой белаявый, знаешь его? — в Бабчин, нарочно перебили в доме у Ольги все горшки, оконную раму высадили... а Ольгу, вроде силой, потащили к подводе и увезли. По хуторам прошла молва, что «полицайку» партизаны арестовали.

— Ловко! Теперь ее родню, по крайности, фрицы не тронут. Так Матющенко в Шалыгинский отряд Ивана Швайку забирал. Швайка — классный разведчик! Считался у оккупантов чуть не самым лучшим старостой на Сумщине. И все же кто-то донес на него, пришлось выручать...

Было уже совсем поздно. Но едва Карповна вернулась в свою роту, обрадованный дежурный тотчас разбудил партизан:

— Разведчица наша вернулась!

— Она уже не придет,— хрипло, будто простуженный, сказал командир разведотделения Василь Кашицкий. И начал натягивать сапоги.

— Нет, я пришла! А где Гриша Пархоменко, Женя Устенко?— резко спросила Карповна, обведя взглядом всех присутствующих.— Кого из них убили?...

— Женю... Не успел даже на свой новый орден полюбоваться. Его ж только что к боевому ордену Красного Знамени представили,— взволнованно заговорил Кашицкий.

Юля, на которую все посмотрели с участием, сидела все так же неподвижно, обхватив колени руками.

— Новое белье ему сегодня принесла, сама пошила... Словно мать за ним убивается!— шепнул Карповне дежурный.

— Женя так мечтал стать летчиком! Так хотел учиться после войны!— вспоминали товарищи.— Такой смелый был!

— Жаль, не сохранилось даже его фотографии,— наконец с трудом произнесла Юля, и две крупные слезы выкатились из ее глаз, таких же карих, какие были у брата.— Все сгорело в огне, когда фашисты жгли нашу Большую Березку!.. Одна цель у меня теперь — мстить!.. За все отомстить!

— Кого из наших еще потеряли?— осторожно погла-

живая Юлино плечо, спросила Карповна у разведчиков.— Гришу?..

— Гришу раненым взяли,— тихо сказал Леша Журов. Хоть он ходил сегодня на другое задание, но знал уже от товарищей все.— Гриша был на посту. Наверное, вздремнул: он ведь не отдыхал, возвратясь с предыдущего задания... Когда немцы подошли к нему вплотную, он успел крикнуть: «Ребята, отходите! Я задержу!..»

На глазах у Журова блеснули слезы. Он был почти не разлучен с Пархоменко. Вместе ходили они за сотни верст — в дальнюю опасную разведку, в самый Киев, по заданию секретаря ЦК республики. И только Леша знал, чего стоил каждый шаг Грише Пархоменко, раненному на фронте в обе ступни...

Воцарилось молчание. Все невольно думали об одном: как поведет себя теперь Гриша в застенке у фашистов? Ведь предстоящий переход через Припять, вся жизнь соединения, зажатого в «Мокром мешке», зависела сейчас от того, сумеет ли Григорий Пархоменко сохранить тайну, не дрогнет ли под пытками гитлеровцев?

В течение сорока минут Пархоменко, прикрывавший отход товарищей, один вел бой с целой ротой карателей (Женю Устенко сразила первая же вражеская пуля). А когда фашистам все же удалось схватить Григория, он вытерпел страшные пытки, не выдав партизан, не назвав даже своего имени. Раненого, измученного, его повезли на казнь в день 1 Мая. Об этом позже рассказала Карповне стоявшая в толпе Юля Купрейчик.

— Стреляйте, гады,— крикнул он карателям.— Но героический народ наш вам не убить, не запугать! Я умру с песней! Стреляйте, палачи!

Никто из солдат-словаков не осмелился поднять оружие на этого человека, прекрасного в своей преданности долгу. Григорий гордо поднял голову и начал нараспев читать строки своего любимого поэта Лермонтова, стихи которого в родном Гришином Прикубанье знали все, как знают народные песни:

Погиб поэт! — невольник чести...

Тогда эсэсовец, руководившей казнью, выхватил свой пистолет и сам застрелил героя.

— Вот чего нам стоила даже удачная операция,— со вздохом сказала Карповна, вспоминая прошлое.— Какие были ребята!..

— А с Юлей Купрейчик вы встречаетесь?— спросили мы.

— Юля умерла. Вскоре после войны...

— Отчего же?! Такая молодая!

— Печальная это история... — Карповна помолчала.— Сначала все шло хорошо: Андрей Сакса, демобилизовавшись, женился на Юле и выхлопотал документы, чтобы увезти ее вместе с матерью в Чехословакию. Но случилось так, что документы его жены и тещи прибыли раньше. Женщины уехали сразу, а он задержался. И надо же такое несчастье — упал он зимой в прорубь, простудился и заболел скоротечной чахоткой. Сгорел за месяц!.. Через год, на словацкой земле, умерла Юля: у нее было больное сердце, смерть мужа убила ее. Не могли они жить друг без друга. Хоть и говорят, что от любви в наше время не умирают, а вот...

История действительно была необычайна — из тех, какие случаются только в жизни. Напиши современный писатель такой рассказ, здравомыслящие критики скажут, пожалуй: «Уж это — слишком!.. Неестественно, надуманно!..» Искусство дорожит чувством строгой меры.

— А знаете,— с какой-то особой теплотой произнесла Карповна,— я недавно виделась с Йозефом Гусаром! Спустила столько лет... Интересно было встретиться!

Она достала из письменного стола фотографии. Какая-то бумажка вылетела из ящика на пол. Аккуратным учительским почерком на листке было написано: «Райсовет... Пленум райкома... Культкомиссия... Комиссия содействия работе с молодежью... Пленум ветеранов войны... Комиссия женсовета... Президиум профсоюзов... Общество по распространению политических и научных знаний...» Против каждой строки стояли ровными столбиками даты и часы.

— Что это за шифровка?— спросили мы шутя.

— Да ничего, так... Подзагрузили меня немножко общественной работой. А это шпаргалка, чтоб ничего не забыть.

— Когда же вы все успеваете?— Этих общественных поручений было так много, как бусин на низке, украшающей белую полную шею Александры Карповны.

Она улыбнулась лукаво и, будто выдавая свою глубочайшую тайну, призналась:

— Оттого и состариться не успеваю, что некогда!.. Вот посмотрите, какой стал Гусар.— Она протянула нам фотографию.

На любительском снимке — умное, мягкое лицо интеллигентного человека, почти старика.

— Теперь Гусар — полковник в отставке, — объяснила она. — А встретились мы вот так... Я попала в Чехословакию по случаю годовщины Победы. Шел из Советского Союза поезд дружбы. В числе приглашенных была и я. Во время первомайского парада в Братиславе я возьми и спроси, прямо на трибуне, у министра обороны: а где, мол, у вас такой-то человек, сделавший доброе дело для наших партизан, помогавший ковпаковцам выбраться из «Мокрого мешка» — одним словом, где Гусар?.. И вот под вечер, когда я уже отдыхала в гостинице, в дверь номера кто-то постучал. Вошел незнакомый дедок. Но по глазам, по улыбке — сдержанной и какой-то очень сердечной — я сразу узнала Гусара. Первые его слова были: «Как я рад, что вы остались в живых, такая отчаянно храбрая!.. Я очень боялся за вас». Долго мы тогда проговорили с ним... Полковник Гусар просил, чтобы я заехала к нему в Нитру. Но у меня уже не было времени на это. Расставались мы очень тепло и немножко грустно. Свидимся ли еще? Хорошо бы!.. Вот его подарок!

Карповна поправила на шее красивые крупные бусы знаменитого на весь мир чешского стекла.

— Сейчас готовлю ему посылку. Чудесный он человек.

— А Вайнтко? — напомнили мы.

— Я так и не знаю, жив ли он? — отвечала она с глубоким сожалением. — Это был настоящий друг!..

Беседуя с Гусаром о минувшем, Карповна неожиданно для себя узнала, что письмо, которое она доставила когда-то в Хойники, хранится в музее Чехословацкой армии.

— И вот что удивительно! — воскликнула она. — Ума не приложу, как Гусар не боялся хранить тогда партизанское письмо? Достаточно было малейшего подозрения, случайного обыска — и не сносить бы Йозефу Гусару головы.

Но, видно, человеческое мужество и бескорыстие по-

двига, представшие перед этим чехословацким офицером в лице простой белорусской учительницы-партизанки, достойны были, по его убеждению, такого риска. Для Йозефа Гусара смятое, напечатанное на парашютном шелке письмо стало символом свободы и братства народов.

СОЛДАТСКАЯ СОВЕСТЬ

В тех самых Хойниках, куда ходила на опасное свидание с военным комендантом Карповна, живет теперь дружная партизанская семья Михаила и Лидии Ядченко. В годы войны Лида носила еще девичью фамилию — Бондаренко. Впрочем, по фамилии ее тогда никто не называл — просто Лида.

Была она скромна, почти незаметна, но очень нужна на своем месте.

Девчонка, окончившая наспех курсы медсестер, с первых же дней войны рвалась на фронт помогать бойцам, спасать раненых. Она явилась в военкомат, но ее отослали обратно домой:

— Детей на фронт не берем. Подрости сначала! — ответили ей в военкомате.

Не стали даже спрашивать, сколько лет, — очень уж она была маленькая и худенькая.

Отец ушел на фронт. Лида тоже, захватив скудные свои пожитки, пыталась пристроиться к проходящей через село части.

— Ты куда, детский сад? — сказал ей командир. — Оставайся пока при мамаше, подрости еще чуток! Вот тогда и станешь в строй...

Когда пришли немцы, староста хотел отправить Лиду на тяжелые, каторжные работы в Германию. Девушка убежала в другое село. Там они вместе с несколькими комсомольцами организовали подполье: ребята расклеивали написанные от руки листовки, пытались раздобыть оружие.

— Правда, проку от той работы вышло мало, — признается, вспоминая о том времени, Лидия Степановна с обычной своей откровенностью. — Провокатор нас выдал...

Спасаясь от расстрела, она и прибежала к ковпаков-

цам, появившимся тогда в Белоруссии. Приняли ее в отряде радушно. Но острые на язык хлопцы посмеивались, заметив робость новенькой большеглазой медсестры.

— Что нюни распускаешь?— дразнили ее.— Ты запомни главное: кто смел — тот цел!

Печалилась Лида не о себе. Втихомолку плакала по ночам, беспокоясь о младших братишках: как там живет-ся им без нее — при мачехе? Порывалась забрать их с собой. Стремилась любыми путями хоть на минуту заглянуть домой. Но рейдирующее соединение Ковпака быстро ушло из родных ее мест. Братья попали в другой, местный белорусский отряд.

Лида привыкла к новой, кочевой жизни ковпаковцев. Только перед боем ей становилось на какое-то время страшно. А потом, в бою, было уже не до себя: спешила перевязать, дотащить раненого до санчасти... Даже во время бомбежки Лида вела себя спокойно. Говорила шутя подружкам:

— Если не убьют, разбудите... — И тут же засыпала, когда выдавалась свободная минута. Уставала она страшно.

Ее мужество никогда не было броским, эффектным, картинным — она просто делала свое дело, независимо от того, легко это или тяжело.

— Трусость только от эгоизма бывает!— убежденно повторяла она.

Зимой, в мороз, бросилась Лида в реку спасать раненых. Потом долго душил ее кашель. Тщетно лечили партизаны свою медсестру какими-то трофейными лекарствами. Но Лида и тут нашла от хвори свое средство — шла со здоровыми наравне в бой, приговаривая:

— Когда дерешься как следует — не замерзнешь!.. Никакая простуда не удержится!

А во время Карпатского рейда Лида была ранена в оба бедра навывлет. Шла едва-едва. Будто каменные глыбы, переставляла ноги. И все-таки шла — не ехала: уступила место в повозке другому раненому.

— Выдюжила. Я двужильная!— объясняет она.

В природе этого мужества — не показного, глубоко искреннего и почти не сознающего своей гигантской силы, лежит доброта. Про такую доброту говорят иной раз — «бабья». Ну и пусть! Хватило бы в час испытаний

каждому солдату той мужской неподкупной доблести, с которой прошла партизанская сестра Лида все военные опасности и невзгоды.

У Лидии Ядченко — орден Славы и партизанская медаль. Эти награды, добытые во многих и многих нелегких боях, кажутся нам самыми важными, самыми высокими. Вот с этими наградами на гимнастерке, привлекая всеобщее внимание, и вернулась Лида после рейда на Сан и Вислу к себе, в Белоруссию, в Хойникский район.

Отвоевалась... Захотелось мира, покоя, семьи. Потянуло к родной земле.

— Выбрала я себе земляка — такого же зеленого, как сама тогда была, — улыбается Лидия Степановна, вспоминая былое. — Мы с Мишей погодки... Вместе воевали. Вместе решили и мирную жизнь строить.

Жизнь эту молодожены начинали на пустом месте. Когда родился их первенец Витя (теперь уже он сам — военный человек, офицер), в хозяйстве было всего три полотенца, и два из них порвали на пеленки. Не было даже своей кастрюли. И как-то жили да еще ухитрялись помогать другим. Ведь кругом была тогда разруха.

Стал Михаил Ядченко председателем колхоза. Длинящий, худющий, с лукавым и добрым курносым лицом, этот парень когда-то при любой пальбе отличался стоической невозмутимостью. «Седло под голову, попону — под бок и, если нет команды драться, спи!» — говорил бывало он. Но теперь, когда восстанавливали разрушенное войной хозяйство, Михаил работал нервно, напряженно, без отдыха. Жил так, что о себе подумать было некогда. И стяжателям не угождал, и говорил всем правду в глаза.

Потом Михаил Ядченко «командовал» складом в Заготзерне. Нелегкая это была работа, особенно, если лето выдавалось мокрое. Прием хлеба на пункте — сто или даже двести тонн в сутки, а сушилка всего тонн на девяносто. И все же ухитрялись делать так, что не пропадали ни один килограмм.

А сейчас Ядченко заведует овощной базой района. И тут у него порядок: все, что вырастили на своих полях колхозы и совхозы, должно поступить к покупателям без потерь, без порчи. (Недаром говорил когда-то Федот Данилович Матющенко: «Сам соби ворог, хто хазяйнувать не вмие!»).

Лида должностью пониже, но и у нее хлопот достаточно. И еще дом, семья, четверо детей. Четверо осталось из семерых.

— Я знаю, что значит — дитя похоронить! Потому всегда понимаю чужое горе,— говорит она.

Каждый может прийти к Лиде со своей бедой. Она может не только добрым словом, но и делом. На Лидино попечение присылают своих детишек родичи, друзья. Целый день, от темна до темна, Лида на ногах, будто они и не были никогда прострелены, эти, много тысяч километров исходившие солдатские ноги. И со всеми она приветлива, ласкова, будто не видели зла и страха эти ясные, молодые глаза.

— Отчего людям не помочь? Что мне сделается? Я ж двужильная!— любит повторять она.

Доброта эта, которой при всей своей прямоте и резкости обладает Лидия Ядченко, проявляется и в желании восстановить справедливость. Лида не терпит, чтобы обижали хороших людей. Она, как о раненых в дни войны, заботится о каждом, кому нужна ее поддержка. Иной человек, может быть, и злоупотребляет таким ее свойством, но все равно Лида не в проигрыше. Лучше быть щедрым, чем нищим!.. А самая страшная нищета — нищета души.

В Хойниках у Ядченко, когда мы приехали туда, гостил их бывший однокашник, спокойный, медлительный учитель математики Петро Кашицкий — двоюродный брат Василия Кашицкого, который провожал когда-то Карповну к военному коменданту в Хойники.

Кто хорошо знает обоих Кашицких, относится к ним с одинаковым уважением. Партизанили они отлично, а в мирные дни вернулись к своей любимой профессии — стали преподавать математику и физику в школе.

Петро Кашицкий — человек очень скромный и непосредственный.

— Ну куда мне до Василя!.. — говорит он. — Василь наш — заслуженный учитель республики. И разведчик какой был!.. Его каждый знает в нашей Речице! А таких, как я, много... Помните, как мы, белорусы, целыми семьями к Ковпаку просились?

Пришел Петро Кашицкий в отряд уже обстрелянным.

В первый же день Отечественной войны часть, где он служил, приняла бой с фашистскими захватчиками, перешедшими советско-финскую границу. Раненый Кашицкий схватился за пулемет погибшего товарища и стал строчить по танку противника, пока не упал сам... Потом санчасть, эвакуация. И опять фронт.

Попав в окружение под Полтавой, Петро ночами (как шли когда-то Подоляко и Борисов), скрываясь от немцев, добрался до родного села. Был он так оборван и тощ, что, когда зашел в свою хату, отец при свете каганца не узнал его.

— Если хотите переночевать, нужно разрешение старосты,— сказал старик сердито.

А мать, причитая, свалилась кулем с печи:

— Господи! То ж наш Петрусь!..

Это было в сентябре сорок второго года. Новость, что к старикам Кашицким бог весть откуда вернулся сын, быстро разнеслась по деревне. Через несколько дней в дом пришел староста с полицаем. Приказали настрого, чтобы Петро самолично сходил к коменданту и стал на учет.

В тот же вечер Петро постарался встретиться со своим двоюродным братом Василем Кашицким, который был уже связан с партизанами. Обсудили вдвоем положение и решили: уходить в отряд, не дожидаясь повторного визита старосты с полицаём.

Кашицким повезло: как раз в это время ковпаковцы сами пришли в район.

Под началом рассудительного, спокойного Петра Кашицкого и воевал Михаил Ядченко. Теперь, когда строгая субординация военных лет отошла в прошлое, веселый беззлобный острослов Ядченко поддразнивает своего бывшего отделенного:

— Интеллигент! Все пушинки с себя сдувал... — и заговорщически подмигивает нам.— А девчат боялся — страшно! Мы аж прямо удивлялись: как только он воюет?

— Одно другого тут не касается!— улыбнулся Петро Кашицкий.

И верно, застенчивость не мешала ему быть смелым. Самые сложные задания нередко поручались именно ему, Петру. Он мог разведать подступы к мосту и снять бесшумно вражескую охрану, уничтожить фашистских патрулей у железнодорожного полотна — и обеспечить своему

соединению безопасный переход через «железку». А однажды, когда ковпаковцы стояли на Князь-озере, Петро Кашицкий вместе со своими дружками Павлом Жоголем (тоже учителем) и Василем Велинцом проник в местечко Житковичи и привез оттуда на санях прямо в партизанский штаб живехонького коменданта полиции...

Обо всем этом Петр Андреевич не рассказывал сейчас, да и не было в этом необходимости: здесь, в доме Ядченко, о нем знали все, как знают о родном брате.

— Форменный интеллигент! Верхом ездить не умел. Первое время как слезет с седла, так уже и ходить не в силах! — опять поддразнивал друга Михаил, сам ловкий наездник.

— Помню, когда пришел я к Ковпаку, сначала удивлялся, — признался Петр Андреевич. — Отряды носятся словно ветер в поле, то туда, то сюда... Однажды я спросил у Вали Подоляко: «И что то за война такая? Носимся, знай, на лошадях из края в край!..» А Валя объяснил мне:

— В том-то, брат, и сила наша, что мы появляемся там, где оккупанты даже во сне не могли нас видеть!

— Все зависит от человека, — думая о том времени, полном испытаний, сказала Лида. — Я насмотрелась всякого. Но самое страшное, что я видела на своем веку — это даже не кровь, не раненые, не смерть. Самое ужасное, незабываемое — это колонна наших военнопленных в сорок первом году. Как сейчас это помню: целую колонну, человек двести, гнали несколько фрицев. Разве нельзя было тех фрицев обезоружить?.. И знаете, один пленный из этой колонны меня узнал, кричит: «Передай, дивчина, моей тетке в соседнее село, что скоро получу документы и к ней зайду!» Так и доси йдэ. Выдали ему документы — в крематорий.

— Да!.. — согласился с Лидой Михаил. — Веру потерял — все потерял!.. Но та колонна, о которой ты вспомнила, Лида, была собрана из одиночек. А народ наш не складывал рук, не терял головы!.. Вот у немца в сорок четвертом году — это действительно была паника! Целыми полками сдавались в плен. Помню, в Западной Белоруссии, за Неманом, два наших хлопца из главразведки взяли в плен целый артполк! Кажется, чуть не родич твой, Василь, тогда отличился, — обратился он к Петру Кашицкому. — Разведчики возвращались с задания. Вдруг видят — на опушке леса немцы. Лежат себе кучей, человек

пятьдесят, дремлют. Ребята подкрались к ним, скомандовали: «Ауфштейн, хенде хох!» Те спросонок и подняли руки. Хлопцы отвели их подальше от оружия, говорят: «Вы окружены!» А немцы от страха залопотали: «Камрады, ком сюда, мы есть много — целый полк! Все никс война!» Они проводили наших разведчиков в расположение своего артиллерийского полка. Тот целиком сдался. Двадцать тяжелых пушек с боекомплектom снарядов, полтысячи солдат и офицеров!.. Хлопцы построили этих вояк и привели прямо в наше расположение. Да еще скомандовали фрицам петь «Катюшу». Вот удивились все в нашем штабе, когда эту колонну увидели!

То, о чем говорил сейчас Ядченко, произошло с 122-м гаубичным полком 50-й пехотной дивизии гитлеровского генерала Вейтлинга во время рейда ковпаковцев по тылам группы немецких армий «Центр» при освобождении Белоруссии.

— Я, как учитель, с особым чувством все это вспоминаю,— произнес Кашицкий в раздумье.— Смелость — качество не врожденное, его надо воспитывать! Помню: как-то во время боя население смешалось с нашим отрядом. Люди спешили уйти в партизаны. Но потом некоторые испугались огня и поползли обратно — в село, занятое немцами. И вот по тем, кто струсил и полз от нас к немцам, они же сами из пулеметов ударили! А кто с нами пошел — уцелел!..

— Это фрицы за свою шкуру боялись,— объяснила Лида.— Мало ли что им со страху померещилось? Кто ползет, не разглядишь.

— И лупили по тем жителям, кто струсил, кто с нами не пошел!— настойчиво повторил Петро Кашицкий.— Хороший урок: кто смел — тот цел!..

— Да,— согласился Ядченко.— Вся наша партизанская борьба была таким жизненным уроком... Вот ты о смелости сказал, что воспитывать ее надо смолоду, сызмала — это верно!.. Знаете, во что может обойтись трусость одного человека? Никогда я вам про этот случай не рассказывал, повода не было, да и не хотелось. А теперь — слушайте...

И словно раздалась вширь стены уютного мирного дома, заглянули в горницу хмурые горы, взъерошенные ветрами лесистые Карпаты.

Каждый из тех, кто сидел сейчас за столом в этом доме, мысленно перенесся в то суровое время. Лида представила, как шла она за санитарной повозкой, едва переставляя ноги в невероятно тяжелых от натекшей туда крови сапогах. Михаил вспомнил, как пришлось ему в быстром, словно мимолетная гроза бою разоружать вражескую засаду. Петро Кашицкий тоже вспоминал свое...

Но все вместе они видели большое, единое, общее — славный Карпатский рейд. Взорванные мосты и пущенные под откос поезда, подбитые вражеские самолеты, полыхающие зловещим ночным заревом нефтепромыслы... И неумолимо сжимающееся железное кольцо, которым охватили ковпаковское соединение несколько фашистских дивизий.

— Помните, как выходили мы из этих Карпат? Словно горная лавина, двухсоткилометровым фронтом катились на равнину!— восклицал взбудораженный воспоминаниями Михаил Ядченко.— Соединение было измотано жесточайшими боями! Бредем ночью по камням, а камни эти вот-вот обвалятся! Немцы совсем рядом, почти параллельно с нами движутся. Днем в укрытии отсиживаемся... Наша маленькая разведгруппа шла сзади, прикрывая раненых. В полночь, на остановке поднимаюсь и вижу: ребята спят, а основной колонны уже нету! Задремал один какой-то разгильдяй и не передал по цепочке команду «трогаться». Так и остались мы, сами по себе, при санчасти батальона. Была там еще одна рота наших ковпаковцев, командир которой — не назову его фамилии, поскольку нет его уже в живых — проявил трусость и в результате этого отстал от своего отряда. Но самое страшное то, что он отказался от раненых. Бросив нас, он увел своих людей в горы. Конечно, и нам тогда лучше было бы пойти с этой ротой, для шкуры своей выгоднее. Только я же не мог бросить раненых! Их было девять, а нас, разведчиков, трое. Всего двенадцать — и автоматы не у каждого. Вот так и образовался наш самостоятельно действующий отряд. Долго мы блуждали. Василий Холодович уж, кажется, классный разведчик, но и он не мог разобрататься в этих извилистых горных тропах... Наконец, понадевали мы сплетенные из кожи лапти, что нам гуцулы дали, и вместе с нашими ранеными кое-как скатились на этих лаптях с гор. Кто на костыли опирается, кто держится за плечо товарища. А голод прижимает так, что аж в

глазах темно. Достали мы как-то половину телка — правда, маленький он был, смотреть не на что, но все-таки еда. Накормили, конечно, сперва раненых: они за несколько дней, что мы все не ели, совсем слабыми стали. Такой малостью их досыта не накормишь — только раздразишь. А о нас, троих здоровых, и говорить нечего, оставили себе что похуже: кишки и кожу... Вообще жизнь была — голод, вши. Одиночество, враг кругом рыщет... и надежды никакой! Погибель, а не жизнь. Разложили, значит, мы костер, начали смалить кожу эту проклятую, чтобы хоть что-то в рот взять. Эх!..

И вдруг Михаил Ядченко неловким жестом вытер покотившуюся по щеке слезу. Не оттого она выкатилась, что ему вспомнился голод или что жизнью своей тогда рисковал повседневно и, может быть, даже ежечасно. А именно оттого, что бросил его тогда товарищ, тот самый комроты, и вместе с ним — одиннадцать ребят... да еще каких ребят — девять из них были ранены!..

Нам невольно вспомнилось письмо ковпаковца Леонида Прутковского, ныне работающего инженером в Новосибирске. Мужественный и бывалый человек, один из ветеранов оперативной группы Цимбала (как тогда, еще в первые месяцы становления ковпаковских отрядов, назывались партизанские роты), Прутковский, прошедший вместе с соединением весь его славный путь, писал об этой карпатской эпопее так, объясняя, почему каждый год его неодолимо влечет сюда, в Карпаты:

«Если бы кому-нибудь удалось отснять все, что было в Карпатах, как вели себя подразделения в целом и каждый боец в отдельности, то замерший от удивления зритель не заметил бы штришка трусости в общей массе героических дел. Мне кажется, что даже малейших элементов трусости не было,— там было отчаяние. Отчаяние и героизм!.. Ведь когда командиру кавэскадрона Саше Ленкину оставалось одно-единственное решение, чтобы спастись со своим кавэскадром,—не брать своих раненых, Ленкин сказал, что на это не пойдет и раненых они понесут сами, потому что лошади погибли... Да и меня Ленка Мазейн не отдал в санчасть!.. Как ты это забудешь?!»

Прутковский был прав. Но и Ядченко был прав тоже. Каждый из них говорил о том, что видел и пережил сам.

И словно подводя итог всему этому, Лида Ядченко сказала строго:

— Пятно всегда кидается в глаза. Оттого его все и видят. А хороший человек о себе молчит. Вот как, например, наш Политуха, ездовой Ковпака: ни на минуту не

оставил раненого командира да еще и знамя соединения спас! А кто хоть раз слышал, что тот ездовой Политуха с трибуны выступал?..

— Да, это так... Ну, слушайте дали,— продолжал Михаил.— Съели мы, значит, ту шкуру до грамма, еле разжевали. И кишки — тоже! Подкрепились кое-как — и дальше в путь. На Станиславщине, возле Черткова, осмелев после всего того, что повидали в Карпатах, махнули прямо через деревню. И вдруг посреди улицы видим полицаев. Бой затевать нельзя: у нас повозка с ранеными, а здоровых, кроме меня, всего двое: Романович и Холодович. Решили выдать себя за полицаев, а этих гадов любыми средствами разоружить. «Эй, привет! — крикнули мы.— Мы из Черткова — к вам». А Чертков — это районный центр. Значит, мы вроде прибыли от начальства. Выдумка подействовала. «Дайте, проверим ваше оружие», — предложил я. Они дали. Мы тут же посвящывали этих полицаев и, не желая подымать лишнего шума своей пальбой — в погреб их... А сами подались дальше. Дело было к вечеру, мы спешили до рассвета сделать марш побольше. Однако полицаи быстро освободились от веревок и, видимо, позвонили немцам в этот самый Чертков. На следующий день мы напоролась на их засаду... Да и не одна она была на нашем пути. Еле вырвались!..

И все-таки добрался Михаил с товарищами к условленному месту встречи раньше всех. Никто из партизан в Полесье еще не знал, что ковпаковцы возвратились из Карпат. Ребята, которые были вместе с Ядченко — белорусы родом, попросились в местные отряды.

Михаил пешком один отправился в свои родные Дроньки. Люди, бежавшие из села, жили в лесу. Пока Михаил подкреплялся в одной из землянок, какая-то девочка выскользнула за дверь. Вскоре явились два всадника с красными ленточками на шапках. Запасная лошадь шла следом.

— А мы, ковпаковцы, все были со звездочками. Хоть из-под земли, но доставали! — с гордостью заметил Михаил.— Ну, стали меня эти, с ленточками, спрашивать: кто я и все такое прочее. Только не поверили они, что я ковпаковец. «Слишком, — говорят, — вы легендарные. Проверить тебя сначала надо: может, ты из немецкого десанта и намеренно под ковпаковца подделываешься!..» Пришлось мне своим же братьям-партизанам в плен сда-

ваться. Повели они меня к командованию — в самую дикую лесную глушь, в Ельский отряд.

— Там, в Ельском отряде, воевал мой дед, — спокойно вставила Лида, словно это было нечто само собой разумеющееся. Воевала вся их семья: и она, и отец, и даже младшие братишки — тогда еще подростки. А дед — тем более: бывалый солдат!

— Пришлось мне отдать тем партизанам оружие, — продолжал Михаил Ядченко. — «Живи пока здесь, — говорят, — а дальше видно будет». — Целый месяц я у них, как на курорте, пробыл, пока дед Ковпак не объявил по радио о сборе своих партизан. Что поделаешь? Осторожность нужна была. И я не осуждаю тех ельских партизан... А все же золотые хлопцы были у нас в соединении! Ну, прямо героические хлопцы! — воскликнул он, заканчивая свой рассказ. — Вижу я, дело идет к финишу: войне — капут! Надо же мне быть со всеми своими побратимами вместе! Добрэ, думаю, что остался живой, а про награды тогда и не помышлял никто... Да, золотой народ был: душевный, храбрый. Взять хоть бы Адама Ермолича к примеру (сейчас он тяжело болеет, бедняга), прямо до ужаса был смелый! А смельчака никогда не изображал: наоборот, на словах у него — все хаханьки, чудить любил. Сам рослый, видный, а ездил для смеха на крохотной клячонке — отдал своего коня в санчасть!..

— Не всех, кто были героями, даже имена известны, — вздохнула Лида. — Помните, был у нас такой голосистый парень, с противотанковым ружьем. Еремин вроде... Совсем недолго был. Откуда он пришел к нам и как звать его, точно не знаю. Врезалось мне в память только, что он красиво пел «Колокольчики-бубенчики». Вот кто геройски погиб! До последней капли крови с вражескими танками дрался, ребят выручал!

И опять умолкли все за столом, вспоминая еще многих таких, как голосистый тот бронебойщик. Сколько их, безымянных, осталось по лесам и полям!.. Сколько таких, не считаясь ни с чем, отдали свою жизнь, чтобы прикрыть, спасти товарищей во имя общего дела.

Ответственность, возложенная человеком на себя, и есть в сущности его совесть. И чем ноша эта тяжелей, тем совесть чище. Не даром так и прозвали партизан: люди с чистой совестью.

Собираясь в свой очередной мирный «рейд» по ковкаповским местам, мы условились с московским телевидением, что вслед за нами в Киев поедут операторы: отснять отважного подрывника Виктора Николаева в районе станции Березань, где в июле сорок третьего года он пустил под откос эшелон с фашистскими офицерами.

Все вместе мы отправились в деревню Недра — к людям, которые помогали маленькой группе Николаева совершить этот подвиг. Честно говоря, сам Николаев почти не верил, что удастся кого-нибудь найти: ведь прошло больше двадцати лет.

Заглянули в сельсовет. Там лицом к лицу встретились с немолодой, но очень симпатичной женщиной.

— Может быть,— наугад обратился к ней с вопросом оператор,— вы жили здесь при немцах?

— Да,— сказала она спокойно.— А в чем дело?

Объяснили ей цель приезда. И нам сразу повезло: оказалось, это бывшая связная местного отряда, Анна Ивановна Исаева, работающая сейчас фельдшером в сельской больнице.

— Как же!.. — воскликнула она.— Ведь те люди, которые взрывали офицерский эшелон, три ночи прятались на чердаке у моей золовки! И я жила тогда в ее доме.

— А смогли бы вы узнать хоть одного из тех партизан, что ночевали тогда у вас на чердаке?

Она посмотрела на всех пытливым, изучающим взглядом.

— Трудно теперь узнать... Один из них, помнится, был такой заводной, веселый, в черной фетровой шляпе и сером плаще... — И вдруг взглянув на сияющее лицо Николаева, бросилась к нему с объятиями.

Узнала Виктора Николаева и сама Елена Александровна Яковец, у которой трое суток скрывалась группа Николаева. Анна Ивановна с детьми тоже вынуждена была тогда искать пристанища у своей золовки Елены: немцы выгнали семью Исаевых из родного дома и разместили в нем полицию... Многое пришлось пережить в те страшные дни обеим женщинам. Мужья их были арестованы как коммунисты и расстреляны, а сами они находились под особым надзором полиции и гестапо.

Женщины эти, которых по праву можно считать не только свидетельницами, но и участницами смелой диверсии, помогли теперь Николаеву найти бывших его проводников: Федора Ивасенко и Ивана Синельникова, тоже способствовавших успеху операции.

А вот и место, где с огромным риском для жизни молодые минеры выполнили задание.

— Весь состав с офицерами превратили в отбивную котлету!— вспоминал коренной житель Недры Иван Синельник.— Из Полтавы в Берлин на формирование шел. Десять классных вагонов и паровоз — все всмятку! Около тыщи человек! Я тогда от радости решил даже угостить минеров. Достал у своих людей сала, хлеба и бутылку горилки. «Ешьте,— говорю хлопцам,— ничего для вас не жалко! Вы не такой обед заработали!..»

И хотя был Виктор Николаев тогда представлен к ордену, но вышло так, как нередко случалось в быстроменяющихся событиях партизанской жизни: наградные документы затерялись... Единственной наградой за тысячу гитлеровских офицеров, которых хватило бы фюреру на целый армейский корпус, и остался для Николаева с ребятами обед, принесенный недровским проводником. А фашистские оккупанты летом сорок третьего года в газете «Киевское слово» обещали десять тысяч оккупационных марок тому, кто поймает «опасного бандита». Сообщались даже особые приметы Николаева, в том числе наколка на руке: «Витя» (значит, все же заметил партизана какой-то предатель).

— Вспомни, какие у тебя были ощущения... когда ты притаился у железнодорожного полотна?— допытывались мы теперь, зная, что риск был очень велик.

— Мне надо было взорвать эшелон!— ответил Николаев убежденно.

— А что ты чувствовал при этом?

— Ну, нам надо было взорвать эшелон!— В его черных, всегда смеющихся глазах мелькнуло сейчас раздражение. Он начал сердиться, удивляясь нашей «непонятливости».

— Но конкретно, что именно ты испытывал тогда, когда над твоей головой мелькали немецкие сапоги? Ведь любой из фрицев, сидевших на платформе первого, «пробного» эшелона, мог тебя заметить?.. Да и вдоль линии ходила охрана!

— Разве я помню, что я тогда чувствовал?! Просто надо было взорвать эшелон!

Человек «чувствовал» то, что должен был сделать. Такова сила воли, ведущая настоящих бойцов к победе. Это можно еще назвать иначе: мужество, героизм, романтика подвига...

Когда закончились съемки, мы вместе с Николаевым и его женой, партизанской радисткой Валею, отправились в Карпаты. Пятым пассажиром был Виктор Жуков, догнавший нас в Киеве — давний друг и тезка Николаева, тоже ковпаковец, тоже человек большой смелости.

Есть подвиги, в которых человеческое мужество вспыхивает внезапно и ярко, как подвиг Виктора Николаева. А есть повседневное, почти незаметное мужество, но сумма таких обыденных и всегда самоотверженных поступков — не меньший подвиг. В сущности, такие обыкновенные люди и вывезли на своем горбу всю войну, отнюдь не считая себя героями. К ним относится и Виктор Жуков. Друзья о нем говорят:

— Этот не любит рассказывать о себе, все шуточками отделяется, но надежней его человека нет!

Русоволосый, рослый, плечистый, как былинный богатырь, Жуков спокойно и весело посматривал по сторонам, поминутно высовывая голову из окна машины. Край, который мы сейчас проезжали, был хорошо знаком ему.

Когда на дороге показалась арка с витиеватой надписью «Добро пожаловать на Ровенщину», Жуков, многозначительно кашлянув, произнес:

— Вот в этих местах окончилась для меня война — да еще как «торжественно»: личным знакомством с куреным атаманом Галайдой! — Где-то в глубине его светлых, синих глаз мелькнула насмешка. — Чуть головы мне не стоил этот гад...

— Поймал? — насторожился Николаев.

— Хлопцы наши, земляки его, словили. Предатель — фашистам служил. Он, оказывается, уже из самого Ровно, из тюрьмы убегал. Матерый бандит... И сколько было глупых случайных смертей на освобожденной уже территории — вот здесь. А всему бандеровцы виной. Кому они мстили, спрашивается? Своему народу, который сами продали Гитлеру!.. В общем, злой я на них крепко, — за-

ключил Жуков.— Да и все наши хлопцы — тоже. Особенно те, которые с Украины родом. Это ж подумать надо: еще не кончилась война, пожарища кругом, разорение такое страшное было, каждая пара рук в цене! А тут от дела отрываешься, гоняйся за этими душегубами.

— А где захватила тебя война? Где ты ее начал? — спросил Николаев.

— Также здесь, неподалеку...

— Здесь?! — удивился Николаев.— Интересно. И я тоже!..

Они думали, что знают друг о друге все, потому что партизанили вместе — делали одно дело, одинаково не щадя себя. Но кто и как встретил первый день войны и какими сложными путями попал к Ковпаку, стали выяснять только теперь.

— В воскресенье двадцать второго июня, — начал вспоминать Жуков, — на рассвете немцы обстреляли наши казармы из пушек. Раздалась команда: «Боевая тревога!..» Первое, что я увидел, выскочив из казармы, был убитый товарищ и черные зонтики шрапнели в небе. Кругом — пальба! За день я сменил три машины: полковую кухню, на которой шоферил, разбомбило. Потом «амфибию» мою немцы подбили из пушки. ЗИС зажгли из пулемета. И меня тогда, как «безлошадного», определили в пехоту... Потом мы обороняли Киев. Там я и попал в окружение...

А дальше было с ним то, что пережили многие другие бойцы, оказавшиеся во вражеском кольце, оторванные от своей части, от армии.

Виктор Жуков пытался прорваться к своим на Полтаву, — не удалось. От Полтавы повернул на Сумщину, надеясь, что в лесах будет ему легче спрятаться от немцев... Ел конину. Окруженцы варили ее в своих солдатских касках. Прятался вместе с другими, такими как он, в болотах. Иногда в беспокойные, наполненные пулеметной стрельбой и лаем немецких ищеек ночи простаивал до утра по горло в воде, уже начинающей покрываться первым тоненьким осенним ледком. И почему-то (это поразило нас особенно, в его простом, лишенном прикрас рассказе) Виктор Жуков помнил: когда какой — погожий или ненастный — выдался рассвет; как звонко пели в лесу птицы, как жила природа. Ему самому, хотя он не говорил нам об этом, очень хотелось тогда жить. Но все же

он решил ни при каких обстоятельствах не сдаваться в плен!

Добраться до Сумских лесов ему было нелегко. Для безопасности Виктор променял свою шинель на рваную одежонку мельника. Теперь, весь белый от муки, в высоком, вроде поварского, колпаке на голове, он мог смело идти по дороге: никто даже не спрашивал у него документов. Благополучно добрался он до деревни Мутин, Кролевецкого района. Там работала мельница. Но главное, что привлекало туда самозванного мельника, было совсем другое: в Мутине, по слухам, появлялись партизаны.

Приютила бездомного, работающего и приветливого к людям парня одна украинская семья. Потом, когда заметили Виктора Жукова полицаи, пришлось ему сменить кров. Но скоро и эта новая квартира стала опасной...

Каждого, не местного жителя полиция брала под подозрение. Чтобы легализоваться, Жуков решил для отвода глаз сыграть свадьбу. Нашлись добрые люди, рискнувшие выручить солдата.

Роль жениха на этой фиктивной свадьбе Виктору Жукову пришлось играть основательно — были соблюдены все обряды, чтобы малейшего подозрения ни у кого не возникло. Только когда батюшка пел свое «многая лета», Виктор с присущим ему озорством вторил:

Дай бог до лета-а,
Дай бог до лета-а,
А там удеру...

Батюшка по пьянке даже прослезился от умиления, слыша, как старательно басит «жених».

И Жуков, перепрятавшись до поры до времени у надежных людей, дождался своего часа. Как-то весенним днем он услышал взрыв. Это было неспроста. Осторожно выглянув из окна, он понял сразу: взлетела в воздух мельница, молотившая зерно для вермахта.

Через несколько минут во двор, где жил Жуков, вбежали молодые парни.

— Дедушка, дай веревку! — попросили они у старика-хозяина. — Нам надо взять коня у старосты.

Одеты они были в гражданское, как все в селе. Но речь у них была чисто русская, без местного акцента.

«Наверное, это окруженцы, как я, только успели уже к партизанам попасть», — подумал Виктор и сам подошел к ним. Спрашивать напрямую, кто они, остерегся.

Парни заметили его сразу.

— Это кто у вас здесь? — показал старший на Виктора Жукова, обращаясь к хозяину. — Вояка?

Позже Виктор узнал, что этого высокого беловолосого парня, командовавшего всей группой, зовут Леша Борисов и сам он летчик, сбитый где-то в районе Севастополя (Борисов в то время был еще новичком и только начал командовать взводом в Кролевецком отряде).

— Мы партизаны! — объявил он Жукову напрямик. И может быть, вспомнив в эту минуту свои мытарства, когда они вдвоем с Валентином Подоляко тщетно пытались перейти линию фронта, спросил участливо: — Пойдешь к нам?

— Пойду! — обрадовался Жуков.

Рассказывая теперь об этом давнем времени, Виктор Алексеевич добавил:

— Вот и весь наш с ним первый разговор. В бою болтать некогда... Ну, а ты как попал к Ковпаку? — обратился Жуков к своему тезке.

— Как в сказке! — Николаев рассмеялся. — По воздуху...

— Для этого ему пришлось взять в «плен» генерала Строкача, начальника Штаба партизанского движения Украины, — сказала, улыбнувшись, жена Николаева, Валентина Григорьевна.

Это была правда. Но историю эту, по вполне понятным причинам, знали в те годы немногие.

Началось все с того, что приехал Николаев еще в первые месяцы войны с подбитыми танками в Харьков для ремонта (сам он был танкистом). Здесь свела его судьба с другим таким же, поневоле оказавшимся в тылу фронтовиком, лейтенантом Билыком. Из Харькова обоих послали в Сталинград, на знаменитый Тракторный... Там ребята застряли надолго: работы заводу хватало, многим танкам нужен был ремонт после боев.

Вынужденное бездействие удручало смелых, энергичных парней, тем более, что на фронте дела были не веселые. Почти каждый день в сводке передавали названия городов и сел, оставленных нашими войсками. В это время где-то далеко, в глубоком тылу у захватчиков, гро-

мили врага партизаны. Успехи их казались Николаеву сказочными. Он все чаще подумывал о том, чтобы как-нибудь самому пробраться в тыл врага, к партизанам. А его поставили на КПП.

Как раз весной сорок второго года поступил приказ Главкома о введении строжайшего контроля за использованием автотранспорта. В Сталинграде и вокруг него была создана целая сеть контрольно-пропускных пунктов. Начальником одного такого КПП и назначили Виктора Николаева.

Как-то рано утром по шоссе со стороны Луганска подкатил к шлагбауму новенький голубой «мерседес». В нем рядом с водителем ехал какой-то старший лейтенант с орденом Красного Знамени. А сзади — крупное начальство с ромбами в петлицах. По инструкции Николаев должен был обязательно проверить у водителя документы на машину и, если документов нет, задержать ее, чья бы она ни была.

Старший лейтенант вышел из «мерседеса» и шепотом сказал Николаеву:

— У нас нет документов.

— Тогда я машину арестовываю и отправляю на СПАМ (сборный пункт аварийных машин). Ясно?

— Товарищ сержант! — взмолился тот. — Машина у нас трофейная, еще не успели получить документы. Едет в ней начальник Штаба партизанского движения Украины товарищ Строкач.

Николаев так и подпрыгнул на месте, забыв всю свою важность, диктуемую положением начальника КПП. «Попасть бы за линию фронта, в тыл врага и громить его там!» — мелькнуло у него в голове.

— Сам начальник УШПД?! Он-то мне и нужен! — воскликнул Николаев.

— А в чем дело? — Строкач выглянул из машины. Лицо у него было еще совсем молодое и добродушное, улыбчивое.

— Возьмите меня в партизаны — отпущу машину! — выпалил Николаев. — А не возьмете — отправляю на СПАМ.

Строкач засмеялся: видимо, решительность сержанта ему понравилась.

— Что же, попробуем взять. Нам как раз нужны такие ребята.

— А у меня еще дружок есть, лейтенант,— такой, что в огонь и в воду! Участник войны с белофиннами!

— Возьмем и дружка.

Действительно через два месяца Николаев и Билык были направлены в распоряжение Украинского штаба партизанского движения, который тогда находился в Сталинграде.

Враг рвался уже к Волге... Среди юных патриотов, осаждавших районные комитеты комсомола с настойчивым требованием «Пошлите меня на фронт», были и две школьницы из Донбасса — Валя Рыкова и Катя Соколова. В армию их не взяли: слишком молоды. Но все-таки упрямым девчатам удалось добиться своего. Валю и Катю направили в Ворошиловград, в специальную школу, которая готовила радистов.

Позже, когда гитлеровская армия подходила уже к Ворошиловграду, спецшколу перевели за Волгу. Здесь две девчонки, которые еще недавно боялись ступить туфельками в грязь, получили тяжелые солдатские сапоги и обмундирование десантников. День и ночь будущие радистки выстукивали морзянку на ключе...

Здесь же, в спецшколе, повстречали обе подружки и свою нежданную-негаданную любовь.

Знакомство это началось со служебной неприятности. Озорной и шумливый Виктор, заметив в столовой хорошенькую дежурную, начал нарочно шутками и громким смехом привлекать к себе внимание. Валя (дежурила в тот вечер она) несколько раз подходила к бесшабашному курсанту и просила его не шуметь. Но тот не унимался.

За шум в столовой Валя как дежурная получила взыскание. Узнав об этом, Николаев прибежал к девушке с извинениями. Вместе с другом пришел для моральной поддержки и лейтенант Билык. Чтобы окончательно загладить свою вину, парни пригласили обеих подружек в кино.

А через несколько дней Валя поймала себя на мысли, что ей очень хочется опять увидеть Виктора, встречаться с ним как можно чаще...

Валя стыдилась своего чувства, считая его эгоистичским: ведь родная земля истекает кровью, как можно в такое страшное время думать о любви?

Но тут, как на грех, Катя призналась подруге:

— Я очень хочу полететь на задание вместе с Димой!.. Вот если бы мы все вместе оказались в одной группе!

И случилось именно так. Неразлучную эту четверку командировали на Брянщину, в соединение Ковпака и Руднева, причем за Виктором увязался и его младший братишка — подросток Валька.

Где-то под крылом самолета уже линия фронта, затянутая зыбким туманом, а дальше — полная неизвестность... Вдруг Виктор Николаев, всегда любивший почувствовать, громко предложил товарищам:

— Знаете что? Давайте съедим свой НЗ.

— Как можно? — возмутились девушки. — Это же — неприкосновенный запас. Мало ли что случится в полете?!

Но Виктор, поддразнивая их, настаивал на своем. Развязывая мешок, он балагурил:

— А может быть, через четверть часа наш самолет собьют? И такая вкуснотища пропадет зря? Дудки! Я не такой дурак! Все лучшее съем, на всякий пожарный случай.

И обе девушки, которые за минуту до этого ожидали какой-то смутной, притаившейся рядом опасности, дружно засмеялись. Было весело смотреть, как Виктор уплетает консервы, орудуя десантным ножом.

Ощущение опасности исчезло совсем. Пассажиры шутили, смеялись, угощали друг друга. А Дима Билык, благодушно похлопывая Виктора по плечу, сказал:

— Это он от радости, что наша мечта осуществилась...

В таком праздничном настроении начали приземляться. Но едва самолет остановился, Валька, младший брат Николаева, схватился за автомат.

— Тревога! Фрицы приближаются к нашей машине... Смотри, Виктор!

Но скакавший впереди нескольких «немцев» бородатый всадник в папахе, высоко подняв руку, погрозил плеткой занявшим оборону воздушным пассажирам. При этом его телогрейка распахнулась, и москвичи увидели золотую звездочку, блеснувшую в косых утренних лучах.

— Я вам покажу, як мэнэ за нимця считать! — шутя крикнул им Ковпак. А уж потом начались приветствия и объятия.

Ковпаковцы приняли радушно посланцев Большой

земли. Соединение сейчас отдыхало в южной части Брянского лесного края, готовясь к новому рейду.

...Сначала все новички — и минеры, и радистки — были рядовыми бойцами: ведь они прибыли сюда для того, чтобы пройти у Ковпака боевую стажировку.

Сдав свои рации в штаб, Валя и Катя ходили на боевые задания. Уставали до ломоты в костях. Виктор и Дмитрий украдкой старались помочь подругам, но обе стойко отказывались от поблажек: воевать — так наравне со всеми.

Опасность стала такой привычной, что о ней почти не думали. Там, в Брянском лесу, и решили Виктор с Валей пожениться. Катя Соколова и Дмитрий Билык тоже поклялись соединить свою судьбу. Полыхала гигантским пожаром война, и побыть вместе месяц, неделю или хотя бы день казалось счастьем почти невероятным...

Когда соединение двинулось с боями в новый рейд, Виктор Николаев объявил самым близким друзьям:

— Если останемся живы, мы и Билыки непременно отпразднуем две серебряные свадьбы вместе, под одной крышей — сто лет счастья на четверых! И запомните: приглашаем всех, кто будет жив!

Однако тогда, в партизанском лесу, две комсомольских свадьбы были ознаменованы иллюминацией отнюдь не праздничного свойства. Под повозкой со взрывчаткой Катя вдруг заметила пламя — горело сено. Видно, сморенный сном боец не успел даже погасить свою самокрутку, и теперь вот-вот могла случиться непоправимая беда. Катя, схватив тяжелую брезентовую плащ-палатку, бросилась в огонь. Дмитрий — за ней следом... Если бы не их решительность, взлетели бы тогда на воздух и повозка с драгоценными для партизан минами, и лошади, и, конечно, люди.

А вскоре отличилась и Валя. Случилось это уже после того, как рота Ивана Бережного, куда прикомандировали радистку Рыкову, благополучно взорвала мост на одной из тех четырех, перерезанных ковпаковцами «железок», одновременное повреждение которых составило сущность знаменитой партизанской операции «Сарнский крест».

Рота Бережного возвращалась с задания. Все были

возбуждены удачей и предстоящим праздником 7 Ноября. Вспоминали наперебой: как мост не загорался сначала; как Виктор Николаев и Дима Билык швыряли в него термитные шары. А потом ребята, чтоб еще больше подразнить фашистов, привязали к обгорелым сваям «гарбузы» — желтые, перезрелые тыквы, пустив слух, что это мины.

И в самом деле, позже разведка сообщила, что гитлеровские саперы несколько дней не решались подойти к сожженному мосту, боясь этих загадочных желтых «мин». Долго палили по ним из карабинов, пытаясь расстрелять, пока наконец не поняли, что это — очередная партизанская проделка...

На радостях в группе Бережного забыли об осторожности. И вдруг, уже на пути к своим, напоролась на засаду противника. Завязался невыгодный для маленькой группы бой. Тогда-то Валя, одна из всех бойцов, прижатых шквальным огнем к земле, рискнула подобраться к розвальням с партизанским станкачом, которые бросил испугавшийся новичок-пулеметчик.

Немцы уже подкрадывались к молчавшему станкачу. Валя в тот момент была ближе всех к пулемету.

— «Максима» надо выручать! — крикнул круглолицый черноглазый подросток, лежавший за деревом метрах в десяти от Вали.

Как старшая, она сама приняла решение. Мгновенно сорвала с себя ватный бушлат, чтобы легче было двигаться, и поползла к саням.

— Осторожней! Я прикрою тебя из ручника! — сказал Вале все тот же чернобровый мальчишка, Ярослав Августяк.

Валя знала о нем только то, что до войны он успел кончить семь классов где-то на Ровенщине. Отец его, поляк, умер очень рано. Мать, украинка, вышла замуж за русского, старшего лейтенанта Соколова, в 1939 году, когда западные области Украины воссоединились с восточными.

Ярослав быстро привык к отчиму, простому и заботливому человеку. А когда началась война, и Дмитрий Соколов, попавший в окружение, решил искать партизан, пятнадцатилетний мальчик сказал ему твердо: «Отец, я пойду с тобой». Так вдвоем они и попали к Ковпаку еще в июне 1942 года.

— У нас в семье — три крови, интернациональная семья! — гордился Ярослав.

Все в отряде полюбили этого шустрого смелого паренька и называли просто «Славик»...

Теперь, когда Славик из ручного пулемета метко скошил десятка полтора фашистских солдат, пыл у противника поутих, и к партизанскому станкачу они уже не так спешили, как прежде.

«Только бы лошади не потащили розвальни ближе к немцам!» — думала Валя, прижимаясь к талому снегу. Славик полз за ней метрах в десяти, прикрывая огнем, чтобы связать руки противнику. Вот уж Валя под санями. Стараясь не отрывать тело от спасительной земли, с трудом вытаскивала холодный, будто лед, пулеметный замок из-под крышки короба. Ох, как же она ругала себя за то, что сама не умеет стрелять из станкача! Как ей хотелось полоснуть прямо по цепи врага, чтоб поддержать своих ребят!.. Она чувствовала себя даже виноватой от того, что не в силах заменить отсутствующего пулеметчика.

Но дед Ковпак и комиссар Руднев высоко оценили мужество радистки, а также подростка, оберегавшего ее жизнь. За спасение пулемета обоим была объявлена благодарность перед строем.

Позже представили Валентину Рыкову и к медали, и к ордену, но этот день, когда ей впервые объявили благодарность, запомнился навсегда как самый счастливый в боевой ее жизни.

С того дня она уже постоянно выполняла обязанности радистки при штабе. Напряженная до головной боли работа на радиоключе; перевязки, когда не хватало медсестер и надо было помочь раненым товарищам; частые, ежедневные бои и мучительно трудные ночные переходы... Все это слилось в привычный жизненный ритм партизанских будней. Так жили многие.

А когда Валя свыклась с этими суровыми буднями настолько, что стала считать козпаковцев своей родной семьей, из Москвы пришел приказ: отправить радистку Рыкову с оперативной группой Ярового, бывшего секретаря Козелецкого райкома партии, на его родную Черниговщину, где ему предстояло организовать новый партизанский отряд.

Такие стажеры были не редкость в боевой практике

Ковпака и Руднева, которые где только могли разбрасывали огоньки новых партизанских костров.

Начальником штаба в отряде Ярового назначили Билыка (пришлось ему надолго расстаться со своей юной женой — радисткой Катей, которая была откомандирована в другую группу). Помощником Ярового по разведке стал Николаев.

— Вот так нас с Валею и направили в Козелецкие леса, — проговорил Виктор Николаев.

О чем бы ни зашла речь, он часто повторяет эти слова: «Мы с Валею». Да и не удивительно — слишком много пройдено ими вместе.

С трудом перебрались они, ядро будущего отряда, через Днепр, идя навстречу фронту, с запада на восток. Семеро партизан с боеприпасами, рацией и всем необходимым для дальнейшей жизни погрузились в одну лодку — лодка эта не имела даже весел. На рассвете, когда туман стелется над самой водой, делая реку почти невидимой с берега, отправились в путь. Гребли руками. Валя, спокойная и, как всегда, немножко насмешливая, подбадривала ребят шуточками. Каждое мгновение перегруженная лодка, рассчитанная на троих, могла затонуть.

Но все обошлось благополучно. И только на берегу ребята узнали, что Валя, так ехидно подшучивавшая над ними во время переправы, совсем не умеет плавать.

Достигнув цели, партизаны затопили лодку и, пользуясь тем, что начал накрапывать дождь, окончательно скрыли свои следы...

Обсушились в давно опустевшей лесной избушке. Наварили картошки, которую случайно обнаружили там; правда, не было ни у кого соли.

— Биточки бы сюда, по-московски!.. — чужая, закатывал глаза Виктор.

— Голод — лучшая приправа!.. Главное, что группа без потерь пришла в назначенный пункт! — отвечал, радуясь удаче, Афанасий Степанович Яровой, человек простой и уживчивый.

А дальше все пошло по выверенной опытом партизанской формуле: «Начали мы действовать — начали мы жить».

Молодой отряд рос быстро. Вначале было трудно, но через неделю — другую вокруг маленькой группы, возглавляемой Афанасием Яровым, собрался актив:

все, кто хотел и мог бороться. Люди, измученные фашистским «новым порядком», прибывали каждый день. Правда, почти все они приходили с голыми руками. Лишь немногие добывали себе оружие у врага, да и то, как правило, без патронов. Взрывчатки совсем не было.

— С такой техникой много не навоюешь! — сокрушался Николаев. — Приходится заниматься «ловлей блох»: охотиться за полицаями и старостами.

Помог формирующемуся отряду рядовой боец Петро Шило. Широкий, плотный, кряжистый, он явился «в партизаны» с одним шомполом в руках, а винтовку надеялся найти в лесу, где еще в сорок первом году сам по-хозяйски закапывал в землю брошенное отступавшими войсками оружие.

И вот теперь, когда дальновидный Петро решил воспользоваться своим лесным «арсеналом», шомпол его сразу же стукнулся о что-то звонкое.

— Готово дело: винтовочка имеется! — с завистью проговорил кто-то из ребят-добровольцев, еще не разжившихся оружием.

Но Шило, неожиданно для всех, откопал огромную, литров на пятьдесят бутыль с каким-то желтым, словно горчица, порошком.

Догадываясь, что это взрывчатка, Петро прибежал к заместителю командира по разведке:

— Виктор Алексеевич! Пойдемте, посмотрите — что это?

Виктор глянул на странную находку и обрадовался:

— Кажется, это аммонал... Или пироксилин. Надо проверить!

Достали литровую бутылку, осторожно насыпали в нее порошка, вставили в горлышко запал от гранаты «Ф-1», привязали к небольшому дубку и с помощью шнура выдернули чеку. Лес закачало от сильного взрыва. Дубок, как срезанный, упал на землю.

А на следующий день партизаны нашли несколько заржавевших авиабомб и снарядов.

Николаев и начштаба Билык тотчас вспомнили, что в соседнем отряде минеры, по слухам, выплавляли тол из снарядов.

Бомбы, найденные разведчиками Николаева, были большие, килограммов по сто. Снаряды — тоже солидные, 152-миллиметровые. Все это было бы хорошо, но и

бомбы и снаряды оказались с боеголовками. Причем настораживало Виктора даже не то, что придется их удалять (в спецшколе его научили всему!), а то, что головки-то уже совсем проржавели. Все теперь зависело от этих проклятых головок: удастся их снять спокойно — будет тол!.. А не удастся — катастрофа. Он знал уже, что несколько минеров из другого отряда погибли при аналогичной попытке.

«В конце концов,— рассуждал Виктор,— если сумею снять боеголовки, то остальное уже не так страшно. Чтобы не выплавлять тол из бомб, можно будет их просто распилить». И Виктор рискнул.

Чтобы решиться на это, нужна была, кроме сноровки, безумная отвага. Напрасно отговаривали его, просили не рисковать зря. Но Виктор решил добыть взрывчатку любой ценой.

Командир отряда Яровой, поняв, что разубеждать Виктора бесполезно, увел своих людей подальше от опасного места. С Виктором осталась лишь Валя: она ни за что не хотела уходить. Ждала спокойно, молча, неотрывно глядя в его сосредоточенное, такое родное лицо.

Каждую секунду от одного неверного движения Виктора мог раздаться взрыв и разметать в клочья не только их двоих, но и лес на сотни метров вокруг. Однако головки, вопреки предположениям, отвинтились легко... Зато распилить корпус бомбы оказалось делом весьма трудным. Пила, под горячую руку, попалась плохая, и пришлось Виктору, чертыхаясь, попотеть несколько дней. Наконец Дима Билык притащил другу топор. Подумали, переглянулись, и работа пошла...

Теперь в распоряжении отряда было около сотни килограммов тола. Виктор быстро смастерил пять мин и взрыватели к ним. Конечно, ему не терпелось самому «рвануть эшелончик», но командир запротестовал:

— Не пойдешь!

— Заместитель по разведке должен руководить разведкой, а не самолично отправляться на диверсии,— поддержал Ярового Дмитрий Билык, уже забыв, наверное, как сам потихоньку наведывался к Виктору, когда тот пилил корпус бомбы.

В конечном счете, Николаеву удалось уговорить и своего командира, и начштаба. Он получил «добро» на диверсию.

Пошел тогда с Виктором Николаевым еще Петро Бакоцкий — молчаливый напористый паренек, который, просясь на рискованное дело, выставлял неопровержимый, как ему казалось, аргумент: «Я сирота, по мне плакать некому!» (Теперь у Бакоцкого — своя, большая дружная семья, и работает он с детьми: директор школы в Чернигове). Пошли еще Павлик Маленький, Яков Корытько и Федор Плотников — все ребята как на подбор.

Сначала они отправились на железную дорогу Киев — Полтава. Виктор не случайно выбрал ее. Чутье разведчика подсказывало ему, что там, в степной полосе, где партизаны появляются редко, оккупанты слабее охраняют свои коммуникации.

Пробираясь через Ново-Басанские леса, зашли в отряд Александра Кривца, ныне Героя Советского Союза. В неравной схватке самолет его был сбит над территорией, занятой противником. Собрав надежных людей, Кривец хитроумно и дерзко использовал для своих диверсионных операций трофейный автотранспорт. Кривец, белявый, чернобровый, подтянутый, принял козелецких партизан радушно, как побратимов. Узнав об их намерении, позавидовал:

— Эх, жаль! Своей взрывчатки сейчас нет! — и дал надежного проводника.

Дождливой ночью этот проводник привел группу Николаева в Недру. Тихо постучался в темное окно хаты на окраине села, что ближе к железнодорожной станции.

Ночевали на чердаке. Утром, только рассвело, во дворе послышалась немецкая речь. Петро Бакоцкий, скорый на руку, первым схватился за автомат. Вслед за ним и остальные изготавились к бою. Но Виктор Николаев сделал знак: «Тихо!..» Он осторожно раздвинул отверстие в соломенной крыше, и партизаны увидели с десятка фашистов: те спокойно мастерили что-то. У ребят отлегло от души, но руки все же чесались полоснуть по врагу из автоматов.

Вечером, или вернее ночью, снова появился провожатый и повел партизан напрямик огородами к «железке». Никого вокруг не было видно: уже третьи сутки лил дождь. Виктор, пользуясь удобным моментом, устремился к полотну. Зарыл под шпалой мину, вставил взрыватель и кубарем скатился с насыпи.

Оттуда все вместе отошли метров на четыреста и стали ждать поезда: хотелось услышать взрыв, увидеть, как покатятся паровоз и вагоны... Вскоре послышался шум поезда. Вот паровоз уже совсем близко, сейчас должен быть взрыв. Но состав — невредимый — укатил дальше.

— В чем дело?! — набросились на Виктора ребята.

— Ты что, забыл вставить взрыватель?! — спросил Павлик Маленький. — Как же это получилось?..

Виктор и сам недоумевал. Оказалось, испортил все дело дождь. Взрыватели-то были самодельные: вместо металлической чеки — обыкновенная спичка, которую Виктор, специально подсушив, хранил в нагрудном кармане. Но от дождя эта спичка отсырела.

Решено было переждать на чердаке день, а на следующую ночь повторить попытку. Снова целый день сквозь дыру в крыше наблюдали, как гитлеровцы сооружали шлагбаум.

В сумерки на железной дороге раздался сильный взрыв. А пришедший вечером проводник Иван Синельник сказал, что фашисты сами обнаружили мину. Объявили сразу же всем полицаям: кто разминировает полотно, получит две тысячи марок, два пуда муки и путевку для поездки в «фатерлянд». Но плата не потребовалась, так как предатели сами подорвались на партизанской mine.

Следующей ночью партизаны отправились на то же место. Виктор рассуждал так: после происшествия с миной немцы, разумеется, усилят охрану на других участках. Но именно здесь, у себя под носом, они, пожалуй, никого не будут ждать, считая, что партизаны не осмелятся прийти в то же самое место вторично.

И расчет подтвердился. Только на этот раз Виктор, для большей надежности решил рвать эшелон «на удочку». Расставил ребят, сам пополз к рельсам, закопал ящик с толом, вставил взрыватель... Вдруг — поезд! А Виктор еще не привязал к чеке шнур. Прикинул — не успеет. Бежать тоже нельзя: поздно, заметят. Решил: будь, что будет! И остался на месте.

А состав с грохотом несся над головой. Вагоны — товарные, все битком набиты солдатами. Многие немцы сидят, свесив ноги наружу, чуть не цепляют Виктора своими коваными сапогами. И так ему жалко стало, что не успел приготовить минерскую «удочку» — чуть не заплакал с досады!.. Потом махнул рукой: «Не последний же

эшелон!» Привязал шнур, дал сигнал проверить натяжение и скатился с насыпи.

Только подбежал к своим ребятам — снова шум, снова катит поезд, прет на всех парах. Вот паровоз поравнялся с ориентиром... рывок! Из земли вырвался огромный огненный язык, грохот, треск...

Минеры бросились бежать. Близился рассвет, и они вынуждены были вернуться в свое убежище.

Трое суток работала похоронная команда, собирая останки фашистских офицеров. Трое суток рыскали вокруг Недры разъяренные гестаповские ищейки в погоне за диверсантами. Выбраться из прочесываемого, окруженного немцами села, казалось, невозможно. Но и оставаться здесь, в деревне, у людей, добровольно подвергших себя смертельному риску, ребята не хотели.

Анна Ивановна и ее золовка Елена все же не отпустили партизан. Как связной Кривца Анне Исаевой было известно: сейчас в Недре находится его разведчик — Василий Квитка. Этого парня, выросшего у нее на глазах, Анна Ивановна знала, будто родного сына или брата. С первых же дней войны Вася просился в авиационное училище, чтобы стать летчиком-истребителем, но так и не дождавшись обещанной военкомом повестки, ушел в местный отряд. И явился он туда не с пустыми руками: притащил пулемет и несколько винтовок, подобранных на поле боя при отступлении нашей армии. К Васе Квитке и прибежала Анна Ивановна. Он был уже в курсе дела: от меньшего братишки слышал, что каратели ищут диверсантов, устроивших взрыв возле железнодорожной станции.

— Вася! — попросила Анна Ивановна. — Придумай что-нибудь, отвлеки немцев, чтобы дать возможность людям уйти. Иначе, сам знаешь: сожгут все село и замучают таких смелых хлопцев!

Василий молча кивнул и задумался. Анна Ивановна безотрывно смотрела на него. Он казался совсем взрослым — очень высокий, с мощным выпуклым лбом, обрамленным густыми русыми кудрями.

Вася Квитка рассуждал так: сейчас неподалеку от Недры находятся еще несколько партизан Кривца, — они могли бы прийти на выручку. Однако пробраться связному к ним в лес, когда по селу мотаются бешеной сворой сотни две карателей, просто невозможно. Весь

вопрос в том, как проскочить в лес. Наконец, Вася решился.

— Хорошо, Анна Ивановна. Я пошлю своего братишку Гришу. Он маленький и прошмыгнет незаметно.

Мать, слыхавшая их разговор, только украдкой вытерла слезы, но ничего не сказала. И Гришу отправили в лес.

Получив из уст запыхавшегося мальчика сообщение, что надо отвлечь карателей от козелецких партизан, разведчики отряда Кривца нарочно подожгли стог сена (к счастью, опять установилась сухая погода) и открыли стрельбу, имитируя нападение на село. Две сотни фашистов, охотившихся за маленькой группой Николаева, погрузились в свои машины и помчались туда. Но партизан и след простыл. А группа Николаева тем временем выбралась из Недры.

...Только много лет спустя после войны довелось Николаеву познакомиться со своими спасителями, братьями-партизанами Квитка. К тому времени Василию Ефимовичу Квитке удалось осуществить свою заветную мечту, он стал не просто пилотом, а конструктором современных лайнеров, участником международных научных конференций, посвященных будущему мирного Воздушного флота. А маленький партизанский связной Гриша давно уже превратился в солидного, всеми уважаемого Григория Ефимовича, инженера-железнодорожника; видно, и тут сказалась семейная страсть — преодолевать расстояния.

— И теперь уж, само собой разумеется, мы — друзья на всю жизнь, — сказал Николаев.

— Ну, а ты, Витя, — обратились мы к Жукову, — как всегда, о себе молчишь? Расскажи о своем самом памятном, самом первом бое!

— А что рассказывать! — он пожал широченными плечами. И продолжал, по своему обыкновению, отмалчиваться.

Но мы настаивали: хотелось, чтобы он не просто вспомнил события, и без того уже нам знакомые, а как бы заново осмыслил то, что толкало людей на поступки, которые иначе, как подвигом, не назовешь

— Гм!.. Ну, на следующий день моего прихода в Кро-

левецкий отряд приказали нам занять деревню Литвиновичи и держать ее, пока не выберется из Спадщанского леса головной, Путивльский отряд... — начал Жуков, смущенно поеживаясь, словно старался стать меньше. Он не привык быть в центре внимания. — Ну, когда, значит, вражеские бронемшины приблизились к селу, подбегает ко мне Леша Борисов с «дегтярем». Спрашивает коротко, как всегда: «Можешь?» — «Могу», — ответил я... Они с Подоляко повели группу прикрытия в лес, а мы впятером, чтобы обеспечить их отход, залегли на краю села Литвиновичи.

Жуков вспоминал об этом спокойно, как о чем-то обыденном, хотя в тот день висела на волоске судьба всего соединения. Зажатое в кольцо двумя гитлеровскими дивизиями в Спадщанском лесу, оно стремилось прорваться в урочище Марица. Единственными спасительными воротами — это помнили все ковпаковцы — были те самые Литвиновичи, которые удерживал Кролевецкий отряд.

Сквозь пыль и дым (уже начался пожар в селе) противник наступал на кролевчан двумя батальонами. Но партизаны стояли насмерть, зная: отступать нельзя, пока через село не пройдет колонна всего соединения. А когда соединение Ковпака проскочило и пятерка храбрецов, обеспечивавших отход всей группы прикрытия, получила приказ сниматься, они были уже во вражеском мешке, на котором, что называется, и веревка затянута до отказа.

— Вася, уводи ребят, я один тут справлюсь, — не отрываясь от раскаленного пулемета, бросил Жуков Лавринцу, который лучше других знал эти места.

Жуков молча пошарил взглядом: где бы набрать воды, чтобы залить в кожух станкача? До реки было далеко, да и патроны кончались.

— Я останусь с тобой! — вдруг сказал Вася.

— Нечего тебе тут!.. — строго оборвал Жуков. Он очень хотел, чтобы все ребята остались живы, но особенно беспокоился об этом чернобровом парнишке, жалея его мать — добродушную повариху Марию Васильевну. — Приказ надо выполнять!

На исходе дня, когда летние сумерки густо смешались с клубами порохового дыма, Вася все-таки нашел лазейку, через которую ребята благополучно ускользну-

ли из вражеского мешка. А Жукову, самоотверженно прикрывавшему их отход, еле-еле удалось спастись. Его уже считали погибшим.

— В общем, Виктор, пропустил ты тогда верблюда сквозь игольное ушко! — заметил Николаев, показывая в улыбке ровные, белые как сахар зубы.

— Чего там. Обыкновенное дело. Все воевали, — ответил Жуков певуче. — Конечно, фашистов мы там набили кучу, в Литвиновичах... Обидно только: в этих боях под Путивлем, в селе Шарповка, погиб наш комиссар Онопченко, который пришел к Ковпаку вместе с Кудрявским и Подоляко. Я до сих пор этого комиссара вспоминаю: вроде обычный с виду, немножко близорукий, всегда в очках ходил, а человека насквозь видел. Душа у него была хорошая! По-моему, это самое главное на войне — душа.

Он обронил слова о душе как бы между прочим. Но в них выразилось мировоззрение человека, самоотверженно защищавшего Родину.

— А бой в Букче помнишь, тезка? — спросил Николаев.

— Как же его не помнить?.. — Жуков провел пальцем по своей пушистой русой брови, рассеченной осколком. — И тебе там, словно по заказу, точно такую же отметину поставили.

Они стали вспоминать все подряд: как в штабе соединения почему-то не поверили в тот раз разведанным, которые принес Саша Берсенев, и как потом Путивльский отряд напоролся все-таки на вражеский гарнизон в Букче («Говорил же им Саша!..»). Дрались всю ночь, до утра, и опять — до вечера. Эти сутки, проведенные в бою, казались бесконечно длинными. Осколки немецких мин, шипя, втыкались в снег. Пули хлестали, как струи дождя, часто и почти без перерыва. У медсестер руки были красными от засохшей крови, — столько приходилось тогда делать перевязок. В тот день был тяжело ранен командир Крелевецкого отряда — Кудрявский и контужен Подоляко, но оба остались в строю.

— Помнишь, как тебя там фашист за горло схватил? — не унимался Николаев. — Минут пять вы по земле катались!

— Да ну! — опять, едва речь зашла о нем самом, нехотя отмахнулся Жуков. — Это по глупости. Послали

меня тогда взять у убитого офицера документы. Подполз я... смотрю — не дышит вроде. Стал расстегивать ему китель, а фриц этот, которого я уже мертвым считал, хватить меня за горло. Здоровый он, еще здоровше меня был! Душит! И никто по нас двоих, конечно, не стреляет! Немцы боятся своего подбить. А наши, понятное дело, за меня боятся. Еле-еле я успокоил фрица... его же финкой.

Николаев рассмеялся.

— Документы я все-таки взял, вместе с кителем! Раздет я был в ту пору, — объяснил, как бы оправдываясь, Жуков. — И пилотку прихватил — с кисточкой впереди. И трубку такую замысловатую — с колокольчиками. В разведке все пригодится!.. Надел я эту трофейную пилотку, взял в зубы трубку — ребята наши аж рты пораскрывали: оказывается, я на немца стал похож. Чистокровный ариец!.. Волосы-то у меня светлые, как у всех в нашей Ярославской стороне. И решили хлопцы после боя разыграть хозяйку, у которой мы остановились на ночь. Это было уже в другой деревне, в Тонеже, кажется. Да, точно: там мы спасли группу белорусских подпольщиков — Дмитрия Новака и других. Хорошие ребята!.. Особенно я Новака полюбил. Никогда не забуду, как он босой, с валенками под мышкой, по снегу отряд догонял! — И окончательно убедившись, по своим приметам, что случай этот произошел именно там, Жуков продолжал: — Ну, после боя настроение у всех хорошее. Нарядился я, как на маскарад, во все немецкое. Приводят меня ребята в одну хату, говорят бабке: «Принимайте, мамаша, пленного на довольствие!» Тут бабка как заорет: «Я ему, аспиду, глаза выколю! За что наш край разорил, детей осиротил?!» Бросилась на меня, ребята еле удержали ее. Прямо — спектакль!.. А через несколько часов эта же немецкая пилотка с кисточкой и трофейный китель крепко выручили меня в разведке. Шел я так по лесу, в полной немецкой форме, глянул вдруг вверх и вижу: на деревьях, словно стая ворон, несколько десятков фрицев сидят — недобитые, разбежавшиеся во время боя. Один из них еще и посвистывает, ближе меня подзывает: думал, свой из разведки вернулся. Свистнул и я ему в ответ. Приблизился к дереву в упор, рывком вскинул автомат — да как сыпану по веткам. Все это воронье вмиг свалилось на землю.

Послушаешь Виктора Жукова и получается, что сходить в разведку, снять часового без шума, без выстрела, без финки даже,— чтобы тот не всполошил предсмертным криком своих,— или взять «языка» да еще протащить его, связанного, на себе, ползком — обыкновенное дело («Все воевали»).

— Виктор, скажи: а было тебе когда-нибудь по-настоящему страшно? — спросили мы.

Он задумался.

— Был такой случай,— наконец проговорил он, нервно покусывая губу.— Под Брестом, когда нас окружили танки... На заре, помню, надо было перескочить через шоссе, по которой фрицы патрулировали. Место было открытое, фигурки людей чернели, как муравьи на снегу. Все хлопцы понимали: взойдет солнце — и нам крышка. А лезть на танки никому неохота. Видимо, от такой растерянности и начинается паника. Я не знаю, что думали другие, но я почувствовал безнадежность. И вдруг Вершигора, вскинув автомат, сказал своим обычным голосом: «Ну что, рванем?.. За мной!» И первым двинулся к шоссе. Все молча бросились за ним... Тогда я подумал: как важно, чтобы рядом с тобой был настоящий человек... настоящий командир! Наверное, командирская смелость — особая! Вот как наш дед Ковпак... умел он поднимать настроение людей! Иной раз — кругом гремит бой, в штабе нервничают, всем кажется — никакого выхода! А Ковпак, словно ни в чем не бывало, спрашивает шутя: «Ну шо, хлопцы! Может, в дурачка сыграем?» И всем сразу ясно: дед Ковпак спокоен, он нашел выход!

И Виктор Жуков опять повторил:

— Главное на войне — душа...

Для Жукова, на диво добродушного парня, военная служба не была призванием. Когда пришел час защищать свою Отчизну, он дрался геройски, однако интереса, пристрастия к военному делу, как к искусству, не проявил. После войны посылали его в училище — не захотел. Вернулся к своей шоферской профессии. Работает он в Министерстве обороны.

Но когда Виктор Алексеевич Жуков праздновал свое пятидесятилетие, несколько генералов, улыбаясь, стали

во фронт, приветствуя партизана Великой Отечественной войны, лучшего водителя своей автобазы.

Иностраный маршал, узнав об этом юбилее, сказал с завистью:

— Общество, где генералы становятся во фронт перед своим сержантом, отдавая дань мужеству,— непобедимо, ибо оно справедливо!..

А тезка Жукова Виктор Николаев и жена Николаева — партизанская радистка Валя, чьей отваге мог бы позавидовать любой солдат, работают теперь под Москвой в новом красивом городе-спутнике. Оба, Виктор и Валентина Николаевы, почетные граждане молодого Зеленограда.

Работа у Виктора Алексеевича самая, казалось бы, прозаическая: директор мебельного магазина. Но и тут Николаев по-прежнему горяч и ловок, даже щеголеват в работе. Самый лучший ассортимент товаров — у него. Да и магазин — один из самых лучших в пределах Большой Москвы и всей нашей обширной Российской Федерации, пожалуй. План у Николаева всегда перевыполняется. А покупатели (и это показалось нам интересней всего) приобретают здесь, в образцовом магазине-салоне, не только нужные им добротные вещи, но и умение оборудовать свою квартиру так, чтобы она была по-настоящему комфортабельной и изящной.

— Народ стал лучше жить! — радуется он.

Правда, появился у нашего смелого и находчивого «Вити» один недостаток: любит иногда прихвастнуть, рассказывая о своем боевом прошлом. Да так, что старые друзья-партизаны при этом перемигиваются, а жена, Валя, посмеиваясь, грозит ему:

— Не загибай, Витя! Этак ты скоро начнешь говорить, что «замещал» самого деда Ковпака!..

Валентина Григорьевна — диспетчер на заводе; она верна своей прежней специальности, радиотехнике. И Валю Николаеву так же любят в цехе, как любили когда-то в отряде, за чуткое и щедрое сердце. У Николаевых трое сыновей — дружная семья, где традиции отцов — закон для подрастающей смены.

Легендарная Анка-пулеметчица, воевавшая вместе с Чапаевым за Советскую власть — Мария Андреевна Попова сказала однажды Валентине Николаевой и ее боевым друзьям:

— Мы воевали в разные эпохи, но дело у нас — одно. Душой мы всегда вместе!..

ЛЕГЕНДАРНЫЙ «ДЕД»

Вопреки принятым традициям, мы начали свою книгу не с рассказа о тех, кто создал и водил за собой грозное соединение ковпаковцев. Да и как можно в какой-то, пусть отдельной главе рассказать о деду Ковпаке, когда этот генерал, выдвинутый самим народом, стоит, быть может, целой военной академии и каждый ковпаковец, о чем бы он ни говорил, встретив боевых друзей, неизменно вспомнит добрым словом своего командира. Нет в нашей книге также отдельных глав ни о комиссаре Рудневе, чей полководческий и воспитательский талант достоин специального исследования; ни о начальнике штаба ковпаковцев — сухоньком седеньком Базыме, скромном учителе, великом труженике войны; ни о генерале Вершигоре, писателе, обессмертившем имена многих ковпаковцев, но не сказавшем главное о себе: о своем поразительном умении раскрывать в человеке такие его возможности, о которых сам человек и не догадывался.

Мы решили рассказать прежде всего о рядовых бойцах, чьими объединенными усилиями делалось самое трудное. И так как назвать каждого, хотя все они герои, невозможно, приходилось выбирать самое характерное. Думая о ком-то одном, мы невольно вспоминали о многих других — тех, кого нам теперь предстояло встретить на слете ковпаковцев в Карпатах, в небольшом курортном городке Яремче.

Прежде, когда жив был «Дед», ни один ковпаковец не мог проехать Киев, чтобы не зайти к Сидору Артемовичу. Но вот не стало Ковпака, завершившего свой большой и славный жизненный путь. А все еще не верится, что нет больше Сидора Артемовича; все кажется — жив Ковпак. И как живой, стоит он у всех перед глазами.

Помнят его не только ковпаковцы...

У самой Днепровской кручи, в светлом, устремленном к ярко-синему небу здании много лет проработал неутомимый дед Ковпак заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Украины. И эта госу-

дарственная деятельность органически вытекала из всего предшествующего боевого опыта Ковпака.

Не каждому, даже хорошему командиру дано стать — еще при жизни — легендарным, народным героем. А дважды Герой Советского Союза Сидор Артемович Ковпак известен не только по всей нашей стране, но и за ее пределами.

Все, что сделано было Ковпаком в тылу врага, и талант этого храброго, дальновидного человека принадлежит истории. О боях и походах Ковпака написаны книги... Да и сам он зафиксировал деятельность соединения в своем общеизвестном «Дневнике». Нам же хочется прежде всего рассказать здесь об отношении деда Ковпака к людям.

Мудрый партизанский полководец тем и был силен, что верил в силу и волю человека. Он умел ценить эти качества в людях, не взирая на чины и лица, используя инициативу и талант каждого в отдельности во имя общего дела, во имя общей победы.

Личные способности, высокие боевые (а следовательно, деловые) качества человека всегда были для Ковпака лучшей рекомендацией. В основу жизни соединения, боровшегося в глубоком вражеском тылу, был положен неписанный ковпаковский закон:

«Для мэнэ всё одно, хто ты, хоч сам гэнэрал, бери винтовку и воюй, а там побачим, шо з тэбэ выйдэ!..»

И все знали: главное в этой большой партизанской семье — достоинства и поступки человека, а не чины и слова. Только когда человек проявлял на деле незаурядные способности, товарищи выдвигали его своим командиром, а Ковпак, пользовавшийся особым, непрекращаемым авторитетом, утверждал волю коллектива. И уж такому командиру бойцы с уверенностью вручали свою жизнь и судьбу. А если находился более талантливый, более смелый, более достойный — он неизменно занимал место своего предшественника.

Люди, прошедшие ковпаковскую «академию», сохранили эти правила на всю жизнь: главное для них — дело. И по делам они судят об окружающих. Они не боятся работать на самых скромных, самых незаметных должностях и не дрожат в ознобе чиновничества, когда надо сказать правду своему начальнику.

А создавший вместе со своим любимым комиссаром

Рудневым эту человеческую «академию» Ковпак — прежде всего сам был Человеком. Живым, не таким застывшим на века парадным портретом в генеральском мундире, каким представляют его некоторые. Каждая черта его, «ковпаковского» характера ярка, выпукла, крупна. Мысль и чувство неразрывно связаны с действием. Уж если вмешивался он в чужую судьбу по праву своей высокой мирной должности, так помогал по-настоящему, делом. Уж если, верный своему озорноватому, склонному к шутке нраву учудит, бывало, что-нибудь, — так, по крайней мере, многие посмеются от души. С чудинкой был дед Ковпак. А без чудинки какое же своеобразие в человеке? Так — телеграфный столб, обструганный со всех сторон...

«Дед» оставался самим собой при любых обстоятельствах. Всегда был прост, остроумен и скор на язык. Всем сердцем был привязан к природе: приручал белок, приваживал певчих птиц... Был добр, но ненавидел всевозможных хапуг, стяжателей, тех, кто думает только о себе.

У него у самого не было жадности к деньгам, к накопительству. Это качество — общее почти для всех ковпаковцев. Советские «дензнаки», которые попадали к партизанам после боев как трофеи, неизменно отправлялись самолетом на Большую землю. На эти деньги партизаны от своего имени строили для армии танки, самолеты.

Только раз, когда Ковпака вместе с другими партизанскими командирами вызвали на Большую землю, к Верховному Главнокомандующему, «Дед» проявил интерес к «грошам». Он наполнил тогда старый, потрепанный чемодан разными купюрами, с озорством сказав ребятам:

— Визьму на всякий случай. Мабуть, там хлопцев из других отрядов встречу? Трэба ж всих угостить!

Сидор Артемович как чувствовал, что такое действительно случится. После деловой встречи в Кремле партизаны все вместе отправились в ресторан «обмывать» награды. Посмеиваясь и перемигиваясь, командиры говорили друг другу:

— Зачем поодиночке считать? Сидор Артемович заплатит!..

Получилось так, что последним после ужина уходил

Ковпак. Но заплатить забыл: просто отвык за этот год от денег. Какие деньги в лесу?

Официантка пришла со счетом, когда все участники банкета исчезли — как сквозь землю провалились... Девушка — в слезы.

Утром, заплаканная, повезла она на тележке завтрак каким-то именитым гостям, по особому списку. Подходит к первой комнате... Видит — в люксе сидит обыкновенный, совсем просто одетый пожилой человек с острой бородкой.

— Ты чего ревешь? — спрашивает он ее.

— А! Что вам до этого?.. Разве вы мне можете?! — и она заплакала еще безутешней.

— А може, и поможу. Розкажи!

— Что тут рассказывать? Гуляли у нас вчера какие-то люди, с виду вполне порядочные, заслуженные даже, а оказалось — обманщики. Не заплатили за ужин!..

— А много воны тобі должны?

— Двадцать семь тысяч с лишним!.. — Девушка не переставала всхлипывать. — Цены сейчас, сами знаете, коммерческие!.. Это ж сколько мне отрабатывать придется!..

— Так я тобі заплачу.

«Дед» полез в шкаф, достал тот самый, ободранный старый чемоданчик, что захвачен был «на всякий случай», раскрыл, поставил перед ней... полнехонький!

— Бери, сколько надо. — Сам вышел в коридор, будто покурить. С полчаса пропадал, чтобы дать опомниться девчонке.

Вернулся — та, широко раскрыв глаза, сидит перед чемоданом, как загипнотизированная.

— Чого ж ты нэ считаешь?

— Так они же чужие.

— Не чужие, а мои — всей компании нашей. То ж я вчора заплатить забув!.. Понимаешь? Отвыкли мы от грошей. Мы там в лесу, как при коммунизме живэмо. Берем по потребности.

Действительно лишнего ковпаковцы не брали, а потребности были очень скромны: после боя, на отдыхе — котелок каши из общего партизанского котла да песня — такая, чтоб за душу брала.

Сколько раз голодали они, оставаясь без пищи по нескольку суток. Бывало, и болели с голодухи... Но гово-

рять о таких вещах никто не любит. Вот смешные случаи вспоминать — это все готовы, всегда, с удовольствием. Веселый народ.

Но веселье, дружеская шутка и простота человеческих отношений никогда не мешали здесь, в боевом партизанском коллективе, высокой дисциплине. Уважение держалось на деловых качествах каждого, на взаимопонимании.

Признавая Ковпака своим руководителем, командиры отрядов ходили в лихие рейды, действуя на свой страх и риск. Руднев и Ковпак, а затем сменивший его Вершигора доверяли молодым командирам и политработникам, успевшим пройти боевую партизанскую «академию». И они — эта боевая молодежь — потому и действовали безошибочно, предоставленные в ходе самостоятельных операций самим себе, своей боевой инициативе, что сумели творчески перенять и осмыслить хитрый «дедов» почерк, научились мгновенно учитывать все реальные военные обстоятельства. А ведь этот «поправочный коэффициент» на реально существующие вокруг обстоятельства и есть, если вдуматься, тот трезвый полководческий талант, который заставляет сильного многочисленного противника отступать под натиском значительно меньшего отряда.

И после войны Ковпак долгие годы был одной из самых популярных фигур на Украине. Его знали все — не только потому, что должность высокая. Есть такое понятие — личность. Вот он — Личность, с большой буквы. И сила этой личности — в неразрывной связи с народом.

Что бы он ни делал, с кем бы ни говорил — никогда не ждал у моря погоды, смело принимал решение. Таким он был в трудные годы войны, с оружием в руках защищая свою Отчизну. Таким он остался в мирном строительстве. Ковпак всегда помогал людям. А если помогать не следовало, мог и выругать. Но на него не обижались: знали — он справедлив.

Депутатом Верховного Совета УССР и СССР его избрали на Сумщине. Там, в маленьком древнем Путивле, Сидор Артемович был еще до войны председателем исполкома городского Совета...

Когда впоследствии он приезжал в свой избирательный

округ на очередной депутатский прием, к нему смело шли все, кто нуждался в помощи, поддержке, совете. Верили: дед Ковпак поймет, разберется и непременно подскажет верный выход.

Послушаешь, что говорят о своем депутате на Сумщине, и получается, что все сделал Ковпак. Построить новый Дом культуры и целый квартал жилых корпусов в центре маленького городка Кролевца помог Ковпак. Заасфальтировать улицы в Глухове, а затем и дорогу, ведущую из Глухова в Путивль, — тоже помогал он... Построить асфальтовый завод в Путивле, местную электростанцию, добротный крытый рынок — опять его забота. Да и как забыть ему своих путивлян, глуховчан, шалыгинцев, давших сотни бойцов и даже имена прославленным партизанским отрядам?..

Но когда мы спросили Сидора Артемовича, в чем, собственно, заключалась его помощь при строительстве электростанции, он сердито ответил:

— Ничего я им не помогал. Воны сами все зробылы.

— Неужели у вас не было решения по этому поводу, разговора в райкоме или райисполкоме?

— Та разговор був, — отвечал он нехотя. И верный своему обыкновению, вдруг перешел на шутку: — Они ж сидят в темноте, то шо им робыть? От и балакалы...

А потом опять серьезно добавил:

— Главное не в подсказке, а в том, чтобы человек в свои силы поверил! Все зробылы воны сами, без ниякой помощи... Кое-кто, правда, говорит там: «Не было бы у нас Ковпака — так ничего бы и не было». Но это — подхалимы. Как я один мог всем помочь? Другое дело — подсказать. Народ должен уметь пользоваться своими правами!

Знание местных проблем, знание нужд народа помогало Ковпаку успешно решать и общегосударственные дела.

Объем его обязанностей был чрезвычайно широк. Но как-то само собой получилось так, что Сидор Артемович больше всего занимался в Президиуме вопросами, общий смысл которых сводится к двум понятиям: закон и мораль.

Воздавать по заслугам за добро и зло — одна из прерогатив верховной власти. И чтобы устранить самую возможность зла, чтобы воспитывать подрастающее поколе-

ние, обществу нужна высокая мораль. Она отражается в законе, как в зеркале, и, совершенствуясь по мере развития нашего общества, вызывает к жизни новые, правовые и этические нормы. Обо всем этом много думал Сидор Артемович, отвечая на различные жалобы, просьбы, требования...

Когда мы пришли в Верховный Совет республики к Ковпаку, он, поздоровавшись, спросил:

— А про що хочетэ пысать?

— Ковпак — сегодня.

— Да ну?.. Оцэ дило!.. — И подмигнул. — Только зараз, мабуть, не удасться: у мэнэ скоро прием граждан.

— Вот это нам и нужно!

— Ну, тогда оставайтесь...

Он придвинулся ближе к столу, потом сказал своей секретарше — Наташе Мандрик, научившейся у него, в ковпаковской, мирной уже «академии» и выдержке, и юмору, и непримиримой деловой прямоте:

— Тащи дела!..

Через минуту Наташа принесла целую гору папок.

— Это я взял с завтрашнего приемного дня «лишку», чтобы управиться, — объяснил дед Ковпак. — А то люди волноваться начнут в субботу, шо не приму — день же короткий. А надо всех выслушать!

Вместе с делами Наташа принесла и холодный крепкий чай — не в стакане, а в большом фужере.

— Нэхай думаютэ, — кивнул «Дед» на нас, — шо я пью коньяк!.. — и, лукаво улыбнувшись Наташе, запил чаем таблетку.

Вошли записавшиеся на прием. Все разместились в большом, просторном кабинете. «Деду» нравилось, когда посетитель разговаривал с ним по душам, будто с глазу на глаз, но в то же время при народе.

— То ж дело государственное, так пускай вси слушають: кому можно удовлетворить просьбу, а кому — нет. И почему!..

Ковпак рассадил посетителей так, словно они пришли в гости. Никто не стоял, не топтался, не мялся, не думал мучительно, куда девать свои руки. Люди чувствовали, что они — вместе, они не одиноки, не чужды этому представителю высокой власти.

Дед Ковпак покачивался в вертящемся кресле за громадным, как аэродром, столом. Озорные до удивления

глаза были у этого удалого и мудрого человечины, вступавшего уже в восьмидесятый год своей жизни. Ничего старческого во взгляде, ни единой нотки брюзжания в голосе. Лицо чистое, со здоровым румянцем. Крупные скульптурные черты облагорожены белой, знаменитой — клинышком — бородкой.

Щеголеватый парень осторожно опустился в кресло перед его столом. Ковпак молча читал бумаги, морщился, искал что-то, водя толстым красным карандашом по строчкам. Ему надо разобраться сразу — как помочь? Прав ли тот, кто просит, или нет? Можно ли его простить, даже если он виноват, но искренне раскаивается?..

— Зачем вы это сделали?— спросил Ковпак.

— Хотел развлечься... Встретил их, привели меня в парк... — Парень не говорил, что именно он сделал.— Побоялся заявить в органы, потому что мне угрожали...

— Как, как?! — быстро переспросил Ковпак при слове «угрожали». И с огорчением покачал головой.— Это что, одесская сказка?.. Им, тем хлопцам, всего по шестнадцать лет, а тебе — двадцать!

— Я хилый, а они здоровые!.. — бойко оправдывался подсудимый (он был взят кем-то на поруки).

Ковпак молчал. Только жевал губами, седая острая бородка его словно мешала ему говорить. Он был удручен. И кто знает, может быть, сейчас, в эту минуту, он вспоминал других ребят, навеки оставшихся молодыми. Тех, кого давно уже нет в живых. Разведчика Мишу Семеновского, погибшего геройской смертью в пятнадцать лет. Юного Леню Чечеткина, который один пробрался в штаб гитлеровского полка и расстрелял там внезапным огнем из автомата всех офицеров, чем помог своему соединению разгромить противника под Старой Гутой. Колю Бардакова, оставившего яркий след в сердцах сотен ковпаковцев...

Но Ковпак не любил читать нравоучений.

— К сведению всех!— кратко сообщил он присутствующим.— Эти «ребятки» изготовили самодельные пистолеты, пригодные к стрельбе. Оружие делали тайно, в цехе.

— Я участия не принимал!— испугался парень.

— Вы командовали,— все так же спокойно, не повышая голоса, объяснил Ковпак.— Вы командовали людям: «Руки вверх!»

— Я... я оправдаю ваше доверие, если вы поможете мне.

— Остальные сидят?— надмурясь, деловито осведомился Ковпак.

— Да...

— Почему же вас отпустили?

— Я не опасен для общества,— на гладком, вполне интеллигентном языке отвечал парень, видимо, неплохо подготовленный к этому разговору.— Я прошу не лишать меня свободы. У меня отличные характеристики. Я чисто-сердечно признался.

— Дело не в том. Вы самый старший!— все глубже докапывался Ковпак до моральной стороны этого дела.

— Я виноват, что я не остановил, но я не мог,— твердил тот.

— Почему же вы их не остановили?! «Герои», руками размахивают, вооружились даже!.. Против кого?! — Ковпак был возмущен.— А что люди скажут, если мы вас выпустим?..

Он-то знал цену оружию и настоящей смелости, рожденной любовью к людям.

— Так меня посадят?— испугался парень.

— А тебя и надо посадить. Чтоб наперед умней был!— без всякой ненависти отвечал Ковпак.— Преступления совершать не боялся! А отвечать боишься?

Конечно, это дело еще должен был рассматривать Президиум, но своего отношения к фактам Ковпак не скрывал. Он боролся теперь с преступностью, как когда-то боролся с врагами Отечества. Боролся против зла, по-макаренковски освобождая человека от всего наносного, вредного, чуждого нашей морали.

Ковпак был поставлен здесь народом, партией не для того, чтобы прощать каждого: его долг — следить, чтоб не извращался дух законности. И всегда, даже за самым простым случаем, он искал причины, породившие преступление.

Вот, вооружившись большой лупой, он принялся изучать документы следующей посетительницы. Недостача — четыре тысячи рублей — была на совести нескольких торговых работников, но привлекли к ответственности одну эту женщину.

— Все эти работники материально ответственны?— спросил Ковпак.

— Да... — тихо ответила женщина.— Я сама возместила уже семьсот рублей. Сколько могла... Муж испугался и бросил меня. А у меня — дети... маленькие совсем!..

Она заплакала.

— Неверно муж себя ведет. Жена в беде — надо выручать,— обронил Ковпак, роясь в бумагах.

Он, конечно, жалел детей, но не они были сейчас в центре его внимания.

— Почему плохо наблюдали за торговыми точками?— спросил он с напускной строгостью.

— Как за ними усмотришь?.. Каждая из шести точек сама отвечала за себя. Отчитывались они не передо мной, а перед бухгалтерией ОРСа.

— Вот в том-то и вся заковыка!— возмутился Ковпак, обращаясь к своему юристу.— Каждая точка — у черта на куличках, а человек, который заведует ими, отвечает вслепую... Суду и начинать надо было с этого.

— Тогда придется ломать приговор,— возразил юрист.— Громоздкий получится вопрос, Сидор Артемович.

— Ничего, пусть ломают вместе с приговором и эту лавочку. Истребовать надо материалы и изучить. А тогда привлечем виновных.

— Меня должны забрать... — Женщина торопливо вытирала мокрые щеки.

— Идите спокойно!— отправил ее домой Ковпак.

Он не только обнаружил ошибку судопроизводства, но и разглядел за этой ошибкой хитрую воровскую выдумку в организации торговли ОРСа.

Проницательность и громадный жизненный опыт помогали Ковпаку видеть как бы перспективу личности. Когда мы после приема заговорили с Сидором Артемовичем об этой его способности, он неожиданно признался:

— Даром оно мне не проходит. Иногда после приема не сплю всю ночь. А бывают прямо-таки анекдоты...

И он рассказал нам одну занятную историю. Как-то перед очередным приемом в Президиуме Ковпак вышел в сад отдохнуть. Через полчаса предстояла серьезная работа. Сел он на скамеечке и сидит, рассматривает деревья. Подходит к нему какая-то старушка. Села рядом:

— Вы тоже на прием?

— Да, а что?

— Оцэ ж и я хочу попасть до Ковпака. Може, поможе?— Старуха оказалась словоохотливой.

— А шо у вас?

— Та осудылы мэнэ...

— За шо?

— За самогон. Пивтора года дали!

— Продавала?

— Не-е!.. Выгнала для сэбэ трохи, без самогона в хозяйстве у нас нельзя: заработный хлеб привезти — став пивлитру, соломы или дров — тоже став пивлитру... Для них же, для начальства гнала: и голова и бригадиры ходять по хатам и глушать без передыху!— Она сердито сплонула.— Смотреть противно!.. А вы чого дожидаетэ?

— Да и я ж того,— Ковпак посмотрел на часы.— Ну, пора уже йты? — Поднялся и медленно направился к себе в приемную.

Когда бабка увидела в приемной Президиума своего недавнего собеседника, она так растерялась, что долгое время не могла и рта раскрыть.

Ковпак, пряча усмешку в бороду, сказал:

— Правильно вас судылы. Нельзя этим делом заниматься!.. — И, записав что-то, добавил: — А по-настоящему, нужно было в первую очередь судить тех, для кого вы гналы самогон!.. Езжайте, разберемся...

— Сидор Артемович, а как, по-вашему, вывести это зло?— спросили мы.— Ведь таких бабок — не одна и не две...

— Главное зло — не в них!.. Сейчас крепко стоит вопрос о поднятии роли сельских депутатов. Каждый депутат на селе должен отвечать за порядок в своем округе, работать с людьми, воспитывать их — на то и существует Советская власть. И ведущая роль в этом деле должна принадлежать коммунистам!— убежденно произнес Ковпак.— Со временем выведем самогонщиков и всякое безобразие!..

И Ковпак, который всегда неизменно верил в силу человека, который умел побеждать любого, даже самого сильного врага, не бросал слов на ветер.

...Довелось нам побывать и на совещании, где решались вопросы о правительственных наградах. В тот день приехали в Президиум Верховного Совета республики

партийные работники с Житомирщины, привезли список для награждения на двести семьдесят семь человек, которые мужественно сражались в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории, но вышло так, что подвиги эти долгое время оставались неизвестными. Ковпак внимательно читал документы. Он, как всегда, проявлял большой интерес к судьбе каждого патриота. Заботился, чтобы те, кто не жалел себя в трудный час испытаний, получили заслуженное. Но в то же время Ковпак был придирчив.

— За что, за что?.. За вывод из окружения?! Цэ ж Житомирская «губерния»... От, чудаки, привыкли выдумывать! Где они то окружение нашли? Скажите просто — был проводником... А этот хлопец где прятался до сентября сорок второго года?.. — Сидор Артемович опять поставил вопросительный знак посередине списка. — Его возраст призывным тогда считался? Надо указывать все точно! Плохо, если мы пропустим достойного человека, но это дело еще поправимое. А если недостойного наградим? Это хуже!

Нещедр был на награды дед Ковпак. Но ведь ордена и медали — не сувениры! И солдатская его взыскательность поднимала значение боевых наград еще выше.

Помимо основных своих обязанностей, приходилось Сидору Артемовичу заниматься и общественными делами. Украинский филиал Института марксизма-ленинизма готовил к изданию трехтомник «Украина в Отечественной войне», и Ковпаку, как члену редколлегии, надо было высказать свои замечания. Ведь ковпаковскую тактику и стратегию использовали народы многих стран, поднимаясь на освободительную борьбу. Цену этой тактике и стратегии хорошо знают и наши враги, на собственной шкуре испытывавшие боевое искусство партизан.

Ковпак успевал все. Не было такого дня, чтобы к Сидору Артемовичу не заглянул кто-нибудь из его бывших питомцев. Повидаться с «Дедом» приезжали из Львова, из Москвы и Ленинграда, из Мурманска, кто по дороге в отпуск, кто специально, если возникала необходимость посоветоваться, поделиться своими планами, а то и попросить помощи. Помнил он и детей погибших своих бойцов; теперь это уже взрослые люди, но привязан к ним Сидор Артемович всем сердцем...

Хотелось нам о многом поговорить с дедом Ковпа-

ком — о его жизни, о его молодости, о тех людях, с ко-го он брал пример.

— Сидор Артемович, а кто в жизни служил для вас примером, — спросили мы, — кому вы подражали?

Ковпак усмехнулся.

— Попу подражал: до попадьи ходил. Он за ограду — а я шасть в усадьбу!.. — Потом Ковпак (такова уж его манера), отпарировав вопрос нежданной шуткой, продолжал серьезно: — Одиночкам не подражал. Я все время с людьми. С людьми и вырос, это многому учит. С одиннадцати лет вертелся при торговле, среди маляров, кровельщиков. Котельва наша — вроде село, а вокруг рабочий класс!.. Ездил я и в Ахтырку по делам, и в Харьков даже. Видал там интересных людей: ушлый народ, мастеровой, острословы все... Как говорится, на массы ориентировался. А народ — он мудрей всех!

Говорили мы еще долго о разном... Но больше всего Ковпака занимали мысли о перспективах народного хозяйства, о духовном росте нашего человека.

— Правильно на съезде поднят вопрос о том, чтобы требовать от коммуниста прежде всего моральной чистоты, не взирая ни на какие посты!.. — Сидор Артемович, сам бывший делегатом Двадцать третьего съезда партии, повернулся и взял со столика доклад секретаря ЦК. — Вот оно: «Забота о чистоте партийных рядов, о том, чтобы каждый коммунист с достоинством носил и оправдывал высокое звание члена ленинской партии, должна быть законом жизни партии, всех ее организаций». Всю жизнь я за это борюсь!

В мае шестьдесят седьмого года Сидору Артемовичу исполнилось восемьдесят лет. За кипучую плодотворную деятельность Советское правительство наградило его орденом Ленина.

Таким дед Ковпак и запомнился людям: мужественный в бою, напористый в делах, честный, открытый в жизни, готовый бороться за свой народ до последней капли крови. Таким он незримо присутствовал среди своих ковпак-ковцев на партизанском слете в Яремче.

Вокруг Яремчи — легендарные места, воспетые неизвестными гуцульскими пастухами, щедро политые партизанской кровью. Здесь, возле маленького местечка Делятин, воздвигнут памятник комиссару ковпаковцев — Рудневу, который, как Данко, освещал своим пылающим сердцем путь к победе. Посмертно удостоен комиссар звания Героя Советского Союза...

Горы в Делятине, где сооружен памятник погибшим ковпаковцам, какие-то особенные, наверное, нигде и нет таких. Они не рвутся отвесно ввысь, чтобы покичиться своим величием, не теснят небо и равнину суровыми каменными глыбами, а словно нарочно поднялись для того, чтобы показать всем отсюда — как прекрасна и обширна земля вокруг.

На митинге в Делятине выступал секретарь райкома, рассказывая о легендах, которые остались на Гуцульщине после смелого похода Ковпака. Приветствовали местных жителей гости-партизаны, по-хозяйски радуясь их теперешней зажиточности. Вспоминали, как когда-то делились полунищие гуцулы последним куском брынзы со своими освободителями, как спасали раненых.

А рядом в толпе, окружившей трибуну, слышались восклицания:

— Кто меня тут вынес с поля боя?

— Да я же, черт тебя дери!..

— Мыкола, здоров! Не узнал?..

— Сколько лет, сколько зим!..

— Ты живой, Яков?!

— Живой!..

— А я своими глазами видел вчера на памятнике в Яремче твою фамилию!

— Мою...

— Чудеса!..

И верно: чудеса. Но именно так вышло с Яковом Васильевичем Мирошниченко, на которого дважды приходила «похоронка» к родным. Его схватили фашисты в бессознательном состоянии, отравленного каким-то зельем. Хозяйка, у которой он попросил молока напиться, оказалась женой полицака, — предала.

Все испытал Яков: и страшный фашистский застенок, и лагерь смерти... Но товарищей своих не выдал, не назвал места сбора ковпаковцев, выходивших из Карпат.

Тут же любопытные друзья тормозят только что прибывшего, опоздавшего на праздник ветеранов, чернявого, статного и красивого, несмотря на годы, Петра Чертка:

— Как живешь?

— Как работаешь в своем колхозе?.. Говорят, ты после войны два ордена за трудовые успехи получил?!

— Три, хлопцы! И золотую медаль на ВДНХ...

— Секрет знает! — пошутил кто-то.

— Вы хотите знать, в чем секрет моей работы?.. — Черток задумался. Густые брови его сдвинулись на переносье. — Если разбираться подробно, то первое — я люблю трудиться в сельском хозяйстве.

— Я тэж уважаю ту породу людэй, шо весь народ наш кормят. Хлеборобов то есть, — отозвался на его слова Федот Матющенко.

— Второе, — кивнув в знак согласия, перечислял Черток, — я приучил самого себя и всех своих сотрудников в Татарбунарах к принципиальности в работе. В любом деле, большом или малом, должен быть порядок. Третье условие — жесткая требовательность к себе и к подчиненным. Четвертое — упорство при достижении цели. Наконец, последнее — двадцатипятилетний стаж, то есть работа со знанием дела. А самое главное — всю эту закалку я приобрел на войне, в партизанах, у Ковпака!

— Вот это верно! — согласилась с ним партизанская разведчица и медсестра Ольга Могила, ныне Быкова, работающая на Ждановском заводе имени Ильича машинистом-оператором трубосварочного цеха.

Скромная, молчаливая, она ни разу никому из старых друзей даже не написала, что получила за свой самоотверженный труд высокую награду — орден Красного Знамени. Здесь успехами в труде никого не удивишь. Как хозяева создавали эти люди богатства своей страны, где бы ни пришлось им трудиться. По-хозяйски в грозные годы, взяв всю ответственность на себя, обороняли Отчизну от захватчиков. Теперь те, незабываемые для всех партизан времена стали уже чем-то неизмеримо большим, чем личный опыт. Стали частицей истории.

В самом центре Яремчи, против памятника погибшим ковпаковцам, находится музей партизанской славы, созданный бескорыстными энтузиастами. Любопытно, что главный основатель его — человек самой неромантической профессии, бухгалтер Яремчанского курорта Михаил Елисеевич Музыря. Чего только не натаскал жадный к реликвиям Музыря в свой партизанский музей: старое боевое оружие, листовки, приказы. Новые, добытые из архивов экспонаты — вроде донесения гитлеровского генерала Крюгера из Карпат. Оказывается, не три и не четыре фашистских дивизии, как думали тогда ковпаковцы, были брошены на них, а целых двенадцать — отборных, вышколенных. Против соединения, едва насчитывавшего две тысячи человек, включая раненых. И генерал Крюгер откровенно плакался в своем донесении фюреру, что партизаны обладают невероятной, неистребимой, сверхъестественной силой.

Там, где раньше проходили с жестокими боями ковпаковцы, совершает теперь туристские походы молодежь. Затем — такова уж традиция здесь, в Яремче, — путешественники непременно посещают Дом партизанской боевой славы.

А в тот день, когда собрался слет, и туристы, и местные жители — все густой толпой окружили ковпаковский музей, и в залы сквозь эту живую стену проходили, как сквозь колосющую пшеницу, те, чьи фотографии, письма, личные вещи и старое боевое оружие выставлены теперь на стендах.

С волнением переступали порог этого музея люди, проливавшие здесь когда-то кровь...

А началась карпатская эпопея за тысячу верст отсюда. В июне 1943 года, исколесив чуть ли не всю Украину и Белоруссию, соединение Ковпака расположилось лагерем в Полесье, на реке Уборть. Все ковпаковцы отдыхали после того, как вырвались наконец из памятного «Мокрого мешка». Только в штабных палатках из парашютного шелка, которые, будто легкие облачка, белели под большими развесистыми дубами и елями, кипела сейчас работа.

По лагерю ходили гости с Большой земли: секретарь ЦК КП Украины Демьян Сергеевич Коротченко, одетый в

простую полувоенную гимнастерку, и молодой бравый генерал — начальник Украинского штаба партизанского движения Тимофей Амвросиевич Строкач. Ходили гости обычно порознь, стараясь по возможности больше общаться с ковпаковцами. То приезжие беседовали с партизанами, то Коротченко с глазу на глаз обсуждал что-то с самим Сидором Артемовичем, а Строкач затевал обстоятельный разговор с комиссаром Рудневым.

Ковпаковцы чувствовали, что приезд гостей с Большой земли и длительные разговоры эти — неспроста. Все уже знали: несколько дней тому назад здесь, в Полесье, закончилось совещание командиров крупнейших партизанских формирований Украины, на котором были поставлены новые боевые задачи. Деловитые хозяйственники уже ремонтировали заново повозки и упряжь, готовясь к предстоящему рейду. Получали с аэродрома взрывчатку, вооружение, боеприпасы.

И вот, наконец, 12 июня соединение ковпаковцев стальной лентой вытянулось из леса на дорогу Милашевичи — Глушкевичи и замерло в ожидании. К колонне подъехали верхом на лошадях Ковпак и Руднев, оба в новенькой генеральской форме.

Статный широкоплечий Руднев особенно ловко сидел на сером арабском скакуне, добытом партизанами в бою и приведенном комиссару в подарок. Как всегда пристально и в то же время мягко всматриваясь в лица бойцов, Семен Васильевич улыбался. Глаза его излучали какую-то особую радость, и она, словно солнечное тепло, передаваясь бойцам, вызывала ответные улыбки.

За Ковпаком и Рудневым ехали гости с Большой земли. Приблизившись к эскадрону, стоявшему в голове колонны, все четверо соскочили на землю. Молча переглянулись.

— Ну что ж, дорогие командир и комиссар! — взяв руки Ковпака и Руднева в свои крепкие ладони, проговорил Коротченко. — Счастливого вам пути!

Его узковатое, морщинистое, казавшееся всегда строгим лицо отразило глубокое волнение. Демьян Сергеевич вдруг привлек к себе и крепко, по-братски обнял Ковпака; потом потянулся к Рудневу:

— Берегите себя!..

— Не лезьте первыми в огонь! — добавил Строкач.—
Ведь вы сами наказываете за это младших командиров!

— Так то ж молодые, горячие. Их ще учить трэба,—
ответил Ковпак и моргнул стоявшему рядом командиру
кавэскадрона Саше Ленкину.

...Колонна уже тронулась в путь, а Коротченко и Стро-
кач все еще стояли на месте. И Ковпак с комиссаром
тоже задержались с ними. Они вчетвером молча пропу-
скали партизанские роты, до отказа нагруженные боепри-
пасами и взрывчаткой подводы, артиллерию. Всмотрива-
лись в лица партизан, будто взвешивая мысленно все
предстоящие этим людям трудности. Ведь соединению
суждено было преодолеть расстояние в добрых полторы
тысячи километров, пройти через Волынь и Ровенщину,
Тернопольщину и Станиславщину на запад, разжигая пла-
мя партизанской борьбы; хорошенько прощупать глубо-
кий вражеский тыл со всеми его коммуникациями и на-
ступить Гитлеру, что называется, на самые больные мо-
золи... А затем, ворвавшись в Карпаты, нанести заодно
удар и по нефтепромыслам, которые сейчас позарез
нужны были вермахту.

Конечно, тогда еще никто из ковпаковцев, за исклю-
чением самого деда Ковпака, Руднева, Вершигоры и на-
чальника штаба Базымы, не знал обо всем этом. План
командования сохранялся в тайне. Но каждый партизан
понимал: «Если идем — значит так надо. Командир и ко-
миссар ведут на большие дела!..»

Верный своему правилу, Ковпак стремился подобрать-
ся к цели неслышно и нанести удар по врагу неожиданно.

Полесье прошли спокойно: в этом большом лесном
крае, контролируемом партизанами, каратели почти по-
вывелись. А на Волыни, где тоже не было немецких
войск, вдруг начались неприятные сюрпризы. Первыми
это почувствовали на себе разведчики.

— Прямо невозможно двигаться! — докладывали
Ковпаку асы из разведроты любимец всего соединения
Митя Черемушкин и его неизменный напарник Федор
Мычко.— Только приблизишься к селу или хутору — об-
стреливают из винтовок, а то и из пулемета. Пытаются
окружать даже в лесу! Одеты, как и мы, в гражданское.
Команды подают по-нашему, по-украински! Что за вой-
ско — не поймешь!

— Шоб я вмэр, цэ националисты! — Дед Ковпак хлопнул себя по колену.— Цэ ошметки Петлюры. Тэпэр воны! называють сэбэ бульбовцями или бандеровцями... Подлые, политически тупые авантюристы. Цэ нэ так страшно.

Но на следующий день националисты обстреляли головную походную заставу, двигавшуюся впереди колонны, затем и основную колонну. Тут уж «Дед» рассви- репел:

— Я таких шуток не люблю!

— Да, надо проучить нахалов! — поддержал его Руднев.

— Следующий марш провэдэм с проческой.— Обернувшись к начальнику штаба, Ковпак пояснил: — Будэм идити днем, впереди колонны пустим развернутым строем один батальон. Побачим: шо воны скажуть?

И дальше, после первой же прочески, соединение продвигалось беспрепятственно. Так было два дня... На третий день — новый, теперь уже приятный сюрприз: жители всех деревень встречали партизанскую колонну хлебом и солью, земными поклонами: приглашали откусать.

— Ничего не пойму!..— разводил руками комиссар, недоумевая.

А вскоре выяснилась причина столь внезапной перемены. У одного убитого бандита обнаружили в кармане свернутую в трубочку узкую ленту папиросной бумаги, на которой было напечатано:

«Всім боївкам. На Волинь прийшла червона партизанка Ковпака. В бій з нею не вступать. Зброю сховать. Зустрічати з хлібом і сіллю.

Центральний провід».

— А що я тобі казав? — засмеялся Ковпак и хитро подмигнул комиссару.

Соединение уверенно двинулось дальше. Правда, бандеровцы все-таки сделали еще одну попытку задержать партизан. Вероятнее всего, это была проба сил. Дело в том, что ковпаковцы появились в западных областях Украины как раз в тот момент, когда националисты только-только начали формировать свою, так называемую «Украинскую Повстанческую армию» (УПА). Столкновение произошло на реке Случь.

При подходе ковпаковцев к речке, изгибавшейся кри- вым коленом у деревни Бельчаки, партизанские развед- чики снова доложили Ковпаку:

— Бандеровцы на той стороне заняли оборону. Судя по всему, намерены не пропустить нас через Случь.

Ковпак сердито пожевал губами.

— Политуха, дай-ка мэни бинокль! — обратился он к своему верному телохранителю, ординарцу и ездовому одновременно, работавшему, кстати сказать, до войны в Путивльском районе экономистом. (За сообразительность Ковпак и приблизил Николая к себе).

Взяв двенадцатикратный трофейный бинокль из рук спокойного, всегда чуть-чуть усмехающегося Политухи, «Дед» долго осматривал крутой южный берег реки, поросший густым кустарником, очень удобный для обороны.

— Неужели они, сукины дети, всерьез задумали воевать против своего украинского народа? — с горечью произнес Руднев, стоявший рядом с Ковпаком. — Надо послать к ним человека и попытаться поговорить по-хорошему.

Появление ковпаковского парламентаря на противоположном берегу возымело действие. Через четверть часа прибыл с ответным визитом бандеровский посланец — обыкновенный сельский парень. Он объявил:

— Мое командование сказало, шо мы пропустымо вас, колы вы скажете, куды и для чога вы йдэтэ.

— Розумный ты сын у батька! Тильки батько в тэбэ дурак! — на том же чистом украинском языке ответил ему Ковпак и даже сплюнул со зла, сворачивая непослушную сигарку. — Вин думае, шо мы будэм просыть у нього разрешения!..

— Вот именно! — подхватил комиссар. — Без вашего позволения пройдем, господа националисты!.. А будете мешать нам бить захватчиков — уничтожим и вас, как фашистов!

— Иды, хлопче, и передай так своему начальству! — сказал Ковпак.

Парламентар сел в свой челнок и отправился обратно. А Ковпак тут же приказал Кудрявскому, отряд которого расположился в непосредственной близости к мосту через Случь, сожженному бандеровцами, до вечера восстановить переправу.

Но главная трудность заключалась не в восстановлении моста. На противоположном высоком берегу, в каменоломне, как раз напротив моста, засели две банде-

ровские «сотни», которые при подходе партизан к реке немедленно открывали огонь. Стало быть, прежде чем строить мост, надо было выкурить бандеровцев из каменоломни. Пришлось пойти на хитрость: подразнить бандитов с этого берега, пока одна рота Кролевецкого отряда незаметно переправится через Случь за бугром, воспользовавшись тем, что противник не держал сплошной обороны на своем берегу.

Начштаба кролевчан испытывающе посмотрел на Илью Труханова. Небольшой, но атлетически сложенный, этот молчаливый смекалистый сибиряк попал в отряд из окружения, прошел с ковпаковцами весь их боевой путь, однако ротой начал командовать недавно.

— Переправишься, Илья, со своей ротой вброд. Обойдешь каменоломню с тыла. И быстренько очистишь ее!.. Все ясно?

— Так точно! — четко ответил Труханов и, повернувшись на каблуках, побежал выполнять приказание.

Через несколько минут кролевчане начали не спеша постреливать по каменоломне. Командир их и начштаба вели непрерывное наблюдение за противоположным берегом. Бандиты, действительно, клюнули на эту «удочку» и открыли ответный огонь из винтовок. Все внимание их привлечено было к 45-миллиметровой пушке и миномету партизан. А тем временем 4-я рота уже была на противоположном берегу. С этой, ковпаковской, стороны даже без бинокля было видно, как, выскочив из кустарника, Труханов перебежал со своими бойцами хребет небольшой высоты и как все скрылись за каменоломней.

— Теперь ковпаковцы прекратили огонь из пушки и миномета. А вскоре в каменоломне послышалась стрельба из автоматов ППШ; казалось, там кто-то отрывает доски от забора. Это длилось всего несколько минут. Потом наступила тишина. И Илья Труханов, весь запорошенный меловой пылью, в распахнутом немецком френче и простоволосый (темно-русая голова его сейчас стала седой от извести), показался на скале. В высоко поднятой руке он сжимал автомат: это означало, что все в порядке...

Мост к вечеру был готов. Соединение двинулось дальше, по территории так называемого «дистрикта», временно, для отвода глаз отданного Гитлером на откуп украинским националистами.

... Как-то утром во время марша, когда колонна ковпа-

ковцев живым ручейком текла по изумрудному полю уже заколосившейся высокой пшеницы, Руднев, подсев на повозку к командиру, сказал:

— А знаешь, Сидор Артемович, нам с тобой, как ни странно, повезло с этим идиотским «дистриктом». — Ковпак поднял на комиссара удивленный взгляд. Руднев продолжал, тихонько покачиваясь на повозке: — Для нас, пожалуй, сейчас даже лучше, что оккупанты отдали этот край на откуп своим прихвостням — бандеровцам. Отсутствие немецких гарнизонов позволит нам незаметно вскочить в Карпаты.

— Это верно! — соглашаясь с ним, кивнул Ковпак. — Помешать нам бандеровцы не в силах. А благодаря этой комедии с «дистриктом» мы вроде у них под «охраной».

— Да... Только мне кажется, — после паузы произнес комиссар с грустью, — что гитлеровцы затеяли здесь вместе с бандеровцами какую-то подлую игру, за которую потом будет расплачиваться народ!..

Когда ковпаковцы вошли в густые Цуманские леса — часов в семь утра, — кто-то обстрелял Глуховский отряд, уже начавший располагаться на дневку. Перестрелка возникла как шквальный порыв ветра. Кульбака скомандовал было в ответ: «Огонь!» Но по звуку отечественных автоматов бывалые ребята поняли: рядом свои.

— Да, это не немцы и тем более — не бандеровская «самодеятельность!», — согласился с разведчиками Петро Леонтьевич Кульбака.

— Чистая работа! — заметил его начштаба Лисица. — А ну, разберитесь на месте, хлопцы. Пусть там прекратят огонь!..

Оказалось, это были медведевцы, принявшие сначала ковпаковцев за противника благодаря их трофейным мундирам. Теперь бойцы из разных отрядов братались, радуясь встрече. А вскоре с визитом к Медведеву поехали комиссар Руднев и Петр Петрович Вершигора. Небольшой, но очень активный, чисто разведывательный отряд Медведева произвел на них сильное впечатление. Возвратившись, «Борода» и комиссар долго восхищались увиденным:

— Вот это да!

— Это работа! Высший класс. Какие там есть люди!..

Медведев дал ковпаковскому командованию ценные сведения, необходимые для дальнейшего продвижения по Ровенщине. К слову сказать, теперь, десятилетия спустя после Великой Отечественной войны, иные мемуаристы утверждают, что, проходя по Ровенщине, всенепременно обменялись рукопожатием с самим Кузнецовым. Если бы это в самом деле было так легко, легендарный разведчик Николай Кузнецов вряд ли сумел бы под видом фашистского офицера проникнуть в кабинет рейхс-комиссара Украины Эриха Коха. Кузнецова знали далеко не все медведевцы!.. Но что верно, то верно: своих братьев по оружию, партизан Ковпака и Руднева, медведевцы принимали с большой сердечностью.

Почти без помех, под «охраной» перепуганных националистов соединение двигалось дальше на юг. Может быть, так же незаметно ковпаковцы достигли бы Карпат, если бы не два случая.

«Виной» первого из них были кролевчане.

Командир разведзвезда Саша Берсенев, ведя маршрутную разведку, вечером 4 июля подошел к неказистой на вид одноколеске Тернополь — Волочиск и с изумлением увидел: буквально через каждые десять минут на восток катили вражеские эшелоны с войсками и какими-то новыми, не знакомыми ему, огромными танками. Берсенев и его четверо разведчиков решили понаблюдать еще часок: может быть, это случайность — результат возникшей где-то «пробки»?.. Но эшелоны катились один за другим. Такого движения партизаны, исколесившие вдоль и поперек десятки областей, еще не видели. «Очевидно, это сейчас одна из главных дорог к фронту, — решил Берсенев. — Только у кого узнать об этом поточнее, где взять «языка»?..»

— Заскочим на станцию! — предложил Вася Лавринец. — Расспросим железнодорожников.

Берсенев молча кивнул.

Но когда разведчики подошли к станции Максимовка, там, на перроне и путях, никого не было видно. Тогда партизаны осторожно заглянули в помещение... и все объяснилось сразу: более двух десятков человек сидели на совещании, которое проводил какой-то немец, — судя по всему, здешний железнодорожный «фюрер». Такая «добыча» превзошла ожидания разведчиков.

«Как быть? — возник вопрос у Берсенева. — Одного

возьмешь, а остальных напугаешь. Поднимут панику!..» И он решил на время прихватить с собой всех железнодорожников.

Утром 5 июля все это «совещание» сидело в лесу у штабной палатки Ковпака. Предположения Берсенева полностью подтвердились: по этой тихой «железке», ведомой советским бомбардировщикам, гитлеровцы уже второй месяц гнали эшелоны на восточный фронт. Осталось только выяснить, куда именно посылал сейчас эшелоны Гитлер.

Когда посторонние отошли подальше от штаба, Руднев быстро вытащил из полевой сумки свою карту и впился глазами в переплетение дорог и рек. Все умолкли, глядя на него.

— А ведь знаете, братцы,— воскликнул комиссар, хлопнув себя по лбу,— все эти эшелончики катит Гитлер под Курск и Орел! Надо ожидать в том районе больших событий.

Ковпак и Вершигора переглянулись, невольно вспомнив, как еще в декабре сорок второго года, в Глушкевичах, в памятный вечер, когда они в штабе услышали сводку Совинформбюро об окружении армий Паулюса под Сталинградом, Руднев вот так же всматривался в свою «стратегическую», а затем вдруг сказал: «Товарищи! Следующий котел Гитлеру наша армия устроит под Курском! И в этом котле сгорит еще больше фашистов!..»

— Думаю, ты прав и тэпэр, Сэмэнэ! — тихо произнес Ковпак, не отрывая взгляда от комиссара.

— Эту дорогу нам надо немедленно парализовать!— Руднев, румяный от возбуждения, расстегнул ворот гимнастерки, забыв на мгновение свою обычную, подчеркнутую армейскую аккуратность.

— Кого пошлем? — сразу спросил исполнительный Базыма. Обсуждать здесь было больше нечего.

— Кролевчан,— бросил Ковпак.

— Сидор Артемович, мы все дыры кролевчанами затыкаем,— улыбкой смягчил ответную реплику Войцехович.

— Это не затычка, а заноза врагу! — покручивая усы, отозвался комиссар, довольный оборотом дела.

— Семен Васильевич! — уже серьезно заметил помначштаба, успевший изучить карту и решить, где целесообразней резать дорогу.— Ведь тут, у Тернополя — раз-

вилка! Две дороги: одна идет на Волочиск, а другая — на Шепетовку. И если резать, то сразу обе!..

— На Волочисскую дорогу пошлем кролевчан, — уточнил дед Ковпак. — А на Проскуровскую — путивлян.

Ночью, оставив обоз на попечение главных сил Ковпака, Кролевецкий отряд двинулся к Тернополю. Шли налегке — лишь захватили несколько подвод с толом.

Еще перед выходом, заранее обсудив все, решили: заместитель командира отряда Валентин Подоляко с Сашей Берсеновым двумя ротами уничтожают мост на шоссе у деревни Смыковце. А сам командир отряда Кудрявский со своим начштаба (Петром Брайко. — *Ред.*) и с минером-инструктором Платоном Воронько, замполитом разведывательно-диверсионной роты взрывают железнодорожный мост у деревни Дычкув.

С наступлением темноты обе группы двинулись к цели. Сначала шли одной колонной...

В полночь небо затянули тучи. Жара сгустилась, застыла. Вдруг зашелестели от ветра колосья и тревожно зашумели придорожные кусты. Пошел теплый мелкий дождь. Стало скользко, земля раскисла, движение колонны замедлилось.

Пасмурный рассвет застал кролевчан у шоссе Тернополь — Проскуров. Здесь надо было разделиться. Группе Валентина Подоляко оставалось отсюда километра полтора до шоссе моста. А другой, основной группе, которую вели Кудрявский и начштаба, предстояло объезжать станцию Великие Борки вкруговую, — еще километров шесть. Если двигаться с подводами, нагруженными взрывчаткой, по раскисшей дороге, группа доберется к мосту через два часа, не раньше. А утро неотвратимо приближалось, с каждой минутой становилось светлей.

Чтобы выиграть время, можно было бы идти напрямик, через станцию Великие Борки, до которой оставалось с полкилометра. От нее до моста было еще метров восемьсот. Но беда в том, что на станции находился гарнизон: около сотни немцев. Расчехлостить их было не так трудно, но ввязываться сейчас в бой значило — смешать все карты в игре. Ухлопаешь сотню вражеских солдат, спящих в казарме, но обнаружишь себя и не выполнишь свою основную задачу.

Метрах в трехстах от переезда пришлось остановить-

ся. Воспользовались для этого удобной ложиной, окутанной туманом.

Начштаба, взяв несколько разведчиков, отправился искать кого-нибудь из местных жителей, которые могли бы прямо отсюда незаметно, сторонкой, провести всю колонну через станцию — к мосту.

Разведчики постучались в крайний дом, не подозревая, кто в нем живет. Хозяин вышел в сени. На беду партизан, в двери квартиры было смотровое оконце, и на фоне тусклого предутреннего неба хозяин (он стоял в одном нижнем белье) увидел людей, вооруженных русскими автоматами.

— Эйн момэнт! — испуганно воскликнул он и шарахнулся обратно в комнату.

А через несколько секунд стукнули ставни...

Партизаны, высадив плечами дверь, нашли в комнате только мундир и форменные брюки немецкого железнодорожника, вместо самого их владельца.

Мысленно кляня свою неосторожность, начальник штаба с тремя разведчиками поспешил обратно к колонне, пока немец не успел поднять тревогу.

По пути обнаружили, что на переезде стоит лишь один часовой. У начштаба мгновенно возник план: пользуясь предутренной дымкой, проскочить через переезд всей колонной...

Командир отряда сказал на это:

— Давай!

— Правильно! — поддержал его Воронько. — У нас половина людей — в немецкой форме. Вперед выставим тех, кто с трофейным оружием!..

Так и сделали.

Быстрым деловым шагом колонна приближалась к посту.

— Хальт! — петушиным фальцетом вскинул часовой.

— Хайль!.. — традиционным фашистским возгласом ответил Воронько, играя роль немца.

Начштаба, будто свой, тоже поприветствовал часового взмахом руки. Колонна продолжала двигаться (впереди шла пехота).

Лица и мелкие детали одежды еще тушевались туманной дымкой, и часовой, казалось, успокоился. Пользуясь этим, два разведчика подошли к нему вплотную, быстро

сняли с часового автомат и бережно, как больного, повели под руки. Это был еще совсем молодой парень, прыщавый и узкогрудый.

— Сосунок! — пренебрежительно заметил рослый Михаил Ядченко. — Сидел бы ты лучше в своем фатерлянде и не рыпался.

— Вас, вас? Што т-такое? — пробормотал, будто во сне, оторопевший немец.

— Да, нас! Проводишь нас на мост, — ответил ему, посмеиваясь, Ядченко.

— Главное, когда пойдем через мост, вы нежненько с пленным немцем обращайтесь, — тоже невольно усмехнувшись, приказал начштаба. — Он же у нас — вместо пропуска!..

Приближаясь к полицаям, дежурившим на железнодорожном мосту (их было там всего четверо), Платон Воронько, который шел впереди группы, сказал на безукоризненном украинском языке:

— То комиссия спэцов. Паны йдуть на мост!

Пока полицаи ошалело разглядывали эсэсовскую форму «переводчика», думая — верить ему или не верить, их уже связали. Один, самый младший из этих постовых, охранявших мост, воскликнул, глядя на неразлучных минеров — коротышку Николая Алесича и его тезку Савича, проворно устанавливающих ящик с толом:

— Ото спэцы!..

«Спэцы», посмеиваясь, доложили:

— Товарищ начштаба, все готово! Зажигайте шнур...

Только зажгли шнур — на грунтовой дороге, идущей параллельно железнодорожному мосту, появилось стадо коров. Пришлось бросить чуть не целую роту, чтобы повернуть и отогнать коров. А время летело — каждая минута могла стоить минерам жизни.

Наконец и это последнее препятствие было устранено: скот отогнали в безопасное место... Взрыв — и метров на четыреста в разные стороны полетели шпалы и куски рельсов.

— Так, значит, хорошо поработали спэцы? — засмеялся довольный Воронько, обрачиваясь к полицаям.

— Вы нас хоть привяжите к деревьям или столбам и так оставьте, чтобы немцы не расстреляли! — испуганно попросил старший полицаи.

А вслед за железнодорожным мостом взлетел в воз-

дух и шоссейный — это поработали Подоляко и Берсенев во своими минерами.

Такую же операцию — только на другом участке Шепетовской «железки» — провели путивляне. Дорога «першой клясы», ведущая к фронту, была парализована.

...Руднев не ошибся и на этот раз, предсказывая, где произойдет генеральное сражение нашей армии с ордами гитлеровцев. Место партизанского, вспомогательного удара было выбрано очень точно. Утром 6 июля Совинформбюро сообщило о переходе гитлеровских войск в контрнаступление под Орлом и Белгородом, а в ночь на 7 (как раз в самый разгар сражения на Курской дуге) ковпаковские минеры взорвали мосты на двух, сходящихся в Тернополе железных дорогах: Тернополь — Волочиск и Тернополь — Шепетовка. Таким образом была перерезана одна из главных артерий, питавших гитлеровские армии под Орлом и Курском.

Вдобавок ко всему этому (и тоже по «вине» кролевчан) произошел другой, весьма неприятный для оккупантов случай: еще утром 6 июля застава Кролевецкого отряда накрыла тернопольского и львовского военных комендантов, спокойно объезжавших на машинах свои «владения». Обнаружив трупы, гитлеровцы подняли страшный переполох.

И вот 7 июля, как раз когда кролевчане, взорвав железнодорожный и шоссейный мосты под Тернополем, возвращались на место дневки соединения, в небольшой лесок неподалеку от города Скалат, тернопольская жандармерия и полиция решили сквитаться с партизанами. Каратели засекли кролевчан и, видимо, приняв этот отряд за главные ковпаковские силы, увязались следом за колонной.

Только кролевчане втянулись в лесок к своим, как немцы начали наступление в расчете на легкую победу. Победа и впрямь досталась легко, да только не карателям, а партизанам. Подпустив цепи немцев, наступавшие по ржи к самой опушке леса, кролевчане расстреляли их в упор. Уцелевшие каратели бросились в панике обратно в Скалат. А вслед за ними ринулся кавэскадрон Ленкина, да еще две роты путивлян... В азарте боя на плечах у противника ковпаковцы ворвались в город Скалат и захватили его. Разгромили там магазины и склады, раздав населению все: мануфактуру, обувь, продовольствие.

Дерзость партизан привела Гитлера в такую ярость, что он приказал «немедленно» уничтожить ковпаковцев. Еще бы! В самый ответственный момент, когда так нужны были вермахту резервы, чтобы осуществить разгром советских войск под Курском, «проклятые» партизаны вдруг остановили переброску подкреплений на фронт.

Кроме того (как стало известно уже после войны), внезапное появление отрядов Ковпака в западных областях Украины сорвало еще один важный замысел фашистских правителей. Гитлер и Гиммлер задумали вывезти население Люблинщины и Галиции (так на латинский манер называлась наша Галичина) на каторжные работы в Германию, а на их землях поселить фольксдойчей* из Бессарабии и югославских провинций — Боснии и Хорватии.

Еще за год до прихода ковпаковцев, 4 августа 1942 года, о предстоящей акции было объявлено на заседании высших чиновников Польского генерал-губернаторства. А в декабре того же года группенфюрер СС Крюгер, заместитель Гимmlера по рейхскомиссариату онемечивания, начал выселение поляков из предместья их родного Замостья. Вместо коренных жителей туда были привезены первые четыре тысячи фольксдойчей. Очередь была за Галичиной. Именно на июль 1943 года намечалось массовое заселение Галичины немцами. Словом, комиссар Руднев точно предугадал трагические последствия той грязной игры, которую вела бандеровская верхушка с гитлеровскими правителями.

Но с приходом отрядов Ковпака в «дистрикт» оккупационные власти сами не знали, куда им деваться.

Уничтожив всю тернопольскую жандармерию и полицию, собранную в Скалате для «решающего» удара по ковпаковцам, соединение стремительно двигалось на юг. Перепуганные фашистские чиновники и военщина при одном только имени Ковпака удирали из Бучача, Черткова, даже из областного центра — самого Тернополя... В связи с этими событиями в «дистрикте» рейхскомиссар доктор Франк отметил в своем дневнике:

«Имею сообщение, что сейчас там условия неблагоприятны для переселения».

* Немцы, родившиеся за пределами рейха, но разделявшие программу нацистов.

Гитлер злился так, будто у него из горла вырвали уже проглоченный кусок. Вынужденный отказаться от переселения немцев в Галичину фюрер решил любой ценой разделаться сначала с партизанами. И сюда, к предгорьям Карпат, спешно перебрасывались поездами, машинами и даже самолетами охранные войска чуть ли не со всей Европы.

Первыми навалились на соединение Ковпака 14-я эсэсовская дивизия «Галичина» и 4-й СС полк, срочно переведенный из-под Кракова. В Сатановском лесу им удалось окружить партизан, задержавшихся там на двое суток из-за проливных дождей. Но маленький Кролевецкий отряд, разгромив внезапным ударом 4-й СС полк в деревне Роштовце, в той самой деревне, где героически погиб Валя Подоляко, дал возможность своему соединению вырваться из вражеского кольца, и Ковпак двинулся дальше на юго-запад, в Карпаты. Гитлеровское командование всеми силами старалось не допустить партизан в горы. Бросало в бой авиацию, танки... Противник надеялся задержать Ковпака на широкой и бурной реке Днестр. Но к рассвету 16 июля соединение вслед за группой захвата, которой руководили Матющенко и Ленкин, с ходу овладело мостом в местечке Галич и переправилось на правый берег.

Заранее ожидавшая партизан охрана этого моста не успела даже оказать сопротивления. Гарнизон местечка бежал в областной центр — Станислав (ныне Ивано-Франковск).

Удача, казалось, сопутствовала ковпаковцам... Однако в Галиче партизанскую колонну захватил рассвет. Через час-полтора в воздухе могла появиться вражеская авиация, а из Станислава, до которого было всего лишь два десятка километров, того и гляди подоспеют мотопехота и танки фашистов.

Надо было втягиваться в лес. Но куда? Продолжать движение дальше, на юго-запад? Там, в громадном Черном лесу, партизаны чувствовали бы себя словно рыба в воде. Только до него полтора десятка километров!

Решено было повернуть на запад: перемахнуть по мосту через правый приток Днестра — бурную речку Ломницу, за которой виднелся спасительный лес. Путь сравнительно небольшой, но до него оставалось около пяти километров — час марша.

На дневку соединение расположилось в центре этого соснового леса, возле чистенькой, с черепичными крышами деревни Селище. По опушке заняли круговую оборону партизанские заставы.

С восходом солнца над лесом появился «костыль» — неуклюжий немецкий самолет-разведчик. Он почти весь день, словно коршун, парил над лесом. То снижался почти до самых деревьев, — так что с земли отчетливо виден был летчик, — то, будто испугавшись чего-то, взмывал ввысь. А партизаны, притаясь под густыми мохнатыми соснами и сумрачными елями — «смэрэками», посмеивались:

— Накось, выкуси, фриц! Не на тех напал!..

Жечь костры и двигаться по тропам Ковпак строго-настрого запретил. И все-таки во второй половине дня появились «юнкерсы» и начали методически бомбить лес. Видимо, каратели чуяли: далеко партизаны не могли уйти. А к вечеру гитлеровские войска обложили урочище со всех сторон.

С наступлением темноты партизаны двинулись обратно к реке Ломнице. Когда колонна подошла к опушке леса возле деревни Тимеровцы, лейтенант Осипчик, наблюдавший отсюда весь день за действиями противника, доложил:

— В деревне Блюдники, возле брода, мы насчитали более пятидесяти машин с пехотой. И до роты немцев с двумя танками заняли оборону на том берегу, возле брода.

— Решили, сволочи, не пустить нас через реку?.. — тихо, будто самому себе, сказал комиссар Руднев.

— Выходит, так, — процедил сквозь зубы Ковпак и, поймав взглядом Войцеховича, спросил: — А дэ проводник? Давай его сюды.

К Ковпаку нерешительно приблизился человек в черной островерхой гуцульской шапке.

— Слухай, друже, ты добрэ знаешь броды на ций ричци? — доверительно обратился командир к проводнику.

— Да у нас брод один! Его и диты знают! Ось там вин!.. — проводник кивнул в сторону села Блюдников, невидимого сейчас во тьме.

— А тут, у села Тимеровцы, можно перейти Ломницу? — спросил Ковпак.

Проводник задумался, потом отрицательно покачал головой:

— Не, тут не можно. Течение быстрое. Може сбить.

— А воды сейчас много в Ломнице?

Вместо ответа гуцул провел ребром ладони по своему поясу.

— Что будем делать, Сидор Артемович? — спросил комиссар.

— Громыть немцев в Блюдниках, — сказал решительно «Дед».

— Значит, будем повторять Роштовце? — сразу понял Руднев.

— А шо робыть? — двинул плечами Ковпак. — Пускай кролевчане отвлекут противника в Блюдниках. А мы тем временем переправимся через Ломницу тут.

Роты кролевчан, так же, как и четверо суток назад у деревни Роштовце, отделились от общей колонны, чтобы нанести отвлекающий удар. Но здесь, в Блюдниках, кролевчанам пришлось еще труднее. Если деревню Роштовце и подступы к ней атакующие успели осмотреть еще засветло, то здесь, в Блюдниках, никто из кролевчан не имел ни малейшего представления о местности; шли на врага вслепую, в кромешной темноте. И все-таки дело свое кролевчане сделали. Этот внезапный бой был выигран ценою жизни командира 4-й роты Ильи Труханова.

Услышав бешеную стрельбу из крупнокалиберных танковых пулеметов противника на том берегу и увидев огненные хвосты трассирующих очередей возле села, Ковпак спокойно распорядился:

— Теперь, Войцехович, веди колонну вброд, пока немцы стреляют в небо, как в копейку... Только надо предупредить народ, шоб переходили через ричку осторожно, держались покрепче друг за друга... и за свои повозки!

А когда колонна двинулась вперед, Ковпак вдруг спросил:

— Дэ наш бог войны?

— Я здесь, товарищ генерал! — выскочил из темноты высокий, поджарый Анисимов, похожий сейчас на оживший древесный ствол.

— Скажи, будь добрый: смогут твои хлопцы за полсотни метров ночью с первого снаряда накрыть танк?.. — «Дед» выразительно кивнул на тот берег.

— Думаю, что смогут,— ответил майор Анисимов.

— Тогда переправляй свою батарею на тот берег и заткни им глотку поскорей!

Козырнув, майор скрылся в темноте. Через несколько минут батарея рысью обгоняла двигавшуюся к реке колонну. Комиссар вскочил в седло и тоже поехал с Анисимовым.

Ковпак остался пока на этом берегу. Он подошел к реке, остановился и спокойно, вполголоса поторапливал идущих в строю и ездовых, трясущихся на своих повозках.

— Быстрее, ребята! Быстрее, ночь коротка. Да держитесь крепче друг за друга, бо дуже быстрое течение...

Артиллеристы не подвели Ковпака. Переправившись на другой берег, они на рысях подскакали к своему заслону и оттуда прямой наводкой (до танков было всего метров сто) первыми же снарядами зажгли обе вражеские машины.

Несколько снарядов Анисимова и дружный огонь роты заслона сразу обратили в бегство фашистов, засевших у брода. А вслед затем побежали и немцы из Блюдников. Умел Ковпак находить самые уязвимые места противника и наносить вовремя удар!

Перебравшись вброд через Ломницу, колонна соединения устремилась в Черный лес. Ковпак и Руднев надеялись, что в этом лесу, тянущемся с севера на юг на десятки километров, соединение скроется, как щука в реке. Успеть бы туда только затемно!.. А там — один марш, и гуляй в огромных горных лесах.

Оккупанты, в свою очередь, принимали все меры, чтобы не допустить партизан в горы. Комендант и гебитскомиссар всю ночь звонили из Станислава рейхскомиссару Польши, доктору Франку, и умоляли ускорить переброску войск. В городе среди немцев и их прихвостней поднялась невероятная паника. Откуда-то проникли слухи: на Станислав движется огромная армия Ковпака. Что за армия, какая армия, откуда она взялась — никто ничего толком сказать не мог. Но все в один голос твердили: идет огромная армия партизан с артиллерией и танками...

А с рассветом в воздухе опять появился «костыль». Он сразу засек партизанскую колонну.

— Теперь надо ждать «юнкерсов»,— сказал командир разведывательно-диверсионного взвода Саша Берсе-

нев, догнав верхом на лошади начальника штаба кролевчан (Петра Брайко.— *Ред.*), который двигался впереди отряда.

Начштаба (он был ранен в Блюдниках) с забинтованной головой тяжело шагал рядом со своей повозкой. Ехать по такой неровной дороге он не мог: от тряски казалось, что кто-то все время стучит молотком по голове. Идти было все-таки легче.

После ночного боя за Блюдники Кролевецкий отряд остался фактически без командования. Надолго вышел из строя командир Кудрявский: пуля раздробила ему обе челюсти. Женя, как медсестра, находилась теперь подле отца все время. Поила родниковой водой с ложечки (есть он почти не мог). Такое же тяжелое и необычное ранение получил когда-то, еще в веселовском бою, комиссар Руднев. И тогда жена его, любимая всеми партизанами, мужественная и преданная Домникия Даниловна круглосуточно ухаживала за самым дорогим ей человеком. «Но тогда хоть наши хлопцы привозили комиссару из деревень и свежие яички, и сметану, чтобы как-то поддерживать его силы»,— подумал сейчас начштаба, глядя на Женю, пытавшуюся накормить раненого отца размоченными в воде сухарями. Потеря крови и беспрестанная тряска совсем обессилили командира отряда. Заместитель командира Валя Подоляко был похоронен несколько дней назад. Жить бы этому парню да жить! Как нужен он был сейчас всему отряду!.. Но Валя спал вечным сном в сырой земле. И поэтому начальник штаба, превозмогая боль, шагал сейчас рядом со своими бойцами.

— Да, жди теперь «юнkersа»!

— Наверное, Саша, теперь не только «юнkersов» надо ждать,— ответил начштаба своему любимцу Берсеневу, смельчаку, который ухитрялся, бывало, руками перехватывать с лету гранаты и швырять их обратно в гитлеровцев.— Похоже, теперь в любую минуту могут появиться немцы на машинах и танки. Надо предупредить командиров рот, чтобы они были готовы к бою.

— Я сейчас проскочу вдоль колонны и передам распоряжение...

— Нет, подожди минутку,— остановил его начштаба.— Вон мчится наш связной от Ковпака!

Маленький и подвижный, как ртуть, Миша Рубинов рысью подъехал на своем юрком конике и затараторил:

— Товарищ капитан, командир соединения приказал взрывать за собой все мосты!..

Кролевецкий отряд шел в арьергарде.

— Ясно,— ответил начштаба. И тут же подумал: «Значит, дело плохо». Потом с трудом повернул забинтованную голову к Берсеневу.— Слыхал, Саша?

Тот кивнул утвердительно и подмигнул. На душе у начальника штаба сразу стало спокойнее. Он был уверен: Саша не подведет!.. «Удивительный парень! — думал начштаба о Берсеневе.— Образования никакого (как говорил шутя сам Саша, один класс да коридор), но все он умеет, все понимает с полуслова! Когда возникла необходимость срочно подготовить группу минеров, Берсенев первым вызвался на это трудное, опасное дело. А через месяц уже сам был, как профессор,— готовил подрывников!»

Минут сорок спустя после разговора начштаба с Берсеневым где-то позади колонны послышался взрыв. Одновременно раздался смех партизан.

— Это наш Берсенев со своими минерами ремонтирует мосты фрицам! — донесся до слуха начштаба добродушный басок Виктора Жукова.

— Я той, хто грэбли рвэ! — шутя проговорил догнавший своих Платон Воронько. Это были слова Водяного из любимой Платоном поэмы Леси Украинки «Лисова писня». Вытерев пот с лица, он отрапортовал начальнику штаба:

— Товарищ капитан, задание выполнено! Берсенев просил предупредить: если отстанет — не беспокоиться!.. Дорогу найдем!

И поскакал обратно на своей куцой лошаденке, по-деревенски спокойно держась в седле.

Солнце поднялось уже высоко, а колонна ковпаковцев безостановочно двигалась вперед. Над ней по-прежнему коршуном кружил «костыль».

Позади снова грохнул взрыв. «Костыль» сделал разворот и, снижаясь, пошел в том направлении: летчик, наверное, решил посмотреть, что случилось. В этот момент раздался еще взрыв — да такой силы, что самолет, словно пушинку, подбросило вверх, раза два перевернуло, и он повалился вниз.

— Смотрите, смотрите, «костыль» падает! — закричали обрадованные партизаны.

Но «костыль», судорожно кашлянув, кое-как выравнялся и кинулся наутек.

— А-а, не понравилось?..

— Наверно, полетел портки менять! — заметил Виктор Жуков.

Все засмеялись. Кто из воевавших не знает, как оживляла, а то и поднимала в атаку целые роты меткая, острая шутка-шпилька?.. По этой части Жуков был неистощим. Он умел в самые трудные минуты, требующие предельного напряжения сил, ободрить отстающих, рассмешить усталых.

Женя Кудрявская, с благодарностью подняв на Виктора глаза, покрасневшие от бессонницы и тайных слез (она особенно тяжело переживала гибель Валентина Подоляко), тоже для поднятия общего духа съязвила:

— Говорят, ребята, Наполеон велел пошить своим гвардейцам красные мундиры, чтобы вид крови раненых не пугал остальных. Угадайте теперь: для чего фюрер велел пошить желтые брюки всем нацистским деятелям?

Тут пошли остроты за остротами, прибаутки за прибаутками...

Наступать каратели не рискнули, хотя соединение остановилось на дневку всего в каких-нибудь десяти километрах от Станислава. Но весь день фашисты опять бомбили партизан.

Вечером ковпаковцы двинулись дальше на юг. Вышли пораньше, чтобы успеть до рассвета втянуться в горы и таким образом оторваться от преследования. Как на зло, в ходе марша соединению пришлось задержаться возле деревни Рассульна, пока Федот Матющенко окончательно добивал уже потрепанный кролевчанами в Роштовце, но все еще отчаянно дравшийся 4-й СС полк, ставший на пути Ковпака.

Эта непредвиденная задержка обошлась ковпаковцам дорого. Они снова не успели до рассвета втянуться в горы. Утро захватило колонну на марше — ясное и радужное, как хрусталь. Небо было голубое-голубое и далекое-далекое. Вдали кое-где по склонам гор, в лощинах, клубился сиреневатый туман.

Только партизанская колонна вползла в деревню Маняву, растянувшуюся на несколько километров вдоль узкого горного ущелья, поросшего густым смешанным лесом, как на соединение вдруг навалилось звено бом-

бардировщиков. Горы заслонили от партизан приближающийся гул моторов, и самолеты, почти бесшумно зайдя сзади, начали бомбить колонну, потом — на бреющем полете обстреливать из пулеметов.

Сквозь грохот доносились стоны раненых, крики о помощи. Партизанские медсестры Юля Устенко, Поля Белоус, Оля Могила, не думая об опасности, под огнем бросались к раненым, перевязывали их, тащили к повозкам.

Юля, покрасневшая, сгибаясь от непосильной тяжести, тащила рослую рыжеволосую девушку-москвичку из роты минеров, Лиру Никольскую, раненную осколками в живот и ногу.

— Брось меня! — с трудом шевеля мертвеющими губами, просила Лира. — Это безнадежно... Помоги лучше другим.

Юля на миг остановилась, переводя дыхание.

— Молчи, Лирочка, тебе нельзя сейчас говорить... Других девчата подобрали.

Вдруг совсем близко раздался страшный взрыв. Оглянувшись, Юля поняла: это немцы с воздуха попали в повозку с толом. На том месте, где только что стояла пароконная подвода с берсеневским, всегда невозмутимым низкорослым ездовым Владыкиным, осталась только воронка.

Юля упорно, почти на ощупь, пошла в гору — там должна была находиться санчасть...

В это время Оля Могила склонилась над незнакомым ей рослым бойцом из другого отряда: он был ранен и контужен (видно, зашвырнуло сюда беднягу взрывной волной). Перевязала ему голову и терпеливо, как муравей, потянула к повозке.

— Дай помогу! Ты его за ноги бери, а я — за плечи! — предложила Юля, бежавшая уже обратно, вниз. — И как ты одна, такая пуговица, дотащить его сюда смогла?!

— А так!.. — опустил глаза, ответила Оля. — Я когда раненого бойца вижу, сразу своего брата Васю вспоминаю: как он мертвый на санях лежал... возле Припяти...

Голос Оли чуть дрогнул. Она и вправду сейчас, как наяву, увидела своего Васю: его спокойное, холодное лицо, на котором не таяли снежинки. И крохотную красную точку у виска.

Юля молча вздохнула: Вася был лучшим другом Жени, ее любимого братишки. Только после долгой паузы она произнесла наконец:

— А Женю даже и похоронить не смогли!..

Колонна продолжала карабкаться наверх. С каждым шагом продвигаться становилось все трудней: увеличивалась крутизна подъема, ухудшалась дорога и, наконец, за Манявой, в лесу, она перешла в узкую тропу.

На третьем заходе один вражеский бомбардировщик был сбит партизанским огнем. Трудно сказать, кем именно: стреляли все — из винтовок, пулеметов и даже противотанковых ружей... Когда фашистский стервятник вспыхнул и, дымя, врезался в скалу, остальные бомбардировщики скрылись.

Только к вечеру соединение забралось на гору и затаилось в лесу. Настроение у партизан было неважное. Задумалось и командование.

Оказалось, что самое трудное ожидало ковпаковцев в горах. Во-первых, привыкшие к свободе маневра ковпаковцы были теперь связаны по рукам и ногам своим громоздким обозом, который не мог продвигаться без дорог. Во-вторых, у ковпаковцев не было заранее подготовленной базы, то есть партизанского края... Ох, с какой благодарностью вспоминали они сейчас партизанские отряды в Белоруссии и на Брянщине. Ведь это на их территории отдыхали ковпаковцы после долгих изнурительных рейдов, выполнив очередное задание Ставки в глубоком тылу врага.

Теперь же Ковпак, Руднев и представитель Разведуправления Советской Армии Вершигора вели своих бойцов в неизведанное, чтобы разжечь пожар народной войны там, где гитлеровцы еще чувствовали себя полными хозяевами...

Гитлеровское командование, обнаружив Ковпака еще до подхода к Карпатам и не сумев разделаться с ним на равнине, решило, что это легче будет сделать в горах. Для ликвидации партизан было стянуто сюда, в горы, двенадцать охранных дивизий, в большинстве своем горнострелковых, с танками и авиацией. Командовать этими войсками Гитлер поручил заместителю самого Гимmlера по рейхскомиссариату онемечивания — генералу Крюгеру, знающему Карпаты еще со времен первой империалистической.

Ковпак и Руднев не располагали и, разумеется, не могли тогда располагать всеми этими сведениями. Сидор Артемович с комиссаром считали, что соединению удалось сравнительно легко пройти в Карпаты, где оно будет неуязвимо.

На следующую ночь соединение, совершив тяжелый горный переход, на рассвете вошло в деревню Пасечна Надвурнянского района и, свернув на юго-запад, вверх по течению реки Быстрицы-Надвурнянской, двинулось дальше, на Зеленую и Зеленицу. За Зеленой и Зеленицей дороги кончались. Дальше, а точнее, выше в Карпаты, можно было пробираться только пастушьими тропами.

— Что будем делать теперь? — спросил обычно молчаливый Базыма, обратившись к Ковпаку, когда колонна остановилась.

— Зараз подумаем, — ответил Ковпак, дымя толстой, как палец, сигаркой из самосада. Запасы курева Политуха постоянно возил на подводе — целый мешок приготовленной им собственноручно махорки-самосада. Сейчас мешок заметно «похудел».

Докурив, Ковпак посоветовался накоротке с командным составом. Было принято решение: задержаться в этом районе на трое-четверо суток. Кролевецкому отряду предстояло остаться в Зеленой и занять прочную оборону, не допуская прорыва противника в расположение партизан. За это время можно перестроить повозки на двуколки и «продолжать выполнять задачу», как сказал Ковпак.

С целью отвлечения противника от основных сил Ковпака Шалыгинскому отряду под командой Матющенко было поручено нанести удар по нефтепромыслу Быткув.

Начальник штаба кролевчан, получив приказание Ковпака — занять прочную оборону в Зеленой, глянул на карту: деревни здесь лепились густо друг к другу, по лощинам да по берегам рек. Зато в горах — пусто, одни пастушьи колыбы. Лощина, где расположились Пасечная и Зеленая, уходили на много километров вдаль... Он понял: именно через Пасечную и Зеленую лежит единственный удобный путь, который может использовать противник, чтобы нанести удар по соединению. И на этом

пути Кролевецкий отряд должен стать для врага непреодолимой преградой. «Немцы, конечно, попрут на нас с танками», — думал начштаба. Он тут же вызвал к себе Берсенева и сказал:

— Саша, давай проедем с тобой быстренько в конец деревни Пасечной.

Берсенев поднял на капитана вопросительный взгляд: зачем, мол, вам это понадобилось?

— В райцентре Надвурной, как тебе известно, уже сосредоточено около трех полков немцев с танками. Завтра они могут полезть на нас. Поедем, посмотрим: можно ли тут что-нибудь предпринять против танков?

— Понял, — кивнул Берсенев.

Разговаривая с Сашей, начштаба не переставал оценивающе присматриваться к местности, стараясь найти наиболее подходящий рубеж для обороны. Еще подростком, мечтая о военной профессии, он приучил себя рассматривать местность с точки зрения ее удобства для засады. Таких выгодных рубежей он наметил сейчас несколько. Думая о предстоящей обороне, начштаба понимал: противник располагает неограниченными возможностями, по сравнению с партизанами. Каратели могут бросить любые силы на отряд, если захотят прорваться по этой дороге. И значит, обычной обороной, на каком бы удобном рубеже партизаны ее ни заняли и какой бы упорной она ни была, маленький отряд (а в строю оставалось двести с лишним человек) вряд ли остановит гитлеровцев. Надо было придумать что-то другое, новое. В общем, здесь нужна была какая-то необычная тактика.

Это новое для горных условий виделось молодому начштаба в маневренной обороне — обороне методом «блуждающих» засад. Надо уничтожать противника не в боевых порядках, а в походном строю. Местность сама подсказывала такое решение: дорога из Пасечной (от восточной окраины села до уже намеченного начальником штаба рубежа обороны) четыре раза пересекалась одной и той же, своенравно петляющей рекой Быстрицей-Надвурнянской.

— Саша, как ты думаешь, если эти мосты взорвать, смогут пройти немецкие танки? — спросил начштаба.

— Нет, — ответил Берсенев с уверенностью.

— Тогда немедленно высылай минеров, пусть взрывают мосты!

— Будет сделано, — кивнул Саша.

— Одновременно высылай и разведку в Надвурную. Эту дорогу мы должны держать под наблюдением постоянно.

— Понятно, — Берсенов прищурился, словно читал мысли своего командира.

После этой рекогносцировки начштаба тут же собрал ротных командиров и отправился с ними на другую, вторичную рекогносцировку — на уже выбранные им рубежи для обороны, чтобы на месте определить, где и как лучше расположить роты и огневые средства; согласовать и отработать взаимодействие.

По замыслу начштаба партизанские роты должны были занять оборону на горных скатах по обе стороны дороги, образуя для противника «мешок»: справа — 1-я рота кролевчан, слева — 4-я, за ними, во втором эшелоне, в трехстах метрах, 2-я и 3-я роты. Весь расчет построен на внезапности: противник, ничего не подозревая, следует в походной колонне с разведкой; партизанские роты, ни в коем случае не обнаруживая себя, эту разведку должны пропустить (ею еще успеют заняться роты второго эшелона). А когда в «мешок» втянется вся немецкая колонна, партизаны уничтожат ее внезапным огнем.

— Понятно? — объяснив свой план, спросил начштаба.

— Замысел-то ясен, — ответил новый командир 4-й роты, сменивший убитого Труханова — кадровый офицер Федор Сивопляс. — Лишь бы только немцы не обнаружили нас раньше времени.

— Верно, — согласился с ним начштаба. — Вот для этого и необходимо тщательно замаскироваться и иметь хорошее наблюдение, разведку. Первое вы обеспечиваете сами, своими силами. Во втором нам всем поможет Берсенов.

— Ясно, — сказал Сивопляс.

— В общем, ситуация такая, друзья, — невольно вздохнув, произнес начштаба. — Если хватит у нас выдержки подпустить голову вражеской колонны вон до того здоровенного камня — тогда больше одной атаки в день немцы не предпримут. Не хватит выдержки — придется драться весь день, зря терять людей...

Ротные молча переглянулись.

— Ясно, — опять ответил за всех Сивопляс, человек спокойный и опытный, служивший до войны на границе.

— Ну вот и хорошо. Ваша автоматная очередь,— обратился начштаба к Сивоплясу,— будет сигналом для открытия огня.

— Есть! — вытянулся Сивопляс во весь свой гвардейский рост.

— К вечеру все роты должны занять свои места и быть готовы к отражению удара,— предупредил начштаба.

...Утром 25 июля, как он и предполагал, гитлеровцы пошли в наступление. Сначала ко взорванному мосту подъехали две танкетки. Танкисты осторожно вылезли из машин и, оглядываясь по сторонам, быстро осмотрели обрывистые берега реки. Затем сразу же укатили обратно. Примерно через час к мосту подъехало около пятидесяти машин с пехотой, пушками, минометами. Артиллерия немедленно стала занимать огневые позиции для стрельбы. Пехота выгрузилась и начала переправляться вброд через Быстрицу-Надвурнянскую, которая, как большинство горных рек, была неглубока.

Четыре раза вброд пришлось карателям перебираться через одну и ту же своенравную извилистую речушку, так как все мосты здесь были уже взорваны минерами Берсенева.

За манипуляциями противника зорко следили разведчики. И как только вражеская пехота переправилась через Быстрицу в последний, четвертый раз, они передали ротным наблюдателям: «Внимание! Немецкая колонна движется к вам».

Засевшие за камнями партизаны напряженно всматривались туда, откуда должны были вот-вот появиться гитлеровцы.

— Идут, иду-ут! — передали слева по цепи Сивоплясу.

Вскоре он и сам увидел: одно отделение гитлеровцев шло гуськом по правой стороне дороги, другое — по левой. Впереди — автоматчики, изготовившиеся к бою: указательный палец у всех — на спусковом крючке. За широкими голенищами сапог у каждого немецкого солдата было по сумке с тремя запасными обоймами. Сразу же за автоматчиками двигались пулеметчики, тоже в боевом порядке: пулемет — на ремне, на правом плече, в горизонтальном положении,— стреляй хоть сейчас.

В партизанской цепи наступила напряженная, томи-

тельная тишина. «Дозор», — отметил про себя лейтенант Сивопляс, чувствуя, как в висках его пульсирует кровь. За вражеским дозором, в полутора сотне метров, показалась колонна. Двигалась она медленно, настороженно. До слуха Сивопляса донеслись постукивание кованых солдатских каблуков о гальку и лязг амуниции.

Колонна противника двигалась молча. (Обычно немцы галдели, как гуси, а эти были очень насторожены). Вот дозор поравнялся с большим камнем, который торчал горбом у дороги. Дозор ненадолго задержался здесь: фашистские солдаты осторожно заглянули за камень и обошли его. Косясь на горные скаты, густо поросшие кустарником, они двинулись дальше.

«Идите, идите, — кивнул им вслед Сивопляс. — Там вас встретят, как положено!» — Он повернул голову влево, провожая взглядом колонну гитлеровцев, которая уже начинала втягиваться в партизанский «мешок». Она ползла медленно, осторожно — так змея подкрадывается к своей добыче.

«Пора!» — сказал себе Сивопляс и нажал на спусковой крючок. Автоматная очередь гулкой барабанной дробью распорола тишину и тут же потонула в страшном громе множества пулеметов и автоматов.

Немцы не смогли ни развернуться в боевой порядок, ни даже открыть ответный огонь. Они попали под уничтожающий смертоносный ливень на узкой ленте дороги, огражденной с двух сторон каменистыми скалами. И свернуть влево или вправо было невозможно: с обеих сторон, сверху, из-за скал хлестали партизанские пулеметы и автоматы. Стрелял каждый камень... Применить артиллерию немцам не удалось. Правда, спустя полчаса они все же выпустили наугад несколько снарядов, которые разорвались где-то на вершинах гор, не причинив партизанам никакого вреда.

По документам убитых гитлеровцев установили, что наступал 13-й СС полк. Почти половина этого полка осталась лежать на дороге. Остальные каратели удрали, кто куда, пленных не было.

Вскоре разведчики Берсенева доложили: немцы собрались у своих машин и укатили в Надвурную. Повторять атаку на невидимых партизан им явно не хотелось.

В полдень начштаба собрал своих командиров на совет. Чувствовалось, что все повеселели от успеха.

— Думаю, больше тринадцатый СС полк на нас уже не полезет! — сказал, обмахиваясь своей выгоревшей фуражкой, Федя Сивопляс.

— Другой полезет, если не этот... — заметил молодой светловолосый командир 1-й роты Коркишко, тоже отличившийся сегодня.

— Это, конечно, верно, — поддержал его начштаба. — Но вывод прост: надо и другой полк встретить точно так же.

— Пожалуй, уже не удастся, — после некоторого раздумья проронил Сивопляс. — Пуганая ворона и куста боится!.. Теперь противник знает нашу оборону и в колонне не пойдет.

— А если мы встретим их на новом рубеже?.. — задал ему вопрос начштаба с дружеской подковыркой. — Зачем же нам шаблон в этом деле?

Начальник штаба рассуждал так: верные своим стандартным приемам фашисты попытаются, конечно, захватить этот, сегодняшней, рубеж с боем. Но увидев, что партизаны ушли, каратели свернут пехоту опять в колонну и осторожно двинутся дальше. Стало быть, надо встретить их где-то на другом рубеже, чтобы снова бить врага в походной колонне.

Вечером начштаба отвел свои роты почти на полтора километра назад, расположив их, как и в первый раз, подковой. А Берсеневу сказал:

— На тебя, Саша, возлагаются три задачи! Первая и главная — своевременно информировать меня о действиях противника. Вторая задача — в ходе разведки, ночью, при обнаружении противника в Пниве или тем более в восточной части Пасечной обстрелять его: чтобы всю ночь немцы не спали...

— Только для выполнения второй задачи прошу дать мне медсестру, — вставил Саша, привыкший разрешать все вопросы сразу, на ходу. — Дело будет рискованное.

— Да, медсестра в таком деле может понадобиться, — согласился начштаба. — Возьмешь Юлю Устенко из четвертой роты.

— Порядок! Юля нигде не подведет, — с уверенностью сказал Берсенев, не однажды посылавший ее в разведку.

— И третья твоя задача, Саша: завтра с утра организовать две небольшие засады, по отделению каждая.

Одну устроишь в том самом месте, где мы расчехвостили вражескую колонну! А другую — давай где-то посредине между прежним и этим рубежом. Задача: когда немцы побегут, ты «поможешь» им, чтоб удирали поскорей и подальше.

Берсенева кивнул в знак согласия. Левый глаз его весело прищурился, словно предстояла Саше озорная проделка...

В полночь со стороны Надвурной донеслась густая стрельба. Это разведчики Берсенева, дразня противника, заставили его стрелять впустую почти до рассвета. А утром Саша доложил: его помощник Михаил Юркевич (тоже, кстати, первоклассный разведчик) проник в темноте с целым отделением в деревню Пнив, где только что расположились каратели, приехавшие из Надвурной — и хорошенько пугнул их из автоматов. Немцы подняли в неразберихе отчаянную стрельбу...

Примерно около восьми утра противник открыл мощный артиллерийский и минометный огонь. Снаряды и мины рвались где-то впереди. «Значит, я не ошибся, — с удовлетворением отметил про себя начштаба, — немцы решили брать наш вчерашний рубеж с боем».

— Ребята, внимание! — посмеиваясь, объявил своим гулким басом Виктор Жуков. — Фрицы готовятся брать штурмом нашу вчерашнюю оборону.

— Пускай лезут! — весело ответили ему несколько голосов. — Пусть, как дураки, в открытую дверь ломаются.

Повторенные горным эхом, до слуха кролевчан донеслись густая пулеметная и автоматная стрельба, разрывы гранат.

— Вот дают жару! — радовался смешливый молодой минер Миша Назаренко. — Вот шпарят в белый свет!.. Зато на нашу долю меньше достанется.

Примерно через час все стихло. А затем все произошло точно так, как вчера утром. Точно так же каратели снова попали в партизанский «мешок». Точно так же были разгромлены в походной колонне, как и накануне. И точно так же бегом удирали обратно те, кто уцелел, — даже еще ретивей, потому что им «помогали» бежать разведчики Берсенева, поливавшие их автоматным огнем.

На этот раз в партизанскую ловушку попал 26-й СС полк.

Было еще только десять утра. Начальник штаба сидел

у дороги на камне и соображал: «Раньше, чем через четыре часа, каратели не смогут повторить атаку. Но за эти четыре часа они успеют подбросить подкрепление из Надвурной и до вечера еще хоть раз попытаются атаковать нас. Где же снова их лучше всего встретить? Как обмануть?»

Ему было ясно, что теперь, еще раз брать с боем вчерашний его рубеж немцы не станут. Они, конечно, уверены, что после сегодняшнего боя партизаны отойдут дальше. И стало быть, до второго, то есть сегодняшнего, рубежа вражеская колонна будет двигаться беспечно, в походном порядке. Встречать противника надо снова на первом рубеже, а еще лучше — вынести засаду метров на двести вперед.

Расчеты начальника штаба подтвердились полностью. В 16.00 фашисты начали наступление, но встреченные на новом рубеже огнем кролевчан покатались обратно, после чего уже до вечера не пытались атаковать отряд.

Вечером партизанские роты опять отошли на новый рубеж...

А ночью откуда-то с севера небо рассекли несколько оранжевых веерных вспышек. Вслед за ними прокатились по горам взрывы, и весь горизонт зажегся багровым заревом.

— Что это?! — восклицал в изумлении Николай Григорьевич Панков — бессменный ездовой комбата Кудрявского, сейчас добровольно исполнявший при своем раненом командире обязанности сиделки. — Вот диво-то! Отродясь такого не видывал!

— Это шалыгинцы... взорвали нефтяные вышки, наверное... — с трудом проговорил Кудрявский (все лицо его было в бинтах). — Матющенко поработал!

Да, это горела нефть в Быткуве, та самая нефть, которая до зарезу нужна была гитлеровским войскам.

— Ну и ну!.. — протянул ездовой, сдвигая на затылок шапку. — Крепко горит!.. Аж ночь стала светлей.

А вскоре такое же громадное зарево вспыхнуло на востоке в Яблнове. За трое суток было взорвано тридцать три нефтяные вышки, тринадцать нефтехранилищ и два нефтеперегонных завода... Партизанская иллюминация удалась на славу. Она изрядно испортила настроение гитлеровским генералам...

Утром на третий день Кролевецкий отряд ждал нем-

цев на очередном, уже четвертом рубеже. В 8.00 Саша Берсенев доложил начальнику штаба:

— В Пасечну снова подошли две танкетки, около ста автомашин с пехотой и артиллерией. Начали переправляться через реку.

— Пусть переправляются,— спокойно ответил начштаба. Он ждал этого давно, еще со вчерашнего вечера, зная, что теперь фашисты не остановятся ни перед чем. Какой же рубеж они начнут атаковать? От этого зависело, удастся ли отряду выстоять еще один — третий день.

А через час из Пасечной донеслись разрывы фашистских снарядов и мин.

— Ребята, кончай дрыхнуть! — послышался звонкий голос Юли Устенко.— Вон фрицы готовятся снова нас атаковать.

— Нет, похоже, что они опять собираются брать тот рубеж, с которого драпали вчера вечером. Так что до нас еще не скоро доберутся,— ответил Сивопляс.

Начштаба облегченно вздохнул: хитрость удалась. Фашисты в самом деле, кажется, ломаются в открытую дверь. Значит, и все последующие его опустевшие рубежи они теперь станут «брать» с боем?.. Вот было бы хорошо!

Спустя четверть часа по горным вершинам покатилося далекое эхо вражеских пулеметных и автоматных очередей...

Так, стреляя впустую, фашисты брали штурмом все три оставленных еще вчера партизанами рубежа. Лишь к 12.00 гитлеровцы, израсходовав почти все боеприпасы, достигли наконец своей цели: встретились с партизанами. Да только сделать с ними ничего уже не могли, ибо сами оказались в западне. Целый батальон отборных эсэсовцев лег, скошенный на дороге.

Командование противника тут же бросило в атаку следующую, второй батальон. Партизаны и его прижали к земле. Тогда противник открыл бешеный огонь из пушек и минометов. Послал пехоту в обход кролевчан — по горным вершинам, чтобы оттуда ударить во фланг партизанским ротам и сбить их с горных скатов на дорогу.

Но немецкие снаряды и мины сейчас не причиняли особого вреда кролевчанам, которые сидели в каменистых щелях, как в дотах. А на вершинах гор, на флангах 1-й и 4-й рот, карателей заранее поджидали партизаны. Начштаба еще на рассвете послал туда по усиленному

взводу от 2-й и 3-й рот, находившихся во втором эшелоне.

Пять раз бросались немцы в атаку на партизан — и откатывались назад. Наконец под вечер, когда Саша Берснев со своими разведчиками обошел противника лесом и ударил из автоматов по колонне, спешившей на исходное положение для очередной, шестой атаки, немцы растерялись и побежали в панике... Побежали прямо в Надвурную. И больше наступать уже не пытались.

Оказывается, гитлеровские вояки, так любившие обходы и охваты, сами боялись их, как черт ладана... Да и не мудрено: три эсэсовских полка (13-й, 24-й и 26-й) потеряли чуть ли не половину личного состава, так и не увидев партизан.

Кролевецкий отряд в этих трехдневных боях потерял всего четырех человек убитыми.

Вечером того же дня соединение Ковпака, уже успев переоборудовать обоз, поменяв громоздкие повозки на двуколки и вьюки, двинулось дальше — к горным вершинам.

На дневку расположились у самой венгерской границы — в густом еловом лесу, надежно укрывавшем партизан от ударов с воздуха. Фашистские самолеты не появлялись. Наступила долгожданная передышка. Наконец-то после двухнедельных изнурительных боев и торопливых маршей можно было спокойно полежать на сухой, мягкой, как бархат, траве и во всю грудь вдыхать чистый пьянящий горный воздух. Партизаны чинили изорванную о кустарник одежду, чистили оружие...

Ковпак считал, что карательные войска, получив серьезный удар, оставят его хоть на время в покое. Но в полдень партизанская разведка принесла весьма неутешительные вести.

— Немцы, в основном альпийские части, углубились в горы со стороны Яремчи и Делятина. Отсюда они начали проческу лесного массива. Идут с юга и юго-востока на север, — доложил Вершигора командованию. — А навстречу этим частям движутся с севера другие альпийские части, тоже ведущие проческу. Зеленая, Пасечная, Пнив, Надвурная, Лоева, Делятин, Дора, Яремча забиты войсками.

— Значит, пахнет окружением? — спокойно произнес Базыма и поднял глаза на комиссара, сдвинув на лоб очки.

— Похоже на то, — ответил Руднев, и на щеке его беспокойно шевельнулась ямочка — след зажившего уже ранения.

Ковпак молчал.

— Что будем делать, товарищи? — спросил комиссар, обращаясь ко всем сразу. — Где выход?..

— А не рвануть ли нам в Венгрию? — как бы шутя, спросил Вершигора. — Может, благодаря такому маршманевру мы ускользнем от гитлеровских дивизий? Может, хоть в Венгрии немцы оставят нас в покое? Все-таки вроде другое государство. Пока немецкие войска будут нас искать здесь, в Карпатах, мы сманеврируем аж вон куда!..

Петр Петрович задумчиво прищурил глаза, затем добавил:

— И заодно мы поможем нашим чехословацким и венгерским товарищам проскочить в свои родные края для организации там подпольно-партизанской борьбы.

— А что? Может быть, такой маневр в Венгрию — это и есть выход... — вдруг поддержал его Руднев. — Как потвоему, Сидор Артемович? Тактика эта уже испытана нами: господа оккупанты обожают всякие «междуведомственные» границы. До сих пор ведь, уходя с территории одного гебитскомиссариата на территорию другого, мы, как правило, отрывались от противника...

Ковпак продолжал молча курить толстую самокрутку, что-то обдумывая. Потом сухо бросил:

— Хай будэ грэчка! — что означало «согласен».

Тут же были срочно сформированы две группы: словацкая и венгерская, состоявшие из солдат, которые, подобно Андрею Пальше, сами пришли в партизанское соединение...

Узнав обо всех этих приготовлениях, разведчик Алексей Журов, в прошлом пограничник, прибежал к начальнику штаба Кролевецкого отряда.

Еще издали увидев долговязого, бесшумно пробирающегося по камням Журова, начштаба обрадовался:

— Здоров, Леша! Чего здесь бродишь?

— Пришел вот посмотреть на свою заставу!.. — ответил как-то нервозно Журов.

— На какую заставу? — не понял начштаба.

— На свою родную пограничную заставу, в Надвур-
нянском погранотряде, где я два года служил ветфельд-
шером и где застала меня война,— объяснил Журов с
тревогой в голосе.— Поэтому я и пришел к вам, товарищ
капитан. Вы тоже пограничник и знаете лучше, чем кто-
либо, что такое граница, что значит — нарушить ее!.. По-
пробуйте доложить командованию. Ведь меня, рядового
разведчика, не послушают!

— Да что случилось? Чем ты так встревожен?

— Наше командование решило ночью перейти гра-
ницу и скрыться в Венгрии.

— Ну и что же?

— Что?! — воскликнул Леша.— Да ведь это значит:
вызвать против себя вооруженные силы другой страны.
Разве мало нам того, что немцы лезут на соединение со
всех сторон? А тогда еще и из Венгрии добавится столь-
ко же!..

Алексей Журов, обычно спокойный, даже несколько
флегматичный внешне, сейчас был встревожен — но бес-
покоился он не за себя. «Кажется, Журов прав»,— мельк-
нуло в голове у начштаба кролевчан. И он решил доло-
жить об этом разговоре командованию.

Штаб Ковпака расположился на небольшой горной
террасе, в тени голубоватой ели. Все сейчас сосредото-
ченно трудились. Базыма что-то писал, полулежа у кро-
хотной палатки. Его помощник Войцехович сидел тут же
на пеньке и, поставив на собственные колени пишущую
машинку, уже выстукивал приказ на бой и марш. Ковпак
и Руднев чуть в стороне от других рассматривали топо-
карту.

Подсев к Базыме, начштаба кролевчан без обиняков
спросил:

— Григорий Яковлевич, это правда, что решено идти
в Венгрию?

— Да, а что? — подняв голову, Базыма удивленно
сверкнул очками в лучах въедливого горного солнца.

— Мне кажется, сейчас этого делать нельзя.

— Почему?

— Венгрия сейчас под властью фашистов, она — со-
юзник Гитлера. И идти в Венгрию — это значит нарушать
границу, верно?

Базыма кивнул в знак согласия.

— А вы знаете, что значит нарушить границу? Она ведь охраняется! Тут рядом — застава...

Руднев вдруг оторвался от топокарты и стал настойчиво прислушиваться.

— Подумаешь — застава! — вмешался второй помощник Базымы, Федор Горкунов, который командовал знаменитым партизанским парадом в Лоеве 7 ноября 1942 года. — Мы раздолбаем эту заставу в две минуты!..

По лицу комиссара пробежала улыбка. Он очень любил Горкунова за смелость. К тому же Федя Горкунов, рискуя головой, спас от верной гибели семью комиссара, которая не успела эвакуироваться и ранней весной сорок второго года под Путивлем чуть было не попала в лапы к фашистам.

— Заставу-то мы раздолбаем. Может быть, даже в одну минуту, — спокойно согласился с Горкуновым начштаба кролевчан. — Что нашим хлопцам каких-то два десятка солдат?.. Да в задачу погранзаставы и не входит задерживать нас! Главная ее задача — предупредить свое правительство и, следовательно, вооруженные силы о вторжении... И через десять минут после сигнала тревоги, максимум через полчаса нам преградят путь дивизии Хорти! Понял?.. Не веришь мне — спроси у своего разведчика Журова, что такое охрана границы. Он сам пограничник и, кстати, до войны служил здесь же, на этой заставе... Вот и подумаем: надо ли, когда на нас навалилось столько немецких дивизий, вызывать еще и венгерские?

Горкунов молчал, нахмутив колючие, ершистые брови.

— Ладно, — сказал Базыма непрошеному советчику. — Мы подумаем над этим. А сейчас не мешай работать.

Начштаба Кролевецкого отряда ушел. На душе у него было нехорошо. «Не сумел убедить!» — досадовал он на себя.

...В полночь 4-я рота Путивльского отряда, наблюдавшая за вражеской пограничной заставой, внезапным ударом в несколько минут уничтожила два десятка солдат. Авангард ковпаковской колонны в составе 3-й, 4-й, 5-й и 8-й рот Путивльского отряда под общим командованием Вершигоры двинулся вперед. От заставы, где прошли партизаны, остались разбитые радиоприемники да рассыпавшиеся консервные банки.

Путь в Венгрию, казалось, открыт. Ковпак уже дал

команду двигаться главными силами соединения, как вдруг впереди вспыхнула жаркая перестрелка. Пришлось задержаться. Оказалось, на пути ковпаковского авангарда появились войска Миклоша Хорти — целый пограничный полк... А к утру подошло еще два полка. И хуже всего было то, что они успели отрезать самые боеспособные роты путивлян. Ковпаку не оставалось ничего другого, как бросать в бой дополнительные силы, чтобы выручить попавший в клещи авангард.

В штабе Ковпака серьезно задумались. Наконец к Вершигоре был послан связной — «сын полка», смелый подросток Миша Семенистый — с приказанием отходить обратно.

К концу дня Вершигора вырвался со всеми своими ротами из вражеского кольца. Но какой ценой?.. Ковпаку пришлось ввести в действие главные силы соединения, над которым теперь нависла угроза полного окружения. С запада партизан атаковали полки фашистского диктатора Венгрии — Миклоша Хорти. С востока, с горных вершин наседали альпийские полки генерала Крюгера. И все эти войска были специально обучены для действий в горах, вооружены до зубов...

По существу, ковпаковцы задание ЦК партии выполнили: удар по важнейшим коммуникациям врага был нанесен, карпатская нефть уничтожена, народ Закарпатья поднят на борьбу. Теперь задача ковпаковского командования состояла в том, чтобы спасти личный состав изрядно потрудившегося соединения. Надо было быстрее отрываться от противника и, совершив новый марш-маневр, опять уходить в другой район. Но как?.. Куда уйдешь по горам, без дорог, с таким громоздким обозом и артиллерией?

В полдень Ковпак отвел в сторону Руднева и сказал ему:

— А знаешь, Сэмэн, нам придется расстаться с обозом и артиллерией!

Руднев вздрогнул: хотя он тоже думал обо всем этом, но никак не мог примириться с мыслью, что придется пожертвовать обозом и даже пушками.

— А как же наши раненые?.. Как боеприпасы?.. — спросил он с болью в голосе.

Ковпак задумался. Ему тоже было тяжело. Но решение пришло быстро:

— Легкораненые пойдут пешком или поедут верхом на лошадях. А лежащих придется нести. Сделаем самодельные носилки и понэсэм. Снаряды и мины выпустим по противнику — устроим ему на прощание партизанский концерт!.. Патроны роздамо бойцам на руки, а взрывчатку навьючим на коней.

Как ни горько было расставаться с обозом и особенно с пушками, Руднев вынужден был согласиться на это. Командирам отрядов срочно послали приказание: к 18.00 все пушки и минометы с расчетами и боезапасом передать в распоряжение майора Анисимова, а в 21.00 подготовить из плащ-палаток носилки для переноски тяжело раненых.

Винтовочные и автоматные патроны решено было раздать личному составу — не менее пятисот штук на бойца (изрядная тяжесть для пешего, да еще в горах), а взрывчатку предстояло перевозить во вьюках.

Все ковпаковцы понимали: такова жестокая необходимость.

И вот вечером 29 июля Карпаты вдруг разразились громом партизанских орудий и минометов. Казалось, само небо и горные вершины обрушились на врага. Слушая этот дьявольский грохот и наблюдая за разрывами мин и снарядов в расположении противника, уставшие, голодные ковпаковцы кричали от радости:

— Ура!.. Вот это — концерт!

Впервые за войну (после Серединабудской операции, когда Ковпак заставил всех до единого взять оружие и стрелял сам как рядовой боец) ковпаковцы слышали такой артиллерийский залп. Часа три лупили партизанские пушкарки по солдатам Хорти: минами, снарядами, всем боезапасом, который невозможно было унести с собой на плечах.

— Молодцы артиллеристы! Хорошо сыплют!..— восхищались ковпаковцы.

Когда заговорила партизанская артиллерия, венгерские пограничники сразу прекратили стрельбу. Казалось, от неожиданности их охватил нервный шок...

Наконец гром ковпаковских орудий и минометов умолк. Потом прогремели один за другим, в боевой перекличке полтора десятка взрывов: это минеры уничтожали всю артиллерию, чтобы она не досталась врагу.

В темноте, навьючившись до отказа патронами и взяв

на руки тяжело раненных товарищей, ковпаковцы двинулись снова в путь, рассчитывая за ночь оторваться от противника. Но на следующее утро выяснилось, что соединение — в двойном кольце. Одно — внутреннее кольцо блокады противника проходило в горах, а второе — внешнее по линии: Зеленая, Пасечная, Пнив, Надвурная, Лоева, Делятин, Дора, Яремча.

Увидев, что партизаны окружены, гитлеровское командование решило сразу же разделаться с ними. Утром 30 июля немцы начали яростные атаки на землю и удары с воздуха. Девять «юнкерсов» с раннего утра до позднего вечера остервенело бомбили горы. Потерь, правда, от этой бомбежки было немного, но она изматывала бойцов, и без того уже утомленных непрерывными боями, тяжелыми горными переходами и голодом. Голод, пожалуй, был сейчас мучительней всего: фашисты угнали с гор весь скот, не пожалев мирное население. Есть людям было нечего, кроме диких лесных ягод.

На четвертые сутки, к вечеру 2 августа, немецким войскам удалось предельно сжать кольцо вокруг ковпаковцев в районе гор Шевки и Синички. Вечером противник прекратил даже атаки: наутро гитлеровцы готовили последний, завершающий штурм...

А ночью ковпаковцы нашли лазейку: это было узкое, заросшее кустарником ущелье, по обоим склонам которого, на самом верху, расположились вражеские засады. В темноте, под шум бурливого ручья партизаны по дну ущелья незаметно выскользнули из внутреннего вражеского кольца и, совершив труднейший, почти тридцатикилометровый горный переход, остановились утром на окутанном облаками Вовтаруве, северо-западной городка Делятин.

3 августа с вершины Вовтарува ковпаковцы, посмеиваясь, наблюдали, как немцы штурмуют оставленные уже Ковпаком лесистые высоты и как старательно бомбят на этих высотах свои же, фашистские войска...

Позже разведка глуховчан во главе с начальником штаба отряда Иваном Ерофеевичем Лисицей обнаружила следы химической бомбежки. Найдены были даже стаканы химбомб — безобидные с виду штучки правильной цилиндрической формы, по пять сантиметров длиной. Но вся растительность там, где разорвались эти снаряды, была сожжена дотла. А погибшие лошади, которых ви-

дели партизаны в районе Шевки и Синички, застыли на коленях, в странных конвульсивных позах...

В тот же день, 3 августа, немецкие самолеты разбросали по всей Станиславщине листовки, в которых оккупанты сообщали, что в горах уничтожено опаснейшее советское партизанское соединение Ковпака и Руднева. Не могли же гитлеровцы объявить во всеуслышание, что «доблестные» войска фюрера лупили из пушек по своим и что на горе Шевке и на Синичке самолеты генерала Крюгера обработали химическими бомбами не партизан, а свои же части.

Партизанское соединение сейчас отдыхало на горе Вовтарув. Ковпак и Руднев с кудрявой, кое-где облысевшей вершины ее, рассматривали в бинокль Делятин, разбросанный внизу у серебристого Прута. Они прикидывали: как вывести свои отряды и из второго — внешнего кольца двойной вражеской блокады? Конечно, можно было опять попытаться выползти ужом из петли, как это сделали в прошлую ночь. Теперь, без громоздкого обоза, сделать это было даже легче. Но тут вдруг в полдень разведчики доложили Ковпаку, что в Делятине находится штаб самого генерала Крюгера.

И Ковпак, верный своему дерзкому боевому почерку, решил обрушиться на Делятин, «раздолбать» штаб, а если удастся, свести счеты с самим генералом. Случай для этого был как нельзя более подходящий: все карательные войска еще находились в горах, а в самом Делятине штаб-квартиру генерала охраняли несколько танков и батальон эсэсовцев.

План захвата Делятина был, как почти все операции Ковпака, прост и точен. В час ночи Путивльский и Шалыгинский отряды под общим командованием Вершигоры атакуют город и овладевают северной его частью, в том числе мостами на железной и шоссейных дорогах Делятин — Надвурная, Делятин — Коломыя, и уничтожают эти мосты. Затем шалыгинцы становятся заслоном на этих дорогах. Путивльский отряд, овладев мостом на реке Прут и местечком Заречье, пропускает все соединение в Ославы Белые; Глуховский и Кролевецкий отряды во главе с Петром Кульбакой овладевают южной частью города и железнодорожной станцией, уничтожают мосты

на железной и шоссейной дорогах Делятин — Яремча и, оставив заслоном на этих дорогах Кролевецкий отряд, не задерживаясь, движутся на мост через Прут — на Заречье, Ославы Белые.

До Делятина, который с вершины горы Вовтарув был виден как на ладони, по извилистым пастушьим тропам оставалось еще часа четыре ходу.

Вечером перед маршем батальоны по приказу Ковпака выстроились на небольшой площадке в ротные колонны. Лица у всех ковпаковцев были суровые, изможденные. Люди понимали: предстоит решающий, а может быть, и последний бой.

Руднев, от которого все ждали сейчас какого-то особого, очень важного слова, шагнул вперед. Легко вскочил на гранитную глыбу, круто возвышавшуюся над дорогой. Багровое солнце уже совсем почти скрылось за горы, и в этот предвечерний час лицо комиссара и вся его сильная, устремленная вперед фигура казались высеченными из камня.

— Товарищи! Друзья мои!.. Мы не хотим скрывать от вас правды. Пусть горькая, но правда: мы окружены. У нас есть только один выход: атаковать гитлеровцев в Делятине, уничтожить их и вырваться из вражеского кольца! Я знаю: это нелегко. Мы уже четверо суток ничего не ели и многие из нас едва держатся на ногах.— Комиссар сделал паузу, обвел весь строй суровым и в то же время доверчивым, добрым взглядом. Потом добавил: — Возможно, не всем нам удастся вырваться из этой петли. Возможно, и я говорю с вами в последний раз. Но другого выхода нет! Вперед, друзья!

Руднев повернулся и вытянул руку, показывая путь к Делятину.

— Напоминаю еще раз всем командирам о точном выполнении приказа,— спокойно и требовательно предупредил Ковпак.— В городе ни в коем случае не задерживаться, в дома не заходить. Продолжать движение без остановки по указанному маршруту...— Он тоже обвел суровым взглядом выстроившиеся партизанские роты и по-отечески добавил: — А теперь, ребятки, шагом-арш!

Его команду подхватили слева и справа командиры отрядов.

Обе ударные группы двинулись вниз, к цели. Люди нагрузились боеприпасами, сколько хватало сил: у некото-

рых было сейчас до тысячи штук патронов — в вещмешке, за поясом, в карманах. Боезапас означал жизнь. Но двигаться с грузом в пятнадцать-двадцать килограммов ночью, да еще в горах было нечеловечески трудно.

Группа Вершигоры, в которой находилось и командование соединения, пошла по старой, брусиловской дороге, оставшейся здесь со времен первой империалистической войны. Группа Кульбаки продвигалась без дороги вообще, еле заметными даже днем пастушьими тропами.

Кролевецкий отряд шел головным во второй ударной группе. Раненые обоих отрядов следовали в арьергарде под прикрытием взвода глуховчан: кого поддерживали на ходу товарищи, а кого и несли на руках... Колонну вел начштаба Кролевецкого отряда. (Вот когда пригодились ночные занятия, особенно — хождение по азимуту, так полюбившиеся ему еще до войны, в пограничном училище!).

Только спустились с вершины Вовтарува и втянулись в густой молодой сосняк — стемнело. Да так вдруг, словно кто-то накрыл и этот лес и стоявшие вокруг горы плотным рядом. Двигаться пришлось на ощупь, без дороги, по крутым скалистым склонам и лесному бурелому.

— Главное, чтоб не разорвалась колонна! — шепнул с беспокойством начштаба шагавшему рядом Берсеневу (несмотря на свой огромный рост ходил Саша по-кошачьи легко и тихо).

— Не разорвется, — успокоил его Берсенев. Но тут же бросил через плечо своему помощнику — Юркевичу: — Передай по колонне, чтоб держались друг за друга!

Только к часу ночи кролевчане кое-как выбрались из этой чащобы, словно из подземелья, на какой-то голый хребет. Стало немножко светлее. Впереди внизу показалось несколько бледно-желтых огоньков — верный признак человеческого жилья.

«Неужели там вдали — огни Делятина? — встревожился начштаба. — Ведь до тех огоньков еще идти и идти. А через семь минут — атака». Он не знал, что этот случайный свет мельтешит где-то на противоположной окраине города.

— Шире шаг! — скомандовал начштаба. И тут же услышал в ответ:

— Второй батальон отстал!

«Только этого и не хватало!» — подумал он.

— Что же теперь? Будем ждать? — спросил Берсенева.

— Ни в коем случае!.. Через пять минут атака. Надо спешить на исходный рубеж. Может быть, мы хоть одним батальоном успеем подойти туда и поддержать удар первой группы. А если будем сейчас ждать Кульбаку, все споздаем...

Но тут из темноты, словно из-под земли, вырос Вася Лавринец — разведчик Берсенева и доложил обрадованно:

— Товарищ капитан! Делятин рядом. Осталось пройти метров двести вниз, и сразу у обрыва начинаются дома.

— Ну, теперь порядок! Подойдем вплотную и будем ждать сигнала. Командиров рот — в голову колонны! — распорядился капитан и, пройдя к самому обрыву, остановил батальон.

Надо было дать людям хоть немного прийти в себя, а главное — уточнить задачу ротам: если глуховчане не подоспеют вовремя, придется действовать самим за два батальона. Начштаба осторожно осветил циферблат часов фонариком, зажатым в кулаке. Было уже четверть второго. 1-й и 3-й батальоны пока молчали. «Значит, и они тоже задержались, — обрадовался он в душе. — Может, еще успеют глуховчане догнать нас до начала атаки». А собравшимся вокруг него командирам сказал:

— Если Кульбака со своим батальоном не подойдет, будем атаковать одни. Первая, вторая и третья роты — в границах действия своего батальона — захватывают железнодорожную станцию, железнодорожный и шоссейный мосты на реке Пжемыска южнее станции, взрывают их и остаются там заслонами. Четвертая рота и разведрота действуют в границах задачи второго батальона. Ясно всем?

— Ясно, — ответили ротные.

— Саша, минерам ты задачу поставил? Взрывчатку подготовили?

— Все сделали как надо, — спокойно ответил Берсенева.

Начштаба хотел еще дать несколько указаний своим ребятам по взаимодействию, но в это время слева, с северной окраины города, донеслись густые очереди отечественных автоматов.

— О, первый и третий батальоны уже штурмуют! — по слуху определил Сивопляс.

— Что же, начнем и мы, — сказал начштаба. — Вперед!.. Только никаких «ура». Я — с четвертой ротой.

Едва партизанская цепь спустилась с обрыва, растворившись в предрассветной темноте, как тут же внизу дружно заговорили автоматы ППШ, слившись в единую симфонию, начатую одновременно с юга и севера Делятина. Через минуту привычные и такие родные партизанам голоса этих автоматов уже раздавались по всему городу, словно перекликались проснувшиеся коростели на лугу.

Вдруг рядом слева загрохотали разрывы противотанковых гранат. Автоматы зафыркали еще азартнее, еще напряженнее. «Это у Саши!» — молнией пронеслось в голове начштаба.

— Сивопляс, продолжай так до самой реки! А там, на берегу Прута, остановишься, подождешь меня, — сказал начштаба командиру 4-й роты. — Я посмотрю, что там у Берсенева стряслось. Только не теряй связи с третьей ротой!

Когда начштаба подошел к разведчикам, стрельба там уже прекратилась и Берсенев отдавал распоряжение своему помощнику:

— Юркевич, собирай ребят — и вперед! — Увидев подошедшего начштаба, доложил: — Понимаете, упустили генерала!.. Оставил нам на память только свои лампы...

И Саша поднял вверх генеральские штаны. А потом, уже на ходу, шагая за своим взводом, добавил с обидой и насмешкой одновременно:

— Досада-то какая! Упустили зверя!.. Если бы мы знали, что именно здесь, в этом доме, его штаб-квартира, он бы от нас не ушел. А то ведь никто не знал. Только мы спустились с обрыва к этой церквушке и дому, где живет поп, вдруг ребята говорят: «Танки!» Пригляделся я: верно. Один танк — на дороге под самым обрывом, второй — ниже. И к этим танкам уже бегут экипажи, видно, разбуженные стрельбой. Ну, мы сначала прикончили этих танкистов, а потом гранатами — танки... И вот, пока мы разделялись с танками, генерал без штанов выскок из окна и удрал в бронемашине. Мы и не заметили ее сначала в тени дома. Смотрался, гад!

— Только накануне объявившие об уничтожении «опасной банды Кольпака» фашисты были захвачены ковпаковцами врасплох и не могли сейчас оказать никакого сопротивления. Им оставалось одно — спасаться кто как может. Ковпаковская тактика оправдала себя и на этот раз. За каких-нибудь тридцать или сорок минут был штурмом взят Делятин, а затем и местечко Заречье на правом берегу реки Прут. Почти одновременно партизаны взорвали железнодорожную станцию и все мосты: на железной и шоссейной дорогах, идущих с севера и юга.

Надо было, как того строго требовал приказ, не задерживаясь ни минуты, продолжать движение дальше. Но оказалось, что уходить из города нельзя. Во-первых, ночью, в кромешной темноте, на марше оторвался 2-й батальон (правда, услышав звуки боя, глуховчане вскоре подоспели к Делятину). Во-вторых, не известно, где находились раненые. Их было в соединении уже больше сотни, и при каждом раненом — два, а то и четыре здоровых человека, что составляло в общей сложности чуть ли не четвертую часть всего личного состава.

Бросить своих товарищей на произвол судьбы ковпаковцы не могли. Соединение никогда не оставляло раненых, хотя местные жители сами нередко предлагали им свой кров и уход... После боя ковпаковцы забирали с собой даже убитых, чтобы похоронить их с воинскими почестями. А порой бывало и так, что ковпаковцы повторяли атаки лишь с единственной целью — вытащить с поля боя раненых и погибших товарищей.

Уже близился рассвет, а Ковпак и Руднев все еще стояли на мосту через Прут, поджидая санчасть. В это время по дороге из Ослав Белых к Делятину, на помощь генералу Крюгеру спешил из Печенежина на девяноста шести машинах 374-й эсэсовский полк.

Встретила этот полк в одном километре восточней местечка Заречья 3-я рота Путивльского отряда с Федором Карпенко во главе. Остальные роты пока еще не успели выйти на окраину Заречья.

Услышав звуки боя, Руднев сам помчался туда, захватив с собой комендантский взвод, обычно обеспечивавший личную безопасность ковпаковского командования. Вслед за Рудневым направился на восточную окраину Заречья и подошедший вскоре батальон Кульбаки, затем — одна рота Шалыгинского отряда...

Начштаба кролевчан оставил в заслоне на южной окраине Делятина у взорванных мостов 1-ю и 2-ю роты, а сам с двумя ротами и разведзводом тоже поспешил к месту боя, на помощь головному отряду.

— Молодцы! — обрадовался Ковпак, увидев подошедших к мосту кролевчан.— Быстрише идить туды,— кивнул он в сторону Заречья,— в распоряжение комиссара. Зараз йому там нужны люды... Встретишь Сэмэна Васильевича, скажи: я прошу сообщить, як там дела!

Когда начштаба кролевчан выбрался с двумя ротами на восточную окраину Заречья, стало уже совсем светло. Прямо на дороге стояла колонна немецких грузовиков, объятых пламенем. Ни карателей, ни партизан подле этих машин не было видно. Бой гремел где-то в самом хвосте горящей колонны или даже еще дальше, километрах в трех-четыре от Заречья, в районе Ослав Белых. Только изредка со стороны пылающей колонны какой-то недобитый гитлеровец посылал короткие пулеметные очереди по дороге, выходящей из Заречья.

Вдруг из-за крайнего дома выбежал партизан-«маяк» и крикнул:

— Товарищ капитан! Штаб соединения прошел вон на ту гору!.. Войцехович приказал направлять всех туда-а!..

Кролевчане, как было им приказано, повернули влево, в сторону продолговатого хребта, тянувшегося вдоль дороги. Но тут в воздухе послышался нарастающий гул моторов, и над пылающей вражеской колонной появилось звено фашистских бомбардировщиков.

— Быстро под деревья! — скомандовал начштаба своим кролевчанам.

«Юнкерсы» развернулись и начали заходить со стороны Ослав Белых, в хвост горящей автоколонны, но, прокружившись над машинами, ни с чем улетели обратно. Разобраться, где свои, а где чужие, было невозможно. Бомбить наугад немцы, наверное, боялись: у них уже был печальный опыт бомбежки по своим в Карпатских горах.

Свернув с дороги влево, начштаба кролевчан повел роты ложиной, в обход горящей автоколонны, на гору. Тяжелей всех подъем давался раненым и медсестрам. Поля Белоус — низкорослая, коротко стриженная, как мальчишка, обхватив за талию раненого, тащила его к вершине хребта. Лида Бондаренко тут же, на ходу, бин-

товала кому-то голову. Продолжая перевязку, она шепнула подруге:

— Не дай бог, если меня в ноги ранит. Пусть лучше сразу убьет! А то своим — лишняя обуза...

Поля кивнула понимающе, вытирая косынкой пот с лица. Она хорошо понимала, как сама была ранена под Букчей и как тяжело ей, обезножившей, было поспевать тогда за другими. Но тогда ковпаковцам было куда легче на равнине! И лошадей тогда хватало на всю санчасть.

Потом еще Поля подумала почему-то, что теперь, когда Оля Могила окончательно переведена в разведроту Берсенева, а сама Поля назначена старшей медсестрой и отвечает за каждого раненого в батальоне, работы у нее будет совсем невпроворот!.. Надо ведь не только перевязать, но и накормить их всех, и обстирать в условиях непрерывных боев и маршей. Хорошо, что с ней сейчас рядом Лида — «двужильная», способная работать без отдыха и сна.

Медсестры с ранеными уже втянулись в горный лесочек, когда совсем близко, на бреющем полете, мелькнула над ними крылатая тень. Девушки, думая, что это разведчик, спокойно пошли обратно вниз помочь тем раненым, которые сами подымались на гору пешком. Но фашист со своей «рамы» неожиданно дал очередь из пулемета.

— Ложись! — крикнула Поля Лиде.

Подружки прижались к земле по обе стороны большой замшелой колоды. Поле видна была сейчас только голова Лиды — с льяными, почти добела выгоревшими волосами, выбившимися из-под голубого, давно вылинявшего платочка. Вдруг Лида охнула и тяжело повернулась на бок.

Поля, забыв об опасности, перешагнула через колоду и увидела: ноги Лиды, выше колен, залиты кровью.

— Кажется, я ранена, — слабым, почти безразличным голосом проговорила Лида. И видя, что подруга расстегивает свою неизменную сумку с красным крестом, махнула рукой: — Не надо. Не бинтуй меня, я сама. У меня тоже... санитарная сумка. Иди лучше к раненым!

Проходившие мимо бойцы помогли подняться своей медсестре. Рослый сильный Василий Петрициц, земляк Лиды, крепко обхватил ее за плечи. Все спешили на высоту.

Базыма и Войцехович были уже на вершине хребта. Около них собралось постепенно почти все соединение. Тут были и некоторые роты путивлян, и шалыгинцы, и глуховчане. Вершина горы сейчас походила на огромный муравейник.

Григорий Яковлевич Базыма, подавленный, безучастно сидел на пеньке. Взгляд его — взгляд старого учителя, всегда теплый и внимательный, сейчас выражал невероятную усталость. Распоряжался всем помощник Базымы, молодой энергичный Василий Войцехович. Вокруг него толпились командиры рот и отрядов. Он выслушивал всех по порядку и, быстро отмечая обстановку на своей рабочей карте, тут же ставил каждому боевую задачу.

Рядом отдыхали раненые. Чернокудрый плечистый Леня Прутковский лежал на траве, глядя в небо, уплывающее куда-то вместе с белыми бурунами облаков. Боль, напоминая о себе острыми толчками, возвращала Леню к сознанию. «Как же меня понесут хлопцы? — думал он с отчаянием. — Лучше застрелиться!..» Верхушки деревьев опять закружились, зашатались, как пьяные, над его головой, запрокинутой в небо.

Словно сквозь сон слышались голоса кавэскадронцев и автоматчиков его родной 2-й роты. Потом вдруг отчетливо вспомнилось: полз в гору. «Главное — занять высоту!» — сказал им тогда комроты. Вдруг Леонид ощутил жгучий удар по ноге, вдоль всей спины... и увидел в тумане лицо склонившегося к нему друга Коли Михайленко:

— Потерпи, Ленька! Я остановлю кровь... Разве товарищи бросят в беде?!

Поддерживаемый Колей Михайленко Прутковский кое-как перевалил через вершину горы и увидел на обратном ее склоне растревоженную улицу села Ославы Белые. В том месте, где стояла небольшая церквушка, влево от дороги вниз отходила тропа, пересекающая долину и вползающая петлями серпантина на склон следующей горы, покрытой смешанным, узловатым мелко-рослым лесом.

К развилке у церкви подходили и подходили партизаны, уставшие от непрерывных полуторамесячных боев, почерневшие, голодные, но не сломленные. Стекались ручейками на эту тропу, несли на руках раненых.

Ковпак деловито выводил своих людей из очередно-

го мешка, горловина которого была развязана партизанами, захватившими на рассвете эти Ославы Белые. Глазом опытного воина Леонид сразу оценил обстановку: сейчас эту прорванную соединением горловину не давал завязать фашистам 4-й ковпаковской батальон, или по старой памяти — кролевчане. Прутковский отчетливо видел худого, похожего на подростка начштаба, который силами своих поредевших рот прикрывал отход товарищей. В распахнутом черном реглане и барашковой шапке, заломленной на затылке, с автоматом в руке, он отдавал приказы своим ротным через связных и поторапливал уходящих к тропе.

Как все раненые, особенно остро реагируя на тяжелую обстановку, в которой оказалось сейчас соединение, Леонид внимательно всматривался в лицо начштаба кролевчан, совсем еще мальчишеское, но решительное, и подумал, успокаивая себя: «Эти уйдут последними, если им вообще суждено будет уйти, но не снимут оборону раньше, чем не пройдут все!..»

А потом мысли раненого, перескакивая с одного события на другое, опять смешались.

— Вот когда нам до зарезу нужны самолеты, чтобы отправить раненых на Большую землю, — донеслось вдруг до его слуха.

— Да разве здесь, в таком аду, они могут приземлиться? — ответила со слезами в голосе медсестра Катя Приходько.

Большая земля! Она казалась сейчас такой родной, словно каждый там, в далеком советском тылу, был Леониду закадычным другом. Просто не хотелось верить, что больше никогда он не увидит своих близких, раскиданных на громадном пространстве от Москвы до Новосибирска и самого Дальнего Востока...

«Нет, такую страну никому не покорить!» — с гордостью подумал он.

Лежавший возле Прутковского Виктор Бабичев, которого сейчас Катя терпеливо кормила с ложечки простоквашей (ничего другого Бабичев не мог есть, так как ранен он был в нижнюю челюсть), рукой показал друзьям на крынку. Но ротный Мазеин даже вскочил от обиды, сжимая автомат в руке:

— За кого ты меня принимаешь, Витька? Да разве ж мы у раненых возьмем?

Бабичев — ему при таком тяжелом ранении самый процесс еды был мучителен, как пытка,— опять молча, жестом попросил друзей: поешьте!

— Вот хлеб. Возьмите немножко, раз Виктор угощает,— попросила ребят Катя, и в синих глазах ее блеснули слезы жалости к Бабичеву, которому искромсало нижнюю часть лица. Раскрасневшаяся от хлопот, обрушивающихся на нее по мере прибытия раненых, простоволосая, она с трудом скрывала свою крайнюю, почти невыносимую утомленность. Но все-таки крепилась: была ласкова и ровна с нуждавшимися в уходе бойцами.

— Поешьте, хлопцы! — повторил Прутковский.— Вам силы нужны!..

Чтоб не обижать своих раненых товарищей отказом, бойцы взяли, будто причащаясь, по крошке хлеба. Старательно пожевали его и вскоре, под разными предлогами разошлись.

Наконец прибыли к месту сбора Ковпак и Вершигора. Подтянулись и раненые вместе с двумя оставшимися в заслоне ротами кролевчан. Они покинули Делятин последними.

Шел «Дед» неторопливо, словно совершал прогулку. Еле заметно припадая на одну ногу и опираясь на полированную сучковатую палку, искусно сделанную партизанами, он сейчас с нарочитым интересом разглядывал деревья, мшистые валуны и капризные козьи тропки здешнего, на удивление живописного леса, знакомого ему еще со времен первой империалистической войны.

Новый, трофейный немецкий автомат он в отличие от всех партизан повесил себе не на грудь, а на правое плечо, будто охотничье ружье. Лицо у Ковпака было спокойное; глядя на него, можно было подумать, что все опасности остались позади. Это спокойствие в один миг передалось всем уставшим до предела людям.

Подойдя к Базыме и оглядевшись вокруг, Ковпак спросил громко:

— А дэ ж комиссар?

Стоявшие вокруг Базымы и Войцеховича командиры ответили почти хором:

— Не знаем... Не видели.

— Так чога ж вы сыдытэ? — рассердился «Дед». — Трэба ж пошукаты! Немедленно послать хлопцев во все концы!..

А сам, увидев белолицую, рыжую, как охра, хирургическую медсестру Дусю Пашенко, направился к ней, взял под руку и предложил игриво:

— Пойдем, чернявая, прогуляемся?

Дуся улыбнулась в ответ на шутку и последовала, несколько удивленная, за командиром; прихватила почти машинально свою санитарную сумку. Отойдя подальше, в густой соснячок, «Дед» присел и, протянув вперед ногу, сказал:

— Сними, пожалуйста.

Рослая крепкая Дуся с силой потянула за сапог — и вдруг заойкала с бабьей жалостливостью: из голенища полилась кровь.

— Ой-ой, що ж з нами тэпэрочки будэ? — запричитала она. — Ой, боже ж мой! Ой, товарищ командир!..

— Мовчи! — процедил сквозь зубы «Дед». И не зная, чем унять этот поток слез, вдруг с нарочитой резкостью предупредил: — Без паники давай, щоб не знал ни один человек! Считаю, шо это — военная тайна.

И о ранении своего командира ковпаковцы узнали только в Полесье, на отдыхе, когда Карпаты, а вместе с ними и все опасности тяжкого рейда остались позади. Но здесь, в горах, Ковпак и виду не подал, что он ранен. «Дед» отлично понимал: судьба всего соединения — под страшной угрозой, и именно потому сейчас, как никогда, всем ковпаковцам нужны его командирская выдержка и отвага.

Взбешенный дерзостью Ковпака генерал Крюгер спешно перебрасывал свои полки и дивизии с гор к Делятину, чтобы на этот раз не упустить партизан. И не взорви Ковпак прошлой ночью мостов в Делятине — трудно сказать, успели бы ли его отряды вырваться из кольца и выскочить в лесок восточнее Заречья... Да и если бы даже успели, Крюгер все равно смог бы еще раньше, на машинах, перебросить свои войска в район Ослав Белых и таким образом разделаться с партизанами.

Теперь же Ковпак имел шанс прорваться из этого леса в соседний, более крупный лесной массив, начинавшийся северней деревни Черный Поток. Это уже был путь к спасению.

Правда, под вечер войска Крюгера обложили и этот лес со всех сторон. Соединение опять оказалось в кольце... Ковпак, словно титан, обвитый петлями громадного удава, сбрасывал с себя эти кольца одно за другим. Но людские резервы, боезапасы, продовольствие — все было в распоряжении противника. Удавы кольца его снова и снова душили партизан.

Ночью, пока Крюгер подтягивал сюда вслед за партизанами свои войска для нового удара, надо было немедленно исчезнуть из этого леса. Однако измотанные непрерывными боями и голодом, люди буквально валились с ног: некоторые засыпали на ходу... Нужно было дать им хоть какой-то отдых.

Другой, очень важной причиной, задерживавшей здесь партизан, было то, что до сих пор не пришел комиссар Руднев. Поисковые группы, посланные Ковпаком во все концы, вернулись ни с чем. Комиссара не было нигде.

— Шо ж вин, в зэмлю провалывся? — злился Ковпак, еще не веря в самое страшное — в гибель комиссара. — Трэба подождать. Вин ночью прийдэ!.. На всякий случай, трэба знову послать хлопцев, пошукать комиссара.

За ночь пришло еще несколько оторвавшихся мелких групп и одиночек. Но комиссара с комендантским взводом не было. И никто нигде не встречал их. Ни с чем вернулись и посланные с вечера новые поисковые группы. Руднева не было нигде...

А Крюгер за эту ночь успел перегруппировать свои войска, и утром они снова ринулись в наступление. Весь день пришлось ковпаковцам вести отчаянный бой. Гитлеровцы лезли на партизан, не считаясь ни с какими потерями. Вражеское кольцо с каждым часом сжималось все тесней.

Во второй половине дня Ковпак вызвал к себе командиров отрядов. Впервые за все время боевых действий во вражеском тылу пришлось ему принимать решение одному, без совета своего верного друга и помощника — комиссара Руднева.

— Я пригласил вас, хлопцы, шоб посоветоваться, — обратился Ковпак к собравшимся. Говорил он спокойно, только отчаянно дымил своей толстой цигаркой. — Вам известно, противник окружил нас несколькими дивизиями. Скильки их там в бисового батька, мы пока не знаем.

Но численный перевес у них, конечно, большой. Обстановка сложилась критическая: боеприпасы у нас кончаются, а раненые все время прибавляются. Шо будэм робыць?..

После всестороннего и детального обсуждения обстановки остановились на предложении Вершигоры: разделить соединение на несколько групп и ночью без шума разойтись веерным порядком в разные районы и затаиться там до тех пор, пока гитлеровское командование не снимет с гор свои войска; затем снова собраться в условленном месте, чтобы выполнять поставленную Центральным Комитетом партии и Верховным командованием боевую задачу.

Путивльский отряд, как самый многочисленный, должен был выбираться из окружения на равнину тремя группами: под командованием самого Ковпака, Вершигоры и Павловского. Глуховчане выходили в лес восточней деревни Черный Поток. Вел их вместо заболевшего командира начальник штаба Иван Лисица. Шалыгинский отряд ускользнул в горные заросли восточней деревни Лоевой во главе с неуловимым Федотом Матющенко. И, наконец, Кролевецкий отряд под командованием начштаба (комбат Кудрявский находился все еще в тяжелом состоянии) должен был скрыться в районе высоты 1114, южнее Ослав Черных.

Всем группам надлежало собраться к 14 августа в районе известных уже ковпаковцам высот Шевка и Лазек. В своем приказе № 406 Ковпак строго предупреждал: «Ни один боец не должен появляться среди населения». Этим самым ковпаковцы добровольно обрекали себя на голод и другие лишения. Только такой ценой достигалось сохранение строжайшей тайны. Ковпаковцы, казалось, растворились в воздухе, исчезли без следа.

Подобным образом, распыляясь, чтобы просочиться через противника, а затем снова собираясь в кулак, действовал еще в Отечественную войну 1812 года, с благословения самого Михаила Илларионовича Кутузова, родоначальник русской партизанской тактики Денис Давыдов, совершавший со своими гусарами лихие налеты на французские полки в тылу наполеоновской армии. Вот почему и ковпаковский марш-маневр в Карпатах Петр Петрович Вершигора назвал впоследствии давыдовским, или звездным маневром.

Ночью все шесть групп тихо выскользнули из вражеского кольца и двинулись в указанные им районы.

Кролевчане прошмыгнули под самым носом у немцев. Однако ночь уже была на исходе. Прикинув по карте продолжительность пути, начштаба понял: до рассвета шоссе Ославы Белые — Ославы Черные отряду не перескочить. «Хочешь не хочешь, придется дневать в этом лесу», — решил он. И, заведя отряд в непролазные лесные дебри, изрезанные глубокими оврагами, объявил командирам:

— Что ж, друзья! Здесь нам предстоит просидеть до вечера. И сидеть надо так тихо, чтобы немцы ничего не обнаружили.

— Ясно, — ответил за всех Сивопляс.

— Костров жечь нельзя, — продолжал начштаба. — Шуметь тоже нельзя. Занимаем круговую оборону, как можно лучше маскируемся и... — тут он сделал паузу, — только ведем наблюдение. Посты надо держать парные и почаще их проверять: люди очень устали и ослабели, могут уснуть.

После этого он указал командирам рубеж обороны.

Первую половину дня кролевчане с ухмылкой вслушивались в грохот боя, доносившийся с того места, откуда ночью незаметно ушли все отряды.

— Это фрицы обрабатывают наши вчерашние позиции. Штурмуют, в общем, вчерашний день, — балагурил русоголовый кудрявый Жуков, стараясь приободрить товарищей.

Во второй половине дня все стихло. Видимо, гитлеровцы все-таки разобрались, что тратят порох впустую. Это значило, что с минуты на минуту надо ждать появления кюргеровских войск, которые могли начать проческу всего лесного массива. День этот тянулся как вечность... Наконец солнце скрылось за горы, и отряд двинулся дальше. Ночью предстояло кролевчанам перескочить злощастную шоссечку Ославы Белые — Ославы Черные.

Шли пастушьей тропой, которая вилась по самому краю ущелий и крутых обрывов. Пока слабые предвечерние лучи кое-как освещали эту запутанную тропу, по ней еще можно было идти. Но тут стемнело совсем. На расстоянии метра люди уже не видели друг друга. Малейшая неосторожность, лишь один неверный шаг в темноте — и полетишь вверх тормашками на тот свет.

Тропы в горах тянулись, как нарочно, почти везде по краям обрывов. Особенно тяжело было пробираться над пропастью при подходе к Ославам, где тропа заплуталась в кустарнике, а темнота в зарослях сгустилась еще больше и казалась густой, как смола. Партизанам пришлось поснимать ремни и, подстраховывая друг друга, двигаться гуськом. Раненых вели под руки. Шли почти все время боком, прижимаясь спинами к холодным сырým камням. Держаться было не за что.

Юля Устенко, обняв раненого — рослого костистого разведчика Гришу Жоголя (Жоголей, однофамильцев и земляков, было в отряде несколько), с трудом тащила его по обрывистой тропе. У Гриши была раздроблена кость выше локтя. Надетый внакидку синий, в белую полосочку пиджак парня (Юля знала этот пиджак на ощупь) был весь изорван и залит запекшейся кровью. Без свежих бинтов, без риваноля страшная рана загнила. Имей отряд возможность сделать привал хоть на несколько часов — самодеятельная партизанская хирургия, спасая Гришину жизнь, прибегла бы к самому страшному, но верному средству — ампутации при помощи обыкновенной сельской пилы.

Ноги Жоголя заплетались. Если бы не Юля, он упал бы без сознания. И словно извиняясь перед товарищами за минутную слабость, которая заставила его, одолеваемого нестерпимой болью, ткнуться разгоряченным лбом в мягкие, собранные узлом волосы медсестры, Гриша Жоголь сказал:

— Ничего, до свадьбы заживет!..

Следом за ними шли связной Миша Рубинов с простреленной навывлет грудью и хромающая на обе ноги, тоже раненная медсестра Лида Бондаренко. Она с трудом передвигалась, но настойчиво, с какой-то материнской самоотверженностью упорно уговаривала маленького, совсем обессилевшего, хрипло дышавшего Мишу:

— Ну дай ты мне свой автомат! Я ж его не съем!..

Тяжелораненых несли на носилках над краем горной пропасти.

Три лошади, которые еще каким-то чудом уцелели в Кролевецком отряде, сейчас с трудом, оскользаясь и тревожно фыркая, ступали по осыпающейся гальке. На двух, идущих одна за другой, лошадях партизаны перевозили в хитроумно прилаженных носилках умирающего

говарища. На третьей лошади в седле раненый кое-как держался сам.

Уже у Ослав Белых в темноте сорвалась в ущелье одна лошадь, а спустя четверть часа — еще две, сразу, вместе с носилками. И никто, ничто не могло спасти, удержать их. Это было самым страшным и самым тягостным событием тех трагических дней...

Наконец, когда стало совершенно темно, на северной окраине Ослав начштаба остановил колонну.

— Дальше пока не пойдем,— шепнул он шагавшему рядом с ним Берсеневу.— Надо сначала узнать, нет ли в деревне немцев.

— Разреши, я сам схожу, узнаю,— попросил Берсенев.

Взяв с собой двух разведчиков, Берсенев исчез в темноте. Минут через сорок он вернулся и доложил:

— В селе, прямо на шоссе, стоит колонна автомашин с войсками. Немцы в машинах. Спят. Машины все крыты тентом. Вдоль колонны ходит патруль.— Берсенев помолчал выжидающе. Потом спросил: — Что будем делать, товарищ капитан?

«Да, что делать?! — мысленно повторил за ним начштаба.— Прорываться с боем? Почти не с кем и нечем: в отряде пятьдесят человек раненых, треть личного состава тащит их на руках. Патронов осталось совсем мало, на полчаса боя. Самое боеспособное подразделение сейчас — взвод Берсенева, сорок автоматчиков. Вот и все, пожалуй».

— Знаешь что, Саша, давай-ка еще раз вместе с тобой сходим к шоссе, понаблюдаем.— И, оставив командиров рот в голове колонны, начштаба шагнул за Берсеныным вниз.

В густой зыбкой темноте Берсенев легко вывел его, куда надо. Под ногами почувствовалась картофельная ботва. «Ага, значит, мы уже где-то в хозяйском огороде,— отметил про себя начштаба.— А вот справа и дом темнеет».

Берсенев замедлил шаг, потом остановился.

— Осталось метров пятьдесят,— шепнул он.

— Давай подползем поближе,— тихо сказал начштаба.

«Хорошо, что и здесь, как в Делятине, гитлеровцы успели убить всех собак,— вдруг обрадовался он.— А то

черта с два мы смогли бы так свободно шастать по деревне».

Вот впереди засерело полотно шоссейки. Вражеская колонна стояла прямо на шоссе, головой в сторону Ослав Белых, с интервалом между машинами пять — семь метров. Из крытых тентами кузовов доносился храп спящих немцев. Вдруг послышался знакомый стук кованых каблуков.

— Патрули,— шепнул лежавший рядом с начштаба Берсенев.

Патрули шли со стороны Ослав Белых, от головы колонны.

— Давай подождем, пока они вернутся обратно,— сказал начштаба.

— Давай,— согласился Саша.

Так им пришлось лежать в картофельной ботве минут двадцать, пока патрули вернулись обратно. Когда те ушли в другую сторону, начштаба шепнул Берсеневу:

— Хватит, пошли.— И, отойдя подальше от шоссе, спросил: — Как ты думаешь, можно тихонько проскочить отделению между машинами через дорогу, пока патруль уйдет в голову или в хвост колонны?

Берсенев помолчал, прикидывая все в уме, потом сказал:

— Думаю, успеют сразу два наших отделения проскочить.

— Вот у меня и появилась такая рискованная идея. Как, попробуем?

— Попробуем,— согласился Берсенев.

Вернувшись к отряду, начштаба объявил свое решение командирам. Осторожно двинулись вниз, к шоссейке...

До рассвета кролевчане прошли сквозь вражескую колонну, «как святой сквозь стену», по образному выражению Вити Жукова, и взобрались со своими ранеными на высоту 794. Это было спасение.

Утром, сидя на хребте, в зарослях кряжистого горного дубняка, партизаны посмеивались, наблюдая за «поджидающей» их вражеской колонной. Каратели старательно чистили оружие и, даже умываясь из своих котелков, все время оглядывались по сторонам: не пропустить бы ковпаковцев!..

Маневр оказался удачным. Только Руденко, командир 2-й роты, следовавший в арьергарде колонны, побоялся

переходить шоссейку между вражескими машинами и отстал. Своей нерешительностью он погубил людей: блуждая по лесам, почти все они попали в лапы бандеровцев.

Вместе с Руденко отстал от своего отряда и радист. Так кролевчане лишились связи с Ковпаком и со Штабом партизанского движения Украины.

Десять суток водил начштаба свой отряд по горам, укрываясь с партизанами то на поросших лесом вершинах, то в глубоких темных оврагах. Надеялся встретить своих. Но пока присоединялись только одиночки...

Боец из Путивльского отряда Павел Дейнекин, вышедший с группой самого Ковпака, рассказал, что он только вчера оторвался от товарищей во время внезапного встречного боя с немцами. Полуживой от голода и усталости, этот парень все время просился на поиски командира соединения, уверяя всех, что «Дед», замечая следы, бродит где-то неподалеку.

Долго и тщетно искали кролевчане группу своего «Деда», петляя в районе высоты 1114. По несколько раз в день слышали они доносящуюся издалека, с разных сторон перестрелку. И всякий раз бросались туда, где слышался шум боя, чтобы выручить попавших в беду товарищей. Но никого не обнаруживали — так тщательно скрывались сейчас от людских глаз разрозненные, рассредоточившиеся по всему лесу, ставшие и впрямь невидимыми ковпаковцы.

Затаившись где-нибудь в зарослях горного кустарника или в сумрачном ущелье, разведчики Берсенева наблюдали за движением карателей. Немцы, будто нарочно дразня сидящих в засаде партизан, ходили в ротных и батальонных колоннах.

— Вот когда можно их хорошо долбать! — воскликнул, подзадоривая начальника штаба, Саша Берсенева.

Но этого сейчас не позволяла конспирация. Да и боеприпасов фактически не было: патронов оставался минимум — неприкосновенный запас.

Наблюдая за тем, как рыскают по лесу вражеские войска, начштаба понимал: значит, Крюгер не снял с гор свои дивизии. Упустив вторично партизан, уже находившихся, казалось, у него в кулаке, господин Крюгер, видимо, решил, что ковпаковцы, вырвавшись отсюда, ушли в другой, соседний лес. И дважды одураченный генерал,

мечтая восстановить свой полководческий престиж в глазах фюрера, продолжал теперь искать ковпаковцев по всем Карпатам.

— Ну-ну!.. Ищите,— хмуро усмеялся Берсенев.— И повторял любимые слова Ковпака: «У нас — одна дорога, а у тех, кто партизан ищет, сто дорог! Попробуй, разберись!..»

Но когда на вторые сутки разведка принесла из Ослав немецкие листовки, в которых гитлеровцы обещали сто тысяч злотых тому, кто выдаст место нахождения Ковпака, а через день пообещали даже целый миллион за голову командира ковпаковцев, начштаба кролевчан понял: значит, Крюгер ищет самого Ковпака!..

Так рыскали каратели трое суток вблизи кролевчан.

На четвертые сутки немцы ушли с гор. Но вместе с ними исчез с гор и весь скот. Причем из населенных пунктов войска Крюгера не снимались. «Личный друг фюрера» — тот самый, который впал в немилость из-за своей фразы «Не ввязывайтесь лучше, Адольф, в войну с русскими», сам поставил сейчас на карту все. Но не смог найти партизан. И он решил взять неуловимых ковпаковцев измором.

Продовольствие у кролевчан кончилось давно, еще на венгерской границе, где была взорвана артиллерия и брошен обоз. И достать теперь хоть что-нибудь, хоть какую-нибудь еду было негде.

Голод стал сейчас страшней врага. По ночам разведчикам с огромным риском и трудом удавалось беззвучно проникать в крайние хаты горных селений и доставать немного молока, творога, хлеба. Но этого не всегда хватало даже для раненых. Здоровые питались только ягодами. Люди слабели на глазах. Все настойчивей спрашивали:

— Зачем мы здесь сидим? До каких пор мы будем ждать?.. Другие группы уже, наверное, давно выбрались на равнину!..

Возвращавшиеся по утрам разведчики тоже докладывали начальнику штаба: по словам местных жителей, и в позапрошлую, и в прошлую ночь какие-то партизаны проследовали на Коломыю, то есть на равнину. «По всему видно,— думал начштаба,— наши уходят с гор. А как же приказ о том, что четырнадцатого августа надо собраться всем на горе Шевке? Пошлю туда разведку».

Утром 16 августа разведчики возвратились оттуда. В районе горы Шевки они не обнаружили никого. Не было даже «маяков». По словам местных жителей, все партизаны ушли на равнину. «Может быть, Ковпак убедился, что на Шевке собрать отряды теперь уже не удастся и дал радиogramму выходить в Полесье? А мы не знаем об этом, потому что остались без рации?» — ломал голову начштаба.

А вечером разведчики Берсенева, наблюдавшие с самого заката за противником в деревне Лючки, вдруг доложили: немцы снялись и уехали! «Ну, раз войска снялись — значит верно, что все наши группы ушли на равнину», — окончательно решил начштаба. И повел свой отряд тоже на север — в Полесье.

Чутье партизанского командира, привыкшего действовать самостоятельно, ориентируясь прежде всего на конкретную обстановку, не обмануло его и на этот раз. Действительно все группы, большие и малые, даже те, у кого не было раций и кто не слышал, что 15 августа Ковпак передал всем ковпаковцам по радио: место сбора — Полесье, район Городницы, устремились, как устремляются птицы в родные края, в заветные свои партизанские леса. Так подсказывала обстановка. Так подсказывал партизанам опыт, накопленный за два года самоотверженной борьбы в тылу врага.

Усталые, голодные кролевчане кое-как, на корточках, а то и на штанах скатились с гор. И тут, собираясь передохнуть немного в лесу, набрали на брошенный кем-то лагерь. Чувствовалось, совсем недавно отгремел жестокий бой: деревья иссечены пулями и осколками, на траве — запекшаяся кровь. Даже на ветках деревьев краснели бинты.

Сверившись с картой, начштаба понял: здесь должны были пройти раненые Путивльского отряда, которых по приказу Ковпака охраняла 10-я рота во главе с Курочкиным.

Ольга Метлицкая — разведчица, совмещавшая, как все партизанки, свои основные обязанности с самоотверженной работой медсестры, воскликнула:

— Посмотрите, что творится вокруг! Бинты после перевязок даже не убраны! И людей никого нет! Может,

в плен все хлопцы попали? Или фашисты их, раненых, беззащитных, тут где-то уничтожили?!

Наступила тягостная пауза. Так думали все.

— Надо тут каждый овраг обшарить. Без этого мы не уйдем! — заверил всех Берсенев.

И начались поиски. Но никаких других следов, которые помогли бы понять, что же все-таки случилось, разведчики не нашли.

С тяжелым чувством партизаны двинулись дальше...

Только две недели спустя пришла разгадка. Совершая ночной марш, кролевчане задержались на «железке» Волочиск — Проскуров, у деревни Баглаи, где уничтожили гитлеровский эшелон с офицерами. После боя подъехали к небольшому лесочку. Солнце уже поднялось. Едва кролевчане, проскочив рысью на своих сорока подводах через разбуженную шумом Писаревку, свернули в лес, зеленым сапожком примыкавший к северной части деревни, как из кустов выскочили две медсестры Путивльского отряда. За ними, почти ползком, вылез из густого орешника боец кавэскадрона Иван Полевой. Из-под его распоротой осколком рубахи виднелись грязные окровавленные бинты. Ивана ранило в бок. Задет был даже позвоночник, но могучий организм этого человека преодолел, казалось, верную гибель.

— Родные!.. Дорогие!.. Спасите нас! — со слезами бросились они к кролевчанам. — У нас около сорока раненых — одни, без всякой охраны! Почти все в тяжелом состоянии... Ползем чуть ли не на четвереньках!..

Выяснилось: тем без вести пропавшим раненым, о которых горевали кролевчане, найдя в лесу разбросанные кровавые бинты, все же удалось спастись. Курочкин вывел их с места боя. Погиб лишь партизанский хирург Иван Маркович Савченко, оставшийся с небольшой группой прикрывать санитарный обоз. Многих ковпаковцев за два года борьбы в тылу врага успел искусно подлатать и подштопать доктор Савченко своими чудодейственными руками кадрового военврача. Теперь о нем жалели все. Но санчасть, благополучно оторвавшись от противника, ушла... Только сорок человек, каким-то образом отставшие от своих во время стычки с противником, сейчас без охраны и обоза самостоятельно пробирались в Полесье.

Разумеется, кролевчане, не колеблясь, приняли под свою опеку этих раненых.

Низкорослый лес, в котором предстояло всем партизанам прятаться до вечера, был очень мал. Попросту говоря, роща длиной около двух километров и едва ли достигавшая пятисот метров в самых широких местах. Начштаба понимал, боя не избежать: жители Писаревки видели партизанскую колонну, и в селе мог найтись предатель. Пока бойцы, уставшие до предела, спали прямо на земле, он мысленно искал выход из создавшегося положения.

Часов до двух дня все было спокойно. Потом появилось двенадцать автомашин с вражескими солдатами да еще и с двумя пушками на прицепах. Это был в общей сложности батальон. Первым подал сигнал о надвигающейся опасности Петро Кашицкий. Ему со скирды соломы, одиноко возвышавшейся в сотне метров от молоденького леска, было видно все как на ладони.

Почти одновременно прибежал к начальнику штаба Федор Сивопляс и доложил о движении другой колонны противника, слева. Там тоже было до батальона пехоты, тоже на машинах, только с минометами, а не с пушками.

Обе колонны остановились около рощи, в которой затаились партизаны. «Сейчас начнут охватывать, блокировать и прочесывать лес!..— подумал начштаба.— Фактически способны драться лишь сорок человек — в основном разведчики Саши Берсенева. Почти все остальные уже без патронов. И семьдесят раненых!.. Остается, пожалуй, одно средство!..»

Выход был простой, хотя очень рискованный. Еще утром начштаба, облазив весь этот лесок, обнаружил в его южной части, в густых зарослях орешника что-то вроде небольшого заброшенного карьера диаметром в полсотни метров. Карьер этот, с глубокими нишами и пещерами, тоже весь зарос бурьяном. Осмотрев его, начштаба еще тогда подумал: «А что?.. Этот маленький естественный лабиринт может нам, на крайний случай, сослужить неплохую службу». И теперь, когда к северной опушке подкатило около двух батальонов и начштаба понял, что немцы готовятся прочесывать этот лесок со стороны реки, он вдруг решил: «Попробуем обмануть противника».

Собрав командиров, он объявил спокойно:

— Ну что ж, братцы, драться нам нечем и некому. Постараемся перехитрить карателей. Для этого надо немедленно запрячь лошадей и весь обоз вытянуть по

центральной просеке, поближе к северной опушке, навстречу противнику. На повозках, для вида, оставить только неисправное оружие и ненужную одежду. Весь личный состав как можно быстрее собрать в карьер и занять там оборону... А ты, Саша,— обратился он к Берсеневу,— со своими людьми возьмешь на себя наблюдение за противником. Но так, чтоб твои ребята видели все, а их не заметил никто. Пусть хлопцы следят и обо всем докладывают мне. С приближением вражеской цепи всем отходить незаметно к карьере... Посты выставь парные, а еще лучше из трех человек, чтоб один из тройки мог выполнять функцию связного... Понятно?

— Ясно,— прищурив левый глаз, ответил Берсенев.

— Тогда давай. И побыстрее!

Замысел начштаба сводился к следующему: обнаружив обоз, немцы навалятся на трофеи и, скорей всего, подумают, что партизаны ушли из леса, бросив в спешке все свое имущество. Пожалуй, каратели удовлетворятся этим. «Кому охота умирать? — подумал он с иронией, хорошо зная повадки немцев.— Им важно показать своему командованию, что они достигли успеха!.. Ну, а если каратели все-таки не поверят нашей уловке и будут прочесывать лесочек дальше, до конца, тогда придется подпустить их поближе к этой яме и оттуда в упор расстрелять. Огня они не выдержат и убегут, кто уцелеет. А мы вырвемся, воспользовавшись паникой...»

Другого выхода при сложившейся ситуации начштаба не видел. Оставалось одно: затаиться. Говорил же дед Ковпак, обучая премудростям партизанской войны молодых своих командиров: «Трэба уметь ходить не только з шумом и громом, но и проползти ужом, чтоб перехитрить врага».

Находясь в лесу и ожидая от разведчиков новых сведений, начштаба почти зримо представлял себе сейчас, как немцы готовятся, по обычному шаблону, проводить свою карательную операцию: одним батальоном блокируют лес, а другим будут потом прочесывать его плотной цепью.

Огня каратели почему-то не открывали. С проческой тоже не спешили. Так в томительной тишине прошло более часа. На войне такая тишина иногда переносится тяжелее самого страшного боя.

Наконец прибежал разведчик Берсенева — длинный,

верткий, как вьюн, Николай Радиловец. Тот самый Радиловец, который еще в Белоруссии умудрился пойти проведать семью в занятое противником село и выскочить живым из рук фашистов.

— Немцы начали проческу,— доложил он тяжело дыша.— Уже вошли в лес, движутся сюда!..

— Хорошо,— вздохнул с облегчением капитан: этот час показался ему вечностью.— Продолжайте наблюдение. Только смотрите не обнаружьте себя. Иначе... быть беде.

— Ясно, товарищ капитан! — кивнул Радиловец.— Разрешите идти?

— Идите.

Разведчик исчез в зарослях орешника.

В карьере тем временем командиры рот располагали своих бойцов, чтобы встретить как следует карателей, если они не удовольствуются «брошенным» обозом и решат прочесывать лес до конца...

Начальник штаба с Сашей Берсеновым и несколькими разведчиками стоял теперь около карьера, с нетерпением ожидая новых сообщений. В голове его как молотом стучало: «Клюнут или не клюнут немцы на приманку?»

Спустя полчаса примчался второй связной — Николай Троценко. Глаза его блестели от возбуждения.

— Товарищ капитан, цепь подошла к обозу! Увидев на просеке наши подводы, цепь остановилась. Сразу расстроилась: солдаты бросились к повозкам и начали их осматривать. Но тут послышались крики офицеров, и солдаты вернулись в цепь. Подняли шум: похоже, ругаются промеж собой... Потом раздалась громкая команда, и цепь двинулась вперед...

«Неужели, сволочи, будут прочесывать до конца?» — подумал начштаба, до боли прикусывая губу. И вдруг поймал себя на том, что в его душу закрался страх. Собственно, это был даже не страх, а какая-то боль за людей, за их жизнь. Ведь сейчас он один целиком отвечал за судьбу более чем двухсот своих боевых товарищей. И какие это были чудесные ребята!..

— Ладно, возвращайся,— после паузы сказал начштаба спокойно Николаю Троценко,— и передай Юркевичу: наблюдение не ослаблять! Отходить незаметно к карьере.

— Есть! — вытянулся Троценко; он был без головно-

го убора. И начштаба невольно задержал взгляд на его рыжеватых, сейчас совсем выгоревших волосах и исхудалом лице.

Троценко побежал на свой прежний НП.

«Неужели не клюнут?» — продолжал спрашивать себя начштаба. Потом позвал командиров рот и, как ни в чем не бывало, спросил:

— Ну что, уже расположили весь личный состав в карьере?

— Расположили, — ответили ротные. Их было теперь всего двое: Сивопляс и Коркишко.

— Проверьте еще раз все. И будьте готовы к бою. Может быть, к последнему и решительному бою!

— Ясно!

Ротные вернулись в карьер.

А через полчаса из кустов орешника, возле которых стояли начштаба и Саша Берсенев, вынырнул Михаил Юркевич — русоволосый сероглазый полещук, умевший быть невидимкой не только в чаще, но и на самой опушке. Именно поэтому Берсенев и поручил ему в критический момент руководство всеми наблюдателями. Юркевич отобрал сегодня всех своих земляков, которые, как и он, умели буквально растворяться в лесных зарослях.

— Товарищ капитан, — улыбнулся он во весь рот, показав свои белые крупные зубы. — Ловко это вы придумали! Все же подействовала на фрицев приманка! Они дошли цепью до последней подводы — и тут прекратили проческу: все бросились к обозу за «трофеями». А после этого направились к своим машинам. Мои хлопцы пошли вслед: посмотреть, что каратели будут делать дальше.

— Молодцы, спасибо вам за хорошую работу! — и начштаба от души пожал крепкую загорелую руку Юркевича.

— Небось фрицы рады без памяти, — сказал, хитро щуря глаз, Берсенев. — Готовые «трофеи» нашли, без боя. Распишут начальству в рапорте, как они «уничтожили» партизан! Еще, чего доброго, и ордена схлопочут за это.

Вскоре каратели сели в свои машины и укатили, а обоз оставили на попечение полицаев, которые затем угнали его куда-то.

Кролевчане остались в лесу, ожидая вечера. Как только на землю стали спускаться сумерки, отряд пешим по-

рядком двинулся на север, к селу Большая Клитка. Раненых теперь пришлось вести под руки, а тех, кто не в силах был передвигаться совсем, товарищи несли. Шли очень медленно. Каждый шаг теперь давался с трудом. Бойцы, особенно те, кому пришлось нести раненых товарищей, вовсю костили немцев и полицаев, забравших лошадей.

— Ничего, братцы, не горюйте! — подбадривал своих ребят начальник штаба. — Радуйтесь, что в живых остались! А транспорт наш здесь, недалеко — в соседней деревне Большая Клитка...

Партизаны в недоумении переглядывались.

— Сомневаетесь? — засмеялся начштаба. — Спросите у Петра Кашицкого. Он со скирды соломы видел собственными глазами, куда полиция угнала наш обоз! Как только доберемся в эту деревню, так снова сядем на свои повозки!

Колонна зашумела и, сразу ожив, ускорила шаг.

Когда кролевчане пришли в Большую Клитку, Юркевич, который с разведчиками появился здесь на полчаса раньше, доложил начальнику штаба:

— Вместе с немцами в сегодняшней карательной экспедиции участвовали пятьдесят здешних полицаев! Сейчас предателей нет на местах. То ли попрятались, то ли укатили вместе с немцами. Но захваченных в лесу коней и повозки эти подонки успели распределить между собой. Жители нам дали список всех полицаев!

Выслушав Юркевича, начштаба решил: разыскивать предателей некогда, а проучить надо. Разведчики по списку быстро нашли все полицейские усадьбы. За час — полтора успели не только забрать своих лошадей с повозками, но, прихватив еще с десятков запряженных подвод, конфисковать имущество, необходимое для личного состава и прежде всего для раненых: теплую одежду, одеяла, продукты.

— О, теперь дело пойдет веселей! Опять поедем в мягких вагонах! — с трудом взобравшись на повозку, усталую сухим чистым сеном, проговорил Миша Рубинов, раненный в грудь и бедро.

Через два часа колонна на подводах двинулась дальше. Благополучно переправились по мосту через Случь и повернули на север, спеша в партизанский край — белорусское Полесье.

Сидя на подводе, Петро Кашицкий, один из героев

этого страшно напряженного дня, рассказывал своим друзьям-разведчикам:

— Ой, и натерпелся ж я, пока мы с Лавринцом сидели на той проклятой скирде, посреди поля! Кругом — немцы! А мы затаились в соломе и ничего не можем сделать. Особенно мы переживали, когда фрицы начали проческу. Сначала я ждал боя. Но в лесу — тишина... и тут я испугался: неужели фрицы всех наших хлопцев живыми побрали? Думал, седым стану!.. Вы знаете: легче в десяти боях участвовать, чем в такие прятки со смертью играть!

Выходили ковпаковцы из Карпат по-разному.

Шли совсем маленькими отрядами, как Михаил Ядченко с Холодовичем и Романовичем, спасшие жизнь девяти раненым товарищам. Некоторые мелкие группы гибли в засадах или теряли лучших бойцов. Выполняя важное задание Вершигоры, попали в лапы гестапо две разведчицы: украинка Галя Боженко и полька Мечислава Выжиковска. Их долго мучили во львовской тюрьме, тщетно выпытывая данные о ковпаковцах. Но ничего не добившись, отправили девушек в какой-то лагерь смерти, в Польшу.

Во время опасного ночного марша был смертельно ранен Радик Руднев, выручавший остатки разведроты Ивана Бережного. Многие пионерские дружины носят теперь славное имя комсомольца Радика.

Выходили из Карпат и целыми батальонами — как кролевчане. Или как шалыгинцы, во главе с хитрым и ловким Федотом Матющенко. Но основную массу ковпаковцев вывели тогда Петр Петрович Вершигора и ставший начальником штаба в его группе Василий Александрович Войцехович.

С трудом, трагически тяжело выбирался из окружения раненый Ковпак вместе со своим начальником штаба Базымой, тоже раненым, и со своим верным, давно уже спешившимся ездовым. Без карт, без рации шел этот маленький отряд — всего с полсотни человек. Значительная часть сопровождавшей Ковпака группы оторвалась во время одного из многочисленных боев. Маршрутную разведку ковпаковской группы вели кудрявый веселый минер Платон Воронько, украинец родом, к тому же су-

мевший благодаря своему поэтическому слуху быстро приноровиться к местному карпатскому диалекту, и семнадцатилетний Славик Августяк, с детства знавший здешнюю речь и обычаи. Оба хорошо справились со своей задачей.

Правда, однажды под вечер в горах Славик вдруг увидел: Платон, как лунатик, идет прямо на сосну.

— Куда ты?! — испуганно шепнул Славик и оттянул своего старшего товарища за руку.

Платон остановился и, виновато опустив голову, потер пальцами веки.

— Ты знаешь, Славик, что-то я стал плохо видеть, особенно в сумерки, — признался он. — Наверно, от голодухи.

— Чего ж ты молчал об этом? — мягко укорил его Славик. — Могло быть хуже! Вдруг бы на дороге вместо дерева оказался фриц! Тебе нельзя идти первым... Будешь за мной двигаться.

Как-то партизаны принесли Ковпаку весть, якобы Руднев где-то близко, ранен и его прячут местные жители. Славу Августяка и еще одного местного хлопца послали в разведку. Одетые по-сельски, они незаметно для военных патрулей сели на станции Ворона в товарный вагон, набитый до отказа пассажирами, и отправились поездом на Коломыю. Вместо документов юные разведчики взяли пистолеты — на самый крайний случай. Ковпак выбрал этих ребят именно потому, что оба они были небольшого росточка, оба хорошо владели своеобразным гуцульским говором и безошибочно ориентировались на местности. Они ничем не выделялись среди мирных жителей: вроде — обыкновенные подростки.

Но их опасная поездка не оправдала надежд Ковпака. В Коломые и вокруг нее люди не видали человека, похожего на комиссара Руднева; даже не слыхали о таком!.. Увы, молва донесла до партизан ложный слух.

Догнали юные разведчики свою группу уже на Днестре. «Дед» еле шел, опираясь на толстую ореховую палку. Преданный ординарец Политуха сам едва держался на ногах от истощения. Заботясь о любимом командире, он отрывал от себя последние крохи хлеба, последнюю закрутку самосада. Зато он сохранил главное: жизнь деда Ковпака и знамя соединения, под которым снова должны были собраться все ковпаковцы в Полесье.

В Полесье между тем давно уже упорно, из отряда в отряд, передавали слухи, будто Ковпака наголову разбили в Карпатах.

Выдумка эта пошла, конечно, от оккупационных властей, точнее, от командующего карательными войсками генерала Крюгера, а также от разных «полицайфюреров» вроде Кацмана и фон Дем Баха.

А сам Ковпак в это время уже соединился с Вершигрой в районе местечка Городница, в северной части Житомирщины. И, слушая эти небылицы, только посмеивался. Похудевший, до неузнаваемости загорелый под горным карпатским солнцем, еще прихрамывающий на одну ногу, но по-прежнему неугомонный «Дед» уже завязывал дружественные контакты с командирами местных отрядов.

Одним из таких формирований, находившихся вблизи Городницы, был небольшой польский отряд капитана Коханьского («Бомбы»), кстати сказать, тоже совсем недавно пришедший в этот район с Волыни, где свирепствовали бандеровские банды, именовавшиеся Украинской «повстанческой» армией.

Эти гитлеровские холуи, финансируемые супершпионом генералом Геленом, называли себя «самостийниками», хотя и инструкции, и оружие получали из Берлина. Они совершали налеты на польские деревни, убивали женщин и стариков, бросали детей живыми в огонь. Словом, вели себя как отпетые садисты.

Поощряя зверства украинских националистов, Гелен знал, что делал,— фашисты всячески стремились поссорить славян между собой, следуя старому правилу: «Разделяй и властвуй».

Но польские и украинские советские партизаны, разгадав эти грязные уловки, всеми силами защищали местное население, состоявшее здесь преимущественно из поляков, от налетов бандеровских банд.

Вот почему командир польского отряда капитан Владислав Коханьский, который, рискуя своей жизнью, вывел сюда с Волыни восемнадцать тысяч женщин и детей, очень обрадовался, когда к нему в Гуту Стефаньску примчался гонец с заставы и сообщил:

— Какая-то колонна советских партизан движется к нам.

Это были ковпаковцы.

— Командование отряда хочет видетсья с вами,— добавил гонец.

— Хорошо,— с удовлетворением кивнул польский капитан, который до этого уже взаимодействовал с отрядом Шитова.— Надо пригласить сюда дорогих гостей!

Туда, в село Устье, стоявшее на берегу реки Случь, было от штаб-квартиры Коханьского около тридцати километров. И так как сам Владислав Коханьский недавно получил тяжелое ранение, то, не раздумывая долго, он послал за гостями своего заместителя — поручика Бляховского для представительства и свой тарантас, запряженный двумя громадными тяжеловозами-першеронами.

Зенон Бляховский (или, как боевые друзья называли его, «Счене», что значит «Стремя») радушно встретил обоих гостей и усадил в тарантас. Поручик, мысленно оценивая незнакомых ему командиров, сказал себе: «Этот, постарше, с острой седой бородкой, вроде совсем простой хохол, сельский дядька. Но, видно, хитер! Другой, что помоложе и покрасивей, пожалуй, более интеллигентен».

Вершигора, тоже по-своему оценивая спутника, сощурился, разгладил свою пышную русую бороду. Потом похлопал Бляховского по плечу, на котором еще тускло поблескивали старые, довоенные знаки отличия, спросил:

— Ты знаешь, кого везешь, поручик?

Тот отрицательно покачал головой.

— Самого Ковпака!

— Ковпака?! — Бляховский широко раскрыл глаза и с восхищением произнес: — Направду, Ковпака? То есть символ партизанской борьбы! Даже мы, поляки, знаем приказ номер двести, ктурый есть подписанный Ковпаком и комиссаром Рудневым. То приказ о суровом наказании партизанта за мародерство. Все наши партизаны знают тэн приказ!

Гостей приняли с большим почетом. Едва «Счене» успел шепнуть своему стройному голубоглазому капитану, кого именно он привез, Ковпака и Вершигору повели в штаб-квартиру. А сам Коханьский, который на правах выздоравливающего ходил по лагерю без мундира, в белой рубахе, так как сентябрь выдался очень теплый, поспешил переодеться ради такого торжественного случая.

Через четверть часа он явился в мундире к гостям, расположившимся пока в его штаб-квартире. Кстати, те-

перь уже и Ковпак припарадился: был в габардиновой гимнастерке с генеральскими погонами; его старая рыжевато-коричневая кожанка лежала на стуле.

Коханьский, впервые увидев погоны советского генерала, да еще и золотую звездочку Героя, замер по стойке «смирно» перед легендарным «Дедом».

— Вольно! — добродушно усмехаясь, сказал Ковпак.

— Мы — ваши гости. Извините нас за неожиданное вторжение, — тоже улыбаясь, полушутя заметил Вершигора.

Он был без знаков отличия и вообще держался очень просто, словно был по званию равен каждому, с кем разговаривал.

Сбросив свой пыльный плащ, Вершигора расстегнул тужурку и сел по-дружески рядом с симпатичным ему польским капитаном.

— Прошу, товажыши, курите! — предложил им обоим Коханьский по долгу гостеприимства.

— А шо будэмо курыць? — спросил, сразу оживившись, Ковпак.

Из трофейных табаков, — а их у Коханьского было порядочно, — «Дед» не захотел брать ничего.

— Я научу вас курить! — сказал он. — Нэ бэрыць німэцкі эрзац-табак, а давайце самосад!

Он уже заметил в сенцах четыре или пять мешков гродненской махорки, которая была хорошо известна как «красноармейская». Ее специально изготавливали для наших солдат до войны на гродненской фабрике.

Кроме этой «красноармейской» махорки, у Коханьского было еще много курительной бумаги, сложенной в виде маленьких книжечек.

— Что это?! — нетерпеливо облизывая пересохшие губы, спросил Ковпак.

— Тоже трофеи. Когда радзецка авиация начала бомбить фашистов в Гродно, те удрали, а наши хлопаки подобрали трофеи. Но курить это не хотят, не привыкли.

— Не хотят?! Гродненскую?!

Ковпак страшно обрадовался находке: ему позарез нужно было то, чего не хотели курить франтоватые хлопаки. «Дед» давно мучался без привычного простого солдатского курева.

— Ну-ка, давай скорее сюда эту гродненскую!.. И бумагу!.. — Но курительную книжечку, к общему удивлению, «Дед» не взял. Только потрогал ее, потом обернул

вокруг пальца — всего на один оборот хватило тонюсенького листочка.— Не то!..

Рядом, у стены, белели рулоны трофейной газетной бумаги, очевидно, приготовленной немцами для каких-нибудь листовок или воззваний. Лукаво сверкнув глазами, «Дед» пошел к этим рулонам, оторвал две длинные полоски, сантиметров по двадцать каждая. С наслаждением свернул свою любимую сигарку, облизал краешек бумаги, склеил ее не спеша. Ковпак почти священнодействовал сейчас. Выкурил одну гигантскую самокрутку, потом другую и наконец сказал:

— Тэпэр я накурився! Давай поговорим!

И перешли к делу.

Петр Петрович, для наглядности, вынул карты из планшета и показал своим новым друзьям, что представлял собою Карпатский рейд. Вершигоре был необходим такой самоанализ, чтобы принять дальнейшие решения. Для молодых польских партизан это послужило блистательным уроком тактики и даже стратегии.

Коханьский слушал с увлечением и, казалось, сам сейчас блуждал по горному чернолесью вместе с «Дедом» и Вершигорой; ужом выползал из вражеских ловушек. Все эти, памятные ковпаковцам, места Коханьский знал еще с довоенных времен. Эти люди понимали друг друга так, что казалось, они рейдировали вместе.

Между тем принесли обед. Командиры поели, и разговор продолжался...

К удивлению Коханьского, только часа через четыре после приезда гостей появилась ковпаковская «охрана» — один-единственный щуплый на вид автоматчик. Это был неизменный ездовой и ординарец деда Ковпака — Мыкола Политуха. Он сидел спокойно на пороге и курил, ожидая, пока закончится разговор.

Наконец Ковпак сказал, глядя прямо в светлые глаза молодого польского капитана:

— Давай покажи мэни свой лагерь и людэй!

— Прошем!..— Владислав Коханьский, щелкнув стоптанными каблуками, открыл перед высоким гостем дверь.

Ковпак вышел первый на порог. И вдруг остановился, словно вкопанный: перед ним в две шеренги выстроился почетный караул, всего четырнадцать человек, в старых истрепанных мундирах, говоривших лучше всяких слов о

тех испытаниях, через которые прошли эти довоенные жолнежи, орудуя в тылу фашистов.

— Ого!— весело подмигнул Коханьскому Ковпак.— Армейская церемония? По уставу живэтэ?

— У нас такой привилей генералам,— объяснил взволнованный капитан, путая польские и русские слова.— А в партизантах, после боев — тем более!

— Ну, добрэ! — тая улыбку в седовой бородке, кивнул Ковпак. И приосанившись, поприветствовал почетный караул. Жолнежи, или точнее, партизаны в старых жолнежских мундирах, дружно ответили. А потом Ковпак обернулся к голубоглазому чернобровому польскому капитану, спросил: — Ты, значит, эти воинские приемы сохранил?

— А не нужно разве? — спросил с тревогой Коханьский, всей душой доверяясь опыту этого легендарного человека.

— Нужно. Все хорошее надо брать на вооружение. А от того, что мешает нашему общему делу, отказывайся.

«Дед» внимательно осматривал лагерь, попутно согласовывая с польским капитаном дальнейшие действия. Коханьский, которому сразу понравился простой озорноватый партизанский генерал, деликатно заметил:

— Из разговора, товарищ генерал, я понял, что ваша армия,— он почему-то считал, что под командованием Ковпака воюет целая партизанская армия,— сейчас очень нуждается в провианте. Мы рады вам помочь. Можем дать вам сколько надо муки, мяса. Поляки ничего не пожалеют для своих друзей!

— За цэ спасибо тобі,— искренне поблагодарил Ковпак.— А то моя братва сыдыть голодна...

На пятые сутки, договорившись с капитаном о пароллях, Ковпак и Вершигора уехали обратно в Городницу. В качестве подарка Коханьский выделил им для начала три десятка откормленных баранов.

А спустя несколько дней Ковпак со своими людьми оставил Городницу и перебазировался в села поближе к капитану Коханьскому.

Теперь частыми гостями у ковпаковцев стали поляки. Они восторгались, рассматривая вооружение и знатную экипировку рейдовиков. На девяносто процентов у ковпаковцев все было трофейное, добытое в боях. На двух-

трех человек приходился один немецкий пулемет. «Дегтярей», как сразу заметили поляки, было даже меньше, чем «лейхтмашингеверов», то есть легких пулеметов.

— Вот это постарался для вас фюрер! — смеялись поляки. — Всем снабдил!

А Вершигора, тоже посмеиваясь, отвечал:

— Сами для себя старались!.. Вы, кстати, запомните, братцы: по одежке и по вооружению можно сразу понять, каков отряд и как он воюет!..

Хорошо отдохнув в партизанских владениях Коханьского, ковпаковцы двинулись дальше в Полесье, в район хутора Конотоп, что севернее Олевска. На козлах брички, которую подарил Ковпаку капитан Коханьский, восседал теперь личный ездовой «Деда» — Политуха, с трудом удерживая сытых тяжеловозов-першеронов.

Прощаясь, Ковпак вдруг сказал Коханьскому:

— Переходи ко мне, капитан. Будешь комбатом!.. Даю слово, соберу всех поляков, которые воюют у нас в соединении, тебе под команду!

В этом предложении проявилась политическая прозорливость «Деда»: он понимал, что вскоре будут очень нужны такие польские партизанские отряды, оперативно связанные с Советской Армией...

Но Коханьский, хотя ему очень понравились и Ковпак, и Вершигора, с их веселыми молодыми штабниками и рядовыми, всегда корректными бойцами, ответил:

— Я доложу об это своему командованию...

Завершающим аккордом труднейшего Карпатского рейда явилась маленькая, но хитроумная операция по уничтожению железнодорожной станции Олевск.

— То будэ наш подарок Октябрю! — сказал «Дед», когда ковпаковцы, собравшиеся в лесном поселке возле хутора Конотоп, уже перебазировались в деревню Собычин, поближе к Олевску.

В эти дни советские регулярные части как раз подошли к Днепру, форсировали его и начали бой за Киев. 6 ноября 1943 года войска 1-го Украинского фронта освободили столицу Украины, а вечером разведчики доложили Ковпаку, что станция Олевск забита немецкими эшелонами с боеприпасами, танками и горючим. Услышав об этом, Ковпак чуть не подскочил, глаза его заискри-

лись. По всему было видно, старик задумал что-то важное.

— А немцев в Олевске богато?— спросил Сидор Артемович.

— Порядочно,— ответил командир разведроты Иван Бережной.— По данным Олевского партизанского отряда, оккупанты готовятся к длительной обороне. Город разбит на пять секторов...

— Гм! — недовольно хмыкнул Ковпак, почесывая бородку.

Он не раз втайне подумывал ударить по Олевску: «Наробить там такого тарараму, шоб немцы без штанив бижалы из города». Да что поделаешь, если нет боеприпасов? Теперь же, услышав о скоплении вражеских эшелонов на станции, Сидор Артемович снова загорелся этой идеей.

И вот разработан план операции. Он, правда, не совсем удовлетворял Ковпака, так как предусматривал не захват города, а только уничтожение немецких эшелонов на станции. Но подумав, Ковпак утвердил этот план, понимая: голыми руками Олевск не возьмешь.

Вечером 4 ноября Ковпак вызвал в штаб командиров и поставил всем задачу.

— Тоби, Кульбака, як самому слабому (Глуховский отряд в Карпатском рейде понес наибольшие потери), на цэй раз ставлю задачу полегче — уничтожить охрану на станции. Вона вся в одном вагоне. Поможуть тоби партизаны из местного Олевского отряда. Вони хорошо знают расположение... Начнем ровно в два часа ночи. Провиртэ часы.

В 2.00 Сидор Артемович сидел на своем КП, в восьмистах метрах от станции, и нервничал: все командиры доложили, что находятся на исходном рубеже для атаки и готовы к бою, а Кульбака молчал.

И вдруг на станции фыркнула короткая автоматная очередь; вслед за ней страшной силы взрыв всколыхнул землю. Над КП грозно прошумели осколки. На станции вспыхнуло огромное пламя. Потом снова один за другим прокатились такие взрывы, после которых оставаться на прежнем месте стало небезопасно.

— Шо вин там чудыть? — недоумевал Ковпак, беспокоясь за Петра Кульбаку и весь его отряд.

А случилось и в самом деле чудо. Поняв, что успех це-

ликом зависит от внезапности, Кульбака тихо, очень осторожно подвел свои роты, или, вернее, роту (с ним было всего около сотни человек), к вагону, в котором находилась охрана, надеясь накрыть ее спящей и захватить без шума. До цели уже оставалось всего каких-нибудь полсотни шагов. Вдруг дверь вагона открылась, из нее высунулся сонный немец, соскочил на землю и, услышав топот приближающейся к вагону партизанской цепи, выстрелил. Политрук роты Тымченко тут же дал по гитлеровцу короткую автоматную очередь. Бронебойно-зажигательные пули угодили в стоящий неподалеку вагон. Оказалось — там дополнительные заряды для мин и снарядов. Раздался оглушительный взрыв. За ним второй, третий. Начали рваться снаряды и авиабомбы в соседних вагонах. Вспыхнули цистерны с горючим. Поднялся такой грохот, будто рушатся горы. Услышав это, в городе подняли стрельбу партизаны местного Олевского отряда.

Перепуганные гитлеровские вояки, видимо, решили, что русские уже ворвались в город, и панически бежали еще до подхода наших регулярных частей.

Карпатский рейд закончился... Прошли десятки лет. Выражая то, что волновало сейчас всех, собравшихся в музее Партизанской славы в Яремче, ковпаковский разведчик и минер Михаил Назаренко сказал:

— Что я чувствовал, когда шел на смертный бой? Что все мы чувствовали?.. Только одно: что товарищи рядом, а винтовка в руке. И победить надо!

— Лиха беда начать! — отозвался Виктор Жуков.— Самым трудным было отважиться на борьбу. Почувствовать, что ты не один!..

— Верно,— поддержал Жукова учитель из Белоруссии Дмитрий Новак.— Но сила наша — в поддержке народа. Без помощи народа нам, партизанам, не обойтись! И кому лучше знать об этом?.. Ведь это меня, жертвуя собой, спрятал гуцул, житель села Заречье, не побоявшись ни побоев, ни пыток.

— А ты нашел теперь того человека? — спросил Михаил Назаренко.

— Конечно!.. Как только я узнал, что будет встреча ковпаковцев тут, в Яремче, я решил: приеду раньше других и обязательно разыщу!.. Списать с ним я никак не

мог: не знал ни фамилии его, ни имени, ни адреса точно-го. Надеялся только на случай!.. И вот, приехав в Ярем-чу, первым делом подался в это самое Заречье. Начал там расспрашивать людей. Все старожилы указывали на Гуменюка Михаила Степановича. По их подсказкам я разыскал его двор и сразу узнал все: и сарай тот, и хату, и огород, где меня прятали. Только самого хозяина не было дома. Он уже ушел в Делятин, надеясь встретить там меня, безымянного для него партизана, который прятался в его усадьбе ночью с четвертого на пятое августа сорок третьего года. А я, пока он искал меня среди ковпаковцев, приглашенных на слет, сидел уже у него в доме. Обнялись мы крепко, да и застыли так: слов нужных даже найти не могли!.. Потом он, уже успокоившись, рассказал мне все: как к нему в дом вбежали каратели — искали партизан; как били его, допрашивая, не спрятал ли кого-нибудь... даже ногу ему прострелили для острастки. С тех пор Михаил Степанович навсегда остался хромым. Рана периодически открывается, мучает его крепко.

— Я бы лично такое ранение за боевое считал! — веско сказал Берсенев.

Все партизаны с ним согласились. И опять потекли воспоминания: кто кого и где спасал, кто кому жизнью обязан.., когда впервые в строй стал, взяв пример с более смелого, решительного.

— Самое важное, — крепким, чуть приглушенным басом сказал сибиряк Леонид Прутковский, — чувствовать себя бойцом, куда бы ни забросил тебя шквал войны. Тогда ты — сила, солдат той армии, имя которой — народ.

А знаменитый «Сашка-разведчик», Ефрем Елисеевич Берсенев, который начал свой боевой путь, как начинали все у Ковпака, — рядовым, а вырос до командира батальона, — человек, о подвигах которого можно было бы написать увесистый том, сказал:

— Все перед долгом своим равны. Солдат — высшее звание для патриота.

Он стоял — вислоплечий, громадный, как Максим Горький на гранитном пьедестале. Такой же крепкой, размашистой — русскому характеру под стать — лепки было его лицо. Такие же громадные, сильные и умные, чуткие ко всякой нужной работе руки.

Словом, что ни человек здесь — то яркий и цельный характер. Что ни судьба, то увлекательнейшая жизненная повесть! Таков он — наш «простой» человек. Не так-то он прост, как этого кое-кому хочется. Крепкая, могучая это личность: с чистой совестью, с государственным масштабом мысли, с удивительной — нерастраченной и неиссякаемой добротой сердца.

Тут, казалось бы, можно поставить точку. Но Карпаты — это вершина в боевой жизни ковпаковцев. Здесь, у могилы легендарного комиссара Руднева — вершина драматизма в истории соединения и вершина боевой его славы. Пройдя десятки тысяч километров по захваченной врагом территории, партизаны дерзнули напасть на государственную границу военного сателлита Германии—Венгрии, управляемой в то время фашистским диктатором Миклошем Хорти. Наделали шуму отважные бойцы Ковпака — передовой отряд 18-й армии, которая затем навсегда освободила Карпаты. Той самой армии, в рядах которой сражался боевой начальник политотдела Леонид Ильич Брежнев.

А в это время ковпаковцы, вернувшись звездным маневром, отдельными отрядами в Полесье, двинулись после короткого отдыха опять все вместе за Сан и Вислу, помогать польским партизанам.

Именно отсюда, с Карпат, как бывает на горных вершинах, открылись перед соединением новые дали, новые высоты, которые еще предстояло преодолеть в боях.

ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

Шел ноябрь сорок третьего года. Отряды Ковпака отдыхали после тяжелого Карпатского рейда в районе Олевска, на Житомирщине. Теперь линия фронта проходила совсем рядом, у Овруча. А на север от Овруча, в лесах, где возник новый партизанский край, ее совсем не было: образовались так называемые фронтовые ворота шириной около ста километров, очень удобные для связи с Большой землей. (В ходе наступления такие «ворота» — участки, не занятые противником, образовывались нередко).

Многие партизаны еще не вернулись из Карпат. Они

пробирались отдельными маленькими группами сквозь вражеские заставы и ловушки.

Не вернулся и комиссар Семен Васильевич Руднев. Никто тогда еще не знал, что он погиб смертью героя под Делятином. Все были уверены, что он вот-вот придет. Но комиссар не появлялся...

И все же люди прибывали к месту сбора каждый день.

В книге «Люди с чистой совестью» Петр Петрович Вершигора назвал этот рассредоточенный выход из Карпат звездным, или давыдовским маневром, в честь родоначальника русской партизанской тактики Дениса Давыдова, который, внезапно нападая на отстающие части наполеоновской армии и нанося им значительный ущерб, отходил потом несколькими мелкими группами в разных направлениях, чтобы противник не смог организовать преследования.

Но давыдовский маневр по своему масштабу, целям и задачам не выходил за тактические рамки. А ковпаковцы, взяв в основу предложенный Вершигорой давыдовский маневр, сумели, благодаря огромному опыту и боевой дерзости командного состава, не только совершить прорыв из двойного вражеского кольца в Карпатах, но и сразу же развернуть активные наступательные действия на огромной территории, занятой противником.

Этот смелый маневр ковпаковцев раскрыл новые возможности глубоких рейдов и активных наступательных действий силами нескольких войсковых соединений в разных районах одновременно, на большом пространстве, захваченном неприятелем.

По своему масштабу, политическому и военному значению звездный маневр ковпаковцев, в отличие от давыдовского, является новым, еще не виданным в истории военного искусства партизанским маневром не только оперативно-тактического, но и стратегического характера.

Один из «лучей», составлявших неуловимую «звездочку» соединения, Ковпак поручил выводить своему помощнику по разведке подполковнику Вершигоре. Выбравшись с гор на равнину, Петр Петрович вместе с Войцеховичем сумел за полтора месяца собрать и вывести в Полесье, в условленный район, основные силы ковпаковцев — больше, чем две трети всего личного состава.

За это время войска обергруппенфюрера СС Крюгера двадцать один раз окружали Вершигору. И каждый раз хитрый «Борода» с молодым «Кутузовым» — начальником штаба этой группы наносили многочисленному противнику ответный удар и исчезали всей братией в неизвестном направлении, как бы ведя со смертью дерзкую азартную игру, которую впоследствии сам Петр Петрович и все участники двадцати одного прорыва из окружения называли шутя игрой в «очко», или «двадцать одно».

Вывод основных сил ковпаковского соединения из гигантской карпатской западни был для Вершигоры блестящим экзаменом на командирскую зрелость и своего рода дипломом об успешном окончании ковпаковской «академии».

Сдавая этот экзамен, Петр Петрович проявил себя и как изобретательный организатор подпольно-диверсионной борьбы. Обстановка сама понуждала к этому. Уйдя с гор на равнину в район Станислава (ныне Ивано-Франковск) с двумя сотнями ковпаковцев, хорошо вооруженных и испытанных в боях, и таким образом получив полную самостоятельность и свободу действий, Вершигора решил проверить свои способности в организации подполья. Еще кругом рыскали войска обергруппенфюрера СС Крюгера, гремели взрывы вражеских авиабомб и снарядов, еще каратели прочесывали леса, лесочки и даже мелкие кустарники, а Петр Петрович и его молодой штаб, искусно маневрируя, уже готовили партизан для новых дел. Разыскивали надежных людей, оставленных комсомолом и партией в тылу врага и пока еще не нашедших своего места в патриотической борьбе. Готовили кадры для подпольной и разведывательной работы.

Так, в какие-нибудь две-три недели, находясь в плотном окружении крюгеровских дивизий, Петр Петрович сумел создать вокруг Станислава — важного железнодорожного узла и административно-политического центра в юго-западной части Украины, — а также вокруг Калуша, Галича, Бучача, Надвурной и других городов на Станиславщине широкую хитросплетенную сеть своих помощников.

Теперь Вершигора был постоянно в курсе того, что происходит в самом областном центре и вокруг него. Знал: сколько, куда и с чем проходит ежедневно эшелон по Львовской и Дрогобычской магистралям. И даже

при недостатке питания к рациям Вершигора умудрялся при помощи своего лучшего радиста, называемого в шифровках «Комаром» (Николая Смирнова), регулярно передавать сведения в Центр... Был момент: Вершигора совсем уже решил остаться на Карпатах — партизанить, но приказ его прямого начальства из Разведуправления был краток и строг: пробираться с ковпаковцами в Полесье.

И вот теперь все, кто мог, кто выжил, собрались... Ковпак и его начальник штаба Базыма уехали в Киев заживать ранения, полученные в Карпатах. Вершигору, помощника Ковпака по разведке, еще до отъезда самого Сидора Артемовича отозвало в Москву Разведуправление Советской Армии — его прямое начальство. Словом, остались ковпаковцы без командования. Всеми делами сейчас заворачивал «партизанский Кутузов» — Вася Войцехович, который тасил на себе целый ворох важнейших обязанностей. В сущности, все боевые операции, все маршруты рейдов уже давно разрабатывал он — скромный и невозмутимый помначштаба соединения по оперативной части.

Партизаны гадали: кто же теперь будет ими командовать? Выходить из вражеского тыла ковпаковцы не собирались: считали — еще рановато... слухи ползли разные. Но мнение у всех было одно, ясное и твердое: если пришлют «чужака», как ревниво называли ковпаковцы командиров других партизанских формирований, заслужить авторитет ветеранов ему будет нелегко. Что греха таить? Повидав на своем пути много разных отрядов, эти бойцы не каждому командиру могли без опасения вручить свою судьбу. Опыт на войне дается очень дорогой ценой — ценой жизни, ценой крови. А это вынуждает к взаимной взыскательности: не только старших к младшим, но и младших к старшим, к тем, кто ведет их в бой. Таковы были прочные традиции соединения.

Чтобы не сидеть без дела, ковпаковцы решили пока заняться здесь, на оккупированной врагом территории, мобилизацией населения в Советскую Армию. Представители разошлись по окрестным селам. Агитаторами эти хлопцы были умелыми: опыт политической работы с людьми за годы борьбы во вражеском тылу у них накопился изрядный. Да и само боевое прошлое ковпаковцев служило наглядным примером: буквально у каждого

сверкали ордена и медали на груди!.. Ребята-допризывники, подросшие за время оккупации в этих селах, слушали партизан с восхищением.

Едва ковпаковцы объявили мобилизацию в Олевском, Ракитнянском и других районах — в Собычин, где располагался штаб соединения, повалили толпы мужчин с котомками. Шла молодежь, шли пожилые люди, еще способные держать оружие в руках. Тут же работала своя, партизанская призывная комиссия: врачи проводили медосмотр. Ковпаковцы формировали из вновь прибывших взводы, роты, батальоны. Занимались с будущими фронтовиками строевой и огневой подготовкой, проводили даже занятия по тактике.

Вскоре пятитысячную колонну — скомплектованную, подученную готовую дивизию партизаны отправили через фронтовые ворота на освобожденную уже территорию в Овруч...

Наконец, в середине декабря Войцехович получил радиограмму из Киева: «Вышлите Овруч через фронтовые ворота сто пятьдесят подвод под боеприпасы. Ковпак». Все сразу воспрянули духом: стало ясно — снова в рейд!

На второй день в Овруч ушло полторы сотни подвод на «му-2», как называли некоторые остряки быков, мобилизованных у населения (своих лошадей ковпаковцы почти всех потеряли в Карпатах). Партизаны с нетерпением ждали возвращения обоза: были уверены — вместе с боеприпасами прикатит и новое начальство.

И верно: на следующий день со стороны Овруча у заставы, располагавшейся на месте сожженной карателями деревни Перга, показалась пароконная подвода в сопровождении пехоты. Еще издали кролевчане, державшие заставу, узнали ковпаковскую пролетку, а над ней реяла роскошная борода Петра Петровича Вершигоры. Покачиваясь на сиденье, Петр Петрович благодушно улыбался. Губы его шевелились. Видно, он рассказывал что-то веселое шедшим по обе стороны пролетки людям.

А рассказ его был действительно такой, что ахнуть можно. В Киеве Вершигоре довелось докладывать о своих разведывательных делах в штабе фронта — генералу Ватутину. Правда, об этой части своей деятельности Петр Петрович сейчас, разумеется, умолчал. Зато он имел полное право рассказать своим боевым друзьям, с каким жадным интересом расспрашивали его там, на команд-

ном пункте Ватутина, советские военачальники. Полтора часа Вершигора докладывал им, как проходил рейд в Карпаты. А когда закончил, сам Ватутин признался, разведя руками:

— Ты меня извини, «Борода!» Я воевал еще в гражданской, мы тоже водили за нос противника, используя методы народной, партизанской борьбы. Но чтобы две тысячи вооруженных людей с артиллерией и минометами так свободно могли гулять по глубоким тылам врага — я раньше просто не мог представить!

— Вот вы не верите, товарищ командующий, — заметил член военного совета фронта Хрущев, — а товарищ Ковпак уже третий такой рейд совершил. Около пятнадцати тысяч километров прошел по тылам фашистов!

— Правда, в этом рейде, — поспешил тут «Борода» воспользоваться сложившейся ситуацией, — нам пришлось оставить в горах всю артиллерию...

— Ну, если это так, я готов им отдать всю свою артиллерию, — добродушно улыбнулся круглолицый, плотно сбитый генерал Ватутин. И добавил уже серьезно: — Пишите заявку.

Быстро составленная Петром Петровичем заявка на новые орудия была удовлетворена полностью.

Пока спутники Вершигоры одобрительными возгласами реагировали на этот рассказ, кролевчане, державшие заставу на околице деревни Перга, уже махали приближающейся колонне. В числе идущих сейчас рядом с Петром Петровичем партизаны узнали много старых ковпаковцев, отправленных в разное время по ранению на Большую землю, и первого среди них Андрея Цимбала, шагавшего слева, впереди, с новым автоматом ППШ на груди. Одет он был, как и все, по-зимнему: в валенки и ватные брюки, но в отличие от остальных красовался в кожаной красно-коричневого цвета куртке и кубанке из черного каракуля с малиновым верхом. Рядом с Андреем шагал костистый и рослый, как почти все белорусы, Гриша Жоголь — тоже в чистеньком аккуратном обмундировании и с новым, будто игрушка, автоматом.

— Молодец «Борода», подобрал всех наших! — радовались ребята.

Новички (среди них были ценные специалисты: подрывники, радисты, артиллеристы, политработники) за время пути успели подружиться с бывалыми ковпаковца-

ми. Всех их встречали теперь в соединении как своих. Но особое воодушевление вызвало то, что на должность командира был назначен сам Петр Петрович Вершигора. Ведь он был свой, близкий, не раз проверенный в боях человек, ученик Ковпака и Руднева. Петра Петровича хорошо знали и потому верили ему.

Начались объятия, приветствия... Цимбала тоже окружили со всех сторон.

— Ну, как тебя отремонтировали, Андрей?

— Капитально!

— Как твоя нога?

— В поря-адке,— с напускной ленцой отвечал он.

— О, да ты уже старший лейтенант!

— А как же! — улыбался своей открытой широкой улыбкой Цимбал.— Жизнь идет.

— Поздравляем!..

— Что вы там делали все это время, чем занимались? — допытывались у Андрея товарищи.

— Что я делал?..— Цимбал скривился пренебрежительно.— Бездельничал: почти три месяца валялся в госпитале, месяца два отдыхал... Недели три на учениях были. После присвоили звания тем, кто на командных должностях был. А потом начались мучения!..

— Чего? — удивились все.

— Да ну!.. Вызывают меня в штаб и предлагают лететь в другое соединение. Нет, говорю, я — только к себе, к своим хлопцам! «Что ж, по-вашему,— спрашивают,— другие хуже?» Может, есть и не хуже, говорю, но, кроме своего соединения, я никуда не поеду. Я к рейдовой жизни привык. И не намерен сидеть в болотах, комаров кормить!.. Да и товарищи меня ждут: сам Ковпак с комиссаром Рудневым записку Строкачу послали!..

— Ну и что? — хором спросили его.

— Раз десять вызывали, а я стою на своем... я ж хохол, упрямый!.. К счастью, подвернулся Петр Петрович и забрал нас, ковпаковцев, с собой.

...К общему удивлению всех товарищей, знавших командирские способности Андрея, Вершигора назначил его комиссаром в 5-й батальон, созданный из недавно влившегося в соединение Олевского отряда.

Незадолго до отъезда Ковпака командование местного Олевского партизанского отряда обратилось к нему с просьбой принять их под свое начало. «Дед» долго раз-

думывал. До сих пор он считал, что местные небольшие группы партизан тоже нужны как опора для рейдирующих соединений; снабжал такие группы оружием, охотно помогал им, чем мог, но в состав соединения не включал. Теперь же он вдруг согласился принять олевчан.

И вот сейчас, перед выходом в рейд, у Вершигоры возник вопрос: что делать с этим новым местным отрядом? Распределить людей по батальонам или оставить их вместе, в прежнем составе? Решили сохранить олевчан как самостоятельную единицу, но укрепить своими, закаленными в боях командирскими кадрами. И Вершигора назначил Цимбала в новый батальон комиссаром, а кудрявого веселого Платона Воронько — партизанского поэта, прибывшего к Ковпаку с Большой земли перед выходом в Карпатский рейд, утвердил комбатом.

Пополнившись оружием и боеприпасами, соединение двинулось 5 января на запад, в новый рейд. Больше оставаться под Олевском было уже нельзя: к нему приближались советские войска, перешедшие в наступление. Партизанам предстояло пробираться дальше в тыл врага.

Началась очередная ковпаковская эпопея.

Вопреки своему обыкновению ковпаковцы вышли в рейд с утра: лесистая местность позволяла совершать марш, не дожидаясь наступления ночи. Полесье простиралось на сотни километров, с востока на запад и с севера на юг... Куда именно держит курс соединение, знали только трое: сам Вершигора, новый комиссар ковпаковцев Николай Алексеевич Москаленко и назначенный начальником штаба Войцехович.

Шли легко, хоть и работала сейчас у ковпаковцев в обозе такая «техника», как рогатые деревенские «му-2» (волы, попарно впряженные в сани). Дорога держалась еще хорошая, укатанная с зимы. Противника нигде поблизости пока не было.

Возле села Глиннэ произошла встреча ковпаковцев с партизанами братского, тоже рейдирующего отряда имени Александра Невского. Молодой командир отряда — пограничник Виктор Карасев, начавший партизанить еще под Москвой суровой осенью 1941 года, сейчас тоже держал курс на запад. Узнав от своих разведчиков, что к селу, где стал на дневку его отряд, приближается Вершигора с соединением, Карасев и весь штаб — несколько молодых крепких парней, вышли за околицу встречать.

Петр Петрович, обменявшись рукопожатием с коллегами (как он шутя называл карасевцев), теперь смеющимися глазами изучал их лица.

— Что, хлопцы, веселей стало воевать, чем тогда, в сорок первом? — спросил он, невольно любуясь ладной сильной фигурой Карасева, одетого в новый, щегольски присборенный полушубок, подбитый светлой овчиной. — Экипированы и вооружены вы первоклассно! Только не пойму, что это у вас за шлемофон такой на голове? Откуда и зачем?

— Подарок Папанина! Он ведь не только полярник, но и партизанский ас времен гражданской войны, — звучным сильным голосом ответил Карасев. Его светло-голубые, чуть выпуклые глаза, не мигая, смотрели прямо в глаза Вершигоре. — Мы предполагали, товарищ подполковник, сначала десантироваться на парашютах. Потом решено было воспользоваться фронтовыми воротами. Одним словом: мы — как вы!

— А шлемофон Папанина у нас теперь — вместо талисмана! Символ преемственности поколений, — полушутя объяснил комиссар карасевцев Михаил Филоненко, самый рослый и самый молодой из этих парней. Его мягкое, юношески округлое лицо и интеллигентные манеры очень понравились Вершигоре.

«И вот эти спокойные улыбочивые ребята вместе с другими, такими же, дерзнули тогда, в страшном сорок первом, напасть на штаб двенадцатого армейского корпуса фашистов в Угодском заводе — на подступах к Москве!..» — подумал Вершигора. Уже не однажды летавший из вражеского тыла на Большую землю к своему прямому начальству — в Разведуправление Советской Армии, он знал о других отрядах, и в частности о карасевцах, гораздо больше, чем они могли предположить.

— Долго вы рассчитываете оставаться здесь, в Глинном? — спросил Петр Петрович.

— Скоро вас догоним!

— Счастливо!.. — «Борода» протянул руку, прощаясь с Карасевым, Филоненко и остальными.

— Счастливого вам пути!.. — карасевцы замахали варежками и шапками колонне ковпаковцев, двигавшейся мимо них.

«Чем больше таких отрядов, тем уверенней чувствует себя каждый из нас! — с удовлетворением подумал

Петр Петрович, садясь в седло.— Армия партизан растет и крепнет!..»

После двухдневного марша ковпаковцы подошли к восточному берегу реки Горынь и остановились в селах Струга, Малы, Викаревиче Малэ и Викаревиче Вельке — напротив старинного белорусского городка Столина, живописно расположенного на возвышенности. Но для Вершигоры такой рельеф местности был весьма невыгоден. Предстояло форсировать капризную извилистую реку с широкой заболоченной поймой. Разведчики доложили: укреплений на западном берегу нет, но лед на реке слаб. Людей кое-как выдержит, а вот обоз и тем более пушки не пройдут. Придется укреплять лед деревянным настилом.

В этих селах оказались и местные партизаны. Увидев отличное вооружение ковпаковцев, они завздохали:

— Вот это да-а!.. Не то, что у нас. С нашим оружием куда ткнешься? Рядом в Столине — сотня поганых полицейских, но сделать мы с ними ничего не можем. А сколько там добра! Горы зерна, полтысячи лошадей... и какие лошади!

Они попали в самое больное место Вершигоры: ведь он увел соединение в рейд на тех же «му-2», которые привезли из Овруча боеприпасы. Партизаны пообещали хозяевам отпустить быков через трое суток — как только доберутся до реки Горынь. А слово свое ковпаковцы привыкли держать крепко. В общем, соединению до зарезу нужно было триста лошадей. И вдруг под боком — целых пятьсот. Попробуй устоять перед таким соблазном!

Вдобавок к этому подвернулся случай проверить на деле боеспособность новоиспеченного батальона. Олевский отряд, действовавший в тылу врага уже второй год, серьезных боев с противником пока не вел — ограничивался мелкими диверсиями... И Вершигора дал приказ: занять Столин.

В полночь олевчанам удалось ворваться в город. Но на главной площади полицейские, засевшие в кирпичных зданиях, встретили партизан шквальным пулеметным огнем и прижали их к мостовой. Комбат Воронько был тяжело ранен. В залитом кровью полушубке, потерявшего сознание, его с трудом вытащили на плащ-палатке из-под обстрела.

Роты олевчан начали отходить. Осмелевший противник усилил огонь. Цимбал сумел все же остановить олевчан и поднять их снова в атаку. Но и эта атака была отбита, а самого Андрея ранило тоже...

Оказалось: ночью, буквально за час до наступления Олевского отряда на Столин, сюда прибыл батальон «казачков»-предателей, обряженных гитлеровцами в черную, вороньей масти, форму. Под натиском этих «казачков» олевчане отступили. Правда, лошадей и зерно все-таки успели захватить.

На следующий день 5-й батальон был расформирован, как не оправдавший доверия. Вычеркнут был в назидание всем даже сам порядковый номер пять, после этого его уже не присваивали ни одному подразделению ковпаковцев.

Тяжело раненного комбата — старшего лейтенанта Воронько отправили в госпиталь. А Цимбал, у которого на этот раз была перебита рука, категорически отказался эвакуироваться.

— Я два месяца сидел на аэродроме, чтобы попасть сюда! Понимаете вы это?! — кричал он врачам, пришедшим за ним на квартиру. — А вы снова меня отправить хотите? Сиваченко! — позвал он своего молчаливого, но расторопного ординарца. — Лошадей!..

Через несколько минут пара трофейных, серых в яблоко коней, запряженных в шикарные, тоже трофейные сани-козырьки, стояла у крыльца. Побледневший от потери крови, прижимая к груди загипсованную руку, подвешенную на белом, в синий горошек платке, Андрей сел в сани и помчался к Вершигоре.

— Петр Петрович, что же это получается?! — начал он прямо с порога. В его глазах сверкали молнии, лицо покрылось красными пятнами. — Вчера привезли, а сегодня хотите отправить обратно?

Поняв сразу, что пригнало к нему Цимбала, Вершигора улыбнулся и, спокойно поглаживая свою широкую бороду, спросил:

— Что случилось, Андрей? Тебе лежать надо! Чего ты шумишь?

— Как — чего? — возмутился Цимбал еще больше. — Будто не знаете! Зачем отправляете меня? Я два месяца сидел на аэродроме, чтобы попасть сюда, а вы опять?..

— Подожди, Андрей, не горячись, — вмешался вы-

шедший из другой комнаты Войцехович.— Я же хотел тебе сделать лучше... У тебя повреждена кость. В госпитале она заживет через месяц. Здесь будешь мучиться три, если не больше.

— Ничего, лучше я помучаюсь здесь,— стоял на своем Цимбал.— Только бы от своих не отставать! Хватит с меня, больше не поеду в госпиталь!

Была на этот раз у Андрея и другая, не менее веская причина, удерживавшая его здесь, в соединении. Называлась она одним словом — Тоня (под таким псевдонимом партизанила Христина Васюкова). Это ее шелковый платок прижимал правую руку Цимбала к груди. Но о своей Тоне Андрей, конечно, молчал.

— Ладно, пусть будет по-твоему,— сдался Вершигора.— Только с условием: прямо отсюда — в санчасть. Нечего бегать.

— Есть, прямо отсюда в санчасть! — чуть не подскокил от радости Андрей (в санчасти как раз и работала медсестрой синеглазая Тоня).— Так бы сразу и сказали. Разрешите идти?

— Иди...

Через две недели после злосчастного столинского боя и форсирования реки Горынь Цимбал получил приказ о назначении комиссаром 3-го батальона, или, как его еще по старой памяти называли, Шалыгинского отряда. Того самого отряда, который создал еще Федот Данилович Матющенко, уехавший теперь «хазяйнувать» в свой освобожденный район.

На смену Федоту Даниловичу пришел новый комбат (Петр Брайко.— *Ред.*). Побывав на разных командных должностях в Кролевецком отряде, пройдя вместе с соединением весь его боевой путь от Путивля до Карпат, комбат вдруг сейчас оказался у шалыгинцев вроде бы новичком. И воспользовавшись этим обстоятельством, он, по выражению Вершигоры, «выцыганил» себе в комиссары Цимбала.

Андрей недоумевал: «Почему меня снова назначили комиссаром? Речей говорить я не умею. Какой из меня политработник? Лучше бы роту опять дали...»

Но «Борода» знал, что делал.

Длинных речей Андрей Калинович действительно не умел и не любил говорить. Да кому они нужны в бою? Там требовались прежде всего находчивость, храбрость,

отвага и очевидная, всеми признаваемая справедливость. Этих качеств у Цимбала было на десятерых. За это его и уважали. К тому же Андрей обладал какой-то заботливой, отеческой любовью к людям. А на войне (и особенно в тылу врага, где опасность поджидает партизана буквально на каждом шагу) дорого, как никогда, искреннее сердечное слово, уважение командира, человечность. Отецеская любовь к подчиненным вызывала ответную, сыновнюю любовь к старшему, более мудрому, сильному.

Оказалось, Цимбал удивительно точно унаследовал рудневский стиль работы: всегда — на марше, в бою, на отдыхе — находиться с людьми, слышать самому, о чем думают, мечтают, чего хотят, и тут же помогать им найти верный путь к решению задачи. Как и Руднев (а затем — полюбившийся Цимбалу ротный политрук Федор Пшеницын, оставшийся теперь в Путивльском отряде) сам Андрей Калинович почти никогда не собирал и не проводил совещаний, ограничиваясь коротким обменом мнений или беседой с командиром, бойцом. Происходило все это на марше, на привале, а то и в бою. Цимбал всегда шел в общем строю — со всеми, никогда не стараясь чем-то выделиться. И благодаря этому авторитет его был очень прочен.

20 января, когда было окончательно решено назначение Цимбала, 3-й батальон напал во Владинополе на след крупной бандеровской банды. Разведчики вдруг обнаружили солидные продовольственные склады. Там были и бочки с домашней украинской колбасой, залитой свиным салом, мука, солдатская одежда из грубого сурового полотна. И конечно же, оружие — особенно много пулеметов и минометов. Это были запасы для сформировавшейся Украинской «повстанческой» армии... А главное, разведка 3-го батальона выявила, что в тридцати километрах от Владинополя, в районе деревень Осса, Буды Оссовские и Живушки, находится штаб бандеровского полка под командованием некоего «Клеща». Один его «курень», то есть батальон, затаился в Доминополе.

Комбат-3 помчался к «Бороде». Петр Петрович в это время как раз вел какой-то важный разговор с комиссаром Москаленко.

— Подожди, Петя, я сейчас... — Вершигора по-своему, кивком показал молодому комбату на свободную скамью под окошком. И опять повернулся к комис-

сару: — Я выслушал тебя, Мыкола, с большим интересом! И ценю твою откровенность.

Николай Алексеевич (впрочем, большинство ковпаковцев-ветеранов, помнивших Москаленко еще командиром орудия, называли его просто, бо-братски Мыколой) с обычной своей мягкостью продолжал:

— В тебя верят, Петрович, но ты учти, после неудачи в Столине все шли какие-то притихшие. Настроение у хлопцев было незавидное. Для авторитета нового командования, конечно, первый бой должен был пройти очень удачно, чтобы инерции этой победы хватило на весь рейд!

— Ну, а потом еще и вторая неудача? — без всякой обиды подхватил «Борода» и показал в усмешке свои ровные зубы. — При форсировании «железки» Лунинец — Сарны?

— Да, — кивнул Москаленко. Его голубые, добродушные глаза сейчас стали серо-свинцовыми, словно небо в непогоду. — И дорога-то эта сама по себе малозначащая, рокадная. Только в связи с приближением фронта перевозки по ней несколько участились. А вот, поди ж ты, опять получилась какая-то обидная заковыка: ранено несколько лошадей, которых тут же пришлось перепрягать, рискуя обнаружить все соединение! Опять у людей возникает таким облачком сомнение...

— Что, не получается дело у нового командования? — спросил оживленно Вершигора.

Видимо, испытывая горькое чувство оттого, что приходится делать упреки своему командиру, Москаленко поспешил объяснить:

— Думаю, в этом не только наша с тобой вина. Вынужденный дольше обычного отдых несколько отучил хлопцев от боевой атмосферы. Надо как-то растормошить народ!..

— Ничего... Вернуть свою обычную боевую «форму» нам помогут сами же бандеровцы и бульбовцы! — поглаживая бороду, сказал Вершигора. И обратился наконец к комбату: — Я вижу, ты уже ерзаешь от нетерпения, Петя. Какое у тебя дело?

— Петр Петрович! Надо накрыть быстренько целый полк бандеровцев! А то они узнают, гады, что мы здесь, и разбегутся... потом будут вредить.

Петр Петрович усмехнулся, выразительно посмотрев на Москаленко:

— Вот видишь?..— И потом уже сказал комбату: — Ладно, давай! Только я подключу сюда и других.

Соединение по команде Вершигоры было поднято. 1-й, 2-й и 4-й батальоны вместе с кавэскадром Ленкина галопом полетели к бандеровскому штабу. А комбат-3 со своими шалыгинцами кинулся окружать лесное село Доминополь, где особняком расположился еще один «курень». Изъято было много оружия, вскрыта целая агентурная сеть. Но переловить бандеровцев всех полностью не удалось. Уцелевшие мелкими группами побежали на юг, за шоссе Луцк — Владимир-Волынский.

Ковпаковцы ринулись за ними — догонять... Вдруг в селе Завидув Вершигора остановил погоню и срочно вызвал к себе командира 3-го батальона.

Торопливо соскочив с лошади и передав ее своему ловкому ординарцу Браташу, комбат зашел в хату, где помещался штаб соединения. Петр Петрович встал, улыбнулся в свою роскошную темно-русую бороду, слегка прищурив правый глаз, и, прежде чем комбат успел открыть рот, чтобы доложить о прибытии, спросил:

— Петя, ты крепко устал?

— Нет, не особенно.

— Ну, тогда есть дело, тезка!..— и взяв комбата за руку, подвел его к большой штабной карте.

Начальник штаба Войцехович уже давно сидел за столом, всматриваясь в эту карту. Он водил пальцем по жирным черным и красным линиям дорог, вписывая названия населенных пунктов в свою рабочую тетрадь.

— Как люди у тебя? Очень устали? — оторвавшись от работы, тоже спросил он и озабоченно взъерошил свои русые, всегда стоящие торчком волосы.

— Немножко устали, — осторожно ответил комбат, по себе зная, что устали все основательно.— Но настроение у хлопцев хорошее.

— А лошади как?..— поинтересовался «Борода». Похоже было, он собирался посылать батальон куда-то далеко.

— Лошади, конечно, устали больше... Сами знаете, какое сейчас бездорожье. Лошадям надо бы дать передышку хоть на пару дней.

— Сани все заменил на повозки?

— Так точно!

— Та-ак!..— протянул по своей привычке Петр Петро-

вич и над чем-то глубоко задумался.— В общем, дело такое: надо провести одну маленькую операцию. Я решил поручить ее тебе. Что ты на это скажешь? А?..

Карие глаза Петра Петровича сузились, пристально изучая лицо комбата.

— Я готов, Петр Петрович!

Все трое склонились над штабной картой. Вершигора еще раз пристально посмотрел в лицо комбату. «Не робеешь ли, братец?» — казалось, спрашивали его глаза. Потом громко крикнул, подражая Ковпаку, и окинул быстрым взглядом железные дороги, шоссейки и реки, переплетающиеся на карте.

— Под ударами наших регулярных войск немцы удирают на запад. Но одновременно предпринимают все возможные попытки, чтобы задержать успешное продвижение нашей армии, для чего непрерывно к линии фронта подбрасывают подкрепления. А с востока в Германию увозят награбленное добро. По данным разведки, железная дорога Дубно — Броды — Львов работает сейчас очень интенсивно.

— Разведчики говорят, что через каждые десять минут на восток идет эшелон. Везут артиллерию, снаряды, машины... и живых фрицев,— дал справку Войцехович.

— Что же я должен сделать? — спросил комбат.

— Сегодня в пятнадцать часов с батальоном, без обоза хозчасти, выйдешь в район города Броды... Ты, кажется, начинал здесь свою пограничную службу?

— Так точно! — ответил комбат, дивясь цепкой памяти Вершигоры.

— Тем лучше!.. Выйдешь туда с батальоном и выведешь из строя железнодорожные узлы Дубно и Броды.— Он опять поднял на комбата глаза — добрые и лукавые одновременно, а сейчас в них было еще какое-то смутное беспокойство.— Ну как, Петро, понял?

— Понял.

— Обрато будешь возвращаться вот этим маршрутом,— показал «Борода» карандашом на извилистую красную нить, разрезавшую леса, болота, реки, железные и шоссейные дороги.— Сюда, в Завидув, тебе надо прибыть не позднее девятого февраля. Иначе опоздаешь: уйдем дальше на запад,— как бы вскользь заметил командир соединения.— На обратном пути повторишь такую же штуку с минами на железной и шоссейной доро-

гах Родзехув — Каменка. Для выполнения задачи тебе придается группа минеров части во главе с капитаном Кальницким. У них целая тонна взрывчатки.

Вершигора оторвался наконец от карты. Взгляд его был устремлен куда-то далеко-далеко. Казалось, он видел бегущие на восток поезда с фашистскими танками и представлял, как все это будет трещать, лопаться и грудой лома лететь под откос. Затем «Борода» прищурил, по своей привычке, правый глаз, что всегда, даже в минуты глубокого раздумья, придавало его лицу выражение озорноватого лукавства.

— Ну как, задача ясна?.. Приказ получишь у начальника штаба. Там расписано все детально. Вася, выдай ему боевой приказ... Ну, Петро, говори же, что хотел сказать: я вижу у тебя вопрос в глазах!

— На маршруте нам встретится река Стырь. Какие имеются разведданные о ней?.. Есть где-либо мост? И какими средствами я смогу переправиться с батальоном на восточный берег в случае отсутствия мостов?

Начальник штаба резко поднял голову от карты.

— Петро, ты задаешь такие вопросы, как будто в нашем распоряжении имеется инженерно-саперный батальон и не меньше двух пантонных парков! — При этом на еще незагорелом лице и нежной белой шее Войцеховича вспыхнули багровые пятна.

Вершигора многозначительно хмыкнул.

— А между тем, — более сдержанно продолжал Войцехович, — ты знаешь не хуже меня, при помощи каких средств мы форсируем реки... Могу еще добавить, что районы эти полностью контролируются националистами. По данным нашей разведки, все мосты уничтожены ими.

— Ясно... Еще один вопрос: где сейчас, хотя бы примерно, проходит линия фронта?

Петр Петрович задумался.

— Точными данными сегодня не располагаем, но, по моему, мы идем сейчас впереди армии километров на двести — двести пятьдесят.

«Что же еще не предусмотрено? — мысленно спрашивал себя комбат. — Здесь, в штабе, все как будто ясно, а переступишь порог — и сразу возникнет куча вопросов!»

Пройдя двухлетнюю ковпаковскую «академию» в тылу врага, он уже знал, что в партизанской войне точно

спланировать все наперед очень трудно, почти невозможно... Да и на фронте события зачастую развиваются с такой быстротой, что вносят поправки даже в самый продуманный и точный план. Но все-таки в регулярных войсках любой командир своевременно может быть поправлен, перенацелен старшим начальством. А превратности судьбы, которыми полна партизанская война, требуют особой самостоятельности и, если можно так выразиться, таланта решать в иную минуту все вопросы не только за самого себя, но и за генерала, и даже за главнокомандующего на своем участке борьбы с врагом.

Первый ночной марш прошел без осложнений, если не считать мелких стычек с бандеровскими бандами... Вот наконец и местечко Боремель, где русло реки Стырь наиболее узко и где можно сравнительно легко на месте сожженного моста построить партизанскую переправу. Впрочем, местечко это, прилепившееся к реке ракушкой, еще надо было захватить.

По данным разведки, бандеровская сотня под командованием матерого бандита «Ветра» приготовилась не пустить партизан в Боремель, и ковпаковцы действовали осторожно. Наступали тремя ротами — живой подковой, прижимая затаившуюся сотню к реке. В центре двигалась рота Машина. Смелый, но очень выдержанный и неторопливый, когда надо, он подкрался со своими конниками к самой околице и внезапно, через задворки, выскочил на единственную улицу этого местечка. Следом за Машинным ввели в Боремель свои роты Скопенко и Петров.

Но, овладев с ходу местечком, партизаны были поражены: сотня «Ветра» исчезла, как сквозь землю провалилась, не сделав ни одного выстрела. Более того — исчезли все жители. Молчало все вокруг. И эта зловещая тишина была страшней артиллерийской канонады. Партизаны терялись в догадках: что делает враг? Что он задумал? Какую готовит ловушку?

Разведчики отделения Мурашко «ощупывали» дом, в котором разместился штаб. Во дворе у самого крыльца стоял с автоматом на груди Саша Быков. Пучок прямых русых волос лихо выбивался из-под его шапки.

Два Сашиных приятеля, — тоже светлые, ему под масть, — белокурый Сутулин и рыжеватый Шкурат, осматривали сейчас погреб и сарай. Ловкий, горбоносый, точно орел, Архинос, появившийся из настезь раскрытых ворот

клуни, весь в соломе, сердито сплюнул и, увидев взводного, Николая Мурашко, доложил:

— Никого из хозяев не нашел, товарищ командир. Черт их знает, куда они все подевались!..

— Хорошо осмотрели? — остановившись, строго спросил Мурашко.

— Все облазил!.. — отряхивая соломинки, ворчливо ответил Иван Архинос. — Хоть рентгенаппаратом просвечивай!

В сенях, на чердаке, на кухне орудовал еще один разведчик — Саша Громов. На лице, на шапке и на зеленом немецком френче его лохмотьями висела паутина.

— Вы что ищете, Громов? — спросил комбат, входя с улицы во двор. — Где вы, хлопцы, могли так вымазаться? Словно трубочисты.

— Хозяев ищем!.. — объяснил Мурашко, и его добродушное розовое лицо выразило недоумение.

— А что, разве тут нет никого?

— Нет, товарищ капитан. Видно, только что были: в печке еще огонь горит, горшки кипят.., а в доме — никого!

— Това-арищ капитан, осталось десять минут до начала сеанса! — извиняющимся и в то же время требовательным тоном сказал, появившись в окне дома, радист Анатолий Судаков. — Когда же я успею?

— Не волнуйся, Анатолий. Осталось не десять, а двенадцать минут.

Войдя в комнату, комбат начал диктовать:

«Вершигоре. Занял Боремель. Сотня УПА исчезла. Приступили к строительству переправы...»

Между тем Громов, который обшарил все закоулки, рассказывал на кухне ездovому:

— Понимаешь, обнюхал я, можно сказать, каждую щель — и нигде никаких следов! Я чувствую, они где-то здесь сидят, черти! По всему видно: только что были... чутье подсказывает!

Комбат невольно прислушался к разговору. Он тоже недоумевал: обычно население встречало партизан очень радушно. Только ожесточенный бой мог заставить людей на время спрятаться в безопасное место. А тут и боя не было. Куда же все жители могли деться?

— Смотрите, — выйдя опять в кухню, показал комбат разведчикам из окна на крышу соседнего дома, над ко-

торой клубился дым.— Вон печь топится. И в следующем доме тоже!.. А вы заладили — «никого».

— Товарищ комбат, верно говорю! Спросите у остальных ребят! — с обидой уверял Громов.— И здесь вот, смотрите, тоже в печи огонь горит, горшки кипят вовсю, а в доме — никого. Чертовщина какая-то!..

В спальне была еще не убрана постель. А верхняя одежда висела на вешалке, словно хозяева забыли одеться. Все здесь наводило на мысль, что дом брошен наспех, неожиданно и что хозяева далеко уйти не могли и находятся где-то рядом. Но где?..

Стукнула калитка. Во двор, слегка переваливаясь с боку на бок, размашисто вошел комиссар. Следом за ним разведчик Новик вел двух коней.

— Расседлывать не надо! — сердито сказал Цимбал.— Отпусти подпруги и корми... Комбат здесь?

— Там,— услышался чей-то ответ.

Андрей Калинович резко открыл дверь, шагнул в комнату, остановился, оценивающим взглядом обвел присутствующих. Было видно, он озабочен и даже расстроен.

— Закончили проческу? — поинтересовался комбат.

Вместо ответа Андрей кивнул. Потом спросил с тревогой:

— Здесь тоже нет никого?

— Как видишь. Все брошено, будто при пожаре. В доме — ни души. А что?

— Во всем местечке — ни души!..

— Да ну? Не может быть!.. Вот это фокус... Не Боремель, а «Таинственный остров», — заметил вполголоса комбат.— Куда же все-таки делись все жители и сотня «Ветра» в придачу? Как, по-твоему?

— Удрали! Куда они могли деться? — буркнул Цимбал.

— Столько людей — и все удрали?

После недолгого раздумья Цимбал произнес:

— Ну, «Ветер» мог удрать со своей сотней за реку. А вот жители... Нет, жители за такое короткое время не могли все уйти! Да и бежать-то им было некуда. Местечко мы одновременно охватили с трех сторон и заняли сразу... Не в реку же они полезли!.. — рассуждал он, возбужденно расхаживая по комнате.— Попрятались, чудак! Видно, кто-то крепко их напугал...

Писк в наушниках Судакова оборвался. Щелкнул вы-

ключатель приемника. Анатолий, сняв наушники, тоже выглянул в кухню. Доложил:

— Товарищ капитан, радиограмма передана. От Вершигоры ничего нет.

— О!..— вдруг воскликнул Цимбал, остановившийся у окна. Во двор нерешительно шагнула женщина в потертом мужском пиджаке и сером, в крапинку платочке. За ней показались два разведчика.— Вот одна уже вылезла!

Переступив порог кухни, старуха остановилась и, сжав посиневшие от холода губы, испуганным взглядом обвела присутствующих.

Комбат невольно вспомнил свою мать-старушку, оставшуюся где-то за сотни верст отсюда, на Черниговщине. Жива ли она?.. Эта женщина чем-то напоминала ее. Такие же худые и жилистые, потрескавшиеся, черные от работы руки. Светло-карие, уже потерявшие цвет глаза. Поседевшие, когда-то золотисто-русые волосы. Такое же осунувшееся, морщинистое лицо и растерянный, усталый вид. Казалось, она без слов говорила всем: «Можете делать со мной, что хотите: убивайте, вешайте, режьте — мне уже все равно».

— Где нашли бабушку? — спросил Андрей Калинович.

— В погребе. Ребята в стене обнаружили хорошо замаскированный ход. Открыли, посмотрели, а там целая комната и в ней эта мамаша. Дрожит, ничего не говорит,— ответил один из разведчиков.

— Вот напугалась бедолага! — сказал Архинос с сочувствием.— Всю дорогу молилась, наверное.

— Да не волнуйтесь, мамаша!..— стал успокаивать старушку Цимбал.

Услышав, что незнакомые вооруженные люди говорят на ее родном языке и почувствовав в их словах почти сыновнюю нежность, женщина огляделась с удивлением.

— Мамаша, вы бы сели... Трудно ж вам столько стоять! Проходьтэ сюды до столу, нихто вас нэ обидыть! — продолжал Цимбал. Но старая женщина молча стояла среди кухни, по-прежнему не решаясь двинуться с места. Видя ее колебание, Цимбал сам подошел к ней, взял под руку и медленно повел к столу: — Сидайтэ, мамаша, нэ бийтэсь! Мы таки сами люды, як и вы.

Старуха села, взглянула еще раз в лицо комиссара и не выдержала. Уголки ее обескровленных губ чуть дрогнули, потом из старых, уже высохших глаз брызнула

первая, крупная слеза, покатила по щеке, по верхней губе и, сорвавшись с нее, упала на подол ветхой юбки, оставив мокрый след.

— Успокойтесь, мамаша. Плакать не надо...

— Та я не плачу,— почти шепотом ответила она, сморкаясь в подол юбки.— Слезы сами идут...

— Нэ бийтэсь. Никто вас не тронет. Зараз пидэтэ до дому. Вы дэ живэтэ?

— Тут рядом,— показала она рукой в сторону окна.

— Як же вы хату бросили? А в печи горит. Может, там все давно сгорело?..— спросил Цимбал.

Этот вопрос сразу вывел старушку из оцепенения.

— Боже ж мий! Шо там робыця у пэчи?! — Ее глаза, полные тревоги, смотрели то на Цимбала, то на комбата.

— Вот и тут все сало сгорело... Спасибо, хлопцы вовремя горшки с огня сняли... Так и до пожара недалеко, мамаша! — с тревогой заметил Цимбал. Женщина заерзала на лавке. Казалось, она вот-вот сорвется и побежит домой, чтобы хоть одним глазом взглянуть, что там делается.— А куда же все ваши хозяйки подевались?

— Хиба я знаю?..— опустив глаза, ответила она.— Може, втиклы?

— Куда ж воны втиклы?

— Хиба ж я знаю? Може, в Новоселки?..

— Ни, мамаша, в Новоселки нихто нэ бижав — мы звидты наступалы. За ричку тоже вси нэ могли убижать: вона дуже глыбока, а мост спалылы. Ну, так куды ж подилысь люды? А, мамаша?

Женщина молчала, опустив голову. Да и что она могла сказать? И без ее ответа было почти все ясно. Но Цимбал добивался своего: чтоб она сказала сама.

— Дэ ж люды? Дэ ваши сусиды?.. Бижать им було никуды. И николы. А их нэма. Дэ ж воны?

— Хиба я знаю? Може, сховалысь,— ответила она, не поднимая головы.

— Похоже на правду, мамаша... А чого ховалысь?

— Бо людям сказалы, шо идэ червона банда и убывае всих, кого знайдэ.

— Мы шось нэ чулы про таку банду, мамаша. Вам сказали неправду, вас обманули.

Искренность и участие, с которыми относился к людям Андрей Калинович, помогали ему быстро войти в доверие, расположить к себе собеседников.

— А кто ж вы таки будэтэ? — спросила наконец женщина, подняв голову, и посмотрела с надеждой в глаза Цимбалу.

— Мы? Бойцы Червоной Армии. И своих людей мы не убиваем. Мы убиваем только фашистов и их холуев.

— Червона Армия?! — воскликнула она и бессильно опустилась на лавку.— Дэсь и мий сынок Мыкола в Червоний Армии!.. А мы думалы, шось инше... Так чого ж я сижу, старая дура?! Пиду розкажу сусидам, всим розкажу...

— Идить, мамо, скажить всим, хай вылазять и варять обид.

— Пиду! Дай бог вам здоровья!..

Дверь за женщиной захлопнулась.

Андрей Калинович, возбужденный, быстро ходил взад-вперед по комнате, потирая ладони, как это часто делал комиссар Руднев, когда радовался чему-нибудь.

— Пойду и я, Андрей Калинович. Надо сходить к Кальницкому на переправу,— сказал комбат.

...Работа на переправе уже началась. Несколько партизан под руководством старого могучего сапера Яковенко, похожего на запорожского казака, заготовляли сваи и упоры к ним. Жилистый худощавый Островский — тоже ветеран в саперном деле — с тремя молодыми партизанами сооружал ручную «бабу», при помощи которой можно было прочно забить в землю эти сваи, чтобы затем надежно закрепить на них концы металлических тросов. Два человека измеряли глубину реки.

— Ну, как тут у вас дела? Успеете к вечеру?.. — осведомился комбат у капитана Кальницкого.

Тот сверкнул на него глазами из-под густых черных бровей:

— Вы что — смеетесь?!

— А в чем дело?

— Время идет, а людей нет! Разве эти десять человек могут все сделать сами? — повысил голос Кальницкий.— Мне нужно, и как можно быстрее, сто человек!

— Понимаю...— Комбат отметил про себя, что капитан Кальницкий по-настоящему болеет за дело.— Что ж тут не понять? Без людей этакую махину не построить. Но обстоятельства сложились так, что пришлось подзадерживать бойцов...

Кальницкий виновато улыбнулся и от этой улыбки

сразу помолодело его угрюмое, заросшее темной густой щетиной лицо.

— Извините, погорячился. Времени-то вы мне дали в обрез. Вот и волнуясь, хочу уложиться. А для этого надо так расставить людей, чтобы работа шла везде конвейером, бесперебойно! Мне потребуется не менее ста человек. Да, да! Пойдемте, покажу: где и как они будут использованы.

— Это другой разговор. Пойдемте.

— Здесь для установки надежных свай, за которые будут крепиться концы металлических тросов, надо шесть-восемь человек. И столько же — на том берегу!.. — считал Кальницкий. — И человек семьдесят, как минимум, — к сараям...

— К каким сараям? — в изумлении спросил комбат. Кальницкий резко повернулся к нему.

— Товарищ капитан, а что делать? — начал он быстро доказывать, немножко картавя от волнения. — Сейчас темпы строительства будут зависеть только от наличия лесоматериала, а он у нас пока стоит в виде двух сараев и не здесь, а во-он аж где! Их необходимо разобрать и перенести сюда. Затем надо сразу начать и наводку и закрепление тросов! И строительство пристаней с обеих сторон! И заготовку двух или трех цельных плотов на берегу, а это трудоемкая работа!.. Вот и считайте сами... — И он опять стал сыпать цифрами.

Скоро подошла одна рота на помощь... Для изготовления скоб и гвоздей были пущены в ход телеграфные и телефонные линии. Хоть и не улыбалась комбату перспектива — поднимать на ноги немцев, дежуривших где-то на другом конце каждой линии, но пришлось «подремонтировать» им связь.

Кальницкий заметно повеселел: дело пошло быстрее.

— Да-а, товарищ капитан, а здорово вы меня ошарашили с этим мостом вначале! — как бы оправдываясь, признался он. — Откровенно говоря, я растерялся. Уж я-то знаю, сколько надо времени на постройку деревянного моста грузоподъемностью три-четыре тонны. Не один такой построил за свою жизнь!.. А вы мне даете совершенно невыполнимые сроки. «Что он, думаю, смеется или издевается?» Верите, душа в пятках была! Спасибо, Яковенко меня выручил, подсказал насчет тросов. Оказывается, полезно прислушиваться к советам подчиненных!

Век живи — век учись... Плохо одно: что нас, саперов, учили раньше строить в основном войсковые переправы при наличии табельных средств — по стандарту. Ведь на войне во многом зависишь от случайностей...

А комбат, слушая его, думал: «Повезло мне с подчиненными!» Раньше, когда рядом с ним было начальство, ему казалось, что успех зависит прежде всего от командира, который обязан все заранее обдумать, предусмотреть, взвесить. Теперь же он неожиданно для себя сделал открытие, что успех самостоятельного рейда, за который он, командир батальона, отвечал лично, зависит прежде всего от подчиненных. От их ума, таланта, добросовестности. И, конечно, самоотверженности...

Через час комбат и Кальницкий увидели на крутом спуске, ведущем к переправе, группу мужчин — человек пятьдесят — с пилами, топорами, лопатами. Впереди колонны шагал сияющий Цимбал.

— Ну, теперь работа пойдет еще скорей! — Кальницкий показал в улыбке свои ослепительно белые зубы.

Колонна приблизилась к переправе и загудела, остановившись.

— Как тут у вас идут дела? — спросил Андрей Калининич. — Привел подкрепление. Хороших специалистов. — И вполголоса объяснил комбату: — Поодиночке боялись идти, друг на друга сглядывались. Видно, крепко их запугали националисты своими зверствами. Люди мне рассказали: бандеровцы непокорных вешают на деревьях, топят в колодцах!

— Пришли допомогты вам! — кланяясь, объяснил саперам пожилой, но еще крепкий мужчина с громадной бородой.

— Спасибо! Если хотите помочь, пожалуйста, милости просим, — ответил капитан Кальницкий. — Работу найдем!

— А то чому ж нэ допомогты своим? Гуртом держаться лучше и безопасней!.. — заметил худощавый рыжеволосый человек, доставая из кармана матерчатый кисет с самосадам. — Мыкыта, у тэбэ на цыгарку газета знайдэцца?

— Нэма. Всю роздав... Може, у товаришив е газеты для курэва? — спросил бородач.

— Найдем! — ответил Кальницкий и тут же вынул из кармана аккуратно сложенную половинку «Правды». Она

была не новая, еще январская. Но увидев «Правду», все потянулись к ней. Каждый хотел прочитать хоть слово.

Подошли еще партизаны. Поздоровались с добровольцами, угостили их трофейными сигаретами. Завязался общий шумный разговор.

— Нэ рвить газету! Почитаем... Писля будэмо курить,— сказал бородач односельчанам строго.

Все сразу отдернули руки от бумаги. Рыжий, взявший у Кальницкого газету, стал аккуратно ее складывать.

— Мы дадим вам еще газеты почитать!..— пообещал оживленный Кальницкий, радуясь, что люди по доброй воле пришли помогать саперам.

Через полчаса местные жители своими руками разобрали два сарая, стоявшие на высоком берегу, и начали вязать плоты...

Партизанский мост был закончен к 22.00. Сразу же начали переправу.

Идти по узким шатким плотикам, которые придерживались двумя канатами, перекинутыми на другой берег, было очень трудно. Люди еще кое-как могли перебраться, но под лошадьми мост стал тонуть. Пришлось тут же, стоя по колено в ледяной воде, распрягать лошадей и вести их под уздцы. Боеприпасы тоже сгружали. Каждую подводку переправляли через наплавной мост порожняком. А ящики с патронами, снарядами, гранатами бойцы переносили на себе, бредя по пояс в воде. Даже 45-миллиметровую пушку партизаны перетащили на себе.

Часам к двум ночи перебрались, наконец, на восточный берег реки Стырь. Затемно батальону надо было добраться до села Буды, откуда подрывникам предстояло нанести удар по железной дороге Дубно — Броды.

Снег уже стаял. Погода установилась мокрая, слякотная. Было темным-темно, хоть глаз выколи. Но хуже всего оказалось то, что действовавшие в Демидовском районе националистические банды покалечили все проселочные дороги и даже булыжные шоссе, везде были вырыты канавы. Колонна продвигалась очень медленно. Вслед за разведкой шли саперы Кальницкого с лопатами, ровняли дорогу.

Когда партизанская колонна приближалась к большой деревне Волковые, послышались разрозненные винтовочные выстрелы, а затем короткие автоматные очереди. Разведчик Быков доложил комбату:

— Столкнулись знов с националистами, черт бы их забрав!.. Около того дома. Там у них, мабуть, якийсь штаб чи политический центр. Провокационных листовок — куча! Призывают украинский народ бороться за «вильну Украину», а сами служат Гитлеру. Вот продажные шкуры!..

Несмотря на молодость, Саша Быков сразу сумел разгадать лживую сущность этих наемников фюрера. Чутье разведчика было обострено еще и личной трагедией: всех Сашиных родных и близких уничтожили фашисты во время одной из своих многочисленных карательных акций на Украине.

Быков оказался прав: кроме оружия и боеприпасов, в здании «центра» были захвачены медикаменты, радиоприемники и много политической литературы. Здесь наверняка был бандеровский «провид». Мирные жители с ужасом смотрели на этот дом, но рассказывать о бандитах боялись.

На рассвете батальон вышел из села Волковые. Дорога поднималась в гору. Лошади еле тянули повозки по грязи. Люди, тоже уставшие, старались помогать лошадям: надо было спешить... Но вот извилистая узкая полевая дорога нырнула наконец в лес. Партизаны обрадовались. Оживились усталые лица, со всех сторон посыпались веселые шутки:

— Вот и крыша над головой! Здесь мы — дома!

— Да, в лесу фашисты не водятся. И бандеровцы тоже боятся встречаться с нами!..

Едва колонна поднялась в гору, послышался нарастающий гул моторов. На танки это не было похоже. Комбат, комиссар и белолицый ординарец Леша Линева, ехавшие на одной подводе, прислушались.

— Вот он, самолет! — крикнул Леша. (Хотя был он новичок, недавно переведенный из Олевского отряда, Лешу знали все в батальоне и за расторопность называли «Фигаро»).

Сзади из-за кучевых низких облаков на партизанскую колонну заходили два немецких «костыля». Самолеты-разведчики летели на высоте триста — четыреста метров, совсем низко.

— Неужели это специально для нас? — спросил комбат с иронией.

— Много чести для одного батальона. На целое сое-

динение Гитлер высылал по «костылю» — и то не всегда, — ответил спокойно комиссар.

А два разведчика продолжали кружить над маленьким, оторванным от своего соединения партизанским батальоном, будто коршуны над добычей. Вдруг первый «костыль» сделал разворот над колонной и выбросил белую сигнальную ракету. Надо было срочно решить, что ему отвечать?.. На повозке, где ехали комбат с комиссаром, лежал, как нарочно, мешок сигнальных ракет кстати, тоже немецких, трофейных. Но какую из них выбрать: красную, зеленую, синюю?

Цимбал повернулся к Леше Линеву:

— Фигаро, швырни им тоже белую. Хватит с них!

Ракета взвилась, распарывая низкий сизый купол неба. Фашистский самолет приветственно закачал крыльями: дескать, понято — все в порядке. И другой повторил то же. Затем оба ушли.

— Значит, приняли за своих, — посмеиваясь, сказал Цимбал.

Батальон втягивался в Буды. Обеспокоенный появлением двух воздушных разведчиков комбат распорядился соблюдать строжайшую маскировку. Выставили усиленные посты. Заняли круговую оборону.

Только комбат с комиссаром и начальником штаба расположились в доме, к ним вбежал молоденький, похожий на девчонку радист Толя Судаков:

— Товарищ комбат! Скоро сеанс. Что передать в штаб соединения?

Набросали радиограмму. Толя побежал с текстом в соседнюю хату к своему передатчику. Но через полчаса вернулся, чуть не плача:

— Не могу связаться, товарищ комбат! Нет связи, хоть лопни!

— Может, антенна низко? — начали допытываться у него.

— Нет! Я забросил ее на дерево!

— Рация в порядке?

— В порядке. Ну что вы!.. — Вообще Толя считался мастером своего дела.

— Питание рации как?

— Тоже в порядке. А меня не слышат! Какие-то дурацкие помехи. В эфире — сплошной базар. Не понимаю, откуда столько радиостанций!

Толя остро переживал свою неудачу. Он сейчас страшно злился на себя и от злости краснел до слез.

— Когда будет следующий сеанс?

— В четырнадцать ноль-ноль.

— Ничего, не волнуйся. Попробуй связаться в четырнадцать, — сказал комбат.

После обеда Толя прибежал еще более расстроенный.

— Не могу связаться со штабом соединения, хоть убейте!

— А связаться с Киевом, со Штабом партизанского движения ты можешь? — спросил Цимбал. — Есть у тебя их позывные?

— Есть! Попробую связаться.

Толя убежал. Разложив на столе карту, комиссар, комбат и начальник штаба Попов принялись обсуждать вопрос: почему же все-таки было брошено на батальон сразу два «костыля»? Случайность ли это?.. Долго строили различные предположения, но ни к чему определенному не пришли.

— Чего зря голову ломать? — сказал наконец Андрей Калинович. — Надо срочно выслать разведку во все концы. А главное — на участок дороги Дубно — Рудня Почаевска, где мы должны ночью заложить фугасы... Пока вы будете ставить задачу разведке, я пойду гляну, как расположились и замаскировались наши люди.

...К тому времени, когда комбат с Поповым выслали разведку и сели завтракать, Цимбал уже вернулся.

— Так вот, комбат, где зарыта собака! — весело воскликнул он, снимая свою красную шапку. — Оказывается, почти рядом — линия фронта. Я разговаривал со здешним народом, и все жители знают, что советские войска подошли уже к реке Иква!

— Вот оно, какая штука!.. — протянул молодой начальник штаба Попов. В его карих глазах мелькнула растерянность. — Значит, мы подкатили почти к линии фронта? Оказались в самой гуще вражеских войск!

— Ничего, — спокойно, как всегда, заметил Цимбал и с аппетитом принялся за еду. — К вечеру картина прояснится.

Но возвратившиеся из разведки партизаны принесли новость, которая и радовала и озадачивала одновременно. Разведчики с подробными комментариями подтвердили сообщение местных жителей, что в двадцати или

двадцати пяти километрах отсюда проходит линия фронта. Советская Армия овладела Луцком, Ровно и, продолжая наступление, вышла на рубеж Млынув — Дубно — Кременец. По карте было видно, что это и есть рубеж реки Иква.

Железная дорога, по сообщениям разведчиков, работала сейчас очень интенсивно, да это и не могло быть иначе в такой зоне. Близость фронта, неуклонно подвигающегося на запад, конечно, обрадовала партизан. Но чрезвычайная опасность их положения заключалась в том, что все села и хутора вокруг, даже отдельно стоящие строения, заняты немецкими войсками, в основном танковыми частями и артиллерией. Куда ни ткнись — военная техника и гитлеровские солдаты!..

— Вот это влипши! Что будем делать, братцы-кролики? — спросил Миша Попов, теперь уже с каким-то отчаянным озорством. — Куда подадимся?

— Прежде всего будем выполнять приказ! — решительно сказал комиссар. — А потом — думать, куда податься.

Вечером послали на железную дорогу две группы минеров, придав каждой для прикрытия по отделению автоматчиков...

Вскоре после этого в штаб прибежал счастливый Толя Судаков.

— Наконец связался! — с порога объявил он. — Передал радиogramму в УШПД для Вершигоры!

— Отлично! — сказал комбат. И подумал про себя: «Пока все идет нормально».

К утру на землю лег пластом снег. Андрей Калинович, который всегда просыпался очень рано, первый увидел чистую белую порошу.

— Опять пошла санная дорога! — вернувшись в хату, где располагался штаб, сообщил он.

— Фу ты, черт возьми! Только два дня назад бросили сани и перешли на повозки! — досадовал Попов. — А теперь делай все наоборот!.. Где мы достанем столько саней?

— Это не беда! — успокоил его Андрей Калинович. — Сейчас сани легче достать, чем повозки! Дело ж идет к весне, и любой хозяин охотно даст нам за повозку свои сани.

С самого утра начали «переворужаться» санями.

Хлеборобы, как и предсказывал комиссар, охотно шли на такой обмен...

В то же утро вернулись с задания минеры. Первая группа во главе с чернявым напористым сержантом Приходько установила четыре пятидесятикилограммовых фугаса с минами замедленного действия, которые должны были взорваться только на вторые сутки на участке Дубно — Вербы. А другая, которой командовал самый молодой из минеров Вася Коробко, удивительно смелый и находчивый паренек, заложила четыре таких же фугаса на перегоне Вербы — Рудня Почаевска.

Но когда возвратились разведчики, рыскавшие всю ночь вокруг Буд, у командования, как говорится, волосы стали дыбом.

— Все села и хутора вокруг Буд, в радиусе пятнадцати-двадцати километров, заняты немцами, — докладывал «разведбог», розовощекий неутомимый Мурашко. — Везде полно танков и артиллерии. Этой ночью противник занял еще два села: Волковые и Рогизно, через которые мы проходили только вчера.

«Значит, считай, что дверь за нами захлопнулась! — мелькнуло в голове комбата. — Теперь мы в этих Будах — как в мышеловке».

Начштаба Попов, выслушав Николая Мурашко, даже присвистнул:

— Вот это да-а!.. Как же мы теперь выберемся отсюда? — В живых, всегда веселых глазах Попова появилась серьезная озабоченность. — Ведь немцы могут в любую минуту пожаловать в Буды!

Комиссар посмотрел на молодого начштаба с улыбкой: ничего, мол, не так страшен черт, как его малюют, пообвыкнешь. Комбату казалось, что в партизанском деле старший лейтенант Попов новичок: только-только начинает знакомиться с ковпаковской тактикой и в такую сложную ситуацию попал впервые. Но в действительности Попов пришел под начало Матющенко, когда батальон еще назывался Шалыгинским отрядом, зимой сорок второго года. Только после ранения Попов был отправлен на Большую землю, в госпиталь.

— Главное, что все эти фрицы вокруг все-таки не догадываются пока о нашем присутствии. Значит, можно их хорошенько подурочить! — Опять повеселев, Миша Попов достал расческу и стал аккуратно приглаживать свои

пышные каштановые волосы с такой щегольской волной, будто ее только сейчас выложил парикмахер.— Так на чем мы порешим?

Сейчас всех троих интересовал один вопрос: как незаметно выбраться из Буд и перебазироваться поближе к местечку Броды, в деревню Хотын, из которой легче будет снова нанести удар по железной дороге Львов — Дубно.

— Какие сведения у вас о хуторах Подвысоке, Черная Лоза, Подгоны? — спросил комбат.

— В этих пунктах ночью немцев не было, — отвечал Мурашко с уверенностью (он говорил всегда только то, в чем не сомневался). А в селах Козин, Добровода, Жабокрики, Боратын, Пляшевка и в местечке Берестечко уже полным-полно танков.

— Что же делается сейчас в Теслухове, Загребелье, Хотыне? — осведомился Цимбал, внимательно изучавший карту. Железное кольцо вокруг батальона сжималось все плотней.

— В Теслухове, в Загребелье ночью противника не было. А в Хотын мои хлопцы сами не заходили. Но по данным населения, немцы туда никогда не заезжают, — точным военным языком продолжал Мурашко.— Село окружено со всех сторон болотом.

— Мост в Теслухове через реку Пляшевку есть?

— Есть.

— Пляшевка замерзла?

— Нет, — ответил Мурашко.

— Спасибо, можете быть свободны, — сказал комбат, склонившись над картой. Он уже прикидывал в уме маршрут на Хотын, где, может быть, осталась спасительная щель.

Когда Мурашко вышел, комбат поднялся из-за стола, на котором лежала карта, и подвел итог:

— Судя по данным нашей разведки, здесь обороняется какая-то танковая армия немцев. Вот, пожалуй, самое главное из всего, что нам удалось пока узнать. Остается выяснить: какая именно армия? Это чрезвычайно важно для нашего Верховного командования.

— А мне кажется, это важно и для нас, — вставил Попов.— Ведь, если штаб немецкой танковой армии обнаружит, что в их расположении разгуливает партизанский батальон, нас сотрут в порошок.

— Верно, Миша,— отозвался комиссар.— Но сначала надо подумать, как выполнить боевую задачу!..

У комбата от этих слов Цимбала как-то сразу стало веселей на душе. С таким комиссаром было легко, его уверенность успокаивала. А Цимбал продолжал втолковывать свое:

— Сейчас нам надо решить только один вопрос — как незаметно перебраться в Хотын!

— Без дороги по такой грязище, да еще с подводами, груженными взрывчаткой, не полезешь. А дороги, как известно, проходят через населенные пункты. Вопрос, следовательно, в том, чтобы выбирать хутора помельче, где просто физически не может быть крупных гарнизонов врага,— рассудительно заметил Попов.

Решено было проскочить в Хотын через хутора, если до ночи противник не займет их сам. Рискнуть стоило. Да и ничего другого не оставалось.

Выход батальона назначили на 16.00. До марша было почти два часа. Задачу командирам уже поставили, в Хотын послали одно отделение разведчиков во главе с Петром Чертком. Колонна готовилась к маршу.

— А обедать вы будете? — с ворчливостью заботливой хозяйки напомнил голубоглазый «Фигаро» — Линева, исполнявший обязанности не только ординарца и ездоваго, но и повара.— Все ж готовое!..

Попов, любивший почудить в дружеской компании, спросил, обращая вслух к самому себе:

— Миша, а Миша! Обедать будешь? — и тут же отвечал:

— Конечно, буду!

— Тогда садись за стол.

Семнадцатилетний «Фигаро», смешливый, как первоклассник, фыркнул в ладонь, очень довольный этим маленьким спектаклем.

Все четверо сели обедать. Попов, обычно спокойный и выдержанный, был сейчас в каком-то странно приподнятом настроении. Волновался и радовался — словно мальчишка в предвкушении первого боя. Когда «Фигаро» поставил на стол чугунок с пахучим украинским борщом, Попов вдруг предложил всем, просяяв:

— Братцы, у меня есть предложение — выпить!

Цимбал и комбат переглянулись: до сих пор Попов слыл ярым приверженцем «сухого закона», но сейчас

парня словно подменили. Выскочив из-за стола, Михаил достал из-под хозяйской кровати свой небольшой походный чемоданчик и показал всем бутылку «московской»:

— Вот! От самой столицы свой эн-зэ везу. Неприкосновенная! Раненые хлопцы в госпитале подарили как привет с Большой земли... чтобы я распил ее в тылу врага с лучшими боевыми друзьями. За победу!.. Специально берег — для вас. Сегодня — самый подходящий случай для такого дела!

— Нет, как раз — самый неподходящий!.. — ответил комбат. — Через час — марш! Обстановка, сам знаешь, какая: надо вылезать из вражеского кольца.

Попов умоляюще посмотрел на Цимбала. Но тот, яростно почесав переносицу, сказал:

— Нет! Сейчас нельзя. Положи, Миша, свой эн-зэ обратно в чемодан. Никуда он от нас не уйдет. Вот выскочим из этого чертового капкана — тогда и разопьем на радостях.

Михаил высоко поднял бутылку, посмотрел на нее с каким-то странным сожалением и произнес:

— Эх, братцы! Ничего вы не понимаете! — В голосе его звучала искренняя обида. — Я для вашего же настроения старался... Если бы вы знали, как мне хотелось именно с вами сейчас выпить — за благополучный исход! Ведь какой день?! Чтобы все было хорошо... Я не фаталист, но зря вы отказались!..

Комбат и Цимбал молча переглянулись опять: дескать, что за чертовщина? Явно не в себе парень. И комиссар, который, возвращаясь вместе с Поповым в соединение с Большой земли, успел по-настоящему подружиться с ним в пути, попросил по-дружески:

— Положи, Миша! И не обижайся. Сейчас нельзя! А вот выскочим из когтей — на радостях выпьем...

Михаил с досадой махнул рукой и положил бутылку обратно в чемоданчик.

Комбат задумался, вспомнив почему-то свое любимое пограничное училище, уроки русской литературы и лермонтовского «фаталиста»... Как все это было давно: уроки, экзамены. Доведется ли ему еще учиться когда-нибудь? Или Андрею Цимбалу — с его поразительным военным талантом? И этому искреннему, душевно чистому парню — Михаилу, чем-то странно взволнованному сегодня? Не говоря уж о «Фигаро», совсем мальчишке.

Впрочем, он-то, Леша Линеv, как раз считал себя совершенно взрослым, бывалым бойцом с довоенным стажем, так как умудрился, будучи четырнадцатилетним школьником, задержать нарушителя границы, когда жил вместе со своими родителями где-то под Олевском. Об этом даже в газетах писали.

— О чем ты задумался, командир? — спросил его Цимбал.

— Да так... о будущем.

— О будущем? — в детски-ясных глазах Андрея Калиновича отразилось искреннее изумление. — Сначала выполним задачу... довоюем, кому сколько придется. А там, если жив буду, — мечтательно поглядев куда-то сквозь густой махорочный дым, проговорил он, — подамся в родное село свое, Табурище. Это аккурат в тех самых местах, где когда-то Запорожская сечь была!.. И стану опять хлеборобом. Меня, хлопцы, еще до действительной службы бригадиром в колхозе назначили — когда я фактически пацаном був. И предсказывали: головой артели у нас будешь. Так вот же, война всему этому делу помешала...

— Батальон уже строится для марша! — заметил Попов, выглянув в окно.

Быстро дообедав, все четверо выскочили на улицу. Снег валил густыми хлопьями. Шапки партизан и спины лошадей были совсем белыми.

— Погода работает на нас! — сказал довольный комиссар.

Колонна двинулась. Выйдя из Буд, батальон спустился с горы в лощину и стал подниматься на другую гору. Сквозь метель комбат и Андрей Калинович едва различали конников Николая Мурашко, поднимавшихся сейчас на гребень.

Вдруг лошади разведчиков резко остановились, и партизаны горохом посыпались на землю. Потом осторожно отвели коней назад, пониже гребня. Колонна остановилась тоже. Один из разведчиков Михаил Шкурат прытко подскакал к командиру:

— Товарищ капитан! Танки! Чуетэ?.. — Одно ухо его пушистой теплой шапки торчало вверх, будто у прислушивающегося кота.

— Где?

— Двигутся по дороге из Козина на Волковые. (Эту

дорогу как раз и надо было сейчас пересекать батальо-ну.) Мы насчитали десять немецких танков,— взволнованно продолжал Шкурат.— Хорошо, что идет снег и нас не заметили.

Андрей Цимбал с улыбочкой, он все говорил вроде шутя, обратился к комбату:

— Что, капитан? Будем лупить их или подождем?

— Пропустим их, так и быть. А потом уж пойдем сами,— в тон Калинычу ответил комбат.

Ребята, стоявшие рядом, заулыбались тоже...

Через полчаса разведчики Николая Мурашко снова сели на лошадей и двинулись дальше. Колонна потянулась за ними.

Когда партизаны подошли к дороге Козин — Волковые, уже стемнело. Выставив на ходу заслоны в обе стороны (по одному отделению с ПТР), быстро форсировали и эту дорогу. Действовали слаженно и четко. «Этим хлопцам даже некогда об опасности подумать!» — с восхищением отметил комбат.

При подходе к хутору Подгорны его и Цимбала догнал на своем гнедом маштаке Попов и, на коротком крутом галопе подскакав к командирским саням, браво вскинул руку к козырьку:

— Товарищ комбат! Все в полном порядке! Начальник штаба капитан Попов поехал выставлять заслон! — Все это у него получилось как-то необычно игриво.

— Чудной он сейчас! — покачал головой Цимбал. И вдруг простая догадка поразила его: — Да он пьян, хоть с роду не пил!.. Опорожнил, наверно, ту «заветную»!.. Надо немедленно его остановить, не то наделает беды.

Спрыгнув с покрытых одеялом саней, Цимбал легко вскочил на своего серого в яблоках жеребца и поскакал галопом за Поповым. Комбат тоже вскочил на коня и помчался за ними.

Когда командир и комиссар прискакали в голову колонны, она была уже метрах в трехстах от деревни Теслухов (села здесь были разбросаны кучно).

— Где Попов? — спросил Цимбал у разведчиков.

— Впереди, выставляет заслоны...

В ту же секунду все увидели на перекрестке яркую вспышку. Потом сразу ухнул выстрел из ПТР.

Почти одновременно со стороны деревни Добровода

полюхнул огненным ливнем ответный артиллерийский залп.

Комбат и Цимбал остановили колонну.

Новый снап огня полетел в Теслухов и через него в деревню Пляшевку, где тоже стоял вражеский гарнизон. А из Пляшевки немцы открыли огонь по Доброводе, наполняя темноту уханьем выстрелов и оглушающим грохотом разорвавшихся снарядов.

От заслона, куда всего несколько минут назад ускакал начштаба, примчался разведчик Михаил Шкурат.

— Начштаба убит! — хрипло выдохнул он. — Первым же залпом!..

— Как — убит? — поразился Цимбал. Все произошло слишком неожиданно.

— Я сам не пойму! Странный случай!.. — вытирая взмокший лоб шапкой, сказал Шкурат. — Только начштаба начал выставлять заслон в сторону села Добровода, там вдруг зажглась какая-то фара. Начштаба сгоряча скомандовал: «Бронебойщик, огонь!» Бронебойщик сделал один выстрел — и сразу же из Доброводы ударил встречный залп. Первая мина попала прямо в начштаба! Его разнесло в куски!

Осколком мины был ранен в ногу и сам Шкурат. Но об этом он умолчал и держался в седле так, будто лично с ним ничего не случилось.

Артстрельба все нарастала. Из Доброводы немцы вели огонь по Пляшевке, а оттуда — тоже немцы — отвечали им, стреляя по Доброводе.

— Что будем делать? — спросил Цимбал.

Комбат молча смотрел на огненную радугу впереди. Немцы вели огонь трассирующими снарядами.

— Пока немцы долбают друг друга, попробуем обойти Теслухов с севера и быстренько проскочить между Теслуховым и Пляшевкой. Как ты на это смотришь?

— Давай, — ответил комиссар. — Только сначала надо забрать останки Попова.

На том месте, где погиб начштаба, нашли кусок кителя с орденом Красной Звезды... Вот во что обошлась этому хорошему, немало повоевавшему парню «заветная» бутылочка.

Но случайно вызванная Поповым артиллерийская дуэль помогла партизанам: быстро сориентировавшись, они под шумок вышмыгнули из вражеского кольца. Батальон,

обогнувший деревню Теслухов с севера, в полном смысле слова между двух огней проскочил между Пляшевкой и Теслуховым, занятыми противником, и, кое-как перебравшись по мосту, наполовину разобранному бандеровцами, с рассветом вошел в деревню Хотын.

Сразу передали Вершигоре радиogramму, смысл которой сводился примерно к следующему: находимся там-то, залезли в тактическую зону обороны танковой армии противника, продолжаем выполнять поставленную задачу.

Вершигора ответил, что информация представляет несомненный интерес, и дал команду: продолжая вести разведку, следовать теперь уже по маршруту соединения. Дальше в радиogramме передавался перечень населенных пунктов. Взглянув на карту, комбат и комиссар поняли: «Борода» махнул в Польшу!..

Здесь же, в Хотыне, вдруг хватились: а где же Черток с отделением разведчиков? Ведь вчера они выехали вперед — разнюхать обстановку вокруг этого самого Хотына!..

Спустя несколько часов после того, как батальон расположился на отдых, пулеметчики из роты Машина увидели группу вооруженных всадников, выскочивших из леса и галопом мчавшихся к деревенской околице.

— Осторожно там с «максимом»! — вовремя успел крикнуть Никифор Машин. — Не наши ли это? Вон тот, впереди, в черном клеенчатом плаще, на Чертка смахивает. Похоже, наши удалцы решили провести разведку боем!

Он не угадал. Петро Черток уже знал, что в селе — свои. Проблуждав ночь по окрестным селам и подойдя наконец к Хотыну, разведчики сразу почуяли: здесь кто-то затаился. Ни один человек не вышел сегодня из Хотына, не появлялись местные жители и на лесных дорогах. А позже наблюдатели разглядели на околице знакомые фигуры своих — ковпаковцев.

Теперь бойцы машинской роты, когда уже отчетливо были видны лица конников, «наступавших» шеренгой, приветственно замахали руками:

— Ребята! Родные!.. Вы живы?! А мы думали, что вас всех танками передавило!..

Черток торопливо, веселым звучным голосом общил:

— Везде, где мы проходили, народ рассказывает чудеса о ночной перестрелке между немцами!

Это была та самая артдуэль, под прикрытием которой вышмыгнул из мышеловки партизанский батальон. Слухи, как водится в таких случаях, обросли фантастическими подробностями. Но было ясно: население сочувственно относится к партизанам и смеется над оплошностью врага, не сумевшего с толком воспользоваться военной техникой, которую стянул сюда Гитлер.

— Данных мы привезли кучу! И даже на свадьбе побывали! — заметил Архинос, поблескивая добрыми и лукавыми глазами. — В семье у одних чехов пришлось погулять. Здесь по селам вообще живет много чехов... Все люди сейчас радуются, особенно — молодежь. Говорят: «Раз фронт приблизился уже сюда, значит, Гитлеру скоро капут. И в Германию нас теперь не заберут! Можно жениться!..» Только бандеровцев опасаются: чем ближе фронт — тем злее эти националисты становятся. А нас местные жители встречали как родных.

Тут разведчики наперебой стали рассказывать, как принимали их на этой чешской свадьбе:

— Ввели с почетом в дом!.. Обнимали и благодарили — за то, что захватчиков лупим. Потом уговорили спеть со всеми гостями вместе. И когда Черток запел им свою любимую «По-за лугом», так девчата чуть не взяли его в плен!..

А сам Черток, пока балагурили разведчики, поспешил в штаб с докладом. Начало смеркаться. В хате, которую занимал комбат, горела, мигая, коптилка. Весь обоз батальона стоял неподалеку на улице, готовый к предстоящему маршу.

Когда Черток вошел в штаб, его встретили комбат и начальник особого отдела Сергей Хвощевский — немолодой, но очень подвижный, общительный человек. Черток сообщил им любопытные сведения: в Бродах расположен штаб какой-то танковой армии.

— Остается теперь узнать: какой именно?.. А сейчас, товарищ Черток, поешьте скорей и ознакомьтесь с приказом на марш! Уясняйте маршрут, берите разведку и ведите колонну по указанному маршруту, — сразу ошарашил его комбат.

Ничего не понимая, Черток окинул взглядом стоящие на столе крынки с молоком, хлеб и картошку в мундире.

И только сейчас вспомнил, что сегодня, с самого утра, еще ничего не ел.

Хвощевский, уже накинув полушубок, вдруг остановился посреди хаты. Потом подал Чертку трофейную бритву «Золинген» и сказал тихо:

— Вот, береги! Память о твоём земляке... Мише Попове. Хоронить его идем.

Черток взял бережно бритву товарища, которого еще вчера видел живым — таким веселым и красивым. Отвернулся от стола: кусок в горло не лез.

Но долго раздумывать о случившемся было некогда, и Черток принялся изучать приказ. Вдруг, дойдя до предпоследнего абзаца, он глазам своим не поверил: начальником штаба 3-го батальона временно назначен он, Черток П. А. Затем был указан маршрут, по которому ему надлежало вести колонну.

«Как же я смогу! Ведь я — не военный человек!.. — думал он. — Но приказ есть приказ. Надо — научись!» Осенью 1941 года, когда создавался Шалыгинский отряд, оставили же Чертка, беспартийного и невоеннообязанного, партизанским связным...

Перед маршем комбат и комиссар, теперь уже с Чертком, опять засели за карту. С одной стороны, их радовало то, что батальону удалось скрытно перебраться в Хотын, откуда легче повторить удар по железной дороге. Лесисто-болотистая местность позволяла минерам незаметно подобраться к цели. С другой стороны, командование беспокоилось: как же все-таки выбраться из этой, новой западни? Уходить на север или юг — значило продолжать движение вдоль линии фронта, в тактической полосе обороны немецкой танковой армии. А партизанский батальон — это не отделение разведчиков; это как никак больше трехсот человек, с пушкой, минометами, пулеметами. Такую занозу противник быстро обнаружит. И обнаружив, не станет церемониться, ведь батальон и армия — величины несоизмеримые!..

Пробиться на восток, через линию фронта, к своей регулярной армии, вряд ли удастся; только зря погубишь людей. Оставался один, последний и, наверное, самый правильный выход — вырваться на запад и догонять свое соединение. Но как прорвешься, если везде, в каждом населенном пункте немцы? Да к тому же еще надо форсировать две реки: коварную, заболоченную Слонов-

ку и полноводную Стырь, уже хорошо знакомую батальону. И вдобавок ко всему этому выяснилось, что Слоновка охраняется немецкими пограничниками. По ней в этом месте как раз проходила граница проклятого «дистрикта», памятная многим ковпаковцам еще по Карпатскому рейду.

Взвесив все «за» и «против», решили: прорываться на запад и догнать соединение. Тем более, что на запад от Хотына тянулась лесная полоса почти до самой Равы Русской, куда ушел Вершигора.

Едва Черток вытянул колонну на окраину села Хотына, к нему на вороном коне подскочил комбат. Выслушав доклад нового начштаба, сказал:

— Сегодня самый ответственный марш. Надо любой ценой выбраться за ночь из вражеского окружения. Не сможем — погибнем. Главная задача — найти щель в расположении вражеских войск и вылезти из этой западни. Причем надо выползти ужом! Незаметно... В общем, бери разведку и действуй!

Как разведчик, Черток знал, что буквально все села здесь, вокруг Хотына, тоже заняты танковыми и артиллерийскими частями противника.

Близость фронта не пугала партизан, а наоборот, поднимала их настроение. Правда, может быть, не все, особенно новички, понимали серьезность положения, в котором находился батальон.

Когда комбат подъехал ко 2-й роте, Серго Арутюнов, руководивший группой военнопленных армян, бежавших из фашистского концлагеря и только в феврале присоединившихся к ковпаковцам, уверял счастливым голосом, будто слышит рокот «эр-эсов» — гвардейских «катюш». И все земляки поддержали его. Разведчик Антон Погосян даже спросил с удивлением у комбата:

— Неужели вы не слышите, товарищ командир? Далеко, а все равно слышно!.. Сила!

Комбат помимо воли улыбнулся, думая, что люди нередко выдают желаемое за действительное, но спорить сейчас не стал: слышно — так слышно! Разговор о мощи фронтовых «катюш» поддерживал боевой дух партизан. А Надя Цыганенко — комсорг батальона, два месяца назад пришедшая в соединение по путевке ЦК комсомола Украины, сказала восторженно, перебросив тугую косу на грудь:

— Эх, ребята, если б вы видели, какая это техника!.. Это уже совсем не то, что в сорок первом году!..

— Следующую дневку сделаем в селе Бордуляки,— сказал комбат Чертку.— Только надо немедленно выслать разведку в Корсов: уточнить, в каком состоянии мосты и как они охраняются немецкими пограничниками.

До этого днем в разведку ходил лейтенант Савченко со своим отделением. Вернулись они еще засветло. Григорий Савченко доложил:

— Через Корсов пройти можно. Мосты есть. Их там два — через самую Слоновку и ее рукав. Пограничная охрана стоит в соседней деревне Лешнюв. В Корсов наведываются только немецкие патрули. В крайнем случае их можно снять без шума. И по этим мостам быстро проскочить в лес южнее Корсова. Лешнюв останется северней, километрах в четырех. Там, кроме пограничной охраны, расположен крупный танковый гарнизон.

Командир и комиссар были довольны этим сообщением. Казалось, лучшего пути, чем через Корсов, и искать не надо.

Выполняя свою основную задачу, комбат в сумерки отправил на железную дорогу еще две группы минеров: одну под командованием Гриши Козлова, спокойного и смелого парня,— на участок Рудня Почаевска — Михайловка; а другую во главе с бывалым минером Штукарем — на участок Михайловка — Червоноармейск. Обе группы должны были, как это сделали прошлой ночью Коробко и Приходько, поставить по четыре пятидесятикилограммовых фугаса с минами замедленного действия. Взрыватели у этих МЗД срабатывали через сутки. Все было сделано с таким расчетом, чтобы восемь фугасов взорвались в течение одного дня...

Погода стояла теплая. В воздухе уже чувствовалась весна, но дорога держалась санная. Это было сейчас очень кстати: двигались легко и, главное, бесшумно, не обнаруживая себя.

Возле хутора Кизя колонна внезапно остановилась. Комбат и комиссар поспешили вперед.

— Что случилось? — спросил комбат, подойдя к разведчикам, ждавшим его у развилки двух дорог на опушке молодого соснового леса.

— Товарищ капитан! Че-пэ!.. В Корсов идти нельзя,— шепнул командиру спешившийся Николай Мурашко, невольно оглянувшись.

— Почему нельзя? — удивился комбат.

— Там засада.

— Откуда вы знаете?

— Об этом нам рассказал лесник,— вполголоса ответил Мурашко, не скрывая тревоги.— Для верности мои хлопцы решили взять проводника. Стали расспрашивать его, как проехать в Корсов. А он говорит: туда нельзя, там засада!

— Давайте его сюда.

Разведчики подвели к комбату худощавого, еще молодого на вид человека в остроугольной кепке-конфедератке. «Поляк»,— отметил про себя комбат и, поздоровавшись, спросил:

— Вы работаете здесь лесником?

— Так есть! — ответил тот почти по-военному, даже каблуками прищелкнул.

— Скажите, пожалуйста, откуда вам известно, что в Корсове засада?

— Так есть! Слово чести! Швабы там чекают на вас,— пояснил лесник.— Вчера днем до мне зашли какие-то люди с автоматами. Я думал, шо то идут те самые, холера их забери, националисты, бандеровцы, и убежал в Корсов. Бо я знаю, шо те бандиты убивают всех поляков!.. В Корсове я рассказал про этих вооруженных хлопков немцам. Я ж думал, то бандеровцы! А немцы сами страшно напугались. Потом я поняв: приходили до мне партизаны!.. До вечера немцы меня не отпускали из Корсова. А когда я возвращался домой, то видел немецкие засады на вшистких мостах. Там вас ждут з кулемэтами! Ой, шо ж я нарабыв?— искренне сожалел он, путая в волнении польские и украинские слова.

Комбат позвал Савченко.

— Вы были вчера у этого лесника?

— Он удрал от нас.

— Почему же вы сразу не доложили об этом?!

Лейтенант молчал. Вообще опытный и смелый разведчик Савченко на этот раз допустил непростительную оплошность, в результате которой мог погибнуть батальон.

— Вот к чему приводит боязнь сказать правду! — воз-

мутился комиссар.— За такие вещи знаешь, что полагается?..

Спасло лейтенанта Савченко то, что за него головой поручились все разведчики. Он действительно был хороший парень и долго переживал свою вину, когда понял, что натворил.

В поисках хоть какой-нибудь лазейки опять обратились к леснику:

— Где же все-таки можно перейти эту болотистую речушку? — допытывался Цимбал.— Где еще есть на ней мост?

Но лесник твердил свое:

— Кроме Корсова, других мостов тут нет! — Вдруг, вспомнив что-то, он хлопнул себя ладонью по лбу.— Был еще едэн мост — в Сестратине! Але я не знаю, целый ли он и есть ли там гитлеровцы! Про то нам лучшей скажут люди в Безодне.

«Многообещающее название!» — подумал комбат (безодня по-русски означает «пропасть»). В Сестратин надо было идти именно через Безодню.

И вот темной ночью лесник повел батальон к тому самому селу Сестратин, где, возможно, уцелел мост, от которого зависела сейчас судьба всего рейда и жизнь сотен людей... Дорога шла лесом вдоль «дистрикта», по восточному берегу Слоновки.

В Безодне взяли нового проводника. От него узнали: деревня Сестратин, растянувшаяся вдоль речки на четыре с лишним километра с запада на восток, занята немцами — там пехота и танки. Мост — на западной стороне села. Но увы, он почти разобран.

Комбат и комиссар молча переглянулись.

— Не везет нам с тобой, комбат! — улыбнулся Цимбал.— Но ничего, главное — не унывать! Все равно выберемся. Не в таких переплетах бывали.

— Я тоже так считаю,— согласился комбат.

А про себя подумал: «Нет, брат, в таких переплетах мы, кажется, еще не бывали. Это какой-то сумасшедший, чертов рейд!..» Его уже начала злить эта бесконечная скачка с препятствиями: только выскользнешь из одной ловушки — тотчас попадаешь в другую.

Обстановка усложнялась с каждым часом. Надо было срочно решать: что делать? Поворачивать обратно? Но куда?.. Значит, все-таки двигаться на Сестратин?..

— Начштаба! — позвал комбат.

— Слушаю! — Черток будто из-под земли появился рядом. Он был в черном клеенчатом немецком реглане, отчего казался весьма внушительным: вылитый группенфюрер СС.

— Возьми-ка ты отделение разведчиков и катай быстро в Сестратин. Разнюхай все сам до подхода батальона... Только очень осторожно!

— Есть! — лихо козырнул Черток. И взмахнув в воздухе плеткой, скомандовал: — Быков с отделением — за мной!

Разведчики крупной рысью поскакали вперед. Батальон двинулся следом.

Когда колонна подошла к Сестратину, Черток, успевший все осмотреть лично, доложил:

— В селе до батальона пехоты и танки. Но они в восточной части Сестратина. В этот конец наведываются редко. Моста нет, совсем разобран. Только сваи торчат. Да тут не речка, а одно название. Эта канава, ее можно перескочить, всего метра три шириной. И болото, на наше счастье, еще замерзшее.

— Пойдем, комбат, проверим, — предложил Цимбал. Черток повел их к Слоновке.

— Верно, речка узкая, — согласился с ним Цимбал. — Но все равно надо строить мост.

— А что его строить? — Черток пожал плечами. — Положим два бревна, а на них — несколько ворот от сараев. И мост готов!

— Правильно! — обрадовался комбат находчивости нового начштаба. — Давай!.. Выдвигай быстро в село пару отделений — в заслон. Разведчики пусть сразу ищут подходящие по длине балки и ворота... Только надо все делать тихо, без шума...

Черток побежал выполнять распоряжение, а комбат и комиссар остались на месте, изучая подступы к реке. Вдруг за Слоновкой, всего в каких-нибудь трехстах метрах, вспыхнул огонек, за ним — второй, и оба медленно поплыли в сторону.

— Смотри, комбат, тут совсем рядом немцы, — предупредил Цимбал. — Видишь — курят?

— Вижу. Это в деревне Шнырове — очень близко! Там тоже гарнизон... Немецкие часовые нарушают устав караульной службы.

— Да, спасибо им, что предупредили нас. Пойду теперь и я предупрежу народ. А то, если и у нас кто-нибудь нарушит устав, дело кончится плохо.

— Кстати, слева, метрах в четырехстах, в деревне Клекотове тоже гарнизон,— напомнил комбат.— Нам надо быть очень осторожными...

Разведчики тем временем уже тащили на себе пятиметровые балки и снятые с петель ворота. За четверть часа мост был готов. Быстро набросали на настил снега, чтобы не стучали копыта лошадей, и батальон осторожно двинулся вперед, между двумя вражескими гарнизонами.

— Наше счастье, что и здесь нет ни одной собаки,— шепнул комиссар комбату, когда они проезжали между Шныровым и Клекотовым.

Невдалеке, метрах в двухстах, двигались огоньки сигарет вражеских часовых. Немцы ни о чем не подозревали... Помолчав, комиссар продолжал:

— И чем только бедные собаки не угодили фашистам? Впрочем, тут, конечно, есть свой резон. Собака — друг человека, она предупреждает об опасности. Фрицам кажется, что они сделали наших мирных людей совсем беззащитными!.. Но, уничтожая собак, оккупанты оказались сами в дураках!

Только батальон миновал опасную зону и вскочил в лес — все почувствовали себя как дома. Это, кстати, уже начинались те самые Лешнювские леса, где комбата — тогда еще зеленого, необстрелянного лейтенанта — застала война, и он впервые понял, насколько опасен и коварен враг.

В тот памятный день, 22 июня, лейтенант как раз дежурил на телефонном узле. Через коммутатор проходила правительственная связь Львов — Киев — Москва. С шести часов утра по этой линии кто-то начал сообщать обстановку на фронте. Сводки передавались через каждые пятнадцать минут.

Вначале эти сводки интересовали молодого лейтенанта. Еще бы: он первый узнавал, что делается там, на фронте. Но затем каждая новая сводка стала его пугать. Только что сообщили: «Немецкие войска подошли вплотную к городу Львову». Через четверть часа: «Танковые части Гитлера обходят Львов с севера и юга». Еще через

четверть часа: «Немецкие войска заняли город Тернополь...»

«Что за черт! — недоумевал он. — Неужели эти гады так быстро продвигаются вперед?» Ему не верилось. Он побежал доложить об этой сводке своему командиру, полковнику Керзимову. Тот выслушал все спокойно и сказал:

— Докладывайте о каждой новой сводке.

Через пятнадцать минут лейтенант опять услышал: «Немецкие танки появились в лесу южнее Лешнюва». Он опять побежал к командиру части.

— Хорошо, — выслушав доклад, спокойно сказал тот. — Продолжайте работу.

Лейтенант ушел обратно на коммутатор, ломая голову: как же так? Лешнювский лес всего в десяти километрах от города Броды. Выходит, через полчаса вражеские танки могут быть здесь. А полковник по-прежнему невозмутим.

Послышался рев танковых моторов, и через открытое окно лейтенант увидел: со двора части вышли три БТ-7 и помчались к Лешнювскому шоссе. «Пошли в разведку», — обрадовался он.

В телефонных наушниках тот же металлический голос повторил: «Воздушной разведкой обнаружено сосредоточение немецких танков в лесу южнее Лешнюва». Через четверть часа эту сводку повторили снова, потом — еще...

А когда танковая разведка возвращалась уже в часть, по линии связи передали: «Обнаружено крупное сосредоточение немецких танков в Лешнювских лесах».

Лейтенант побежал снова к командиру части. Зайдя в кабинет, он услышал, как докладывал Керзимову только что вернувшийся из разведки командир танкового взвода:

— Нигде танковых следов противника не обнаружили.

— Слушаю вас, — сказал полковник вошедшему лейтенанту.

— Только что передали: «Воздушной разведкой обнаружено крупное сосредоточение немецких танков в Лешнювских лесах». Разрешите послать в Лешнюв связистов. Может, они что-нибудь обнаружат?

— Пошлите, — коротко сказал полковник.

«Свистуна» обнаружили в одном километре от города Броды, в лесочке, где до войны бойцы занимались так-

тикой. Сержант Решетов, сообразительный, всегда веселый парень, первый заметил паутинку, уходящую от столба в землю. Вырвали ее из земли.

Провод привел к старому, еще брусиловскому окопу. В этом окопе сидел человек, одетый во френч и галифе с гетрами, и «работал», держа перед собой раскрытый блокнот: вселял панику...

Эти воспоминания мгновенно пронеслись в голове комбата. И ему захотелось тут же, немедленно насолить фашистам — да покруче.

— Андрей Калинович! Давай-ка мы сделаем сейчас засаду на шоссе Лешнюв — Броды, — предложил он комиссару. — Надо же нам выяснить наконец, у какой именно армии фюрера мы побывали в гостях!

— Давай! — обрадовался Цимбал (ему тоже нужна была разрядка после пережитой опасности). — Тем более, эти данные очень важны сейчас для нашего командования.

— Кому поручим это дело? — спросил комбат.

— Моему тезке, Андрею Устенко, — предложил комиссар. — Этот сработает наверняка!

Устенко действительно умел мастерски разить врага. И особенно любил засады. Где бы ни остановилось соединение на дневку, он тут же бежит в штаб:

— Разрешите сходить на охоту? — так он называл засаду.

Бледный, одетый во все гражданское Андрей Устенко, несмотря на свою боевитость, до сих пор умудрялся сохранять сугубо штатский облик, хотя партизанил уже третий год... Рядом с боевыми орденами Отечественной войны и Красной Звезды он носил неизменно и «орден мирного времени», как шутя называл свой значок «Отличник железнодорожного транспорта». В душе это был очень миролюбивый, чуткий к людям парень, но всю его судьбу перепахала кровавым плугом война. Андрей Устенко был родом из той самой Большой Березки, которую гитлеровцы сожгли вместе с людьми, — земляк Жени и Юли Устенко. За день до страшной катастрофы Андрей ушел из родного села в Шалыгинский отряд. А семья его погибла в огне. Этой трагедией и объяснялась непримиримая ненависть Андрея к врагу, толкавшая его на самые отчаянные поступки.

Однажды, дня за три до выхода батальона в рейд под

Броды, произошел с Андреем такой случай, Явился он в штаб и сказал:

— Разрешите мне этой ночью сходить на шоссейку — «поохотиться»?

— Ладно, — согласился комбат. — Но учти: до утра ты со своими ребятами должен вернуться.

— Есть! — обрадовался Андрей и легкий, как ветер, помчался в свой взвод.

К шоссейке Андрей со взводом пришел в полночь. Выбрали удобное место для засады — в лесочке. Расположились, выставили дозоры... Но как назло — никого! Просидели партизаны зря всю ночь.

Утром Устенко собрал людей, построил их и сказал своему помощнику:

— Веди хлопцев. А я тут проверю, не забыл ли кто чего. — Правила маскировки он соблюдал свято.

Ребята ушли. Устенко, внимательно осмотрев место, бросился догонять их, как вдруг, оглянувшись в последний раз, увидел: метрах в трехстах от него, по левой обочине шоссейной дороги, движется подвода, а рядом с ней шагают двое. «Немцы, — понял Андрей. И плюхнулся в кювет. — Возьму хотя бы этих двоих».

Но приглядевшись повнимательней, он обнаружил вдали целую колонну. А взвод Устенко уже втягивался в хуторок. «Все!... Теперь не услышат. Попробую сам справиться!» — решил он.

Устенко увидел огромный камень и подполз к нему. Обоз тем временем уже выезжал на опушку. Андрей насчитал тринадцать подвод. Возле каждой шло по два сопровождающих. И еще в середине колонны — два офицера с двумя солдатами и пулеметами. «Всего тридцать человек, — подвел он итог. — Ничего, все-таки у меня автомат, два диска к нему и четыре гранаты». Андрей тут же вынул их из своих сумок, проверил запалы у гранат и положил рядом.

Когда колонна выехала из лесу, офицер отдал какую-то команду на своем языке. Солдаты подошли к нему и сложили оружие на повозку. «Решили, опасность миновала, — отметил про себя Андрей. — Что ж, тем лучше для меня. Подпущу их вплотную, дам длинную очередь по голове колонны, потом — по хвосту...»

Подводы приближались. До них оставалось уже метров пятнадцать. Устенко плотнее прижался ко дну кана-

вы, невидимый за камнем. Вот первая подвода поравнялась с ним, проезжает мимо. За ней — вторая, третья... Наконец, шестая, на которую немцы сложили свое оружие. Сами они шли чуть впереди повозки, держась кучей.

Андрей сжался весь в стальную пружину... Как только фашисты поравнялась с ним, он положил автомат и взял две гранаты. Сразу выдернул чеку, дав фрицам сделать еще несколько шагов, швырнул одну, а затем другую гранату. Потом Устенко схватил автомат и быстро прострочил два раза — взад-вперед по колонне.

С группой «завоевателей», двигавшейся в центре обоза, было покончено. Но глянув влево, Андрей увидел: один из немцев — ездовой с последней подводы — пятится с карабином за свою повозку.

Устенко прицелился, нажал на гашетку. Хлопнул один выстрел, и автомат замолчал. Кончились патроны. «Сменить диски не успею», — мелькнуло в голове. Тогда, не теряя ни секунды, Андрей выскочил из-за камня и в один прыжок оказался у подводы. Схватив немецкий пулемет, он тут же кубарем свалился под повозку, а затем в кювет, продолжая искать взглядом уцелевшего фашиста, который уже целился в него из карабина.

— Хлопцы!.. Вперед! Спасай командира! — услышал он вдруг и увидел бегущий на помощь взвод.

Но помощь была уже не нужна: командир взвода справился один за всех.

Когда Андрей Устенко и его ребята рассказали об этом случае, никто сначала не мог поверить, чтобы один человек разделался с целым взводом гитлеровцев. Однако факт оставался фактом. И об этом красноречиво свидетельствовали не только партизаны, но и доставленные ими в штаб трофеи: пятьдесят четыре сундука с добром, награбленным фашистами у мирного населения, два вражеских пулемета, четырнадцать автоматов и шестнадцать винтовок.

— Кому прикажете передать все это? — спросил Андрей, показав кивком на гору чемоданов.

— А что в них? — любопытствовал комбат.

— Тряпки! Награбили у наших людей и тащили в обозе для отправки своим фрау. Только где искать тех несчастных людей, которым принадлежало это имущество. Да и живы ли они?

В этот момент он, наверное, вспомнил свою Большую Березку.

— Вот, возьми часы,— сказал комиссар Цимбал.— В память об этом необычном бое. Остальное раздадим местным жителям.

Андрей взял за цепочку большие, как блюдце, серебряные часы старой фирмы «Павел Бурэ». Нажал на заводную головку. Хлопнув, открылась крышка.

— О, да они, кажется, именные!

На серебряной крышке было выгравировано: «Лейб-гвардии гусару Кириллу Труйбалевичу за меткое поражение цели. От Его Императорского Величества Николая. 1897 год».

— Ну что ж!.. Может быть, я тоже заслужил награду за меткое поражение цели,— сказал Андрей.— Сегодня я, кажется, стрелял неплохо.

И сейчас Андрей Устенко с полуслова понял задание. Не успела колонна отъехать и двух километров от места, где остался взвод Устенко в засаде, как послышалась стрельба: сначала из автоматов, потом из пулеметов.

Цимбал, довольный, засмеялся:

— О! Уже мой тезка кого-то сгреб!..

Едва батальон расположился в селе Бордуляки, к штабу на санях подкатил Андрей Устенко. Он доложил:

— Товарищ комбат! Привез вам подарочек — сразу шесть «языков» во главе с капитаном! Из двадцати четырех фрицев, ехавших в грузовой машине, остались в живых только эти...— Андрей помолчал, потом добавил с виноватым видом: — Одному все-таки удалось удрать...

«Это плохо,— подумал комбат.— Он может поднять тревогу». Ведь засада была всего в каких-нибудь шести километрах от города.

Перепуганный насмерть немецкий капитан оказался начальником инженерной службы штаба 4-й танковой армии, которая недавно прибыла сюда, под Броды, из резерва главного командования Гитлера. Сам штаб армии располагался в городе Броды. Свежие танковые войска были брошены на Украину, чтобы остановить наступление Советской Армии. Немцы заняли оборону на рубеже Острожец — Млинов — Дубно — Кременец...

«Ради одного этого сообщения,— сказал сам себе

комбат,— уже стоило посылать батальон под Броды. Надо немедленно сообщить в УШПД!..»

— О, мой бог, мой бог! — бормотал между тем пленный капитан по-немецки.— Я думал, что мы в полной безопасности рядом со своим штабом!.. И вдруг — попасть в плен к русским!

— Вы имеете представление, к кому вы попали? — осторожно спросил комбат, кое-как понимавший его речь.

— Я есть плен Советская Армия! — неожиданно по-русски ответил немец.

Комбат и комиссар незаметно перемигнулись.

— Это есть кавалерийски дивизий! — продолжал капитан, смешивая русские и немецкие слова.— В штаб наша армий есть информация, что ваша дивизий ходит наш тыл.

Слушая признания пленного офицера, комбат теперь в душе радовался, что один человек из этой инженерной разведки удрал: к вечеру он наверняка будет уже в Бродях, и его рассказ о случившемся вызовет новую волну паники. Да к тому же еще сегодня начнут рваться фугасы на железной дороге. «Кажется, вовремя сделали мы засаду!» — решил комбат.

Выпроводив допрошенного, комбат весело взглянул на Цимбала:

— Значит, Андрей Калиныч, нас принимают теперь за регулярную армию?

— Выходит, так! — ответил комиссар и вдруг, обрадованный чем-то, воскликнул: — Здорово! Значит, и действовать мы должны под видом регулярных войск! До вечера надо пошить всему личному составу погоны, чтобы замаскироваться.

Для этой цели были мобилизованы все партизанские портные, порезаны все плащ-палатки и на один день одолжены у хозяек все швейные машинки, какие нашлись в селе.

Вечером партизаны, посмеиваясь, уже прикрепляли к немецким, мадьярским, итальянским кителям и френчам самодельные маскировочные погоны со звездочками, вырезанными из жестяных консервных банок.

Деревня Бордуляки, где отдыхал батальон, раскинулась на правом берегу реки Стырь, которую предстояло опять форсировать партизанам. Мост был рядом, всего

в двух или трех километрах, в местечке Станиславчик. Этот мост и притягивал к себе партизан, как магнит.

Пока Цимбал с помпохозом Боклагом шли камуфляжные погоны, комбат занялся разведкой. Для этого он завел разговор с хозяином дома, в котором располагался штаб. Хозяин был ксендз — судя по всему, трезвый, порядочный человек, настроенный весьма патриотически.

— Нам бы хотелось знать, что делается в Станиславчике и Лопатине, — прямо сказал ему комбат. (Лопатин — небольшое местечко, находилось в шести километрах от Станиславчика и привлекало комбата тем, что там работал завод, изготовлявший спирт для авиапромышленности.)

— Так я вам скажу, что там делается, — ответил ксендз на смешанном то ли польском, то ли украинском языке, понятном почти каждому славянину. — Я был в обоих этих местечках у своих прихожан два дня назад. В Станиславчике всего человек пятнадцать немцев: комендатура, жандармерия, полиция. А в Лопатине — полсотни немцев, которые охраняют спиртозавод.

— Вы бы не могли сейчас сходить в Станиславчик и Лопатин? — спросил комбат. — Может быть, там изменилась обстановка?

— Конечно, могу! И сделаю это не потому, что моя семья останется у вас в залог, в этом доме, — добавил хозяин, прямо посмотрев в глаза комбату. — Меня толкают на этот поступок мои убеждения. Фашисты бесчеловечны. Они чеканят на своих пряжках слова: «С нами бог», но эти слова — ложь. Гитлер обрекает миллионы невинных людей на муки!.. Я хочу помочь вам.

Стройный, красивый, смелый, этот священнослужитель ушел в разведку совершенно спокойно, словно собрался на крестины к кому-то из прихожан. (Много лет спустя мы узнали от юных следопытов Львовщины, что фамилия его Штурмай П. В.)

Вернувшись к вечеру, он сказал комбату:

— В Лопатине ничего не изменилось. Немцы ни о чем не подозревают. Спиртозавод работает полным ходом. В Станиславчике тоже спокойно. О партизанах нигде ничего не слышно...

Эти сведения вполне удовлетворяли комбата. Посоветовавшись с комиссаром, он решил захватить Станислав-

чик, не дожидаясь ночи. Мало ли что может случиться до вечера? Ускользнувший от Устенко фриц уже прибежал, наверное, в штаб армии и, конечно, поднял тревогу. К тому же, как доложили прибывшие разведчики, на железной дороге утром начали рваться фугасы. «Железка» была выведена из строя. А один из фугасов (надо же такое совпадение!) сработал как раз под составом с войсками. И все это — под носом у штаба немецкой 4-й танковой армии!

Возможно, враг уже организовал преследование, и сейчас на час в Станиславчике могут появиться фашистские танки. «Так лучше мы первые займем Станиславчик, — решил комбат, — и спокойно по мосту перескочим на западный берег реки Стырь».

Еще засветло разведчики Николая Мурашко, все с новенькими погонями, ворвались на галопе в Станиславчик. Полицейские при виде их разбежались, и разведзвод напрямую лесом поскакал дальше, в Лопатин. Вслед за Мурашко — через лес — устремилась пешим строем 3-я рота. Во главе ее шел Машин в неизменной своей кожанке, на которой посверкивали под косыми лучами солнца боевые ордена... А основная колонна батальона, благополучно перейдя мост, двинулась по грунтовой дороге.

Увидев мчащихся кавалеристов, немец-часовой на вышке в Лопатине сделал предупреждающий выстрел. Вражеский гарнизон удрал, не пытаясь даже сопротивляться.

Через четверть часа рота Машина захватила Лопатинский спиртозавод и две громадные цистерны, тонн по сто каждая, с чистейшим спиртом, необходимым вермахту для авиационной промышленности.

— Уничтожить весь этот спирт немедленно! — приказал комбат помпохозу.

Но Петро Боклаг, очень энергичный и исполнительный, вдруг взмолился:

— Товарищ комбат, разрешите взять хоть немножко! Спирт нужен нам всем — разогреться!.. Погода какая стоит — то слякоть, то мороз! Хлопцы все простуженные, ноги у них мокрые. А тут такое лекарство. Только исключительно в медицинских целях прошу...

Цимбал махнул рукой.

— Ладно! Пусть хлопцы возьмут немного во фляги. Только сейчас не пить, ни под каким видом!

Марш был не из коротких: около сорока километров, да еще по тяжелой дороге. Но ни холод, ни ухабы не испортили сейчас никому настроения. Ехать было весело: весь путь батальону освещали два гигантских голубовато-сиреневых факела. Это пылал тот самый спирт, которого тщетно ждали сейчас на немецких авиазаводах.

— Хорошенький фейерверк мы устроили сегодня фрицам! Ох, и красиво горит! — радовались Быков и Шкурат, старая матющенковская гвардия. — Немцы любят огненный пунш! Пускай теперь угощаются!

Наступила та, необходимая каждому человеку психологическая разрядка, которая помогает на короткий момент расслабиться и встряхнуться после пережитого напряжения.

Батальон, успешно выполнивший свою задачу, уже вырвался из тактической полосы обороны 4-й немецкой танковой армии. Теперь оставалось одно — как можно скорее догнать свое соединение.

Обойдя занятый немцами городок Радзехов с севера, батальон форсировал шоссейную и железную дороги Луцк — Львов. Ковпаковские минеры поработали и здесь неплохо: на перегоне Стоянов — Радзехов «ковырнули» эшелон с немецкой техникой, а на перегоне Радзехов — Каменка Бугская опять заложили четыре фугаса, сделав еще одну зарубку в памяти оккупантов.

На рассвете батальон вошел в деревню Радванцы, где комбат надеялся догнать Вершигору.

Народ встретил партизан радушно. Жители сразу общили:

— У нас вчера тоже были партизаны. Только вечером ушли!

— Где стоял их штаб? — осведомился Цимбал.

Его повели к той хате, где останавливался вчера какой-то партизанский командир. Комиссар и комбат подробно расспросили о нем хозяйку. Оказалось: командир этот был еще совсем молодой, стройный, довольно-таки «высоченький» и в «золотому гэнэральскому мундыри», а вдобавок ко всему еще и отменный кавалерист.

«Судя по всему, здесь останавливался Наумов — командир соединения, которое в прошлую зиму совершило лихой Степной рейд по Сумщине, Харьковщине и Полтав-

щине, а затем по Кировоградской и Винницкой области», — понял сразу комбат.

— День тут постояли, отдохнули, а к ночи пошли на Добротвор, — продолжала рассказывать хозяйка.

— Кажется, и Наумов махнул за Буг!.. — сказал комбат Цимбалу.

Вечером батальон тоже направился на Добротвор согласно маршруту, который дал Вершигора в радиограмме, полученной еще в Хотыне, через УШПД. Городок этот стоял на самом берегу реки Западный Буг.

От жителей Добротвора стало известно: Вершигора (его здесь называли «веселый бородатый командир») перескочил через Западный Буг ловко, без боя, внезапно захватив мост. Партизан там никто не ждал. А на следующую ночь Наумову пришлось уже брать этот же мост с боем, после которого каратели хвостом потащились за наумовцами. Это было сейчас на руку ковпаковскому батальону: он проскользнул через мост тихо, подобрав несколько раненых из соединения Наумова, не успевших уйти со своими...

Комбат и комиссар решили не ввязываться сейчас в бой лишний раз. Главная цель была — догнать свое соединение да так, чтобы не привести за собой «хвост».

Дорога здесь еще держалась санная, легкая, хорошая. Двигались теперь вперед без труда, будто отдыхали. Все надеясь, что скоро увидят своих.

Вечером 12 февраля, совершив несколько диверсий на коммуникациях врага на восточной стороне Западного Буга, подошли к важной шоссейной дороге Львов — Рава Русская. Уже выслали к этому шоссе разведку и заслоны, как вдруг со стороны Равы Русской взметнулся яркий сноп огня — один, затем другой, третий...

Стало ясно: движется вражеская колонна. Через минуту все шоссе, сколько охватывал взгляд, было в этих ослепляющих снопах. Хорошо, что батальон успел буквально в двухстах метрах от дороги скользнуть в извилистую лощину.

Все напряженно следили за немецкой колонной. Казалось, ей не будет конца: две-три машины с пехотой, потом танки, опять машины, потом танки; машины — и снова танки. Так гитлеровцы ехали час, второй...

Комиссар с комбатом, пригнувшись, прошлись по лощине, чтобы посмотреть, как чувствуют себя люди. Заме-

тив Цимбала, раненный под Хотыном минер Штукарь произнес с тревогой:

— Товарищ комиссар! Что, будет бой?

— Успокойся, Штукарь. Никакой опасности нет,— ответил Цимбал.

— Ведь столько фашистских войск прет! Мы опять в кольце? — прохрипел раненый (пуля попала ему в грудь, когда минеры, уже поставив фугасы на «железке», столкнулись с немцами).

Комиссар все так же мягко, как больному ребенку, объяснил:

— Ты же знаешь, мы всегда ходим так. Мы просто ждем момента, чтобы перескочить дорогу.

— А куда они идут? — продолжал допытываться Штукарь. Вынужденное бездействие всегда вызывало у раненых, беспомощных бойцов нервное любопытство.

— Эти танки спешат к фронту, к Бродам! Сейчас у фашистов земля под ногами горит!.. Ты же сам, Штукарь, докладывал командиру, какая там сейчас паника, в Бродах!..

Наконец огромная колонна немецких танков и мотопехоты скрылась. Разведка, а за ней и заслоны с минерами устремились к шоссе. Как всегда, ковпаковцы заминировали дорогу с обеих сторон, и батальон быстро двинулся через шоссейку.

Впереди, всего в пятистах метрах отсюда, предстоял еще переход железной дороги Рава Русская — Львов. Но она была не так опасна для партизан: ведь поезда колоннами не ходят. Конечно, на «железке» мог в любую минуту появиться состав. Однако заслоны уже минировали дорогу со стороны Равы Русской и со стороны Львова.

Едва батальон перемахнул через железнодорожное полотно, раздался взрыв. Потом послышался где-то сзади такой страшный шум и грохот, что, казалось, горы валятся с неба. Это подорвался вражеский эшелон с техникой. Весь состав полетел под откос...

Близился рассвет. Подходили уже к Девятиру. За ним, где-то совсем близко — польская граница. Сейчас на ней не было никаких знаков. За линией границы змеилась последняя железная дорога, которую батальон должен был проскочить в эту ночь: Рава Русская — Любачув. Дорога петляла по высотам, как в Карпатах. Хотя она находилась и на польской земле, ковпаковцы заминировали ее. Ведь

враг был общий: по этой дороге военные грузы фашистов шли на восточный фронт.

Когда колонна удалилась километра на два от «железки», снова раздался гулкой взрыв, и еще один вражеский эшелон был уничтожен.

На рассвете 13 февраля батальон остановился на дневку в деревне Брусно Нове. Польский народ встречал советских партизан как своих родных братьев. От жителей комбат, наконец, узнал, что вчера здесь делал дневку Вершигора. Вся деревня говорила о «ладном веселом командире». Беседуя с людьми, он лукаво прищуривался, словно посмеиваясь чему-то, и часто гладил обеими руками свою пышную бороду.

Нашли и квартиру, где размещался его штаб; и проводника Адама Скибу, которого брал Вершигора прошлой ночью. Чувствовалось: свои где-то рядом. Да только где?.. Ковпаковцы умели ходить, не оставляя следов.

Выручил комбата Адам Скиба. Он повел батальон дальше на запад. Жители, провожая ковпаковцев, дружески махали им вслед...

Ехали партизаны ложиной. Рядом журчал ручеек.

— До чего же хорошо!..— воскликнул комиссар Цимбал, расстегивая кожанку.— Весной пахнет! Хоть и снег кругом, а все равно весна близко.

Бойцы будто в первый раз оказались в зимнем лесу: завертели головами, вглядываясь в заснеженные деревья. А ручей журчал уже совсем по-весеннему.

— Весна! — повторил за комиссаром Николай Мурашко. И, сняв кубанку, поднял кверху свою русую голову, засвистел, подражая какой-то весенней пичуге.

За ним на все лады засвистели и зачирикали партизаны... Вдруг им откликнулись настоящие крылатые пичуги.

— Разведчики будят весну!..— смеялись партизаны.

— То правда, так есть,— многозначительно кивнув, сказал Адам Скиба и тоже запрокинул голову кверху.— Пташки спивайонт! Советские партизаны разбудили у нас весну!..

К ночи, когда батальон вошел в Цешанув, проводник сообщил:

— Тут ваши вели бой. Стреляли дзялки... то таки пушки, гарматы! — Он показал на четырехэтажное здание из кирпича, зиявшее черными проемами окон, уже совсем

обгоревшее, и добавил: — В том будынку засели фашисты и не хотели пустить партизанов дали. Тогда головной командир партизанов приказал палить из дзялок. И швабы подняли руки до гуры!..— Адам Скиба рассмеялся с непосредственностью мальчишки, и его смуглое, уже тронутое морщинками лицо простого, много потрудившегося на своем веку селянина, стало сразу удивительно добрым и мягким.— А ваш веселый бородатый командир им каже: «Давно бы так! Сколько времени зря потеряли, пока шли от границы до Сталинграда и обратно. Лучше бы дома сидели и честно трудились, самим выгодней!.. Разве на краденом долго проживешь?» Бардзо добже сказал ваш бородатый командир! Он зараз, может, в Боровце...

Да, судя по всему, Вершигора был уже совсем близко. Поблагодарив проводника, комбат подозвал к себе Мурашко. Тот с автоматом ППШ на шее, висящим поверх трофейного офицерского дождевика, туго подпоясанного ремнем, из-за которого виднелся целый арсенал (пистолет, две гранаты и финка), вытянулся по стойке «смирно».

— Поскачешь со своим отделением вперед! Разведешь маршрут вплоть до самого Боровца. Если найдешь наших, доложишь Вершигоре, где мы...

В деревне Замх-Замосты, на юго-восточной кромке Билгорайских лесов, батальон встретили разведчики Николая Мурашко, возвращавшиеся уже из Боровца.

— Товарищ комбат! Тут недалеко, в деревне Боровец, разместились наш первый батальон и штаб соединения! — доложил возбужденный Мурашко.— Всего километров пять будет... Командир соединения приказал нашему батальону расположиться в селе Замх-Замосты.

И от этих обычных, казалось бы, слов — «командир соединения приказал» — повеяло чем-то удивительно родным. Опасности, пережитые за время блуждания батальона по тылам 4-й танковой армии немцев, стали теперь воспоминанием...

Когда комбат и комиссар прибыли, наконец, для доклада к Петру Петровичу Вершигоре, тот первым делом спросил усмехаясь:

— Откуда у вас погоны?

Цимбал засмеялся в ответ:

— Пошили, Петр Петрович!

И хотел, было, перейти к главному — к самому рейду.

Но у Вершигоры этот трюк с маскировочными погонами вызвал какое-то особое любопытство.

— Недурно вы это отрежиссировали — с армейскими погонами! — сказал он. Это было одно из его любимых словечек («отрежиссировать», «отрепетировать»); ведь довоенная профессия Вершигоры — кинорежиссер. — Знаю, знаю уже от нашей главразведки, что восьмого февраля командующий четвертой танковой армией немцев удрал от «русских дивизий» из Брод во Львов, а девятого удрал и весь его штаб. Удачно вы их пугнули!..

Потом Петр Петрович посмотрел, прищурив глаза, на комбата:

— Между прочим, Петро, наумовцы, которых я встретил недавно по дороге в Польшу, произвели тебя в полковники! По их данным, ты — «полковник Павленко», прорвавшийся под Броды со своей дивизией... Эх, туда бы хоть полчок — вместо батальона!

Глядя куда-то вдаль, Вершигора положил руки комбату и Цимбалу на плечи, где, отswerкивая жестью, красовались камуфляжные самодельные погоны:

— Для вас этот самостоятельный рейд был экзаменом на командирскую зрелость. А для меня — экспериментом!.. Теперь вы видите, на что способны рейдовые отряды в оперативной зоне противника.

Этот эксперимент, только в гораздо более широком масштабе, ему довелось повторить во время рейда соединения по тылам группы немецких армий «Центр» при освобождении советскими войсками Белоруссии...

ПОЧЕРК ВЕРШИГОРЫ

Будучи по натуре романтиком и смелым экспериментатором, Петр Петрович Вершигора подумывал о Польше еще под Олевском, когда соединение выходило в новый рейд.

Вершигора рассуждал так: не сегодня — завтра мощное наступление советских войск отбросит гитлеровские орды к самой границе. И тогда перед партизанами неизбежно возникнет вопрос: куда же идти? В свой мирный советский тыл — рановато! Пружина еще только-только начинала разматываться, партизанская борьба приобре-

тала все больший размах. Отдохнувшие уже после Карпатского рейда ковпаковцы снова рвались в бой.

Но продолжать борьбу — означало идти дальше на запад, то есть за границу: в Польшу, Румынию, Венгрию, Чехословакию... Именно об этом мечтал Вершигора. Появиться неожиданно со своими партизанами у самого логова врага и наделать там шуму — вот настоящий ковпаковский почерк.

По мере продвижения на запад эта идея все больше захватывала Вершигору. А стремительное наступление Советской Армии с каждым часом утверждало эту идею в ее жизненных правах. И Вершигора начал все чаще засылать своих разведчиков в Польшу.

Когда же соединение вырвалось за Ковель, мысль о рейде в Польшу сама стала на повестку дня. Выбрав подходящий момент, Вершигора, будто шутя, сказал комиссару и начштаба:

— Ну что, хлопцы, будем делать?.. До границы осталось всего с десятков километров. Может, махнем в Польшу?

Москаленко о чем-то задумался, потом осторожно заметил, сдвигая со лба на затылок армейскую шапку-ушанку (ничего трофейного он не носил):

— Петр Петрович, я сам давно об этом маракую... Но тут надо взвесить все. Конечно, поработенная Гитлером Польша — совсем не то, что Венгрия фашистского прихвостня Миклоша Хорти... Народ Польши, конечно, отнесется к нам сочувственно. И все же — правительство у них буржуазное. Надо сначала хорошенько узнать, что там делается.

Войцехович, усмехаясь, чинил карандаш.

— Да, Петр Петрович, надо сначала выяснить обстановку, — поддержал он комиссара. — Правильно люди говорят: не зная броду, не суйся в воду! Нужна тщательная разведка.

— Та-ак! — довольно протянул «Борода». — Значит, остановка за разведанными?..

Для всех ковпаковцев Вершигора был теперь командиром соединения. Между тем он снова вернулся к ковпаковцам прежде всего как разведчик. Возглавив подвижное рейдирующее соединение, Вершигора стал подобен капитану гигантского авианосца, имеющему в своем распоряжении мощные средства для нанесения ударов

по врагу. И так как теперь в руках одного человека сосредоточились функции армейского разведчика-аса и партизанского командира, действия «Лезвия» были очень удачно закамуфлированы. Это слияние двух разных, столь многосложных функций в лице одного Вершигоры блестяще оправдало себя в дальнейшем...

Петру Петровичу понравилось сейчас, что оба его главных соратника — и комиссар, и начальник штаба — отнеслись к смелому предложению идти в Польшу с такой деловитой заинтересованностью.

— Теперь, братцы, для нас главное — получить «добро» сверху: от УШПД и ЦК партии, — сказал он.

Но на запрос Вершигоры ответили из Киева: впредь, до особых указаний, на территорию Польши не переходить, и посоветовали приступить к формированию мелких партизанских отрядов — исключительно из поляков. В рядах советских партизан сражалось тогда немало польских граждан и по мере приближения к границе таких добровольцев становилось все больше. В формировании специальных польских отрядов был бесспорно свой резон, продиктованный политическим тактом и осторожностью. Однако Вершигоре, соединение которого наши регулярные войска уже прижали вплотную к границе Польши, пришлось решать этот вопрос на свой риск и страх, исходя из конкретной обстановки и из своих тайных функций военного разведчика «Лезвия».

Окончательно утвердился Вершигора в решении идти в Польшу 6 февраля, когда вдруг под местечком Гороховом встретил храброго партизанского генерала Михаила Ивановича Наумова, уже мчавшегося со своей кавалерией за Буг, в Польшу.

В тот же день ковпаковцы, сократив отдых, тоже рванули за Буг и перешли границу даже на сутки раньше Наумова.

Практика показала, что Вершигора пришел в Польшу вовремя. Чутье политика и стратега не обмануло его: польская земля уже горела под ногами оккупантов. Ковпаковцев встречали здесь как родных братьев. Поляки делились с ними последним куском хлеба, охотно предоставляли свой кров. И делали все это, зная о строжайшем предупреждении оккупационных властей: за связь с партизанами — смерть!

О появлении ковпаковцев польские партизаны узнали

в тот же день. Они ждали советских партизан: разведчики Вершигоры, приходившие сюда уже не однажды, поработали неплохо.

Едва соединение успело расквартироваться в польском селе Брусно Нове, расположенном в десяти километрах от границы, как туда в сопровождении целой кавалькады явился на крупной гнедой кобылице молодой рыжеволосый энергичный офицер. Соскочив с лошади и передав ее ординарцу, он лихо приложил два пальца к конфедератке:

— Командир Бэ-Ха, капитан Блискавица!..— Это явно был псевдоним.

— Что значит Бэ-Ха? — не понял Вершигора.

— То есть Батальоны Хлопски,— пояснил поляк.— По-вашему, то есть батальоны мужицки.

— Ага! Крестьянские, значит,— сказал Вершигора.

— То вшистка едно — партизанты.

Приехал капитан «Блискавица» (что означало по-русски «Молния») для установления связи. Предлагал любую помощь.

Потом был некий капитан «Вацлав». Этот вел себя сдержанно, ничего не предлагал и, судя по всему, старался прощупать намерения пришедших в Польшу партизан.

А вечером появились наконец те, кого Вершигора ждал больше всего,— представители Польской рабочей партии. Одеты они были просто, как везде одевается трудовой люд.

— Чеслав,— сказал старший группы и крепко пожал руку Вершигоре.

После первых же приветствий «Чеслав» (тут все были зашифрованы) начал расспрашивать, что делает 1-я Польская армия, которая была сформирована под Рязанью в 1943 году и сейчас вместе с советскими войсками громила гитлеровцев.

— Как хорошо, что вы пришли! Теперь нам будет легче! — признался он.

Когда «Чеслав» уехал, заместитель Вершигоры по разведке майор Юркин, присутствовавший при разговоре, сказал:

— Вот это человек! Смотришь на этого простого рабочего парня и сразу видишь, что он приехал к нам с открытой душой.

— Чему тут удивляться? Наш единомышленник! — ответил ему Вершигора. И поразмыслив, добавил: — А вообще-то обстановка здесь, чувствуется, изрядно запутанная. И сейчас к нам повалят представители самых разных отрядов, как на смотрины. Им же интересно познакомиться с советскими партизанами. Кстати, это поможет нам быстрее разобраться в их сложной структуре. Только я тебя, Иван Яковлевич, прошу: в дальнейшем занимайся-ка ты сам всеми этими международными «политэсами».

Майор Юркин — кадровый чекист — поднял на командира недоуменный взгляд:

— Какой же из меня дипломат? Я никогда не помышлял об этом.

— Придется стать дипломатом, раз так надо. Ты человек дотошный, займись всеми этими встречами, переговорами и разберись, кто из этих людей нам ближе всего.

— Если это приказ, я готов выполнить. — Майор вытянулся по стойке «смирно».

Делегаты разных польских отрядов зачастили теперь в штаб к заместителю Вершигоры по разведке. На следующий же день приехал командир 9-го полка Армии Краевой (АК) майор «Адам» со своими комбатами, уже побывавшими ранее у Вершигоры капитаном «Вацлавом» и капитаном «Подковой». Как было условлено с Петром Петровичем, на этот раз принял их майор Юркин. «Адам» сразу заговорил о вечной дружбе между поляками и русскими.

— Теперь, когда у нас один общий враг — гитлеровцы, эта дружба должна быть еще крепче, — начал он торопливо по-польски.

— Простите, пан майор, а в чем вы видите эту дружбу? — спросил напрямую Иван Яковлевич. — Во встречах за чашкой чая?..

Гости удивленно переглянулись.

— Пан мае якусь пропозицию? — спросил, кашлянув, «Адам».

— Да, конечно, — ответил Юркин. — Я предлагаю вместе, общими усилиями громить фашистов, захвативших вашу землю.

— То так, — согласился командир полка. — Але у нас еще замало жолнежей... солдатов!

— У одних вас — мало. А если будем бить врага

вместе, сил хватит,— возразил ему помощник Юркина, спокойный, всегда корректный майор Стрельцов. Но это спокойное возражение прозвучало сейчас, как призыв к действию.

— И зброи замало! — оправдывался «Адам».

— Пэвне,— поддержал своего шефа «Вацлав». — Оружия у нас дуже бракуе. Нет кулеметов, гранат.

Другой комбат, капитан «Подкова», молчал. Но по лицу его Юркин и Стрельцов видели: этот не согласен со своими коллегами. Да и как «Подкова» мог согласиться с панами «Адамом» и «Вацлавом», если он сам лично (о чем польские партизаны из отрядов Армии Людовой сообщили уже ковпаковцам) чуть ли не каждую ночь принимал самолеты из Лондона — с трофейным немецким оружием и боеприпасами, доставшимися англичанам после разгрома армии Роммеля в Африке.

Не выдавая своей осведомленности, майор Юркин ответил «Адаму»:

— Достанем вам, пан майор, и оружие, если у вас «замало»!

«Адам» и «Вацлав» замолчали, словно проглотили языки.

— Мы подумаем, обсудим вашу пропозицию,— наконец ответил майор Армии Краевой.

— О чем тут долго думать? — наступал Юркин, забыв о всяких «политэсах», диктуемых его дипломатической миссией. Его просто разобрало зло.— Пока вы тут думаете, гитлеровцы расстреливают ваших жен, детей, матерей, сжигают ваши дома!..

Иван Яковлевич вынул из сумки свежую ковпаковскую разведсводку, в которой перечислялись зверства фашистов на Люблинщине за последние двое суток, и протянул ее майору «Адаму»:

— Вот посмотрите, как расправляются гитлеровцы с поляками!.. И еще имейте в виду,— предостерег он, когда пан майор и его комбаты прочитали сводку.— Если вы будете долго думать, может случиться так, что вы останетесь одни! А ваши жолнежи начнут бить гитлеровцев без вашего согласия...

— Ну то поедем,— сказал майор «Адам», обращаясь к своим офицерам.

На этом разговор закончился. Гости отбыли.

— После такой «дипломатической» беседы они боль-

ше к нам не приедут,— сказал, покачивая русой головой, Семен Стрельцов.

— А я уверен — приедут! — сказал Юркин.— Если не все, то один из них — наверняка.

И не ошибся. Через несколько дней капитан «Подкова» снова приехал к Юркину.

— Хочу вместе с вами вальчить... воевать против гитлеровцев! — сказал он.

— Как, сами решили? — улыбнулся одними глазами Иван Яковлевич.— Или все-таки вам разрешил пан «Адам»?

— Был разговор и с паном майором,— опустив взгляд, признался «Подкова».

— Ну, наверное, не только пан майор, но и кое-кто в Лондоне об этом знает?

«Подкова» молчал. Потом, щелкнув каблуками, отчеканил:

— Я и мой батальон партизантов — до ваших послуг! Мы выполним любую задачу!

— Ну, раз такое дело, тогда пошли к нашему командиру! Впрочем,— остановился на пороге комнаты Юркин,— может быть, у вас есть конкретное предложение?

— Я хочу взорвать едэн колейовый мост,— объяснил «Подкова», имея в виду железную дорогу.— Але мы не имеем чем.

— Это уже разговор!..

В это время Вершигора обдумывал, как вывести из строя крупнейший железнодорожный узел — Львов. Над этой головоломкой он бился уже давно. Еще когда соединение было на Волыни, Вершигора вызвал к себе замполита разведроты Роберта Клейна и сказал:

— Займись-ка, Роберт, всерьез Львовом. Это крупный узел железных и шоссейных дорог. Если мы разрушим такой узелочек — вот будет настоящая помощь.

— Ясно, товарищ подполковник! Будет сделано.— Клейн всегда отличался аккуратностью.

Но в данном случае выполнить задуманное оказалось не так-то просто: ведь соединение не стояло на месте. Оно стремительно двигалось тогда на юго-запад, к границе Польши, а в условиях марша вести разведку особенно сложно. И вот теперь, когда соединение вышло уже

на польскую землю, за сотню километров от Львова, Роберт Клейн докладывал Петру Петровичу:

— Обстановка во Львове выяснена. Недавно туда из Ровно смотался рейхскомиссар Украины Эрих Кох. Бежал во Львов из Брод и штаб четвертой немецкой танковой армии. Его вспугнул наш третий батальон. Во Львове много войск...

— Та-ак!...— протянул задумчиво Вершигора, поглаживая свою пышную бороду.— Что же делать? Как бы ты поступил при такой обстановке?

— По-моему, с нашими силами соваться в самый город нет смысла. Вместо этого Войцехович советует поступить так, как вы поступили в сорок третьем году под Сарнами. Мы уже примерно разработали такую операцию с капитаном Бережным.

Иван Иванович Бережной был командиром той самой разведгруппы, что пришла следом за Вершигорой в соединение Ковпака еще осенью 1942 года в Брянский лес. Работали Бережной и его новый замполит Клейн настолько дружно, что, обдумывая сообща какое-нибудь дело, порой затруднялись сказать: кто именно внес то или иное предложение,— важен был конечный результат.

Повторить «Сарнский крест» значило: не захватывая города Львова, взорвать в одну ночь все мосты на железных и шоссейных дорогах, ведущих к нему с запада, из Германии. Вершигора удовлетворенно улыбнулся. И достав из нагрудного кармана свой пухлый блокнот, записал: «Немец-антифашист Роберт Клейн — легенда, рожденная жизнью».

...Вырос Клейн в Поволжье, куда его предков, немецких колонистов, завезли еще во времена Петра Первого. Воспитанный в семье коммуниста, Роберт был всем сердцем предан Стране Советов.

Когда шла отчаянная схватка за Киев и войска фон Клейста уже сжимали стальными клещами большую группировку советских войск, танк Роберта Клейна был подбит где-то под Броварами. Сам Роберт еле выбрался из пылающей машины. И в ту же минуту очередь из вражеского автомата догнала его. В глазах стало темно...

Целую зиму выхаживали Роберта незнакомые люди. К весне он почти совсем выздоровел, только левая нога стала на вершок короче правой.

В район между тем начали наведываться партизаны.

Услыхав об этом, Клейн воспрянул духом. Однажды он прямо сказал своим спасителям:

— Теперь мне надо уходить. Я солдат, и мое место в строю. Спасибо вам за все!

Знание языка помогло Роберту Клейну раздобыть немецкий документ. Прикинувшись дезертиром, он разными правдами и неправдами достал в комендатуре временное удостоверение — «аусвайс» и подался на юг.

Долго бродил Роберт по изрезанным оврагами полям и перелескам, искал партизан. Нарочно ночевал в самых глухих местах. Однажды утром открывает глаза — а вокруг с десятков вооруженных парней.

— Кто ты? — спрашивают.

— Человек, — отвечает.

— Сами видим, — оборвали его резко. — Что делаешь здесь?!

— Ищу партизан.

— Немцы и полицаи тоже партизан ищут.

— Что ж, и это правда... — Роберт понимал: осторожность необходима.

Но когда он сказал партизанам, что по национальности — немец, и командир, посоветовавшись с кем-то, объявил: «В отряд мы пока тебя не возьмем», — у Роберта все похолодело внутри.

— Я же не обманываю вас! — убеждал он. — Ведь не каждый немец — фашист!

— Поручение мы тебе дадим, — подумав, согласился командир. — Будешь работать у оккупантов. Язык ты знаешь хорошо, устройшься, хотя бы в МТС в райцентре. На работу тебя охотно возьмут: ты танкист, в технике разбираешься, видать. Главное, расположи начальство к себе. А там видно будет.

На том и порешили. Договорились о паролях. Выдали Клейну новые документы, придумали соответствующую биографию.

Нанялся Роберт на службу к немцам механиком в МТС. Район небольшой, сельский, войск нет, — один гебтскомиссар да десятка полтора жандармов, да зондеркоманда. Всего около тридцати гитлеровцев. Все друг у друга на виду.

Нелегким это оказалось делом — жить в звериной стае. Но раз надо — так надо. Вошел Клейн в доверие к самому гебитскомиссару, даже в карты с ним играл.

Вскоре связной из отряда привез новое задание Клейну: стать охотником. Как нарочно, гебитскомиссар любил полакомиться дичью. Сначала он ездил на охоту вместе с «механиком». Но когда в районе пошел слух о партизанах, осторожный гебитскомиссар разрешил Клейну, изрядно наловчившемуся стрелять зайцев и куропаток, держать собственное ружье и выделил в его распоряжение машину.

Выедет Роберт ночью в поле с двустволкой, к условному месту подкатит,— партизаны, получив необходимые сведения, набросают своему разведчику в кузов зайцев и другой дичи; он и везет подарочек шефу. Тот доволен, хлопает своего удачливого механика по плечу: «Гут!».

Через несколько дней снова посылает его на охоту.

Потом стал Клейн охотиться не только за дичью, но и за гитлеровскими эшелонами. С вечера катит на своей полutorке с партизанскими минерами километров за сто к железной дороге, делает дело — и обратно, за куропатками, чтобы гебитскомиссару угодить.

Целый год Роберт так охотился, пока не заподозрили его гестаповцы. Но он сразу заметил слежку и, обманув шпика, прямо на полutorке гебитскомиссара явился в отряд. Теперь уж командование не боялось принять его.

Летом 1943 года после разгрома гитлеровских полчищ под Орлом и Курском, когда войска 1-го и 2-го Украинских фронтов уже стремительно двигались к Днепру, а танковые сражения развернулись на Полтавщине и Черниговщине, среди фашистов, удравших со своей техникой за Днепр и надеявшихся еще как-нибудь зацепиться на правом его берегу, разъезжал в прифронтной суетолоке на трофейном «опель-адмирале» белокурый невозмутимый Роберт Клейн. Грудь в крестах, на боку кожаный планшет и бинокль, в кобуре пистолет с монограммой от самого Гудериана — настоящий полковник из гитлеровского генштаба!.. За шофера у новоявленного «оберста» был сам командир маленького, но очень хитроумно действующего отряда — Герой Советского Союза Тканко.

Фашисты, конечно, в любую минуту могли запеленговать передатчик Клейна. Однако игра стоила свеч. Тканко получил приказ по радио от Верховного командования: разведать переправу через Днепр. Роберт со своим ко-

мандиром направились прямо к мосту. Все высмотрели и утром радировали: «Переправа сможет выдержать тяжелые танки, но заминирована. Войска фюрера бегут на запад. Комендант переправы сидит в блиндаже у подрывной машинки».

Через несколько минут — новый приказ: «Не дать немцам взорвать переправу. На помощь вам вышел танковый отряд. Свяжитесь».

Что делать? Приказ есть приказ... Выезжает Клейн снова со своим «шофером» прямо на мост, вклинившись в немецкую колонну. На мосту остановил машину, пальцем поманил к себе часового. Тот сразу подлетел.

— Коменданта переправы — ко мне!

Часовой помчался в блиндаж. Оттуда выскочил оберлейтенант.

— Почему не брит? — набросился на него вылощенный «оберст». — Почему нет порядка на переправе, черт бы вас побрал!.. Почему зенитная артиллерия на том берегу? Чем вы думали?! Немедленно переправить!

Комендант побежал выполнять приказ. «Оберст» тем временем вынул карту, положил на перила и вроде изучает ее своим стальным твердым взглядом, а сам торопливо ищет провода к взрывчатке.

Спустя полчаса вернулся комендант. Доложил о выполнении приказа. Выслушав доклад, Клейн на безупречном языке штабиста опять напустился на него. Тот, совсем расстроенный, отошел. Его окружили офицеры, остановившиеся с колонной на мосту. Расспрашивают, в сторону Клейна кивают, почуяли неладное. Наконец, все вместе направились к незнакомому полковнику. Комендант, вдруг осмелев, потребовал:

— Господин полковник, предъявите документы.

Клейн, будто не замечая, что офицеры расстегнули кобуры, гаркнул:

— Молчать! Распустились!..

Но вежливый комендант упорно стоял на своем:

— Ваши документы!

Тогда Роберт Клейн совсем спокойно шагнул к нему и переспросил почти рассеянно:

— Документы?.. — А сам сунул руку в боковой карман, где у него, кроме документов, лежал запасной пистолет. Выхватил его и тихо, но явственно сквозь зубы отчеканил:

— Именем фюрера...

Раздался выстрел. Комендант свалился. Клейн повернулся к остальным офицерам:

— Кобуры застегнуть! — и будто невзначай показал на свою, на которой сверкнула серебряная дарственная монограмма самого Гудериана.— Разойтись! Выполнять приказание.

Офицеры поневоле успокоились: никому не хотелось подставлять лоб под пулю. Поняв это, Клейн не спеша подошел к машине и шепнул своему командиру:

— Вам надо уехать отсюда. Я сам справлюсь.

Козырнув Клейну, «шофер» развернул машину и поехал на восток встречать советский танковый отряд, ожидавший его сигнала.

А Роберт зажег сигару, вырезал из лозы палочку вроде стека и опять зашагал по переправе, отдавая распоряжения. В это время показались советские самолеты, они шли прямо к переправе. Немцы бросились врассыпную, кто куда. Этим моментом Клейн и воспользовался. Наклонившись, он незаметно перерезал провод, ведущий к взрывчатке.

Так больше часа он один держал немецкую переправу, а тем временем Тканко встретил советскую танковую колонну и вместе с ней выскочил на насыпь. Танки подняли стрельбу... Тогда Клейн снял телефонную трубку и скомандовал фашистам, залегшим на берегу:

— Русские окружили нас, сопротивление напрасно, именем фюрера приказываю всем сложить оружие!

Гитлеровцы подчинились команде Роберта и подняли руки вверх. Партизаны из отряда Тканко с танковым отрядом захватили плацдарм на правом берегу Днепра. А к утру туда переправился целый корпус.

За операцию с мостом Роберт Клейн и был удостоен звания Героя Советского Союза.

Вскоре Клейна вызвали в Киев. Наслышавшись рассказов о легендарных рейдах ковпаковцев, Клейн уговорил самого начальника Украинского штаба партизанского движения генерала Строкача направить его именно в это соединение.

Ковпак, раненный в Карпатах, лечился тогда в Киеве. И однажды Клейн совершенно случайно познакомился со знаменитым дедом Ковпаком: они оказались соседями на временной квартире.

Сидор Артемович, постепенно выведав у понравившегося ему сдержанного старшего лейтенанта, что тот собирается в тыл врага, да не куда-нибудь, а к его же хлопцам-ковпаковцам, затащил Роберта к себе в комнату и до утра с увлечением рассказывал ему о своих боевых соратниках.

Прибыв на место назначения, Клейн уже заранее знал характер и повадки многих ковпаковцев. Входить с ними в контакт ему, благодаря Сидору Артемовичу, было легко. И Вершигора, только что принявший тогда соединение под свою команду, назначил новичка замполитом разведроты, вместо Карповны, на которую теперь возложили все хозяйственные заботы о разведчиках (не считая, конечно, особых заданий).

Как-то под местечком Порыцк Роберт Клейн с отделением ковпаковских разведчиков напоролся на колонну противника. Немцев было около батальона. Столкнулись в упор: Роберт с разведчиками — на санях, гитлеровцы — на машинах... Оставалось одно: неравная схватка и гибель. Спасла тогда разведчиков находчивость Клейна. Одетый в форму штурмбанфюрера войск СС, он отлично сошел за крупное полицейское начальство, которое следовало якобы из Львова во Владимир-Волынский с представителями УПА.

— Та-ак!.. — невольно вспоминая предысторию Клейна, протянул Вершигора. — Риск, конечно, благородное дело. Но зря не рискуй! Не каждый раз бывает у человека такая удача, как у тебя под Порыцком... Главное для нас, Роберт, сейчас — Львовский узел! Главное!.. — повторил Петр Петрович и, прищурив глаз, нацелился опять на карту.

Операцию решили провести в ночь на 18 февраля. И Клейн, козырнув, ушел.

А пока партизанское командование и разведка готовили эту серьезную операцию, ежедневно, а то и ежедневно происходили новые встречи ковпаковцев с поляками. И новые стычки с противником — иногда весьма неожиданным. Так, в ночь на 16 февраля силами 2-го батальона был ликвидирован гарнизон в местечке Тарногруд, и польские партизаны, взаимодействовавшие с глуховчанами, помогли Петру Леонтьевичу Кульбаке устано-

вить любопытнейший факт: самое тесное сотрудничество гитлеровских оккупационных властей с украинскими националистами, заброшенными в Польшу с явно террористической целью. Во главе этих украинских наци стоял здесь бывший петлюровец, матерый бандит и садист Дармохвалов.

Внезапное нападение батальона Кульбаки выгнало всю эту свору с насиженного места. Тарногруд был захвачен партизанами. Склад с горючим — таким дефицитным у немцев — Вершигора приказал немедленно сжечь, а все продовольствие (его оказалось очень много) роздали населению.

Вот в какой обстановке взаимодействовали майор Юркин и польский капитан «Подкова». Выслушав сейчас предложение о взрыве моста, Вершигора сказал:

— Я согласен, — и тут же спросил у начальника штаба Войцеховича: — Кого мы пошлем с капитаном «Подковой»?

— Володю Дубиллера.

Вершигора, взвесив что-то в уме, кивнул:

— Вызывай его сюда.

При виде Дубиллера капитан «Подкова» вскочил, с чисто польской лихостью щелкнул каблуками и взволнованно, как клятву, произнес:

— Еще Польша не сгинела! — Это была первая строка национального гимна.

Дубиллер, пожимая руку новому боевому товарищу, ответил:

— Польша будет жить! Народ убить нельзя.

Вершигора объяснил «Подкове»:

— Володя у нас считается кадровым горным инженером большой спец подрывного дела и отличный механик к тому же. Знает оружие всего мира, на память помнит устройство каждой мины даже во сне!.. Но если правду вам сказать, то по профессии он фотохудожник. Не один год проработал в печати.

— И в цирке! — добавил, поблескивая горячими глазами, Дубиллер.

— Только будь поосторожней! Без фокусов! — предупредил Вершигора, подумав о троих детишках Дубиллера, которых этот самоотверженный человек оставил где-то в Москве и, имея бронь, добровольно пошел в тыл врага.

Владимир Дубиллер прикусил губу, хорошо понимая, о чем речь: он всегда лез на рожон.

Капитан «Подкова» понимающе кивнул Дубиллеру:

— Крэвь за крэвь, смэрть за смэрть! — со страстью произнес поляк.

— Вижу, братцы, вы уже достаточно познакомились,— обратился Войцехович к Дубиллеру и «Подкове». — Теперь можно ставить боевую задачу. В ночь на восемнадцатое февраля надо взорвать мост на железной дороге Варшава — Львов, в деревне Вулька Орловска, на реке Волице. Это южнее города Красныстава, в восьмидесяти километрах отсюда. Так что наши планы полностью совпадают с предложением капитана «Подковы».

На это задание пошли четыре ковпаковских минера под прикрытием одного отделения во главе со Степаном Бокаревым и девять партизан «Подковы». Общее командование группой было поручено Дубиллеру.

Добирались туда партизаны на санях. Ехали осторожно, чутко вслушиваясь в ночную тишину. Дубиллера беспокоило, что неподалеку, в пятистах метрах от моста находится вражеский гарнизон.

— Так сколько, ты говоришь, там немцев?

— Больше сотни,— ответил «Подкова», хорошо изучивший место.

— Справимся ли мы?

— А зачем их будить? Мост охраняют здешние полицаи. Только обезвредим эту охрану — и взорвем мост! — предложил польский капитан.— На всякий случай мои хлопаки прикроют вас от гитлеровцев.

На том и порешили. В Вульку Орловску они вскочили внезапно. Так же внезапно накрыли и охрану моста. Партизаны быстро притащили на плечах четыре ящика толу, заложили взрывчатку с обоих берегов. Полицаи, поняв, чем пахнет дело, попросили:

— Вы нам хоть синяков наставьте! А то нас немцы перестреляют!

— Тадеуш! — обратился Дубиллер к капитану, тряхнув своей черной шевелюрой.— Скажи вашим хлопцам, пусть загримируют их под «жертв».

«Подкову» не пришлось просить долго... Полицаев хорошенько поучили уму-разуму партизанскими кулаками. При этом «хлопаки» отряда «Подковы» еще и приговаривали:

— За каким же дьяволом вы, дураки, против своих пошли? Кому служите?!

Потом часовых привязали к столбам. А минеры тем временем взорвали мост.

Услышав грохот, немецкие солдаты повыскакивали из казармы. Но было уже поздно: важнейшая железная дорога вышла из строя.

В эту же ночь, в один и тот же час, огненная подкова охватила с запада окрестности Львова почти на стопятидесятикилометровом фронте. Это ковпаковцы взорвали полтора десятка мостов. Взлетела в воздух и водокачка на самой станции, снабжавшая водой паровозы. Крупнейший узел железных и шоссейных дорог был парализован.

Этот комбинированный удар был, по существу, началом Польского рейда. Вершигора не просто открывал соединению путь на запад,— то был новый этап в партизанской деятельности, создание «второго фронта» в глубоким тылу врага, за пределами нашего государства. Вслед за ловким партизанским ударом началось наступление наших регулярных войск на львовском направлении.

А тут еще польские партизаны обстреляли из засады поезд, в котором ехал сам доктор Франк. Это смелое нападение на рейхскомиссара Польши оккупанты тоже приписали ковпаковцам.

Гитлеровский наместник в Польше доктор Франк выделил против ковпаковцев несколько эсэсовских дивизий с артиллерией, танками, авиацией. Бросил на партизан всю свою разведку, всю агентуру. Ковпаковцев в эти дни искали повсюду. Но они оставались неуловимыми... И вдруг нашлась ниточка, которая навела карателей на след: как нарочно, один новоиспеченный командир самовольно взорвал пару никому не нужных мосточков неподалеку от расположения своего батальона и этим помог противнику обнаружить свое соединение. То была глупость, граничившая с предательством. «Борода», обычно очень мягкий с людьми, рассердился страшно. Виновный был немедленно снят с должности. Но два не вовремя взорванных пустычных мостика помогли оккупационным войскам раскрыть координаты партизан. Каратели начали блокировать Билгорайский лес — один из крупнейших лесных массивов Польши.

Утром 18 февраля, после завтрака, Вершигора, обходя

штабные службы, расположенные в Боровце, заглянул к своему заместителю по разведке.

— Ну как, Иван Яковлевич? Уже разобрался в польском партизанском движении? Есть тут какая-то реальная сила, на которую можно опереться?

— По-моему, есть! — ответил твердо майор. Он сделал паузу, собираясь с мыслями, потом с обычной своей пунктуальностью продолжал: — Мною установлено — на Люблинщине активно действуют отряды, входящие в состав так называемой Армии Краевой, или, как поляки сами сокращенно называют ее, «А — Ка». Создана Армия Краева польским эмигрантским правительством Соснковского-Миколайчика, которое находится в Лондоне. Непосредственно занимался этой армией генерал Сикорский, но он погиб в сорок третьем году. Основная ставка их на бывших офицеров старой польской армии...

— Им все еще снится Польша галантерейная, с балами и уланами, — усмехнулся Вершигора.

— Похоже на то, — подтвердил майор Юркин. — Но все эти отряды АК неодинаковы. Они различаются по своим политическим взглядам.

— Почему? — удивленно спросил Вершигора.

— Потому что представляют разные партии, не говоря уж о внутрипартийных группировках... Тут и отряды ПЗП — это Польский Звенок Повстанчий, в прошлом — союз резервистов, то есть бывших кадровых офицеров. Существует еще и какая-то Народова Организация Войскова (НОВ). И Народовы Силы Збройны — НСЗ — это крайне правая реакционная организация, созданная радикальной партией. И батальоны Хлопски (или «Бэ-Ха»), созданные партией Витова, Сторонництвом Людовым и Польской Социалистической партией... — перечислял Юркин.

— А чем они все занимаются? — перебил его Вершигора.

— На словах — воюют с немцами. А на деле — руководство всячески сдерживает боевой порыв низов. В основном занимаются формированием отрядов, а возможно, что и готовят, под шумок, «сюрприз» патриотам.

— Угу!.. — протянул Вершигора. — Спешат, значит, возродить старую армию... А освободить Польшу намерены руками советских солдат.

— Да, что-то в этом роде, — согласился с ним Юр-

кин.— А простые люди, доведенные оккупантами до отчаяния и поднявшиеся на освободительную борьбу, уже понимают, что они попали не в ту армию. И, несмотря на запрет своего руководства, начинают сами, по своей инициативе громить фашистов.

— Та-ак!..— Глаза Петра Петровича, сощурившись, превратились в две блестящие щелочки.

— Некоторые отряды даже вышли из подчинения аковцев. Батальоны Хлопски действуют теперь зачастую самостоятельно, начиная сотрудничать с коммунистическими отрядами...

— Та-ак!..— опять протянул Вершигора.— Этим ростом самосознания, наверное, и объясняется стремление многих отрядов АК сотрудничать с советскими партизанами. В нашем лице они увидели наиболее реальную силу, способную бороться с оккупантами. Поэтому и обращаются к нам за помощью... Думаю, нам следует всячески расширять эти контакты. Надо помочь народу разобраться в собственном заблуждении... А вообще, я чувствую по всему: в Польшу дошли все же отголоски нашего Карпатского рейда!

— И в Венгрию, и в Румынию, и в Чехословакию! — подхватил майор Юркин.— Сколько тут было крупных, организованных побегов из концлагерей после нашего Карпатского рейда! Взять хотя бы, к примеру, отряд отчаянного «Васьки-Грузина» и всякие смешанные польско-советские партизанские группы. Но вернемся к нашему разговору. Кроме отрядов АК, созданных польским эмигрантским правительством из Лондона,— продолжал докладывать он,— есть и отряды Армии Людовой (АЛ), возглавляемые Польской рабочей партией. Их пока меньше и они слабее, так как создаваться начали позже. Но эти отряды ведут наиболее активную борьбу с захватчиками. И поэтому их всячески поддерживает народ!.. По моему, у них самые большие перспективы.

— С руководством этих рабочих отрядов связаться удалось? — спросил Вершигора.

— Начинаем налаживать связи. Представители от них уже были. Мне известно, что руководят здесь, на Люблинщине, всей патриотической борьбой три поистине легендарных человека. Народ рассказывает о них очень много, но пока они тщательно законспирированы. Все три — настоящие герои! Первый — Павел Домбек...

— Домбек? — переспросил, пристально взглянув на майора, Петр Петрович.— В переводе с польского это, кажется, означает «Дуб» или «Дубок». Возможно, псевдоним?

Юркин в ответ пожал плечами, раскуривая свою почерневшую от времени трубку, и после паузы продолжал:

— Имеются данные, что Домбек является первым организатором подполья еще в тридцать девятом году!.. В сорок втором его схватило гестапо и бросило в какой-то концлагерь. А здесь, в лесах, его заменяют испытанные в боях друзья: опытный подпольщик-коммунист полковник «Метык»; мне удалось выяснить, что настоящая его фамилия Мочар; и «Гжегош» — Корчинский, воевавший еще в республиканской Испании!.. Это — настоящие коммунисты, ставящие своей целью создать новую, народную Польшу. Говорят, их партизанские центры находятся в районе Красника и Острова Любельского.

Юркин и Вершигора одновременно потянулись к карте, и Петр Петрович обвел красным карандашом два кружка. Сказал с довольной ухмылкой:

— Та-ак!.. Это что-то вроде объединенных партизанских штабов, как у нас в Брянском крае или в Полесье.

— Возможно... Между прочим, сами поляки свой первый центр в районе Красника называют «Красной Москвой». — Тут Юркин сделал многозначительную паузу и выпустил, будто выстрелив шрапнелью, колечки дыма.— А второй центр в Острове Любельском — «Парижем».

В сощуренных глазах Петра Петровича мелькнуло веселое оживление.

— Ого!.. Это уже кое-что значит!..

Он быстро обвел взглядом зеленые массивы лесов на топокарте и вдруг воскликнул:

— Теперь ясно, почему в Замостье доктор Франк всегда держит столько войск! Ведь это — фашистский форпост против патриотического движения поляков... Не кажется ли тебе, Иван Яковлевич, что этот польский городок Замостье — вроде наших белорусских Лельчиц?

Майор удивленно вскинул брови на своего командира: старинная родовая крепость графов Замойских, выстроенная около четырех веков тому назад знаменитым итальянским архитектором Бернардо Морандо, с традиционным рвом для воды и величественными сторожевы-

ми башнями внешне ничем не напоминала затаившееся в лесах местечко Лельчицы. Но Вершигора, продолжая свою мысль, сказал:

— Не в пейзаже тут дело, конечно, а в административно-политическом и военном значении этих городков. По сути, Замостье — это форт, господствующий над лесом. Понимаешь?.. Отсюда оккупанты следят за опасными для них лесными районами. Ведь тут, на юге Люблинщины, — кругом леса, как у нас в белорусском Полесье. Отличная база для партизан!.. Именно на Люблинщине сейчас, с нашим приходом, начнет раскачиваться колыбель партизанского движения Польши. Как было это в Белоруссии. И еще раньше, в сорок первом году, — на Сумщине, в лесах под Путивлем...

— Пожалуй, — согласился Юркин.

— Тогда надо быстро связываться с Мочаром, Корчинским и, если возможно, с Домбеком! — сделал вывод Вершигора. И как бы про себя заметил: — Тридцать две разные партии привели польский народ к войне и поражению... Но, кажется, нашлась наконец та единственная — Рабочая партия, которая выведет Польшу на путь национального освобождения!.. Связывайся, Иван Яковлевич, быстрее с этими людьми!

А пока Вершигора и Юркин, строя различные предположения, сидели над картой в Боровце, за сотню километров от них, в лесной партизанской «республике» — недалеко от Краеника — обсуждалась радостная новость, приход советских партизан:

— Это — целая армада!

— У них дисциплина, как в армии! Порядок, выучка!.. Прекрасные опытные командиры!..

— А от нашей старой польской армии, когда мы начинали действовать, не осталось уже ничего!.. Даже оружие не годилось. Пришлось начинать все сначала!..

Поговаривали даже, доверяясь слухам (а перепроверить их было очень непросто там, где на пути от одного партизанского формирования до другого стояли ощерившиеся пулеметами и пушками фашистские гарнизоны), что привел целую «армию» советских партизан на помощь польским патриотам «генерал Колпак».

Обсуждало новость и командование польского партизанского центра в Острове Любельском. Настроение у всех было приподнятое.

— Наши люди передают, что из-за Буга в Билгорайский лес пришла советская партизанская дивизия под командованием генерала «Колпакова», — возбужденно потирая руки, сказал стройный быстроглазый Корчинский, который, несмотря на свою густую черную бороду, выглядел очень моложаво. — Тысяч около двадцати!

— Да нет, Гжегош! — перебил своего друга статный красавец Мочар. — Мне сегодня докладывали, что это — не дивизия, а чуть ли не целая армия, тысяч сорок — пятьдесят. По выучке и дисциплине они похожи на регулярные войска. Хотя вооружение и форма у многих трофейные.

— Я думаю, нам передают не столько сведения, сколько легенды, — возразил Корчинский. — Но такие слухи на руку всем нам, польским патриотам, ибо поднимают настроение наших людей. И мне кажется, нам надо как можно быстрее наладить контакт с советскими партизанами. Объединившись, мы станем сильнее во много раз!.. Как радовался бы сейчас Домбек!

А золотоволосый голубоглазый Павел Домбек, измученный до неузнаваемости побоями и голодом, в это время еще только готовился к побегу из лагеря смерти «Майданека». Сколько раз в минуты отчаяния Домбек повторял друзьям стихи своего любимого поэта Адама Мицкевича: «Да повщехне война людув!..» Да возгорится война народов — война войне! — эти слова звучали, как молитва, как клятва узников.

Страшный лагерь, находившийся в нескольких километрах от Люблина, ежедневно выплевывал в небо густой черный дым из крематория, поглощая жизнь за жизнью, сотни и тысячи жертв, свезенных сюда гитлеровцами из разных стран. Бежать из этого ада, огражденного двойным проволочным забором, по которому был пропущен электрический ток, с прожекторами и многочисленными эсэсовскими патрулями еще никому не удавалось. А Павел Домбек сумел не только убежать сам, но и увел с собой еще восемнадцать товарищей.

Руководитель гитлеровских концлагерей Рудольф Гесс, лично осмотрев место побега, сказал своим подручным:

— Это были настоящие герои! А вы все — дураки и идиоты!..

...Выйдя от Юркина после разговора о польском «Париже», овеянном революционной славой коммунаров, и партизанской «Красной Москве», Вершигора продолжал взвешивать в уме события последних дней. Все шло как будто неплохо: ночью ковпаковцы обрубали нервы, ведущие к крупнейшему европейскому железнодорожному узлу — Львову; связь с польскими патриотическими силами налаживалась...

Так, со своими раздумьями наедине, бродил он по Боровцу несколько часов, поглядывая исподтишка, чем занимаются его партизаны. Пора было уже обедать. Стрелки знаменитых именных часов фирмы «Павел Бурэ», подаренных ему Андреем Устенко, показывали четверть третьего.

Когда Вершигора вернулся к себе в штаб-квартиру, там его снова ждал майор Юркин. Лицо у Ивана Яковлевича было сейчас встревоженное.

— Чтонибудь случилось? — сразу спросил Вершигора.

— Да, — ответил тот. — Польские партизаны, имеющие свою агентуру в гестапо, сообщили: завтра рано утром немцы собираются бомбить нас здесь, в Боровце.

Высокий, подтянутый, строгий Юркин и сейчас держался с подчеркнутой официальностью.

— Эти данные, товарищ подполковник, подтверждают и люди из нашей контрразведки. Противник намерен бомбить нас утром девятнадцатого. Не лучше ли нам передислоцироваться?

— Мы-то с вами уйдем, Иван Яковлевич... — Вершигора, недовольный чем-то, свел в одну линию пушистые темно-русые брови. — А вот ночью или на рассвете должен вернуться из-под Львова Саша Ленкин со своим кавэскадром. Как быть с ними?

Решили в конце концов оставить несколько партизан, которые укажут Ленкину и его кавалеристам куда ушло соединение.

С трудом совершив за ночь форсированный восьмидесятикилометровый переход, соединение остановилось в селах Яроцин, Шиперки, Домостава Билгорайского повяту, что приблизительно соответствует нашему понятию — район.

А утром 19 февраля действительно возвратился в Боровец кавэскадрон Ленкина. Едва конники вошли в дерев-

ню, в воздухе появилось звено фашистских бомбардировщиков. Раздались первые взрывы... К счастью, убитых в кавэскадроне не оказалось. Только ранило двух или трех человек да погибло несколько лошадей.

Но немцы не ограничились одной бомбежкой. Оккупационные войска с каждым днем все точнее нащупывали место расположения советских партизан. На ковпаковцев была брошена вся войсковая разведка, имевшаяся у гитлеровцев в Польше; все шпики, крупные и мелкие; даже подключена была Люблинская разведшкола.

Прибывший в Люблин от самого рейхскомиссара Франка эсэсовец Вернер Фельдман, с агентурой которого ковпаковские контрразведчики имели дело еще в Брянских лесах в сорок втором году, дал теперь особые инструкции руководству шпионской школы — как проникнуть к партизанам под видом военнопленных, бежавших из концлагеря.

Оформлял эти «кадры» (вчерашних бандитов, воров, аферистов, словом, отбросы общества) специальный сотрудник — ротенфюрер Ганс Рутке, снабжая их соответствующей одеждой, документами, а заодно и новыми фамилиями. Ганс Рутке знал об этих «кадрах» все. И партизанская контрразведка решила похитить его.

Приманкой для ротенфюрера — большого любителя попить и пожрать за чужой счет — служили добытый партизанами спирт и обильная закуска. А осуществить похищение гестаповца помог один местный полицай, работавший в самом гестапо по заданию польских партизан. Рутке приходил к этому одинокому, немолодому уже человеку «поговорить по душам». Жаловался на своего брата — коммуниста, испортившего ему, убежденному нацисту, всю карьеру. И клялся, когда он, ротенфюрер Ганс Рутке, приедет в Берлин, то найдет этого братца в любой тюрьме или концлагере, где бы тот ни был, чтобы спустить с него шкуру!.. Сопровождались подобные излияния, конечно, изрядной выпивкой. Не удивительно, что накачавшись однажды до беспамятства в квартире своего «друга», ротенфюрер очнулся уже в расположении партизан.

Перепуганный до икоты Рутке с ходу, на память отбарабанил майору Юркину с десятков анкет своих агентов: имя, фамилию и все, как полагается. Остальных (всего из шпионской школы послали к ковпаковцам двадцать аген-

тов) ротенфюрер довольно точно, профессиональным языком охарактеризовал по приметам. Таким образом, «пополнение», которое фашистская разведка пыталась всучить ковпаковцам, партизаны узнавали еще на заставах и приводили прямо в штаб.

А когда все агенты были выловлены, неистощимые на всякие выдумки ковпаковцы сочинили начальству люблинской шпионской школы письмо: мол, «кадры» ваши получили, большое спасибо, подробности сообщит податель сего письма.

Доктор Франк, воображавший себя всемогущим наместником Гитлера в Польше, разъярился еще больше, когда ему доложили о результатах этой «операции» против партизан. Силы карателей были удвоены или даже утроены. Доктор Франк решил во что бы то ни стало уничтожить ковпаковцев и как можно быстрее: надо ж было выслужиться перед Гитлером.

У Вершигоры же, не взирая на все это, крепко засел в голове свой план.

Еще в Боровце он получил данные, что в Сталевой Воле, на западном берегу реки Сан, работает крупный завод, входящий в концерн Германа Геринга. И что на этом заводе гитлеровцы руками советских военнопленных ремонтируют побитую на фронте артиллерию. Живут эти военнопленные где-то рядом со Сталевой Волей. Кроме того, в районе Рудника имеются какие-то крупные склады вооружения.

Петр Петрович решил совершить прыжок через Сан и внезапным налетом вывести из строя этот завод, а заодно и освободить людей из фашистской неволи. А потом, рванув на Рудник, захватить и уничтожить гитлеровские склады с вооружением.

Именно поэтому он и перебазировался из Боровца поближе к Сану, в район Домоставы, Яроцина, Шиперок. Расположившись 19 февраля со штабом в деревне Яроцин, Вершигора зашел к своему заместителю по разведке майору Юркину, чтобы обсудить с ним, как лучше провести задуманную операцию.

Разговор о том, что надо послать в Сталеву Волю надежного человека с письмом к рабочим, слыхала племянница хозяина дома, где располагался штаб,— маленькая черноглазая пигалица, крутившаяся в проходной комнате. И Вершигора, и Юркин считали ее ребенком. С виду ей

было лет четырнадцать или того меньше. И вдруг эта девочка Поля вбегает к Вершигоре и говорит:

— Нех пан командир даст мне письмо! Я однесу его в Сталеву Волю!

— Ты?.. Сама отнесешь? Гм!..— Вершигора измерил ее пристальным взглядом, будто увидел впервые.

— Про-ошу,— умоляла она.— Там в том заводе работает мой младший брат. И работал старший...— Она умолкла на мгновенье. Короткая спазма, перехватив ей горло, исказила тонкие, как на старинных польских гравюрах, черты.

Только сейчас Вершигора заметил на темно-синем ученическом платье Аполлонии черную повязку — траур, который здесь, в Польше, носили, увы, очень многие: кто по убитому сыну, кто — по отцу или брату.

— Там, в заводе, работает теперь мой младший брат Антоний. И остались товарищи нашего старшего брата Станислава. Я могу пройти до них и отдать ваше письмо.

— Это траур у тебя — по Станиславу? — с сочувствием спросил Петр Петрович.

— Так!.. То по польску значит жалоба. Траур,— справившись с непролитыми слезами, объяснила девочка. Она подбирала в уме самые нужные слова, одинаково понятные и полякам, и русским.— То жалоба за старшим братом Станиславом и нашим ойтцем. Их расстреляли фашисты, когда искали в нашем доме склад зброи... оружия. Оружия не нашли, а дом подожгли, и тогда стали взрываться боеприпасы... Маму фашисты забрали в концлагерь, но родственники дали выкуп конвоиру... И теперь мы с мамой и всеми братишками живем у вуйка Антония... у дяди. У него тоже четверо маленьких детей.

— Значит, ты теперь — старшая в семье?.. Та-ак...— задумчиво протянул Вершигора, барабаня пальцами по столу, покрытому картой.— Сколько же тебе лет, милая птаха?

— О, вы не беспокойтесь, товажищу командир,— воскликнула Аполлония, решив до конца открыть правду людям, которые боролись за освобождение ее родной земли.— Я естэм тысяча девятьсот двадцать четвертого року народження и уже с сорок второго связана с нашими польскими партизантами из отряда Конара. А по документам я — с двадцать усьмого року! Я малэнька, то бардзо зручно! Удобно... Всюду могу пройти...

— Что ж, это хорошо! — произнес, поправляя свою портупею, Юркин.

Но тут в комнату, где находился штаб, вбежала испуганная мать Поли, Франтишка — изможденная, с большими страдальческими глазами.

— Не уходи навсегда с этой русской дивизией! Ты же старшая в семье, а твои четверо братьев — сироты! Помни это! — упрекала она дочку.

— Чего ты, мамцю? — успокаивала ее Аполлония, торпливо заплетая свои длинные, чуть не до колена, дивные косы. — Я вернусь! Только помогу этой советской дивизии.

Говорили они, разумеется, на своем языке, но смысл этих фраз был ясен и Вершигоре и его заместителю по разведке.

— Не пойдешь! — отрезала мать, украдкой вытирая слезы краем вышитого фартука.

Но Аполлония продолжала стоять на своем:

— Не бойся, мамцю! Это не опасно! У русских тут — целая армия, скоро нас освободят навсегда!

Мать при этих словах схватила Полю в объятия. Плача и смеясь от радости, они вышли из комнаты. За стеной еще долго слышался их оживленный говор. Петр Петрович, безнадежно махнув рукой, сказал Юркину:

— Понятно, мать боится. Она и так слишком многое потеряла за эту войну. И вправе не пустить сейчас дочку... Но то, что они считают нас регулярными частями, весьма интересно!

— М-да!.. — многозначительно протянул Юркин, попыхивая трубкой. — Настаивать мы не можем.

А к вечеру Франтишка сдалась сама, вняв уговорам дочери.

Рано утром, взяв старенький «ровер», как называют в Польше велосипед, Аполлония отправилась из родного села Яроцина в дальний путь. Сталева Воля находилась на другом берегу Сана, по которому проходила граница «дистрикта». Мост, разумеется, охранялся часовыми, и Поле нужен был специальный пропуск. Монашки, работающие в больнице, дали ей такой документ, но бумажка была не очень надежна. Немецкие часовые могли придраться к подчисткам и арестовать Полю.

Чтобы избавиться от страшных мыслей, она в дороге вспоминала брата Станислава, смелого и всегда такого

веселого. Стась был в отряде с самого начала его организации. И всем, кто жаловался на притеснения оккупантов, говорил вроде шутя:

— Что вам делать? Откуда я знаю? Где я вам возьму русскую армию? Бейте грабителей сами. Тогда и русским на фронте будет легче. А кто хочет получить самый хороший совет, пусть приникнет к родной земле. Земля должна сейчас гудеть не только от стонов людских, но и от боев!..

И еще Поля вспомнила, какой праздник был у всех в Яроцине, когда в село пришли советские партизаны. Люди думали, что приход «армии» ковпаковцев означает близкий конец войны!.. Женщины, дети, даже старики танцевали в праздничных, ярко расшитых народных костюмах. Все были без кожухов, одеты почти по-летнему, а ведь стоял еще февраль на дворе!..

Но больше всего Полю в тот день поразило, что ковпаковцы не стреляли пленных. Они не допускали самосуда над немцами, хотя земляки Поли — даже маленькие дети — старались убить любого солдата, на котором была ненавистная гитлеровская форма. А русские говорили: «Кто сдается — того не уничтожать. Успеем разобраться, где настоящие виновники всех военных бедствий! Главный суд впереди.»

Думая об этом, Поля энергично крутила педали. Ехать в такую погоду на велосипеде было трудно. Падал снег. Дул порывистый ветер. Поля продрогла в легком плащике с чужого плеча (все имущество семьи сгорело вместе с домом).

Недалеко от реки, в селе Зажече, Поля оставила ровер у людей. Подошла к часовым, охранявшим мост. Немцы регистрировали все: когда человек переправился на западный берег, когда вернулся.

Поля показала свои документы, по которым значилась несовершеннолетней. К ней никто особо не присматривался: спасал маленький рост.

Было уже часов двенадцать, когда она вступила на этот мост — через широкий свинцовый Сан.

По документам Поля проживала в Краковском генерал-губернаторстве, и толстый часовой-немец, показав пальцем в сторону, где синел ненавистный захватчикам партизанский лес, спросил сипло:

— Откуда идешь? От бандитов?!

Она пожала тоненькими плечиками, вроде ничего не поняла. Сказала только:

— Иду проведать тетю, она в больнице... в шпитале.

Это было тоже зарегистрировано немцами, как причина перехода через мост, вместе с выдуманной фамилией «тети». И Поля, не оглядываясь, поспешила на другой берег. На мосту почти не было людей.

«Хорошо, что сегодня дежурят новые солдаты, которые ни разу не видели меня тут!» — с облегчением подумала Поля, которая уже не однажды переходила через Сан под разными фамилиями. Списки всех лиц, пересекавших линию «дистрикта», специально изучались в гестапо.

Когда Поля приближалась по разбитому шоссе к Сталевой Воле, в памяти у нее, уступив место всем опасениям, вертелись вопросы, на которые она должна была принести ответ Вершигоре: сколько в городе немецких войск? Какая охрана на заводе? Чем вооружены все немцы, находящиеся внутри завода и вокруг него, в Сталевой Воле? Кто обеспечивает безопасность электростанции, питающей огромный завод?..

По пути к этой «электровне» Поля вдруг увидела знакомого, который обогнал ее на подводе. Возница был родом украинец, но служил оккупантам.

— Подвезти? — спросил он, остановившись, так как знал уже, что родичи этой красивой девушки работают где-то на заводе.

Поля кивнула... Одетый во все немецкое, этот тип мог быть сейчас хорошей защитой от приставаний чужеземных солдат.

Поехали вдвоем. Поле было стыдно перед косящими на нее встречными людьми, что она сидит на подводе с полицаем. Но зато она без всяких осложнений въехала прямо на территорию электростанции.

Правда, Антония на месте не оказалось: его командировали куда-то на задание свои же, местные партизаны. Но товарищи Антония и расстрелянного немцами Станислава помогли ей узнать все, что нужно было Вершигоре.

Сделав свое дело, Поля поспешила обратно, чтобы до наступления ночи командир советской партизанской дивизии получил эти данные. Путь предстоял неблизкий по тем тяжким временам: опять — около тридцати километров... И Поля решила возвращаться поездом. А это было

опасно, так как при посадке в вагоны происходила тщательная проверка пассажиров: кто едет, откуда и зачем?

Она сказала патрульным:

— Я ездила за покупками.

— А где же они?

Поля в ответ развела руками. Никаких покупок при ней не было.

— Не нашла, что надо.

— Покажи деньги! — Жадные до наживы, патрульные хотели получить с нее выкуп.

А у девочки было всего тринадцать злотых — по тем временам они не стоили и ломаного гроша.

Солдаты захохотали. Полю тогда спасли только выдержка и детский рост.

Потом шла она еще пешком семь километров. Потом — опять река, мост и неизбежная проверка документов. Все тот же толстый часовой спросил ее, воображая, что он очень остроумен:

— Ну как, паненка, опять идешь к бандитам?! — и захохотал.

Она только улыбнулась ему в ответ и помахала рукой, будто ничего не поняла.

С трудом добралась она до знакомых, у которых оставила свой старенький ровер, и покатила на Яроцин.

Еще три раза ее задержали, но она благополучно отделялась от фашистских патрулей. Время было уже позднее — комендантские часы. Наконец она попалась: ей больше не верили. Допытывались, что выгнало ее из дому в ночную пору. Избили так, что Поля чуть ли не теряла сознание. И все-таки она сумела выкрутиться. Пришла домой.

Поздней ночью измученная, с трудом держась на ногах, явилась она к Вершигоре. Мать, увидев ее, только охнула и перекрестилась. Зато Петр Петрович, внимательно выслушав сообщение Поли Пенк, крепко, по-отцовски обнял ее и сказал:

— Молодец!... Спасибо тебе огромное от всех нас! Ты узнала именно то, что нужно. И главное, очень своевременно...

Однако осуществить свой план Вершигоре, к сожалению, не удалось. Противник нащупал соединение, и надо было как можно скорее исчезать из Билгорайского леса. Но и уходить сейчас было нельзя. Приближался канун

годовщины Советской Армии, и «Борода» спешил к 23 февраля закончить реорганизацию соединения в 1-ю Украинскую Партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза Ковпака.

Учитывая создавшуюся ситуацию, Петр Петрович решил перекочевать с соединением на восток, в центр Билгорайского леса. А чтобы ввести в заблуждение «всемогущего» доктора Франка — нанести два отвлекающих удара подальше от своего места расположения: мощным артналетом вывести из строя электростанцию, питающую токком металлургический комбинат в Сталевой Воле, и этой же ночью уничтожить вражеский гарнизон и авиасигнальный пост в местечке Ульянув.

Кстати, налет на вражеский гарнизон в Ульянуве предложил Вершигоре провести совместно командир польского отряда «БХ».

21 февраля в полдень (хозяйка как раз угощала весь штаб 3-го батальона праздничным обедом) от Вершигоры примчался связной. Резко осадив у калитки лошадь, он кубарем слетел с седла и, накинув повод на кол плетня, бросился бегом в дом. Бока лошади были в мыле и раздувались, как кузнечный мех.

— Вас срочно вызывает к себе командир соединения товарищ Вершигора! — сообщил связной с какой-то необычной торжественностью.

— Хорошо, сейчас поедем... Миша! — кивнул комбат своему неотлучному ординарцу, веселому белобрысому Браташу. — Седлай коней. А ты, Володя, пока садись, подкрепись малость...

Через несколько минут комбат, ординарец и Володя Короткий мчались в штаб соединения, который размещался в полутора километрах, в соседней деревне Яроцин, вытянувшейся длиннющей улицей с востока на запад. Как ни спешили три всадника, им вскоре пришлось перейти на шаг — и очень медленный. Вся улица была запружена жителями. Голосисто разливались баяны, звучно басили несколько аккордеонов. Казалось, это сама улица плясала и пела. Такого гуляния ковпаковцы, пожалуй, не видели за все время войны.

— Что здесь сегодня, праздник? — спросил комбат у связного.

— Нет, — улыбнулся Володя своей спокойной доброй улыбкой. — Так просто гуляют. От радости. Наверное,

давно не веселились. Гитлер не давал! А теперь вот гуляют, как мы пришли. С самого утра.

Комбат и Браташ невольно залюбовались этой картиной. Все вокруг были одеты празднично. У всех на лицах — радость...

— Вершигора в этом доме,— показал связной кивком и соскочил с лошади.

В штаб-квартире, кроме командира и Войцеховича, сидел у стола светло-русый, с тонким розовощеким лицом молодой польский офицер.

Комбат приложил руку к своей кубанке:

— Товарищ подполковник!..— При чужом офицере, иностранце, он не рискнул обратиться к Петру Петровичу по имени и отчеству.— Прибыл по вашему приказанию...

«Борода» на полуслове нетерпеливо махнул рукой, что означало «отставить», и, хитро улыбаясь одними глазами, протянул ее комбату.

— Познакомься, Петро,— показал он в сторону польского офицера.— Вам придется сегодня ночью поработать вместе.

— Поручник Владек! — отрекомендовался тот, щелкнув каблуками и приложив два пальца к своей конфедератке.

«Владек,— решил комбат,— это, наверное, кличка». Он с интересом рассматривал поручика. Ревниво отметил подтянутость поляка, хорошую военную выправку, благодаря которой тот даже казался больше ростом, хотя, в общем-то, был невысок. И подумал: «Хорош! Картинка прямо!.. Посмотрим, каким ты будешь в бою». С такой меркой ковпаковцы подходили к каждому.

— Поручик Владек,— продолжал между тем Петр Петрович,— уговорил меня разгромить объединенными силами немецкий гарнизон в городе Ульянуве, а затем захватить там склады с продовольствием и фуражом. Я решил поручить это хитрое дельце тебе,— подмигнул он.

— Что тут особенно хитрого?.. Большой гарнизон в Ульянуве? — поинтересовался комбат.

— Да нет, не очень,— начал объяснять суть задания Петр Петрович.— Гарнизон небольшой, десятка два фрицев и еще сорок — пятьдесят местных полицаев. Эти немцы обслуживают авиасигнальный пост.

— Так есть! — подтвердил Владек.

— Вот этот пост надо ликвидировать. Ни к чему он нам тут — под носом. Да и фуражом у немцев подраживемся.

— Вся сложность вашей операции будет состоять в том, — вмешался в их разговор начальник штаба Войцехович, — что немцы находятся в прочном, будто крепость, здании, обнесенном со всех сторон каменной стеной, в самом центре города!.. Как там их взять — надо подумать. Но поручик Владек заверяет, что особой сложности не будет.

— Так есть! — кивком головы подтвердил эти слова поручик. — Бэндэ вшистка в пожонтку... в порядке!

— Ну как? — спросил Петр Петрович у комбата. — Что ты скажешь на это?

— Мне пока не ясен план захвата. У вас есть какие-нибудь указания?

Вершигора и Войцехович, переглянувшись, рассмеялись: они любили заставить других «раскинуть мозгами».

— План захвата согласуете с поручиком Владеком, — сказал весело Вершигора. — К двадцати двум ноль-ноль он со своим отрядом будет у вас в Шиперках. К этому же времени к вам подойдет от всех подразделений транспорт для перевозки фуража и продовольствия, которые вы возьмете в Ульянове после боя... — И заметив в глазах комбата некоторую тревогу, подмигнул ободряюще: — Не волнуйся, Петя! Поручик Владек — человек надежный!

На душе у комбата немного полегчало, потому что главная сложность задания заключалась именно во взаимодействии с поляками.

— Тогда все ясно! — ответил комбат.

— Теперь, — кивнул Вершигора Войцеховичу, — можешь вручить ему приказ.

Пожав поручику Владеку руку, комбат поспешил к своим партизанам. А к 22.00, как и было условлено, в Шиперки приехал Владек с отрядом. Уточнив в штабе 3-го батальона некоторые детали совместной операции, комбат и польский поручик вышли на улицу. Вдоль дороги темнела колонна, ожидавшая команды двинуться в путь.

Оба командира вместе с догнавшим их комиссаром Цимбалом, который, по своему обыкновению, на ходу беседовал с людьми и решал попутно множество неотложных вопросов, направились в голову колонны. Ком-

бату и Цимбалу не терпелось увидеть польских партизан. Какие они? Комиссар жадно всматривался в каждые сани, на которых полулежали на сене, прижавшись друг к другу, одетые кто как — в полугражданское, полувоенное — люди. Их трудно было даже отличить сейчас от ковпаковцев.

— В общем, примерно так же выглядим со стороны и мы,— шепнул Андрей Калинович комбату.— Да и все мы в сущности — солдаты одной, народной освободительной армии, которая борется против фашизма!..

По маршруту в Ульянув комбат заранее выслал отделение своих разведчиков. Ровно в 23.00 двинулись в путь. Поручик Владек сел к комбату в сани. Ночь была безветренная, звездная, теплая, мороз утих. Отдохнувшие за два дня лошади легко рысили по хорошо накатанной дороге.

Колонна шла быстро. Слышался только легкий шорох ее движения. Судя по времени, разведка уже должна была прибыть в Ульянув. Но когда колонна подходила к развилке шоссейных дорог, комбат на всякий случай распорядился выставить заслон в сторону местечка Ниско.

Владек заметил:

— Зачем? Здесь ночью гитлеровцы (он делал ударение по-польски, на предпоследнем слоге) боятся ездить.

— А вдруг?.. Мало ли что может быть?..— ответил комбат.— Время военное. Нет, мы никогда без заслонов не ездим. Говорят, береженого бог бережет.

— То так есть,— согласился поручик, улыбнувшись.

— Поэтому за два с лишним года войны в тылу врага у нас и не было ни одного случая внезапного нападения во время марша. С заслонами надежнее. Тем более здесь, у вас,— сказал Владеку Цимбал, ехавший в тех же санях.— Я даже удивляюсь: гитлеровцы чувствуют здесь себя вольготно, свободно гуляют и днем и ночью. Вы что, перемирие с ними заключили?

Поручик засмеялся в ответ на шутку. Потом сказал уже серьезно:

— Нет, у нас еще мало сил, мало оружия.

— Почему мало?!— искренне изумился Цимбал.— Ведь у гитлеровцев его много!.. Бейте их — и у вас тоже будет оружие, сколько вам надо!

— О, так!— обрадовался Владек.— Правду говорит товажиш. И я так мыслю. А наши высокие начальники,

что в Лондоне, — холера их заберит! — не разрешают проводить боевые акции на гитлеровцев. Говорят, еще не время. Сначала, мол, надо сформировать армию, вооружить ее хорошо. А потом будем бить врага. Надо ждать, говорят.

— Непонятное у вас начальство. Оно, случайно, не из Берлина получает распоряжения? Я бы такое начальство послал к чертовой матери! — взволновался Андрей Цимбал, обычно невозмутимый даже во время боя. — Гитлеровцы вешают, расстреливают ваших отцов, вывозят ваше добро в Германию, а ваше начальство приказывает вам ждать спокойно. Да катись оно к чертям, такое начальство! Кому оно служит: польскому народу или врагам его?

— То так! И я так думаю. И не хочу смотреть, как фашисты мордуют наш народ. Хорошо вам. У вас — одна, народная власть. А у нас — две власти, два правительства...

— Так идите за тем, кому больше верите! — прямо сказал комиссар.

— В конце концов, за рабочей партией пойдут все поляки, — убежденно заключил Владек.

Когда партизаны проскочили развилку двух шоссейных дорог, он предупредил:

— Сейчас будет Вулька Таневска, то маленькая деревня, а за ней, за мостом — местечко Ульянув.

— Ну что ж, чудесно! Подъезжаем вовремя... В нашем распоряжении еще четверть часа, — ответил ему комбат.

Колонна въехала в Вульку Таневску. Поручик хотел что-то сказать, но сани вдруг остановились. И перед ними, как из-под земли, выросли два плечистых высоких поляка, вооруженных немецкими карабинами, а за этими парнями — еще два ковпаковца с автоматами. Один из поляков наклонился к саням и доложил скороговоркой:

— Пан поручник! Вшистка в пожонтку! Фашисты дрыхают. Мои хлопаки все тутай.

— Добже! — ответил Владек и быстро, как на пружинах, выскочил из саней.

— Откуда здесь эти хлопцы взялись? — спросил комбат у Владека.

— Тут в полиции работают наши, — объяснил Владек на своем родном языке. — Я с вечера послал к ним сво-

его человека. Сказал, чтобы они взяли этой ночью на себя охрану города. И особенно того здания, в котором располагаются гитлеровцы. Тем более, что немцы охотно принимают помощь полицаев. А сами с вечера закрываются в своей «крепости» и до утра не показываются.

— Значит, мы в город войдем без стрельбы?

— Ну, пэвне! — уверенно ответил поручик. — Ваши хлопаки столько вальчили, столько боев прошли. Хочется мне, чтобы вы все дожили до победы.

Комиссар от души пожал ему руку. А комбат подумал: «Какой умница этот польский поручик, как тонко провел разведку!»

— Ну что ж, начнем? — спросил он у Владека.

— Так есть! — ответил поручик.

— Тогда быстро выдвигайте заслоны на мост через Сан и на дорогу в сторону Кшешува. А мы займемся гитлеровцами. Кто нас проводит к ним?

— Я сам пойду с вами, — ответил Владек. В голосе его все-таки звучала тревога.

Комиссар и комбат поняли, что польский поручик беспокоится за них, за весь их партизанский батальон, больше чем за себя, словно чувствуя ответственность за все, что произойдет сейчас здесь — на его родной земле.

— Станислав!.. Сюда! — раздался звонкий голос Владека.

— Слушаю! — отозвался кто-то. Судя по голосу, совсем еще молодой парень.

— Пойдешь с первой группой на мост.

— Слушаю! — козырнул поляк-партизан и исчез в темноте.

— Юзеф!

— Слушаю! — подскочил к нему другой парень.

— Живо! Со второй группой — на Кшешувский шлях!..

Сняв с саней роту и двинув вслед за ней пушку, ковпаковцы по отделениям, растянувшись в ниточку, пошли на Ульянув. Так, без единого выстрела, они заняли этот пункт. Партизаны как бы сменили немецкий караул, взяв гитлеровцев под свою «охрану». И все это получилось словно само собой, с каким-то особым, истинно польским изяществом.

Через несколько минут после того, как местечко было занято, комбат и комиссар вышли на улицу к темному массивному зданию, опоясанному каменной стеной. Это

было что-то вроде старой фамильной крепости — так, по крайней мере, показалось в темноте. Стены были на редкость толстыми. На втором этаже в одном окне виднелся тусклый свет, будто исходивший из глубокой пещеры. Все было тихо.

— Вот, — шепнул Владек, — они все на втором этаже. А там, где свет — то их дежурный.

Ничего не подозревающие фашисты доживали последние часы в крепости. Быстро осмотрев подступы к зданию и окружающей его кирпичной стене, партизаны закрыли все выходы из этого укрытия. Затем тихо подкатили свою «сорокапятку» и в упор открыли огонь. Первый снаряд пустили в комнату, где горел свет. Второй в спальню. Последующие — по центральному входу, чтобы разбить дверь и дать возможность заранее выделенной штурмовой группе ворваться в здание. Пулеметы ковпаковцев строчили по окнам, чтобы предупредить ответный огонь.

Выпустив несколько снарядов, пушка прекратила огонь. Штурмовая группа бросилась вперед, но сломать массивную дверь здания партизаны не смогли.

Гитлеровцы воспользовались минутным затишьем и открыли из окон огонь, поливая из двух пулеметов ковпаковскую «сорокапятку». Пришлось ее срочно убирать с дороги. Это было очень досадно, так как другую удобную позицию для пушки найти не удалось.

Партизанские артиллеристы попытались разбить бронейными снарядами стену дома, но снаряды эти отскакивали от камня, словно мячики. Фашисты, придя в себя, стали огрызаться еще ожесточеннее. Потерь, правда, у ковпаковцев не было, но уже стало ясно, что гитлеровцев таким путем не взять. Гарнизон их за такими прочными стенами был неуязвим.

— Что будем делать? — спросил комбат стоящих рядом поручика Владека и комиссара Цимбала.

Вдруг к ним подбежал пятнадцатилетний минер Вася Коробко, инициативный и смелый парнишка. Внешне он казался совсем мальчиком — худенький, узкоплечий, но решительность его была общеизвестна.

— Товарищ капитан, нам этих гадов-фрицев так и до утра не взять! — зачастил он. — Разрешите, мы их взорвем. Взрывчатка у нас есть, мы с Гришей враз все подготовим, заложим и...

— Правильно, Вася! Молодец! — хлопнул его по плечу Цимбал. Он любил смелые, быстрые решения.

— То добже! — воскликнул поручик Владек. — Правильно!

— Правильно-то правильно, а как вы внутрь здания взрывчатку заложите? — усомнился комбат. — Вся беда в том, что в здание нельзя проникнуть.

— А нам и не надо заходить в него. Вы нас прикроете из пулеметов, а мы с Гришей подлезем, выбьем окно возле дверей и бросим туда мешок с толом.

— Хорошо. Действуйте!

Легкий, как пушинка, Вася Коробко исчез. А через несколько минут вдвоем с Гришей Козловым они притащили два мешка толу. Поручик Владек бросился было бежать за ребятами. Казалось, он готов прыгнуть туда, к запертым массивным дверям, вместо юных ковпаковских минеров. Комиссар и комбат с трудом удержали его.

Гитлеровцы продолжали отчаянно стрелять из пулеметов. Но огонь они вели из тех же окон, из дежурной комнаты и спальни, не причиняя партизанам никакого вреда. Хорошо, что немцы не додумались спуститься на первый этаж: тогда бы минерам было гораздо трудней забросить взрывчатку в помещение.

Отвлекая внимание противника, еще гуще застрочили в темноте партизанские пулеметы. Им энергично вторили автоматы.

— Все, товарищ капитан! — появившись снова так же неожиданно, как в первый раз, доложил Вася Коробко. — Через две минуты — взрыв.

— Отойдите дальше, а то кирпичи полетят! — взяв комбата по-дружески за локоть, предупредил поручик. Только они с комиссаром и с обоими минерами забежали за один из ближайших сараев, как вдруг земля резко вздрогнула и в темное небо взметнулся огромный сноп огня, а затем раздался громовой удар.

Комиссар первый выскочил на дорогу и снова подбежал к зданию... Когда рассеялось облако дыма и пыли, все увидели, что правая часть дома была оторвана и развалена совсем. Уцелело только левое крыло. А на ступеньках лестницы, подняв руки вверх, безмолвно стояли гитлеровцы. Они оторопело смотрели вперед, совершенно не реагируя на команды. Казалось, они вообще не

видели партизан. Наверное, были сильно оглушены, да и напуганы взрывом.

— Они похожи на оглушенную динамитом рыбу, когда та всплывает кверху брюхом! — жестикулируя, объяснил по-польски Владек. — «Сверхчеловечки» — юбермэнши!.. Пусть скажут спасибо, что мы не убиваем пленных!

В уцелевшей части маленькой крепости были обнаружены две радиостанции, много винтовок и парочка исправных пулеметов с изрядным запасом патронов.

— Вот, пан поручик Владек, а вы говорили — оружия нет! — кивнул ему Цимбал на трофеи. А потом, повернувшись к комбату, тихо спросил: — Оставим все это оружие польскому отряду?.. Хорошие они ребята!

Комбат тоже кивнул ему в ответ.

— Пожалуйста, товарищ Владек, возьмите себе все это оружие и обе радиостанции, — обратился комиссар батальона к польскому другу.

Тот смутился, хотя и видно было, что очень рад.

— А вам?..

— У нас есть. — Комбат обнял его. — Берите!

— Все трофейное оружие — нам?.. О, бардзо дзенькую, спасибо!.. Мне хотелось бы зобачиться з вами на мирной земле, у меня дома на Костельной улице — тут в Ульянуве. Но теперь война!.. А оружием я поделюсь с товарищами, отдадим часть в другой отряд. И то, что сумеем добыть в новых боях, тоже отдадим соседям! Важно, чтобы кто-то начал. А вальчить мы бэндэм! Гнать отсюда гитлеровцев!..

Так оно и было: позже ковпаковцы узнали — молодой красивый «поручник Владек» — Владимир Менцинский — воевал лихо...

В ту же ночь, когда 3-й батальон ликвидировал авиасигнальный пост немцев в Ульянуве, 9-я и 4-я роты с двумя «сорокапятками» и двумя 76-миллиметровыми орудиями двинулись к Сталевой Воле под общим командованием Давида Бакрадзе. В задачу этой группы входило: вывести из строя электростанцию, питающую металлургический комбинат.

Конечно, если бы несколько десятков снарядов, обрушенных группой Бакрадзе на электростанцию, были выпущены с высокого восточного берега реки Сан прямой наводкой, вряд ли немцы смогли бы скоро восстановить энергоснабжение комбината. Но стрельба, к сожалению,

велась с расстояния четырех километров с закрытых позиций. В электростанцию попало всего пять снарядов и особого вреда производству это не причинило.

Но паника среди гитлеровцев поднялась страшная: бросив все, они удрали из Сталевой Воли и возвратились туда только на вторые сутки.

Однако самый факт, что обстреляна Сталева Воля, вызвал новый взрыв ярости у оккупантов. Действия их против партизан, дерзнувших напасть на засекреченный объект, еще более активизировались.

Пока немцы искали ветра в поле, Вершигора, имитировавший попытку перейти через Сан, перебрался с отрядами из Яроцина в глубину Билгорайского леса — в деревню Циосмы, где и была закончена реорганизация соединения в 1-ю Украинскую Партизанскую дивизию.

Реорганизацию эту вызвала сама жизнь. В непрерывных боях и походах выросли десятки волевых, храбрых командиров, показавших на деле свое умение побеждать «малой кровью». А сейчас в Польском рейде соединение с каждым днем пополнялось людьми, убежавшими из концлагерей, проверенными в борьбе и ненавидящими фашизм.

— На новом этапе жизни соединения прежние организационные формы будут тормозить управление отрядами, ослаблять их маневренность, создадут застой кадров! — говорил «Борода». — Надо дать перспективу молодым талантливым командирам, выросшим в ковпаковском соединении за годы борьбы в фашистском тылу. Мы сформируем легкую подвижную дивизию армейского типа, состоящую из трех полков. Пусть в каждом полку будет пока всего по два батальона. Со временем наша дивизия пополнится новыми бойцами. Главное, что у нее есть надежный костяк: отличные, испытанные в боях кадры командиров.

— Это верно!.. — взвесив все, согласился с предложением Вершигоры комиссар.

А начштаба Войцехович с присущей ему дотошностью заметил:

— Путивльский отряд, например, насчитывает тринадцать рот. Кролевецкий отряд имел сначала всего две роты, сейчас — четыре. У шалыгинцев, у глуховчан — по три... И все это — самостоятельные боевые единицы. А путивлянами по традиции всегда командовал вроде

попутно, как головным отрядом, командир соединения. Реорганизация, конечно, необходима.

Центральный Комитет партии Украины одобрил решение Вершигоры — создать 1-ю Украинскую Партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза Ковпака. 1-му полку, возникшему в результате слияния ковпаковского и рудневского отрядов, было присвоено имя комиссара Руднева.

После реформирования 1-м полком начал командовать Давид Бакрадзе. Командиром 2-го полка, который развернулся на базе 2-го батальона, или Глуховского отряда, назначили одного из основателей ковпаковского соединения — Петра Кульбаку. 3-м полком, образованным из двух небольших мобильных батальонов, шалыгинцев и кролевчан, которые именовались теперь 6-м и 7-м батальонами, стал командовать комбат-3. (Петр Брайко.— *Ред.*). «Роковой» цифры пять в наименованиях ковпаковских подразделений по-прежнему не было: традициями в коллективе дорожили.

Днем и ночью весь штаб, сам Вершигора, Москаленко и Войцехович работали над расстановкой командных кадров согласно новому штатному расписанию. Если раньше в соединении было три батальона, то теперь в дивизии их стало шесть. Значит, нужны были и новые комбаты — хорошие, проверенные люди, которые ни в чем, никогда не подведут. Это требование времени, требование жизни выдвигало на первый план такие самобытные фигуры, как Цимбал (отныне комбат-6) и Берсенев (комбат-7), прошедшие «академию» Ковпака и Руднева от корки до корки, то есть от рядового до командира батальона; как Тютерев и Ефремов, обогатившие своими профессиональными военными знаниями коллективный боевой опыт Путивльского отряда.

О такой перестройке соединения на армейский лад, перестройке структурной, отнюдь не тактической, мечтали когда-то Ковпак и комиссар Руднев, гордившиеся, что еще в 1942 году их партизанское формирование получило номер регулярной войсковой части. Это случилось как раз перед выходом ковпаковцев в большой Сталинский рейд, за Днепр... И ковпаковцы всегда дорожили своей неразрывной связью с советскими вооруженными силами.

Закалка, приобретенная в сотнях ожесточенных боев,

улучшила качество этой своеобразной воинской части, ускорила политический рост ее людей, воспитала инициативных решительных командиров. И вот в день двадцать шестой годовщины Советской Армии был наконец подписан приказ № 505. Он гласил:

«...Соединение развертывается в 1-ю Украинскую Партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза Ковпака С. А. трехполкового состава. Полки — двухбатальонного состава».

Оставалось только произвести перемещение людей согласно новому штатному расписанию. Чтобы не поднимать излишней суеты, решили это сделать после первого марша. К тому же новорожденной дивизии надо было срочно исчезнуть из Билгорайского леса: к исходу дня 25 февраля он был уже плотно обложен со всех сторон гитлеровскими войсками, готовыми начать наступление.

Темной ночью ковпаковцам предстояло незаметно выбраться из вражеского кольца, совершив шестидесятикилометровый переход. Все было бы хорошо, если бы не подвела погода. Ночью вдруг резко потеплело, дорога раскисла, и день застал колонну на марше. Уже из-за холма вот-вот должен был выползти медно-красный диск февральского солнца, а полки все еще тянулись и тянулись через «железку» Рава Русская — Замостье, мимо станции Звезинец, на которой оказалось десятка три немцев и полсотни полицаев. Правда, увидев партизан, они тут же удрали, как мыши от кота, но колонна была засечена.

1-й полк, кавдивизион (у Ленкина теперь уже было два эскадрона), артминбатарея, а также штаб дивизии остановились в деревне Кособуды. 2-й полк — в Шевне, 3-й — в Вульке Вепшецкой и Вепшеце. Едва новорожденная дивизия расположилась на дневку, как гитлеровские войска (это было утром 26 февраля) начали наступление сразу на все три полка.

...Майор Юркин, который не спал уже несколько суток, добравшись до хаты, отведенной под штаб-квартиру ковпаковской разведки, присел на жесткую лавку и тут же заснул, даже не расстегивая своего тугого офицерского ремня с портупеей.

Майору мерещилось, как это бывает с предельно

утомленными людьми, все еще порывающимися что-то сделать: вот он встает, накидывает поверх своей неизменной гимнастерки непромокаемое кожаное пальто и, увязая по колено в грязи, идет вдоль Вульки Вепшецкой.

Вдруг где-то совсем рядом, в сенях, раздался угрожающий крик хозяйки:

— Нельзя к пану начальнику! Спит он... А твоей матери, Янек, я скажу, чтоб она не пускала тебя из дому! Подрасти сначала!..

Уже привыкший за эти недели хорошо понимать польскую речь, Юркин поднялся, протер глаза и увидел двух взъерошенных, возбужденных парней, прошмыгнувших к нему в приоткрытую дверь вопреки всем протестам хозяйки. Вместе с ними, казалось, ворвался в горницу и шум боя: что-то гудело и грохало вдали.

— Здравствуйте, то-ва-рищ ко-ман-дир,— старательно, по слогам выговаривая русские слова, первым поздоровался меньший из двух неожиданных визитеров.— Я есть Ян... Ян Кава! — При этом он щелкнул каблуками своих порванных ботинок.— Мы с моим пшиятелем пришли до вас... мы очень хотим помочь радзецким партизантам!

Темно-карие глаза парнишки смотрели в лицо майору приветливо и твердо.

Тот, кого Ян назвал «пшиятелем», был явно старше его: высокий и хорошо сложенный, он выглядел бывалым воякой, только держался стеснительней. Первую скрипку играл пока Ян, немножко говоривший по-русски.

— Садитесь, давайте сначала знакомиться,— по-дружески предложил Иван Яковлевич. И обратился опять к Яну Каве: — Выходит, ты мой тезка. Ян и Иван — одно и то же имя. Да и язык наш похож.

Парни удовлетворенно кивнули.

— Как же, чем вы хотите нам помочь?

— Мы здешние, все тут знаем,— быстро заговорил Ян, незаметно для самого себя переходя на польский язык.— Это — командир нашей группы Бэ-Ха Винцент Зависляк.— Он кивнул на своего старшего товарища.— Мы можем узнать все о гитлеровцах в Замойском повяте, только силы у нас еще малые... А сам я хочу воевать у вас в дивизии!

В искренности и наблюдательности таких мальчишек, как Ян,— юных патриотов, рвущихся на большие, взрос-

лые дела,— Юркин не сомневался. Видел таких и на Украине, и на Брянщине, и в Белоруссии, и здесь, в Польше, не однажды. Однако брать Яна с собой в походы и бои, пожалуй, было рановато. «Слишком молод!» — рассуждал он, мельком приглядываясь к щуплой невысокой фигурке.— Проверим сначала: на что он вообще способен?»

К тому же Винцент Зависляк — а это легко было понять по его открытому простодушному лицу — не одобрял намерения своего юного бойца. Он просто хотел помочь ковпаковцам.

Юркин знал, что километрах в десяти отсюда, в Замостье, имеется гарнизон противника и даже какой-то аэродром, но точными данными не располагал. А сейчас, когда уже погромывал бой там, где находились полки Бакрадзе и Кульбаки, надо было выяснить немедленно и наверняка, какие силы сосредоточил противник в этом старинном городке-крепости. Разумеется, местному жителю, такому, как Ян, который выглядел подростком, легче туда прошмыгнуть.

— Если хотите помочь нам, друзья, у меня такая просьба,— обратился он к добровольцам.— Узнайте, сколько в Замостье войск и где там у них аэродром? Понятно?

Оба дружно закивали в ответ:

— Так, так... Вшистка зрозумели.

— Уточните,— продолжал Юркин,— какой именно там аэродром? Что за самолеты? Какого класса, какой марки? Сколько штук?.. И какая охрана возле этих самолетов?

— То мы зараз пойдём.

Зависляк поднялся первый и круто повернул к двери. Гости скрылись.

А Иван Яковлевич следом, для контроля, как делал всегда, послал «дубль» — своих людей.

После ухода гостей хозяйка хаты, улучив момент, сказала майору:

— Тот Ян, пане командир, еще совсем децко. Если узнают родители, что он приходил сюда к вам с нашим Винцентом, Яна выдерут ремнем!

Но она ошибалась: о связи Яна с партизанами (правда, местными, обосновавшимися в лесу под Замостью) знали и его мать и его отец. Началось это еще осенью

1941 года. Страшная, громадная война, какой не видел мир, только-только разворачивалась в России.

Брентишек Кава с женой и детьми жил тогда в селе Корчувка Замойского уезда, на левом берегу реки Вепш, в одинокой хате, прилепившейся к заросшему кустами оврагу. Поздним вечером, когда все уже укладывались спать, Брентишек услышал какие-то неясные шорохи и затем — стук в дверь. Он приложил палец к губам. Все замерли, словно парализованные, в ожидании самого страшного: сейчас появится враг, вооруженный и жестокий.

Мать Яна, Теофилия, второпях, склонившись к колыбели дочурки, погасила керосиновую лампу. А мужчины в меру своих сил приготовились к обороне. Отец достал большой топор. Ян, стараясь не отрываться от стены, подошел к окну. Вдруг какая-то несуразная, похожая на привидение фигура заглянула в избу... и исчезла. Через несколько минут опять послышалось: вроде в сенях дергают дверную клямку. Потом раздался стон и что-то свалилось за порогом.

Отец с некоторым облегчением перевел дух. Хотя страх за семью еще не прошел, но тот неизвестный, который шевелился за дверью, не был похож на врага. Враг вел бы себя иначе.

— Надо посмотреть, что случилось! — наконец проговорил Брентишек.

Дверь открыл сын, а отец и мать охраняли его, все еще смутно опасаясь чего-то. Однако нападать на них никто не собирался. У порога лежал мужчина, еще молодой, но совсем изможденный, весь в лохмотьях, грязный и обросший. Сознание покинуло его.

— Боже мой! — воскликнула жалостливая Теофилия. — Да он мертвый!

Но из уст неизвестного вырвался стон, и отец с облегчением произнес:

— Кажется, еще жив! Это, наверное, русский... пленный.

— Спасать его надо, быстрее!.. — проговорила взволнованная Теофилия.

Брентишек и его жена, не колеблясь, втащили пленного в избу, хотя знали: фашисты иногда подсылают к людям провокаторов, выдающих себя за беглецов из лагеря, а потом расстреливают семьи патриотов от мала

до велика. Ян торопливо закрыл дверь на засов, завесил окна.

Потом уже при свете прикрученной, едва горячей лампы уложили незнакомца на длинную деревянную скамью, дали ему согревающего питья с молоком. Но тот, сделав несколько глотков, содрогнулся всем телом, и его стошнило. В каком-то горячечном бреде он сорвался с лавки и закричал:

— Пустите!.. Что я вам сделал?!

Окончательно убедившись, что перед ним русский, бежавший из фашистского плена, хозяин постарался успокоить его.

— Сейчас все будет хорошо,— заговорил он тоже по-русски, с трудом припоминая нужные слова, полузабытые им с той, прошлой мировой войны.

Услыхав родную речь, пленный со слезами бросился на шею хозяину:

— Вы свои?! Свои!.. Где же я?..

Его успокоили, объяснив, что он может здесь отдохнуть, и начали осторожно кормить — маленькими порциями, так как он очень давно не ел. Вид пищи привел его в болезненное возбуждение, и он против воли, снова и снова с жадностью протягивал руки за хлебом и печеной картошкой.

Когда он наконец задремал, Теофилия приготовила чистый мешочек и вложила туда всю оставшуюся снедь (жили и сами впроголодь). Решено было: пленного спрятать в лесной чаще. Встретаться он и хозяин будут в условном месте.

На рассвете пленный ушел по направлению к Ордынции Замойской...

Сначала у него не было ничего: ни оружия, ни жилья. Но потом Брентишек и Ян раздобыли ему у верных друзей, сохранивших кое-что с 1939 года, винтовку, десятков восемь патронов и пару гранат Ф-1. Вскоре к этому имуществу добавились еще большой нож, плотницкий топорик, гвозди и проволока. Вдвоем соорудили русский и Брентишек тайное убежище: надежный сухой шалашик, тщательно укрытый ветками. Вход туда, как в лисью нору, был под завалившейся сосной.

Еду в лес приносили из села: то сам Брентишек, то его жена, то Ян. Чтобы не привлекать к себе внимания любопытных этими частыми прогулками, обычно приходили

ночью или же, если обстановка позволяла наведаться днем, вели с собой корову, будто попасти ее. Крик кукушки служил паролем, воронье карканье было отзывом на него.

С каждым днем незнакомый русский набирался сил. Глаза его, светившиеся благодарностью, говорили больше любых слов. Ян подружился с ним за это время, как с братом, и русский не скрывал от своего младшего товарища, что хочет собрать отряд.

Вся семья Кавы знала, что здесь, в лесу, возле шалаша, сделанного крепкими узловатыми руками самого Брентишека,—уже двенадцать таких, бежавших из концлагеря, советских солдат. Приходили и поляки, доставшие оружие. Отряд рос... Правда, решено было до наступления весны не разворачиваться широко, так как зимовать в лесу невозможно, а о рейдовой тактике никто тогда и не помышлял. Людей из отряда, не имевших поблизости, на Замойщине, родни или друзей, перепрятывали патриоты по разным селам.

А весной 1942 года начал действовать первый советский отряд в этих краях — «Володин» называли его; потом — отряд «Мишки-татара». Не жалея собственной жизни, советские солдаты, спасенные крестьянами Замойщины, встали на защиту поляков, которых оккупанты сгоняли с родных земель. Рейхскомиссариат онемечивания уже вывез из-под Замостья десятки тысяч людей на каторжные работы в Германию. На их участки саранчой слетались фольксдойчи-колонисты. Исконное население скрывалось по лесам: оккупанты поставили своей целью полное уничтожение народа в южной Польше. Прямым следствием фашистских зверств была бескомпромиссная, кровавая борьба поляков за жизнь...

Майор Юркин, отправивший Яна и Винцента под Замостье, теперь, ставя задачу перед своими разведчиками и выслушивая очередные донесения, нет-нет да и вспоминал двух польских парней, которые сами вызвались помочь ковпаковцам.

А события в тот день развивались с особой быстротой, с особой напряженностью.

6-й батальон, которым теперь, после реорганизации, командовал Цимбал, расположился в деревне Вепшец. Пока партизаны еще отдыхали, утомленные долгим ночным маршем, комбат с ротными провел рекогносцировку

местности и наметил рубеж обороны. Потом вызвал минеров и приказал им надежно заминировать дорогу.

— Только мины поставьте не далее двадцати метров от крайней хаты. Пусть немцы подойдут поближе! — подчеркнул он.

Эту дорогу обороняла 2-я рота, которой уже давно командовал младший лейтенант Иван Скопенко — ясноглазый, спокойный, цимбаловской выучки парень. Он был и сейчас тут со своим боевым заместителем Андреем Устенко, великим мастером засад. Надя Цыганенко, назначенная после переформирования комсоргом 3-го полка, не отлучалась от этого решающего рубежа партизанской обороны. Здесь же, подле минеров, находился и Владимир Тонян — комиссар 6-го батальона.

Часов в десять утра около полка немецкой пехоты с танками показалось на дороге, тянущейся узкой лентой через обширное, залитое водой болото на деревню Вепшец.

Когда связной доложил о движении противника, Цимбал бросил завтрак и помчался во 2-ю роту. Взяв бинокль, долго всматривался в темную полосу походной колонны, медленно ползущей по серой насыпи дороги, затем невозмутимо заметил:

— С танками.

— Да, товарищ комбат, — подтвердил стоявший позади Андрей Устенко. — Крепко идут!

— Пусть идут. Бить их будем еще крепче! — ответил ему комбат-6. — Людей замаскировал, как надо?

— Так точно, — негромко, сквозь зубы сказал комроты.

Цимбал опустил бинокль.

— Сейчас всем замереть! Огонь открывать только после взрыва противотанковой мины.

— Есть, товарищ комбат!

Вражеская колонна медленно ползла по узкой ленте дороги, возвышавшейся над водой. Уже ясно видны были шинели мышиного цвета и лица немецких солдат. Уже можно было открывать огонь, но все напряженно ждали сигнала — взрыва партизанской мины.

Вот гитлеровцы совсем близко; угрожающе гудят моторы вражеских танков. Вдруг воздух сотрясается от сильного взрыва. Передний танк, как конь, поднялся на дыбы, затем грохнулся на булыжник и замер. Тут же уда-

рила ковпаковская пушка, застучали ПТР, их поддержали пулеметы, автоматы...

Фашисты завертелись в панике. Второй танк дал задний ход и тоже наскочил на мину. Третий подожгли артиллеристы.

Лишенная защиты и маневра немецкая пехота смешалась, сбилась в кучу. Передние с дикими криками кинулись обратно, не решаясь прыгать в воду. Задние, не зная, что произошло впереди, беспомощно топтались на месте. А тем временем партизаны Андрея Цимбала расстреливали вражескую колонну.

За полчаса все было кончено. Только последним, тащившимся в хвосте колонны гитлеровцам удалось спастись бегством. Больше до самого вечера немцы уже не пытались наступать на деревню Вепшец, где располагался 3-й полк. Потерь у Цимбала не было.

Остальные полки вели бой до наступления темноты.

Вечером Ян и его молчаливый русоволосый командир Винцент Зависляк явились опять к майору Юркину. Лица у обоих парней осунулись от усталости.

— Там, под Замостьем, аж три аэродрома: в Лабуне, Лапигусе и Мокрэ! — сообщил Ян по-польски. Его большие круглые глаза сияли торжеством от сознания выполненного долга. — Везде тяжелые шестимоторные транспортные самолеты...

— «Ю-52», — добавил его старший товарищ.

— Да, — кивнул Ян, вытирая ладонью лоб.

— Охрана на аэродромах большая? — уточнил Юркин.

— Нет, по роте солдат на каждом.

— Вот схемы расположения и система охраны всех трех аэродромов. — Винцент протянул майору сложенные вчетверо листы бумаги.

— А что делается в самом Замостье? — поинтересовался Юркин. Он был доволен: данные польских товарищей по оружию не только совпадали с теми данными, которые получили его разведчики, но и значительно проясняли общую картину.

— Немцев в городе совсем мало. Только те, которые наступали на Вепшец... Точнее, те, что уцелели в бою под Вепшецом. Все в страшной панике. Ждут подкрепления из Люблина, — и без обиняков спросил: — Так возьмете меня к себе?

«Ишь ты, какой шустрый! — с теплым чувством подумал майор. — Молодец!» Но взять Яна с собой в рейд не рискнул. Дивизия уже спешно уходила в южную часть Билгорайского леса.

В этот день, 26 февраля, под Кособудами произошло первое победоносное боевое крещение молодых партизанских полков. Но им предстояло еще много, очень много боев! Чувствовалось: войск у генерал-губернатора Франка хватало. Они преследовали ковпаковскую дивизию непрерывно.

Как-то утром, обсуждая в своем штабе обстановку, «Борода» воскликнул:

— Что они вцепились в нас, как баба-яга в рогац?! — Вершигора медленно, вразвалку расхаживал по просторной хате.

— А я вам отвечу на этот вопрос, — сказал заместитель по разведке Юркин. Петр Петрович остановился и, вскинув брови, с любопытством посмотрел на него. — При помощи польских партизан из отрядов «Блискавицы» и «Шемсты» удалось захватить на станции Сусец майора немецких танковых войск Зомберга... Так вот этот Зомберг присутствовал на совещании офицеров, где выступал сам рейхскомиссар Польши Ганс Франк. Франк заявил: «Проникновение на территорию Польши советских партизан должно быть исключено. Мы не должны выпустить их обратно за Буг. Они должны быть уничтожены здесь. Нужно показать полякам, что немцы пришли сюда навсегда — навечно!»

— Вот как? — Вершигора даже прищелкнул языком. — М-да!.. Ну ничего! Посмотрим, что у господина Франка из этого получится... А как вам удалось схватить Зомберга?

Юркин, расправив под туго затянутым ремнем складки на своей гимнастерке, ответил:

— На станции Сусец выгрузился отдельный механизированный батальон жандармов пятисотого танкового полка, а также несколько подразделений четырнадцатой СС дивизии «Галичина».

— Старые знакомые! — заметил вскользь Вершигора и усмехнулся.

— Было установлено, — продолжал Юркин, — что майор танковых войск Зомберг не в меру пристрастен к спиртным напиткам и женщинам. Это и помогло полякам

завлечь его на конспиративную квартиру. А оттуда он попал к партизанам.

— Ну что ж, спасибо господину Зомбергу за своевременную информацию,— сказал Вершигора.— Теперь нам ясно, как себя вести...

28 февраля, совершив стремительный марш, дивизия остановилась в селах Домбровица Дужа и Ожанна. Однако противник, уже с самого утра обнаруживший партизан, повел наступление: сначала на 1-й полк, потом — на 2-й. «Борода» почему-то не вводил в дело 3-й полк. Дважды посылал комполка связного в штаб дивизии, но Петр Петрович передавал один и тот же ответ:

— Сидите, хлопцы, пока тихо. Будет дело и вам.

Наконец, когда комполка-3 сам явился в штаб дивизии, из разговора с Вершигорой ему стало ясно, что командование решило перемахнуть на западный берег реки Сан — в междуречье Сана и Вислы.

— Меня это решение несколько настораживает,— сказал комполка (простота, с которой держался Вершигора, делала возможной такую откровенную беседу между ними).— Честно говоря, Петр Петрович, я остерегаюсь любого междуречья после «Мокрого мешка». Как не любит Кульбака гор после мытарств в Карпатах. Опыт сам напоминает о себе.

Но Петр Петрович, обладавший наибольшим боевым опытом из числа всех командиров, участвовавших в Польском рейде, был в то же время и азартней всех. И сейчас он опять задумал что-то новое.

— Рискнем!.. По данным разведки, Петя,— будто про себя, мечтательно протянул он, пряча за напускным спокойствием нетерпение заядлого охотника, выследившего дичь.— Там, в районе Рудника, есть крупные склады советского оружия, боеприпасов и снаряжения. Все это натащили туда немцы, когда наша армия еще отступала. И в придачу ко всему там, ты подумай, тысячи седел! Тогда у нас все хлопцы будут на конях!.. Я уже давно мечтаю посадить весь личный состав на лошадей, как Наумов, чтобы сделать нашу дивизию еще более маневренной, подвижной!

— А кстати, где сейчас Наумов? — спросил комполка-3.— Когда я выбирался из-под Брод, я думал, что Наумов пойдет вместе с вами.

Вершигора, озадаченный, забарабанил пальцами по

столу, на котором была расстелена большая штабная карта.

— Не знаю, куда он подался!.. В последних числах февраля ходил вдоль Сана тоже, видимо, в поисках брода или переправы. И не найдя, двинул, судя по всему, на юг — на Дрогобыч, пощупать нефтепромыслы фюрера. Ну что ж, молодец Наумов! Вот в чем преимущество рейдовой тактики — в маневренности и внезапности. Жаль, что этого не хотят понять чрезмерные любители лесной глухомани!

Вечером, когда 1-й и 2-й полки еще вели бой, комполка-3 получил срочный приказ: с ходу захватить местечко Кшешув и овладеть мостом на реке Сан. Выдвигаясь на марш, командир 3-го полка попросил комбата-6 выслать вперед по маршруту в качестве головного дозора хотя бы взвод.

— Да, надо бы! — охотно согласился Цимбал. — Фрицы тут шастают повсюду. Чего доброго, можно напороться.

Цимбал послал взвод 2-й роты под командой Хайталиева.

Только-только колонна 3-го полка двинулась на марш, где-то впереди, в той стороне, куда ушел Сагиб Хайталиев со взводом, в лесу послышался шум боя. Комполка сразу понял по звуку: стреляют на стыке двух дорог, соединяющих села Воля, Куриловка и Домбровица Дужа. Полк ускорил шаг, но через десять минут все уже стихло.

Когда партизаны подошли к месту боя, слева у развилки, на склоне небольшого остроносого хребтика, обтекаемого с обеих сторон, словно ручейками, двумя дорогами, валялись десятки вражеских трупов. А возле самой развилки лежал Алексей Швайка — красивый русоволосый парень, сжимая свой, хорошо знакомый всем партизанам автомат с монограммой от ЦК ВЛКСМ: «Лучшему автоматчику». (Это был брат погибшего в Карпатах замечательного разведчика подпольщика Ивана). Рядом с убитым стоял на коленях Сагиб и плакал навзрыд.

— Убили мой самый лучший боец! Автоматчик, пулеметчик был... какой смелый, какой добрый! — Потом он что-то заговорил по-узбекски.

С трудом успокоившись, Хайталиев вытер красные от

слез глаза рукавом шинели и рассказал командиру полка, что произошло. Двигаясь со взводом, он неожиданно увидел выползающую из-за остроносого песчаного хребта колонну врага. Немцы и партизаны сближались под углом. Голова немецкой колонны первая появилась из-за выступа, и каратели не разглядели за деревьями взвод Сагиба, оказавшийся у них в хвосте, справа.

Мгновенно сориентировавшись, Сагиб вскочил со своими ребятами в лес и ударил с тыла по фашистам, двигавшимся в походном строю. Противник не успел даже организовать оборону. Неприятельский батальон, который был так ловко скошен Хайталиевым, пробирался к штабу партизанской дивизии. И не встретить его Хайталиев со своим взводом как следует — фашисты напали бы на командный пункт Вершигоры и на обоз с ранеными.

...Часом позже 1-й и 2-й полки со всеми службами, оторвавшись от противника, двинулись тоже на Кшешув. Соединению предстояло прямо на марше принять груз с Большой земли, а затем уже уходить за реку Сан.

— Эх, принимали мы самолеты на льду Князь-озера, на лугах заливных у Припяти, на зеленых полянах в Полесье, а сейчас примем прямо с неба в собственные руки! — говорили партизаны.

Развернув карту, командир соединения и начштаба улеглись на широкие розвальни и зажгли фонарик под укрывшей их плащ-палаткой. Начались подсчеты: из-под Киева сюда, в район Вислы, самолет прилетит около полуночи. Колонна сделает за это время километров двадцать — времени терять нельзя.

Сбрасывать груз ковпаковцам самолет должен был по опознавательному сигналу «партизанский конверт»: четыре костра по углам, пятый — «печать» — в центре.

Около двенадцати часов ночи (это случилось как раз возле села Бжиска Воля) слухачи закричали:

— Гудит!.. Самолет-от!..

Сразу же из командирских санок в ночное небо взвились ракеты. Почти одновременно вспыхнули пять движущихся костров, образуя на ходу условный конверт. Летчик, поняв сигнал, выпустил ответную ракету, и в небе появились три белых, быстро растущих пятнышка.

— Бросил, бросил!.. — закричали со всех сторон хлопцы.

Жители Бжиской Воли стали выглядывать из окон.

Из хаты, возле которой остановился на минуту «Борода», выползла какая-то древняя старушка. Со страху дрожит, мелко-мелко крестится, а вперед все-таки лезет — любопытство!.. Затем следом за ней появился высокий старик в кожухе, накинутом на плечи.

— Не бойся, батя,— сказал ему Вершигора,— мы тут недолго шуметь будем. Скоро уйдем. Еще выпитесь до утра.

Старик помалкивал, но не уходил. А старуха, закрестившись еще мельче, тихо спросила деда: чего это, мол, с неба сыпется?

Старик перекрестился широким крестом, как крестились все в этом крае — чуть не всей ладонью — и авторитетно заявил своей супруге:

— Не иначе, матка-боска Ченстоховска большевикам уже помогает! Прямо с конями и санями они с неба прыгают... смотри, не разбился никто!

Москаленко, которого «Борода» толкнул под локоть, чтоб привлечь его внимание к этой сцене, рассмеялся от души.

— Не будем, комиссар, того старика отговаривать,— тоже посмеиваясь, тихо сказал «Борода». — Мало ли что человеку спросонья показаться может? Пускай себе думает, что вся эта колонна ночью с самолета прыгнула! Если завтра будет рыскать по нашему следу фашистская разведка, может быть, и на этого старика набредет. Вот старик и расскажет: все-таки своими глазами человек такое чудо видел! Пускай идет молва, что у нас даже и кони с санками вместе прыгают ночью прямо с самолета...

Мыкола Москаленко, перестав улыбаться, задумался. И вдруг сказал с упреком:

— Ты бы, Петрович, почаще заметки в блокноте делал!.. Чует мое сердце: ты когда-нибудь книгу хорошую напишешь!

А самолет уже вычерчивал над партизанским конвертом шестой, последний круг. Наконец, качнул приветственно крыльями и взял курс обратно на восток.

Ковпаковская дивизия получила четырнадцать грузовых мешков. Быстро их собрали, бросили в сани, даже не распаковывая (хоть и не терпелось всем узнать: а нет ли в одном из тех мешков почты от близких — с Большой земли!..).

Вершигора со своими полками устремился дальше на

запад, наверстывая упущенное. К трем часам ночи прошли на рысях километров сорок пять...

Между тем 3-й полк (он двигался впереди) достиг местечка Кшешув, лежащего ковшом у самой реки. Вражеский гарнизон преспокойно спал в кирпичном здании школы: немцы чувствовали себя здесь, словно в крепости. Школа была и в самом деле крепкая, в два этажа. Рядом, в соседнем доме, тоже стояли на постое немцы. Андрей Цимбал со своим батальоном подкрался к этим, как он выразился, «гнездышкам» и перебил всех спящими. Живым не выпустили оттуда никого. Тем временем батальон Берсенева сбил охрану моста и открыл дорогу конникам Ленкина на западный берег Сана.

Но едва один из эскадронов Ленкина перескочил на тот берег, как почти к самому мосту подползли вражеские танки и, остановившись у перекрестка дорог, возле испуганно замершей деревни Копки, открыли огонь по мосту. Разведчики Ленкина круто повернули назад. Вражеские танкисты преследовать партизан не решились.

Наконец подошли основные силы дивизии, и комполка-3 доложил Вершигоре обстановку. Тот, расстегнув кожанку и сняв с головы ушанку, начал быстро расхаживать около своих саней: обдумывал что-то.

— Значит, немцы решили любой ценой не пустить нас туда?! Даже от «ворот» междуречья отойти боятся!..— пробормотал он. И к удивлению комполка, который ожидал разноса за то, что произошла задержка, «Борода» с веселым молодым озорством махнул рукой: — Что ж! Может, оно и к лучшему.

Было видно — он уже принял решение.

Вскоре подъехали связные от заслонов и доложили, что по шоссе от Билгорая на Кшешув движется мотоколонна противника.

Фашистское командование, собравшее изрядные силы, намеревалось свести здесь счеты с ковпаковцами. Над дивизией опять нависла угроза окружения.

— Ладно, пускай немцы считают, что нам очень хочется прорваться именно туда — на западный берег Сана, в междуречье,— наконец проговорил Вершигора, вслушиваясь в доносящийся откуда-то утробный рокот танков.— Будем, хлопцы, отходить!

От Кшешува, крайней западной точки рейда, колонна круто повернула на восток...

При выходе из города случилось несчастье. Сергей Абрамов (начштаба 3-го полка, отличный офицер из числа ковпаковцев-ветеранов) каким-то образом в спешке не проверил, разминированы ли дороги. Те самые дороги, которые незадолго перед этим были заминированы партизанскими заслонами, когда Вершигора, намереваясь перескочить с колонной через Сан, отрезал дорогу своим преследователям. Подорвалась одна из двух полковых 76-миллиметровых пушек. Схлопотал тогда Абрамов шумную — сгоряча, нахлобучку, но не обиделся даже: сам переживал больше всех! Готов был собственной жизнью заплатить за потерянное орудие.

— Бывает и на старуху проруха!.. — успокаивали его друзья. — Не стреляться же тебе... случай проклятый! На войне бывает всякое...

Стремительно маневрируя и ведя короткие отчаянные бои, дивизия петляла по южной, лесостепной части Люблинского воеводства, стараясь оторваться от карателей.

Но как партизаны ни изворачивались, куда бы ни уходили за ночь, наутро фашисты обнаруживали дивизию Вершигоры и снова лезли в наступление. И тогда у Петра Петровича возник дерзкий план: совершить ночной марш-маневр, создав видимость, будто дивизия ушла на запад, а самим махнуть на северо-восток, под Замостье, в тот самый лес, где войска рейхсминистра Франка уже атаковали ковпаковцев неделю тому назад.

Рано утром 6 марта партизаны опять вскочили в северо-восточную часть Билгорайского лесного массива, подступающую мысом с юго-запада почти к самому местечку Замостье.

Петр Петрович Вершигора и его молодой, но дальновидный начальник штаба Василий Войцехович рассуждали так: немцы, изучившие тактику партизан, хорошо знают, что ковпаковцы почти никогда не ходят дважды по одному и тому же маршруту, не останавливаются вторично в одном и том же месте и, следовательно, противнику даже в голову не придет, что партизанская дивизия снова вернется сюда. Таким образом, можно будет дать передышку людям и лошадям. Ну, а если, на худой конец, каратели и здесь обнаружат дивизию, надо так надавать им по загривку, чтобы они минимум день-два были не в состоянии преследовать ковпаковцев. А за два дня можно уйти далеко.

С тактической точки зрения, наиболее подходящим местом, где можно было основательно дать по зубам этой волчьей стае, являлся лес в районе Кособуд. Все преимущества рельефа этой местности были уже учтены Войцеховичем, опытным геодезистом. И на практике ковпаковцы проверили эти места всего неделю тому назад.

То, что этот район немцам уже известен, Вершигору и Войцеховича не пугало.

— Пусть!.. Каратели помнят, где мы били их однажды, но они не знают, где и как мы будем бить их теперь,— решил Вершигора.

Еще накануне вечером командир 3-го полка, получив приказ на марш и увидев, что дивизия снова идет в район Кособуд и располагается точно в тех же населенных пунктах, даже обрадовался в душе: уж очень удобный для обороны рубеж достался обоим его батальонам. Лучшего и не придумаешь. И ставя теперь задачу на марш, комполка, не раздумывая, объявил своим комбатам:

— Расположимся, как в первый раз. Ты, Андрей Калинович, в деревне Вепшец.

— Ясно,— вытянулся Цимбал по-военному.

— А ты, Саша,— кивнул комполка Берсеневу,— будешь в Зажече.

Тот молча мигнул в ответ: дескать, все ясно, товарищ командир.

Осмотрев с утра местность, комполка остался доволен тем, как расположились оба его батальона. В полку был обычай: останавливаясь на дневку, прежде всего готовиться к встрече незваных гостей. Оборону всегда строили так, чтобы противник,— откуда бы он ни появился,— обязательно попал в засаду. Там его, как правило, и уничтожали, не дав ему очухаться. А если не сумеет партизанский командир удачно выбрать рубеж, если раскроет себя преждевременно и тем самым даст возможность наступающему противнику перестроиться в боевой порядок, пиши пропало!..

3-му полку прямо-таки повезло: подступы к лесу с севера и северо-востока, со стороны Замостья, откуда гитлеровцы могли появиться прежде всего, были защищены болотом. К тому же неделю назад, будто по заказу партизан, вдруг резко потеплело, и это болото сразу превратилось в огромное грязно-белое озеро, простиравшееся на несколько километров.

Через это самое «море» в Вепшец и Зажече из Замостья узкой серой лентой тянулась всего одна булыжная дорога, возвышавшаяся на полметра над водой. Этой-то дорогой уже рискнули прорваться в лес каратели утром 26 февраля, когда Цимбал с одной только ротой расстрелял в упор два батальона пехоты и уничтожил три танка.

К батальону Берсенева, расположившемуся сейчас в Зажече, танки вообще не могли подступиться. Единственную дорогу, ведущую к нему, перекрыл батальон Цимбала.

«Умеет все-таки Вася Войцехович так искусно размещать нас на дневки, что в случае боя местность сама воюет за нас,— подумал комполка.— Вот и сейчас он расставил полки так, что уже самим своим расположением мы занимаем круговую оборону, не допуская прорыва противника в центр леса, к штабу и тыловым подразделениям с севера, востока и юга».

На западе занимаемый ковпаковцами лесной «аппендикс» примыкал к громадному зеленому массиву, который тоже служил неплохой защитой. Здесь был у ковпаковцев «запасной выход». (Партизаны,— учил ковпаковцев комиссар Руднев,— прежде чем войти в какую-либо обитель, должны подумать, как выбраться из нее.)

Эта западная часть леса была менее доступна для противника и контролировалась небольшой группой кавалеристов.

Комполка уже хотел было отпустить комбатов и пойти посмотреть, как расположились хозяйственная часть и санчасть, навестить раненых, но вдруг к нему подошли взволнованные минеры. По указанию Цимбала они только что напичкали противотанковыми минами эту самую булыжную дорогу, идущую от Замостья в Вепшец. У одного из минеров — делового, всюду поспевающего низкорослого Гриши Козлова — под мышкой был березовый столбик с табличкой, какие ставят саперы всех армий на дорогах, предупреждая о чем-то свои войска.

— Смотрите, что мы нашли на обочине дороги, у крайней хаты,— сказал Гриша, протягивая командиру табличку.

На ней было написано крупным черным латинским шрифтом: «Форзихт, Кольпак!» Очевидно, табличка была оставлена здесь после первого боя с немцами.

— Сначала мы думали, что это немецкие минеры оставили своим войскам предупреждение о минах,— пояснил Гриша.— Но зачем тут ставить мины? Присмотрелись мы, подошли поближе — оказывается, это фрицы предупреждают своих, что здесь мы, ковпаковцы. «Внимание, Ковпак!» Чтоб поосторожней были.

— Значит, боятся нас немцы,— сказал Цимбал, и лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Здорово же ты их напугал тогда, Андрей! — заметил комполка.

— Почему я? — возразил Цимбал.— Это наша вторая рота работала.

Он показал широким жестом на своего тезку Андрея Устенко, Скопенко и Арутюнова, стоявших сейчас рядом. И тут же обратился деловым тоном к минерам:

— Ну как, все сделали?

— Так точно,— ответил за всех Козлов.— Как вы сказали: поставили шесть мин метрах в двадцати пяти от дома.

— Вот это вы молодцы,— похвалил минеров комбат, верный своей тактике: подпустить врага как можно ближе, чтобы затем внезапным огнем в упор уничтожить без остатка.

«Да, неплохо оценивают нашу работу оккупанты,— думал комполка, слушая этот разговор.— Дед Ковпак уже живет в освобожденной столице Украины, подлечивает ранение и работает на новой, высокой мирной должности. А фрицы при одном его имени шарахаются даже здесь, за полторы тысячи километров от Киева — в Польше. Под каждым кустом им мерещится дед Ковпак!.. Значит, Вершигора умело перенял хитрый «дедов» почерк: оказался достойным учеником Ковпака».

А командирам он сказал:

— То, что нас немцы боятся — хорошо. Но пожаловать к нам сегодня они все же могут. Поэтому надо основательно подготовиться к встрече, чтобы обратно они уже не ушли. Продумайте все. Организуйте наблюдение и разведку. Кормите людей и дайте им хоть немного отдохнуть.

Санчасть и хозчасть полка расположились примерно в полутора километрах юго-западнее Зажече, в хуторе Скарашуве, с разбросанными вдоль лесной дороги усадьбами. Партизанский обоз и лошадей жители попрятали

под свои навесы, в сараи, так что увидеть ковпаковцев с воздуха вражеская авиация не могла.

Около раненых хлопотали девушки-медсестры. Им помогали хозяйки. Польские женщины всюду встречали советских партизан как родных. Они очень жалели раненых, охали и причитали над ними, искали для них бинты, а если не было бинтов, пускали в ход простыни. Доставали для раненых молоко, масло, творог,— словом, не жалели ничего,— хотя сами сидели полуголодные, из-за тяжелых оккупационных налогов.

Когда комполка появился в санчасти, всех раненых интересовал один вопрос: дадут ли им хоть сегодня отдохнуть проклятые фрицы?

Комполка понимал: раненым в условиях марша гораздо тяжелее. Ночью, в весеннее ростепельное бездорожье, их мучительно трясло на повозках. А днем, слыша грохот боя, эти смелые, но ставшие вдруг беспомощными парни страдали от неизвестности, опасаясь не только за свою жизнь, но и за судьбу всего полка и даже всей дивизии.

— Если не полезут опять эти проклятые каратели, стоим еще денек, другой... А полезут,— развел комполка руками,— придется тогда долбануть их и снова уходить. Но по секрету могу вам сообщить,— добавил он, почему-то вспомнив про табличку, найденную минерами,— оккупанты сами нас здорово боятся. Даже на дорогах надписи оставляют: «Форзихт, Кольпак!» То есть, осторожно, мол. Внимание!..

Хлопцы сразу оживились: почему-то их тоже удивила и даже рассмешила эта надпись.

А комполка, глядя, как сестры и местные женщины кормят раненых завтраком, вдруг почувствовал: кишки у него, что называется, играют марш от голода.

Часам к десяти комполка добрался, наконец, до своей штаб-квартиры. Съев горячий завтрак, который вместе с партизанским поваром-асом Алексеем Тимофеевичем Волнухиным приготовила на весь полковой штаб приветливая хозяйка, командир ощутил, наконец, усталость. Глаза слипались: ведь он, как все, почти совсем не спал уже неделю... Однако настроение у людей было приподнятое.

Алексей Тимофеевич, худой, с ввалившимся от голода щеками (он прибил к ковпаковцам всего недели две

назад, когда они освободили пленных из концлагеря) сейчас исповедовался перед Чертком, назначенным недавно на должность помначштаба 3-го полка:

— Я тебя, Петро, уважаю, как хозяйственник хозяйственника!..— До войны Черток работал агрономом.— А что такое хозяйственник? Тот, кто заботится о других людях... Сколько я мук насмотрелся и натерпелся в проклятом концлагере! Я потому заботу о человеке вдвойне и втройне ценю. Кому другому я бы своей квалификацией хвалиться не стал, но ты меня душой поймешь. Поверь: если доживем до победы, я на наш полк такой обед закачу!.. Рецепт пятидесяти лучших блюд на память знаю! Коронные блюда мирного времени... А ты что, капитан, больше уважаешь? — обратился он к Абрамову.— Гуся с капустой или утку в яблочном соусе?

Усатый круглолицый капитан Абрамов — новый начштаба полка — сидел рядом с ним за столом, но отвечал на вопросы Волнухина только машинально, кивком головы. Мысли его были сейчас очень далеко. Украдкой достав из нагрудного кармана толстое, слегка затрепанное на сгибах письмо, он погрузился в чтение. Это были долгожданные вести с Большой земли, куда он, после Карпатского рейда, эвакуировал свою жену, медицинскую сестру Валю Дарику.

С последней авиапочтой, которую ковпаковцы получили ночью, прямо на марше, по дороге в Кшешув, Валя сообщила, что у нее родился сын, и она решила назвать мальчика Станиславом, в честь незабываемых для их партизанской семьи походов по Станиславщине...

Когда Петро Черток с размечтавшимся поваром Волнухиным ушли наконец, Сергей Абрамов без слов протянул командиру полка письмо от своей Валентины. Собственно, это было даже не письмо, а целый роман — воспоминания о пережитом вместе с любимым: о боях и походах, о товарищах, многие из которых уже покоятся в земле.

Читая эти бесхитростные записки, командир полка заново видел прошлое. Он сам вместе с молодой партизанской четой Абрамовых начинал свой боевой путь в Конопском отряде, который затем почти целиком был передан Ковпаком в соединение Наумова. Впоследствии многие конопотцы погибли в героическом Степном рейде. Казалось, все это было совсем недавно — вчера, так быстро пролетели насыщенные событиями военные годы.

Сколько пройдено нелегких дорог! И в какую мощную силу выросли оба эти рейдирующих соединения.

Вот что писала Валя Абрамова, мечтая о том времени, когда первенец ее станет взрослым, а горячие боевые будни его родителей, отойдя в прошлое, превратятся в крохотную страничку, или даже только строку, или просто буковку в великой истории советского народа:

«...Для меня день 5 марта 1942 года памятен не только потому, что я стала с этого дня партизанкой, но еще и потому, что я встретила человека, которого полюбила. С этим человеком — с тобой, Сережа, мы прошли вместе суровые годы войны. И все то, что нам суждено пройти в дальнейшем, тоже будет у нас общим.

Впрочем, тогда ты был для меня только «товарищ лейтенант». Мужественный человек, который, попав в окружение, решил не сдаваться и не умирать, а любой ценой продолжать борьбу с врагом.

Когда мы с подружками-землячками покинули родной хутор и пришли в отряд, где ты был начальником штаба, нас с Верой Сугоняко решили не разлучать. А Дуся Одарченко, как более самостоятельная, попала в другой взвод. Иван Семенович Галушко — бывший партизан стал сразу пулеметчиком».

Фамилий и полных имен Валя, конечно, в письме не называла, но для комполка не представляло особого труда догадаться, о ком идет речь. Все эти люди были для него родными.

«Вечером наш небольшой отряд двинулся в путь. Морозы еще держались крепкие, хоть был и март. Бушевали метели. И в эту ночь ударил особенный мороз, да еще с метелью. Вера и я ехали в санях с ребятами. Сани то и дело подсакивали на ухабах, и ребята на поворотах вываливались в снег, потом опять догоняли нас, смеялись.

Вдруг колонна остановилась. Подошел ты — «лейтенант Абрамов».

— Вам не тесно тут с девчатами? — спросил улыбаясь у хлопцев. — А то дайте нам одну.

— Бери с собой Валентину, — дружелобно ответил Жора Мартыненко, командир нашего взвода — рослый, плечистый парень, казавшийся мне сначала очень суровым.

Я восприняла его слова как приказ и пошла к штабным саням, в которых ехал ты. Кроме тебя там сидел лишь один ездовой. Одетый в длинный мадьярский тулуп, ты выглядел очень солидным. Я подумала тогда, что это — пожилой мужчина и притом какой-то начальник: к нему без конца обращались партизаны, — в званиях я тогда разбиралась слабо.

Лейтенанта (это тебя-то, Сережа!) я побаивалась. Разговаривала с тобой, как со старшим — деревенская, стеснительная. Все старалась отодвинуться подальше. А тут, как назло, такой холод, такой пронизывающий ветер!.. Замерзла я до костей. Ты, вроде ничего не замечая, нарочно сел так, чтобы заслонить меня от ветра. Еще и полушубы распахнул — прикрыл стеной. «Какой добрый дядько!» — с благодарностью подумала я.

Так мы ехали всю ночь. Под утро колонна остановилась в селе Родионовке. Ты сбросил тулуп и направился расквартировывать лю-

дей. Когда ты пошел своей быстрой стремительной походкой, чуть втягивая, будто перед прыжком, голову в плечи, я помимо воли засмотрелась и подумала: «Да он — молодой совсем, и собой хорош!»

С этого дня — с первой нашей встречи ты все время останавливался вместе с нами, девочками, в одной квартире, учил нас стрелять и правильно выбирать позицию.

— Это чтоб вы не были беззащитными! — говорил ты.

И мы привыкли к повседневной опеке, вроде так надо.

Однажды в Хвощевке мы с Верой шли мимо штаба отряда.

Вдруг на пороге появился Забияка — наш бравый помпохоз — и спрашивает:

— А которая из вас Валентина?

Я ответила.

— Так это, по данным моих наблюдателей, в тебя влюбился наш начальник штаба? Бедняга он! Даже на собственной квартире появляться перестал! Забияка наш — подстать фамилии — всегда был шутиком и озорником. А сейчас глаза у него как-то особенно озорно блестели. Я смутилась, покраснела, — но от правды куда денешься?.. Так и не ответила ничего.

Я часто думала: почему Сергей, — такой видный, дельный парень, — выбрал именно меня? Почему понравилась ему я, а не Вера, моя чернобровая, веселая и смелая подружка? Но наверное, сердцу не прикажешь — оно выбирает, не глядя.

А Вера полюбила разведчика Петю Сухопарского — такого же пригожего и отчаянного, как сама она. Он приходил в нашу квартиру, где бы мы ни останавливались, и наполнял все вокруг шутками и весельем. Глядя на него, мы забывали даже про войну. Смешные, наверное, мы были девочки: смерть кружила над головами, а мы все загадывали — кто кого любит, всерьез ли это, на всю ли жизнь?..»

Комполка опять на минуту оторвал глаза от тетради, разграфленной в клетку, — безыскусственной Валиной исповеди — и подумал о тех девочках, которым уже никогда не суждено любить, выйти замуж, воспитывать детишек. Вспомнил златокосую Наташу Подуремя, смертельно раненную у села Роштовце, и то, как безутешно плакал о ней Саша Берсенов, даже не скрывая своих слез...

«Помню, приехали мы в Воскресеновку вечером 19 марта, — продолжал он читать. — Это был, Сережа, еще 1942 год!.. И опять мы остановились в квартире вместе. Хозяева, как везде, встретили нас очень радушно. Поужинали все вместе и собрались спать.

Хозяйка начала готовить постели, и приняв нас за молодоженов, постелила нам одну кровать.

— Приглашай его сама, — сказала мне. Я так и залилась краской.

Все легли спать, а я сижу и не знаю: как быть? Вдруг ты сам поднимаешься, надеваешь кофух и говоришь:

— Ну ладно, ребята! Вы ложитесь, а я пойду. Проверю посты. Если задержусь, останусь ночевать в штабе.

Но не успела я уснуть, как под домом раздались знакомые шаги. «Возвращается, — думаю. — Ну, пропала я!». А ты пришел и улегся с хлопцами на полу. Только на миг подошел ко мне, шепнул:

— Трусиха, не трусь. Все равно — поженимся! Ведь я тебе — друг на всю жизнь!..

Что на всю жизнь, и я в душе верила, — только кому ее сколько отмеряно войной?

Утром в Воскресеновке завязался бой. И в этом бою погиб Петя Сухопарский, так и не успев сказать Вере, что любит ее. Главным для него было — спасти товарищей, и он выполнил свой долг до конца.

А 1 апреля (день-то какой «ненадежный») мы с тобой объявили всем друзьям, что стали мужем и женой. Мне было стыдно перед Верой, потерявшей любимого — так мы были счастливы.

— Можете поздравить нас с законным браком, — сказал ты. — Если доживем, непременно отпразднуем свадьбу после войны! А еще лучше — серебряную, запомните!

— Запомним! — сказала Вера, горячо целую меня. — И обязательно придем!

А бои были чуть не каждый день... 6 апреля фашисты окружили в Новослободском лесу головной — Путивльский отряд. С самого утра и до поздней ночи гремел бой. Мы с замиранием сердца прислушивались к густым пулеметным очередям и частому уханью тяжелых немецких снарядов и мин. Думали об одном — как помочь своим товарищам.

Наконец вечером наш отряд построили и сказали, что мы идем на выручку путивлянам. Мы двинулись в путь.

У села Вегеровка, возле дома лесника, меня с одним бойцом оставили в секрете. Я не хотела оставаться тут, просилась в бой вместе со всеми: не люблю находиться в тылу — сидишь и не знаешь, что делается впереди. Но приказ есть приказ, пришлось подчиниться.

Все ушли. Ушла и Вера. На душе у меня стало беспокойно, сама не знаю почему. Всю ночь я прислушивалась к каждому шороху.

На рассвете поднялась страшная стрельба. Она пронеслась как ураган, началась внезапно и так же внезапно стихла.

Вскоре на дороге, по которой ушли наши, послышался топот. Мы притаились. Смотрим, подъезжают хлопцы... Мы обрадовались и вышли из своего укрытия. Но мне тут же бросилось в глаза: невеселые у всех лица.

Ко мне подошел комиссар нашего Конотопского отряда Канаец — в его светлых, всегда таких добрых и приветливых глазах была необычная грусть. Он положил мне руку на плечо и сказал:

— Эх, Валя, Валя... Погибла наша Вера... Геройски погибла! — помолчав, добавил он. — С песней!.. «Интернационалом» подняла весь отряд в атаку. Заставила удрать фашистские танкетки...

Веру Сугоняко мы похоронили на опушке леса. Дуся Одарченко и я, ее школьные подруги, стояли в почетном карауле. Все это время я никак не могла прийти в себя, поверить, смириться. Была такая боль, что казалось — это в меня попала разрывная пуля, это умираю я сама...

Многим хорошим людям уже не доведется дожить до победы. Сложили свои головы первый наш комвзвода, суровый и нежный к людям Жора Мартыненко, brave помпохоз Забияка, отважный командир Конотопского отряда Кочемазов и мой первый, главный советчик в жизни — партизан гражданской войны Иван Семенович Га-

лушко, научивший нас, простых сельских девчат, бороться в тылу врага.

Я пишу тебе только инициалы погибших, но ты знаешь сам их имена. Эти печальные новости я узнала от нашего бывшего комиссара Федора Ермолаевича Канавца, который сейчас героически восстанавливает хозяйство, разрушенное оккупантами, и представлен уже к трудовой награде.

И еще я тебе скажу, Сережа: записки эти я буду продолжать. Пусть не сразу, но постепенно опишу все пройденное нами. Ты спросишь: для чего или для кого я это делаю? Я отвечу: для детей!

Пусть я простой человек, учусь сейчас на портниху и книги писать не умею. Но я помню все. Я расскажу в этой первой тоненькой тетрадке самое главное для меня: как я пришла в отряд и как мы встретились с тобой. Чтобы дети все поняли, все помнили... Это им еще пригодится».

Абрамов ушел, спрятав Валино письмо в грудной карман.

Командир полка снял сапоги и прилег одетый на кровать. Но только он задремал, как скрипнула дверь и опять вошел его начштаба — Сергей Абрамов.

— Первый полк уже воюет, — сказал начштаба спокойно, покручивая усы, и присел к столу, ожидая распоряжений.

Сон как рукой сняло. Комполка вскочил, обулся, затянул ремень. Вышел во двор. Весенний свежий ветер ударил в лицо. Тучи рассеялись, и по небу поплыли теперь легкие прозрачные облака. Проглядывало солнце. «Плохо, — подумал он. — Теперь обязательно жди авиацию гитлеровцев».

До слуха донеслись отдаленные пулеметные очереди и взрывы мин. Сориентировавшись по компасу, командир полка понял: бой действительно шел где-то за Кособудами, в расположении 1-го полка, стоявшего южнее, километрах в десяти. Примерно через полчаса послышался отдаленный бой и восточнее, в районе Шевни, — это каратели полезли на полк Кульбаки. Теперь надо было ожидать гостей и здесь. «Интересно, — думал комполка, — откуда же они полезут сегодня?»

Вышедший вслед за командиром полка Абрамов остановился посреди двора и вопросительно посмотрел на него: что, мол, будем делать? Но пока оставалось только ждать.

Вскоре примчался верхом связной от Цимбала Леня Букин.

— Товарищ капитан! Немцы! — едва выдохнул он в спешке.

— Где?

— Идут по дороге из Замостья.

— Ну?.. А я думал, они за тобой гнались,— пошутил комполка.

Леня смутился (вообще он был смелый парень).

— Хорошо, я иду,— сказал комполка. И повернулся к своему начштаба: — Оставайся пока здесь, Сергей.

Андрея Цимбала командир полка нашел у крайнего строения села, справа у дороги. С Цимбалом был командир 2-й роты. Комбат, не отрываясь, смотрел в бинокль.

— Что, опять лезут? — спросил комполка, подойдя к ним.

— Точно, как в тот раз идут!..— сказал комроты.

— Пусть идут,— не поворачивая головы, отозвался Андрей Калинович.— Обратнo они уже не уйдут!..

«Неужели немцы опять повторяют ту же глупость? Неужели им недостаточно было одного урока?.. Что это, самоуверенность или тупость? — недоумевал комполка, рассматривая медленно двигавшуюся по узкой серой ленте булыжника вражескую колонну.— Ведь эта дорога, словно мостик на воде».

— Товарищ комбат! — обратился Скопенко к Цимбалу.— Смотрите, они чего-то остановились!..

— Вижу,— ответил Андрей Калинович так же спокойно. Бинокль был ему уже не нужен: вражескую колонну партизаны различали невооруженным глазом.— Боятся, гады, идти! Чувствуют, что их здесь ждет!

Командиру полка всегда нравилась уверенность Цимбала. Но сейчас какое-то шестое чувство подсказывало: остановились тут немцы неспроста, что-то они замышляют!.. А вот что?

Внезапно справа, позади, у самой опушки леса, в расположении 7-го берсеневского батальона застрочил партизанский «максим». Его тут же поддержало несколько «дегтярей» и автоматов. Сразу все слилось в общий гул, раскатившийся далеко-далеко по всему лесу.

Замершая было вражеская колонна зашевелилась опять на серой ленте булыжника. «Ах, вот почему они остановились! — догадался наконец комполка.— Ждали, пока те зайдут нам в тыл и расчистят им путь».

Цимбал был по-прежнему невозмутим. Он знал: огонь

открывать следует после взрыва первой противотанковой мины. А мины эти, по его личному указанию, были заложены в пятидесяти метрах от наблюдательного пункта комбата-6 и в двадцати пяти метрах от замаскированной в окопах партизанской роты.

— Андрей! Делай все так, как в прошлый раз,— распорядился комполка.— И обрати внимание на лес слева, чтобы тебя не обошли. Я побегу к Берсеневу.

Когда комполка приближался к Берсеневу, весь 7-й батальон уже вел бой. Саша был почти у самой опушки леса, за каким-то земляным валом. Рядом с ним, словно верные телохранители, залегли с автоматами высокий чубатый Григорий Жоголь и его земляк — совсем еще молодой, но очень надежный парень, Митя Новак — из числа комсомольцев-подпольщиков, спасенных ковпаковцами от расстрела еще под Букчей, в Белоруссии.

Сам Берсенев, огромный, по-медвежьи косолапый, в расстегнутой меховой безрукавке и шапке-ушанке,— в том самом виде, в каком его захватила первая очередь пулемета,— сейчас спокойно посылал короткие автоматные всплески в сторону леса. С таким невозмутимым выражением лица садовники опрыскивают дерево в саду, уничтожая всякую мелкую нечисть.

— Что тут у тебя стряслось, Саша? — спросил комполка, подойдя к нему.

Дав еще несколько очередей, тот повернулся и, сдвинув на затылок свою лохматую рыжую шапку, выдохнул:

— Немцы... до черта! Внезапно вывалились прямо из леса. Я никак не ждал!..

Глаза у него были красные от многосуточной бессонницы и какие-то виноватые: наверное, его в тот момент сморил сон.

— Не ждали!.. Совсем не ждали мы их отсюда, Петр Евсеевич! Такое болото!.. А они прямо из лесу вывалились целым батальоном, если не больше. Выручил всех, спасибо ему, мой взводный Коля Шпаков. Молодец! Первый заметил фрицев и спас батальон!..

Теперь, много лет спустя, можно уже с улыбкой рассказывать о том происшествии, главным героем которого стал веселый черноглазый партизан Николай Шпаков.

А случилось вот что.

Расположившись в крайней хате, Николай со своим взводом сел завтракать. И тут партизанам захотелось по-

греться: после ночного марша все промокли и продрогли.

— А есть чем? — Николай плутоватыми быстрыми глазами обвел хату.

— В том-то и дело, что нет! — ответили ему с сожалением.

— Товарищ командир! «Максим»-то наш спиртом залит! Разрешите граммов двести отлить — на всех. Воды потом добавим. На дворе тепло, «максим» не замерзнет!.. — предложил кто-то.

Николай рассмеялся:

— Какой находчивый!.. — И махнул рукой. — Ладно, давай.

Кто-то бросился с кружкой во двор к пулемету, стоявшему на санях.

— Стой! — остановил ребят Николай. — Тащи пулемет сюда, хлопцы. Я сам отолю, сколько надо. Чтоб в меру!..

Через минуту два бойца, посмеиваясь, втащили пулемет в хату и поставили его на скамью. Дурачась, даже поклонились взводному «максиму»:

— Разрешите, Максим Максимыч, пригласить вас в компанию!

Николай отвинтил пробку кожуха и стал осторожно отливать спирт в артельную — одну на всех кружку.

Не успел он нацедить и полкружки, как увидел в окно, что из леса, прямо на их дом идут огромной, зеленовато-серой одноликой толпой немцы: передние уже метрах в пятидесяти.

— Ребята, фрицы! — крикнул он. — Быстрее сюда коробки с лентами! — И торопливо ввинтил пробку обратно в кожух «максима».

Хорошо, что пулеметные ленты были совсем рядом — во дворе, который выходил на другую сторону, на улицу, и немцы не могли видеть всей этой беготни.

Повернув пулемет, Николай Шпаков разрядил всю ленту по идущим к дому фашистам. Взвод поддержал его огнем из автоматов. Пока немцы опомнились, в бой вступила вся рота... Ну, а к моменту, когда комполка пришел к Берсеневу, весь 7-й батальон был поднят Шпаковым по тревоге.

— Посмотрите, — Берсенев показал командиру полка рукой в ту сторону, куда посылал очередь за очередью. — Только осторожней, не вылезайте.

На опушке леса, в голом редком кустарнике, кучами

лежали трупы фашистских солдат. И все же немцы продолжали наступать. Откуда только они брались?.. Сам факт, что противник появился из чащи, был знаменателен: раньше каратели боялись такой глухомани.

— Ну как, Саша? Устоишь или тебе помочь? — спросил командир полка у Берсенева. — Может, послать роту в тыл немцам?

— Ничего, сам справлюсь. Хоть их и много, но пока в деревню ни один еще не зашел. Всех на опушке положили... А теперь и подавно не войдут. Я послал уже им в тыл Виктора Жукова со взводом разведчиков. Он пугнет фрицев. Думаю, они поуспокоятся малость, — объяснил Саша своим красивым, неторопливым уральским говорком.

— Это точно, товарищ командир! — подтвердил минар Михаил Назаренко неестественно громким голосом: он немного оглох после недавней контузии, но отправляться в санчасть категорически отказался. — Мы и не такое видали!..

В это время раздался взрыв на той стороне, где держал оборону Цимбал. «Мина», — поняли все. Вслед за этим взрывом заухала партизанская «сорокапятка», ей гулко завторили ПТР. Затем дружно ударили пулеметы и автоматы. Вслушиваясь, командир полка с удивлением определил: немцы молчат. Неужели Цимбал сумел и на этот раз накрыть их колонну, не дав ей сделать ни единого выстрела?

«Пойду посмотрю», — решил командир полка. Расстояние до Цимбала было метров восемьсот. Когда командир пришел к нему, на дороге у околицы села дымились три вздыбленных взрывами танка, загородив путь карателям. Впрочем, наступать на партизан они все равно уже не могли. Добрая половина колонны лежала замертво на дороге, не успев даже развернуться: ведь кругом была вода. Последние роты в панике убегали обратно, в Замостье. По ним-то сейчас и строчили пулеметчики. Автоматам здесь было уже нечего делать: их огонь не доставал убегающих немцев.

— Я ж говорил, шо обратно воны нэ уйдуть! — на своем родном украинском языке сказал Цимбал и усмехнулся.

Больше по этой дороге немцы наступать уже не пытались.

...А атаки на Берсенева не прекращались ни на минуту. Через каждый час или два из леса, словно морские волны на берег, выкатывались все новые и новые роты, батальоны гитлеровцев. Было ясно: противник отказался от попытки прорваться в расположение ковпаковской дивизии по дороге на Вепшец и теперь, перегруппировав свои силы, стремился во что бы то ни стало проникнуть из леса в расположение партизан через поселок Липско и Зажече, обходя болото с восточной стороны.

В отличие от Цимбала, Берсеневу пришлось обороняться в населенном пункте, а не на подступах к нему. Хорошо, что Саша сумел за каких-то два часа, если не меньше, подготовить своих людей и все дома, которые они занимали, для упорной обороны. Каждую хату он превратил в неприступную огневую точку, а растянувшееся вдоль леса село Зажече — в своеобразный опорный пункт. Все местное население Берсенев успел вывести в безопасную зону.

Как ни пытались немцы овладеть хотя бы одним строением, у них ничего не получалось. Только они выходили на опушку леса — их встречали губительным огнем партизаны.

Во второй половине дня гитлеровцам все же удалось захватить несколько зданий. Но едва они заняли эти здания, как им пришлось бежать, потому что их накрыли перекрестным огнем ковпаковцы. Тогда фашисты открыли минометный огонь по Зажече. Однако сразу же прекратили его: мины их поражали в основном своих же солдат, потому что расстояние между партизанами и противником было всего несколько десятков метров.

Командира полка удивляло: почему здесь нет немецкой авиации? Конечно, он был очень рад этому. Но опыт подсказывал: вот-вот в небе появится зловещая «рама». Погода явно способствовала этому.

И в самом деле через некоторое время привычный слух уловил гул моторов в воздухе. Вскоре над партизанами со стороны Замостья, где находился аэродром, появился, к общему удивлению, не разведчик, а огромный шестимоторный транспортный самолет. На бреющем полете он стал кружиться над ковпаковцами. При втором заходе пулеметчики Цимбала дали ему по хвосту. Он вспыхнул, задымил и как-то боком пошел в сторону Замостья. Через несколько минут послышался глухой рас-

катистый взрыв и за частоколом леса поднялся черный столб дыма.

Трудно сказать, для чего кружился этот транспортник над головами ковпаковцев. То ли немцы хотели испугать партизан, то ли пытались высмотреть боевые порядки ковпаковцев. Стрелять и бомбить этот тяжеловесный грузовой самолет не мог...

На землю уже опускались сумерки, а немцы не прекращали атак, и не только на 3-й полк. Слышен был гул напряженного боя и юго-западнее, в Кособудах, где дрался полк Давида Бакрадзе. Доносились пулеметные очереди с юга — из Шевни, где был Кульбака... Сражение разыгралось почти на двадцатикилометровом фронте.

Не слышно было стрельбы только на западе, оттуда немцы почему-то не пытались наступать: видимо, они все же боялись углубляться в лесные дебри.

Партизаны ждали, что с наступлением темноты противник прекратит атаки и можно будет оторваться от него. До сих пор каратели всегда уходили к ночи сами. Но сейчас было уже 22.30, а они все наседали.

То, что немцы не уходят, комполка-3 беспокоило меньше, чем то, что не уходили сами партизаны. «Почему мы здесь торчим? — недоумевал он. — Почему до сих пор нет приказа на марш из штаба дивизии? Ведь, если мы останемся здесь до утра, за ночь немцы подтянут свежие силы и нам придется солоно. Боеприпасы почти на исходе».

В 23.00 примчался связной от Вершигоры — Володя Короткий.

— Что? Приказ на марш?! — обрадовался комполка.

— Нет, — покачал головой Володя. — Пока не нашли выхода. Лес блокирован. На всех дорогах и просеках — танковые засады фашистов, — добавил он шепотом. — Наши ищут, где можно пройти.

«Так вот почему немцы не оставляют нас в покое! — понял комполка. — Считают, что окружили. Решили продержаться нас любой ценой здесь до утра, чтобы днем покончить с нами!..»

Положение было незавидное: ковпаковцы, кажется, действительно попали в «мешок». Впрочем, сколько раз уже партизаны Ковпака и Руднева оказывались в этих «мешках»: на Сумщине и на Брянщине, в Белоруссии, где однажды по специальному плану гитлеровской ставки им

был приготовлен в междуречье Днепра и Припяти даже так называемый «мокрый мешок». Затем — окружение в Карпатах; там на ковпаковцев обрушилась целая дюжина гитлеровских дивизий под командованием генерала Крюгера. И все-таки партизанам удалось вырваться и тогда, из этого чертового «мешка», причем, самую большую группу ковпаковцев вывел тогда именно Петр Петрович, — думал теперь комполка-3.

Само слово «окружение» уже давно не пугало ковпаковцев. К нему относились даже с юмором. Да и каким окружением испугаешь людей, которые уже около трех лет воюют на территории, занятой врагом и почти каждый день попадают в такие переплеты?.. Враг был кругом, все время — вопрос заключался лишь в том, как перехитрить его.

Лично для командира полка само слово «окружение» имело магически-страшный смысл только однажды: в сентябре сорок первого года, под Киевом, когда он остался без боевых товарищей, без оружия, с одной только верой, что он должен любыми средствами найти все это, чтобы выполнить свой долг перед Родиной.

Ковпак и комиссар Руднев, которых он тогда встретил на Сумщине, научили его, а вместе с ним и еще многих других смотреть на немецкое «окружение» с иронической улыбкой: партизаны были хозяевами на своей земле. Потому что за партизанами стоял весь народ.

...А между тем село Зажече почти все уже было объято пламенем. Роты Берсенева, скрываясь за горящими хатами, продолжали расстреливать ворвавшихся в Зажече фашистов. Сам Берсенев, одетый в плотную, красновато-поблескивающую кожаную куртку, ловко маскируясь в тени домов, охваченных огнем, незаметно для немцев перебирался от одной группы партизан к другой, руководя боем. Командира полка поразило искусство, с каким Берсенев использовал игру света и тени во время пожара, оставаясь неуязвимым.

— Ну, как ты тут? — спросил комполка.

— Ничего, справляюсь.

— Потери есть?

— Пока нет.

Комполка очень обрадовался, хотя не понимал, как умудрился Берсенев в таком пекле за целый день не потерять ни одного человека?

...Около полуночи снова примчался галопом из штаба дивизии, разместившегося вместе с 1-м полком в Кособудах, Володя Короткий. Он резко осадил лошадь, кубарем свалился с нее, вырвал из-за борта трофейной куртки пакет.

— Товарищ капитан, приказ на марш! Начальник штаба Войцехович передал, чтоб не задерживались ни минуту.— Затем наклонился прямо к уху командира и шепнул: — Те полки уже снялись, оставив небольшие заслоны.

— А по какой дороге пошла колонна? — спросил стоявший рядом капитан Абрамов, тоже понизив голос до шепота.

— Я провожу, куда надо...— ответил Короткий, и оглянувшись по сторонам, снова шепнул: — Колонну повел без дороги лесом один здешний старик, поляк!..

Обоз полка уже часа два как был готов к маршу. Он стоял прямо на дороге, ожидая команды. Батальон Цимбала мог в любую минуту двинуться в путь. А вот 7-му берсенеvскому батальону, который вел еще бой, надо было как-то оторваться от противника, чтобы тот ничего не заметил.

— Как, Саша? Сумеешь? — спросил комполка у Берсенева.

— Сделаем,— сказал он.— Фрицы стали спокойнее. Недавно вернулся со своими разведчиками Виктор Жуков. Я посылал его взвод посмотреть, что делают немцы. Жуков наблюдал за ними на близком расстоянии. Фрицы разговаривают между собой и стреляют куда попало...

«Ага, создают видимость наступления, сковывают нас,— решил комполка.— Ну ничего, мы тоже умеем создавать видимость».

Жуков доложил Берсенеvu еще одну важную новость: в Зажече следовала колонна, около батальона пехоты. «Это немцы сосредоточивают свежие силы к утру»,— ответил командир мысленно.

Разведчики Жукова, отважного и ловкого парня, внезапно обстреляли эту колонну из засады. Немцы разбежались...

Оставив в Зажече только одно-единственное отделение Алесича с лошадьми и приказав ему еще час-полтора пострелять для отвода глаз по немцам, Берсенеv незаметно снял свой батальон.

Колонна 3-го полка двинулась за связным Володей Коротким, который знал весь этот участок пути наощупь. Метров через четыреста-пятьсот партизаны свернули в лес и пошли по свежему следу, проложенному основной колонной дивизии. Снег там, где прошли ковпаковцы, превратился в жижу. Следы все время петляли по изрезанному оврагами лесу. Казалось, сам черт здесь ногу сломит. Но кто-то очень ловко вел всех, обходя опасные для партизан места: просеки, перекрестки, дороги, на которых караулили ковпаковцев танковые засады немцев.

Командир 3-го полка ехал верхом, стремя в стремя со своим связным Володей Коротким. Спокойный (даже когда над головой свистели пули), веселый, смазливый, с девичьими, всегда улыбающимся голубыми глазами, Володя и сейчас был невозмутим, словно не чувствовал никакой опасности.

— Чудесный здесь народ, — рассказывал он, чуть покачиваясь в седле. — Ведь если бы не этот старик, нам пришлось бы туго! Вершигора, его штаб, главразведка — все ломали голову: как вырваться из ловушки? Облазили дороги, просеки, тропинки — везде немецкие танки!.. Казалось, нет выхода. И вдруг поздно вечером приходит в штаб этот старик и говорит: «Я вижу, вам бардзо тяжко! Со всех сторон окружили вас швабы. Но я могу вас вывести из этого леса так, что ни один шваб не зобаче! Я лесник и знаю этот лес, как свой двор!..»

Не многим из ковпаковцев довелось тогда увидеть в лицо этого славного старика. Но имя его известно — Станислав Сажинский. Солдат русской армии, он еще в первую мировую войну сражался против кайзеровской Германии. Рискуя своей жизнью, Сажинский помог советским партизанам. К рассвету он вывел дивизию из ловушки.

Немцы, наверное, так бы и не узнали до утра, что ковпаковцы ускользнули из плотно блокированного ими Кособудского леса, если бы партизаны час спустя не столкнулись снова с вражеской автоколонной на шоссе Звежинец—Замостье и не сожгли ее, а вслед за ней и стоявший на станции Журавница эшелон с танками. Танки эти, кстати, были предназначены специально для партизан, так что ковпаковцы по праву законного адресата «приняли» их на себя. Разбиты были паровоз и пять платформ. Почти на каждой платформе стояло по два танка или две машины.

И как раз тут, возле станции, ковпаковцы вдруг опять увидели точно такую же табличку, какую вчера нашел Гриша Козлов в лесу и принес Андрею Цимбалу с немецкой надписью «Форзихт, Кольпак!». Комполка даже подумал на какое-то мгновение, что ребята просто для смеха захватили ее с собой. Но на телеграфном столбе, стоявшем у шоссейной дороги, висела другая такая же, предупреждающая всех гитлеровских вояк об опасности.

Увидев эти таблички, партизаны дружно засмеялись, обмениваясь разными острыми словечками:

— Вот тебе и «форзихт»!.. Запомнили, значит.

— Драпайте, фрицы, из Польши поскорее, пока ноги целы!

— Ребята, мы, кажется, приобретаем международную известность! — заметил русоволосый Виктор Жуков, добродушно улыбаясь: тогда он просто шутил, стараясь подбодрить товарищей.

Но сейчас, пожалуй, можно пожалеть, что никому из ковпаковцев не пришло тогда в голову взять одну такую табличку с собой. Среди многочисленных экспонатов в музеях партизанской славы она бы по праву заняла почетное место...

А в это время в кавдивизионе, которому пришлось весь вчерашний день отражать яростные атаки украинских националистов из 14-й СС дивизии «Галичина», вели неторопливую беседу два бойца: любитель пофилософствовать Паша Дейнекин и юный ветеран соединения Славик Августяк.

— Кажется, Павел, мы снова вырвались из когтей смерти, — задорно сказал Славик, — хотя здесь мне было пострашней, чем в Карпатах!..

— Мне тоже, — ответил прямодушный Дейнекин. — Но главное — мы крепко дали по зубам этим украинским самостийникам в эсэсовских мундирах. Много мы им наложили вчера под Кособудами.

— Разве только под Кособудами? — живо отозвался Августяк. — А четыре дня назад — в Ожанне и Домбровице Дуже?.. Ты знаешь, поляки были поражены! Я ведь сам поляк, польским языком владею с детства. И я собственными ушами слышал еще в Домбровице Дуже, как нас всех называли спасителями. Говорят: «Спасибо Советам, что послали сюда ковпаковскую армию для защиты от этих бандитов». То же самое слышал я вечером и в

Кособудах... Тут прямо легенды ходят. Польский народ так ждет освобождения, так ждет наших, что по ночам люди здесь землю слушают!

— Понятно,— кивнул Павел, спокойно покачиваясь в седле.— Детонация... Только скорей всего, это оккупанты ведут какие-то подземные работы.

— А люди уверяют, что им было слышно по гулу земли, как советские войска освобождали Киев!.. А уж про вчерашний бой в Кособудах и про то, что ковпаковцы побили здесь бандеровцев, все поляки говорят с благодарностью.

— Выходит, Славик, этот наш кособудский бой — не только военная, но и политическая победа партизан, как сказал бы комиссар Руднев.

И они были правы.

Тридцать лет спустя буквально то же самое сказал нам польский историк и писатель Ежи Маркевич:

— Победа ковпаковцев над украинскими националистами, сражавшимися на стороне Гитлера, раскрыла глаза всем полякам. Наши люди поняли: от бандеровских зверств спасут их только антифашисты! Кособудский бой положил начало подлинной украинско-польской дружбе. И если в польско-советской дружбе никто из наших патриотов не сомневался, то до Кособуд слово «украинец», благодаря подлой политике гитлеровского обершпиона Гелена, стремившегося всячески поссорить поляков с украинцами, отождествлялось у некоторых со словом «самостийнык». И первой ласточкой в важнейшем политическом деле сближения наших народов была партизанская дивизия имени Ковпака. Вот почему рейхскомиссар Франк приказал своим подручным: «Уничтожить ковпаковцев любой ценой на территории Польши».

Этот разговор с польским историком происходил в его родном городе Билгорае, на Люблинщине, в уютном, наполненном прекрасными книгами доме.

— Любой из ковпаковцев на девяносто девять процентов имел шанс не вернуться с нашей земли,— помолчав, продолжал Ежи Маркевич. И выразительно посмотрел на шкаф, где находилась его знаменитая «траурная картотека». — Остаться навеки с ними, с моими земляками.

Это была картотека всех убитых, замученных пытками, казненных оккупантами... Только в одном Билгорай-

ском повяте насчитывается около двадцати пяти тысяч таких трагических судеб, каждая из которых может смело соперничать с каноническими житиями христианских великомучеников. А на узком длинном ящике с этой страшной картотекой мы вдруг увидели миниатюрную фигурку скорбящего Иисуса. Он сидел, наклонив голову, словно впервые видел эти немые карточки с именами и фамилиями жертв. И на лице его блуждала удивленная, несколько виноватая, извиняющаяся улыбка.

...Итак, десять дней спустя после первого боевого крещения молодых партизанских полков в Кособудах гитлеровцам удалось вторично засечь и окружить дивизию Вершигоры в том же Кособудском лесу. Каратели в точности повторили свою наступательную операцию. А Цимбал в точности повторил им свой урок: очевидно, первого оказалось немцам недостаточно.

Один из «крестников» Цимбала, на себе испытавший его боевое мастерство под деревней Вепшец (впоследствии офицер народной армии Германской Демократической Республики), приехав к нам в страну с туристической группой в 1959 году, откровенно сказал на встрече с ковпаковцами:

— За войну я участвовал в самых крупных сражениях: за Киев, Харьков, Сталинград, Курск... Но нигде я не переживал такого ужаса, такой беспомощности, как в этом бою с партизанами — двадцать шестого февраля. Проклиная все злодеяния фашизма, я понял, на что способен свободолюбивый народ. Этот бой был проведен артистично! Двадцать минут — и мы все были разбиты! Разбиты невидимками!.. Будто с неба лил свинцовый дождь... И все это сделала, как я потом узнал, маленькая группа партизан — одна рота!

Да, он был прав: и первый, и второй бой вела всего лишь одна, одна и та же рота, воспитанная в лучших ковпаковских традициях. На войне, а особенно в партизанском деле, решающее значение имеет мастерство, искусство. И владеть им по-настоящему дано не каждому, но стремиться к овладению мастерством необходимо.

— Надо подпустить противника в упор, — учил Андрей Цимбал всех своих бойцов. — Потом внезапно расстрелять, чтобы некому было отступать. Тогда некому будет и наступать снова. И патронов зря расходовать не будете. Поняли?

И действительно, вторично в атаку на Цимбала никто не лез.

Все ковпаковские командиры знали, что немцы не терпят ближнего боя. Однако подпустить к себе противника вплотную, создать необходимые условия для ведения ближнего боя могли не все...

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков в своей книге «Беспримерный подвиг» говорит:

«Гитлеровцы не терпели ближнего боя, они открывали автоматный огонь за километр и больше. Стреляли просто для поддержки своего настроения. Они не выдерживали нашего сближения при контратаке, немедленно залегали и часто отходили назад...»

Я пришел к выводу, что лучшим приемом борьбы с фашистскими захватчиками будет ближний бой, применяемый днем и ночью в различных вариантах. Мы должны находиться как можно ближе от противника, чтобы его авиация не могла бомбить наш передний край или переднюю траншею».

Этот вывод одного из опытейших советских командармов глубоко верен. Огромные потери обороняющейся стороны сплошь и рядом свидетельствовали о том, что у офицеров не хватало выдержки (или умения) подпустить противника вплотную, чтобы разить его затем на верняка.

Кое-кто может сказать: у регулярной армии, мол, своя тактика ведения боя, свои законы, а у партизан — свои!.. Это не совсем верно. Тактика ведения ближнего боя применима и для регулярной армии, и для партизан. Разница в том, что регулярные войска, обладая большей огневой мощью и, естественно, надеясь на нее, зачастую слишком рано открывают огонь по наступающему противнику. А значит, преждевременно рассекречивают себя, что позволяет врагу на ходу перестраиваться в боевой порядок и подавлять огневые точки обороняющихся.

Партизаны, как правило, не располагают таким солидным вооружением и вынуждены использовать свой главный козырь — внезапность, чтобы уничтожить врага, не дав тому даже «ощетиниться».

Недаром говорится: голь на выдумки хитра!.. Исключительно тяжелые условия, в которых находились народные мстители, воспитывали в них инициативу, будили творческую мысль, опрокидывая все шаблоны. И в практике Великой Отечественной войны неоднократно бывали случаи, когда наши регулярные части с успехом применяли тактику партизан.

— Некоторые чудаки думают,— говорил не однажды своим бойцам комиссар Руднев,— что партизаны — это, мол, люди, только умеющие стрелять из дедовского кривого ружья. Нет, братцы! Партизанская война — это мудрая, толковая война. Это такая тактика и стратегия, когда инициатива и талант народа раскрываются беспредельно. Когда народ, поднявшийся на самоотверженную борьбу, побеждает любого врага.

Однако трудности у партизан в этом, Польском рейде были невероятные — почти как в Карпатах. «Хвост», следовавший дивизию Вершигоры, все рос. А раненых прибавлялось.

Партизанская медицина работала без устали.

В бою за станцию Журавница был смертельно ранен четырнадцатилетний белорус Ясковец Вася. К утру, когда санчасть остановилась на дневку в Хошне Ординацкой, он уже почти не приходил в сознание.

— Как себя чувствуешь, Вася? — спросил расстроенный комполка, нагнувшись над мальчиком.

Вася лежал на сене, откинув голову к задку своей повозки. Светлые, совсем детские волосенки сбились в колтун. Серые глаза страдальчески закатились. А от раны исходил острый, гнилостный запах — ранение было в живот разрывной пулей.

— Я уже отвоевался,— взрослыми, солдатскими словами ответил мальчик, с трудом переводя дыхание.

— Мы, Вася, еще на твоей свадьбе потанцуем! — сказал комполка, ощущая горячую жалость в сердце.

Он вспомнил, как в селе под Олевском этот бойкий мальчишка сумел-таки уговорить командование: «Возьмите меня с собой, я все равно уже давно из дому бежал! К другим партизанам пристану!..» И приняли тогда Васю Ясковца в батальон.

Сейчас партизанский хирург молча стоял в стороне. Он безнадежно посмотрел на обоих: на расстроенного командира полка и на умирающего мальчишку. Потом отвел командира в сторону и сказал:

— Я все понимаю. Но у меня осталось наркотика на десять операций! А этот человек безнадежен...

Волнуясь, словно речь шла о любимом братишке, комполка попросил его:

— Хоть чем-нибудь помогите мальчонке!.. Он и жить-то еще не начинал. Ему сейчас самое время за школьной партией сидеть, уроки учить. А он уже кровь свою пролил!..

Вася, не слышавший этого разговора, глухо простонал, зовя в забытии мать. Просил, чтоб его «больше не качали». Кроме страшной боли, его мучала тряска (всю ночь обоз санчасти шел по грунтовой дороге с выбоинами).

У партизанского хирурга Дмитрия Скрипниченко, который многое повидал во вражеском тылу, все же дрогнуло что-то в лице, когда он снова посмотрел на бредящего мальчика.

— Николай! — подозвал Скрипниченко к себе военфельдшера Сокола — рослого румяного блондина, которого все выздоравливающие любовно называли «Белый доктор» — не столько за редкостный, очень светлый цвет волос, сколько за аккуратность и неиссякаемую заботливую доброту.— Возьмешь под свою личную ответственность этого мальчишку?

— Возьму! — с готовностью согласился «Белый доктор», хотя сам с трудом держался на ногах от усталости.— Я, главным образом, на его молодость надеюсь!

А маленькая, шустрая, как мышка, медсестра Дуся Усаченко, обернувшись на миг к командиру полка (руки ее при этом продолжали накладывать повязку очередному раненому), заверила:

— Сокол его вытянет с того света!.. Сами раненые говорят: «Сокол даже взглядом лечит!»

Скрипниченко, подтверждая слова медсестры, кивнул и продолжал сосредоточенно заниматься своим делом.

Почувствовав некоторое облегчение, комполка ответил Дусе:

— Я думаю, что насчет «лечения взглядом» вы, девочки, самые лучшие специалисты! Вот тебе, Дусенька, Вася Ясковец. И смотри в оба: чтобы он обязательно выздоровел!

Девушка только покраснела и молча опустила длинные рыжеватые ресницы.

В тот же день военфельдшер Сокол сделал хлопчику шприцом какую-то блокаду кишечника,— быть может, одному ему известную, рожденную богатейшей хирургической практикой и весьма бедным выбором медикаментов. На третьи сутки после начала лечения «Белый

доктор» сам рискнул оперировать Васю. А еще через две недели юный партизан, за которым неотступно ухаживала медсестра Дуся, уже смеялся, перешучиваясь с товарищами по санчасти.

...А тучи над Вершигорой после второго Кособудского боя сгустились еще больше. На уничтожение его дивизии (всего каких-то двух тысяч человек) гитлеровское командование бросило около сорока тысяч карателей, в том числе 14-ю СС дивизию «Галичина», 7-ю СС дивизию «Викинг», 8-ю СС дивизию, которой некогда командовал сам маршал Роммель, а также пару Люблинских, Львовский и Краковский полицейские полки, подкрепленные танками и авиацией. Но противнику все же не удалось окружить и уничтожить партизан в Билгорайском лесу. Ковпаковцы воевали по-суворовски: не числом, а умением.

В непрерывных боях партизанская дивизия израсходовала почти все боеприпасы. В обозе было уже около трехсот раненых. А гитлеровские полчища не отставали.

Вырвавшись из блокированного противником Кособудского леса, дивизия устремилась на север. Утром 8 марта на марше Вершигора остановил командира 3-го полка и сказал со своей обычной мягкостью:

— Петя! Останься в Здиловице с полком на сутки и удержи противника, иначе нам от него не оторваться. А мы пойдем дальше. Дневка наша будет в деревне Закшев.

3-й полк остался в Здиловице. Это большое красивое село с говорливой мельницей и старинной, похожей на костел униатской церковью размещалось в глубокой ложине у речушки. С востока — со стороны Янува — Здиловице окаймляла лесная полоса. Местность здесь была овражистая. С запада село тоже надежно прикрывалось длинным зигзагообразным буераком. К тому же началась весенняя распутица.

Весь день полк простоял в селе спокойно. Но к вечеру, когда решили уже уходить, разведчики вдруг доложили: со стороны Янува движется колонна вражеских машин, до сотни грузовиков с пехотой; впереди мотоколонны ползли танки.

Когда совсем стемнело, Николай Мурашко и Гриша Жоголь принесли новое сообщение: фашистские танки забуксовали на крутом подъеме и повернули обратно,

а грузовики с гитлеровскими солдатами застряли в грязи. Пехота выгрузилась, и утопая в глине, походным порядком движется на Здиловице по дороге, идущей вдоль узкого оврага.

И хотя 3-й полк уже выстроился на марш, чтобы догнать свою дивизию, просто невозможно было устоять перед таким соблазном: за здорово живешь раздолбать вражеский полк!.. Цимбал, который успел со своим 6-м батальоном отрыть отличные окопы метрах в двухстах от деревни, по хребту высоты, получил приказ встретить гитлеровцев.

Стемнело. Немцы освещали местность ракетами. Возможно, в этом их пристрастии ко всякого рода фейерверкам и было нечто устрашающее людей неопытных. Однако партизаны, сидя в своих надежных окопах, только посмеивались над такими световыми эффектами: при каждой вспышке ракеты они видели наступающих гитлеровцев как на ладони, а наступающие не видели ничего, ослепленные ненужным фейерверком.

Двигались фашисты тремя эшелонами: первая цепь, затем метров через пятьдесят — вторая, еще через пятьдесят — третья... Шли густо без всякой разведки. То ли солдаты фюрера очень уж были уверены сейчас в своей победе, то ли вообще не думали ни о чем: по-бараньи, бездумно выполняли приказ.

Подпустив первую цепь совсем близко — метров на пятнадцать, батальон Цимбала ударил по ней из автоматов и загерметизировал ее. Потом сразу же открыл огонь и по второй цепи — уже из пулеметов... Третья цепь, словно ее и не было тут совсем, рассеялась сама.

Бой затих. Два батальона гитлеровцев навеки заснули в придорожной грязи. А Цимбал (наверное, про таких неуязвимых богатырей и слагали в старину былины) опять не потерял ни одного человека — даже царапины ни у кого не было!..

Правда, когда партизанский полк, выезжая из деревни, спустился в овраг и снова поднялся на гору, такую же высокую, как та, где произошел бой — вдруг с той, первой горы хлопнул одинокий винтовочный выстрел. Кто-то рассмеялся в темноте:

— Очухался один недобитый фриц!..

Но удивительна случайность на войне: именно эта слепая, одиночная пуля ранила в руку старого партизана

Гуза, который (уже раненный до этого в другом бою) лежал в санитарной повозке. Бедняга все время чертыхался, пока ему делали перевязку.

Ночью двинулись на Закшев, где отдыхала сейчас дивизия... Но когда утром 9 марта 3-й полк догнал своих, 1-й и 2-й полки уже вели бой. Все-таки немцам удалось и здесь нащупать партизанскую дивизию. Весь день пришлось отбиваться от карателей.

Вечером, оторвавшись кое-как от противника, все коваковцы устремились дальше, на северо-восток. Отдыхать остановились в деревне Издебно и в близлежащих колониях, как называли здесь почему-то хутора. День прошел спокойно. Каратели не появлялись. Казалось, они потеряли партизан из вида. Это радовало Вершигору и его штаб, хотя все понимали, что немцы, быть может, молчат не зря: задумали каверзу.

Начальник штаба уже колдовал над картой, готовя приказ на предстоящий марш. А марш этот был необычный, пожалуй, единственный в своем роде за весь рейд. В одну ночь надо было перескочить три важнейшие коммуникации, тщательно охраняемые противником: шоссейную и железную дороги Варшава — Львов и шоссейку Варшава — Холм, по которым сейчас немцы непрерывно перебрасывали войска на восток.

К вечеру приказ на марш был готов. Но когда Роберт Клейн доложил последние, самые свежие данные о противнике, Вершигоре и Войцеховичу пришлось все пересмотреть.

— Разведкой было установлено, что гитлеровцы днем перебрасывали войска из Туробина и Замостья на Красныстав, — четко, и как всегда несколько суховато, докладывал Клейн; он был теперь уже командир разведроты. — Отмечена также переброска войск, преимущественно мотопехоты, из Люблина в Суходолы и Волю Идзиковску.

Стоя у карты, Вершигора и Войцехович многозначительно переглянулись: названные Клейном населенные пункты находились как раз на шоссейке, которую предстояло форсировать дивизии. Командиры полков и комбаты, присутствовавшие на совещании, молчали.

— Похоже на то, братцы, что фашисты решили нас перехватить на этой шоссейке! — Вершигора провел паль-

цем по красной линии, соединяющей на карте города Люблин и Красныстав.

— Так вот почему они сегодня нас не беспокоили! — сделал вывод начштаба.

— Да, немцы, кажется, меняют тактику: решили отказаться от преследования и перейти на перехват! — кивнул ему Петр Петрович и обратился к Клейну: — Роберт! Сколько примерно войск прошло в Красныстав из Туробина и Замостья?

— Из Туробина проследовало больше сотни крытых шкодовских грузовиков, — отрапортовал Клейн. — Из Замостья — больше ста пятидесяти таких же машин. А из Люблина — больше двухсот.

Вася Войцехович наморщил лоб, прикидывая что-то в уме.

— Да, Петр Петрович! — повернулся он к Вершигоре, который стоял у стола, засунув руки в карманы. — Двести машин в Суходолах — это, считайте, два полка. И в Красныставе — около дивизии. Кулак солидный! Такими силами немцы свободно могут разрезать нашу колонну при переходе шоссейки... Что будем делать? (Взгляд у него при этом был спокойный и даже веселый.) Придется нам, Петр Петрович, усиливать заслоны. Одной роты будет маловато.

Вершигора, заложив руки за спину, начал ходить по комнате. Начштаба и Клейн молчали, ожидая его решения.

— Заслоны-то мы, конечно, усилим. Но главное, я думаю, нам следует рвануть через эту шоссейку двумя параллельными колоннами, — наконец произнес Вершигора, остановившись у карты. — Таким образом, полки будут двигаться компактней, а их фланги будут надежней защищены от ударов. Соединятся обе колонны у моста через реку Вепш, в деревне Боровице.

— Правильно! — согласился Войцехович. — И обозу будет легче двигаться: будем меньше разбивать дорогу. Это тоже немаловажно при такой распутице... Кого мы пустим отдельно, второй колонной?

— Третий полк, — сказал Вершигора. — Они привыкли ходить самостоятельно...

С наступлением темноты обе колонны тронулись в путь. 3-й полк шел правофланговым, отдельно от главных сил. Заслон держал батальон Цимбала.

Достигнув шоссейки, комбат-6 быстро и бесшумно двинулся вправо по асфальту, в сторону деревни Лопенники, до которой было километра полтора. На всякий случай Андрей прихватил с собой 45-миллиметровую пушку.

Вдруг со стороны этой деревни, возле которой должен был стать заслоном 6-й батальон, появилась немецкая пехота, видимо, встревоженная тем шумом, который невольно подняли партизаны на дороге. Цимбал, как всегда шедший впереди, вовремя заметил движение противника, который благодаря темноте приблизился почти вплотную к партизанам. Комбат первый дал длинную очередь по вражеской колонне. В тот же миг открыла огонь целая рота.

Начался встречный для заслона, а для всего полка — как бы фланговый бой. Артиллеристы, уже успевшие занять огневую позицию, ухнули из своей «сорокапятки» по врагу. Не выдержав огня, немцы бежали, бросив на дороге три машины и несколько десятков убитых солдат. А 3-й полк за эти полчаса преспокойно перешел через шоссе...

Утром, когда соединившиеся колонны успешно форсировали железную дорогу и еще одну шоссейку, несколько партизан, оторвавшихся ночью во время боя от своей роты и догнавшие 3-й полк уже на дневке, в деревне Стренчин Новый, рассказали любопытную вещь. Оказывается, еще с вечера в Лопенниках остановилась громадная автоколонна длиной в два километра. Немцы специально ожидали подхода партизан, рассчитывая перехватить их на шоссейке. В тактике карателей это была большая новинка. Но, досидевшись тут до этой наперед рассчитанной встречи, они бежали от одного только партизанского заслона. А в деревнях Суходолы и Воля Идзиковска поджидали ковпаковцев с этой же целью около двух немецких полков, но и их как ветром сдуло, едва они услышали шум боя, доносившийся со стороны деревни Лопенники.

Хотя рейхскомиссар Франк и приказал своим оккупационным войскам уничтожить ковпаковцев на территории Польши, видно, никому из солдат фюрера не хотелось умирать зря. Война приближалась к позорному для Гитлера концу.

— Не тот теперь немец стал, что в начале гитлеров-

ского «блицкрига»,— говорили партизаны.— Совсем не тот!..

— Слыхали, ребята, чего Гитлер своему портрету недавно сказал? — балагурил Виктор Жуков.— Ты, говорит, пока повиси на крюке, а потом поменяемся: тебя снимут — меня повесят!

Товарищи Жукова дружно гагакнули в ответ на шутку. А тот, деловито поправив русые кудри, выбившиеся из-под трофейной с кисточкой пилотки, продолжал с невозмутимым видом «травить», кто знает, каким чудом выведав передаваемые шепотом по оккупированному фашистами пространству анекдоты:

— Говорят, еще одна новость на секретном заседании объявилась. Когда наши с представителями союзников обсуждали, какую придумать Гитлеру казнь, решено было...— Он сделал эффектную паузу, а хлопцы, изрядно уставшие на марше, четче стали держать шаг, чтоб удобней было прислушиваться к необычному рассказчику.— Решено было, значит, гм!.. Раскалить докрасна шомпол и в задницу этому обер-бандиту Гитлеру засобачить, холодным концом шомпола, конечно.

— Чего это?! — не поняв соли анекдота, возмутилась простодушная Лида Бондаренко.— Холодным?!

— А чтоб за раскаленный конец шомпола не схватился мистер Черчиль! И не вытащил обратно,— под общий хохот объяснил Жуков.

После этого напряженного марша дивизия остановилась на дневку восточней Люблина, там, где ее застал рассвет, на стыке двух шоссейных дорог: Люблин — Холм и Люблин — Владава. 1-й полк, артминбатарея, кавдивизион и штабные подразделения расположились в местечке Седлице, 2-й полк — в Майдане Захорсцинском, 3-й — в Стренчине Новом.

До наступления немцев Андрей Цимбал успел облазить всю местность вокруг деревни Стренчин, определить: откуда же, по какой дороге скорее всего появится враг, чтоб огорошить его неожиданной встречей. Андрей был убежден: фашистам уже известно, какие села заняли партизаны. И верные своему шаблону немцы (отклонения от правила у них были редки) начнут наступать прямо на Стренчин. Стало быть, лучше всего принять не-

прошенных гостей не в Стренчине, а на пути к нему.

Как раз в полукилометре от околицы Андрей Цимбал обнаружил очень удобный для обороны естественный рубеж. В оборону он посадил только две роты. Обе они успели надежно заминировать дорогу противотанковыми минами и даже окопаться.

Часов в десять утра по шоссе со стороны города Холма подошло пятьдесят автомашин с пехотой и артиллерией к Седлищам и столько же из Люблина к Стренчину Новому. Выгрузившись, немцы двинулись к селу.

Роты Цимбала встретили противника на подступах к рубежу для атаки, когда каратели следовали в походной колонне. Правда, они шли с разведкой, но Цимбал, по своему обыкновению, пропустил ее, зная, что далеко она не уйдет. А когда основная колонна приблизилась на пятнадцать—двадцать метров, по ней ударило сразу два десятка партизанских пулеметов и полсотни автоматов. Немцы, словно оглушенные, не смогли оказать никакого сопротивления. У них остался один выход — бежать. Но куда убежишь, если с двух сторон в упор хлещут пулеметы и автоматы?.. Даже артиллерию свою немцы не смогли применить в этой схватке.

За каких-нибудь полчаса две маленькие партизанские роты разделались с батальоном отборных головорезов 7-й СС дивизии «Викинг». Успели удрать одни шоферы с пустыми автомашинами. В батальоне Цимбала опять потерь не было. Казалось, Андрей заговорил всех своих бойцов от смерти. А ведь ничего сверхъестественного в этой удачливости Цимбала не было: он умел быстро и точно учитывать все обстоятельства, вплоть до мелочей. А главное, не боялся подпустить наступающего противника поближе — на бросок гранаты, как говорили партизаны.

1-й и 2-й полки, не сумевшие на этот раз сохранить момент внезапности, отражали атаки противника до позднего вечера. Вершигоре пришлось вводить в бой даже кавдивизион и свой «стратегический» резерв — артиллерию дивизии. Только поздно вечером, оторвавшись наконец от противника, дивизия двинулась на северо-восток...

Вершигора стремился как можно быстрее добраться до Владавы, где был мост через Буг. По этому мосту надеялся он вернуться на Волынь, на советскую территорию. Но разведка, посланная Вершигорой во Владаву,

встретив дивизию уже на марше, доложила: во Владаве много фашистских войск. «Неужели эти сволочи разгадали наш маневр? Похоже, что они в самом деле решили не выпускать нас из Польши! — думал Вершигора. — Хочешь не хочешь, придется двигаться дальше на север, искать другую переправу».

И, отчаянно отбиваясь от войск Франка, тащившихся за дивизией хвостом и наскაკивавших на нее спереди и с флангов, Вершигора уходил на север, где, по данным разведки, у Тонкеле был еще один мост через Западный Буг.

В ночь на 17 марта дивизия совершила трудный большой переход по местности с густой сетью железных и шоссейных дорог, усиленно охраняемых противником. Шумная это была ночка!.. При форсировании железной дороги Черемха — Седлец ковпаковцы захватили два вражеских эшелона с военным снаряжением. Потом сожгли гитлеровский концлагерь, освободив военнопленных. На рассвете подошли, наконец, к деревне Тонкеле, что неподалеку от местечка Могильница... Но и здесь мост охранялся очень крепко.

Прямо у моста, на западном берегу стоял огромный дзот, в котором сидели несколько десятков гитлеровцев. Рядом, в каких-нибудь пятнадцати метрах, была большая кирпичная казарма, где размещался гарнизон врага. На восточном берегу был еще один дзот. Таким образом, мост простреливался со всех сторон. Словом, Тонкельский мост висел над Бугом, как гигантский замок на бронированной двери, преграждавшей партизанам путь к спасению. И ключ от этого замка хранился за семью смертями.

Самое трудное поручили кавдивизиону Ленкина. Кавалеристы спешили, разделившись на две группы. Одна внезапно бросилась к дзоту и казарме, другая — на противоположный берег. Второй группе, которую вел Семен Тутученко (теперь — начальник штаба кавдивизиона) больше повезло: незаметно, кустарником вскарабкавшись на насыпь, защищенную колючей проволокой, она успела перескочить по мосту на противоположную сторону и уничтожить охрану. Но первой группе, действовавшей на этой, западной стороне, не удалось захватить дзот и казарму: засевшие там немцы держали под обстрелом весь мост и подступы к нему.

Уже было совсем светло. С минуты на минуту могла появиться вражеская авиация. Из Соколува-Подляски в деревню Скшешев, расположенную всего в каких-нибудь двух-трех километрах от Тонкеле, подошло более двухсот автомашин с гитлеровцами (около пяти тысяч человек), которые уже наседали на хвост дивизии. На восточном берегу Буга, со стороны местечка Дрохичина, тоже появились немцы, спешившие к мосту. А партизанская колонна еще стояла у переправы прямо на дороге.

Нужно было немедленно любой ценой уничтожить проклятый дзот на западном берегу. Хотя мост находился в руках ковпаковцев, переправляться через реку под огнем оставшихся в этом дзоте и в казарме фашистов было невозможно. Каждая минута промедления грозила партизанам гибелью.

Несколько смельчаков во главе с комбатом Сердюком (ветераном Путивльского отряда) и радистом Василием Мошкиным под прикрытием 76-миллиметровой пушки ворвались в казарму врага и гранатами перебили оставшуюся там охрану. Но Иван Сердюк при этом был ранен, радист Мошкин убит... Атака могла захлебнуться. И тогда Вершигора со своим начштаба Войцеховичем, Бакрадзе и Юркиным решились на крайнее средство: сами подняли людей в атаку.

Петр Петрович первый бросился в рукопашную. За ним с криками «ура!» устремились остальные... Исход боя окончательно решила 76-миллиметровая пушка. Партизанские артиллеристы ударили прямой наводкой по дзоту — с дистанции двадцать метров — и, обезвредив его, открыли путь своей дивизии.

Едва партизанская колонна перескочила через мост, минеры капитана Кальницкого подожгли его. Взрывчатки, увы, уже не было.

Но и на восточном берегу Буга ковпаковцы не избавились от преследователей. Расчет Вершигоры на то, что противник останется за рекой, не оправдался. Наоборот, теперь, когда до советской границы оставалось всего каких-нибудь два ночных марша, каратели, словно разъяренный осиный рой, со всех сторон кидались на ковпаковскую дивизию.

— Да, видимо, доктор Франк и в самом деле решил не выпустить нас из Польши,— сказал комиссар Москаленко Вершигоре после напряженного многочасового

боя, который вели все части дивизии 18 марта в селах Грабарка и Толвин.

— Ничего у господина Франка не выйдет,— ответил Петр Петрович, хитро поблескивая глазами.— К утру мы будем уже дома, на своей родной земле, а дома, как говорится, и стены помогают!..

— Да,— согласился начштаба.— Главное, вскочить в Беловежскую пуцу, а там — партизанский край!..

В ночь на 19 марта ковпаковцы покинули польскую землю. Переходя железную дорогу Черемха — Брест, которая пересекала здесь линию границы, 1-й полк, державший заслон, уничтожил воинский состав. Пылали машины, рвались вражеские боеприпасы — это был ковпаковский салют Родине...

Однако едва дивизия, вступившая на родную землю, расквартировалась в селе Омеленец, противник опять полез в наступление. Судя по тому, что немцы атаковали партизанскую дивизию с запада, Вершигора считал, что его все еще преследуют войска рейхскомиссара Польши, от которых, казалось, партизаны вот-вот оторвутся.

Но вернувшаяся из Беловежской Пущи разведка принесла невеселые вести: почти все деревни сожжены фашистами, а жители выселены; тех, кто появляется возле леса, расстреливают каратели... А вечером, когда дивизия выходила из села Омеленец, на 1-й полк, двигавшийся в голове колонны, напали — теперь уже с востока, со стороны Беловежской Пущи, какие-то новые авиационные части.

Потеряв в короткой перестрелке полсотни своих солдат, немцы отошли обратно, оставив партизанам «языка». Роберт Клейн быстро допросил пленного. Оказалось, ковпаковцев атаковали свеженькие подразделения парашютной дивизии немцев.

Спустя полчаса комиссар Москаленко и заместитель Вершигоры по разведке Юркин, находившиеся впереди колонны, прислали с нарочным записку, в которой предупреждали: «Петр Петрович! В Пуще нас ждет парашютная дивизия «Герман Геринг». Считаю, лезть в мешок нет смысла».

— О, проклятье! У нас почти не осталось патронов! А в обозе — до полтысячи человек раненых!.. — пробормотал «Борода». Войцехович выжидающе посмотрел на командира. Успокоившись, Петр Петрович продолжал: —

Двигаемся дальше, как наметили — на Панасюки и Рожковку.

Но в Панасюках, куда партизаны, будто по острию ножа, прошли по высокой дамбе, окруженной со всех сторон разлившимся болотом, выяснилось: буквально час назад здесь были немцы, а все соседние села тоже забиты войсками, они контролировали все дороги и лесные тропинки.

Утром, когда 3-й полк, следовавший в арьергарде, подходил к развилке дорог южнее хуторка Осинники, командир увидел: стоит спешившийся начштаба дивизии с топокартой в руках. Комполка соскочил со своей повозки и быстро подбежал к Войцеховичу:

— Что случилось?

— Ничего особенного, — как всегда улыбаясь, ответил Войцехович. — Первый и второй полки со штабными подразделениями остановятся на дневку в Рожковке. А тебе придется занять вот эту деревню — Януши. — Он показал на сложенной вчетверо карте небольшой населенный пункт, у которого сходились две так называемые улучшенные грунтовые дороги. — Твоя задача — не допустить подхода противника в Рожковку из местечек Высокое и Каменец, где сейчас имеются крупные гарнизоны. В хуторе Осинники тоже оставь, на всякий случай, одну роту.

— Понял, — сказал командир полка.

Войцехович спрятал карту в планшетку, прыгнул в седло и крупной рысью помчался догонять штаб.

Присутствовавший при этом разговоре капитан Абрамов выжидательно поднял глаза на командира, разглаживая свои темные усы.

— Сергей, сообщи комбату-шесть, — сказал командир (Цимбал двигался в арьергарде полка), — пусть сразу оставит одну роту в Осинниках.

Отдав распоряжение, комполка вскочил на гнедую, с красноватым отливом, Ласточку, которую подвел ему тут же Миша Браташ, и поскакал в голову своей колонны сказать командиру разведроты, чтобы тот выслал в Януши разведку.

Когда 3-й полк стал подниматься на высотку, поросшую густым сосновым молодняком, за которым где-то внизу белело село Януши, оттуда вдруг ударили пулеметы. Командир полка сразу же остановил колонну.

Через несколько минут на дорогу из кустарника вскочили три лошади без седоков. «Где же Саша Быков и еще два хлопца? Неужели разведчики погибли?..» — подумал комполка.

Подошли Берсенева и Цимбал со своими комиссарами: русоволосым, по-юношески стройным, всегда спокойным Федором Пшеницыным, старым боевым другом обоих комбатов (ведь Федор был когда-то еще в Путивльском отряде ротным политруком у Андрея) и с теперешним комиссаром Цимбала, смуглым горячим Владимиром Тоняном.

— Что, командир? Выходит, наши квартиры заняты? — спросил Андрей.

— Как видишь, — ответил комполка. — Лошади прискакали, а хлопцев нет!..

И все приумолкли, жалея в душе разведчиков... Но вскоре из соснячка выбежали растрепанный, с оборванным рукавом Саша Быков и еще двое партизан.

— Живы?! — воскликнул лейтенант Осипчик.

— Что там случилось?! — почти одновременно с ним спросил Пшеницын, подскочивший, словно на пружинах.

— В селе — немцы! — отряхивая землю с колен, ответил Саша Быков. — Только мы выехали из сосняка на луговину — по нас шпаранули из трех пулеметов. Мы кубарем свалились с лошадей — и ползком обратно!..

— Придется, значит, брать наши квартиры с боем? — спросил Андрей Цимбал.

— Да, придется.

— Это уж — как пить дать! — тоже с веселым озорством повторил за командиром полка Пшеницын. — Придется!

Быстро оценив обстановку, комполка решил обходным маневром окружить и внезапной атакой уничтожить гитлеровцев. Подступы к селу с запада и востока для охвата противника были удобные: с обеих сторон к Янушам вплотную подступал лес. А с юга, от самого села и на много верст вдаль, простиралось болото, совсем непролазное теперь, когда разлились вешние воды.

— Брать Януши придется тебе с твоим комиссаром, Саша, — обратился комполка к Берсеневу. — Сколько в Янушах немцев, мы не знаем...

Сильная, громадная и ловкая фигура Берсенева выражала готовность к бою. А насмешливое, чуть-чуть тро-

нутое оспинками лицо было по обыкновению спокойно. Только глаз щурился больше обычного — Саша прикидывал в уме каждую мелочь, чтобы ничего не могло помешать делу.

— План у меня такой, — продолжал комполка: — Пока Андрей из этого кустарника будет отвлекать внимание немцев одним пулеметом, ты, Саша, с комиссаром Пшеницыным двумя группами охватите Януши с востока и запада и, прикрывшись небольшими заслонами на дорогах, ведущих в Высокое и Каменец, через час внезапно атакуете противника.

— Вот тогда и посчитаем, сколько фашистов в Янушах! — заметил Федор Пшеницын и первый устремился к своей боевой группе.

Цимбал сразу же выставил пулеметный расчет в кустарник, и партизаны начали стрелять короткими очередями, дразня фашистов. Немцы клюнули на эту удочку: они поверили, что наступление на них ведется с севера, откуда стрелял невидимый пулеметчик Цимбала, и все внимание противника устремлено было туда.

А через час, как по расписанию, автоматчики Берсенева и Пшеницына вошли в село — одновременно с запада и с востока. Враг, застигнутый врасплох, был уничтожен на месте.

Только в одном, захудалом с виду домишке, крытом соломой, засели на чердаке упорные вояки. Они поливали партизан огнем из своих автоматов.

— Вперед! За мной! — задорным молодым голосом крикнул Федор Пшеницын, стремясь поскорей ликвидировать это опасное гнездо.

Выбив дверь сапогом, он первый вскочил в дом, словно не видя, что солома на крыше уже загорелась. Его даже остановить не успели, как крыша рухнула... Но через несколько секунд бойцы увидели своего комиссара по ту сторону обгоревшей хаты: выскочив из окна, он преследовал вражеских офицеров. А когда партизаны поравнялись с Пшеницыным, он вдруг странно запнулся и упал. Фашистская пуля скосила его намертво.

Жуков (он бежал за комиссаром первый) расстрелял весь диск, чтобы не дать беглецам уйти.

За какие-нибудь полчаса все в Янушах стихло, а 3-й полк занял деревню. На улице валялись трупы фашистских офицеров. Солдат не было видно — только одни

офицеры. Оказалось, тут обосновалась полевая жандармерия — то змеиное гнездо, откуда каратели получали очередные инструкции на всяческие зверства: поджоги, облавы, расстрелы мирных жителей.

Тут же, в центре села, стояли кучкой шесть легковых машин — все новенькие, с полными канистрами. Машины, конечно, пришлось сжечь: в лесу они были неприменимы. Правда, кроме этой техники, партизанам досталось еще два миномета, три пулемета и пять автоматов. Оружие отнесли в обоз.

Но успех короткого, молниеносного боя в Янушах был омрачен гибелью Федора Пшеницына — комиссара 7-го батальона. Особенно тяжело переживал эту утрату сам Берсенев, его ближайший друг.

— Если бы я только знал... если бы предчувствовал!.. — сокрушался железный комбат-7. — Я бы ни на шаг не отпустил от себя комиссара!..

Федора Пшеницына похоронили возле самых Янушей, поставив на свежей могиле скромный деревянный обелиск с железной планкой, на которой Берсенев и Жуков, украдкой смахивая слезы, выбили гвоздем имя и фамилию любимого комиссара.

...В тот день, когда Берсенев и Цимбал стремительно накрыли фашистский карательный «центр» в Янушах, остальные ковпаковские полки и кавдивизион вели отчаянный бой с противником до самой ночи.

Утром разведрота Клейна и кавдивизион Ленкина ворвались внезапно в село Рожковку с юго-запада и в коротком ожесточенном бою уничтожили находившихся там гитлеровцев. Это были тоже парашютисты из дивизии «Герман Геринг». Остатки их бежали в соседнюю деревню — Хвояновку. Но вскоре фашисты, получив подкрепление, полезли снова на занятую партизанами Рожковку. Тогда-то Вершигоре пришлось ввести в бой 2-й и 3-й полки. Ковпаковцы отбросили фашистов опять в Хвояновку.

Гул сражения гремел над невидимым — как называют его историки — партизанским фронтом. Из Беловежа и Каменца непрерывно подходили все новые и новые резервы врага — мотопехота и танки, стремясь окружить соединение Вершигоры в Рожковке.

— Вот тебе, Петрович, и «обетованная земля» Беловежа! — сказал Вершигоре комиссар, вслушиваясь во все

нарастающий грохот боя.— Видно, немцы решили любой ценой сквитаться здесь с нами!

Петр Петрович медленно, взад-вперед ходил по горнице, где размещался штаб, что-то обдумывая. Коренастый, плотный, в собачьих унтах, он был похож сейчас на зимовщика-полярника.

— А по-моему, Петр Петрович, бог с ним, с этим лесным краем,— сказал вдруг Войцехович, до сих пор молча колдовавший над картой.— Нам сейчас надо думать не о Пуще, а о том, как вырваться из ловушки!.. Вы посмотрите на карту. Мы уже в кольце. И гитлеровцы продолжают подбрасывать войска... Нам надо срочно решить: что предпринять, чтобы избежать этой западни?

— Верно, Вася! Надо обмануть противника!...

Войцехович поднял на командира вопросительный взгляд.

— Немцы думают, что мы рвемся в Пущу. Значит, нам надо сделать так, чтобы они поверили этому всерьез.— Вершигора достал из кармана хорошо знакомые всем серебряные часы — подарок его любимца Андрея Устенко. Глянув на циферблат, Петр Петрович щелкнул крышкой и положил их обратно в карман.— Надо через час-полтора без всякой маскировки двинуть весь обоз под охраной второго полка. Вот сюда, по дороге на Селище!..

Он взял у Войцеховича цветной карандаш и показал точку на карте.

— Одновременно с этим надо выслать одну роту второго полка в село Белая и имитировать попытку захватить мост через реку Лесная Правая. Пусть фрицы думают, что мы стремимся на север, в Пущу, и концентрируют силы там. А мы вечером незаметно развернемся и совершим бросок на юг. Обойдем эту проклятую Пущу с юга и скроемся в Пинских болотах, у белорусских партизан... Давай, Вася, сразу же команду Саше Ленкину: пусть найдет хорошего проводника!.. А теперь мы слушаем нашего уважаемого Петра Леонтьевича Кульбаку.

Наступила долгая пауза. Вершигора еще раз посмотрел на кряжистого, широкоплечего командира 2-го полка.

Петр Леонтьевич молчал. Он вообще был мало разговорчив и сейчас, поняв, что от него требуется, обмозговывал: каким образом решить поставленную задачу? Он прекрасно знал: ему со своим вконец измотанным пол-

ком предстоит вызвать весь огонь противника на себя. И напряженно думал, как сделать так, чтобы, выполнив это опасное задание, сохранить людей.

«Выйдем из Рожковки в 19.30, как только начнет темнеть,— решил он.— Пусть немцы засекут направление движения моей колонны. Они, конечно, тут же перегруппируются и сосредоточат свои войска для удара по нашему полку. А как только наступит ночь, я осторожно разверну свою колонну и круто рвану обратно. Только для демонстрации присутствия оставлю на дороге и в Селище десятка два конных автоматчиков, пусть пошумят. Потом эти хлопцы на конях догонят полк. Если, конечно, нам удастся оторваться незаметно!»

Так размышлял Кульбака. А Вершигоре он ответил, вместо «есть», свое любимое:

— Пожалуйста!

В этом простом, спокойном слове, напоминающем мирную жизнь, было все: и готовность выручить своих боевых друзей, не щадя даже собственной жизни, и желание успокоить тех, кто, стиснув зубы от нечеловеческого напряжения, посылал его сейчас туда, на смертельный риск. «Ничего, мол, братцы! Главное — достичь цели, нашей общей цели. И не переживайте за меня и за моих хлопцев. Вы ведь сами частенько так рискуете... А мы уж постараемся не подвести свою дивизию и на этот раз. Не беспокойтесь, пожалуйста!» — говорил его взгляд.

И все было сделано так, как задумал Вершигора. Ловко обманув противника, дивизия с наступлением темноты повернула на сто восемьдесят градусов обратно — на юг. Полк Кульбаки, догнав своих на рассвете, пристроился в хвост колонны.

Погода благоприятствовала ковпаковцам. Прямо с вечера повалил густой снег, поднялась настоящая метель, необычная для этого времени года: ведь был уже март на исходе. Следы колонны заметало тотчас. В десяти метрах ничего не было видно.

Реку Лесную, разлившуюся почти вровень с мостом, удачно форсировали в деревне Млыны. Отсюда дивизия сразу повернула на восток.

Но у шоссейки Высокое — Пружаны ковпаковцы неожиданно натолкнулись на пограничную заставу немцев. Оказывается, и здесь проходила какая-то новая, искусственно созданная оккупантами граница, согласно которой

изрядная часть Белоруссии оказалась вдруг в составе Восточной Пруссии.

Бой произошел уже под утро. Кавалеристы «Усача» Ленкина при поддержке артбатарей начисто ликвидировали гитлеровцев, охранявших призрачную «границу».

В это время подразделения 1-го полка уничтожили охрану моста, а затем и мост на шоссе Высокое — Пружаны, находившийся у деревни Демьянчицы. Но только партизанская колонна перескочила через шоссе и втянулась в деревню Лешна, как в воздухе появилось звено бомбардировщиков. Первые бомбы, сброшенные «юнкерсами», попали на огороды. Второй налет грозил жертвами: в селе скопилось более двухсот подвод с ранеными.

И тут на помощь ковпаковцам пришел неожиданный случай: внезапно напозли низкие тучи и повалил густой снег. Воспользовавшись этой завесой, колонна рассредоточилась.

— Мабуть, и справди есть бог на свете, колы послав на фрицев таку хурдэлыцю! — посмеивалась молоденькая чернявая разведчица Оля Могила, сидя на повозке, в которой ехали двое раненых (Оля по старой памяти помогала медсестрам). — Теперь лежите, хлопцы, спокойно: бомбить не будут!..

Впереди, на пути дивизии, была еще одна, пожалуй, наиболее опасная для партизан шоссейка Беловеж — Брест, которую надо было во что бы то ни стало преодолеть с ходу. К этой шоссейке уже послали кавдивизион, чтобы захватить переезд, то есть выставить надежные заслоны. Однако самолеты противника, обнаружив партизанскую колонну, успели известить об этом свое командование.

Едва дивизия втянулась в соседнюю деревню Лешанка, как из села Турно и Видомля гитлеровцы опять начали наступление.

Как назло, перестал падать снег и очистилось от туч небо. Появились «юнкерсы». Фашистские летчики сбрасывали какие-то чемоданы, ящики, даже корыта, словом, всевозможную тару, наполненную мелкими противопехотными бомбами.

Бой на земле не прекращался. Противник, используя свое превосходство в численности и вооружении, пытался прижать дивизию Вершигоры к болоту. Со всех сторон

шла стрельба. С воздуха сыпались и сыпались адские ящики с противопехотными бомбами...

В минуту случайного затишья командир разведвзвода Виктор Жуков, подняв с земли такой изувеченный при падении пустой чемодан, многозначительно хмыкнул:

— Гм!.. Видно, фюрер дошел уже до ручки, если начал бомбить нас чемоданами и корытами!

— Скоро он сам останется у разбитого корыта! — подмигнул Виктору комбат-7 Берсенев.

Кролевчане, перезаряжавшие рядом свое оружие, засмеялись.

Однако противник продолжал атаковать партизанскую дивизию с земли и воздуха.

...3-й полк оборонялся теперь в Задворье. Весь день люди не ели, не могли даже покормить своих раненых (санитарные повозки были спрятаны здесь же, неподалеку, в болотистой рощице, подводы буквально плавали в воде). Партизаны дрались весь этот день без передышки.

Вечером в Задворье приехал штаб Вершигоры. «Борода» разыскал комполка-3, который стоял за углом крайней хаты села, наблюдая за шоссейкой, откуда доносился гул моторов. Быстро подошел к нему своей легкой, чуть вперевалку походкой. Собранный, плотный, туго подпоясанный командирским ремнем поверх новой, похрустывающей кожанки, Петр Петрович казался бодрым и уверенным в себе даже сейчас.

— Ну, как дела, Петя? В порядке?

— Как будто да, — ответил командир полка спокойно, что было принято у ковпаковцев при любых обстоятельствах.

Гул моторов, лязг гусениц все нарастал.

— Что ты там изучаешь? — спросил Вершигора, положив руку на плечо комполка.

— Считаю танки. Уже прошло больше тридцати.

— Похоже, Петя, немцы боятся, что мы рванем отсюда на Брест! — все тем же бодрым невозмутимым голосом сказал Петр Петрович. — Видишь, спешно гонят туда свои танки!

Это была как раз дорога из Беловежа: гитлеровские войска двигались сейчас оттуда в сторону Бреста. Вершигора и комполка вышли из-за угла хаты, продолжая наблюдать за движением вражеских танков. Шоссе было метрах в трехстах, даже ближе.

Долго молча стояли они так, вдвоем, и каждый про себя считал идущие по шоссе вражеские танки.

— Да, танков прет до черта! Аж земля под ногами гудит!..— произнес наконец Вершигора.

— Я насчитал уже сотню,— сказал комполка.

— У меня к тебе просьба, Пэтро,— понизив голос, продолжал Вершигора.— Чтобы спасти дивизию, нужен отвлекающий удар. Реальной силы для этого, кроме третьего полка, я сейчас не вижу.

— Что надо сделать, Петр Петрович?

«Борода» помолчал, как бы взвешивая слова.

— А вот что. Тебе надо немедленно рвануть со своим полком под Брест и имитировать удар по городу. Тогда и немцы бросятся туда же!..— Голос Петра Петровича сейчас как-то странно заглох...— Не случайно эти танки идут на Брест. Есть данные, что в Бресте паника: немцы ожидают там нашего нападения. А пока ты будешь эту панику раздувать, мы тут выскочим из ловушки.

Комполка стоял молча и думал: «Ничего это не даст, кроме гибели пяти-шести сотен людей,— сказал он сам себе.— Да каких людей!..» И, теребя рукав своей коричневой щегольской кожанки, такой же точно, как у Вершигоры (подарок самого «Бороды», привезенный с Большой земли), наконец ответил:

— Мы с вами насчитали сейчас более ста пятидесяти танков. Это дивизия, по меньшей мере. И если эта сила уже устремилась туда, значит, наша цель достигнута: немцы нас ждут в Бресте! Танки там будут через час. Я же буду там со своими конниками только к рассвету. Утро захватит нас на открытой местности, и танки передавят хлопцев. А вас в это время уничтожат здесь. Что вы выиграете? Нам нужно, мне кажется, подождать, пока пройдут танки, и вырваться отсюда всем вместе! Ночь поможет нам.

— Это самый трагический момент в жизни дивизии за все время Польского рейда,— проговорил Вершигора после паузы. Луна спряталась, стало совсем темно, и лица его сейчас не было видно. А танки с грохотом двигались по дороге.— Будь по-твоему,— махнул он рукой.— Попробуем прорваться!..

Люди, не выходившие шесть суток из боев, едва держались на ногах. Шоссейку, которую предстояло пересечь дивизии ночью, тщательно охраняли немцы. Всю

ночь дорога патрулировалась танками и машинами, в кюветах сидела пехота. Прорвать такую бронированную коммуникацию было непросто. А тут еще движение партизанской колонны задержал обоз: долго выбирались из болота. К шоссе подошли лишь перед рассветом.

Вершигора остановил людей, уточняя обстановку. Совсем рядом слышен был гул моторов: гитлеровские бронемашины и танкетки курсировали вдоль шоссе. Некоторые из них стояли прямо на дороге — повернутые к невидимым еще партизанам. Но шоссе надо было пересечь любой ценой, немедленно!.. Все понимали: через час взойдет солнце — и тогда ее уже не перескочить.

И тут (как об этом вспоминал разведчик Виктор Жуков, рассуждая о командирской смелости) Петр Петрович Вершигора сказал обычным своим спокойным голосом:

— Ну что, хлопцы?.. Рванем! За мной!..

Неожиданный удар ошеломил немцев. Они побежали...

Несколько лет спустя после войны Ковпак, беседуя со своими ветеранами об этом окружении под Брестом, признался:

— Тоди я хотив вылитать до вас!.. Колы сказали мэни в ЦК, шо дивизия в окружении и положение безвыходное, я хотив вылитать!..— Ковпак усмехнулся, теребя свою острую бородку.— Шоб я вмэр, хотив вылитать! Я боявся, шо вам жаба цицьки даст!.. Но хлопцы нэ пидвэлы и на этот раз.

Форсировав шоссе, части дивизии заняли оборону в селах Деменичи и Хмелево. Немцы весь день яростно атаковали партизан пехотой и танками, бомбили с воздуха. Но эти наскоки врага были уже, как собачий лай вслед уходящей колонне — и видит око, да зуб неймет!

Вечером, оставив эскадрон в деревни Хмелево для прикрытия, дивизия двинулась в Полесский партизанский край.

На дневку остановились вблизи железной дороги Барановичи — Брест, одной из главных артерий, питавших фронт. Испытав не раз удары местных белорусских партизан, оккупанты охраняли ее очень крепко. Опять, буд-

то по заказу, шел сильный снег; он помог партизанам замаскироваться. Весь день 24 марта ковпаковцы наблюдали за движением поездов. Прятаться было даже и в снегопад нелегко: между мелких, разбросанных по степи хуторков, казалось, пень и тот заметен. Через триста—четыреста метров один от другого, а то и ближе виднелись дзоты противника, бетонные бункера, по тридцать — сорок солдат в каждом.

Как только стемнело, дивизия двинулась к железной дороге. Заслон держал 3-й полк. Разведчики Цимбала захватили два бункера, мгновенно уничтожив охрану, и ковпаковцы двинулись через дорогу южнее Тевли. Только тронулась с места колонна, подошел состав. Он приблизился буквально вплотную к заслону (ведь Цимбал любил закладывать мины поближе к своей засаде). Эшелон оказался с танками — новенькими, уже заправленными горючим. А танкисты ехали отдельно, в классных вагонах и, разумеется, не могли вести огонь из своих машин.

Огнем партизанской артиллерии было сожжено четырнадцать танков, восемь бронемашин, пять грузовых автомобилей и уничтожено семь железнодорожных платформ, а также три паровоза и три классных вагона с танкистами.

После этого шумного побоища на дневку остановились неподалеку от шоссе Барановичи — Брест, в селах Стрый, Евсимовичи, Еремичи. 3-й полк прихватил еще и Подлесье — там должен был расквартироваться батальон Цимбала.

Но как и в Янушах, «квартиры», отведенные 6-му батальону, оказались заняты противником. Незадолго до этого оккупанты согнали в Подлесье около десяти тысяч подростков для отправки в Германию на тяжелые работы. Фашисты держали эту молодежь взаперти, в колхозных сараях для скота, ожидая, пока на ближайшую станцию Кобрин подадут эшелон.

Цимбал со своими партизанами вскочил на рысях в Подлесье. Навстречу им появился батальон гитлеровцев. Андрей Калинович расчехостил его в пух и прах за несколько минут.

Но в этом бою погиб замечательный мастер партизанских засад Андрей Устенко. Тело его было буквально изрешечено пулями, и никто из друзей не мог объяснить

толком, когда и как все произошло. Видно, вспомнилась парню в ту минуту еще острее, еще больней обычного Большая Березка, сожженная фашистами вместе с живыми людьми, и, не думая о собственной жизни, он мстил врагу за свою семью, за родную деревню, за весь советский народ.

Десять тысяч узников были теперь спасены. Они, казалось, сами еще не верили в это чудо: плакали, обнимали партизан... И вот тут-то Андрей Калинович устроил митинг (вспомнил свое недавнее комиссарское прошлое!). Этот митинг, вылившийся в настоящий народный праздник, надолго запомнился всем.

Последнюю преграду на пути в Белорусский партизанский край — шоссе Брест — Москва — дивизия преодолела в ночь на 28 марта. Теперь ковпаковцы могли считать себя в безопасности — насколько это возможно во вражеском тылу.

С легкой душой вступили они в зону действия партизан Белоруссии. Начались дружеские встречи с партизанами соединения «Бати» — полковника Линькова, которое почти всю войну базировалось в непроходимой, лесной части Пинской области. Изобретательный человек, инженер по профессии, Линьков окружил свою базу таким количеством препятствий, что она превратилась в своеобразную невидимую крепость.

Партизаны «Бати» вели разведку и совершали диверсии во многих, самых неожиданных для оккупантов местах. В одном из таких разведывательных отрядов, который возглавлял кадровый советский офицер Василий Цветков, было много поляков, героически воевавших за освобождение советской Белоруссии.

Отчаянный разведчик Леон Онихимовски (ныне известный польский журналист), остроумнейший конспиратор Мечислав Юхневич (ставший впоследствии доктором военно-исторических наук), юная жена Мечислава — партизанская связная Ванда Лах-Ширма, рисковавшая ради общей победы не только своей жизнью, но и новорожденной дочкой, которая служила надежным «пропуском» там, где не мог пройти сквозь рогатки вражеских патрулей ни один мужчина, — все эти и другие, подобные им польские патриоты-антифашисты боролись за честь и сво-

боду нашей социалистической Родины с такой же самоотверженностью, с какой сами ковпаковцы сражались за народную, независимую Польшу.

Отряд Цветкова, кстати, собирался сейчас в рейд туда, откуда только что вернулись ковпаковцы и где по их свежему следу орудовало еще соединение имени Александра Невского под командой Виктора Карасева и его неуловимого помощника по разведке — храбрейшего польского патриота Станислава Вронского... А где-то рядом с ними — тоже оставшийся страшной загадкой для врага — действовал отряд кадрового чекиста Героя Советского Союза Николая Прокопюка — участника сражений за республиканскую Испанию. Костры белорусских и украинских, польских и русских, словацких партизан сливались в великое зарево интернациональной борьбы...

Как самых дорогих гостей встречали ковпаковцев в этом партизанском крае — непроходимом для врага Полесье. Братание, взаимные расспросы, обмен новостями!.. Совершали по мере необходимости и «товарообмен». Трофейные пулеметы и винтовки, которых притащили ковпаковцы в своем обозе видимо-невидимо, меняли, посмеиваясь, на коров и на продукты для раненых. Кто чем богат, делились с соседями. А главное, здесь можно было наконец подумать об отправке раненых на Большую землю.

Из Детковичей ковпаковцы перебазировались в местечко Мотоль. Тут уж начался, можно сказать, настоящий партизанский «курорт», до того хорошо было это местечко! Огромный-преогромный пруд; его серебряное зеркало простиралось от самого центра Мотоля куда-то вдаль, за горизонт. За прудом тянулось на десятки километров непроходимое болото — гибельное для врага.

Но восхищались ковпаковцы этим щедрым и сравнительно спокойным краем недолго: по северному берегу Днепро-Бугского канала заняла оборону 2-я немецкая полевая армия, откатившаяся сюда под ударами советских войск.

Впервые за рейд Вершигора собрал всех командиров в штабе.

— Не везет нам, братцы,— начал, покусывая губу, «Борода». — Не удастся нам как следует отдохнуть и попариться в мотольской бане. Мы попали в тактическую зону обороны второй полевой армии Гитлера. Конечно,

противник, узнав о нашем появлении, захочет прежде всего очистить свои тылы. Шалыгинцам такая ситуация уже не впервой, они это дело испытали под Бродами. Но их там было меньше. А нас, дивизию, не заметить нельзя. Надо держать ухо востро!..

— Востро-то, востро, да патронов нет, все кончились! — бросил с места Кульбака.

Боеприпасы кончились и у других полков. Это было самое страшное.

А гитлеровское командование, спасая тылы 2-й полевой армии, спешно обрушило на партизанскую дивизию весь свой резерв. Пришлось ковпаковцам пробираться на север, в непролазные Пинские болота.

Отход дивизии обеспечивал 3-й полк. А отход полка, в свою очередь, прикрывало одно отделение берсенеvского батальона.

Это отделение, которым командовал белорусский парень Адам Акулич, сражалось с вражескими танками до последнего патрона, до последней капли крови. Шестеро героев погибли, как легендарные панфиловцы, спасая свою дивизию. Но рассказать об этом подробно не сможет уже никто. Никто из отделения Акулича не остался в живых... Сохранились лишь скупые строки приказа:

«6.4.44 г. 800 человек противника идет на 4-ю роту 7-го стрелкового батальона. За два часа 110 немцев было убито. Партизанская рота отошла. Потери партизан:

Акулич А. Ф.

Пацукевич Д. Е.

Кашицкий А. Я.

Андриковец Н. Р.

Акулич Л. О.

Мурзамеков Абдулла».

...Последний бой Польского рейда произошел в деревне Вульке, неподалеку от местечка Телеханы, 11 апреля. Около полка пехоты с танками и самоходками атаковали батальон Цимбала. Расходуя свой последний боезапас, Андрей дал «прощальный салют» по противнику. Фашисты, потеряв шестьдесят человек убитыми, бежали.

Ковпаковцы расположились южнее автострады Слуцк — Барановичи, возле местечка Красная Слобода, в деревнях Большое и Новое Рожино.

Польский рейд кончился. Теперь можно было и отдохнуть. Но тут, на отдыхе, партизан поджидала новая беда — тиф. Ковпаковцы подхватили его еще в селах возле Телехан.

Деревни в Белоруссии, особенно после Мотоля, куда ни глянь, все были сожжены карателями. Женщины и дети жили в землянках. Теснота и грязь, холод и голод... Начался тиф. О том, чтобы лечить местных жителей, оккупационное командование и не думало. Тиф шел, как смерч. Ковпаковцы, помогавшие больным людям, заражались сами.

В бой с новым врагом вступила партизанская медицина — врачи и сестры. Они самоотверженно ухаживали за больными — за своими и за местными, но не хватало рук.

Тогда-то в 3-м полку и появилась новая медсестра — Ядя, которая поспевала всюду, где нужна была помощь: поила с ложечки тех, кто метался в бреду; стирала и кипятила белье больных, мыла полы в лазарете...

Маленькая и изящная, словно кукла, семнадцатилетняя Ядвига — Ядя попала к ковпаковцам необычно: разведчики под командой бравого черноглазого Петра Чертка «украли» ее в одном из местных отрядов. Украли, как шутя объяснили хлопцы, за красоту. Теперь ковпаковцы говорят об этом с улыбкой. Любят эти люди вспоминать о веселых, смешных случаях. Наверное, потому что война — как ни была она тяжка и жестока — это все-таки их молодость, опаленная огнем, не унывающая, полная опасностей и надежд.

В действительности Ядвига сама захотела уйти к ковпаковцам, наслышавшись об их Польском рейде (она была полька). А партизанить Ядвига начала еще с сорок второго года, с тех пор, как в ее родном селе Большие Гусаки появился балтийский моряк Александр Плюснин, диверсант-доброволец, попавший во вражеское окружение.

Сначала она была связной. Доставала у немцев всякими хитростями медикаменты для партизан... А когда на близлежащие хутора нагрянули каратели и стали жечь все вокруг, Плюснин примчался на своем бешеном скакуне и забрал Ядвигу в отряд.

В мае 1943 года лейтенант Плюснин погиб при взрыве фашистского эшелона — десятого на его боевом счету.

Ядвига узнала об этом месяц спустя: она сама была на задании.

В память о смелом и добром русском человеке юная полька взяла себе фамилию Плюснина.

Маленькая Ядя добровольно пошла за своей старшей подружкой Лидой Бондаренко в тифозный барак ухаживать за больными. А тиф тогда будто косою косил людей. Больных было сотни. Не пощадил тиф и раненых — это было самое страшное.

Поля Белоус, заводная, веселая, подбадривала больных побасенками. Слушали медсестру с удовольствием.

— Кто помнит, хлопцы, когда унес меня серый конь? — Глаза Поли — как две стеклянные черные пуговицы. Короткий мальчишечий чубчик задорно вздыблен. А в чуть приглушенном голосе звучит многообещающая таинственность. — Это ж было уже здесь, в Белоруссии. Того красивого коня мой Николай (все понимали: речь идет о разведчике Иванове) увел из-под носа у какого-то важного немца. А конь оказался непростой — дрессированный, только знаки своего хозяина признавал. Секрет коня раскрылся случайно. Попал мой Николай как-то под обстрел. Конь испугался, поскакал шибче. Николай, чтобы успокоить его, провел легонько рукой по лошадиной шее, и Серый сразу камнем рухнул на землю, да еще загородил Николая своим телом от выстрелов. Чудо-конь! Раз как-то, уже тут — на отдыхе я и попроси Николая: «Дай коня покататься». Он протянул повод. Села я, проехала немножко. Конь такой спокойный, я хотела приласкать его, да, видно, невзначай подала какой-то условный знак. Серый вдруг рванул и понес!.. В это время, будто нарочно, проходил мимо Петр Петрович Вершигора, я его чуть не сбила. Он, хоть и добрый, но рассердился, кричит: «Это что еще тут за джигит завелся?! Своих сбивает!.. Догнать немедленно!..» И послал за мной двух ординарцев. Со страху я влетела в расположение соседнего белорусского отряда. Там бойцы меня окружили — белорусские партизаны. Поняли, что я ковпаковская, чай пить зовут. Я и решила: пересажу «грозу» здесь, чтоб не попасть на глаза Вершигоре, пока он сердитый. Но вскоре Иванов прислал мне записку: «Возвращайся скорее, коня требует Петр Петрович». Вернулась я, а суженый мой чернее тучи: «Из-за тебя, говорит, я такого скакуна потерял!»

— Да знаю я этого коня! — перебивая Полин рассказ, вспомнил один из выздоравливающих. — Серко ваш совсем хворый был, спотыкался через два шага. Только одним и хорош: стáтью! Петр Петрович помучился с этим хромым жеребцом ради своей причуды — масть серая ему очень нравилась, — и сам же отказался от вашего Серка.

— «Хромой», говоришь?.. Как бы не так!.. Знаете, что наши хлопцы подстроили?! — спросила торжественно Поля и замигала, будто от испуга, своими прямыми стрельчатыми ресницами. — В шутку посоветовали Николаю: «Ты этому коню бабки перевяжи. Так цыгане делают, когда надо дорогого коня на время обесценить». Ну, Николай сгоряча и принял эти слова всерьез. Достал парашютных ниток — они были сероватые, точь-в-точь под масть коня. Туго перевязал ему ноги в бабках. И в таком виде повел скакуна к Вершигоре. От застоя крови у скакуна стали пухнуть ноги, он спотыкался. За одну ночь Петр Петрович трижды чуть не упал с этого коня, а ведь конь был не из маленьких!

Все рассмеялись, будто разговор этот происходил не в самодельном лазарете для тифозных, в наспех переоборудованной, полуобгоревшей хате, где больные лежали вповалку на соломе.

— Да ну, что вы ржете?! Ведь Петр Петрович расшибиться мог! — даже возмутилась Поля. — Хорошо, что он ловкий, усидел в седле. А мне как было на все это смотреть и переживать за вину Николая? Я чуть не плакала тогда, хотела сама сказать Петру Петровичу про эту историю. Но не могу: за Николая боюсь!.. В общем, уже утром привел мой Иванов того коня к себе обратно от Петра Петровича. Снял парашютные нитки. Конь еще два дня ходил неуверенно, а потом опять скакал по-прежнему, — кончила под общий хохот слушателей Поля. — Мы этого коня, умницу такого, решили с Николаем после войны в родной Камень отвести — на хозяйство, когда поженимся. Только перед Петром Петровичем совесть мучает.

Больные заспорили, насколько виноват Николай:

— Конь-то его, трофейный!

— Так почему же было прямо не сказать об этом Петру Петровичу? На коне ж не написано!

— Тем более, не Иванов тогда на коне ехал, а Поля.

Да еще чуть не сбила Петра Петровича. Он видит, девчонке с таким скакуном не справиться.

В конце концов, все пришли к единому выводу: лучше было сразу сказать правду Вершигоре — что конь принадлежит Иванову как трофеей.

— Никогда бы, в таком разе, Борода коня не взял!.. А вот теперь, если он узнает про их проделку с перевязанными бабками, может рассердиться за обман! — воскликнул командир разведотделения Григорий Савченко, прошитый пулеметной очередью в неравном бою еще на польской земле.

— Он про коня давно знает! — уверенно заявила Лида Бондаренко, туже повязывая белую косынку, наглухо спрятавшую ее льняные волосы. — Я краем уха слыхала, как Петр Петрович рассказывал Дубиллеру про перевязанные бабки, и оба смеялись.

— Да, Петр Петрович шутку любит, — согласились партизаны.

А через несколько дней Поля Белоус, которая так хорошо умела развлекать раненых и больных бойцов своими замысловатыми, но неизменно правдивыми историями, свалилась сама в тифу. Кричала, бредила, звала кого-то на помощь. И все ей мерещилось тогда, будто тонет она со своим серым конем в страшной трясине, и товарищи не слышат ее, а серо-зеленые шинели фашистских солдат все ближе и ближе...

Болели и другие медицинские сестры. Тиф неистовствовал по-прежнему.

Но все-таки уходить из расположения партизанской бригады «Коржа» (генерала Комарова) ковпаковцы не могли: у него был аэродром! И чтобы не строить свой, ибо это требовало много сил и времени, решили отправлять раненых с комаровского аэродрома. Теми же самолетами, которые прибывали за ранеными, Вершигора получал боеприпасы для нового рейда. Какого?.. Никто не знал.

Между тем в дивизии уже начались служебные перемещения, неизбежные перед предстоящими походами и боями.

Однажды в штаб 3-го полка прискакала верхом на взмыленной лошади Надя Цыганенко, комсорг. Быстрая, стремительная, одетая, как парень (галифе с сапожками, ватник нараспашку, черная кубаночка на голове), она не-

ведомо для себя сохраняла обаятельность и женственность, поражавшие многих парней сразу. Лицо у Нади было белое как мрамор, коса — пушистая, золотисторусая... и детски-чистые серые глаза в густой опушке ресниц.

— Товарищ комполка! Я требую, чтобы меня перевели в разведку! — с вызовом сказала Надя. — Я воевать сюда приехала, а не собрания проводить!..

— Постой, постой, Надя!.. Собрания партийные и комсомольские у нас здесь, в тылу врага — дело особо важное, — ответил ей комполка.

Он вспомнил невольно, как еще в сорок втором году летом, в промежутке между боями, когда решалась судьба всего соединения, окруженного в Новослободском лесу, его, молодого помначштаба, принимали в партию; как важны были для него те минуты, когда рекомендацию для вступления в партию давали ему люди, служившие высочайшим примером для всего соединения — Ковпак и Руднев. Протокол оформляли потом, когда уже вырвались из вражеского кольца... Но рассказывать Наде Цыганенко этот незабываемый для него момент комполка не стал. А напомним ей совсем другое, недавнее, связанное с ее собственной жизнью здесь, в тылу врага:

— Разве ты, Надя, не принимаешь участия в боях? Кто ж тогда спас пятьдесят раненых при отходе из Мотоя, когда санитарный обоз второго полка атаковали выскочившие из чащи предатели-власовцы? Кто, как не ты, первым схватился за автомат?..

Но Надя сейчас не поддавалась увещеваниям.

— Вопрос со мной уже решен на комсомольском собрании, товарищ комполка! Мою личную просьбу учли. Все дела я передам, по решению бюро, товарищу Юрку! Он уже не первый год партизанит, а я только на других смотрю! — опять закусила удила Надя.

Приказ о переводе ее в разведроту был подписан командиром полка в тот же день.

А пока что в штабе подводились итоги последних боев и походов. Пишущая машинка Войцеховича стрекотала с утра до ночи, обобщая данные командиров полков. Войцехович писал:

«За время Польского рейда, продолжавшегося с 5 января по 17 апреля 1944 года, ковпаковцы прошли с боями 2100 километров. Кроме того, пройдено в сторону отдельными частями дивизии еще

около 1500 километров. Таким образом, в общей сложности ковпаковцы прошли за время Польского рейда 3600 километров...»

Вершигора, держа свои заметки в руках, взгляделся в текст, в уже отпечатанные строчки.

— Гляжу на карту — и сам не верю! А ведь действительно прошли все это! — воскликнул Вершигора, благодушно поглаживая грудь под расстегнутым кителем. — Сотни деревень, десятки городов, польские вески, украинские села в лесостепи, белорусские хутора!.. Форсировано с доброй десяток рек!.. Нарушены важнейшие вражеские коммуникации — и притом неоднократно!..

Войцехович между тем продолжал выстукивать на своей машинке:

«В общей сложности дивизия имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака провела 139 боев за время Польского рейда. Из них — упорных боев, продолжительностью более шести часов каждый, при участии немецких танков и авиации — 24.

Уничтожено 5160 человек противника, взято в плен около 600 человек».

— Мало убитых записал! Хлопцы наши убили больше, — заметил Вершигора.

— Знаю. Но мы, Петр Петрович, официально учитываем убитых по количеству трофеев. А те, кто распозлились по лесу или были вытащены с поля боя немцами, — не в счет! — объяснил Войцехович, любящий во всем точность.

— Давай я буду тебе диктовать, чтоб поскорее! — предложил Вершигора. И заглядывая поочередно то в заметки начштаба, то в свои, продолжал: — Пущено под откос двадцать четыре эшелона, одиннадцать из них уничтожено полностью. Уничтожено танков и бронемашин семьдесят пять, из них двадцать восемь — в боях, сорок семь — на платформах.

«Борода» помолчал. Потом произнес со вздохом:

— Потери ковпаковцев — сто шестьдесят четыре человека убитых и триста восемнадцать раненых. Не дожили до победы эти хлопцы. Сколько горя и слез! Сколько мужества и страданий... Слава вам, мои родные солдаты, партизаны! Будут ли помнить вас те, кому вы приносили надежду на освобождение? Положат ли девушки цветы на ваши скромные могилы? Верю, ничто благородное, содеянное на свете, не пропадет попусту. Не пропадет и

боевая слава первой УПД. Но это все ты, конечно, опусти, Вася: это лирика,— несколько смущенный своим вдруг прорвавшимся волнением, объяснил он.— Давай работать дальше!

Коротко упоминались бои. Торопливым петитом портативки перечислялись трофеи, мимоходом назывались занятые партизанами города. И Вершигора, видевший за этими событиями людей, которые совершили подвиг, опять воскликнул:

— Будут ли стоять в этих городах памятники нашим славным товарищам? А если нет, может, простое душевное слово, сказанное стариком на вечерке, послужит памятью боевому прошлому. Или, может случиться, статья заезжего корреспондента промелькнет где-нибудь как историческое свидетельство былого.

Потом командир дивизии опять решительным взмахом руки вычеркнул слова, принадлежащие ему же, художнику, который в то время еще сам, быть может, не знал, какой талант таится в нем.

— Дальше, Вася, дальше!

И они продолжали вдвоем составлять отчет Штабу партизанского движения Украины. Работали долго — до темна. Читали, опять перечитывали, спорили иной раз. И снова работали.

— Хорошие итоги, Вася! — сказал наконец, щуря уставшие глаза, «Борода». — А могли быть и лучше, конечно, если бы все знать наперед.

А в лесу с наступлением первых теплых дней началась боевая учеба. В ожидании нового рейда готовили минеров, минометчиков и пулеметчиков, повышали квалификацию младших командиров. «Государственный экзамен» новые минеры сдавали на железной дороге Барановичи — Лунинец, где подорвали два вражеских эшелона с автомашинами и военным имуществом.

Кроме того, чтобы не скучать в ожидании боевых действий, ковпаковцы оказывали помощь красноармейским семьям. И с каким же наслаждением коренные хлеборобы, вроде Цимбала, влюбленные в извечный крестьянский труд, брались тогда за рукоятки плуга! В эти минуты люди, казалось, предвкушали близкий уже мир.

Но враг еще не был разбит. И Вершигору не случайно вызвали в Киев, в штаб партизанского движения, — дивизии предстояло еще выполнить новую, очень важную

задачу. 11 июня вместе с Петром Петровичем уехал и Михаил Андросов, его помощник по комсомолу.

Вершигора докладывал о Польском рейде лично Строчаку и Коротченко, а затем и приехавшему из Ставки Хрущеву.

«Борода» получил новую, очень важную задачу — на рейд по тылам группы армий «Центр». Задачу эту ставил перед ковпаковцами лично председатель Государственного Комитета Оборона Сталин перед началом освобождения Белоруссии.

14 июня в Киеве было вручено командованию ковпаковской дивизии в присутствии самого деда Ковпака знамя Верховного Совета и Совета Министров УССР. Этим знаменем ковпаковцы награждались за выдающиеся успехи в тылу врага. Тогда же помощник командира дивизии по комсомолу Михаил Андросов сделал отчет на бюро ЦК ЛКСМУ, посвященный роли комсомольцев в партизанской борьбе.

Возвратились Вершигора с Андросовым в свою родную дивизию 18 июня. Привезли в фашистский тыл это славное боевое знамя и очередные награды — триста пятьдесят орденов за Польский рейд.

ПО ТЫЛАМ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР»

Известие о новом рейде было воспринято ковпаковцами с радостью: отдохнувшие за два месяца люди рвались в бой. Это настроение партизан в значительной мере подкреплялось успехами Советской Армии на фронтах. И новый, седьмой по счету Неманский рейд, ковпаковцам предстояло совершить по указанию Ставки Верховного Главнокомандующего, в непосредственном оперативном взаимодействии с нашими регулярными войсками.

Смело заглядывая в будущее, Вершигора мечтал о партизанских операциях такого размаха еще тогда, когда посылал один батальон в самостоятельный рейд под Броды, закончившийся паническим бегством штаба 4-й танковой армии Гитлера. Не зря «Борода» с таким живым интересом расспрашивал тогда комбата и комиссара о подробностях действий в тактической зоне обороны противника. Тогда на примере одного 3-го батальона

Вершигора поставил смелый эксперимент. И такой опыт не мог, не должен был пропасть зря.

Уже не однажды Вершигора, по самым разным поводам, высказывал мнение, что партизаны — это экспериментальная база войсковой разведки, а также — тактики десантируемых с воздуха или пропускаемых через фронтовые прорывы подвижных армейских групп. И многие крупные военные специалисты (особенно маршал Рокоссовский, для которого Вершигора, прежде всего, оставался агентом по кличке «Лезвие») поддерживали такую точку зрения.

И вот 22 июня, когда минуло ровно три года со дня вероломного нападения гитлеровских орд на Советский Союз, дивизия имени Ковпака, пополнившись боеприпасами и отправив на Большую землю раненых, вышла наконец в новый рейд: по тылам группы армий «Центр».

Тогда, конечно, согласно законам конспирации никто из партизан еще не знал, куда именно и зачем они идут. Но чувствовали по всему: «Борода» затеял что-то интересное, небывалое.

К вечеру 28 июня дивизия скрытно подобралась к «Варшавке» (так называли партизаны шоссе Минск—Варшава) — на свой исходный рубеж, в лес западнее деревни Синявка. Находившаяся все время под ударами белорусских партизан важная шоссейная дорога была превращена оккупантами в настоящую оборонительную позицию с минированными завалами в сторону леса, с дзотами и бронеколпаками, имеющими между собой огневую связь. А с 24 июня Варшавку заперли отступающие фашистские полчища, так как войска 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов во взаимодействии с войсками трех Прибалтийских фронтов, начавшие операцию по уничтожению центральной группы войск Гитлера и освобождению Белоруссии, прорвали оборону группы немецких армий «Центр». Вот эту самую «Варшавку», кишущую вражескими солдатами, и предстояло перерезать партизанской дивизии в ночь на 29 июня. Немцы сейчас уже всю удирали на запад. Их колонны двигались по шоссе в три ряда; еще два ряда ковыляли по обочинам.

— Бегут фашисты, как крысы с корабля! — наблюдая с опушки леса картину этого массового отступления гитлеровцев, посмеивались ковпаковские разведчики. — Пять колонн без встречного движения!

— Оцэ «дранг нах Остэн»!— сказал Михаил Шкурат, поневоле вспомнивший сейчас первые, самые трудные шаги своих боевых друзей-шалыгинцев.

— Теперь у фрицев «дранг» не на восток, а на запад, к себе домой!— поправил его лейтенант Осипчик. Статный, с широко развернутыми, мощными плечами, он презрительно смотрел на бегущих восвояси немцев.

Да, это были далеко не те солдаты фюрера, что в сорок первом году! Хотя их с самого раннего утра и до позднего вечера прикрывали с воздуха «мессершмитты», хотя на груди у каждого пехотинца болтался автомат с полным магазином, немцы то и дело пугливо озирались. Вид у них был побитый, жалкий — да и на что они могли надеяться теперь, после Сталинграда, после Курской дуги, после Корсунь-Шевченковской операции?

Партизаны с нетерпением посматривали на высоко стоящее летнее солнце. Наконец, к девяти часам вечера все три полка Вершигоры сосредоточились в лесу, западней Синявки. Разрезать лавину отступающих вражеских частей командование поручило кавдивизиону и 1-му полку. Они развернулись почти на двухкилометровом фронте. Это была своего рода крупная засада.

Но если раньше ковпаковцы одной ротой (даже взводом) встречали и внезапно уничтожали в походной колонне батальон противника, то теперь — под Синявкой, в этой гигантской засаде, партизанский полк должен был не просто уничтожить вражеское подразделение (пусть даже целую дивизию), нет! Вершигора рискнул рассечь это, ни на минуту не прекращающееся движение гитлеровских орд, повернуть поток вспять, чтобы задержать его, насколько удастся, и тем самым помочь нашим войскам окружить и уничтожить противника.

На военном языке это называлось: создать оперативное окружение гитлеровской группировки армий «Центр» силами одной партизанской дивизии.

Как только стемнело, кавдивизион и 1-й полк внезапно ударили по фашистской армаде. Этот удар осуществляли три смелых молодых командира: комбаты Степан Ефремов и Саша Тютерев вместе с «Усачем» — Ленкиным. Ударили партизаны, как говорится, из всего, что бог послал: из пушек и ПТР, из автоматов и пулеметов. В несколько минут пятислойная колонна гитлеровских войск была смята.

Очумевшие от страха, не понимающие, что произошло и откуда взялись здесь русские, фашисты бросились наутек... Часть побежала без оглядки дальше на запад. Другая же часть немецких колонн, которая еще только приближалась к Синявке, приняв ошеломляющий удар партизан за действия прорвавшихся советских регулярных войск, круто повернула на северо-восток и по бездорожью направилась на Клецк и Несвиж.

Устремившаяся в прорыв партизанская колонна, пересекая одним махом менее значительные дороги, по которым тоже отступал противник, и уничтожая или заворачивая его на север, ринулась к Неману, в направлении местечка Столбцы.

Ковпаковцы устраивали одну засаду за другой: оккупанты, охваченные паникой, будто сами спешили в ловушки. На каждой дороге партизанам встречались отступающие колонны или разгромленные группы вражеских солдат. А раз встретишь на своей земле таких гостей — надо же их и «поприветствовать» как следует!..

За оружие схватились все: девчата-медсестры и разведчицы, даже совсем пожилые женщины — добродушные и хлопотливые партизанские поварихи. Казалось, каждая из них спешит свести свои личные счеты с удирающими гитлеровцами — отомстить за убитых братьев, мужей, сыновей...

В первую ночь июля ковпаковская дивизия подошла, наконец, к дороге Несвиж — Барановичи, еще недавно питавшей фронт.

Сейчас по ней на запад удирала многослойная вражеская колонна. Эту колонну «долбанули» 2-й и 3-й полки Вершигоры.

Партизаны с веселым азартом, будто играючи, вели бой почти весь день. Земля гудела от взрывов. На дороге и обочинах застряло несколько танков и бронемашин врага, десятки грузовиков, валялись сотни трупов...

Оставшиеся в живых гитлеровцы в панике повернули на северо-восток, к городу Столбцы, спутав все планы своего командования. Это было как раз то, что требовалось сейчас от партизанской дивизии. Все изменения маршрута отступающих войск противника, разумеется, немедленно радировались в Главное разведуправление армии и штаб 1-го Белорусского фронта, с которыми у Вершигоры была постоянная связь. Не зря «Борода» перед

началом этого рейда привез из советского тыла двух новых радистов.

В то время, как 2-й и 3-й полки устроили «пробку» из убитых фашистов и их поверженной техники на шоссе Несвиж—Барановичи, головной полк дивизии перерезал железную дорогу Столбцы — Барановичи, захватив на станции Погожелъце три эшелона с танками, машинами, тягачами и цистернами с горючим.

— Взрывать ничего не надо! Передадим эти трофеи войскам 1-го Белорусского фронта!— предупредил Вершигора.

А на следующий день произошла эта, предсказанная им встреча.

2 июля ковпаковцы подошли снова к шоссейной дороге Столбцы — Мир. Остановились на дневку в крохотном молодом лесочке у деревни Езерске, который зеленел, словно оазис, в раскаленной солнцем степи.

Гитлеровцы, одурев от паники и воображая, что нашли выход из «окружения», лезли теперь обратно на Столбцы, искусно загоняемые партизанами в эту крысоловку. Двигались немцы в четыре колонны: машины, танки, люди — все смешалось в лязгающем пылящем потоке. Прикрывала движение войск, как всегда, авиация.

— Ну и паника у фашистов!— посмеивался довольный, разгоряченный жарой и успехом комполка-3.— Куда хлеще, чем у нас была под Киевом в первые недели войны! Видели бы сейчас это те, кто нас сорок первым годом допекал!

А философски настроенный Кульбака, комполка-2, ответил ему:

— Агрессор, конечно, во времени выигрывает. Внезапность!.. И подлость притом — в нарушение всех договоров. Но недаром старики говорят: поднявший меч от меча и погибнет! Еще не то Гитлеру видеть придется!..

Хоть и чесались руки у партизан, но они ждали терпеливо своего часа: рассекречивать себя при свете дня перед этой гигантской колонной было бы безумием.

Вдруг около полудня со стороны Столбцов, которые находились в десяти километрах от того лесочка, в котором ожидали наступления темноты партизаны, донеслась яростная артиллерийская канонада. Ковпаковцы поняли: с востока к Столбцам подошли советские войска.

Немцы, которые уже успели было достичь берега

Немана, повернули обратно от Столбцов — на запад. В штабе Вершигоры решено было, используя ситуацию, ударить по этому скоплению вражеских войск, не дожидаясь вечера. «Долбали» огромную колонну гитлеровцев все три ковпаковских полка: разрезали ее, раскромсали и повернули с шоссе опять на север.

Вот здесь-то после побоища и догнала партизан конномеханизированная группа генерала Плиева, введенная в прорыв в полосе наступления 1-го Белорусского фронта. Ее движение напоминало прорвавшийся сквозь плотину поток. На предельной скорости мчались танки и самоходки, за ними на рысях неслась кавалерия. Сразу бросалось в глаза: многие всадники ехали без седел — кто на подушках, кто на одеялах или солдатских бушлатах. Видно, генерал Плиев, чтобы не терять темпа движения, свою пехоту тоже посадил на коней.

— Вот это по-нашему! — кричали им ковпаковцы. — Быстрота и натиск! Красиво идете, ребята!

Сколько тут было объятий, как высоко взлетали в воздух партизанские кубанки, трофейные немецкие пилотки и краснозвездные танкистские шлемы!

В тот же вечер, 2 июля, генерал Плиев через своего офицера связи пригласил к себе подполковника Вершигору.

«Борода» взял с десяток автоматчиков для прикрытия и на своей щегольской бричке, запряженной светло-рыжими лошадьми, отбитыми у немцев еще в Польском рейде, под Замостьем, отправился к генералу Плиеву. Путь предстоял сравнительно недалекий — километров десять. Но на всякий случай Петр Петрович перед отъездом сказал командиру 3-го полка:

— Ты, Петя, будешь двигаться в арьергарде общей колонны. Не спеши, поджидай меня, а то здесь недобитые гитлеровцы шлещутся по дорогам!

Погода стояла чудесная: мягкая, теплая. К ночи, отдохнув от зноя, ожила, распрямилась зелень. Все вокруг буйно радовалось лету, будто и не было войны!

Комполка-3 ехал за своей разведротой (теперь это был уже целый кавэскадрон) и, вглядываясь в загорелые решительные лица партизан, думал: «Сколько вынесли эти люди за три года войны! Что еще суждено им на долю?.. И какая же красивая жизнь должна открыться перед ними после победы... если только они доживут!..»

Сейчас разведчики, как нередко бывало в минуты отдыха или на спокойном марше (если выдавалось такое), с жаром толковали о положении на фронтах. Перечисляли популярнейших советских военачальников: Жукова, Рокоссовского, Конева и еще многих других, гордясь ими. Конечно, в силу специфических условий своей боевой жизни, партизаны не могли ежедневно (да что там ежедневно и ежемесячно в иные времена!) читать советские газеты. Это было возможно только от случая до случая — с прибытием самолета. Главным образом, в промежутках между рейдами, во время приема боеприпасов. А сейчас линия фронта менялась чуть ли не каждую минуту. И нередко случалось так, что от фашистских «языков» партизаны узнавали об этих изменениях больше, чем из газет и радиосводок.

Конники ехали спокойно.

— Говорят, и теперь здесь, на 1-ом Белорусском фронте, маршал Жуков! — сказал командир разведроты Осипчик.

— Еще под Бродами, когда наш батальон действовал в оперативной зоне четвертой танковой армии противника, мы тоже взаимодействовали через УШПД с 1-ым Украинским фронтом, которым командовал тогда Жуков!.. — бойко отозвался на слова Осипчика Саша Быков, покачиваясь в седле на плохо объезженном чужом маштаке. Лошадей разведчикам приходилось менять часто, чуть ли не каждые два-три дня, потому что редкий коняга вынесет ежесуточные марши по шестьдесят, а то и больше километров.

Рядом с Сашей Быковым, легко держась в стременах, ехала самая молодая разведчица Оля Могила. В сумерках ее ладная, будто игрушечная фигурка с автоматом на шее казалась Саше совсем детской.

— Ты не вырываешься вперед, дивчина! — чуть придержав Олиного конька, вполголоса, с напускной строгостью предупредил Саша, который теперь словно заменил ей старшего брата, погибшего на Припяти. — Смелость — дело хорошее, но осторожность разведчику никогда не помешает!..

— Смотрите, смотрите, девятка «илов»! Пошли бомбить немцев! — закричал Шкурат.

— Это они в Турец направились! — объяснил Осипчик. — Там фрицев до чорта!..

Как раз перед самым выходом дивизии на марш Осипчик побывал в этом местечке и доложил командиру, что в Турец прибыло много немецких войск и что армейская разведка нащупала их. Один раз наши самолеты уже пробомбили это скопище гитлеровцев.

— Наверно, это «илы» полетели добивать их,— добавил Осипчик.

Такое сообщение успокоило комполка. И он, двигаясь в арьергарде, не спешил, поджидая Вершигору, загостившегося у Плиева.

Когда 3-й полк подошел к местечку Турец, оно уже дымилось, развороченное взрывами бомб. На дорогах валялись столбы, провода были оборваны.

В Турце Петр Петрович догнал колонну. Полный свежих впечатлений, он рассказал командиру поджидавшего его 3-го полка:

— Чудо-мужик этот генерал Плиев! Какой ум и какая простота! Ну и темперамент — истинно кавказский; Плиев ведь по национальности осетин. Страшно обрадовался нам, ковпаковцам... — Пересказывая беседу с генералом, Петр Петрович артистически воспроизводил его интонацию и жесты: «Я-то все время думаю: кто тут впереди меня орудует?.. Вижу на дорогах кучи вражеских трупов, покалеченных автомашин, танков! Вижу, крепко кто-то воюет! Но кто все это делает, не пойму. Знаю: впереди меня нет советских частей. Я со своей подвижной группой иду первый. Знаю, конечно, что здесь должны быть партизаны, но не думал, что это именно вы — одна дивизия — столько наворотили!»

Командиру полка сейчас казалось, что это сам генерал Плиев едет с ним на партизанской тачанке.

— С чувством пожал он мне руку!.. — увлеченно продолжал Вершигора, поглаживая свою бороду.— И говорит вдруг: «А что, если мы насовсем, до конца войны, закрепим это взаимодействие? Мне нравится, как вы воюете. Мы сработаемся!.. Армия наша наступает, и территория, на которой вы бы могли партизанить, с каждым днем уменьшается. Я бы вам придал пару танковых и несколько артиллерийских полков. И ого-го, как бы вы развернулись в армейских условиях!» Но я ему ответил: «У меня, товарищ генерал, есть свое начальство! Нами распоряжается Штаб партизанского движения Украины и ЦК партии. Куда они прикажут, туда мы и пойдём».

Комполка знал: есть кроме этой, очень важной причины, еще и другая, не позволившая Вершигоре принять предложение генерала Плиева. «Борода» мечтал после удачного боевого опыта в Польше рвануть в Чехословакию и Венгрию, попартизанить там. И думая о том, где предел возможностям этого необыкновенно даровитого, разностороннего человека — военачальника, художника — комполка спросил себя невольно: «Чем же будет заниматься Петр Петрович после войны?»

В памяти молодого комполка сейчас вдруг всплыл один случай, когда Вершигора еще только-только прибыл к ковпаковцам на Брянщину и принял у него, исполнявшего обязанности ПНШ по разведке, все дела. Многие изменилось в соединении с приходом Петра Петровича — этого благодушного на вид, со всеми приветливого крепыша. Но особенно быстро и прочно подружился Вершигора с комиссаром Рудневым. Как-то — в дни недолгого затишья между боями и маршами — комиссар вышел на рассвете из палатки и, наслаждаясь красотой зарождавшегося летнего дня, вдруг сказал Вершигоре, сидевшему на пеньке и сосредоточенно писавшему что-то:

— А ты знаешь, Петрович, когда я еще служил на Дальнем Востоке, нас, всех военных, обеспечивающих неприкосновенность советской границы, однажды собрал маршал Блюхер и сказал: запомните, что пограничник, пренебрегающий тактикой маневра, тактикой, если угодно, партизанской войны, очень жестоко ошибается! Он подобен той старой бабке, которая при виде грабителей уселась кулем на сундук, чтобы защитить свое добро!.. Подумай, Петрович, какой урок на будущее заключается в нашей партизанской борьбе! И вообще после войны мы просто не имеем права повторять свои ошибки. Согласен? Не имеем!..

Петр Петрович внимательно посмотрел на комиссара, потом сказал:

— Вы правы! И обобщить все это должен тот из нас, кому суждено будет выжить.

Вершигора хотел тогда еще добавить что-то, но из-за куста выскочил восьмилетний Юра, выкраденный партизанами из-под самого носа у путивльской полиции, вместе с матерью. Смуглый, горбоносый и чернобровый — весь в отца — мальчик потребовал:

— Папа, покажи, пожалуйста, как заряжать этот трофейный карабин! Я такого еще не держал в руках.

Семен Васильевич, смеясь в усы, взялся обучать сынишку, которому по всем человеческим законам полагалось тогда учиться читать и писать, а не заряжать оружие.

С болью вспоминал сейчас комполка об этой дружной, такой красивой семье. Не суждено Юрию больше никогда увидеть своего отца. Ярославной плачет верная Домникия Даниловна в Путивле по своему любимому мужу. Не суждено ей дождаться и старшего сына — Радика... Кем смогли бы стать после победы такие люди, как Рудневы — комиссар и его сын Радий?..

«Может быть, именно Вершигора и есть тот человек, который выполнит заветы нашего комиссара, обобщит весь наш боевой опыт!» — невольно подумал теперь комполка. И набравшись смелости, спросил:

— А кем бы вы хотели стать после войны, Петр Петрович? Военным или гражданским?

— Поживем — увидим, — весело ответил Вершигора. — В одном я уверен твердо: кем бы я ни стал — буду в каждом деле искать новое, самое современное, самое нужное!..

Когда 3-й полк, дожидавшийся возвращения Вершигоры от генерала Плиева и отставший за ночь от общей колонны дивизии, вышел на заре из Турца, произошло чэ-пэ почти анекдотическое. Какой-то немец, видимо, спавший в кювете, выскочил на дорогу и, не говоря ни слова, сел в партизанскую повозку. Ездовой, одетый, как большинство ковпаковцев, в трофейную форму, крикнул, посчитав непрошеного пассажира за своего однополчанина:

— Куда ты, чорт бэры, лизэш? Нэ бачиш, шо повна пидвода людэй? И так кони прыстали!

— Вас, вас? — ошалело переспросил немец.

Тут ездовой словно проснулся: мгновенно повернул автомат и нажал на гашетку. Немец полетел на дорогу. И в тот же момент из глубокого кювета, поросшего бурьяном, по колонне полоснула ответная очередь из немецкого скорострельного пулемета. Потом заработал пулемет справа, с высоты; ему завторил другой, тоже фашистский.

Лошади шарахнулись — и рванули вперед. Чтобы не получилось паники, комполка-3, ехавший в голове колон-

ны, сразу же развернул свою тачанку поперек дороги. Все остановились.

— Андрей!— крикнул он ехавшему в следующей тачанке Цимбалу.— Атакуй эту высоту!

— Минометы к бою!.. Роты — за мной, на высоту-у!—скомандовал Цимбал своим звучным, сильным голосом и устремился вперед, на бегу стреляя из автомата.

Минометы открыли огонь по высоте, золотистой от спелого зерна.

— Осипчик!— окликнул комполка-3 командира разведроты.— Продолжай движение!— А сам тоже бросился следом за Цимбалом в высокую рожь, волнуемую ветром.

Молодому командиру полка нравилось наблюдать Андрея в деле. Но сейчас его повлекла за 6-м батальоном еще и другая причина. В числе бойцов, наступавших на высоту, был подросток Володя Алексеев, сирота, который прибил к ковпаковцам совсем недавно, уже после Польского рейда, где-то в Рожине. До этого Володя, конечно, в боях не участвовал. И тут, попав под внезапный обстрел, испугался. Едва пули начинали жужжать над головой, мальчик камнем падал в первую попавшуюся выбоину (все поле здесь было в воронках). А комполка знал по опыту: в ходе атаки останавливаться никому нельзя.

— Кто это здесь зад показывает?— спросил комполка, догнав Володю.

Подросток, будто его стегнули плеткой, вскочил и помчался догонять цепь. Но как только над его головой начинали свистеть пули, он падал снова.

— Володя, нельзя останавливаться. Вперед!— подталкивал его комполка, бегущий рядом.— Кто смел, тот цел!.. А ну-ка, давай вперед! Живее!

Война — штука грубая. Размышлять о том, сколько лет этому Володе, который мог невольно затормозить атаку, было некогда. Мальчик пытался еще нагнуться, спрятаться, но комполка с силой подталкивал его вперед... Наконец, Володя побежал сам, как бежали взрослые бойцы, уже не боясь и не прячась, будто хлестал над его головой обыкновенный, не свинцовый дождь.

А Цимбал между тем уже прочесывал высоту, покрытую густой спелой рожью, где ночевали гитлеровцы, разбежавшиеся из Турца от бомбежки.

Из опроса пленных выяснилось, что партизаны разгромили пять маршевых батальонов, входивших в состав группы генерала танковых войск Гроппэ, которая прибыла сюда для «спасения» минской группировки фюрера. Сейчас на этом поле, как на току, где молотят зерно, кучами лежали перемолоченные ребятами Цимбала гитлеровцы.

А часов в десять утра — полк уже расположился на дневку — к штабу подошел Володя Алексеев. В одной руке он сжимал трофейный автомат, под дулом которого вел троих гитлеровцев. Еще пара немецких автоматов и старая Володина винтовка висели на другой руке. Толковый и хозяйственный оказался паренек!

...Пока Цимбал и Берсенев вели бой под Турцом, очищая занятую противником высотку, 1-й и 2-й полки Вершигоры остановились на дневку в селах Тарасовичи и Браносово, вольготно раскинувшись в степи. 3-й полк, подошедший к ним позже, расположился в уютной деревеньке Ляды, окруженной молодым березняком. Люди отдыхали спокойно.

Вдруг в полдень примчался багровый от зноя, весь потный Осипчик с чрезвычайным сообщением:

— Товарищ комполка! На том берегу, в Налибоцкой Пуще, много войск! В Еремичах немцы строят переправу через Неман. (От Ляд туда было всего километра три.) Мост уже готов! Скоро начнут переправляться.

Комполка-3 — молодости присущ азарт — обрадовался и галопом помчался к Вершигоре в Тарасовичи: так мол и так, может, мы их накроем?

Петр Петрович усмехнулся, расчесывая рукой бороду, лежавшую веером на его легкой белой сорочке.

— Тогда уже не только тебе одному такое лакомство!.. Я подключу сюда и первый полк.

Вершигора достал карту-километровку из планшета, сел на колоду, лежавшую в тени под сараем, и задумался.

— Да!.. Местность действительно удобная для засады. Тогда, Петя, сделаем так. Ты станешь здесь, ближе к реке. А Бакрадзе со своим полком — правее. Только огонь должен открывать первым он, чтобы колонна немцев протянулась подальше от переправы. Иначе ему ничего не достанется.

— Пожалуйста, хватит и ему!— охотно согласился комполка-3 (добыча предстояла немаленькая).

Все было сделано, как приказал Вершигора. Комполка-3 быстро расположил оба своих батальона вдоль дороги. Рубеж был на редкость удачен. Почти параллельно грунтовой дороге, идущей на Еремичи, до самого Немана тянулся овраг, заросший густым красноталом.

— Отличная маскировка!— радовались партизаны.

Оба комбата, Цимбал и Берсенев, поставили свои пулеметы и противотанковые ружья вдоль дороги.

— А в случае чего,— предусмотрительно заметил Берсенев, жмуря глаз,— можно откатиться обратно в этот овраг!..

В середине дня, когда все уже было подготовлено (3-й полк даже успел заминировать обочину дороги), показалась колонна противника. Она двигалась не спеша, в точном, излюбленном фашистскими генералами порядке: три-четыре танка, одна-две машины с пехотой; опять три-четыре танка, да не какие-нибудь, а в основном — «тигры», потом машины... и так без конца.

Глядя на это скопище вражеской техники, комполка подумал: «Ничего себе — лакомство!.. Я-то воображал, будет идти одна пехота...»

А медно-красный от жары Цимбал, лежавший с ним рядом в овраге, присвистнул, лихо сдвигая на затылок свою кубанку, неизменную в любое время года:

— Кажется, мы, командир, не по силе дерево рубим.

— Ничего, Андрей!.. Уничтожить, конечно, мы их не уничтожим, а напугать — напугаем!..

Все ждали сигнала Бакрадзе: он должен был первым открыть огонь по голове вражеской колонны и застопорить движение. Наконец, с той стороны, где залег 1-й полк, раздался раскатистый взрыв: сработала установленная на дороге партизанская мина. Вслед за ней почти на двухкилометровом фронте ударили пушки, ПТР, пулеметы своих партизанских полков.

Фашистские «тигры» развернулись и бросились в атаку на ковпаковцев. Перед фронтом 3-го полка они сразу напоролась на противотанковые мины, поставленные на обочине дороги. Воспользовавшись этим, Цимбал и Берсенев увели своих людей в овраг, откуда продолжали огонь по вражеской колонне.

В сумятице, поднятой немцами, в дыму и грохоте,

оторвалась часть берсеневского батальона: несколько повозок с ранеными и бросившееся их выручать отделение разведчиков. Фашистские танкисты, заметив это, стали гонять санитарные партизанские подводы по нескошенной ржи. Задавлен был один тяжелораненый. Убило лошадь под Надей Цыганенко.

— Ездовые! Никому не двигаться! — крикнула Надя властно. — Всем замереть!

Обоз остановился и сразу словно потонул во ржи. Только Надя, не прячась, с гранатой в руке, смело пошла навстречу вражескому танку. Стройная, в туго обтянутой гимнастерке, вся устремленная вперед. Бросок... и вот уже один танк замер на месте. Сраженная осколком вражеского снаряда упала и Надя. Другие два танка, преследовавшие санобоз, потеряли охоту гоняться за повозками. Оторвавшаяся группа кролевчан догнала своих. Других потерь у 3-го полка не было.

А вот 1-му полку пришлось трудней: Давид Бакрадзе не заминировал обочину дороги, и фашистские танки атаковали его людей. Отходить партизанам пришлось почти по открытой местности. За эту оплошность расплатился кровью и сам Давид: его ранило в руку (к счастью, легко) и разбило его автомат.

Риск, которому подвергались тогда оба полка, посланные Вершигорой под Еремичи, был огромен. И все же фашистская армада остановилась. Не зная, с кем они имеют дело, немцы вернулись обратно в Налибоцкую Пущу.

Хваленый гитлеровский вермахт убегал. Участники боев во Франции и Польше, Греции и Абиссинии, — вся гитлеровская «элита» сейчас металась в панике. Немцы бросали на бегу не только свои мундиры, испещренные воинскими крестами, но и оружие. Сколько же их тут сейчас было! Партизаны попали в этот поток, как щепка в водоворот. Но все-таки (хотя еще год назад такое показалось бы невозможным) громадная колонна противника была смята, остановлена, напугана.

Гитлеровские военачальники пока остерегались двигаться вперед — уже на запад. Нападение партизан было осуществлено столь дерзким и неожиданным образом, что противник (уже который раз) посчитал рейдирующую по его тылам ковпаковскую дивизию за регулярные части Советской Армии. Это была та самая, истинно-парти-

занская «рабоченка», о которой страстно мечтал Вершигора, посылая свою первую ласточку в тактическую зону противника — под Броды...

Теперь, в Налибоцкой Пуще, — после дерзкой засады партизан под Еремичами, — отсиживались остатки нескольких бегущих с восточного фронта дивизий Гитлера. Господа генералы тщетно уточняли обстановку. Партизаны петляли где-то почти рядом, недостижимые до обескураженного противника.

«Борода» был доволен: оказалось, два небольших его партизанских полка, всего каких-нибудь тысяча человек, умудрились задержать на рубеже реки Неман 7-ю и 20-ю танковые дивизии Гитлера, а также 4-ю, 6-ю и 9-ю пехотные дивизии, входившие в состав 4-й и 9-й немецких армий. В этом бою ковпаковцы подорвали на минах десять танков, пять броневиков, тридцать шесть машин с живой силой и боеприпасами, уничтожили около восьмисот вражеских солдат и офицеров.

И так как за партизанской дивизией следовала конно-механизированная группа генерала Плиева, то паническая путаница и затор вражеских корпусов в Налибоцкой Пуще были, конечно, на руку войскам всего 3-го Белорусского фронта, которые завершали окружение группы гитлеровских армий «Центр».

А Петр Петрович Вершигора решил извлечь из этой партизанской засады под Еремичами урок для всех своих командиров и бойцов. Радуюсь, что дерзкая операция его двух полков сошла благополучно, он без злобы подтрунивал над Бакрадзе:

— Так кто же от кого быстрее бежал, Давид?.. — Тот в ответ молча покусывал губу — шуток не любил. — Вот Брайко с Цимбалом и Берсеневым выбрали позиции дальновидно, да еще успели и мин понатыкать вдоль дороги. Только фашистские танки развернулись в атаку — сразу и кувыркнулись. Третий полк нырнул в овраг и посмеивается!..

— Хитрые они! — кипятился Давид.

— И ты хитри в бою. В бою хитрость не только дозволена, но и необходима... или, может, тебя в горы потянуло? Родной край тебе высотка та напомнила? Но ведь и горы использовать надо умеючи, чтоб не ты был виден противнику, а он — тебе, как на ладошке!.. А в общем, конечно, все вы, хлопцы, сегодня молодцы!..

Ковпаковцы водили врага за нос, словно играли в озорную игру. Веселый это был рейд!.. Победы давались легче и быстрее, чем когда бы то ни было, хотя вокруг кишмя кишели крупные вражеские силы.

Да, вермахт явно стал не тот: фашистские войска были уже деморализованы. Или, если говорить точнее, многие одурманенные фашизмом немцы (хотя далеко не все, конечно) начинали понимать вздорную бесчеловечность затеянной фюрером авантюры. Кровавым оказалось похмелье после «блицкрига».

Инициатива в боях давно перешла к Советской Армии и партизанам. Теперь опасность мерещилась гитлеровским генералам на каждом шагу. Они боялись долго сидеть на одном месте, боялись двигаться вперед (да и само понятие «вперед» уже означало для них не восток, а запад). Боялись, удирая от «десантных дивизий», вернуться назад — на фронт. Словом, боялись всего. Земля пылала под их ногами.

Как только гитлеровцы, удиравшие со своими «тиграми» и «фердинандами» от партизанской засады обратно на северо-восток, присоединились к тем, кто еще не успел переправиться через Неман, ковпаковцы устремились туда же. Вторично за сутки дивизия Вершигоры форсировала реку. Переправлялись сейчас ниже по течению, километрах в пяти от Еремичей.

В темноте переходя брод, командир 3-го полка оказался рядом с Виктором Жуковым — давним своим боевым другом.

— Немцев тут, как червей в банке! Тычутся друг в друга сослепа... И невдомек им сейчас, что мы — опять рядом! — произнес Жуков, вынув из стремян ноги, чтобы не замочить сапог. ♪

— Это хорошо, — проговорил комполка, довольный его сообщением. — Только одного я не пойму: неужели у них совсем не ведется разведка? Мы при любых обстоятельствах знаем, что делается вокруг нас в радиусе минимум двадцать пять километров. А то и на все полсотни, когда требует обстановка!

— Чему тут удивляться? Паника! Бегут «нахаузе» — домой... Честно говоря, наши части в сорок первом году не всегда знали окружающую обстановку радиусом в двадцать километров. Но у нас тогда была надежда! Мы знали, за что боролись. И у нас за плечами вся Россия

была — такая силища!.. А он все потерял. Ему надеяться не на что! — Как многие солдаты, Жуков обычно подразумевал противника под этим коротким безликим словом: «он». Так в старину наши предки говорили о всякой чертовщине, избегая поминать лишний раз нечистую силу.

Уже брезжил рассвет. Над теплой неторопливой водой подымался густой пар. Июльский день обещал быть по-настоящему жарким.

Достигнув западной опушки Налибоцкой Пущи, Вершигора, по обыкновению, окружил свой лагерь дозорами, заставами, секретами. Разгоряченные партизаны (все, кто был сейчас свободен), торопливо раздеваясь, прыгали в воду, пока предутренный туман закрывал их своей розоватой кисеей.

Стирали белье, купали лошадей. Перешучиваясь, брызгали друг в друга теплой чистой водой, наслаждались жизнью.

Вдруг на противоположном открытом степном берегу, с которого только что без помех пришли сами ковпаковцы, появились одетые в черную форму «казачки» из дивизии генерала Краснова. Того самого, которого еще в октябре 1917 года отправил глава буржуазного Временного правительства Керенский на подавление революции в Петрограде. Озверевший после целой серии бесславных поражений под Петроградом и на Волге, вкусивший все унижения эмиграции, этот «великодержавный» шовинист уже давно стал холуем немецкого фашизма. Как выяснилось позже, Краснов сейчас срочно шел с запада на помощь гитлеровским растрепанным корпусам, которые отсиживались после партизанской засады в Еремичах, в Пуще, на северо-восточном берегу реки.

Услышав веселую русскую речь и смех, красновцы, остановившись у самого местечка Щорсы, чуть пониже лагеря партизан, открыли пулеметный огонь по купающимся. Туман уже поредел. Среди черных, вороньей масти, «казачьих» мундиров отчетливо выделялись зеленовато-серые, как полынь, мундиры немецких офицеров.

— К пулеметам! — крикнул комполка-3, стоявший на самом берегу, в галифе и сапогах (ему почему-то не захотелось лезть в воду, возможно, это было интуитивное предчувствие опасности).

Пулеметчики, все бронзовые от загара, не одеваясь, бросились к своим станкачам. Пушкари тоже нагишом

бежали к орудиям, чтобы скорее ударить по двум танкеткам, появившимся на противоположном берегу. Остальные партизаны, повыскакивавшие из воды, хватались за свои автоматы.

Красновцы с того берега, только ниже по течению, стегали по излучине реки из пулеметов.

Вдруг Ленкин (в массе мокрых, загорелых тел его легко было узнать по длинным гусарским усам) вскочил в седло, крикнул коротко:

— За мной!..

Его конники, а заодно и бойцы разных рот вперемешку бросились цепью через Неман — на противника. С этого берега их прикрывали свои из пулеметов и двух пушек.

Увидев голых автоматчиков на конях, красновцы — целая свежееукомплектованная дивизия — удрали от двухсот ковпаковцев. Увлеченные азартом преследования партизаны погнались «казачков» почти до самого местечка Щорсы.

Оставшиеся на этом восточном берегу ковпаковцы хохотали:

— Ну и «казачки», ну вояки, язви их в печень!.. Настоящая воронья стая.— От двухсот наших голых хлопцев удрали!..

Петр Петрович, вышедший из своей палатки на лесную опушку посмотреть, что это за пальба, сразу понял все.

— Куда?! Вернуть цепь конников немедленно!— крикнул он.— А то противник заманит и порубит наших людей!..

Вслед Ленкину был послан связной. Вскоре вся партизанская цепь вернулась, да еще с пленными. Вот тогда-то Вершигора и выяснил окончательно, чью дивизию расчехвостили его кавалеристы.

Развивая успех Ленкина, он двинул полк Кульбаки в местечко Щорсы, еще занятое врагом. Петро Леонтьевич успешно завершил дело, начатое смелым «Усачом». Были уничтожены даже две красновские танкетки, которым так-таки и не довелось догнать своего быстрого генерала.

Рассеянные, ошарашенные красновцы удрали в сторону Новогрудка — в овражистые места, где легко затаиться, запутав след... Но Краснов не знал главного — того,

о чем был уже информирован партизанский комдив и военный разведчик «Лезвие».

— Господин Краснов — в прочном окружении! — сказал своему штабу весело прищурившийся Петр Петрович. — Нам можно не беспокоиться о дальнейшей судьбе этого черносотенца: он получит по заслугам.

И впоследствии генерала Краснова, как предателя и палача, судили советские люди, приговорив его к высшей мере наказания. Но все это было потом...

А пока что, обсуждая у себя в штабе бой с красновцами, Вершигора продолжал:

— Сегодня наши хлопцы, как знаменитые котовцы когда-то, растелешенными гнались за врагом. Только бойцы Котовского в тот момент, когда на них напали беляки, мылись в бане, а уж потом давай врага парить! Ну, а мы, сегодня, искупавшись в реке, заодно и охладили пыл генерала Краснова! Кстати, оказалось: не все его «русское», «православное» воинство по-русски понимает! «Хенде хох» кричали, когда сдавались в плен!.. Отсюда, друзья мои, видна общая ситуация: Гитлер сыплет на нас последнее отребье, всю контрреволюционную труху, как из вывернутого мешка... Даже свою «пятую колонну» не пожалел напоследок: предателей и шпионов швырял в бой!..

Окончательно очистив от красновцев Щорсы (местечко со столь неприятным для белого генерала названием), партизаны двинулись на север и форсировали сразу за один ночной марш два водных рубежа: все тот же извилистый Неман и правый приток Днепра — историческую реку Березину, где в 1812 году были окончательно разгромлены бегущие из России войска Наполеона.

После напряженных боев и маршей Вершигора решил наконец дать людям отоспаться, восстановить силы дивизии. Утром 7 июля дивизия расположилась на берегу Немана, недалеко от хутора Плиса, примерно в сорока километрах восточнее города Лида. Остановились ковпаковцы в чистом сосновом лесу, подпушенном молодыми кудрявыми березками. Настроение у всех партизан было самое благодушное.

Вдруг в середине дня ординарец комбата-6 Леня Букин, в растерзанном френче, галопом прискакал к коман-

диру своего полка. Не слезая с лошади, Букин еле выдохнул:

— Товарищ капитан! Несчастье!.. — Он чуть не плакал. — Арестовали нашего комбата и бросили в яму!.. Предупредили: расстреляют, если в течение часа услышат хоть один выстрел!

Отчаянье, мольба, ненависть были в его голосе.

— Кто арестовал?! — спросил комполка-3, оторвавшись от карты (он как раз получил приказ на марш).

— Выдают себя за партизан. Может, местные? Я таких партизан нигде не видал! По слухам, тут располагается целая бригада. Но какие ж это партизаны могли так поступить? Поехали мы с комбатом в ту сторону, чтобы проверить нашу заставу. Побыли у своих ребят и чинчином возвращаемся обратно. На дороге встречаем этих. Цимбал представился им, как положено, они — тоже. Тогда Цимбал предложил: «Давайте поедем вместе к вашему начальству — для связи». И они отвечают вроде по-человечески «давайте!». Мы с комбатом и поехали в их штаб. Когда прибыли, старший из тех, которые нас привели, шепнул что-то своему комбригу. Потом они все — кучей — подошли, стали здороваться. И внезапно схватили нашего Цимбала за руки. Да и скрутили! У него ж одна рука перебита, еще не зажила, еле двигается после столинского ранения! Вот таким предательским манером взяли. Сорвали с него все ордена, а Цимбала бросили в яму! Ни одному слову нашему не верят — как очумелые. Цимбал мне знак дал: беги за помощью! Я еле вырвался. Скорей спешите!

Комполка тут же вызвал Николая Мурашко, командовавшего разведвзводом, и сказал:

— Немедленно бери одно отделение своих автоматчиков и вместе с Леной Букиным мчись в штаб той бригады — Леня покажет. Арестуйте весь этот подозрительный штаб, освободите Цимбала — и давайте вместе с тем штабом ко мне!

Мурашко, одетый, как большинство разведчиков, в гражданский костюм, но вооруженный до зубов, поднялся в стременах:

— Есть — с тем штабом сюда!

— Отставить! — вспомнив что-то, остановил его комполка-3. — Возвращаться будете не сюда. Мы через час уходим. Привезете всю эту братию на следующую днев-

ку — в лес, что северо-западнее села Детомли. Вот маршрут!

Он протянул Николаю Мурашко клочок бумаги с маршрутом движения полка.

Пока Букин и Мурашко с отделением разведчиков добирались в штаб чрезмерно «бдительной» бригады, она уже успела занять круговую оборону двумя кольцами.

Мурашко подскочил к первой цепи. Какой-то командир вдруг поднялся над своими залегшими бойцами и сказал ковпаковцам.

— Эй, кто вы?.. Дальше ехать не велено! Будем стрелять!

— Если вы сделаете хоть один выстрел,— ответил Мурашко,— то через пять минут от вас останется мокрое место!

И спокойно, даже не оглядываясь, поехал дальше. Остальные разведчики невозмутимо последовали за ним. Выдержка и мужество возымели действие. То же самое повторилось и на втором кольце обороны.

Так Мурашко со своим отделением прорвался к штабу, располагавшемуся в дремучем лесу. Пospели ковпаковцы вовремя: Цимбал сидел в яме, скрученный веревками, и с минуты на минуту его могли по дурости отправить на тот свет.

Разведчики за сто метров узнали комбата-6 по голосу:

— Гады, паразиты!— кричал он, не жалея соленых слов в придачу.— Если вы ни разу за всю войну живого фрица не видели, как же вы партизаните?! Меня от немца даже отличить не можете! Окопались тут и спасаете свои шкуры!..

Подъехав к штабу местной партизанской бригады, Мурашко с разведчиками мгновенно обезоружили ее командование. Потом вытащили связанного комбата из глубокой ямы, служившей здесь вместо гауптвахты. Перерезали веревки на затекших, посинелых руках Цимбала. Запрягли повозку, усадили в нее все это горе-командование, от которого несло самогонным перегаром, и, не теряя ни минуты, бросились догонять свою дивизию.

Самое интересное, что и штабная охрана, и бойцы этой бригады, лежавшие в двойной круговой обороне, даже не удосужились остановить незнакомых людей и спросить: кто, куда и зачем увозит их начальство?

Догнал свою дивизию Мурашко на следующей днев-

ке, утром. И вместе с комбатом-6 Андреем Цимбалом и командованием странной бригады попал уже не в штаб своего полка, а в штаб самого Вершигоры, только-только расположившийся в лесу западнее Детомли.

Увидев следы веревок на руках Андрея Цимбала, Вершигора набросился на горе-комбрига:

— Вы что, и в самом деле живых немцев не видели, идиоты?.. Какая это бригада?.. Кто тут комбриг?

— Вот этот,— кивнул комбат-6 на полнотелого мужчину с заметными залысинами на висках.

— Как ваша фамилия?.. Какая бригада?.. — допытывался Вершигора.

Но тот, словно в рот воды набрал, только злобно смотрел на Вершигору и окружавших его людей. Он, видимо, все еще считал, что попал в плен.

— Хоть убейте. Ни слова не скажу!.. — наконец прохрипел он.

— Ах вот как!— воскликнул Саша Ленкин и двинул его своим громадным кулаком по скуле.— Смотрите, да он еще считает себя настоящим героем! Анархист задрипанный... Шкурник!..

— Вот теперь наконец вижу, что попал к своим. А то думал, что меня схватили немцы или власовцы,— признался комбриг.

— Да, «бывалый», видать, вояка!.. — Рассмеявшийся неволью Ленкин отпустил его.— Где же ты так долго прятался?

Ковпаковцы диву давались. За годы борьбы в тылу врага на их пути встречались самые различные партизанские формирования, но все они неизменно по-братски стремились помочь друг другу: разведданными, оружием, военными специалистами. Ковпаковцы с сабуровцами, наумовцы с мельниковцами ходили в спаренные рейды, когда того требовала обстановка. А белорусские партизаны, привязанные к своим лесным районам, принимали рейдирующих украинцев-степняков как частицу единой семьи народных мстителей. Сколько было у ковпаковской дивизии таких незабываемых встреч, начиная с Брянщины и кончая Варшавским воеводством! Но недаром говорят: в семье не без урода.

...Позже комбриг виновато попросил Вершигору:

— Возьмите нас всех к себе. Пусть вас мое интендантское прошлое не смущает.

— Я сам начинал войну будучи интендантом,— ответил «Борода».— Разве в этом дело?

— А в чем же? Если даже вы... — обрадовался комбриг.

Но Вершигора напрямик сказал ему:

— Зачем вам идти с нами?.. Война уже кончается. В один день опыта не приобретешь: его самому добывать надо!

Когда 3-й полк догнал основную колонну соединения и Петр Петрович, посмеиваясь, рассказал о своем разговоре с незадачливым комбригом, молодой комполка воскликнул:

— Петр Петрович! А может, и в самом деле, взять эту бригаду на воспитание?

— Зачем нам это? Давай лучше будем придерживаться лозунга Ворошилова!

— Какого лозунга?— спросил комполка.

— Дерьма в армию не брать!— И подмигнув, Петр Петрович добавил: — Конец войны не за горами. Мы сейчас у фашистских армий за шиворотом. Где ж тут будешь «ликбезом» заниматься — целую бригаду партизанской азбуке учить? Люди, конечно, в этой бригаде — как люди, только с начальством им крепко не повезло.

Выполняя задание Ставки Верховного Главнокомандующего, 1-я Украинская Партизанская дивизия стремительно двигалась вдоль реки Неман и, захватывая переправы, смело разрезала тылы группы гитлеровских армий «Центр». Это радовало Вершигору. Но вместе с тем он опасался, что наши регулярные войска вот-вот обгонят его дивизию и тогда уж ковпаковцам больше не придется погулять «за шиворотом» у врага. А Вершигора мечтал побывать еще и в Чехословакии, где сейчас начинала разгораться освободительная борьба: его манили огоньки далеких партизанских костров, хотелось помочь патриотам Чехословакии и тем самым содействовать армии в очищении Европы от фашистских оккупантов.

Именно поэтому «Борода» изо всех сил торопил своего начштаба:

— Давай, Вася, скорей вперед! Местность благоприятствует нам: вдоль Немана — сплошная лесная полоса.

Можно совершать марши не только ночью, но и днем!.. Настроение у людей — тоже как нельзя лучше!

В отличие от предыдущих рейдов ковпаковцы шли по тылам врага свободно, весело, с какой-то особой лихостью. Казалось, эти люди не знают усталости, готовы так идти день и ночь.

Чтобы выиграть время, «Борода» решил пустить полки самостоятельно, тремя параллельными колоннами.

3-й полк шел правофланговым.

Только начало темнеть, в воздухе послышался гул моторов.

— Это наши бомбардировщики! — сразу определил по звуку капитан Абрамов.

— Сейчас дадут прикурить фрицам! — сказал Осипчик с мягким бархатистым смешком.

Самолеты как раз проходили над самым лесом, с востока на запад. В сгустившихся сумерках они уже не были видны. Но по плотности звука чувствовалось: идет их много.

Вдруг весь лес озарился ярким — ярче дневного — светом. Ребята, ахая от удивления, подняли головы: в небе, словно гигантские уличные фонари, повисли на парашютах десятки ослепительно-белых ракет.

«Надо остановить колонну! — мелькнула мысль у комполка. — Еще, чего доброго, примут нас за немцев». И он тотчас же отдал команду:

— Свернуть с дороги в лес и прекратить всякое движение! А то и нам влепят.

Только партизаны нырнули в лес, земля закачалась, и взрывы от бомбежки покатались частыми громовыми раскатами.

— Долбают Лиду! — определил со знанием дела Осипчик. — Это крупный транспортный узел — и войск там сейчас, должно быть, тьма...

Всю эту ночь, пока советские бомбардировщики обрабатывали город Лиду, выкуривая оттуда гитлеровцев, от ракет, подвешенных на парашютах, было светло как днем. Одни ракеты гасли — вместо них появлялись на парашютах другие... Казалось, это праздничные салюты рассыпаются в небе огнями. Опьяненные предчувствием победы партизаны кричали всю ночь «ура», забыв об опасности.

— Ох, и настроение у наших хлопцев! Как в канун

светлого праздника, — покачивая головой, говорил старый ездовой Николай Григорьевич Панков.

На повозке, спрятанной между деревьев, сидели девчата-медсестры. Все они были из берсеневского батальона: Лида Ядченко (так ее называли теперь по фамилии Михаила), Поля Белоус и ставшая бойцом разведроты Оля Могила, по-прежнему тянувшаяся к подружкам. Новенькой среди них была только Ядвига Плюснина. Смешливая и верткая, как юла, она насобирала в лесу при свете ракет спелой малины. Вместо лукошка Ядвиге служила трофейная каска с двумя рожками, напоминающими складные радиоантенны.

— Ешьте, девчата, не побрезгуйте трофейной посудинной! Хозяин этой каски, наверное, и внукам своим закажет: чтобы к нам по ягоды, со свиным рылом, не лез!

— А где ему, тому фрицу убитому, внуков взять, если он здесь неженатый навеки остался? — спросила с подковыркой Лида. — Видите, след прямого попадания на каске!

— Значит, на удобрение завоеватель пошел! В нашей земле сгниет, — ответила Оля Могила, все еще мучительно переживая смерть брата Васи. — Кто их сюда, чертей рогатых, звал?

— Ох, и достанется им всем в том городе, что носит твое имя, Лида!.. — задорно сказала Ядя, самая младшая из всех.

Девчата, посмеиваясь, брали малину из вражеской каски, в которой зияло черным зрачком входное отверстие от бронебойной пули... А в призрачном, театральном освещении подвешенных к парашютам ракет верхушки деревьев казались четкими и колючими, будто выпиленными из фанеры.

— Не досталось бы и нам! — заметила рассудительная Поля Белоус, моргнув прямыми стрельчатыми ресницами. — Одной такой бомбы на весь батальон хватит!.. Ведь советские летчики могут не знать: где тут в лесах партизаны?

— Ешьте, девчата, скорей малину. А то вдруг помрем и не успеем доесть, а она такая сладкая! — подбадривала подружек неистощимая на выдумки Ядя. Говорила она уже почти без польского акцента.

Вдруг несколько бомб разорвалось одновременно. От испуга лошади шарахнулись в сторону.

— О, господи!— с трудом сдержав их, пробормотал пожилой возница.— Все бы оно ничего. И пострашнее мы видели! Да только самое обидное — от своих нечаянную смерть принять!

— Девочки, я хоть сейчас, здесь погибнуть согласна, лишь бы никогда больше не было войны!— убежденно сказала Ядвига.— Никогда!..

Только на рассвете, когда бомбежка утихла, полк смог двинуться дальше.

У деревни Березовка колонну встретил лейтенант Осипчик, уже успевший побывать там в разведке. Добротный черный бостоновый костюм («подарок» убитого полица) отлично сидел на его ладной фигуре. Кепка была лихо сдвинута набок. А из-под густых черных бровей внимательно смотрели цепкие зеленоватые глаза.

— Товарищ капитан! В Березовке полно немцев и всякой нечисти. Громадный обоз,— доложил он.— Шоссейный мост на Немане взорван. Вероятно, противник собирается строить переправу.

Комполка, тут же подозревав обоих своих комбатов, повторил им сообщение Осипчика и спросил:

— Ну что, хлопцы, будем делать? «Поможем» фрицам переправиться?

— А что тут долго думать?— ответил Андрей Калинович (у него на все был один ответ).— Надо бить!..

Саша Берсенов, сняв с разгоряченной головы свою самодельную зеленую фуражку, молча кивнул в знак согласия.

— Тогда тихонько разворачивайте батальоны,— сказал комполка (его колонна стояла на самой окраине Березовки),— и сразу навалимся на противника. Седьмой батальон пойдет правее дороги, шестой — слева. Гоним немца прямо в реку!.. А ты, Володя, со своими хлопцами,— повернулся он к лейтенанту Осипчику,— не задерживаясь, жми дальше вдоль Немана. Километрах в десяти отсюда — железнодорожный мост. Если он цел, захвати его и держи до подхода шестого батальона!

В Березовку вошли без единого выстрела. Вражеские солдаты, ни о чем не подозревая, занимались своими делами: кто ковал в кузнице лошадей, кто умывался, кто, сняв мундир, лупил вшей. Удар партизан был как гром

среди ясного неба. Гитлеровцы не бежали, а сыпались в реку.

Прочесав Березовку, 6-й батальон устремился дальше, к железнодорожному мосту, куда уже помчался с конной разведкой Осипчик. Берсенев со своими ротами еще добивал гитлеровцев в Березовке.

Жуков, скакавший на взмыленном, рослом под стать седоку коне, держался во время прочески рядом с Сашей Берсеневым. Заваленная трупами гитлеровских солдат улица осталась уже позади.

— Ну, теперь все,— произнес комбат-7, повернувшись к Жукову. И приказал всем зычно: — Отбой!.. Спешиться и собрать пленных.

За селом начиналась жиденькая, полупрозрачная кромка леса. Туда, стараясь затеряться между стволов, удирали немцы, оставшиеся в живых после боя и не успевшие переправиться через Неман. Опасности со стороны этого леса партизаны уже не ждали.

Двое длинношеих, тощих — лет по шестнадцать — «фриценят» стояли почти подле Жукова у опушки, подняв руки: сдавались в плен.

Виктор, спрыгнув с коня, направился к ним, испытывая странную полубрезгливую жалость, какой не замечал за собой прежде. Но вдруг тот золотушный юнец, что стоял ближе, изловчился швырнуть гранату. Метил он прямо в Берсенева.

«Сообразил, гаденыш, кто тут командир!» — успел подумать Виктор, а пальцы его, почти автоматически, пустили в ход ППШ. Тот, который бросал гранату, упал,— никакой врач уже не вернул бы его к жизни... А второй, рыжеватый, еще выше подняв руки, залопотал испуганно:

— Война капут! Гитлер капут!

— Теперь кричишь «Гитлер капут»? — зло спросил Жуков, еще держа палец на спусковом крючке. Но оглянувшись мельком на своего любимого комбата и удостоверившись, что граната не разорвалась, Жуков смягчился. Слишком юн и глуп был стоявший сейчас перед ним враг.— Сопли вытри, «зольдат»! Парад в Москве устроить хотели? Русские сами вам его устроили — пленных фрицев через всю Москву вели!

Пленных, взятых в Березовке, решено было передать советским регулярным частям, которые находились уже где-то совсем близко. Но документы убитых Жуков, вер-

ный привычке разведчика, сдал своему командованию.

Перебирая солдатские книжки, комполка-3, против собственной воли, надолго задержал взгляд на одном письме. Простреленное, залитое кровью, оно было вложено в одно из военных удостоверений, увенчанное хищным имперским орлом со свастикой. Фамилию убитого на побуревшем от крови картоне было уже невозможно разобрать. Но само письмо поражало ясностью, не нуждаясь ни в каком переводе: видимо, это жена немецкого солдата, приложив к листу бумаги ручонку своего малыша, аккуратно очертила ее карандашом.

После всех фашистских зверств здесь, на оккупированной земле, комполка не склонен был умиляться при виде контура детской ручки, который прислала мужу какая-то фрау. Именно таких детей — только русских, украинцев, белорусов, поляков, — надевали на штыки и бросали в огонь «арийские» папаши. И до сих пор все немцы, пришедшие сюда, казались ему одинаковыми: это были захватчики, ненавистные «фрицы», фашисты. Но если были среди немцев антифашисты, перебежавшие на нашу советскую сторону или томившиеся в гитлеровских застенках, то, значит, и те, что мобилизованы вермахтом, тоже могут быть неодинаковы? Что же привело их всех сюда, под пули и осколки на чужбину? Жадность? Покорность? Безумный дурман? И как жить народам, воевавшим между собой столько лет, когда наступит наконец мир? Ведь одной ненавистью к захватчикам, как бы ни была она законна, не искоренишь отраву, которую посеял фашизм в сознании обыкновенных людей (даже детей) в оправдание их якобы «сверхчеловеческого» права на подлость, грабежи и убийства.

Враг бежал теперь почти без оглядки, бить его становилось все легче, но пока он существовал здесь, на советской земле, каждому патриоту было ясно: надо уничтожить врага, если он не сдается. Ну, а потом, когда вся Европа будет освобождена, а фашизм повергнут? Наказывать Германию или освобождать ее?

И молодой комполка постарался представить себе, как бы ответил на все эти вопросы бессмертный комиссар ковпаковцев — Семен Васильевич Руднев. Будь сейчас комиссар здесь, рядом, он наверняка бы сказал:

— Освобождать Германию! Дети не виноваты. Судить мы будем военных преступников, а не народ.

...То, что война близится к концу, чувствовалось во всем, хоть и продолжали свистеть пули. Через полчаса при переходе шоссе Новогрудок — Лида выставленный Андреем Цимбалом заслон вдруг столкнулся с армейцами, спешившими к Неману с востока. В первый момент они приняли ковпаковцев, одетых почти во все трофейное, за противника и открыли было огонь. Но сразу же разобрались.

— Отставить огонь! — раздалась команда. — Это наши! Партизаны!

Снова — как было под Столбцами, когда ковпаковская дивизия встретилась с пливцами, — полетели в воздух шапки, раздалась крики «ура».

Увидев артиллерию армейцев, которая становилась на огневые позиции тут же, за шоссе в лесочке, начштаба партизанского полка, красный от жары, круглолицый молодой капитан Абрамов обратился к ним с просьбой:

— Братцы, подсобите нам огоньком! — и, нетерпеливо теребя усы, Сергей Абрамов объяснил командиру артдивизиона создавшуюся в Березовке ситуацию.

Артиллеристы выполнили просьбу партизан немедленно и с явным удовольствием.

Увидев разрывы снарядов, вздыбливающих фонтанами воду в Немане, который сейчас кишел барахтающимися немцами, и поняв, откуда пришла помощь, партизаны Берсенева закричали:

— Урра-а! Нам помогает наша армия! Сразу видно — регулярные части!

На этот раз ковпаковскую дивизию догнали передовые отряды 2-й танковой армии.

Передав армейцам целехонький железнодорожный мост на Немане, захваченный 3-м полком, Вершигора двинулся с дивизией вдоль левого берега реки на запад и, отмахав без отдыха форсированным маршем восемьдесят пять километров, подошел к деревне Москали на реке Щара.

За день ему удалось снова оторваться от своей регулярной армии. Сделав короткую передышку, «Борода» уже хотел было продолжать марш, чтобы дальше проникнуть в тыл врага. Но узнав вдруг, что фашистское командование готовит оборонительный рубеж вдоль западного берега реки Щары, по которой сейчас проходила

новая гитлеровская «граница» Восточной Пруссии (прежняя, законная граница была километров на полтора за западной реки), Вершигора устремился за Щару.

— Сделаем еще одно полезное дело для своей армии, — сказал он комиссару и начальнику штаба.

Полки, с ходу форсировав вброд Щару в нескольких местах, уничтожили «пограничную» охрану противника, а также части прикрытия и к ночи заняли удобный плацдарм: более десяти километров по фронту и около пяти — в глубину.

Утром оккупанты, стремясь укрепить новую границу гитлеровского рейха, бросили на Вершигору танки и мотопехоту, пытаясь выбить его обратно за реку. Но сделать этого не смогли: за ночь партизаны успели приспособить почти готовые укрепления, которые немцы сами построили для себя, предвидя наступление советских войск. А кое-где ковпаковцы сделали и новые окопы да еще надежно заминировали танкоопасные участки.

У противника, судя по всему, еще не было на этом участке достаточно сил. Он только сейчас срочно перебрасывал сюда войска и сразу швырял их в бой.

На полки Бакрадзе и Кульбаки гитлеровцы кидались в атаку пять раз. А на 3-й полк наступать вторично не решились. Но одна эта необычная атака стоила, быть может, многих.

Отражал ее в основном батальон Берсенева. Первым заметил цепи противника, выходявшие на болотистую лесную поляну из кустарника, начштаба 7-го батальона лейтенант Сивопляс. Он стоял, рослый, вислоплечий и русоволосый, как сам Саша Берсенов, и спокойно наблюдал за местностью из новенького окопа, построенного немцами на лесной опушке.

— Смотри, комбат, кажется, фрицы хотят взять нас на испуг! — обратился Сивопляс к Берсенову. — Идут тремя цепями, как волнами!..

— Пусть, — бросил Берсенов невозмутимо. — Надо только подпустить их поближе. Передай хлопцам: без моей команды не стрелять!.. Посмотрим, кто кого испугает.

Все три цепи гитлеровцев шли быстро, почти бегом, будто боялись, что опоздают. Первая цепь еще издали открыла беспорядочный автоматный огонь. Подпустив ее совсем близко, метров на пятнадцать, Берсенов нажал на

спусковой крючок. То был сигнал: весь лес загудел дружными пулеметными и автоматными очередями.

Первая цепь противника споткнулась и сломалась от этого огня, словно кто-то перервал ее. Одни солдаты, естественно, как по команде, вскинув руки, замертво падали на землю; другие в панике бежали назад. Вторая цепь, шедшая всего в каких-нибудь тридцати метрах за первой, тоже не выдержав огня, повернула обратно. И вдруг оттуда, из последней, третьей цепи, донеслась русская отборная брань.

— Комбат, смотри: их, кажется, подгоняют власовцы!— крикнул Сивопляс.

— Колбасники паршивые, вам только бы грабить! А смерти боитесь?— гремел из вражеской цепи все тот же надсадный голос.— Что, до самого Берлина отсюда драпать будете?!

Но немцы, подгоняемые дружным партизанским огнем, убегали без оглядки. И тут вдруг в лицо отступающим ударили свои же пулеметы. Берсенева, пораженный увиденным, на время прекратил огонь.

— Вот это да! Власовцы расстреливают немцев!— проговорил он, сдвинув фуражку на затылок.

— А чему тут удивляться?— спросила стоявшая рядом с ними в окопе растрепанная ветром белокурая Лидия Ядченко.— Тем власовским подонкам уже терять нечего: знают, пощады им ни от кого не будет. Вот они и мстят фашистам, что те их до такого позорного конца довели...

Расстреляв убежавших немцев, власовская цепь сама озверело ринулась навстречу смерти. Партизанам уже видны были лица бегущих.

— Пьяные в дымину!— проговорил Берсенева.— Качаются многие!— И когда власовцы поравнялись с уже мертвой немецкой цепью, опять нажал на спусковой крючок. Огонь подхватили все роты. Последняя цепь наступавших рухнула на трупы гитлеровцев. Отступать уже было некому.

Берсенева, наспех просмотрев документы убитых, с сомнением покачал головой.

— Подозрительное дело! Многим из этих «русских» жены по-немецки письма пишут и на разных прочих языках! Опять тут, выходит, какая-то провокация фашистов? Под знамя одного предателя они напихали всякую шваль,

уголовников со всего света. Да эмигрантов — вроде того белого генерала Краснова, что мы под Щорсами недавно фуганули! Проходимцы, наемники!

Сивопляс, выслушав его, пожал плечами.

— Чему тут удивляться, комбат? Такой метод у их пропаганды — делать из мухи слона! Одного подлеца купили и давай его именем называть кого попало. Вот тебе и «власовцы» готовы.

— Точно, что теперь уже готовы! — кивнул на убитых Берсенева.

Выслав вперед разведку, партизаны занялись сбором оружия и подсчетом трофеев. Но попытки врага отбить плацдарм на этом не кончились. В течение двадцати часов удерживали ковпаковцы плацдарм на реке Щаре.

...Поля Белоус, по-детски размазывая слезы кулаками, плакала после боя. И стыдясь этих слез, отворачивала от подруг свое распухшее покрасневшее лицо. Плакала она о коне: погиб ее любимый Серко, Серый. Тот самый ученый конь, что умел падать камнем во время перестрелки, защищая своим телом всадника, сегодня в последний раз сослужил ей службу.

Петр Петрович Вершигора, находившийся как раз в расположении 3-го полка, подошел к пригорюнившейся Поле.

— Что, прощаешься со своим четвероногим другом? — И чтобы чем-то развеселить, утешить расстроенную девчонку, сказал вдруг, обнажая в улыбке белые ровные зубы: — Так он же с «больными» ногами был, «хромой». Спотыкался так, что меня чуть не угробил.

Видел хитрый веселый «Борода» эту озорную молодежь насквозь!..

— Простите нас с Николаем, Петр Петрович! — тихо произнесла Поля, вытирая краем косыночки мокрые глаза. — Может, мы нехорошо тогда сделали, очень нехорошо! Но так крепко этого коня полюбили, такой умница конь был! Как собака, ходил за нами следом. Мы даже мечтали с Николаем: когда кончится война, взять того Серка с собой, в родное село!

Петр Петрович помолчал, сжав пальцами свою густую бороду. Подумал о чем-то и, глядя вдаль, произнес:

— Да, сколько этих безвестных коняг, наших бессловесных помощников, погибло во время боев и во время долгих нелегких маршей. На краю пропасти, в болотах,

под пулями — везде они были с нами, безропотные и преданные. Я, если б был поэтом, стихи бы о боевом коне написал. Честное слово! А коня, Поля, вы с Николаем все равно в родной свой Камень приведете: дадим вам.

Вечером 10 июля, передав плацдарм подошедшим частям Советской Армии, ковпаковская дивизия повернула на север и форсировала вброд Неман у деревни Береговцы. Лето было очень жаркое, сухое. К тому же за годы войны никто не чистил дно реки землечерпалками, и кое-где образовались перекаты. Знающий эти места старый крестьянин легко перевел партизан через реку, считавшуюся прежде судоходной.

После переправы двинулись дальше — на запад.

Во время марша, при переходе железной дороги Лида — Волковыск, подразделения 1-го и 3-го полков захватили станцию Рожанка и разогнали только что прибывший сюда из Германии 122-й гаубичный артиллерийский полк 50-й пехотной дивизии, которой командовал генерал Вейтлинг. Бросив свои пушки, гитлеровцы разбежались в темноте кто куда.

Утром, когда партизанская колонна ушла дальше, остатки этого гаубичного полка собрались в лесочке южнее станции. На них-то и набрели (как вспоминал не раз об этом Михаил Ядченко) два ковпаковских разведчика.

Немцы, поняв, что война уже проиграна, сами сдались в плен двоим партизанам, чтобы сохранить себе жизнь... Пятьсот пленных, построенных в колонну, подошли к штабу Вершигоры, распевая на ломаном русском языке «Катюшу». Видимо, многие из них ощутили всю бессмысленность войны, развязанной фюрером, и радовались, что им удалось уцелеть.

— Генералам сейчас не до нас! — объясняли немецкие солдаты. — У них свои заботы и свои счета в иностранных банках!

Один из пленных, ефрейтор Лихман, заявил не без иронии:

— Только вчера новый командир нашей пятидесятой дивизии генерал Вейтлинг сказал солдатам: «Положение наше серьезное, но я дал клятву фюреру — задание выполнить, людей спасти, а технику сохранить. Я не пойду по стопам своего предшественника генерала Сико, кото-

рый в трудную минуту вас оставил, бежав из Крыма».

Узнав, что в местечке Мосты располагаются остальные части 50-й дивизии генерала Вейтлинга, Вершигора улыбнулся и спросил у командиров полков:

— Может, хлопцы, проверим на деле преданность генерала Вейтлинга своему фюреру?.. Брайко, твой полк на конях, давай-ка скачи прямо сейчас галопом на эти Мосты... Бакрадзе пойдет вслед, тебя поддержит.

И вот среди белого дня 3-й полк вихрем помчался на Мосты. Дорога туда, благо, шла лесом, и ковпаковцы, незаметно подобравшись к самому местечку, обрушились, как гроза, на Вейтлинга. Немцы, не приняв боя, разбежались. А сам генерал, забыв свои клятвы, удрал в Гродно.

Вслед за 3-м полком подошел к местечку Мосты, само название которого говорило о наличии переправы, и полк Бакрадзе. Воспользовавшись паникой среди немцев, 1-й его батальон захватил здесь железнодорожный мост через Неман, уже подготовленный фашистами к взрыву.

Вечером 12 июля партизанская дивизия снова форсированным маршем двинулась на запад, к Августовским лесам. А утром 15, почти одновременно с регулярной армией, ковпаковцы подошли к городу Гродно. Туда же, под Гродно, бросило свои танковые войска и гитлеровское командование. Фронт начал стабилизироваться.

По существу партизанская дивизия свою задачу уже выполнила. Но «Борода» мечтал о новом рейде, и так как совершить прорыв в районе Гродно оказалось невозможным, решил двинуться вдоль фронта на юг, выискивая лазейку, через которую удастся проскочить с дивизией в тыл врага.

Теперь Вершигора волей-неволей должен был снова форсировать Неман, по которому здесь как раз проходила все та же «новая», искусственно созданная фашистами граница с Восточной Пруссией. Земля эта была заселена, кроме немцев-колонизаторов, белорусами, украинцами, поляками, то есть славянами, исконными жителями здешнего края. Кстати, когда-то, даже на территории самой Восточной Пруссии, обитали славяне-полабы, жившие по берегам реки Лабы, как прежде называлась Эльба. Затем значительная часть коренного населения была уничтожена средневековыми колонизаторами — тевтон-

скими рыцарями, и подданные гитлеровского рейха чувствовали себя хозяевами всех этих, искусственно онемеченных земель.

Вполне понятно, что поляки, белорусы, украинцы встречали советских партизан, как родных братьев, но немецкое население было холодно, словно лед.

Хоть и кипело у ковпаковцев сердце от обиды и боли за свои разрушенные деревни и города, за своих убитых гитлеровцами отцов, матерей, сестер, проходя через эти немецкие села, партизаны не трогали жителей.

Однако уже в первые дни ковпаковцы обнаружили, что гитлеровские власти после ухода партизан из славянских селений зверски расправлялись с жителями: сжигали дома вместе с людьми.

— Вот садисты! — возмущался Вершигора. — Хоть бы о возмездии подумали, ведь оно близко!.. Как нам поступить, комиссар? Оставлять безнаказанным это нельзя!

Николай Алексеевич Москаленко, к которому Вершигора обратился за советом, долго молчал. Наконец, нахмутив брови, отчего стало неузнаваемо строгим его обычно очень доброе лицо, сказал:

— Мне даже думать об этом тяжело, но все-таки остановить таких зверей можно только решительными мерами: надо предупредить их, что за каждое сожженное фашистами белорусское, польское или украинское село мы будем сжигать десять немецких!

— Да. Давай так им и заявим... — вздохнул Вершигора.

И тут же вдвоем с комиссаром они составили листовку следующего содержания:

«Немецкие власти уничтожают деревни, в которых в ходе марша останавливается советская передовая воинская часть. Предупреждаем: впредь за каждую сожженную белорусскую, украинскую или польскую деревню мы будем сжигать десять немецких. Советское командование».

Листовка была ротаторная, тиражом в пятьдесят тысяч. Такими делами заправляла ковпаковская типография, которая работала на трех языках: русском, украинском и немецком. «Хозяйство Мыколы Москаленко» называли ее партизаны. Хозяйство было толковое, работало без осечки.

Листовки тут же развезли по деревням. И сразу, как

по мановению волшебной палочки, гитлеровские власти прекратили зверства.

— Смотри, комиссар, поняли быстро, как надо себя вести!— сказал довольный Вершигора.

— Да, конечно,— согласился Москаленко.— Не зря в народе говорят: бей врага его оружием!..

Стремительно продвигаясь на юг по Гродненской области, искусственно приписанной Гитлером к Восточной Пруссии, а затем по территории уже знакомой ковпаковцам Польши, Вершигора всячески выискивал щель, чтобы снова проскочить в немецкий тыл. Подойдя к Беловежской Пуще, памятной всем со времен Польского рейда, партизанская дивизия обогнула ее на этот раз с северо-запада и рано утром 24 июля остановилась на дневку неподалеку от сел Грегоровце и Дыдуле, в расположении 105-го стрелкового корпуса. Отсюда Вершигора и рассчитывал совершить прыжок в оккупированные районы.

Только партизанские полки расположились в двух соседних рощицах, в штаб к Вершигоре, находившийся в крохотном хуторке, чуть не бегом явился Клейн. Верхние пуговицы его всегда безупречного мундира были сейчас расстегнуты, бледное лицо стало пунцовым от жары.

— Петр Петрович! Вернулись мои ребята, которых мы посылали к Бугу. Докладывают: с запада, со стороны местечка Боцьки, прямо сюда, на Грегоровце и Малиники, прет около двухсот фашистских «тигров» с автоматчиками на броне.

— Та-ак!.. А наши армейцы знают об этом?— насто-роженно сузив глаза, осведомился «Борода».

— По-моему, нет. Во всяком случае, они пока что чувствуют себя спокойно.

Вершигора резко повернулся к начальнику штаба Войцеховичу, который по обыкновению колдовал над оперативными картами.

— Вася, надо срочно поставить в известность командование корпуса. Поезжай-ка ты к ним сам.

Почти такие же сведения о наступающих на Грегоровце вражеских танках получил от своих разведчиков и командир 3-го полка. Послав донесение об этом Вершигоре, комполка сел на лошадь и помчался в располагающийся рядом штаб 15-й Сивашской дивизии того же 105-го корпуса, на который двигались со стороны местечка Боцьки двести танков.

Разыскав начальника штаба Сивашской дивизии, комполка застыл на месте от удивления: за столом, покрытым картой, сидел его бывший преподаватель, чернобрый смуглый капитан Фомичев, читавший когда-то в пограничном училище лекции по агентурной разведке, любимец всех курсантов. Только теперь уже Фомичев был подполковник, с аккуратными, даже щегольскими новенькими погонами и при боевых орденах.

Начались неизбежные при такой встрече восклицания и расспросы.

— Ну, так с чем ты ко мне пожаловал?— обнимая своего бывшего ученика, поинтересовался, наконец, Фомичев.

— Я приехал предупредить вас...

— О чем?

Комполка подробно объяснил Фомичеву обстановку. Но подполковник только засмеялся в ответ:

— Ерунда!.. Какие там танки? Это — не сорок первый год. Сейчас в полосе наступления нашего корпуса немцы бегут везде!..

Примерно то же самое ответили и Войцеховичу в штабе прославленного 105-го стрелкового корпуса: успех ослабил осторожность людей.

Когда обо всем этом доложили Вершигоре, он очень огорчился и, быстро взвесив сложившуюся ситуацию, сказал своему начштаба:

— Да-а... такая самоуверенность может дорого обойтись сто пятому корпусу... Сколько погибнет хороших людей — советских солдат!.. — И после короткой паузы добавил: — А впрочем, попробуем их спасти. Я дам сейчас шифровку Рокоссовскому. Если командующий фронтом успеет бросить авиацию, чтобы раздолбать эти танки в пути, корпус будет спасен. Ну, а если штурмовики наши не успеют, тогда... — Вершигора развел руками, — тогда, как только фашистские танки ударят по этому корпусу, он откатится поневоле назад!.. А мы снова останемся в тылу врага и рванем дальше на запад.

Петр Петрович, круто повернувшись, быстро направился к своему радисту, привезенному им с Большой земли перед выходом в Неманский рейд для связи со штабом 1-го Белорусского фронта.

В полдень гитлеровские танки двумя огнедышащими колоннами навалились на 105-й корпус: около ста «тиг-

ров» устремилось на 15-ю Сивашскую стрелковую дивизию и примерно столько же закованных в броню машин — прямо на огневые позиции 95-й Сивашской гвардейской артбригады.

15-я Сивашская стрелковая дивизия начала поспешно отходить на восток...

Когда же «тигры» с автоматчиками на броне атаковали огневые позиции артбригады и даже захватили одну из батарей, к ковпаковцам в 3-й полк, замаскировавшийся в соседней рощице, прибежал командир этой артиллерийской бригады — статный плечистый генерал с орденами и медалями в несколько рядов.

— Братцы! Выручайте!— взволнованно заговорил он.— Не то всю нашу артиллерию передавят! Погибнут такие люди!.. У меня осталось по десять снарядов на пушку, а тягачи — за пятнадцать километров отсюда. Прикройте только мои пушки от этих проклятых автоматчиков, и тогда мы перехлопаем все фашистские «тигры»!

Командир партизанского полка по достоинству оценил находчивость армейского генерала: партизаны действительно не боялись гитлеровских автоматчиков, а гаубичной артиллерии «тигры» были нипочем — лишь бы только кто-то прикрыл пушкарей во время работы.

Цимбал, гипнотизируя своего комполка взглядом, казалось, говорил: «Поможем, товарищ капитан!» А Берснев молча кивнул.

— Конечно, поддержим, товарищ генерал!— ответил комполка.— Дело у нас общее.

И батальоны бегом бросились выручать артиллеристов, дошедших сюда, быть может, от Москвы и Сталинграда...

Вслед за 3-м полком был пущен в дело и 1-й. Ковпаковцы мгновенно отбили артдивизион у немцев. Сивашская бригада, чувствуя поддержку партизан, начала крошить из своих гаубиц фашистские танки. Работали армейцы мастерски, точно и сноровисто. За каких-нибудь тридцать минут на глазах у восхищенных партизан артиллеристы расстреляли двадцать восемь «тигров». Да еще восемь подорвались на ковпаковских минах. Остальные фашистские танки повернули назад и удрали.

А первая (или, точнее, левая) колонна немецких танков тем временем нанесла сильный удар 15-й Сивашской стрелковой дивизии, и она была вынуждена отступить.

Ковпаковцы, как и предвидел Вершигора, оказались опять в тылу врага. Но их обоз в ходе совместного боя откатился с 15-й Сивашской дивизией километров на пятнадцать в советский тыл. И партизаны, спасшие 95-ю Сивашскую гвардейскую артбригаду, остались с голыми руками: без боеприпасов, без взрывчатки, без медикаментов — без всего! Волей-неволей им пришлось возвращаться в советский тыл.

Разыскивая свой обоз, ковпаковцы остановились на дневку в деревне Витово, на западной опушке Беловежской пуши.

А сивашцы вернулись на свои прежние позиции после того, как тридцать «илов» хорошенько разутюжили обе танковые колонны противника, получив соответствующую команду из штаба фронта от Рокоссовского. Особенно досталось при воздушном налете той колонне «тигров», которая гналась за 15-й Сивашской стрелковой дивизией.

На следующий день после этих бурных событий, 25 июля, Вершигора получил радиogramму от начальника УШПД генерал-лейтенанта Строкача: ковпаковцы выполнили задание Ставки и могут выходить на отдых в район Киева.

Это обстоятельство вызвало страшную досаду у Вершигоры, хотя он в ходе успешного, прямо-таки молниеносного Неманского рейда и получил звание генерал-майора. Огорчены были многие ковпаковцы: партизанская эпопея кончилась! Пожалуй, только один комиссар Москаленко смотрел на случившееся как на неизбежность:

— Наступил, наконец, тот самый, исторически закономерный момент войны, когда вся наша земля полностью освобождается от оккупантов, и партизаны, как бурная река в море, вливаются в регулярную армию,— говорил Мыкола Москаленко.— Ведь победа у нас общая!

И против очевидности возражать было нечего: освобождали свою землю сообща — и регулярные войска, и бойцы невидимого фронта. Кровным родством с Советской Армией гордились все партизаны.

Итак, последний, седьмой по счету, Неманский рейд закончился. Неутомимый Войцехович еще до вечера успел подвести предварительные итоги.

Когда командир с комиссаром зашли к Войцеховичу, он сказал:

— В общем, за месяц дивизия прошла по тылам противника более тысячи ста километров и провела девяносто боев! Мы уничтожили около трех тысяч вражеских солдат и офицеров. Это только по количеству снятых трофеев,— выразительно посмотрев на Вершигору, подчеркнул пунктуальный начштаба.— А в действительности потери противника гораздо больше! Наши потери — тридцать два человека убитыми.

— Да!.. В этом рейде мы воевали малой кровью... — согласился комиссар. И со вздохом добавил: — А хлопцев тех вдвойне жаль!.. Какие хлопцы!

— Знаете, почему в этом рейде минимальные потери?— спросил Петр Петрович и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Потому, что мы сумели избежать своих «классических» ошибок. То есть мы не затянули рейд на длительное время, провели его молниеносно! Противник не имел возможности разведать нас и предпринять контрмеры...

Петр Петрович нагнулся к столу, на котором в глиняном горшке, потрескивая, догорала пара смолистых лучинок. Взяв новые, он осторожно поднес их к затухающему огоньку и зажег. В хате сразу стало светлее.

— Наш Неманский рейд,— продолжал Петр Петрович, расхаживая по горнице,— отличается от предыдущих тем, что мы провели его в оперативном и даже тактическом взаимодействии с наступающими регулярными войсками!

Войцехович, привыкший фиксировать мысли командира налету, торопливо записывал что-то в свою тетрадь, благо, освещение позволяло ему это делать.

— Наш Неманский рейд еще раз доказал преимущество рейдовой тактики по сравнению с тактикой отрядов, привязанных к какой-то определенной территории,— углубившись в свои мысли, тише произнес Вершигора, медленно разглаживая бороду.— Блокировка территории, занятой партизанами, и наличие специальных вражеских гарнизонов связали «сидячие» отряды по рукам и ногам. Поэтому в момент бегства противника на запад эти отряды были вынуждены к бездействию или действовали мало эффективно.

Он говорил еще долго, комиссар добавлял свое. А Войцехович, взвешивая каждое слово, записывал то,

что казалось ему самым важным, самым нужным и самым убедительным, то есть все, что может пригодиться в будущем. Ведь последний рейд ковпаковцев был как бы завершающим аккордом во всей их героической эпопее.

В дальнейшем 1-я Украинская Партизанская дивизия имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака выполняла уже указания не УШПД, а министра Внутренних дел Украины (впрочем, старого друга ковпаковцев — Тимофея Амвросиевича Строкача).

1-я УПД перешла теперь в состав войск МВД, слившись окончательно с регулярными частями. Вскоре дивизия была переформирована в 1-ю кавбригаду Министерства внутренних дел УССР. Командиром этой кавбригады назначили комполка-3 (Героя Советского Союза майора П. Е. Брайко.— *Ред.*). Генерала Вершигору отозвали в Киев, а затем — в Москву, на новую, очень важную работу.

Отныне 1-я кавбригада МВД УССР переключена была на борьбу с остатками вражеских войск и с фашистской агентурой в областях, временно подвергавшихся оккупации.

Родная земля была освобождена.

Уже на освобожденной территории 7 августа 1944 года ковпаковцы по радио услышали Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза генералу Вершигоре, начальнику штаба Войцеховичу, командирам трех полков: Бакрадзе, Кульбаке и Брайко, а также комбату-6 Цимбалу и командиру кавдивизиона Ленкину с его начальником штаба Тутученко.

В этих высоких наградах, которые вручались героям-ковпаковцам уже в столице Украины, вольном Киеве, отражался ратный труд многих самоотверженных бойцов.

А на Волыни, где находились сейчас ковпаковцы, борьба еще продолжалась: гибли от рук фашистских наемников мирные, ни в чем не повинные люди. Бандиты с «жовтоблакитными» (желто-голубыми) повязками «самостийныкив» грабили народ по ночам. Отбирали все продовольствие для «повстанческой» армии. Вешали непокорных, кто отказывался уходить с ними. Убивали детей.

Выкалывали женщинам глаза. Бросали свои жертвы в колодцы.

— Знакомый почерк! Будто гестапо работает! — стискивая зубы от ненависти к палачам, возмущались партизаны, защищавшие мирное население.

Были раненые и убитые среди самих ковпаковцев — или, как они теперь назывались, бойцов 1-й кавбригады МВД Украины. Но все же успех был на стороне партизан, прошедших мудрую школу у Ковпака, который еще в гражданскую войну громил махновские банды. Тактика бандеровцев, маневрировавших в определенных районах и державших в страхе все население, напоминала тактику их духовных отцов: петлюровцев и махновцев, с той лишь разницей, что базировались теперь бандиты в подземных убежищах — схронах, которые гадючьим клубком змеились под деревьями.

Запуганные зверствами местные жители крадучись указывали ковпаковцам местонахождение банд. Но не каждый из бойцов, защищавших свою родную землю от бандеровских «сотен» и «куреней», знал в то время всю сложную, сплетенную из лжи и вероломства историю националистического движения в Западной Украине. В сущности, то была история личной карьеры подручных фюрера: полковника немецкой армии Коновальца и агентов гестапо Мельника и Бандеры, значившихся там в тайных списках под кличками «Консул-1» и «Сера». Впрочем, чему удивляться? Ведь после прихода Гитлера к власти резиденцией ОУН — организации украинских националистов — стал Берлин.

Все это подтверждали на Нюрнбергском процессе сами гитлеровские офицеры, готовившие вместе с «Консулом-1» и «Серой» специальные группы для диверсионных актов и провокационных выступлений на Украине. Точно так же и «движение» власовцев — даже по словам наших недругов, — явилось результатом давно взлелеянных немецко-фашистских планов психологической войны против Советского Союза.

Воскресить белую армию и банды украинских националистов под руководством гитлеровского вермахта и добиться успеха там, где четверть века назад потерпели полный провал Врангель, Колчак, Петлюра; использовать поражение Польши и первые неудачи на наших фронтах, чтобы нанести на карту разрушенной, оскверненной фа-

шистами Европы границы жовтоблакитной Украины, призрачной мечты петлюровских наследников,— вот основные планы антисоветских контрреволюционных сил в период с 1941 по 1944 год, планы генерала Гелена.

Реваншист из Восточной Пруссии, генерал Гелен был к тому же закоренелый враг славян, уничтожение которых входило еще в жизненную программу его предков, тевтонских рыцарей. Но именно Гелен — профессор в области лицемерия — ратовал за «новые методы» психологической обработки русских, украинцев, грузин, татар, словом, всех советских народов, считая политику кулака слишком примитивной. И «работа» Рейнгарда Гелена с украинскими националистами — типичный пример методов фашистской разведки. У этих «самостийников» — поборников самостоятельности — никогда не было ничего своего. Оружие, идеи, экипировка — все было чужеземное.

Напялив мундиры вермахта, украинские наци в 1939 году помогали Гитлеру покорять Польшу. С ходу начали оуновцы делить шкуру не убитого еще медведя. 10 февраля 1940 года в Кракове — на исконной польской земле — произошла конференция украинских националистов, или точнее — драка, вызванная дележкой. Так как глава их, господин оберст Коновалец (который, кстати, был личным другом начальника абвера Канариса) убит собственными сподвижниками в Роттердаме, а борьба за портфель продолжается, то произведен окончательный раздел: на ОУН-Б (то есть организацию бандеровцев) и ОУН-М (мельниковцев).

Гитлеру нравился этот, почти семейный «раскол» оуновцев, таивший в себе возможность «разделять и властвовать». У мельниковцев в Кракове был свой «центральный комитет». Бандеровцы алчно ждали вторжения вермахта в обещанный им Львов... Там-то они и объявили по радио во всеуслышание, что «Украина отныне свободна».

Появление головорезов с «жовтоблакитными» повязками под предводительством Бандеры (то есть фашистского агента «Серы») и главы фиктивного правительства Стецько запомнилось жителям Львова, как кровавый кошмар: убийство женщин, чьи мужья ушли на фронт защищать родную землю от захватчиков; изощренные издевательства над еврейскими детьми; повальное уничто-

жение поляков. Грабежи и насилия. А когда «самостийники» окончательно скомпрометировали себя этой садистской оргией, Бандера и Стецько во имя внешних приличий были «арестованы» гитлеровскими властями.

Что же означал такой арест? Двойной фарс, по выражению историков. И появление Бандеры с его подручными палачами во Львове, и последовавший затем арест бандитского «правительства» украинских националистов — это продукция одной и той же гитлеровской политической кухни. Агент фашистской разведки «Сера», перестаравшийся в своем рвении, отныне будет рекламироваться, как «борец» за независимую Украину, — ловко придуманный провокационный трюк, весьма характерный для почерка генерала Гелена, главного шефа бандеровцев.

Не случайна и подпольная кличка Бандеры в немецкой разведслужбе — «Сера». Зловонное и легко воспламеняющееся вещество, весьма невзрачное внешне. И это действительно был незаметный поначалу, но очень опасный агент. Ханжа и деспот, играющий роль «освободителя». Удобный попутчик для немецких фашистов, стремившихся уничтожить Польшу с целью полного онемечения ее исконных земель. А почва для волнений в западных областях Украины была благоприятна, так как национальные чувства коренного населения всячески оскорблялись во времена владычества пана Пилсудского.

Пока в фашистской разведке зрели планы новых провокаций, опекаемого Гитлером оуновского мессию доставили в Берлин, потом — в Заксенхаузен. И там этот «мученик» спокойно жил до 1944 года, когда его освободили и стали использовать уже открыто. На такое замаскированное, а затем уже и явное использование Бандеры пролил новый свет прогрессивный французский журналист Аллен Герэн.

«Я подчеркиваю слово «открыто», так как в период более чем двухлетнего заключения немцы использовали Бандеру скрытно.

...Такая инсценировка даст возможность ОУН-Б окончательно одержать победу над ОУН-М. И действительно, когда Мельник скомпрометирует себя открытым сотрудничеством с нацистскими службами, Бандера предстанет героем, заточенным в тюрьму за свою приверженность к священному делу «самостийной Украины». И да-

же если потребуется несколько вооруженных стычек бандеровцев с немцами, это не важно, как говорится, «лес рубят — щепки летят»...

Подобная маскировка пришлась по вкусу начальнику отдела «Иностранные армии Востока», и он принимает все меры предосторожности, чтобы иметь возможность полностью командовать бандеровцами». Бандера продолжал свое грязное дело даже тогда, когда фашистские военачальники подписали в Берлине полную и безоговорочную капитуляцию, а сам начальник отдела «Иностранные армии Востока» генерал Гелен продал Пентагону всю свою шпионскую картотеку.

По мере развития шпионско-диверсионной сети, получившей название «организация Гелена», особенно усиливается деятельность УПА в Польше — стране, которую еще недавно германские фашисты стремились стереть с лица земли, чтобы расширить свое «жизненное пространство». Бандеровцы сменили удравших оккупантов. Убийство мирных людей, поджоги, взрывы, сотни подобных злодеяний на счету УПА уже после войны.

Польский историк Ян Герхард свидетельствует:

«Зимой 1945/46 годов курень «Рен» вывел из строя одну роту из наших войск в окрестностях Смольника. Около тридцати солдат были захвачены бандитами в плен. После ужасных пыток они были поочередно обезглавлены топором, взятым у мясника. Об этой ужасной казни нам рассказал один из наших солдат, которому удалось вырваться оттуда. Еще пример. У нас в одном полку служил цыган. Его бандеровцы захватили в плен, кастрировали и потом в таком виде оставили в поле... В 1946 году в деревне Гусьвице бандиты сожгли живыми всех мужчин, престарелых женщин и детей. Всех молодых женщин изнасиловали и за «милость» с их стороны подвергли расстрелу. В одном хуторе вблизи от Волковыя жила семья с двумя детьми. Муж был поляк, жена украинка. В хутор нагрянули бандиты из сотни «Бир». Они приказали жене убить мужа. В случае, если она откажется, они угрожали убить детей. Женщина не выдержала, с ней случился нервный припадок, она сошла с ума и бросилась на бандитов. В конце концов вся семья была расстреляна. В том же 1946 году нападению подвергается уже Волковыя, чтобы наказать «строптивых» украинцев и проучить остальных. Нескольких мужчин привязывают к

скамейкам и распиливают пополам пилой. Бандиты из сотни «Хрын» схватили беременную женщину, распорол ей живот, вытащили ребенка и на его место положили живого кролика, а затем зашили живот сапожными нитками...»

Действия украинских наци были наиболее активны в пограничных зонах, и особенно на стыке советско-польско-чехословацких территорий. Бандиты обосновались здесь, словно в конспиративной квартире, имеющей сразу несколько выходов. И только 12 мая 1947 года, когда между Советским Союзом, Чехословакией и Польшей был заключен договор о взаимной помощи в борьбе против украинских националистов, являющихся прямыми пособниками немецкого фашизма, бандеровцы притихли. Для агента «Серы», выдающего себя за «освободителя», это был тяжелый удар. Для его хозяйина Гелена — тоже...

Впрочем, бандеровцы напомнили о себе еще и в 1956 году — на этот раз в Венгрии. Именно бандеровцы, понукаемые Геленом, участвовали в контрреволюционных событиях наиболее активно, перейдя для этого австро-венгерскую границу.

Долго еще искали они новых путей для эскалации террора, насилия, контрреволюционных мятежей в ненавистные им демократические страны. И только в октябре 1959 года в Мюнхене, где некогда началась фашистская карьера Гитлера, закатилась кровавая звезда его пособника — Бандеры. Этот хорошо одетый лысеющий господин был убит цианистой пулей. Пулей-плевком, отравленной тем самым ядом, который выбрал, уходя из жизни, обанкротившийся фюрер.

Глаза господина с измененной фамилией (официально он уже давно перестал называться Бандерой) застыли, сохранив ту самую диковатую сумасшедшинку, которая пугала своей жестокостью даже самых близких его друзей. Впрочем, были ли они настоящими друзьями?.. Что значила дружба в том лагере, где сама совесть считалась всего-навсего химерой?

Причина, по которой был «убран» собственными друзьями Бандера, заключалась в том, что он завел торг с другими западными разведками.

Вообще на международной бирже шпионов перемена хозяйина — дело не новое, да и сам Гелен продал

всю свою диверсионно-разведывательную сеть на корню Соединенным Штатам. Но своему холую Бандере Гелен оставлял только одну-единственную перспективу, без выбора: слепо во всем повиноваться. Карта мухлюющего фашистского агента была бита...

Прав был Ковпак, называвший бандеровцев еще в 1943 году весьма точно и просто: «ошметками Петлюры». И прав, глубоко прав был комиссар Руднев, с горечью опасавшийся, что украинский народ своей собственной кровью будет расплачиваться за грязную игру бандеровцев с германским фашизмом.

История подтвердила эти догадки.

ЗНАМЕНОСЦЫ

Отшумела, отгремела Отечественная война. Стали историей те события, которые недавно еще были повседневной героической жизнью миллионов советских людей, сражавшихся за свою Отчизну.

Разлетелись ковпаковцы по родным гнездам. Спешили найти свое место в мирном, тоже нелегком труде, чтобы поскорей восстановить все, что разрушено было захватчиками.

Сам дед Ковпак по праву представлял народную, трудовую власть в Киеве — в Президиуме Верховного Совета родной своей республики.

А молодой генерал Вершигора стал преподавателем Академии Генерального штаба, автором уникальных трудов по истории народно-освободительных войн. Сумел он осуществить и многие свои литературные задумки, начиная с книги о ковпаковцах — «Люди с чистой совестью». Потом пришла пора инсценировать ее. Поставлен был спектакль.

И вот многие ковпаковцы, во главе с самим Сидором Артемовичем, сидят в столичном театре имени Ермоловой. Удивительное это чувство, когда раздвигается занавес и ты вдруг видишь на сцене самых родных, самых дорогих тебе людей. Вот дед Ковпак, только что прилетев с совещания на Большой земле, рассказывает своим хлопцам о Москве, о Кремле, где обсуждался план дальнейшего развертывания партизанского движения. Вот будто заново ожил комиссар Руднев... И хоть сам Семен

Васильевич погиб еще в сорок третьем году в Карпатах — все дальнейшие рейды он незримо прошел с ковпаковцами. Ведь настоящий друг остается навсегда рядом, даже если он убит в бою. Такие люди, как свет далеких звезд, который доходит до нас сквозь расстоянья лет, когда сами звезды погибли.

Конечно, партизаны, преодолевшие не одну тысячу километров вместе со своим любимым комиссаром и мудрым дедом Ковпаком, знают о них во сто крат больше, чем это возможно показать в одном театральном спектакле, или в одной, пусть даже самой хорошей книге. С ревнивой настороженностью следят герои за каждым словом, сказанным об их боевом прошлом. И пусть солдатская память с неистребимой профессиональной точностью фиксирует продиктованное законами театрального искусства сопряжение двух боевых эпизодов в один. Пусть иногда в фигуре одного сценического героя ты узнаешь характерные черты, повадки и словечки двух, а то и трех своих побратимов — никто из них не потерял от этого.

Художественный синтез, без которого немислимо подлинное искусство, даже в жанре документальном, заставляет прежде всего анализировать жизнь — характеры, события, самую атмосферу эпохи. Ну, а Петр Петрович Вершигора — лауреат Государственной премии, писатель, давший своим ближайшим боевым товарищам (и многим другим людям) этот предметный урок, сам тем временем был весь в новых замыслах: мемуары, романы, сценарии, научные исследования!..

Увы, многое из того, что задумал этот талантливый, влюбленный в жизнь человек, не удалось ему осуществить: прожил он недолго, всего пятьдесят восемь лет, оставив целую библиотеку незаконченных рукописей. Но всего обидней, пожалуй, что он не успел осуществить свой самый заветный творческий замысел — написать пьесу о Ленине.

Он часто говорил близким друзьям:

— До сих пор в пьесах и сценариях, где показан Ильич, он все-таки участвует только в отдельных, немногих эпизодах. Его присутствие мы ощущаем как бы отраженно — в поступках, мыслях, устремлениях других людей. А я мечтаю написать пьесу, в которой бы Владимир Ильич жил все время на глазах у зрителя. Чтобы он

проявил свою удивительную индивидуальность многогранно и по-человечески просто. Хочу показать Ленина в жизни!..

И Петр Петрович Вершигора мог бы создать такой живой, многогранный сценический образ Ильича, потому что сам был не только одаренным художником, глубоко понимающим законы искусства, но и настоящим большевиком-ленинцем, служащим великому делу революционного преобразования жизни...

Ковпаковец и верный помощник военного разведчика «Лезвия», Владимир Зеболов, закончив свой боевой путь, вернулся опять на Брянщину — в родной Новозыбков. Поступил там в пединститут, на исторический факультет. Видно, сказалось старое, еще довоенное увлечение историей, теми движущими общество законами, которые обновляют и преображают мир.

Взялся Зеболов за науку так увлеченно, что с отличием кончил институт. В числе лучших выпускников, его направили в Московский государственный университет — на годовичные курсы по подготовке преподавателей истории партии. И с тех пор Зеболов работает в своем Новозыбковском пединституте много лет.

Владимиру Акимовичу присвоили без защиты диссертации звание кандидата философских наук — «гнорискаузэ», как говорят в ученом мире (по заслугам). А это — высокая оценка!

У этого человека с лихой, отчаянной биографией — строгое лицо аскета и светлые глаза, пронзительно глядящие из-под массивных надбровных дуг. Русые прямые волосы зачесаны аккуратно, одежда с иголки — только поражают на мгновение короткие, с кулечками, рукава пиджака. Но все корректно, мужественно, просто в этом облике.

— Вот так!.. Уже добрых два десятка лет преподаю историю нашей партии, и думаю, лучшей работы на земле нет! — признался он однажды, когда мы были у него в Новозыбковском пединституте. Главное, самое интересное в нашем преподавательском деле, что наглядно видишь результаты своего труда. Начнешь проводить первый семинар со студентами и чувствуешь: люди еще многого не понимают в жизни, не только в науке. А пройдет два-три года, и ребят этих просто не узнаешь! Вооружены интеллектуально, черти! Умные, с кру-

гозором, деятельные. В общем, настоящая смена. Хозяева жизни!

Читает свой курс Зеболов с твердой убежденностью практика, с горячностью борца. Он не просто хороший педагог (хотя и это уже много), но по натуре аналитик, исследователь.

На счету Зеболова, кроме отличного курса лекций, — изыскания о писательском труде знаменитых партизанских командиров Медведева, Вершигоры. Совместно с Петром Петровичем Вершигорой он написал книгу «Партизанские рейды», с исторической точностью отражающую движение легендарных соединений в тылу врага.

Одержимый любовью к своему делу, этот человек успевает все, готов помочь каждому.

Жизнелюбие Владимира Акимовича Зеболова поистине неисчерпаемо и проявляется в жадном интересе к окружающим, в братской гордости за своих друзей, в увлеченности работой, в какой-то особой, ревливой привязанности к родному краю.

— Брянщина — славный край! Навеки сплелись здесь тропы русских, украинских и белорусских партизан, — говорит он. — И у нашего маленького Новозыбкова — громадные промышленные перспективы. Какое строительство тут развернется в недалеком будущем — вы даже представить себе не можете!.. Это будет крупный промышленный центр!

Зеболов «бегает» по всем возможным инстанциям, чтобы кому-то помочь. Хлопочет, чтобы сохранилась память о тех, кого уже нет на свете. «Аллея Петрови-ча» — молоденькие тополя, завезенные сюда из родной Молдавии Петром Петровичем Вершигорой, — это гордость не только Владимира Акимовича, но и всего института: молодые учителя, уезжая после государственных экзаменов на работу в школу, берут по сложившейся уже традиции один саженец с собой... И установление мемориальной доски с именами павших за Родину — тоже дело глубоко личное для Зеболова.

Словом, Зеболов и вправду относится к людям, как скульптор к драгоценному материалу (так охарактеризовал когда-то своего боевого друга архитектор Семен Тутученко).

Насколько щедр Владимир Акимович душевно, мы

убеждались всякий раз снова, когда он тащил к себе друзей, коллег, учеников, влюбленный в них. Много интересных людей показал нам, как свое личное богатство, Владимир Акимович. Но главное, что, болея или радуясь за других, Зеболов сам становился активным действующим лицом каждой такой встречи.

Странствуя когда-то вместе с Зеболовым по родной его Брянщине, глядя его влюбленными глазами на окружающих, Петр Петрович так увлекся этой жизнью, так сроднился со всеми, что тут же, в Новозыбкове, разыскал где-то стенографистку, «оккупировал» рабочий стол своего друга... и написал книгу «Дом родной». Прототипом главного героя в этом романе послужил председатель Новозыбковского райисполкома Николай Сергеевич Орлов, брянский партизан, человек незаурядного мужества и умелый, рачительный хозяин.

— Шутки шутками, братцы, а ведь у нас здесь, в партизанском районе, народ такой, что про каждого коммуниста, пожалуй, можно написать роман! — сказал нам Зеболов. — Вот только объясните вы мне, что это за мода пошла? Начнешь иной раз какую-нибудь книгу читать или журнал — и жизнь вроде наша описана, современная, а характеры и мыслишки у героев такие, что тошнит!.. Словом, жидковатые, поганые душонки! Не понимаю: почему стал исчезать из наших пьес и фильмов коренной, сильный русский характер? Зачем его исконные свойства подменяют какими-то другими, фальшивыми? Похоже на то, что некоторые наши литераторы даже побаиваются слова «русский»! Что это, скромность? Не ложна ли она? Владимир Ильич Ленин гордился великим русским народом. И молодежь наша должна воспитываться на лучших национальных традициях, — заключил он. — Но без национализма, конечно. По-ленински.

Мысли эти, видно, волновали Владимира Акимовича давно. И как всегда, говоря о нынешнем, настоящем, он невольно обратился за сравнением к своему прошлому, к боевому опыту:

— У нас в соединении были украинцы и белорусы, грузины и армяне, поляки и венгры. Были русские. Были немцы-антифашисты. Словом, настоящий интернационал. И всем мы верили, как братьям!.. Вот что должно быть всегда нормой в нашей жизни.

Когда Андрея Цимбала после демобилизации спросили в ЦК партии Украины: «Чем вы думаете заняться теперь?», — он ответил:

— Пахать землю буду.

Ведь по призванию Андрей Цимбал — хлебороб, как Матющенко, Мурашко, Черток и еще многие другие ковпаковцы.

Родился Андрей Калинович и вырос на Кировоградщине, на самом берегу седого Днепра, в живописном селе Табурище. С восьми лет, оставшись без отца, начал батрачить. А когда в Табурище создали первый колхоз, пятнадцатилетний подросток удивил всех своих односельчан крепкой хозяйственной хваткой и трудолюбием. Здесь, в колхозе, впервые узнал он радость свободного труда, здесь нашел свою новую семью.

За деловитость и сообразительность Андрея вскоре избрали бригадиром. Даже в председатели прочили, не взирая на молодые годы. И быть бы Цимбалу, как пить дать, головой артели, если бы не повестка в военкомат. Андрея призвали в армию.

Провожали его тогда чуть не всей деревней, просили.

— Возвращайся после армии к нам!

Правда, вернулся Цимбал в село уже после войны и не в родной свой колхоз; увезла его бедовая Тоня Васюкова на Сумщину, в Серединабудский район. Там, в знакомых еще с войны местах, пришлось принять Цимбалу под свое командование мирное колхозное «войско» раз в десять побольше, чем его партизанский батальон.

Это было в Большой Березке — той самой, которую фашисты зверски сожгли вместе со всеми жителями. После войны здесь и камня на камне не осталось.

Жить пришлось в землянках... Все начинать сначала... Много сил и энергии отдал Андрей Калинович, но все же поднял на ноги это хозяйство. А потом затосковал по своему родному Табурищу. Поехал в райком партии и сказал:

— Как хотите, товарищи, но отпустите меня домой. Я слово дал землякам...

Подумали в районе и отпустили Цимбала, хоть и жалко было расставаться с таким работником. Уехал он к себе на родину — на Кировоградщину, где в это время как раз начинали строить Кременчугскую ГЭС.

Не терпелось Калинычу увидеть, как придет вода в его родные засушливые степи, как электроэнергия облегчит тяжкий труд хлеборобов.

Приехав на родину, Калиныч первым делом пошел в райком — проситься добровольцем на стройку: руки у него всегда были мастеровые, за всякую работу сами хватались. Но секретарь райкома ответил Цимбалу, что на стройке и без того народу много, — со всех концов страны съехалась сюда молодежь. А вот накормить эту оснащенную мирной техникой многотысячную армию — нелегкое дело. И послали Цимбала как ветерана сельского хозяйства опять в колхоз.

«Узким местом», на которое нацелил Андрея Калиновича райком партии, оказалось довольно-таки обширное хозяйство. Три разрушенных, убыточных фермы: на одной — птица, на другой — свиньи, на третьей — рогатый скот. И отчетность по трем разным хозяйствам одновременно такая сложная, что «сам черт ногу сломит».

Отчетность эту взялась вести жена Тоня, чтобы ее Андрея на первых порах никто не запутал.

— Работать будем удвоих на одну зарплату! — предупредил жену Цимбал. — Бо иначе скажут: семейственность, Цимбал жену к себе на работу принял!

И долгое время на двоих безотказных работников шла одна зарплата, а детей-то у Цимбалов было уже трое, и всех надо накормить, выучить, на ноги поставить.

Только о трудностях, что ждали по началу Цимбала на родине, он не рассказывал никому. Бывало, спросишь его в письме: «Как жизнь?» — он только одно твердит: «Приезжайте, увидите!»

Взяли мы однажды и как раз под октябрьские праздники поехали в Табурище: до Кременчуга, через Харьков — поездом, а оттуда — рейсовым, набитым пассажирами автобусом, аж до самой Кременчугской ГЭС, у которой вырос новый город Светловодск.

Подъезжаем к Светловодску, а он, этот бывший рабочий поселок, оказался, к нашему удивлению, красивей и просторней самого Кременчуга. Спрашиваем у соседей-пассажиров: далеко ли от автостанции до улицы Ворошилова?

— А вам кого надо? — осведомился, повернувшись к нам, шофер.

— Цимбала.

— Калиныча?! — воскликнул он, и лицо его расплылось в улыбке. — Так вы не сходите тут, на конечной, где все сходят. Я вас лично к нему подброшу!

Мы смутились: удобно ли? Ведь это все-таки рейсовый автобус — не такси. Но тут нас начали убеждать сразу несколько голосов:

— Та не сходите вы на конечной! Та, боже ж мой, шоб до Калиныча гостэй нэ пидвэзты!

— Калиныч у нас — один на всю КремГЭС!

Когда мы рассказали Цимбалу об этом маленьком происшествии в автобусе, он признался:

— Везет мне на людей! С людьми я всегда ладил: и там, в Большой Березке, сразу сработался, и тут с земляками своими. Хороший у нас везде народ!.. Недавно, хоть и прирос я уже накрепко к КремГЭС, все же потянуло меня вдруг в Большую Березку — на старых друзей посмотреть.

Он помолчал, вспоминая радость этой встречи.

— Ну, приехал... и давай, значит, «ревизию» своему прошлому труду делать. Хожу, смотрю. Люблю я шастать ночью по всему хозяйству: ночью ноги сами тебе подскажут, где дорога неисправна, где человек может споткнуться. Сами доски напомнят, что пора бы уже и мост подлатать... И теперь, значит, как приехал в Большую Березку, так сразу потянуло меня, по старой памяти, ночью гулять. И что же вы думаете? — Цимбал пожал плечами и вдруг заразительно, чуть не до самых ушей, улыбнулся. — Издалека меня там дежурные на ферме узнали! «То, наверное, — говорят, — Цимбал к нам в гости приехал и ночной обзор делает!»

Можно было подумать сейчас, глядя в его веселые глаза, что эти давние, вынужденные ночные «обзоры» — развлечение!.. А ведь трудился Андрей Калинович точно так, как воевал: без отдыха и срока, не для себя — для людей.

— Самое главное — видеть хозяйство в комплексе, — заключил Андрей Калинович. — Перспективу видеть! А какая и когда мне выйдет должность, я про то ни разу в своей жизни не печалился. Помнил слова деда Ковпака, которые он любил новичкам повторять: «Будь ты хоч сам гэнэрал, бери винтовку и воюй! А там побачим, шо з тэбэ выйдэ».

— Пришлось ему со временем и тут, в Табурище, председателем колхоза поработать... Только недавно, как напомнили опять о себе раны, на должность лесника отпросился, — вставила жена Христина Ивановна (это в партизанские времена она имела боевой псевдоним «Тоня», и в память об этом Цимбалы называли Антониной свою дочь).

— То правда, лечит меня лес! — согласился Андрей Калинович. — Ну, и я его, где могу, подлечиваю. Я ж человек лесной!

— «Лесной»!.. — опять усмехнувшись, сказала жена. — А сколько у тебя всяких нагрузок по общественной линии? И в партбюро колхоза, и в ревизионной комиссии. Не говоря уже про то, что депутат горсовета!

— Это точно! Даже шляпу импортную завел себе, — подморгнул нам, показывая обнову, Калиныч. — Для представительства.

Хоть проговорили мы на радостях за полночь, в четыре утра (еще темень кромешная стояла за окном) Цимбал поднялся и пошел проверить, всюду ли порядок на фермах: было его дежурство.

В брезентовом полушубке, подбитом белой овчиной, в шапке-ушанке из серой смушки, Цимбал сразу преобразился: стал молодым и ловким, будто родился в этой хорошо подогнанной, удобной рабочей одежде. Сейчас ему не хватало для сходства с прежним Цимбалом только одного — автомата на груди, а в остальном он выглядел таким же бравым партизаном.

Вернувшись с ферм (все там было в порядке) и позавтракав, Андрей Калинович начал готовиться к параду. Достал из шкафа специально для таких торжественных случаев приуроченный пиджак, весь увешанный наградами, — даже кресты польские были. Поворчал немножко, что по настоянию сыновей и бедовой дочери «Тони номер два» придется все эти регалии долгонько перевинчивать и перекалывать на другой, новый дорогой костюм...

Наконец, мы отправились все вместе в центр города. Шли пешком долго, наслаждаясь прогулкой и чистым — то ли степным, то ли морским — воздухом и, главное, ощущением общего праздника. Все встречные здоровались, поздравляли друг друга.

Андрей Калинович, натрудив с раннего утра левую

раненую ногу, прихрамывал больше обычного. От этого его походка смахивала сейчас на походку деда Ковпака, носившего такие же боевые отметины еще с гражданской и с Отечественной войны... И говорил Калиныч с людьми, как дед Ковпак: очень коротко и мудро. А главное — стиль работы у Калиныча такой же: деловой и очень человечный в своей немногословной простоте. Сказалась ковпаковская «академия» и в мирной жизни.

По-хозяйски показывая нам «свою» КремГЭС и село Табурище, которые слились в новый город Светловодск, Цимбал невзначай бросал замечания, относящиеся к его депутатским делам: где и что предстоит еще сделать. И из этих коротких, между прочим оброненных, фраз мы постепенно уяснили себе объем его собственной работы. Может быть, мы были немножко пристрастны, но нам казалось: что потрудней — всегда достается ему. Дренажи, чтоб не затопляло город, — ему, его забота. Вымостить улицы села, которое только на районном плане графически отделяется от города, — тоже поручение Калинычу. И ведь любое дело надо не только проверить, но и организовать подчас. Поднять людей!.. Если что-то не ладится, — в область или в столицу республики съездить за помощью. Бывало, Андрей Калинович наведывался и к самому деду Ковпаку, в Президиум Верховного Совета Украины.

Даже «цыганские» дела тоже поручали Калинычу, считая: кто-кто, а уж бывалый партизан сможет и с цыганами договориться. Как-то лет десять тому назад или даже больше (вскоре после указа о запрещении кочевья) пришло в горсовет письмо от одного цыгана, пребывавшего тогда в заключении. Признавая свою вину в уголовном деле, человек этот писал: так и так, мол, разыщите мою жену, она снимает комнату в таком-то доме, у такой-то хозяйки. Наверное, она начнет опять кочевать, раз меня осудили. Со зла не подчинится новому закону! А у нее — пятеро детей. И сама она здоровьем слабая. Поэтому, пожалуйста, дайте ей квартиру и убедите ее по-хорошему: пусть не кочует. Я же своим трудом докажу, что вы помогаете моей семье не напрасно. Клятву даю.

Горсовет принял решение помочь этой семье. Однако к моменту получения письма цыганка уже бродяжила где-то вместе со своими замурзанными и оборванными

детишками. Бывшая квартирная хозяйка не имела представления, где их всех искать.

— Цыгане — что ветер в поле! — ответила на расспросы Цимбала она. — Да хоть бы я и стала допытываться у той цыганки, куда она вдруг собралась, разве ж она правду скажет?!

Но Калиныч уже слово дал другим депутатам в горсовете — эту бездомную цыганку найти и порученное дело довести до конца. Только с чего начать поиски?

Цимбал знал твердо, если поговорить с людьми похорошему, если они увидят, что ты хочешь им добра, — тебя обязательно поймут. Встретив на улице несколько цыган, Калиныч пригласил их запросто в пивную:

— Хочу с вами поговорить, хлопцы! Дело есть важное. Одного вашего собрата касается... — Угостил тех цыган честь по чести, рассказал историю с письмом и попросил: — Найдите эту цыганку! И человеку своему поможете, и мне. А я вас тогда, на радостях, еще не так угощу!

— Найдем, брат! Раз ты такой добрый человек, хоть из-под земли ту женщину достанем! — пообещали ему.

И верно — нашли.

Как-то рано утром Цимбал проснулся от разноглогого крика, казалось, целый табор расположился на улице под его окнами. Быстро одевшись, Калиныч выбежал из дома, смекнув: не подвели новые друзья!

Действительно это кричали, споря о чем-то, цыгане, а среди них была та самая женщина с пятью детишками, которую он искал по поручению горсовета, чтобы дать всей семье хорошую квартиру.

Цыгане, как объяснил Цимбалу один из его новых друзей, сейчас спорят о своей будущей жизни.

— Понимаешь, брат, одни еще не хотят бросать кочевье, а другие говорят: надо по-новому жить! А после твоего разговора с нами все цыгане, кроме нескольких упрямецев, решили: «Если люди здесь так хорошо к нам относятся, почему идти куда-то дальше? Зачем?.. Почему не попробовать жить, как все в этом городе живут?»

И вслед за Калинычем цыгане отправились в горсовет.

Из встреч, даже самых коротких, с земляками Цимбала мы поняли, что здесь — и в Табурище, и в Светло-

водске — относятся к нему, как к другу. Люди твердо уверены: Калиныч никогда не подведет, никого не обидит!

Беседуя с Андреем Калиновичем, его семьей и многочисленными друзьями, мы добрались наконец до главной площади Светловодска, с трудом протискиваясь сквозь праздничную толпу. Рядом — так же озорно и весело, как в этот праздник, — плескалось синее-синее море, созданное трудолюбивыми руками.

Здесь, в молодом Светловодске, с особой наглядностью видится, как город сам пришел в село. Канув в вечность, остался на дне моря вместе с жалкими саманными домишками старый крестьянский быт. И рядом с новым городом выросло новое, современное Табурище. А бывший батрак — потомок вольнолюбивой казачьей голытьбы, ныне всеми уважаемый депутат горсовета Герой Советского Союза Андрей Калинович Цимбал открывал октябрьский парад.

Он шагал впереди колонны, почти не хромя: не щадил ради торжественного случая свою раненую ногу. Шел, как знаменосец нового города, новой жизни, и алое полотнище реяло над его головой. За ним шли мужчины с яркими транспарантами в руках, демонстрирующими техническую продукцию Светловодска. Рядом с отцами старательно вышагивали сияющие ребятишки, держа гроздь воздушных разноцветных шаров. Празднично одетые женщины катили перед собой коляски с малышами. Где-то в веселой, смеющейся толпе шагала дочь Цимбала — студентка с цветами в руках. Шагал старший сын — танкист, отслуживший действительную службу. И казалось, что это идет за Андреем Калиновичем, гордо несущим знамя города, одна большая дружная семья.

Как живую легенду почитают теперь на Урале, в Свердловской области комбайнера Ефрема Елисеевича — Сашу Берсенева.

Окончив лесную академию, славно поработал в полюбившихся ему еще с войны лесах бывший начштаба 1-й УПД Герой Советского Союза Василий Александрович Войцехович — живая история соединения. Немец Роберт Клейн навсегда обрел родину на Орловщине, где уже много лет работает начальником областного Управления

автотранспорта с безукоризненной четкостью и аккуратностью. В родной Грузии трудится Герой Советского Союза инженер Давид Бакрадзе и в родном Узбекистане — бригадир колхоза Сагиб Хайталиев.

Директором столичного кинотеатра «Ударник» стал бывший чекист Иван Яковлевич Юркин. Здесь, в «Ударнике», неподалеку от Кремля, нередко выступают на встречах с молодыми кинозрителями ковпаковцы, а также и представители других партизанских соединений, и, разумеется, герои-армейцы, рассказывая о боевом прошлом...

Всю свою трудовую жизнь посвятили медицине самоотверженные партизанские сестры Юля Устенко и Поля Белоус (ныне Иванова). Жизнь их скреплена чем-то неизмеримо более сильным, чем кровное родство сестер. Это — беззаветное служение своему долгу, служение людям.

И многие, очень многие из ковпаковцев, прошедшие суровую партизанскую школу в тылу врага, стали, как знаменитая разведчица Карповна, педагогами — воспитателями подрастающей смены.

Собираясь теперь на юбилейный слет, где-нибудь в Путивле, Яремче, а то и в Люблине, ковпаковцы с гордостью вспоминают свой боевой путь — от родного Спадщанского леса до высоких Карпатских гор, партизанские дороги в Польше и, наконец, последний, завершающий многолетнюю героическую эпопею рейд по тылам группы гитлеровских армий «Центр».

Недаром Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Петр Ярошевич, выступая в Повятовом Взгуже перед стопятидесятитысячной аудиторией в день тридцатилетия крупнейшей партизанской битвы в Янувских лесах, назвал зарей этой победы приход на Люблинщину ковпаковской дивизии.

Вот почему, как самых дорогих гостей, принимает теперь ковпаковцев польский народ. И всюду мы слышали: — Советский Союз — страж мира! Мы очень ценим ум и гуманность товарища Брежнева! Мы всегда болеем за него: ведь нелегко удержать планету от войны!

Павел Домбек, который вместе с легендарными партизанскими вожаками Мочаром и Корчинским первый организовал сопротивление на оккупированной фашиста-

ми Люблинщине, потом вместе со своими старыми боевыми друзьями строил новую социалистическую Польшу. Здесь, на родной Люблинщине, он стал первым воеводой в послевоенные годы. Здесь он неизменный председатель Збовида — глава ветеранов войны в воеводстве, главный редактор издательства, депутат высшего органа государственной власти в республике — сейма и член его законодательной комиссии; и конечно же, делегат всех съездов Компартии Польши. Нас поразило, как много, точно и плодотворно работает этот нестареющий человек; насколько свежи и глубоки его чувства.

Однажды мы вместе шли по городскому Люблинскому парку, и вдруг Домбек, стесняющийся даже показать в трамвае свое удостоверение на право бесплатного проезда, присев по-мальчишески у газона, сорвал цветок — доверчиво распахнутые «анютины глазки». Любовно положив хрупкий стебель на ладонь, Павел Домбек сказал с нескрываемым волнением:

— Вот символ моей веры. Веры в жизнь!.. Когда я был узником Майданека, я поливал такие анютины глазки перед домом эсесманов. Смотрел на синие глаза моей земли и думал: Польша еще расцветет! Мы победим фашизм!

В тот же вечер, когда Домбек показал нам свой «символ веры», мы побывали в городском театре на концерте художественной самодеятельности, посвященном празднику всех свободолюбивых людей земли — празднику Октябрьской революции.

Студенты университета имени Марии Складовской — первого университета, начавшего работать в послевоенной, покрытой руинами Польше, пели польские и русские, украинские и молдавские песни. Плясали мазурку, краковяк, полонез — прекрасные народные танцы, ставшие затем танцами королей. И в каждом платье, в каждой вышитой многокрасочными узорами рубашке или жилете этих красивых юношей и девушек было столько таланта и любви к жизни, что не верилось: неужели совсем рядом, в каком-то часе ходьбы, кровавые гитлеровские маньяки пытались уничтожить в печах Майданека этот талантливый, трудолюбивый народ?!

Хлебом и розами поминают в Польше героев, павших в борьбе с фашизмом. Символ польско-советского единства — крест Грюнвальда, объединивший старинный рус-

ский и польский мечи в борьбе против немецких псов-рыцарей, стоит теперь на многих братских могилах.

А те, кто ушли из жизни уже после войны, вложив свою лепту в общее дело Победы, тоже не забыты. Среди портретов ковпаковцев мы с радостью увидели в краеведческом музее в Бондыже фото «разжалованного» оккупантами лесника — простого старого рабочего Станислава Сажинского, который вывел ковпаковскую дивизию из вражеской ловушки под Кособудами. Какое хорошее и доброе у него лицо, какой спокойный уверенный взгляд! Мягкие, как у ребенка, пушистые волосы. И лихие гвардейские, чуть завернутые кверху, усы.

— Вот кому мы обязаны всей своей жизнью! — часто вспоминают ковпаковцы. — Вот кому надо поставить памятник!

К своему спасителю издалека наведывались в гости и Вершигора, и другие партизаны.

Кстати, этот краеведческий музей создан руками тех, кто трудится на Бондыжской мебельной фабрике — филиале знаменитой фирмы, обосновавшейся в Замостье и производящей очень популярные у нас в стране элегантные гарнитуры с милым задорным девичьим именем «Ганка».

Гарнитуры «Ганка» в Замойском повяте выданы бесплатно семье каждого ветерана войны. Так активно работает Збовид — «Звензок Бойовников о Вольносьць и Демокрацие», то есть Союз борцов за свободу и демократию.

Активнейшей збовидовкой — неутомимой радательницей о нуждах ветеранов войны стала маленькая разведчица Апполония Пенк (по мужу — Лех), проживающая ныне в Сталевой Воле. Той самой Сталевой Воле, куда она когда-то, рискуя жизнью, ходила по поручению Вершигоры.

На строительство новой, народной Польши уехал вскоре после окончания войны Ярослав Августяк. Он избрал очень мирную, даже прозаическую, но весьма необходимую профессию: зубной врач и протезист. «Обыкновенный» человек, ставший в пятнадцать лет солдатом невидимого фронта, в совершенстве владеющий многими славянскими языками, Августяк прекрасно понимает (как многие в Польше) насущную необходимость дружбы между миролюбивыми народами.

— Когда мы вместе, мы непобедимы! — убежденно говорит он.

По-прежнему живут и трудятся на родной Люблинщине командир группы «БХ», ныне большой дока в деле птицеводства Винцент Зависляк и его пронырливый разведчик, а ныне радиотехник Ян Кава.

Жаль, что нет уже давно в живых Владимежа Менцинского — юного поручика «Владека», помогавшего ковпаковцам захватить авиасигнальный пост. Но зато благодаря «Владеку» и еще многим другим самоотверженным героям расцвела освобожденная земля. И это видно во всем: в заново строящихся сплошь из камня и кирпича деревенских улицах; в любовно реставрированном «старом городе» и новых грандиозных кварталах Варшавы. Но больше всего это бросилось нам в глаза, когда мы увидели древний Краков, населенный студентами. Сама история государства Польского так же, как и великая польская река Висла, берет начало тут, вблизи живописных Татр.

Вступив под своды Ягеллонского университета, в котором, кажется, еще видны следы башмаков Коперника на каменных плитах «Большого корпуса», нельзя не вспомнить, как гитлеровский наместник с поганой лисьей мордой — доктор Франк пытался одним махом разделаться с польской наукой. Он предательски пригласил всех краковских профессоров в королевский замок Варвель и объявил:

— Я пригласил вас, чтобы прочитать лекцию о новом праве. Лекция окончена. Вы арестованы. Наука в Польше больше не нужна.

В ту же минуту фашистские автоматчики плотным кольцом окружили ученых...

И профессора с мировыми именами были повешены, расстреляны или сгорели в топках Освенцима. Того самого Освенцима, в котором томилась и ковпаковские разведчицы: украинка Галя Боженко и полька Мечислава Выжиковска (ныне Грабовска).

А неподалеку от многострадального Кракова, спасенного от гитлеровских мин советскими солдатами, в предгорьях Татр стоит простой, но всем известный деревянный домик в Поронино. Дом, где жил и работал Ленин.

И гранитный Ленин словно шагает размашистой поступью в перспективе новых, пылающих алыми розами

кварталов рабочего Кракова, где построен как братский дар Советского Союза народной Польше крупнейший металлургический комбинат Новая Гута.

Побывали мы и на уникальном краковском заводе «Мадро», что значит «Машины дроговэ». Это — современная многосложная техника, необходимая для строительства дорог. Здесь, в дирекции, работает инженером-экономистом всеми уважаемый председатель заводского общества польско-советской дружбы Владислав Коханьский. Тот самый голубоглазый, чернобровый польский капитан, который неделю кормил и охранял деда Ковпака и Вершигору после их тяжкого выхода из Карпат...

Как братья, приезжают в Советский Союз поляки и венгры, и чехи, помогавшие нашим партизанам.

Получив вторично смертный приговор фашистов, бежал из-под расстрела ковпаковец, а затем участник словацкого восстания Андрей Пальша — ныне журналист.

Чего только не наслушаешься на таких встречах!..

Вспоминают ковпаковцы, невольно улыбаясь, и то, какую печать ставили когда-то на документах. Партизаны сами вырезали ее из картофелины. Кружок, в центре его — пятиконечная звезда, вокруг звезды — надпись: «Смерть немецким оккупантам!» Припечатывала врага она крепко, теперь справки с той печатью — реликвии.

Начинали ковпаковцы, как все партизаны, с малого, но ведь и великие реки в истоках своих — ручейки. Главное — дерзнуть и повести за собой других!.. Вот почему стало музеем лесное урочище Спадщина, где была заложена первая база Ковпака. Вот почему памятны всем места партизанских боев — будь то Лельчицы, Делятин или польское село Кособуды, неподалеку от которого ковпаковцы обнаружили любопытные саперские таблички, предостерегающие оккупантов: «Форзихт, Кольпак!»

Осторожно, господа, внимание — Ковпак!..



**Дважды Герой Советского Союза
С. А. Ковпак, командир соединения
партизанских отрядов Сумской об-
ласти. Полесье, 1943 г.**



Герой Советского Союза
С. В. Руднев, комиссар
соединения. Полесье,
1943 г.



Ф. Д. Матющенко, коман-
дир Шалыгинского отряда.
Полесье, 1943 г.



**Ф. Е. Канавец, комиссар
Конотопского отряда. Сум-
щина, 1941 г.**



**Герой Советского Союза
П. Л. Кульбака, командир
Глуховского отряда, за-
тем командир 2-го полка
1-й Украинской партизан-
ской дивизии им. С. А.
Ковпака. Полесье. 1943 г.**



Штаб Ковпака за разработкой партизанской операции. Во втором ряду (слева направо): начштаба Г. Я. Базыма, помначштаба по разведке П. Е. Брайко, комиссар С. В. Руднев, командир С. А. Ковпак, секретарь парткомиссии Я. Г. Панин. Брянский лес, 1942 г.



Перед выходом (рейд за Днепр). Брянский лес, 1942 г.



Дневка в осеннем лесу. Черниговщина, 1942 г.



Юная автоматчица Нина Созина и помощник Ковпака по разведке П. П. Вершигора. Полесье, 1942 г.



Обсуждение создавшейся обстановки. Слева направо: С. А. Ковпак, С. В. Руднев, пом. начштаба по оперативной части В. А. Войцехович, командир 3-й роты Путивльского отряда Федор Карпенко.



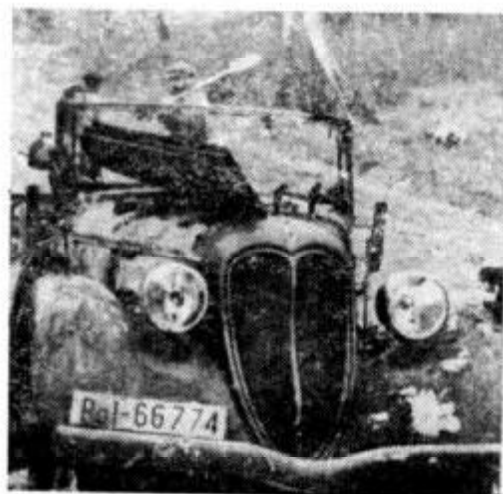
Партизаны 2-й роты Путивльского отряда (слева направо): медсестра Галина Кваша, комроты Андрей Цимбал, старшина Алексей Мазеин, политрук Федор Пшеницын, боец Иван Абдулаев. 1943 г.



Сортировка артснарядов, сброшенных партизанам на парашютах. Брянщина, 1942 г.



Командир кавалерийского эскадрона Герой Советского Союза А. Н. Ленкин (слева) и его любимый разведчик Леня Колесников. Брянщина, 1942 г.



Машина гитлеровцев, нарвавшаяся на партизанскую засаду. Гомельщина, 1942 г.



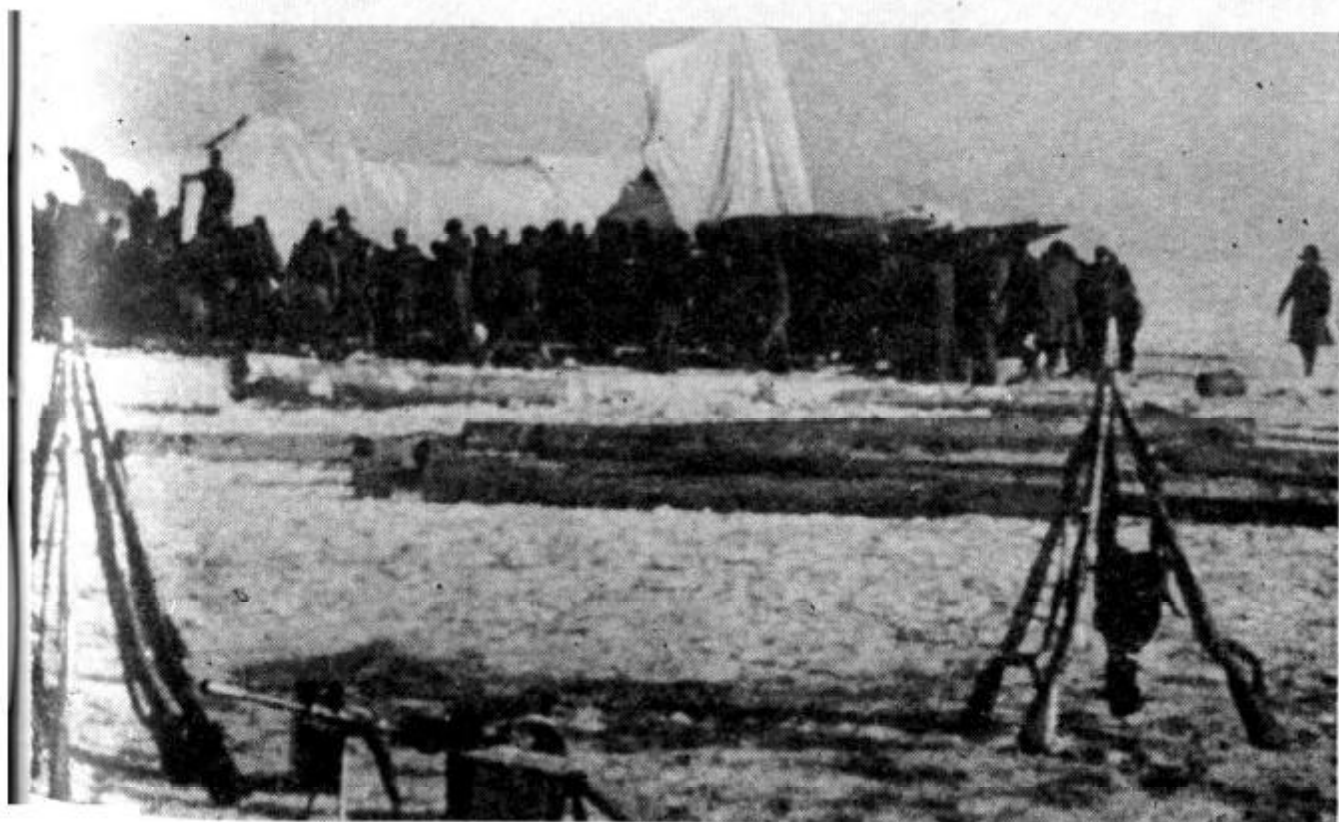
Заместитель командира Кролевецкого отряда В. Г. Подоляко.
1941 г.





Командир 2-й роты Крелевецкого отряда, летчик-истребитель А. Ф. Борисов. Послевоенное фото.

Партизанский аэродром на льду Князь-озера. Белоруссия, 1943 г.





Партизанская разведчица «Карповна» (А. К. Демидчик) со своими дочерьми. Послевоенное фото.



Здание Хойникской комендатуры, куда ходила «Карповна» к чехословацкому подполковнику Йозефу Гусару. Послевоенное фото.

«Карповна» и Гусар на чехословацкой земле. Послевоенное фото.



Разведчик Г. А. Пархоменко, сопровождавший «Карповну» в Хойники. Фото 1943 г.



Чехословацкий антифашист, ковпаковец Андрей Пальша, дважды приговоренный гитлеровцами к смертной казни. Послевоенное фото.



Перед форсированием Припяти (слева направо): боец Константин Мушта, секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко, С. А. Ковпак, С. В. Руднев. Май 1943 г.



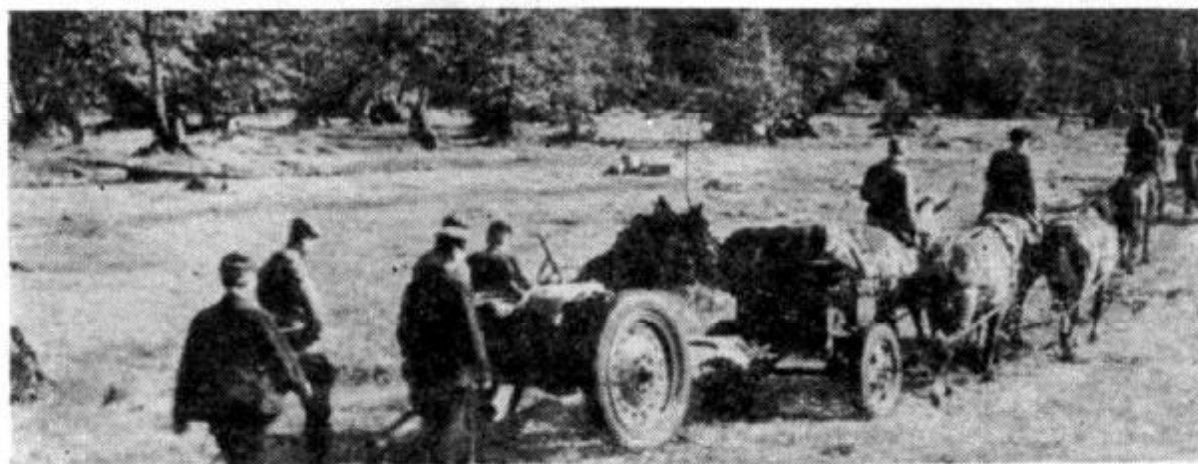
Наводка наплавного моста через реку Припять. Первый слева — Ковпак. Май 1943 г.



Мост готов. Ковпаковцы переправляются через Припять.



Ковпаковская колонна на марше после прорыва из «Мокрого мешка». Май 1943 г.



Партизанская артиллерия.



**В. А. Жуков, разведчик
королевского отряда, затем
командир разведвзвода 7-го
батальона 1-й Украинской
партизанской дивизии. Фото
1945 г.**



**В. Г. Рыкова-Николаева, ра-
дистка.**



**Василий Квитка, партизан из
отряда А. Кривца. Фото
1944 г.**

В. А. Николаев, ковпаковский разведчик, затем заместитель командира по разведке Козелецкого отряда Черниговской области. Фото 1941 г.



Мирная жизнь. Ветеран-ковпаковец В. А. Жуков и главный режиссер Малого театра народный артист СССР Б. И. Ра-венских. Послевоенное фото.



Вручение правительственных наград ковпаковцам. Впереди — начальник Украинского штаба партизанского движения генерал-лейтенант Т. А. Строкач. Во втором ряду (слева направо): С. А. Ковпак, секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко, С. В. Руднев. Полесье, май 1943 г.



Ковпаковцы на отдыхе. Река Уборть, Полесье, май 1943 г.



Размышления о предстоящем рейде. В первом ряду в центре: П. П. Вершигора и секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко (справа). Во втором ряду в центре: С. В. Руднев и Г. Я. Базыма. Полесье, май 1943 г.



**На пути в Карпаты. Впереди — ком-
роты Федор Карпенко. Июнь 1943 г.**



**Неразлучные друзья-разведчи-
ки Дмитрий Черемушкин (сле-
ва) и Федор Мычко. Июнь
1943 г.**



За пишущей машинкой — ковпаковский штабной «архивариус», ныне Герой Советского Союза Семен Тутученко (слева) и минер Викентий Островский. 1943 г.



Разведчик Крелевецкого отряда Григорий Жоголь. 1944 г.



П. П. Вершигора, разведчик Федор Мычко, С. А. Ковпак, С. В. Руднев. На дневке. 1943 г.



Юный разведчик Радик Руднев, сын комиссара. 1943 г.



**Начальник штаба соединения
Г. Я. Базыма (слева) и начальник
штаба Глуховского отряда
И. Е. Лисица. 1943 г.**



**Ковпаковский госпиталь на марше.
Впереди справа — хирург И. М. Сав-
ченко. 1943 г.**

Українці!

У Вашій спільній боротьбі злочинна банда большевистських терористів, які заволоділи і мародуть Вашні міста і села, падає. Вони господарствують і жидять, грабують Вашу худобу і Ваші ниви.

Наша держава є досвідченою заручницею Вашого життя і добра, тому для забезпечення Вашої безпеки зробили вже в заході оборони. В багатьох містах задано банді тамтешні вбивати.

Отже Українці!

Я запевняю Вас, що якщо ви сильно зможете остерегти своїх дітей та їх проводників, зокрема звернувшись до Добровольців Стрількової Дивізії Галанина, які в районі до Яворови, Сасин добровільним мобілізуються до Стрількової Дивізії Галанина, де завжди Ви знайдете велику допомогу. Болшевики, там завжди зберуться цілі села. Слідкуйте за цією бандою, за її членами та пособниками та повідомляйте негайно в кобзарську Поліційну Станцію, і ми гарантуємо Вам подарювати гроші, їжу і одяг у Вашій селі.

На спеціальну цілі банди на призначення

КОЛПАК,

встановлено нагороду в сумі

100.000 ЗОЛОТИХ.

Прочитай і передай другому.

СС-Поліційник
Андрій Галанин

Фашистская листовка, обещающая местным жителям награду за голову «Колпака». Карпаты, 1943 г.



Местный житель, проводник Мыкола Струк объясняет Ковпаку и Вершигоре, как лучше выбраться из вражеской ловушки.



**Ковпаковцы в Карпатах. Впереди —
Г. Я. Базыма. 1943 г.**



**Заместитель Ковпака по хозяйству
М. И. Павловский. 1943 г.**



**А. Н. Ленкин во главе своего кав-
эскадрона. Лошади погибли в Карпа-
тах. 1943 г.**



Командование Кролевецкого отряда — перед боевой задачей (слева направо) сидят: А. Е. Коркишко, П. Е. Брайко, Ф. А. Сивопляс. Стоят: И. И. Токарь, М. А. Никитин, В. А. Жуков. Полесье, октябрь 1943 г.



Разведчики Кролевецкого отряда после выхода из Карпат (слева направо) лежат: Н. В. Алексеев, Н. Ф. Иванов. Сидят: П. А. Кашицкий, Н. Я. Курицын, М. Н. Юркевич, Н. И. Алесич, командир разведвзвода Е. Е. Берсенов («Саша»). 1943 г.



Медсестры и разведчицы Кролевцкого отряда (слева направо) в первом ряду: Е. Лавринец, П. Белоус, И. Руденко, М. Лавринец, О. Могила, П. Левченко. Во втором ряду: Л. Бондаренко, К. Макаренко, О. Метлицкая, М. Кобяковская, Е. Усаченко (последняя неизвестна).



Партизанская пляска. 1943 г.



На отдыхе. В центре в первом ряду— комсорг Кролевецкого отряда Женя Кудрявская и командир отряда В. М. Кудрявский, ее отец. 1943 г.



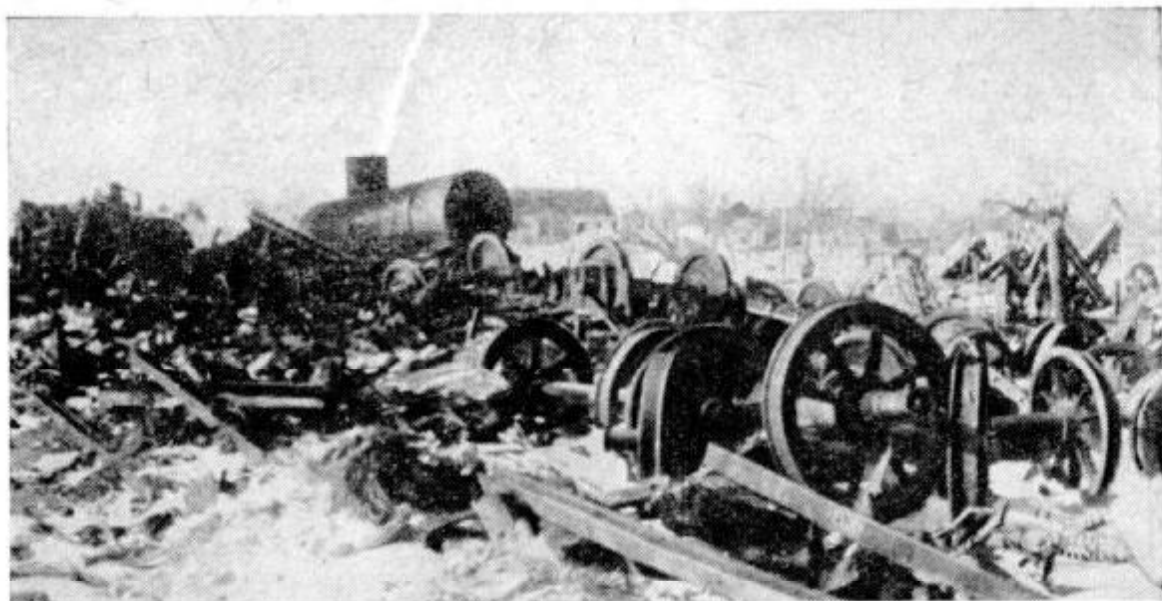
Ковпаковские радисты за работой (слева направо): Анатолий Судаков (стоит), начальник связи Федор Божченко (сидит), Василий Мошкин, Николай Смирнов и Маша Афанасьева.



После выхода из Карпат. Медсестры Проня Сердюк и Катя Приходько с командиром роты (впоследствии комбатом-1) И. Т. Сердюком.



Вот те, кто руководил боевыми действиями ковпаковцев и обеспечивал их всем необходимым (слева направо): начальник медико-санитарного отдела УШПД подполковник медслужбы М. М. Попова, заместитель начальника УШПД подполковник Н. В. Таратуто, Начальник УШПД генерал-лейтенант Т. А. Строкач, начальник оперативного отдела полковник В. И. Бондарев. Киев, 1944 г.



Последняя боевая партизанская операция деда Ковпака — уничтожение фашистских эшелонов на железнодорожной станции Олевск. Ноябрь 1943 г.



Новое командование ковпаковцев [слева направо]: комиссар Н. А. Москаленко, начальник штаба Герой Советского Союза Василий Александрович Войцехович, командир соединения Герой Советского Союза П. П. Вершигора, помощник командира по комсомолу М. В. Андросов. 1944 г.



Герой Советского Союза Р. А. Клейн, политрук, а затем командир разведроты 1-й УПД. 1944 г.



И. Я. Юркин, помощник командира соединения по разведке, затем начальник Особого отдела 1-й УПД им. С. А. Ковпака. 1942 г.



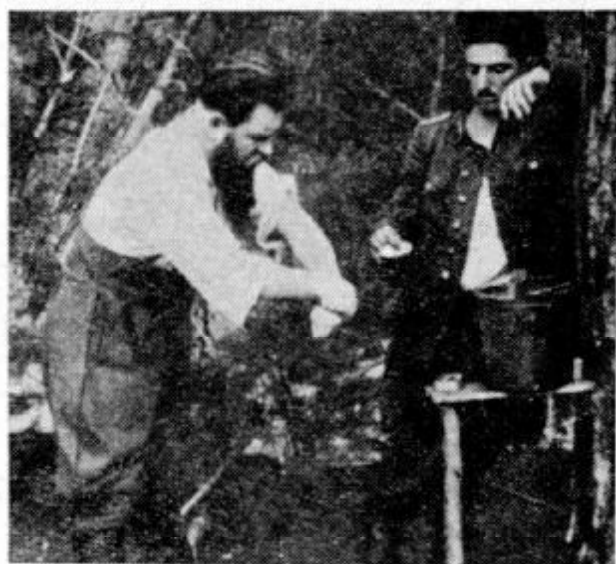
Разведроты 1-й УПД.



**Разведчик Алексей
Журов. 1945 г.**



**Старшая медсестра
Кролевецкого отряда
Поля Белоус (Иванова). 1943 г.**



**Командир 1-й УПД им. С. А.
Ковпака Герой Советского Сою-
за П. П. Вершигора (слева) и
его ординарец Я. В. Жоржоллиа-
ни на отдыхе после марша.
1944 г.**

**Герой Советского Союза
В. А. Войцехович, на-
чальник штаба 1-й УПД
им. С. А. Ковпака. 1944 г.**



**Герой Советского Союза
П. Е. Брайко, командир
3-го полка 1-й УПД им.
С. А. Ковпака. 1944 г.**



**Помощник начальника
штаба 3-го полка 1-й
УПД П. П. Черток. Пос-
левоенное фото.**



В день двадцатилетия ковпаковского соединения (слева направо) в первом ряду: Андрей Цимбал, его жена Христина (партизанская медсестра «Тоня»), Сергей Хвощевский, Петр Брайко, Давид Бакрадзе. Путивль, сентябрь 1961 г.



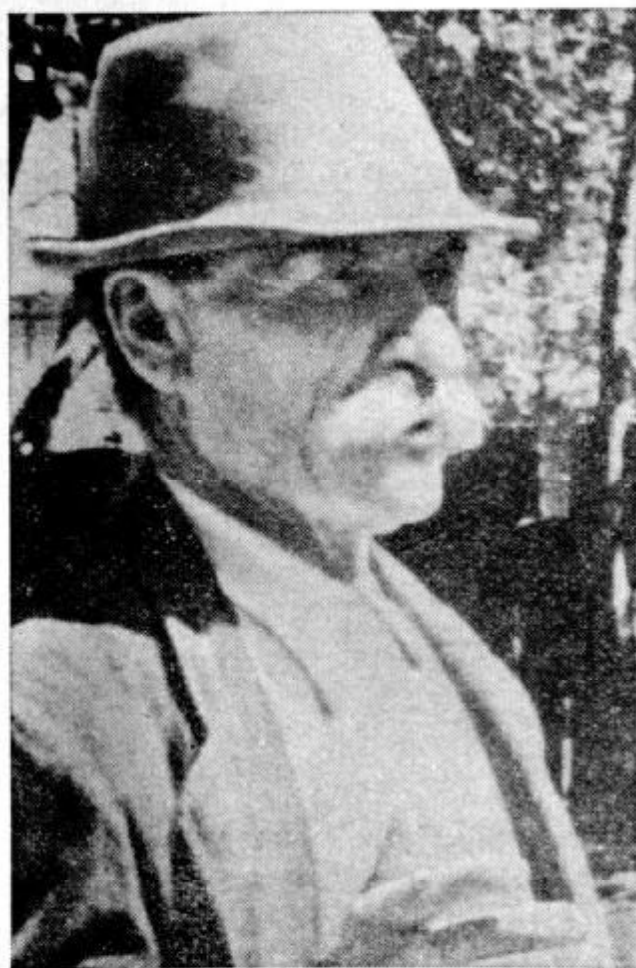
**Возвращение из Польши. Переправа
через Западный Буг. На переднем
плане в центре — П. П. Вершигора.
Апрель 1944 г.**



Награждение партизан орденами и медалями за Польский рейд (слева направо): Г. М. Коровченко, П. П. Вершигора, Д. И. Бакрадзе, М. В. Андросов, И. И. Бережной. Пинские леса, май 1944 г.



Ковпаковцы — Герои Советского Союза, вызванные в освобожденный Киев для получения высших правительственных наград (слева направо): начальник штаба 1-й УПД В. А. Войцехович, командир 3-го полка П. Е. Брайко, командир 1-го полка Д. И. Бакрадзе, командир 1-й УПД П. П. Вершигора, командир 2-го полка П. Л. Кульбака, командир кавдивизиона А. Н. Ленкин.



Станислав Сажинский — польский патриот, который вывел из вражеской ловушки под Кособудами 1-ю УПД им. С. А. Ковпака. Послевоенное фото.



Польский поручик Владислав Коханьский («Бомба»), оказавший братскую помощь ковпаковцам при выходе из Карпат. 1943 г.



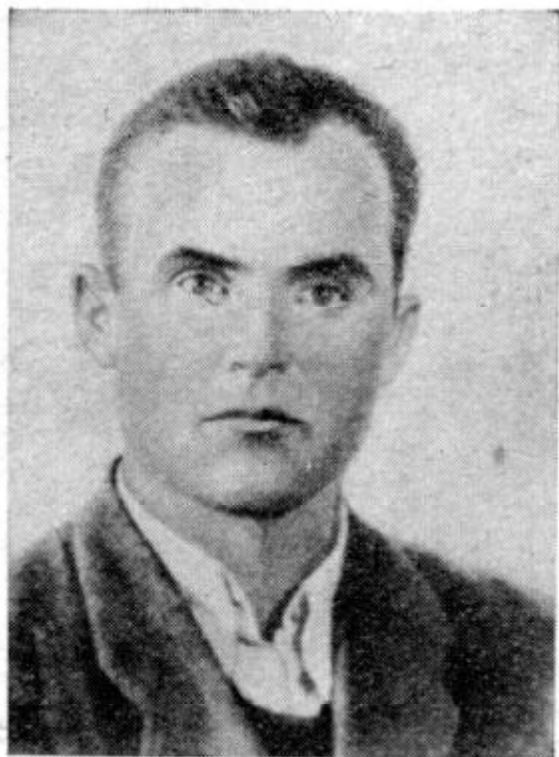
Аполлония Пенк, разведчица польского партизанского отряда Конара, выполнявшая задание Вершигоры. 1945 г.



Юный ковпаковец Ярослав Августяк со своей матерью. Фото 1945 г.



Павел Домбек, организатор подпольно-партизанской борьбы в Люблинском воеводстве. Послевоенное фото.



Винцент Зависляк, командир польской партизанской группы Б/Х, выполнявший разведзадание ковпаковского командования. 1945 г.



Ян Кава, бывший партизан из группы Зависляка. Послевоенное фото.



Двадцать лет спустя — у входа в ковпаковскую штабную землянку (слева направо): С. А. Ковпак, Г. Я. Базыма, П. Е. Брайко, партизанский врач Д. К. Маевская. Спадщанский лес под Путивлем. 1961 г.



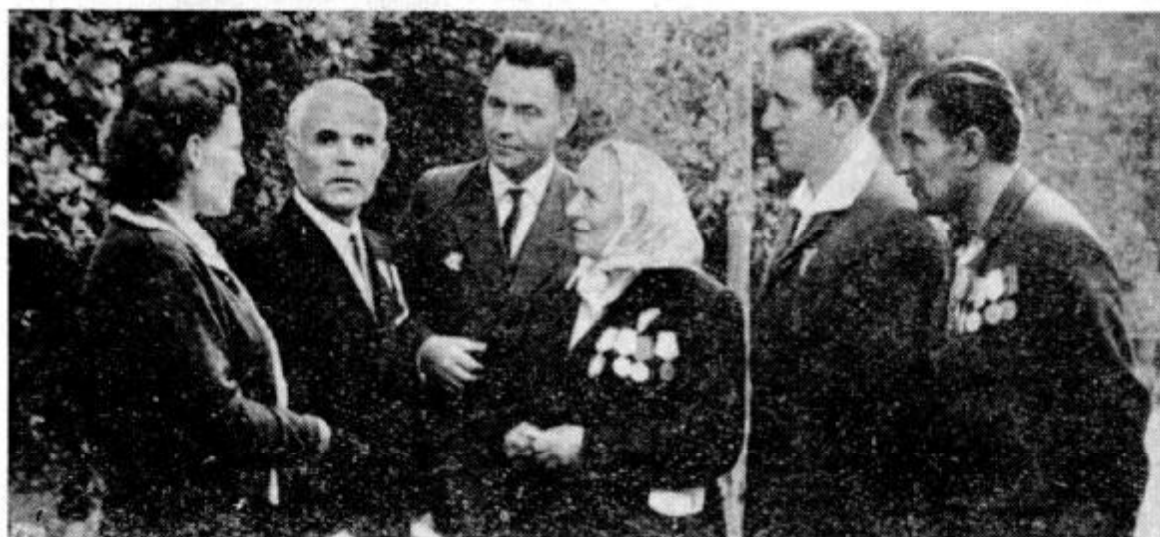
Бывшие разведчики в мирные дни (слева направо): кандидат исторических наук В. А. Зеболов, лауреат Государственной премии писатель П. П. Вершигора, лектор Всесоюзного общества «Знание» Герой Советского Союза В. А. Карасев.



На традиционной встрече ковпаковцы принимают хлеб-соль от жителей карпатской деревни Манявы. На первом плане (слева направо): П. Лучинский, В. Зяблицкий, П. Кульбака, В. Бабичев, Л. Прутковский. 1965 г.



Домникия Даниловна Руднева — вдова легендарного комиссара на партизанской встрече в Спадщанском лесу. 1963 г.



Партизанская семья Лавринцев с боевыми друзьями-ковпаковцами. В центре — Мария Васильевна Лавринцев, бывшая партизанская повариха, (слева направо) ее дочь Екатерина — медсестра, бывший комроты Г. И. Дорофеев, разведчик кавэскадрона П. Ф. Дейнекин, командир разведвзвода В. А. Жуков и самый младший из семьи Лавринцев — разведчик Василий. Послевоенное фото.



Гостеприимная «Гуцульщина» — там, где проходили когда-то с боями ховпаковцы. На переднем плане — Ф. А. Сивопляс, бывший командир роты Кролевецкого отряда, и медсестра Ядвига Плюснина. 1965 г.



Авторы книги П. Е. Брайко, О. С. Калининко. 1975 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ОСОБАЯ ТАКТИКА	7
МАСТЕРА БЛИЖНЕГО БОЯ	28
БЫЛО ДВА ДРУГА	72
ПИСЬМО НА ПАРАШЮТНОМ ШЕЛКЕ	98
СОЛДАТСКАЯ СОВЕСТЬ	124
РОМАНТИКИ	135
ЛЕГЕНДАРНЫЙ «ДЕД»	159
ВЕРШИНА	172
ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ	251
ПОЧЕРК ВЕРШИГОРЫ	310
ПО ТЫЛАМ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР»	420
ЗНАМЕНОСЦЫ	466